

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛЫ VII СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

Часть 1

Аттракторы и идентичности
человека цифровой эпохи.
Образование. Воспитание. Творчество

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 159.9
ББК 88
К63

К63 **КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЯ :**
МАТЕРИАЛЫ VII СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА / под ред.
О.М. Краснорядцевой. – Томск : Издательский Дом Томского государственного
университета, 2017. – Ч. 1: Аттракторы и идентичности человека цифровой эпохи.
Образование. Воспитание. Творчество. – 274 с.

ISBN 978-5-94621-668-5

Издание содержит материалы VII Сибирского психологического форума «Комплексные исследования человека: психология», проведенного в Национальном исследовательском Томском государственном университете 28–29 ноября 2017 г., и состоит из двух частей. В часть 1 вошли сообщения, отвечающие тематике «Аттракторы и идентичности человека цифровой эпохи. Образование. Воспитание. Творчество». Часть 2 содержит статьи, раскрывающие тему «Здоровье человека на пути к постинформационному обществу».

УДК 159.9
ББК 88

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-20578).*

NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH
TOMSK REGIONAL DIVISION OF RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY

**COMPREHENSIVE STUDIES OF HUMAN :
PSYCHOLOGY**

**PROCEEDINGS OF THE VII
SIBERIAN PSYCHOLOGICAL FORUM**

Part 1
Attractors and Identities
of a person from the digital age.
Education, Upbringing, and Creativity.

Tomsk
Publishing House of Tomsk State University
2017

UDK 159.9
LBC 88
K63

K63 **COMPREHENSIVE STUDIES OF HUMAN: PSYCHOLOGY :**
PROCEEDINGS OF THE VII SIBERIAN PSYCHOLOGICAL FORUM / Ed.
O.M. Krasnoryadtseva. – Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2017. –
Part 1. Attractors and Identities of a person from the digital age. Education, Upbringing, and
Creativity. – 274 p.

ISBN 978-5-94621-668-5

The issue contains the proceedings of the VII Siberian Psychological Forum “Comprehensive Studies of Human: Psychology”, which took place at the National Research Tomsk State University on 28-29 November 2017, and consists of two parts. Part 1 includes reports corresponding to the topic “Attractors and Identities of a person from the digital age. Education, Upbringing, and Creativity”. Part 2 contains publications covering the topic “Human health on its way to the post-informational society”.

UDK 159.9
LBC 88

*The event was held with financial support from the
Russian Foundation for Basic Research (project № 17-06-20578).*

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУЛЬТИФАКТОРНЫХ ПРОФИЛЕЙ СТРАТЕГИЙ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

И.В. Абакумова¹, П.Н. Ермаков¹, М.В. Годунов²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² ЧОУ ДПО «Школа Сотворчества», Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: abakira@sfedu.ru; paver@sfedu.ru; godunmv997@gmail.com

*Исследование выполнено в рамках реализации внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-01
«Разработка технологий инициации смыслообразования как компонента современных коммуникативных систем
с целью обеспечения информационной безопасности сети Интернет».*

Аннотация. Предлагается определение двух полярных стратегий смыслообразования: приспособительной и развивающей, что позволяет выявлять особенности их актуализации в ситуациях жизнедеятельности.

Ключевые слова: смысл; смыслообразование; стратегия смыслообразования; свойство личности; семантическая шкала.

В современном быстро меняющемся мире человек вынужден постоянно делать выбор и принимать решения под влиянием актуальных смыслов, мотивов и ценностей, т.е. сталкивается с необходимостью оценивать и отдавать предпочтение. Применительно к ценностно-смысловым категориям, несмотря на их достаточную очевидность, в своих оценках и суждениях человек довольно часто принимает полярные точки зрения. Проблема проявляется в том, что на эмпирическом уровне очень многие психологические конструкты имеют дихотомичную континуумную структуру [9]. Наиболее простым логическим выбором является предпочтение между двумя состояниями как противоположностями в диполе. Под стратегией смыслообразования понимается организованный под влиянием мотивов, потребностей, целей, опыта и субъективных отношений способ формирования и развития системы личностных смыслов для их содержательного и качественного наполнения, отражающий специфику и динамику осуществления индивидом актуализации смыслов в конкретных ситуациях жизнедеятельности [1]. Наличие и единство иницирующего начала, содержательного наполнения и направленности развития смыслов формирует стратегию их образования.

А.Ф. Лазурский при исследовании развития личности отметил невозможность единой личностной типологии, подходящей всем, и предложил классификацию уровней личностной зрелости, отражающей собственное развитие индивида и его деятельность в обществе [6, с. 62–63]: пассивное приспособление к действительности; активное приспособление к действительности; приспособление действительности к себе; реализация общечеловеческих идеалов и творчество «рыцарей Духа». Предлагается при изучении смысловой сферы рассматривать две полярные стратегии смыслообразования [1]:

1) приспособительная стратегия смыслообразования – основанный на формальной и стереотипной предзаданности целей способ организации смысловой сферы, направленный на необходимость компенсации недостатков развития индивида путем подстройки и однообразного движения в слое уже обретенных личностных смыслов под воздействием внешней среды, которая воспринимается как доминирующая и детерминирующая его деятельность;

2) развивающая стратегия смыслообразования – ориентированный на осознание мотивов и порождение актуальных целей способ трансформации смысловой сферы, направленный на формирование перспективных смыслов и своевременную трансформацию их содержания для осуществления возможности личностного роста под влиянием внешних факторов, оцениваемых как преодолимые жизненные трудности при самодетерминации индивидом своей деятельности.

Выявление бинарных смысловых конструктов, показывающих характер взаимодействий, формирует основания для построения категориальных шкал, отражающих действующие предпочтения и стратегии поведения в различных ситуациях. Применение биполярных семантических шкал позволяет перейти к системному изучению ценностно-смысловой сферы и увидеть пути преодоления противоречий развития личности как фазовых переходов между предельными категориями смыслов [3]. Здесь используется явление изоморфизма [2], отражающее взаимную обусловленность системы смыслов личности и совокупности ее свойств, проявляемых во взаимодействиях. С одной стороны, это означает, что личностные свойства выражают только те смыслы, которые присутствуют в ценностно-смысловой сфере и мировоззренческом ядре данной личности – согласно трехуровневой структуре личности по Д.А. Леонтьеву [7]. С другой стороны, под воздействием личностных смыслов формируются особенности взаимодействий и оценок-отношений в различных ситуациях, что выражается соответствующими личностными свойствами как отличительными признаками. Тогда личностные смыслы – это прообразы, а свойства личности – изоморфные образы как производные от смыслов.

Благодаря шкалам личностных свойств устанавливаются особенности их проявления в различных сферах функционирования личности. По данным М. Рокича, ценностно-смысловая сфера регулирует выбор целей и

средств деятельности в соответствии с обобщенными представлениями личности о возможных благах и путях их достижения [10]. При этом личные смыслы как жизненные ценности активируют соответствующие стратегии развития личности. Реализация ее ценностно-смыслового потенциала происходит в трех основных сферах [4, 5, 8]: мировоззренческой; поведенческой и когнитивной.

Для каждой из этих сфер необходимо описание на языке личностных свойств посредством биполярных семантических шкал, структурное строение которых было рассмотрено выше. Свойства личности в таких шкалах являются ключевыми денотатами – особыми метками как индикаторами смысла. На основе наших исследований выбрано девять шкал личностных свойств [3], которые отражают соответственно развивающую и приспособительную стратегии смыслообразования. В каждой шкале три первых слова отражают развивающую стратегию смыслообразования, слово посередине показывает нейтральное состояние, а три последних слова отражают приспособительную стратегию. Эти слова как свойства личности в шкалах имеют семантическую связь со следующими направлениями исследования смыслов: 1) мировоззренческая шкала: самодостаточность, осмысленность, ответственность, незаинтересованность, легкомысленность, небрежность, неорганизованность; 2) поведенческая шкала: уравновешенность, корректность, снисходительность, равнодушие, бравирование, нетерпеливость, неадекватность; 3) вербально-лингвистическая шкала: красноречие, эрудированность, оригинальность, традиционность, однобокость, категоричность, стереотипность; 4) логико-математическая шкала: абстрактность, системность, логичность, линейность, непоследовательность, фрагментарность, шаблонность; 5) визуально-пространственная шкала: образность, выразительность, точность, посредственность, неупорядоченность, разрозненность, диспропорциональность; 6) моторно-двигательная шкала: энергичность, пластичность, подвижность, обыкновенность, рассогласованность, медлительность, пассивность; 7) музыкально-ритмическая шкала: ритмичность, музыкальность, соразмерность, заурядность, ограниченность, зацикленность, монотонность; 8) межличностная шкала: коммуникабельность, доверчивость, доброжелательность, безынтересность, сомнение, недоверчивость, обособленность; 9) внутриличностная шкала: уверенность, спокойствие, внимательность, непритязательность, эмоциональность, раздражительность, мнительность.

Сформированный набор шкал личностных свойств по типу частного семантического дифференциала показывает личностный профиль и отражает наличные стратегии смыслообразования и их особенности.

Система личностных смыслов и стратегий их образования является многогранной и разнонаправленной концептосферой, для изучения которой до сих пор не выработано одной универсальной методики или подхода. В дополнение к разработанным шкалам личностных свойств была подобрана батарея психодиагностических тестов таким образом, чтобы используемые методики охватывали исследуемую область смысловой реальности и дополняли друг друга: тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой) – для исследования содержательных характеристик идентичности личности; тест смысловых жизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева – для исследования факторов осмысленности жизни личности; фрустрационный тест С. Розенцвейга – для анализа поведенческой сферы; тест множественного интеллекта Г. Гарднера – для описания когнитивной сферы.

Эмпирическое исследование психологических особенностей инициации полярного оценивания при различных стратегиях смыслообразования проводилось среди студентов-психологов и студентов-историков 1–3-го курсов Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), а также среди учителей средних школ Ростовской области. Объем выборки составил 145 человек, среди которых была проведена акмеологическая градация по возрастному, гендерному и профессиональному признаку.

Организация статистической обработки и интерпретации эмпирических данных заключалась в следующем. При градации выборки по акмеологическим признакам вычислены коэффициенты линейной корреляции Пирсона среди показателей тестов с выделением статистически значимых величин. Стабильное наличие положительных статистически значимых корреляционных связей ($p \leq 0,05$) обнаружено только для показателя «осмысленность жизни» теста СЖО по Д.А. Леонтьеву. Этот параметр будем считать основным показателем-маркером полярных стратегий смыслообразования; так, осознанность жизни в тесте СЖО отражает осознанную саморефлексию индивида. В выборках по признакам определены средние величины показателей, имеющих статистически значимые уровни корреляционных связей. При градации выборки по акмеологическим признакам для показателей шкал частного семантического дифференциала в случае несовпадения средних величин показателей между разными градациями признака установлена значимость этих различий по критерию Колмогорова–Смирнова.

При градации выборки по акмеологическим признакам в каждой из них произведено разделение выборки на две страты относительно средней величины показателя-маркера «осмысленность жизни»: 1) если у респондента величина показателя-маркера больше его средней величины, то он относится к страте с развивающей стратегией смыслообразования; 2) если у респондента величина показателя-маркера меньше его средней величины, то он относится к страте с приспособительной стратегией смыслообразования. Для каждой страты, отражающей соответствующую стратегию смыслообразования, определены средние величины показателей шкал частного семантического дифференциала. Эти показатели фиксируют параметры психологического личностного профиля полярных стратегий смыслообразования.

Эмпирически полученные показатели девяти шкал частного семантического дифференциала личностных свойств как основа для построения личностного профиля в плане полярных смыслообразующих стратегий представлены следующим образом (в скобках номера шкал):

При градации выборки по возрастному признаку: у развивающей стратегии – для молодого возраста 18–23 лет: (1) ответственность, (2) снисходительность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) пластичность, (7) музыкальность, (8) доброжелательность, (9) внимательность; для среднего возраста 26–56 лет: (1) осмысленность, (2) корректность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) пластичность, (7) музыкальность, (8) доверчивость, (9) внимательность; у приспособительной стратегии – для молодого возраста 18–23 лет: (1) незаинтересованность, (2) равнодушие, (3) традиционность, (4) логичность, (5) точность, (6) обыкновенность, (7) ограниченность, (8) безынтересность, (9) эмоциональность; для среднего возраста 26–56 лет: (1) ответственность, (2) корректность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) точность, (6) подвижность, (7) соразмерность, (8) доверчивость, (9) непритязательность. Более высокие показатели отмечены у развивающей стратегии в сравнении с приспособительной как в молодом возрасте (18–23 года), так и в среднем (26–56 лет). При этом для развивающей стратегии респонденты среднего возраста по большинству шкал имеют показатели более высокие или одинаковые с людьми молодого возраста, за исключением шкалы № 3 – «Вербально-лингвистической». В приспособительной стратегии смыслообразования по всем шкалам выявлены более высокие показатели у респондентов среднего возраста, чем у более молодых.

При градации выборки по гендерному признаку: у развивающей стратегии – для женщин: (1) осмысленность, (2) корректность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) пластичность, (7) музыкальность, (8) доверчивость, (9) внимательность; для мужчин: (1) ответственность, (2) снисходительность, (3) эрудированность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) пластичность, (7) музыкальность, (8) доверчивость, (9) спокойствие; у приспособительной стратегии – для женщин: (1) незаинтересованность, (2) равнодушие, (3) традиционность, (4) логичность, (5) точность, (6) обыкновенность, (7) ограниченность, (8) безынтересность, (9) эмоциональность; для мужчин: (1) ответственность, (2) снисходительность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) точность, (6) подвижность, (7) соразмерность, (8) сомнение, (9) непритязательность. Более высокие показатели выявлены в основном для развивающей стратегии в сравнении с приспособительной у представителей обоих полов, за исключением совпадения по шкалам № 2, 4 у мужчин. В развивающей стратегии женщины имеют более высокие показатели по шкалам № 1, 2 и 8, одинаковые по шкалам № 4 и 5, более низкие параметры по шкалам № 3, 6, 7 и 9, чем мужчины. В приспособительной стратегии мужчины превосходят женщин по всем шкалам, кроме шкалы № 8 – «Межличностной».

При градации выборки по профессиональному признаку: у развивающей стратегии – для студентов-психологов: (1) ответственность, (2) снисходительность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) подвижность, (7) музыкальность, (8) доброжелательность, (9) внимательность; для студентов-историков: (1) ответственность, (2) снисходительность, (3) эрудированность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) энергичность, (7) ритмичность, (8) доверчивость, (9) внимательность; для учителей средних школ: (1) осмысленность, (2) корректность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) выразительность, (6) пластичность, (7) музыкальность, (8) доверчивость, (9) спокойствие; у приспособительной стратегии – для студентов-психологов: (1) легкомысленность, (2) равнодушие, (3) традиционность, (4) логичность, (5) посредственность, (6) рассогласованность, (7) ограниченность, (8) безынтересность, (9) непритязательность; для студентов-историков: (1) ответственность, (2) снисходительность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) точность, (6) подвижность, (7) заурядность, (8) доброжелательность, (9) непритязательность; для учителей средних школ: (1) осмысленность, (2) корректность, (3) оригинальность, (4) логичность, (5) точность, (6) подвижность, (7) соразмерность, (8) доброжелательность, (9) эмоциональность. Более высокие показатели выявлены в основном для развивающей стратегии в сравнении с приспособительной у представителей всех трех профессий, за исключением совпадения по шкалам № 2 и 4 для учителей средней школы. В развивающей стратегии у учителей средней школы выявлены наиболее высокие показатели по шкалам № 1, 2, 4, 5 и 9, а у студентов-историков – по шкалам № 3, 6, 7, и 8. Для приспособительной стратегии наиболее высокие показатели в основном у учителей средней школы, за исключением шкал № 5 и 9 для студентов-историков.

Выявленные показатели страт не совпадают для одной стратегии смыслообразования среди трех градаций выборки по признакам, что может свидетельствовать о наличии акмеологической динамики личностного профиля респондентов. Проведенная стратификация эмпирической выборки, основанная на средней величине основного показателя-маркера «осмысленность жизни», позволяет установить различия в особенностях имеющих полярных стратегий образования смыслов на примере данной выборки. Предполагается, что те респонденты, кто не вошел ни в одну из двух страт, располагаются между «полюсами», так как в основном имеют недооформившуюся стратегию смыслообразования по причине несформировавшихся способов организации и актуализации личностных смыслов или наличия переходной формы смысловых инициаций ситуативного характера.

Данные результаты могут использоваться при разработке технологий направленной смысловой трансляции, формировании смыслодидактических подходов в образовательном процессе различного уровня и направленности, подборе персонала и психологическом сопровождении профессионального и личностного роста сотрудников. Прделанная работа и полученные результаты могут практически применяться преподавателями высшего и среднего профессионального образования, а также повышения квалификации и профессиональной переподготовки, психологами в индивидуальной и групповой работе, специалистами по подбору и сопровождению персонала, руководителями различного уровня.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы предполагают расширение исследования с целью выработки более эффективных технологий распознавания и описания смыслообразующих стратегий на основе многополярного смыслового выбора в условиях неопределенности или акмеологической изменчивости ценностно-мотивационной сферы личности.

Литература

1. Абакумова И.В., Годунов М.В., Енин А.Л., Генердукаева З.Ш. Стратегии смыслообразования: современные представления в работах отечественных исследователей : учеб. пособие. М.: КРЕДО, 2016. 38 с.
2. Абакумова И.В., Годунов М.В. Проявление изоморфизма в смысловой структуре личности // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Сер. 1, Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (19). С. 83–88.
3. Годунов М.В. Ансамбль свойств личности: интерпретация и диагностика биполярных семантических шкал. М. : КРЕДО, 2016. Кн. 1. 365 с.
4. Дьяков С.И. Субъектная самоорганизация личности: психосемантический анализ // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2015. № 1. С. 15–33.
5. Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54), т. 1. С. 148–153.
6. Лазурский А.Ф. Классификация личностей / под ред. М.Я. Басова, М.Н. Мясищева. 3-е изд., перераб. Л. : Гос. изд-во, 1924. 290 с.
7. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М. : Смысл, 1997. 64 с.
8. Пахомова Е.В. Методика диагностики ценностных ориентаций // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2011. № 2 (10). С. 120–134.
9. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М. : Эксмо, 2013. 448 с.
10. Rokeach M. The nature of human values. N.Y. : Free Press, 1973. 341 p.

EMPIRICAL RESEARCH OF MULTIFACTORIAL PROFILES OF MEANING-MAKING STRATEGIES

Abakumova I.V., doctor of psychology, professor, corresponding member of rae, chief researcher, the Southern Regional Scientific Center of the Russian Empirical research of multifactorial profiles of meaning-making strategies. Academy of Education, based at the Southern Federal University. E-mail: abakira@mail.ru.

Ermakov P.N., Doctor of Biology, Academician of RAE, Professor, Director of the Southern Regional Scientific Center of the Russian Academy of Education, based at the Southern Federal University. E-mail: paver@sfsedu.ru

Godunov M.V., Candidate of Technical Sciences, Deputy Director of the Private Educational Institution of Additional Professional Education Co-creation School. E-mail: godunmv997@gmail.com.

Abstract. The article offers definitions of two polar strategies of meaning-making: adaptive and developing, which allows to reveal their features of actualization in life situations. The strategies are considered from positions of the semantic dissonance influencing estimation and the choice of a worrying subject during various interactions. Both strategies, being adaptive by their cognitive nature, reflect existence of qualitative variability of implementation of a personality both in the world of a person, and in the human world. The adaptive and developing strategies of meaning-making include signs of the strategy of life chosen by a person in the form of two main alternatives when symbiotic survival as escape from responsibility to the collective personality is opposed to transcendental autonomy for true personal growth. Approach on the basis of the polar strategy of meaning-making expands possibilities of studying of the organization and the maintenance of the semantic sphere of the personality in the field of psychology of development and acmeology. It allows to investigate more fully and differentially the processes of reorganization of value and semantic spheres of the person at different stages of formation of identity, during various periods of growth. On the basis of isomorphism of meanings and properties of the personality the description of polar strategy of meaning-making by means of the categorical device of personal properties in the form of bipolar semantic scales is offered. Their set as a private semantic differential reveals a personal profile – multifactorial model of conditions of the valuable and semantic sphere. The expressiveness of properties of the personality as the special semantic tags indicators making a personal profile of the developing and adaptive strategy of meaning-making is empirically established. At various combinations of signs of selection they show a multifactorial cut of qualitative content and orientation of transformation of the valuable and semantic sphere of the worrying subject in the course of interactions of various orders. We established the existence of intermediate strategy of formation of meanings based on non-created ways of the organization and updating of personal meanings or the existence of a transitional form of semantic initiations of situational character. The results could be used to develop technologies of the directed semantic translation, formation of didactic approaches in educational process of various levels, staff recruitment and psychological maintenance of professional and personal growth of employees.

Keywords: sense; meaning formation; strategy of sense formation; personality property; semantic scale.

УДК 159.98

ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

М.Р. Арпентьева, О.Н. Дувалина

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
E-mail: mariam_rav@mail.ru

Аннотация. Анализируются социокультурные условия порождения и запрета феномена трансгрессии. Рассматриваются подходы к феномену трансгрессии в концепциях С. Хоружего и других отечественных исследователей, работающих в контексте этического персонализма, полемизирующих и развивающих работы за-

рубежных исследователей духовно-нравственных основ бытия человека. Феномен трансгрессии сравнивается с феноменом трансценденции, отмечается роль десакрализации в возникновении (порождении) и разрушении (запрете) трансгрессии. Акты трансгрессии являются одной из типичных форм реагирования на встречу с Чужим / Иным в новых для субъекта трансгрессии условиях, что дает личности или сообществу возможность продуктивных и эффективных способов адаптации к меняющимся условиям среды, но создает риск деструкции и неэффективности.

Ключевые слова: трансгрессия; сакральное; десакрализация; трансценденция; порождение; запрет.

Сознание современного секулярного общества характеризуется утратой связи с интеллигибельным миром, в иллюзорном измерении которого жило традиционное общество. Постепенное ослабление влияния христианства на жизнь социума не только в определенном смысле способствовало его освобождению, но и повлекло за собой переосмысление религиозного понятия «сакральное» и представлений об интеллекте и разуме. Разочарование в идеалах Просвещения, одним из которых является тотальная рационализация социальной жизни, заставило многих современных философов и мыслителей пересмотреть взгляд на самого человека как *homo sapiens* и перейти к плюралистической концепции человека. Десакрализация, или трансгрессия, – один из феноменов, рассматриваемых в экзистенциализме, сопровождает этот процесс «плюрализации». Благодаря этому трансгрессия обретает две формы: позитивную (трансцендирующую, ресакрализирующую) и негативную (десакрализирующую). «Вектор (тренд) трансгрессии» и «вектор трансценденции» часто совпадают там, где трансгрессия обретает форму ресакрализации: поиск иного отказывается отказом от своего. И напротив, там, где десакрализация не завершается обретением новых ценностей, трансгрессия остается негативной. Трансценденция как реализация принципа предельности подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение синергий, преобразующих человека, размыкающего свою жизнь как тела или личности до жизни общества или души. Трансгрессия может быть как более или менее упорядоченной, так и полностью хаотичной: сама идея отказа от ценностных оснований нарушает «принцип органа», подразумевающий, что каждое событие трансценденции или размыкания мира в себя или себя в мир подчинено строгим требованиям к содержанию и процессу, соответствию их формы и содержания, что позволяет понимать себя, сохраняя непрерывность и целостность жизненного потока не только в состоянии духовного делания, психотерапевтического диалога и т.д., но и в повседневности. С уходом тоталитаризма нравственный кризис не ушел, но только изменил свои проявления. Последние десятилетия следует рассматривать как его новый этап, который едва ли менее опасен, чем предыдущие: его проявления теперь не столь кричаще бесчеловечны, но зато более широки, охватывая уже не изолированные страны, а современную цивилизацию в целом. В последние годы – магической эпохи постмодерна с его тотальной «плюрализацией» как десакрализацией – бесчеловечность отношений интенсивно нарастает: от войн и террористических актов к массовым концлагерям и рабству в самых разных формах, начиная с рабства в образовательных, социальных, здравоохранительных и правоохранительных учреждениях.

В процессе трансценденции / трансгрессии человек выбирает между нормами Бога и нормами мира, сакральным и повседневным. Это иллюстрирует такой феномен, как комплекс Ионы, названный в честь библейского пророка Ионы, отказавшегося от трансценденции как реализации своего предназначения. Книга пророка Ионы – одна из частей Танаха, «малых пророков» Библии. Несмотря на то, что самой истории и пророчеству в Библии отводится совсем немного места, они включены в сборник пророческих книг Библии, поскольку в них раскрываются принципиальные аспекты представления об универсальном значении пророчества и роли пророка, а также о том, как человек сопротивляется развитию как спасению. Пророчесвенно-преобразовательный смысл Книги указан в словах Спасителя (Мф. 12:40, Лк. 11:32): «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаются от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы». Иисус Христос поставил ниневитян примером отзывчивости на слово Божие, показав, что Богом может быть даровано спасение через покаяние всем, включая все нации. Путь развития – един для всех – нравственное усовершенствование: раскрытие этой мысли связано с необходимостью понимания того, что Царство Мессии имеет духовный и универсальный, а не национальный и «избраннический» характер. Как показывает пример Ионы, эта идея усваивалась с большой болезненностью: понимание этого аспекта – идеи избранничества – служит камнем преткновения и пробным камнем практически для всех «истинно» верующих. Выбор «истинности» как Божьей милости, дара духовного и «истинности» как представления о собственных «достижениях» и значимости или о том, что Бог выделил и наделил качеством «сыновности» и «значимости» лишь некоторых, – один из основных выборов нравственного совершенствования, «И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою» (Ион. 4:6). Выбор Ионы – это выбор самореализации или самоуничтожения, символически отображенный как в судьбе поднявшегося над ним дерева, так и всей истории этого пророка.

Трансгрессивный ход отражает феномен предательства: других и самого себя. Иона предал себя, но многие, в том числе библейские пророки, предавали и других. Предательство – один из важнейших феноменов в жизни каждого человека, который можно отнести к разряду транскультуральных и индигенных, изначально присутствующих (облигатных как «непрерывно присущих» или «резидентных»), феноменов человеческой жизни. Предательством обычно называют нарушение верности кому-либо или неисполнение долга перед кем-то (измена, бросание / отказ от детей, апостасия как религиозное отступничество и т.д.). В целом с предательством в качестве жертвы человек сталкивается в той мере, в какой он склонен «излишне доверять» окружающим лю-

ням в ущерб отношениям с Богом. В качестве исполнителя предательства человек выступает, когда отношения с Богом для него становятся фикцией: десакрализация захватывает все новые и новые сферы его жизни. Предательство – преднамеренное причинение вреда (материального, морального или физического) доверившемуся человеку или группе людей. Одно из наиболее ярких предательств – предательство Иуды Искаротиота, с этого момента предателей стали называть Иудами, в само предательство – «поцелуем Иуды», а также предательство Каина, озлобившегося на брата своего из-за того, что тот «больше» любим Богом. Однако первое предательство, отражающее «индигенный» характер данного нарушения, совершилось уже в раю: «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Бытие 3:4, 3:5). Нарушение запрета – предательство Бога – повлекло за собой смерть, которая так или иначе, но постоянно связывает предательство и гибель (духовную, социальную, физическую). Таким образом (культурный) запрет, так же как предписание чего-либо, например инициаций и служения, иных форм трансценденции, несет важную охранительную для души функцию.

Функция предписания людям определенных норм и правил поведения, а также связанных с ними ценностей, пожалуй, является основной в жизни общества. Эти нормы и правила, закрепленные в определенной системе запретов, становятся тем более эффективными и тем в большей степени подчиняют себе, чем более авторитетным является их источник. Из этого следует, что абсолютный характер этим предписаниям может дать лишь их сверхчеловеческое, Божественное происхождение. Поэтому процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания такой системы запретов и предписаний и следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую и сверхсоциальную сферу, которая и будет не чем иным, как сферой сакрального, Божественного. Сакральное, таким образом, осуществляет связь между внешним принуждением, исходящим от социальной среды, в которую включен данный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать те запреты и предписания, которые эта социальная среда навязывает ему. Индивид, входящий в данный социум, должен не просто подчиниться его воле, но и внутренне согласиться с ней. Иными словами, он должен принять те ценности, на основании которых выстроены данные запреты и предписания. Только при согласии большинства членов социума в принятии данных ценностей социум сможет функционировать как таковой, при отказе от ценностей сверхчеловеческого уровня общество разрушается.

Одна из ступеней разрушения – маргинальная личность. «Маргинальная личность (*marginalis* – находящийся на краю) – промежуточное состояние «между», когда человек ощущает глубокий дискомфорт и неудовлетворенность, потому что теряет Цель и Смысл своего существования. От одного «берега» человек ушел, а к другому еще не пришел. Таких людей много в современном мире. О.В. Ивановская пишет, что «от принципа тотального коллективизма и обезличенности маятник социальных отношений качнулся сегодня в сторону предельного эгоцентризма и девальвации социально-культурных ценностей... “золотая середина” маятника – между стадностью, стандартностью, стремлением быть точь-в-точь как все, с одной стороны, и крайним индивидуализмом, гиперэгоцентризмом...» [3, с. 2]. Маргинал живет в мире гетеротопии и гетерохронии, являющихся сутью постмодерна с его лоскутными и симулированными реальностями. В этом контексте «трангрессия – это жест, который обращен на предел» [10, с. 117], «преодоление непреодолимого предела», «опыт – предел», «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» [7, с. 36].

Гетеротопия, по представлениям М. Фуко, есть пространство за пределами всех других, в нем не действуют привычные для общества и личности правовые и нравственные законы, поэтому попадающий в гетеротопию (особенно фронтирную, находящуюся на границе освоенного и неосвоенного им), вынужден адаптироваться к непонятным ему условиям и так или иначе совершать «акт трангрессии», переступать через пределы традиционных, привычных для него и его среды норм и форм поведения – реализации этих норм. При этом акты трангрессии являются одной из типичных форм реагирования на встречу с Чужим / Иным в новых для субъекта трангрессии условиях, что дает личности или сообществу возможность продуктивных и эффективных способов адаптации к меняющимся условиям среды, но создает и риск деструкции и неэффективности. Таким образом, «трангрессия сама по себе не является положительным или отрицательным явлением. Это один из механизмов приспособления к новым условиям существования, которые позволяют человеку или обществу выживать в сложных условиях гетерохронии или гетеротопии» [13, с. 228]. «Не пытаюсь протестом, отталкиванием, он должен научиться жить в мире, т.е. найти мир, найти свое место в мире, найти тишину и согласие, в котором способно осуществиться человеческое существо» [1, с. 15].

Обыденная реальность имеет естественный, системный и самоорганизующийся характер, а условия ее существования определены самой жизнью человека. Однако в разные эпохи и в разных странах «разброс реальностей» внутри реальности, мера лоскутности и территориально-культурно-смысловых и нравственно-идеологических «фронтиров» как зон между освоенным и неосвоенным человеком миром различны. Возникают блуждающие или «мерцающие» границы и описывающие их понятия, концепты и метафоры. Сознание здесь освобождается от власти заданных теми или иными дискурсами траекторий смыслообразования, получает возможность смещать и перемещать перспективы. «По А. Шюцу смысловой градиент любой интенции состоит из темы – области релевантности, схемы – набора наличного знания и горизонта – области доступной типизации» [14, с. 26]. На смену рационализму и монолоскутности приходят мистицизм и множественность смысловых «лоскутов» – реальностей, часть из которых симулякры, часть – обозначения Другости, еще одна часть – Ничто.

Так, как отмечал Ш. Бодлер, опирающийся на идеи Ж. Де Местра, мистицизм выступает как поле между двумя полюсами магнита: «Только достигая глубочайших бездн падения, воображение по противоположности зажигает светоч высочайших идеалов... как свет тем ярче, чем резче тени» [6, с. 160]. «Трансгрессия, в свою очередь, является формой самосознания, которое движется в сторону само-утраты. Точнее сказать, здесь нет никаких сторон... В таком движении нет строгой направленности, но есть берег – предел... Перед нами не просто способ мысли, но способ из-живания мысли, которая, пытаясь уловить себя в движении тотальности, невероятным образом норовит опередить самое себя в самодвижении к абсолютному, чтобы наблюдать собственную смерть» [9, с. 28]. Ж. Батай своеобразно движется в пространстве этого дискурса: «Я определил “Я” как ценность, но я отказался смешивать его с глубинным существованием» [Там же, с. 34, 226]. Он «из-живает эту мысль до предельной крайности». «Систематическое принуждение себя к тому, чтобы ощущать свою отвратительность» [Там же, с. 36], – так Ж.-П. Сартр назвал этот опыт «жесточайшего омерзения» в отношении собственного существования. Он связан с тем, что человек желает того, чего не может не желать, но чему нет и не может быть подтверждения: «Страсть, повелевающая такими играми и страшными сновидениями, – это не просто испущенное вожделение быть “Я”, это вожделение быть Ничто» [Там же, с. 228].

Вообще говоря, трансгрессия нарушает пределы, но не возвращается затем в привычный мир, она открывает путь в неизведанное. «Любой прорыв в познании чего-либо, в раскрытии тайны всегда связан с выходом за границы, с преодолением запрета» [2, с. 12]. А потому «любое открытие... есть трансгрессия, поскольку является выходом за пределы известного, понятного. Чаще всего результат новаторства не получает одобрения... Но идет время, и то, что было недопустимым, становится новой нормой» [4, с. 97] Однако же «преступление предела не есть его отсутствие» [Там же, с. 96], и потому ключевым моментом здесь является тот факт, что в результате трансгрессивного нарушения закона социальный мир не разрушается, но продолжает существовать, поскольку после точечного, конкретного акта трансгрессии человек возвращается в стабильный мир законности, который невозможно пошатнуть единичным нарушением закона, по крайней мере, полностью и сразу, для всех. Существует два противоположных способа прочтения реальности: герменевтика и трансгрессия. Первый путь предполагает интерпретацию, сводящую гетерогенные сюжетные линии и единому смысловому и сюжетному центру, нарративу, к постижению единства и непрерывности жизни. Второй путь предполагает отказ от возможных истолкований и утверждение открытости, множественности и трансгрессивности жизни и ее ситуаций, ее парадоксальности и сложности. «Превращение события, ситуации из повседневного фактора в неповседневную экстремальную ситуацию высвечивает фундаментальный феномен личностного смысла, без учета которого невозможно психологически адекватно определить феномен стресса, экстремальности, травмы и утраты», – пишет М. Магомед-Эминов. Он отмечает также, что «кроме негативно-страдательского лика, который вызывает основной интерес у психологов, экстремальность имеет другую, оборотную сторону – порождает стойкость, мужество, героизм, сострадание, помощь, иллюминацию, рост, развитие, трансгрессию и др.» [5, с. 28]. При этом «экстремальность (Э) определяется в формальных терминах как функция взаимодействия личности (Р) и окружения (S) посредством деятельности (Д) в рамках смысла (С), в том числе транзитного смысла, определяющегося в перспективе темпорально-пространственного разнесения (ТТ), и паттернов связывания (ПС) – паттернов работы: $\text{Э} = f(\text{P}, \text{S}, \text{D}, \text{C}, \text{TT}, \text{PS})$ » [Там же, с. 30]. Это представление позволяет «выделить в экстремальности как форме неповседневности два... модуса – трагическую экстремальность (негативную) и трансгрессивную, эвдемоническую (позитивную) экстремальность... Трагическую экстремальность, трансгрессивную экстремальность и повседневность необходимо рассматривать как целостную констелляцию бытия личности... трагические, драматические, экстремальные переживания и трансгрессивные переживания перехода предела составляют две стороны экстремальности, которая сама как модус бытия личности констеллирована с повседневным модусом бытия» [Там же, с. 31]. «В экстремальной ситуации возникает (является условием возникновения) триадическая структура “расстройство – адаптация – рост”, или в несколько ином ракурсе – “страдание – стойкость – трансгрессия”» [Там же, с. 34]. «В терминах адаптации и развития данная триада приобретает следующие формы: “дезадаптация – адаптация – развитие”. Феномен травматического (шире – экстремального) роста (в том числе посттравматического роста), а также травматической адаптации, стойкости не является сугубо восстановительной работой, а предстает как трансцендентная, трансгрессивная работа... Жертва – мученик, герой – мужественно выдержавший испытание, мудрец – тот, кто достиг просветления, иллюминации, столкнувшись с трагическим, образуют три ипостаси человека в экстремальности» [Там же, с. 36–37] При этом в чрезвычайных ситуациях частый феномен – удвоение личности, при котором «...личность дублируется на... повседневную и неповседневную, ординарную и экстремальную, трансординарную самоидентичности. Противоречия между этими идентичностями, в том числе имеющие ценностно-смысловой характер, в самих инцидентальной и постинцидентальной ситуациях создают как “паразитарные” структуры идентичности, так и структуры ретенции (задержки) трансгрессии и роста личности. Три самоидентичности: самоидентичности жертвы, самоидентичности уцелевшего и самоидентичность роста, – взаимосвязываются, создавая постсобытийную проблематичность существования человека в мире (в страдании, в стойкости и росте)» [Там же, с. 34].

С уходом тоталитаризма широкое распространение практик и установок трансгрессии, «преступания» всех и всяческих норм стало новой формой саморазрушения сообществ. Психоделическая революция на Западе, а в некоторой мере и в России, этический нигилизм, в высокой степени характерный для молодежных субкультур, для авангардного, а затем и новейшего трансавангардного искусства, атмосфера тотальной дозволенности,

господства гедонизма и потребительства в массовой культуре, резкая духовно-нравственная деградация и этическое падение и этический вакуум, возникшие после краха социализма в странах бывшего СССР и других социалистических странах, поставили общество на грань принятия морально-поведенческих стандартов уголовной среды: известные уголовники, не отказываясь от кодексов и всего стиля своей среды, становились публично знаменитыми и влиятельными членами общества, «законы тюрьмы» неявно подменили на рубеже веков законы социальные и претендуют на смещение законов Божественных.

В жизни каждого человека происходит борьба на понижение или повышение: от червя до Бога, от себя к другому и т.д. Говоря о результатах духовных практик и их значении для развития общества, необходимо помнить о плодах Духа в трактовке апостола Павла: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» [5, с. 22–23]. С.С. Хоружий, анализируя становление «постчеловека», отмечает необходимость создания синергичной герменевтики, или герменевтики постчеловеческих трендов («векторов»), которая позволит осмыслить антропологические аспекты трансформации человечества, в том числе в процессе его «втягивания» в техногенный мир, понять тот способ, которым конституируется Человек, роль диалога и встречи «лицом к лицу» [11]. Психотерапия и иные духовные практики помогают понять и освоить этот способ, а также оценить опасность современной антропологической ситуации, состоящей в активной и разносторонней игре человечества «на понижение» (самого себя), трансгрессию и разрыв человеческих, братских или дружеских отношений (отношений любви), замены их отношениями потребления (власти и использования).

О.А. Седакова отмечает роль дружбы между людьми: человек как существо трансцендирующее не совпадает со своей «наличностью» и не осмысляет в полной мере внутреннее, сущностное задание о том, когда, как и зачем выйти из нее, «спасая» саму наличность и открывая ее для встречи с Другим [8, с. 65–66, 79]. Дружить могут лишь свободные люди, способные на «недефициентные», паритетные и зрелые отношения, опирающиеся на нефиктивные жизненные цели (любовь). Дар дружбы в том, что Другой дарит человеку его самого – цельного, дарящего. По О.А. Седаковой дружба не должна смешиваться с отношениями, построенными по образу «кровных» связей, «кровного» братства, предписывающего любовь как компонент социальных связей в семье, или с утилитарными или вынужденными союзами, имеющими внешнюю цель или созданными определенными внешними обстоятельствами (имеющими в своей основе фиктивные жизненные цели). Друг дарит другу возвращение к себе, своей сущности, своему theion и в дар он ждет такого же – своего theion [Там же, с. 41]. Другой стороной нравственного отношения, в том числе в результате духовных практик, выступает свобода: там, где нет нравственности, нет дружбы и свободы дружить, там возникает сплоченность как вариант насильственной синергии (термин С.С. Хоружего), «связанность одной цепью». «В “сплоченности” нет личного внимания друг к другу и участия, уважения, нет свободного и добровольного единства с другими – свободным» [12, с. 782–783]. Духовная практика при этом сочетает аскезу и восторг души, помогает осознанию как понимаю реальности – бодрствование и трезвение человека перед лицом угроз десакрализации и негативной трансгрессии.

Современность дает возможность поиска и создания множества практик, созидающих / постигающих человеческое в человеке, создающих пространство межличностного диалога. При этом основная проблема сегодня состоит в доминировании имитаций и симулякров, десакрализации и «детрансцендентализации». Вместе с тем с начала времен «человек приучался нести не только физическую, но и метафизическую нагрузку, и прежде всего заботу» о «вечных ценностях», о всем том, «что сегодня люди сбрасывают с себя в погоне за собственным комфортом» [11, с. 709]. Имитации возникают там, «где метафизические явления понимаются предметно, овеществляются, где «вечные ценности» – «не более чем предмет, который можно повторить... где сознание отказывается идти на риск» – риск изменений и понимания, риск встречи и любви, риск неопределенности и выбора и т.д. [Там же, с. 709].

Литература

1. Библихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб. : Наука, 2008. 420 с.
2. Зимин В.А. Функция трансгрессии // Психоанализ и искусство / сост. Е.А. Спиркина. М. : Когито-Центр, 2011. С. 11–35.
3. Ивановская О.В. Трансценденция против трансгрессии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 256–268.
4. Каштанова С.М. Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-2 (49). С. 95–97.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 28–38.
6. Нольман М.Л. Бодлер. Судьба. Эстетика. Стиль. М. : Худ. лит., 1979. 316 с.
7. Пугачева Л.Г. Феномен границы как основание интенциональности разума и предметного восприятия реальности // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2. С. 36–41.
8. Седакова О.А. *Moralia*. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV. 505 с.
9. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб. : Мифрил, 1994. 346 с.
10. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С.Л. Фокин. СПб. : Мифрил, 1994. С. 110–132.

11. Хоружий С.С. От синергичной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером // Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергичная антропология. М. : Познание, 2009. 715 с.
12. Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии (к проблеме Постчеловека) // Фо-наръ Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 782–783.
13. Якушенкова О.С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113. С. 219–229.
14. Schutz A. Collected papers / ed. by M. Natanson. The Hague : Martinus Nijhoff, 1962/1973. Vol. I: The problem of social reality. 131 p.

TRANSGRESSION AND TRANSCENDENCE IN PERSONAL DEVELOPMENT

Arpentieva M.R., grand doctor of psychological sciences, associate professor, professor, senior researcher of the department of development and education psychology, K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia. E-mail: mariam_rav@mail.ru

Duvalina O.N., candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of developmental psychology and education, K.E. Tsiolkovsky Kaluga state University, Kaluga, Russia. E-mail: mariam_rav@mail.ru

Abstract. The report examines the socio-cultural conditions of generation and the prohibition of the phenomenon of transgression. Discusses approaches to the phenomenon of transgression in the concepts of S. Horuzhij and other domestic researchers working in the context of an ethical personalism, polemizing and the developing work of foreign researchers spiritual and moral foundations of human existence. The phenomenon of transgression is compared with the phenomenon of transcendence, the role of desacralization in the emergence (creation) and destruction (prohibition) transgression. Heterotopia is the space beyond all others, the space in which there are no familiar laws and regulations to the subject. People entering the heterotopia (especially in frontier), is forced to adapt to new conditions and somehow the so-called act of transgression, i.e. to overstep the limits of the traditional behavior. It raises epistemological significance of the study of heterotopic transgression. The author point out that acts of transgression are a form of reaction to a meeting with an Alien in new for the subject of transgression conditions, which gives him the opportunity to adapt successfully to changing environmental conditions.

Keywords: transgression; the sacred; desacralization; transcendence; product; ban.

УДК 159.9.07

ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕННЫХ И НОВЫХ ГОРОЖАН НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

В.А. Баранова, О.О. Савина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: bva06@mail.ru; savindm2006@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка изучения представленности средовых и пространственно-территориальных факторов в идентичности человека, поиска индикаторов стрессового состояния, детерминированного новыми для человека средовыми условиями.

Ключевые слова: городская идентичность; ценностно-смысловые аспекты идентичности; ресоциализация; адаптация; межгородская миграция; образ «Я».

Переезд в большой город представляет собой серьезную смысловую задачу для человека, особенно в том случае, когда он отягощен рядом обстоятельств, таких как, например, начало самостоятельной жизни вдали от родных, необходимость осваивать новые нормы поведения и требования окружающих, порой разительно отличающиеся от привычных, и т.д. Решение подобной задачи закономерно сопряжено с изменениями представлений, чувств, образов себя, своей личности, идентичности. Теоретическое рассмотрение идентичности ведется в различных областях гуманитарного знания как в отечественной, так и в зарубежной науке [1, 9]. Такие особенности России, как обширность территории, полиэтничность, поликультуральность, а также радикальные социальные изменения обуславливают значительное внимание исследователей к гражданским, этническим аспектам идентичности [1, 6]. В меньшей мере изучены преломления средовых, пространственных, территориальных, экологических факторов в становлении идентичности человека. В зарубежной науке, напротив, активно формируется область урбанистики – «urban study», в том числе конструирование идентичности горожанина [8–10]. Под городской идентичностью понимается совокупность представлений человека о себе как жителя данного города. По сути, это образование, которое конструируется индивидом в процессе социализации, ресоциализации и адаптации в определенной социокультурной среде (городе). Эффективным результатом конструирования является принятие и воспроизводство норм, ценностей, стилевых особенностей жизни, обычаев, правил поведения жителей именно этого города, а также чувство принадлежности к данной территориальной общности. При формировании идентичности происходит идентификация с социальной группой по признаку городской принадлежности. Следует отметить влияние на формирующуюся идентичность «чувства места» – глубокую связь человека с определенным пространством [9]. Это чувство включает также и привязанность к людям – носителям определенной идентичности, с которыми проводишь время в данной среде. При подобном общении и взаимодействии люди усиливают в себе чувство идентичности [10].

Цель и методика исследования. Эмпирическое исследование было направлено на выявление основных элементов актуализации идентичности у молодых людей – коренных и новых жителей большого города – на этапе адаптации и ресоциализации (в случае кардинального расхождения прежних и ныне действующих ценностно-смысловых ориентиров). Для рассмотрения переживаний, самочувствия студентов была разработана ассоциативная методика [5]. В исследовании также использовалась модифицированная методика М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» [3] с последующим контент-анализом для исследования различных аспектов «Образа “Я”» и ценностно-смысловых аспектов идентичности. В качестве респондентов были выбраны иногородние студенты-первокурсники, которым необходимо адаптироваться к жизни в новом городе, как к социокультурным условиям, так и собственно к городскому пространству.

Выборка. В исследовании принимали участие 52 первокурсника МГУ им. М.В Ломоносова (иногородних – 28 человек, москвичей – 24). Группы были выровнены по полу. Первокурсники из других городов проживали в Москве к моменту исследования два месяца. Все студенты имели сильную мотивацию к обучению.

Результаты. Обнаружены два вида переживаний иногородних студентов: первый связан с изменившейся социокультурной ситуацией, второй определяется факторами окружающей среды. Характерные для первого вида переживания располагались в континууме «позитивные–негативные». Позитивные переживания отвечают категориям возможностей (развитие, образование, открытость всему новому), а негативные представлены категориями отрицательных эмоций (тоска по дому, по родным и близким, одиночество). Необходимо отметить, что позитивные переживания отмечались и у студентов-москвичей. Второй вид переживаний был выявлен только у иногородних студентов: все респонденты отметили особенности среды мегаполиса (Москвы) – эта среда является пространством стресса, что выражается в темпоритмических характеристиках, восприятии времени, избыточных потоках информации, особенностях поведения жителей Москвы и т.д. Фактор среды не был отмечен ни одним респондентом из группы москвичей.

Обращение к результатам методики «Кто Я?» было вызвано необходимостью выявления в структуре «Я» стрессового компонента, проведением сравнительного анализа студентов-москвичей и иногородних студентов по данному параметру, а также выявлением ценностно-смысловых аспектов идентичности.

В целом по выборке наблюдается преобладание социально-ролевых самоописаний над персональными, что указывает на приоритетное значение объективного локуса [Там же], который присутствует в идентичности (пол, учебно-профессиональная, семейная, этническая, региональная, мировоззренческая, групповая идентификация). Примечательно, что в обеих группах – москвичей и новых жителей мегаполиса – можно констатировать тенденцию идентификации с социальными, социально-психологическими ролями, т.е. активного самоопределения и поиска своего места в мире, обществе (таблица). Следует отметить, что в группе «москвичи» эта тенденция в большей степени проявилась у девушек, чем у юношей.

Представленность аспектов идентичности у групп «москвичи» и «иногородние»

Описательные характеристики	Аспекты идентичности, %						
	Социальное «Я»	Коммуникативное «Я»	Материальное «Я»	Физическое «Я»	Деятельное «Я»	Перспективное «Я»	Рефлексивное «Я»
Студенты-москвичи							
Всего n ₁ =108	55	8	0	1	14	3	27
Ранг	1	4	7	6	3	5	2
Жен., %	93	100	0	100	93	100	37
Муж., %	7	0	0	0	7	0	63
Иногородние студенты							
Всего n ₂ =113	58	4	0	0	5	5	51
Ранг	1	5	6,5	6,5	3,5	3,5	2
Жен., %	10	25	0	0	40	20	39
Муж., %	90	75	0	0	60	80	61

Вторым по рангу является Рефлексивное «Я», свидетельствующее об осознании себя, своих качеств, характера, собственных эмоциональных отношений и рефлексии по поводу смыслов существования в мире. Этот показатель преобладает у юношей. Деятельное «Я» характерно для девушек больше, чем для юношей. Оно означает представление себя через свои занятия, интересы, увлечения, опыт, понимание собственных способностей к различным видам деятельности.

Коммуникативное «Я» незначительно представлено только у девушек. В данный период времени общение, активные взаимодействия являются скорее пространством потенциальной активности. Данный факт можно объяснить тем, что предыдущий период был посвящен учебе, подготовке к экзаменам и поступлению в вуз, а общение отошло на второй план. Перспективное «Я» также обнаружено лишь у девушек, которые отмечают будущий вектор развития своей жизни в различных (профессиональных, семейных, личных и т.п.) аспектах. Отметим, что данные результаты свидетельствуют о достигнутой определенности целей и сфокусированности на настоящем, т.е. таком моменте жизни, когда следующие жизненные ориентиры размыты, не представлены в самоописательных характеристиках. Физическое «Я» присутствует у девушек в минимальном количестве – это

означает, что в данный период времени для респондентов не являются приоритетным внешность, физические данные, что вполне объясняется «интеллектуальным» периодом их жизни, в котором все усилия были направлены на сдачу экзаменов в школе и университете. Материальное «Я», описывающее отношение к собственности и оценку своей обеспеченности, не выражено, что может быть объяснено не только текущим периодом жизни респондентов, но молодым возрастом, в котором материальная сторона жизни пока является зоной ответственности родителей. Подобные тенденции отмечены и в группе иногородних студентов.

У группы иногородних студентов, в отличие от группы студентов-москвичей, Социальное «Я» в большей мере проявилось у юношей, чем у девушек. Можно предположить, что иногородние юноши демонстрируют большее внимание к отношениям с миром, чем иногородние девушки и московские юноши. Вторым по рангу, как и в случае первой группы, является Рефлексивное «Я», но оно проявляется у значительно большего числа респондентов, чем у «москвичей», что в данном случае свидетельствует о стрессовом состоянии респондентов, вызванном новыми обстоятельствами жизни, новыми отношениями. В данном случае рефлексия себя, своих качеств, характера, отношений к миру является необходимым механизмом вхождения в новую жизненную среду. Перспективное «Я» (образы себя в будущем, отношение к своему будущему) и Деятельное «Я» (представление себя через свои занятия, интересы, увлечения, понимание собственных способностей к различным видам деятельности) присутствует у небольшого количества респондентов, среди которых преобладают юноши. Коммуникативное «Я» выявлено лишь у небольшого количества респондентов.

Итак, сравнивая две группы студентов, можно отметить следующее:

1. В обеих группах преимущественно выражен объективный локус идентичности (идентификация с социальными ролями), выявлены определенные тенденции сходства относительно Перспективного «Я», Деятельного «Я», Коммуникативного «Я». В исследовании практически не проявились самоописания, связанные с физическими (внешность, сила и т.д.) свойствами и материальными аспектами «Я».

2. На уровне тенденции можно говорить о различиях по Рефлексивному «Я» (этот показатель сравнительно больше представлен у иногородних студентов, чем у студентов-москвичей), что указывает на активный период пересмотра идентичности, трансформации отношений системы «Я–мир», переоценки собственных качеств, обретения новых жизненных смыслов. Этот показатель указывает на наличие обыденного стресса (уровень физического ежедневного существования), в котором находятся респонденты в данный момент времени, и актуализацию экзистенциальной проблематики (смыслов жизни).

3. Различия выявлены и в гендерной структуре: в группе «москвичей» (за исключением Рефлексивного «Я») все показатели преобладают у девушек. Во второй группе («иногородние») по всем показателям лидируют юноши. Если в целом методика «Кто Я?» отражает представленность в личностной сфере многообразных жизненных отношений, то можно на уровне тенденции говорить о более многообразных связях с миром у иногородних юношей, нежели у московских. Безусловно, наши обобщения являются предварительными и требуют дополнительных исследований.

Заключение. Москва – самый крупный город в России и на всем постсоветском пространстве; более того, это один из крупнейших мегаполисов в мире, с особой экологией, культурной средой, традициями и нормами общежития. При межгородской миграции (как постоянной, так и временной) зачастую возникает проблема не просто адаптироваться, но ресоциализироваться – кардинальным образом трансформировать сложившуюся в прежних условиях ценностно-смысловую систему и идентичность в новую – жителя мегаполиса. Данная трансформация может иметь триаду последствий [4]: позитивные (личностный рост, трансгрессия, открытие творческих аспектов своего Я и самореализации), нейтральные (адаптация, восстановление прежнего уровня функционирования, сохранение устойчивых связей с прежними представлениями о себе), негативные (травматические, деструктивные тенденции, реакции расстройств, дезорганизации, сопровождающиеся чувствами одиночества, покинутости, раздражения). В нашем исследовании обнаружены различия по аспектам идентичности у студентов-москвичей и у иногородних студентов, выявлены индикаторы стресса у иногородних студентов. В связи с этим необходимо ставить вопрос о предоставлении компетентной профессиональной помощи иногородним студентам первого курса. Для них может быть предложен курс специальных занятий-тренингов, целью которых является освоение методов повышения стрессоустойчивости и расширение репертуара поведенческих стратегий в стрессовых ситуациях (включая приемы саморегуляции, аутогенной тренировки, технологии снижения эмоционального напряжения и управления временем, повышения коммуникативной компетенции).

Психологическая поддержка иногородних студентов, безусловно, должна включать специальные программы по «освоению» города как в физическом плане (например, расположение улиц, инфраструктура и т.д.) так и в психологическом. Результатом последнего должна стать сформированная городская идентичность. Важным аспектом является организация работы по психологической поддержке абитуриентов еще до отъезда их из своего региона [2], что имеет значение для успешного формирования профессиональной идентичности. Именно она является более важным мотивом обучения, чем выгоды или издержки жизни в мегаполисе, поэтому наиболее уязвимыми в плане сложностей адаптации являются абитуриенты (студенты первого курса) с неразвитой или навязанной профессиональной идентичностью.

Литература

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6 (20).
2. Азбель А.А. Механизм адаптации абитуриентов из моноэтнических регионов к среде мегаполиса // Сборник научных материалов участников V съезда Общероссийской общественной организации «Российское Психологическое общество». М., 2012. С. 80–81.
3. Кун М., МакПарленд Т. «Кто Я?» // Психология самосознания : хрестоматия / под общ. ред. Д.Л. Райгородского. Самара : Бахрах-М, 2000. С. 460–462.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2014. № 3. С. 79–91.
5. Савина О.О., Баранова В.А. Средовые условия в формировании городской идентичности новых жителей мегаполиса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, № 2 А. С. 171–180.
6. Терешина М.В., Башмаков И.С. Человек. Сообщество // Управление. 2017. Т. 18, № 1. С. 15.
7. Brewer M.B., Hewstone M. Self and Social Identity. London : Blackwell Pub., 2003. 340 p.
8. Dunn K. Theoris of Identity and Place. Sage Pub., 2004. 240 p.
9. Gooch M. A sense of place: Ecological identity as a driver for catchment volunteering // Australian Journal on Volunteering. UNITEC, Auckland. Nov 2002. URL: http://www.ozcoasts.gov.au/nrm_rpt/pdf/RRR03_Sense_of_place.pdf.
10. Zavestoski S. Constructing and maintaining ecological identities: The strategies of deep ecologists // Identity and the Natural Environment: The Psychological Significance of Nature / eds. by S. Clayton and S. Opatow. Cambridge: MIT Press, 2003. Pp. 297–316.

IDENTITY OF INDIGENOUS AND NEW CITIZENS BY EXAMPLE OF FIRST-YEAR STUDENTS

Baranova V.A., PhD in psychology, senior researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: bva06@mail.ru

Savina O.O., PhD in psychology, associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: savindm2006@gmail.com

Abstract. The study attempts to study the representation of environmental and spatial-territorial factors in human identity, the search for indicators of stress, determined by new environmental conditions for human beings. Methods: In the empirical study we used an associative method, a questionnaire “Who is Me?”. Self-descriptions of students were also studied. The respondents of the research were non-resident first-year students who need to adapt to life in a new city, both to sociocultural conditions and to actual city environment. Results: A comparative analysis of a group of Muscovite students and a group of out-of-town students revealed a similarity in the representation of the “Social” I in the “Image of Self” of respondents and the difference in “Reflexive” I, which indicates an active period of revision of their identities and reorganization of the relations of the system “I am the world”. Differences in the indicator of Reflective Self are an indicator of everyday (physical daily existence), and existential stress (the meaning of life) in which nonresident students are located at a given time. Differences in gender were also revealed. Conclusions: As a result of the study, conclusions were drawn about the existence of differences in the methodology “Who am I?” among students-Muscovites and nonresident students about the existence of an indicator of the stress component in out-of-town students. The prospects for professional psychological help for first-year students are outlined.

Keywords: urban identity; value and semantic aspects of identity; resocialization, adaptation; interurban migration; the image of “Self”.

УДК 159.9.016.5

НОВЫЕ РЕЖИМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.А. Барышев, О.В. Лукьянов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: barishevnp@mail.ru; lukyjanov7@gmail.com

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-70006.

Аннотация. Показаны особенности адекватных условиям сетевой экономики режимов универсальных модулей в условиях нарождающейся экономики знания.

Ключевые слова: предпринимательское действие; ценность; когнитивный работник; аутопоэзис; структурное сопряжение; онтологическое колебание; сетевая экономика; социальное предпринимательство; постфордистское предприятие; жизненный мир.

Введение. Новые обстоятельства, обозначаемые сегодня как сетевая эпоха, требуют понимания новых режимов предпринимательской активности. Поскольку предпринимательство – это деятельность, структура понимания предпринимательской активности как минимум должна опираться на систему отношений (реляционность) мотивации (рефлексии персонажей) и ситуации (рефлексии предмета, объекта деятельности). Концептуально этот уровень подразумевает описание идентичности предпринимателя.

Цель работы: описать новые аспекты идентичности персонажей, осуществляющих технологический прорыв, акторов новой экономики.

Материалы и методы: проведен анализ аспектов предпринимательской идентичности, отвечающих функционалистским и интерпретативным концепциям понимания устойчивости и динамики идентичности. Используются публикации зарубежных социологов, экономистов, психологов.

Результаты: выдвинута гипотеза о качественной однородности современного социального предпринимательства и бизнеса современных сетевых компаний IT-индустрии, основанная на превращении предпринимательской субъективности в общее основание идентичности свойств всех экономических агентов и сетевом характере их взаимодействий.

Структурное сопряжение и онтологическое колебание как универсальные модусы предпринимательского действия. В изучении проблематики идентичности сегодня своеобразной классикой является организмическое понимание феномена идентификации, выраженное, в частности, в теории аутопоззиса Матураны и Варелы. Теория аутопоззиса усматривает основу феномена жизни в постоянном обеспечении соответствия между внешним и внутренним, определяемого как структурное сопряжение (*structural coupling*) [7]. Жизнь с этих позиций представляет собой процесс поддержания идентичности в условиях постоянных изменений во внешней и внутренней среде организма, который выступает одновременно и как процесс преобразования элементов внешней среды в собственное тело живого организма, и как познавательный процесс, поскольку организм постоянно сам «определяет», каким образом решать проблему структурного сопряжения в меняющихся условиях [10].

В свете такой организмической метафоры предпринимательство является когнитивным и преобразовательным процессом, обеспечивающим включение предпринимающего актора в рыночную среду [5, с. 10–12] путем, во-первых, создания им собственной экологической ниши и, во-вторых, специальной организации элементов его внутренней среды. Поскольку эти факторы находятся в постоянном изменении в условиях независимого поведения всех прочих предпринимающих акторов, такое структурное сопряжение реализуется через постоянную перекомбинацию (*recoupling*) элементов деятельности предприятия, что является проявлением когнитивной активности предпринимателя. Иначе говоря, предпринимательская организация «думает» посредством «перетасовки» (*reshuffling*) [Там же, с. 12–13]) элементов своей среды, с помощью которых она практически «осознает» меняющуюся рыночную среду и собственную нишу в ней.

Однако реальный предприниматель сложнее, чем просто организм. Реальное предпринимательское действие в отличие от элементарного процесса структурного сопряжения в органической природе, имеет особый интенциональный и интеллектуальный орган в виде предпринимателя, или предпринимающего актора. Реальная картина когнитивно-преобразовательного действия и идентичности предпринимателя значительно усложняется. Это усложнение состоит в том, что предприниматель осуществляет свои действия, не просто создавая образы внешнего и внутреннего пространства предприятия, но и обрабатывают их с помощью двух принципиально различных наборов интеллектуальных способностей.

Первым набором способностей является функционалистский интеллект, представляющий собой практические знания целесообразного оперирования с наличными объектами и их известными функциями с помощью определенных инструментов. Среди этих объектов и инструментов находятся и люди, включая самого предпринимателя, с их заданными ролями и функциями. С помощью данного интеллекта строится картина функционирования организации «при прочих равных условиях» с одной привилегированной точки зрения. Второй интеллектуальный набор инструментов представляет собой формы интенционального, оценивающего знания, заставляющего интерпретировать внутреннюю и внешнюю среду предприятия, во-первых, с разных точек зрения в рамках пространства предприятия и, во-вторых, с точки зрения разных временных перспектив, относящихся в том числе и к другим акторам, например потребителям [Там же, с. 15–21].

Постоянное перемещение предпринимательского Self, или субъективности [9], в пространственно-временных координатах порождает различные интерпретации состояния дел и выступает источником постоянных корректировок той картины, которую дает функционалистский интеллект. Множественность линий напряжения между функционалистским и интерпретативным знанием, получившая в социально-психологической литературе название онтологического колебания (*ontological oscillation*) [2, с. 63–65], выражает действие и идентичность предпринимателя преимущественно на уровне его предприятия, его «вдействованность» в последнее.

Структурное сопряжение и онтологическое колебание являются универсальными модусами деятельностного осуществления предпринимательской идентичности, представляющего собой предпринимательское действие, предпосылки и результаты которого замыкаются в цикл воспроизводства ценности, обеспечивая сохранение предпринимательской идентичности в ее конкретно-исторической форме. Задача, таким образом, сводится к выяснению особых режимов осуществления названных модусов «действия–идентичности» предпринимателя в тех или иных специфических условиях.

Интеллект как основной производственный ресурс и его оборотная сторона. Специфические условия становящейся информационной и сетевой экономики связаны прежде всего с тем, что ее основным производственным ресурсом являются интеллектуальные способности работника, что отрицает позицию предприни-

мателя в качестве монопольного владельца (в строгом смысле – распорядителя) производственных ресурсов, как это было в предыдущие периоды экономической истории.

Рассматриваемые выше модусы активного воспроизводства идентичности не могут не присутствовать в деятельности интеллектуальных и креативных работников, которые в силу своих специфических знаний обладают определенной независимостью в рамках предпринимательской организации. Последнее обстоятельство радикально отличает их от индустриальных рабочих, полезные функции которых сводились к операциям, описываемым тем знанием, которое полностью принадлежало предприятию. Современное предприятие в значительной степени использует знание, производимое самим работником. Чтобы его создать, работник должен обладать обоими упомянутыми наборами интеллектуальных способностей. Это означает отмену ситуации, характерной для индустриального общества, когда интерпретативное знание выступает привилегией предпринимателя, а для рабочего социально значимым является функциональное знание его производственных операций и обязанностей, что означает не только социальный, но и интеллектуальный характер дифференциации этих экономических акторов.

Соответственно, включение интерпретативного знания в арсенал социально значимых интеллектуальных активов работника должно резко изменить не только характер трудовых отношений на предприятии, но и саму суть предпринимательства на уровне его глубинных процессов, представленных универсальными модусами существования предпринимательской идентичности. И это изменение происходит отнюдь не в соответствии с широко распространенными представлениями об облагораживающем воздействии творческого характера труда на производственную этику и моральный климат в экономике в целом. Как оказалось, оборотной стороной возросшего производственного интеллекта работников и их способности к творчеству в процессе трудовой деятельности выступает набор весьма неприятных, а с точки зрения устоявшейся производственной логики – негативных и подлежащих преодолению путем применения соответствующих инструментов менеджмента, личностных качеств.

При этом, согласно «анализу современных форм жизни», предпринятому П. Вирно, «нигилизм», «цинизм», «оппортунизм», «любопытство» и «болтовня» современных, определяемых как постфордистские, работников являются не столько сугубо индивидуальными, сколько общественно необходимыми и, следовательно, рабочими качествами современных творческих работников [2, с. 103–119]. Это, по сути дела, означает конец менеджмента, который всегда был «черным ящиком» для превращения «плохих» личностных с точки зрения бизнеса качеств людей (лень, жадность, тупость, например) в их «хорошие» социальные качества (исполнительность, лояльность, технологичность). Теперь такой «черный ящик» не работает, поскольку названные «дурные чувства», как их называет П. Вирно, вступают в своем непосредственном виде в производство, которое в постиндустриальную эпоху – когда действия по материальной трансформации исходных ресурсов передаются системе автоматизированных машин – превращается для людей, участвующих в нем, в лингвистически-виртуозную деятельность. В результате работа носителей рассмотренных качеств по большей части приобретает форму их персональных проектов, в которые они самостоятельно привлекают необходимые (прежде всего – человеческие) ресурсы, включающие как других сотрудников предприятия, так и самого предпринимателя путем создания эго-сетей неформальной коммуникации.

Теперь остается только констатировать, что там, где «нигилизм» (талант, состоящий в постоянной готовности к переменам во всем) «цинизм» (отсутствие стабильных целей и ценностей), «оппортунизм» (готовность мигрировать между проектами, участвовать сразу в нескольких одновременно и легко расставаться с ними), «любопытство» (интерес к новым явлениям, событиям, проектам безотносительно собственной потребности в них) и «болтовня» (постоянная включенность в коммуникацию) практикуются виртуозно, креативно и повсеместно, ценностная составляющая возникающего мира оказывается под большим вопросом, что не оставляет уже места иллюзиям прежних гуманистов о грядущей ценности и прозрачности общественных отношений, основанных на свободной индивидуальности.

Аксиологический сдвиг. Превращение индивидуальных качеств в рабочие является основой возвышения предпринимательской субъективности любого участника производственной деятельности над ролевой и статусной идентификацией предпринимателя [3]. Специфика развертывания модусов существования предпринимательской идентичности теперь такова, что структурное сопряжение реализуется на основе приоритета внутренних условий по отношению к внешним, а в онтологическом колебании интерпретативное знание доминирует над функциональным.

Первое из этих обстоятельств означает, что главным направлением предпринимательских усилий является приспособление внешних условий к развившейся субъективности, что выглядит полной противоположностью по отношению к адаптивистским теориям и практикам предпринимательства, господствовавшим на протяжении многих периодов развития индустриального общества.

Второе обстоятельство означает, что воображение, интерпретация действительности с точки зрения своей индивидуальности, своего знания, постоянно появляющихся в обществе новых технических средств («любопытство»), своих связей внутри предприятия и вне его («болтовня»), своего будущего положения в пространстве данного предприятия или любого другого («оппортунизм» и «цинизм») приобретают решающее значение по отношению к функциональному набору как профессиональных знаний и интеллектуальных способностей, так и вообще всяких данностей («нигилизм»), что означает приоритет уникальных и будущих решений по сравнению с существующими и ставшими уже достаточно распространенными.

Сдвиг в субъективности постфордистского рабочего в предпринимательском направлении становится основой аксиологического сдвига в системе производственных отношений. Последний проявляется в том, что работник получает возможность превратить свою производственную активность непосредственно в активность по обустройству своего жизненного мира путем создания собственных планов, связанных с воплощением на базе ресурсов предприятия своих индивидуальных способностей и видений, и формирования своей собственной среды общения по поводу реализации этих планов. Данная ситуация резко отличается от ситуации классического индустриализма, когда идентичность работника была связана с предприятием только теми операциями, которые он выполнял в обмен на элементы его жизненного мира, который в реальности складывался и разворачивался за воротами фабрики. Иначе говоря, производственная активность индустриального работника имела лишь косвенное отношение к ценности его жизненного мира, обеспечивая поддержание последнего товарными ценностями (его элементами), получаемыми в качестве оплаты за труд.

Итак, постфордистские работники получают возможность создавать ценность своего жизненного мира непосредственно в процессе своей деятельности, которая постепенно перестает делиться на трудовую и нетрудовую по мере превращения ее в реализацию их собственных креативных проектов. Это приводит к изменению ориентации бизнеса, который до этого был сосредоточен исключительно на элементах жизненного мира, оставляя заботу об обустройстве этого мира на усмотрение самих работников (теперь уже в качестве потребителей). Новый бизнес заинтересован в непосредственном производстве ценностей жизненного мира. Для этого он предлагает паттерны стилей и образов жизни в качестве ценностей нового рода, без которых производимое креативными предпринимателями и работниками товарное многообразие лишено какого-либо смысла, т.е. ценности.

Интерпретативная ловушка: дилемма предпринимателя. Рассмотренная ценностная трансформация имеет катастрофические последствия для работы предпринимательской организации, если ее владелец продолжает рассматривать работника по-прежнему лишь в качестве носителя рабочей силы, но никак не обладателя предпринимательской субъективности. Такой владелец (назовем его «изначальный предприниматель») оказывается по мере нарастания значимости интеллектуальных ресурсов в ситуации «интерпретативной петли», будучи вынужденным формировать понимание всего своего бизнеса на основании исключительно интерпретаций своих сотрудников, реализующих при этом, как отмечалось, собственные проекты, основанные на их субъективности.

«Интерпретативная петля» означает, что предприниматель утрачивает контакт с «непосредственной реальностью» своего предприятия и взаимодействует не с ресурсами как таковыми, а с их интерпретациями работниками своего предприятия в виде производственных графиков, финансовых планов, заявок на материалы, коммерческих предложений и прочих достаточно субъективных репрезентаций бизнес-процессов. Однако без этих интерпретаций ресурсы предприятия являются мертвыми активами.

С учетом того, что эти необходимые для оживления предприятия смыслы и интерпретации производят сотрудники, характеризующиеся пятью рассмотренными качествами и строящие свои собственные жизненные миры без отрыва от работы в процессе реализации собственных проектов, для владельца бизнеса возникает ситуация, которая может быть обозначена как дилемма предпринимателя. Предприниматель оказывается зажатым между двумя крайностями с негативными для него последствиями: с одной стороны, продолжая вести себя в качестве монопольного обладателя предпринимательской субъективности, он становится провайдером ресурсов для многочисленных проектов своих сотрудников; с другой стороны, пытаясь воспрепятствовать присвоению сотрудниками корпоративных возможностей, предприниматель рискует превратиться во всеобщего надзирателя, который постоянно повышает издержки контроля вследствие изложенного эффекта «интерпретативной петли».

Распространение ценностей жизненного мира на почве новой предпринимательской идентичности. В литературе обозначенная нами дилемма рассматривается не как аспекты жизни одного предпринимателя, а как существование двух типов предпринимателей: «оригинальных» (изначальных) и «производных» [6]. Мы предлагаем рассматривать ситуацию дилеммы предпринимателя как «онтологическое окно» в новую реальность, где предпринимательская идентичность является всеобъемлющим свойством участников хозяйственной деятельности, а не привилегией отдельных лиц. В этом случае предприятие фактически представляет мультиселенные различных личных проектов. Обычное предприятие не соответствует этому пониманию, потому что оно является иерархией, воплощающей интерпретативное знание одного частного предпринимателя (пусть даже в виде корпорации). Связь между такими предприятиями осуществляется через рынок, который определяет рыночную стоимость как особую историческую форму ценности результата предпринимательской деятельности.

Причиной существования этого типа ценности является, таким образом, отчуждение работника от интерпретативного знания. В рассмотренных нами понятиях модусов предпринимательской идентичности рынок обеспечивает структурное соответствие путем адаптации внутренней среды предприятия к условиям внешней среды, а иерархия реализует онтологическое колебание путем перевода желаемого положения предприятия в наличной внешней среде в фактическое. Такие режимы функционирования модусов осуществления предпринимательской идентичности полностью противоречат условиям экономики, основанной на знаниях.

В экономике знаний успех проекта зависит от комплементарности ментальных моделей непосредственных производителей нового знания. Первым сигналом нового режима взаимодействия интерпретативной и функционалистской онтологий в виде мгновенного перевода видения участниками предприятия перспектив его

функционирования в операционные схемы их совместной деятельности стал феномен «устойчивых конкурентных преимуществ» (sustainable competitive advantages – SCA), который противоречил представлениям о выравнивающей силе рынка и потребовал для своего объяснения разработки концепта «ценных, редких, не копируемых и незаменимых ресурсов» (valuable, rare, inimitable, non-substitutable resources – VRIN) [2]. Однако их определение страдало причинно-следственной неоднозначностью (causal ambiguity), поскольку само строилось на наличии у фирмы SCA [2, 8]. По мере развития экономики знания становится очевидным, что VRIN-ресурсы представляют собой уникальные конфигурации ментальных моделей создателей наукоемких и креативных продуктов.

Второй модус предпринимательской идентичности – структурное сопряжение – переводится теперь из режима рыночной трансакции в режим вовлеченности пользователей в новые жизненные миры, производными от которых становятся ценности отмеченных продуктов умных работников (knowledge workers). Поскольку новизна перестает быть дефицитом, фактический переход внутреннего во внешнее совершается на основе преференциальности присоединения потребителей к паттерну одного из предлагаемых стилей или образов жизни с соответствующими им товарами.

Заключение. Теоретическое понимание предпринимательской идентичности как процесса, всеобщими модусами которого являются структурное сопряжение и онтологическое колебание, задает основные линии, обеспечивающие возможности для концептуализации идентичности современного предпринимателя. Теперь это не рыхлое обозначение некоторых свойств самостоятельно и активно действующего субъекта, а вполне определенное обозначение процесса, как раз и делающего этого субъекта активным и автономным. Самоподдержание идентичности этого главного актора экономической деятельности делает предпринимательство ценностно ориентированным.

Превращение ментальных способностей людей в главный ресурс экономического развития привело к превращению предпринимательской идентичности в комплексное свойство всех экономических агентов. С одной стороны, если порядок ценностей в экономике останется прежним, то это чревато огромными коллизиями на базе расширения оппортунизма в погоне за рыночной (традиционной «экономической») ценностью. С другой стороны, по мере развития сетевых, в отличие от рыночных, способов реализации экономических процессов на базе распространения современной предпринимательской идентичности появляется возможность превращения генерируемой в таком случае ценности стилей и образов жизни в основной мотив и цель производства, которое основано уже не на производстве элементов жизненного мира, как это имеет место в рыночной экономике, а на производстве самих жизненных миров или их аспектов.

Поскольку современное социальное предпринимательство и высокотехнологичный бизнес крупнейших IT-компаний, рожденных в XXI в., представляют собой совершенно новый феномен с точки зрения производимых ими ценностей, есть основания предположить, во-первых, наличие их функционального единства, состоящего в генерации образов жизни как их непосредственных продуктов, и, во-вторых, общности структурных свойств этих продуктов как сетевых объектов, предполагающих вовлеченность на базе сформировавшейся предпринимательской субъективности как производителей, так и потребителей (описываемых теперь общим термином – «просьюмеры» – от «producers» + «consumers» [2]) в поддержание их реальности.

Литература

1. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад МаргинемПресс, 2013. 178 с.
2. Вейк К. Смыслопроизводство в организациях. Харьков : Гуманитарный центр, 2015. 320 с.
3. Barney Jay B. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17, № 1. P. 99–120.
4. Baryshev A.A., Kashpur V.V. Entrepreneur's Trinity and its manifestation under conditions of cognitive capitalism // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). 2017. Vol. XXVI. P. 370–379.
5. Chiles T.H., Tuggle C.S., McMullen J.S., Bierman L., Greening D.W. Dynamic Creation: Extending the Radical Austrian Approach to Entrepreneurship // Organization Studies. 2010. Vol. 31, № 1. P. 7–46.
6. Foss N.J., Klein P.G. Original and Derived Judgment: An Entrepreneurial Theory of Economic Organization // Organization Studies. 2007. Vol. 28, № 12. P. 1893–1912.
7. Maturana H.R. Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1, № 3. P. 93–95.
8. Reed R., DeFillippi R.J. Causal Ambiguity, Barriers to Imitation, and Sustainable Competitive Advantage // The Academy of Management Review. 1991. Vol. 15, № 1. P. 88–102.
9. Szeman I. Entrepreneurship as the New Common Sense // The South Atlantic Quarterly. 2015. Vol. 114 (3). P. 471–490.
10. Varela F.J. Patterns of Life: Interweaving Identity and Cognition // Brain and Cognition. 1997. Vol. 34. P. 72–87.

NEW MODES OF ENTREPRENEURIAL IDENTITY

Baryshev A.A., Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: barishevnp@mail.ru

Lukyanov O.V., Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: lukyanov7@gmail.com

Abstract. The peculiarities of identity formation and sustentation among entrepreneurs and other characters, embodying the present technological breakout, are closely connected with the value content of recent social and economic processes and of social specificity of entrepreneurial activity's results and motives under the conditions of network economy or, that is the same, the economy of knowledge. The aim of this paper is to analyze the manifestations of the above designated axiological shift in the transformations of entrepreneurial identity at the micro- and macro-levels of social and economic reality. The micro-level modus of entrepreneurial

action, which is common for all periods of economic history, is the ontological oscillation between entrepreneur's functionalist and interpretative relations to reality. At macro-level entrepreneur's action and identity are characterized by the next, also universal, modulus of structural coupling between entrepreneur's environment and his personal traits and cognitive resources. In the paper the specificity of the new regimes of these universal modes is considered under the conditions of the nascent economy of knowledge.

Keywords: entrepreneurial action; value, knowledge worker; autopoiesis, structural coupling; ontological oscillation; network economy; social entrepreneurship; Post-Fordist enterprise; lifeworld.

УДК 159.9.07

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МЕНЕДЖЕРОВ

Р.А. Березовская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: r.berezovskaya@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10638).

Аннотация. Показана роль атрибутов субъектности личности в изменчивости профессионального благополучия менеджеров.

Ключевые слова: психология профессионального здоровья; субъектность, профессиональное благополучие; ресурсный подход; менеджеры.

Исследование проблематики здоровья в контексте профессиональной деятельности является одним из приоритетных направлений современной психологии и составляет основу самостоятельной психологической дисциплины, получившей название «психология профессионального здоровья» (occupational health psychology), целью которой является изучение социально-психологических и организационных аспектов сложного динамического взаимодействия между работой и здоровьем человека. Профессиональное благополучие может быть рассмотрено как интегральный критерий профессионального здоровья, которое, в свою очередь, выступает в качестве системного свойства субъекта деятельности и не только обеспечивает его работоспособность и эффективность, но и является условием и предпосылкой сбалансированного профессионального развития специалиста во всех условиях протекания профессиональной деятельности [2]. При этом состояние отечественной психологии сегодня характеризуется одновременно растущим интересом к изучению феноменов, описывающих позитивные и ресурсные проявления субъекта деятельности, и недостаточной изученностью их природы. В статье будут рассмотрены некоторые теоретические и прикладные вопросы изучения профессионального благополучия с позиций ресурсного подхода, в рамках которого особое внимание уделяется такому личностному ресурсу, как субъектность.

Феномен профессионального благополучия является относительно новым для психологической науки: в многочисленных исследованиях, представленных в англоязычной литературе, наблюдается существенное разнообразие в терминах, описывающих данный конструкт (occupational well-being, employee well-being, work-related well-being, job-related well-being, well-being at work / workplace). При этом следует отметить, что несмотря на широкий спектр теоретических подходов, содержательно связанных с изучением психологического благополучия личности, эта проблема до сих пор не получила целостного и систематического научного анализа в организационном и профессиональном контекстах [1]. Растущий в интерес к изучению проблемы психологического благополучия начиная с 80-х гг. XX в. обусловлен, прежде всего, активно развивающимися экзистенциально-феноменологическим и гуманистическим подходами к изучению личности и различных аспектов ее позитивного функционирования. Дополнительным толчком для развития данной темы стало появление и развитие позитивной психологии, в том числе позитивной психологии профессионального здоровья, в рамках которой ведутся поиски ответов на вопросы о субъективной природе счастья, благополучия и удовлетворенности на работе.

Последовательный переход от исследования профессиональной деятельности к изучению внутренних условий функционирования личности профессионала в континууме от «негативного» (разрушающего) до «позитивного» (развивающего) наблюдается и в научных публикациях по психологии труда и организационной психологии. Перенос внимания на изучение позитивных аспектов функционирования сопровождается увеличением количества исследований тех психологических конструктов, действие которых приводит к положительным последствиям для здоровья человека в организационном и профессиональном контекстах: состояния потока, сопереживания работе, процессуальной мотивации, экстраролевого поведения, счастья в деятельности и др. Все перечисленные понятия объединяет то, что в их описании присутствуют позитивные установки и позитивные переживания, связанные с деятельностью. Это отражает, с одной стороны, растущий интерес к данной проблематике, а с другой – многообразие принципов и путей исследования, а также неустойчивость концептуального аппарата, который используется в рассматриваемой области.

Профессиональное благополучие может быть определено как результат направленности специалиста на позитивное функционирование в условиях профессиональной деятельности, достигнутый посредством саморазвития личностных качеств, результатом которого является переживание удовлетворенности ее результатами [5]. Оценка и прогнозирование профессионального благополучия менеджеров, на наш взгляд, предполагает в том числе выделение и изучение влияющих на нее факторов. В нашей работе в качестве такого фактора выступает субъектность личности, выбор которой обусловлен особенностями управленческой деятельности в современных условиях. Следует отметить, что, по мнению ряда авторов, современная социально-организационная ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности и изменчивости, обусловленный, прежде всего, объективными процессами глубокой трансформации сферы профессионального труда [4]. Так, например, изменения в характере управленческой деятельности, связанные с существенным повышением требований к гибкости, инновационности, креативности, аутентичности личности руководителя, находят свое отражение в актуализации потребности в развитии субъектных качеств менеджера для его успешной профессионализации; при этом субъектность выступает как одна из ключевых (системообразующих) управленческих компетенций [3]. Субъектность также может быть рассмотрена как стержневой, или «сквозной», интрасубъектный ресурс профессионализма современного руководителя [6].

Обобщая результаты исследований последних лет, следует отметить перспективность такого направления исследований профессионального благополучия, как ресурсный подход. Доступность и достаточное количество рабочих ресурсов приводит к снижению рабочих требований и связанных с ними физиологических и психологических издержек и, как следствие, к повышению уровня профессионального благополучия. Дефицит рабочих ресурсов или их отсутствие, наоборот, является причиной профессионального стресса и выгорания. Личностные ресурсы относятся к способности эффективно справляться с требованиями окружающей среды. Подобно рабочим ресурсам, личностные ресурсы функциональны в достижении целей работы, стимулируют личностный рост и развитие, повышают устойчивость и общий уровень благополучия. На наш взгляд, феномен субъектности в этом контексте заслуживает особого внимания.

Субъектность личности. Анализ концептуальных и методологических подходов к изучению субъектности не входит в задачи нашей работы; однако научный подход предполагает необходимость определения основных понятий. Обобщив точки зрения разных авторов (К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, А.В. Брушлинского, Д.А. Леонтьева, В.А. Петровского, С.Л. Рубинштейна, В.И. Слободчикова и др.), мы выделили основные моменты, важные в контексте рассматриваемой нами темы:

- субъектность возникает на определенном уровне развития личности и представляет собой ее новое системное качество, которое определяет специфику жизнедеятельности человека;
- субъектность имеет сложную структуру, ключевым элементом которой является «активность»;
- субъектность тесно связана с самодетерминацией и самоорганизацией.

В англоязычной литературе наиболее близким по содержанию понятием является «аgеnсу»: способность индивида выступать «агентом» (субъектом) своих действий, действовать целенаправленно, самостоятельно, ответственно и рефлексивно в значимых жизненных ситуациях, в том числе в контексте профессиональной деятельности [10].

Таким образом, основной проблемой, на которую направлено данное исследование, является необходимость выявления взаимосвязи особенностей профессионального благополучия менеджеров и уровня развития их субъектности, которая определяется нами как способность человека к самоуправлению в социальном контексте [9]. Изучение особенностей данной взаимосвязи, на наш взгляд, позволяет прогнозировать степень успешности самореализации человека в профессии, так как самооценка профессионального благополучия характеризует не только процесс, но и результат вхождения человека в профессиональную реальность, что, в свою очередь, позволяет нам подойти к решению ряда вопросов психологического обеспечения профессионального здоровья в управленческой деятельности.

Постановка проблемы исследования. Обратимся к результатам проведенного нами исследования, целью которого было эмпирическое изучение роли субъектности личности в обеспечении профессионального благополучия менеджеров. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что субъектность личности вносит вклад в изменчивость профессионального благополучия, при этом высокий уровень развития таких ее атрибутов, как активность и автономность, является предиктором высокой субъективной оценки профессионального благополучия менеджеров. Другими словами, высокий уровень развития субъектности является предиктором высокого общего уровня профессионального благополучия менеджеров.

Методы и методики исследования. Для решения поставленных задач мы использовали следующие психодиагностические методики: 1) опросник «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной для оценки уровня развития и структуры внеситуативной субъектности личности [9]; 2) методика оценки профессионального благополучия (симметричная модификация шкалы психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной применительно к профессиональной деятельности) для оценки основных компонентов благополучия [8]. Обе методики прошли необходимые психометрические процедуры по проверке валидности и надежности. Проверка гипотезы исследования проводилась с использованием метода множественного регрессионного анализа.

Выборка исследования представлена менеджерами среднего и высшего звена производственных компаний; общее количество респондентов – 98 человек, из них 67 мужчин и 31 женщина. Средний возраст в выборке составил 35 лет; средний общий стаж – 14 лет; средний стаж управленческой деятельности – 5,5 лет.

Результаты исследования и их обсуждение. Профессиональное благополучие является отражением субъективных переживаний человека по отношению к своей работе и профессиональной детальности, которое в соответствии с методикой оценивалось нами по четырем основным шкалам: профессиональное развитие; профессиональное самопринятие; позитивные отношения в коллективе и автономность в работе. Установлено, что в целом для руководителей характерен средний уровень профессионального благополучия, в структуре которого наиболее высокие значения имеет компонент «профессиональное развитие», включающий субшкалы «профессиональные цели» и «профессиональный рост», которые отражают высокую личную заинтересованность в результатах деятельности и постоянное стремление к профессиональному развитию соответственно.

Результаты исследования также показали, что большинство опрошенных менеджеров демонстрируют гармоничный профиль со средним уровнем сформированности субъектных моделей поведения, наиболее выраженными атрибутами которых выступают:

- опосредствованность, характеризующая сформированность навыков самоуправления, возможность проявления активности с использованием психологических средств и дополнительных функциональных звеньев в самоуправлении;

- целостность, свидетельствующая об эффективной интегрированности человека в социальный контекст при соблюдении субъект-субъектной модели отношений и умении строить отношения с окружающими на основе равных прав и возможностей;

- самоценность, которая показывает высокую степень самодостаточности поведения человека, высокий уровень доверия и уверенности в себе.

В соответствии с задачами исследования нами был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена, результаты которого показали, что между показателями общего профессионального благополучия и общим уровнем развития субъектности, а также ее атрибутами имеются статистически значимые положительные взаимосвязи ($p < 0,05$; $p < 0,01$). Другими словами, установлена совместная изменчивость изучаемых переменных: чем выше уровень развития субъектности, тем выше общий уровень психологического благополучия менеджеров; и наоборот, высокий уровень субъективной оценки благополучия в деятельности у руководителей может привести к более частому обращению к субъектным моделям поведения.

С научной точки зрения простое установление связи между двумя переменными не означает существования причинно-следственных отношений. Оно просто указывает, что две переменные (в нашем случае – это субъектность личности и профессиональное благополучие) взаимосвязаны между собой в большей степени, чем это можно ожидать при случайном совпадении. Однако, опираясь на результаты литературного обзора, мы предположили, что высокая самооценка общего уровня благополучия является следствием высоких показателей развития субъектности личности. Для проверки этой гипотезы в работе применялся множественный регрессионный анализ с использованием пошагового метода. Получена регрессионная модель, в соответствии с которой 31% ($R_2 = 0,31$) изменчивости общего уровня профессионального благополучия менеджеров (зависимая переменная) может быть объяснен такими предикторами, как активность ($\beta = 0,301$) и самоценность ($\beta = 0,229$). При этом наибольший вклад в изменчивость вносит такой атрибут субъектности, как активность, который характеризует способность к самостоятельному инициированию своей активности, проявляющуюся в адаптивном поведении человека. Кроме того, важную роль в поддержании благополучия в управленческой деятельности выполняет самоценность, свидетельствующая о высокой самооценке, доверии к себе, об отношении к себе как к ценности.

Заключение. Таким образом, полученные результаты частично подтвердили гипотезу о том, что уровень развития субъектности личности менеджеров вносит вклад в изменчивость их профессионального благополучия. Перспективы исследований, на наш взгляд, могут быть связаны, во-первых, с определением его профессионального благополучия в разных профессиональных группах; во-вторых, с расширением списка потенциальных личностных предикторов, а также факторов рабочей среды как ресурсов благополучия в организационном контексте; в-третьих, с изучением динамики актуализации субъектности личности как ресурса ее профессионального благополучия в разные периоды профессионального развития [7].

В заключение отметим, что проблема психологического обеспечения профессионального благополучия сотрудников сложна и недостаточно исследована. Необходимость и эффективность профилактических мер для поддержания здоровья является общепризнанной. Однако, к сожалению, до сих пор в России крайне мало исследований, в которых бы рассматривались вопросы разработки, реализации и оценки эффективности программ вмешательства в контексте позитивно ориентированных организационно-психологических подходов (positive organizational behavior; positive organizational scholarship), целью которых является улучшение психологического благополучия на рабочем месте. Но на примере зарубежных исследований мы видим тенденцию, которая заключается в том, что в последние несколько лет особое внимание уделяется разработке и реализации организационных программ вмешательства, ориентированных на сохранение и укрепление профессионального здоровья и благополучия (workplace health promotion interventions, salutogenic organizational health interventions), которые приходят на смену широко распространенным до этого программам стресс-менеджмента. При этом оценка инди-

видуальных проявлений профессионального благополучия позволяет психологу получить важную информацию об особенностях профессионального здоровья менеджеров и служит основой для принятия решения о характере коррекционной или профилактической работы с представителями данной профессиональной группы.

Литература

1. Березовская Р.А. Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 45. С. 2.
2. Вербина Г.Г. Психолого-акмеологическая концепция развития профессионального здоровья специалиста. Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2012.
3. Личность профессионала в современном мире / ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М. : Институт психологии РАН, 2013.
4. Кудрявцева Е.И. Управленческие компетенции как субъектные технологии обеспечения управленческой компетентности // В мире научных открытий. 2013. № 11.4 (47). С. 226–244.
5. Минюрова С.А., Заусенко И.В. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 94–101.
6. Сыромятников И.В. Психология профессиональной субъектности управленческих кадров. М., 2006.
7. Толочек В.А., Журавлева Н.И. Динамика актуализации психологических ресурсов субъектом на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 1. С. 91–107.
8. Туева Е.И., Березовская Р.А. Психологическое благополучие в профессиональной деятельности: разработка методики оценки // Психология – наука будущего : материалы VI Междунар. конф. молодых ученых. М., 2015. С. 493–496.
9. Щукина М.А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 2. С. 7–22.
10. Eteläpelto A., Vähäsantanen K., Hökkä P., Paloniemi S. What is agency? Conceptualizing professional agency at work // Educational Research Review. 2013. Vol. 10. P. 45–65.

THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF PERSONAL SUBJECTIVITY AS A RESOURCE OF PROFESSIONAL WELL-BEING OF MANAGERS

Berezovskaya R.A., PhD, Associate Professor, Advisor of Vice-Rector for Research, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: r.berezovskaya@spbu.ru

Abstract. The study of health problems in the framework of professional activity and organizational context is the priority area of state of the art psychology. The choice of research subject is determined by the growing interest in the study of phenomena describing the positive and resource manifestations of the subject of activity, and the insufficient study of their nature. Occupational well-being is considered as a complex criterion of work-related health, which, in turn, determined as a systemic characteristic of the subject of activity and ensures not only its efficiency and effectiveness, but is a condition for healthy professional development. Assessment of managers' well-being at workplace presupposes studying the factors influencing it, including "subjectiveness" (agency), considered not only as a key managerial competence, but also as an intrasubject resource of professional development. The aim was to study the role of the subjectivity of personality in maintaining of occupational well-being among Russian managers. As a hypothesis, it was suggested that subjectivity of the individual contributes to the variability of professional well-being, while the high level of development of such attributes as activity and autonomy is a predictor of a high subjective assessment of the professional well-being of managers. The sample of the study is presented by middle and top managers of production companies (n = 98). The research hypothesis was tested and partially confirmed using the multiple regression analysis method. The regression model was obtained, according to which 31% of the variability of the general level of occupational well-being of managers can be explained by such predictors as activity that characterizes the ability to independently initiate their activity, and self-worth, which indicates a high degree of self-sufficiency of human behavior and self-confidence. In conclusion, the role of personality subjectivity as a psychological resource for keeping and maintaining professional health and well-being is considered; directions for further research are presented.

Keywords: occupational health psychology, subjectivity, occupational well-being, resource approach, managers.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ

Т.И. Бонкало¹, С.В. Бонкало²

¹ Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия

² Московский социально-педагогический институт, Москва, Россия
E-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru; bonkaloseg@yandex.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-06-10966 «Психологические механизмы трансформации патриотизма в национализм в условиях информационной агрессии».

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации этнического самосознания молодежи постсоветского времени.

Ключевые слова: этническое самосознание; этническая идентичность; социально-психологическая дистанция; этнонационалистические установки; деструктивное влияние СМИ.

Одной из тенденций современности, зародившейся после распада Советского Союза, является усиление этнического самосознания народов, однако такое усиление приводит к увеличению различий между ними. Эти естественные процессы становятся средствами информационной войны и агрессии, имеющих свои политические цели и задачи.

В современных исследованиях уделяется достаточно большое внимание вопросам распространения националистических идей в странах бывшего СНГ. Так, например, Katrin Kello и Wolfgang Wagner (2014) в исследовании, проведенном в школах Эстонии, делают акцент на влияние особенностей интерпретации исторического прошлого на становление идентичности молодежи [7]. Авторы поднимают вопрос о сущности и способах навязывания так называемого «эстонского патриотизма». Объектом работы Marlène Laruelle (2012) является национализм Кыргызстана и воздействие явно националистических идей на развитие страны [9]. В современных исследованиях вопросы национализма изучаются также во взаимосвязи отношений разных этносов. Ingrid Griffiths и Richard Sharpley (2012) изучают влияние национализма, его роста в различных странах на взаимоотношения туристов и населения принимающей стороны [5]. Rezarta Bilali, Ayşe Betül Çelik и Ekin Ok (2014) на примере отношений курдских и турецких общин исследуют механизмы интенсификации конфликтов и насилия на национальной почве [1].

Одним из спорных и дискуссионных вопросов современного мира является вопрос о росте националистических настроений в молодежной среде России и Украины. Исследования, посвященные данному вопросу, показывают неоднозначность трактовки понятий «национализм» и «патриотизм» [4, 8].

Анализ эмпирических данных, представленных в ряде современных работ, выполненных зарубежными и отечественными авторами [2, 3, 7, 10] показал, что между Россией и Украиной в последнее время развязалась настоящая информационная война. Результаты контент-анализа новостных и политических программ центральных телевизионных каналов России и Украины свидетельствуют о том, что информация об одних и тех же событиях, произошедших как на территории двух стран, так и в мире в целом, передается и интерпретируется по-разному, в результате чего Россия в украинских СМИ предстает как агрессивное государство, стремящееся диктовать свои условия и претендующее на признание исключительности своего исторического развития [2]; Украина же в российских СМИ выступает как государство без единой национальной идеи и общей идентичности, как беспомощное общество, где власть потворствует «разгулу национализма», русофобии и экстремизму [7].

В связи со столь противоречивыми эмпирическими данными, опубликованными в постсоветский период развития России и Украины, нами в течение последних 13 лет велось наблюдение за изменением этнического самосознания российской и украинской молодежи. Такое наблюдение осуществлялось в процессе исследования национального самосознания молодых людей – студентов ведущих российских и украинских вузов. При этом исследовательские выборки формировались на основе как возрастного критерия (20–22 лет), так и критерия степени использования респондентами СМИ в качестве основного источника информации. С этой целью перед формированием исследовательских выборок студентам задавался вопрос о регулярности просмотра ими новостных и политических программ на центральных телевизионных каналах страны. В исследовательские выборки вошли только те студенты, которые указали, что ежедневно или как минимум раз в два дня следят за событиями внутренней и международной жизни и в качестве источника информации используют телевидение или новости, размещенные в сети Интернет.

Таким образом, каждые три года, начиная с 2004 г., проводилось исследование в группах студентов российских и украинских вузов. Каждая исследовательская выборка состояла из 100 студентов, из которых 50 – юноши и 50 – девушки в возрасте от 20 до 22 лет.

Необходимо отметить также, что диагностический инструментарий подбирался, исходя из традиционного представления о структуре национального самосознания как взаимосвязи его трех основных компонентов: когнитивного, аффективного и поведенческого. В настоящей работе остановимся на результатах исследования

этнонационалистических установок украинской и российской молодежи. С этой целью были использованы как опросные методы (анкета), так и бланковые опросники: «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, тест Куна-Макпортленда «Кто Я?», шкала социально-психологической дистанции Э. Богардуса, методика О.Е. Хухлаева, И.М. Кузнецова и Н.В. Ткаченко «Шкала этнонациональных установок» (разработана в 2010 г., использовалась нами с 2013 г.).

Результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности российской и украинской молодежи свидетельствуют о различиях в траекториях ее развития. Поперечные срезы в группах респондентов показали, что среди украинцев немалое количество составляют такие молодые люди, которые характеризуются гиперидентичностью (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования типов этнической идентичности украинской и российской молодежи

Типы	2004 г.		2007 г.		2010 г.		2013 г.		2016 г.	
	Рос.	Укр.	Рос.	Укр.	Рос.	Укр.	Рос.	Укр.	Рос.	Укр.
Этнонигилизм	8,45	8,05	9,35	8,15	7,85	6,95	7,65	3,05	6,35	2,25
Индифферентность	9,95	8,90	10,15	9,35	9,40	8,75	8,25	6,15	7,95	5,05
Норма	11,30	10,25	11,40	10,15	12,10	11,65	11,45	6,45	9,95	7,35
Этноэгоизм	5,85	7,15	7,30	8,85	5,95	6,70	6,90	9,15	8,85	10,95
Этноизоляционизм	4,35	4,05	4,90	10,45	5,05	5,35	5,65	12,95	5,70	9,30
Национальный фанатизм	3,05	4,85	4,45	7,20	4,90	5,60	5,55	13,60	6,35	12,80

Обращает на себя внимание тот факт, что в группах украинской молодежи среднегрупповые показатели степени выраженности гиперидентичности выросли почти вдвое, тогда как позитивной этнической идентичности, предполагающей принятие личностью как своей, так и другой этнической группы, напротив, значительно снизились по сравнению с 2004 г. Если в 2004 г., равно как и в 2010 г., достоверно значимых различий между двумя исследовательскими группами зафиксировано не было, то уже к концу 2013 г. такие различия были обнаружены почти по всем шкалам опросника.

Помимо этого, необходимо отметить, что динамика степени выраженности гипо-, гипер- и позитивной этнической идентичности в группах российской и украинской молодежи отнюдь не одинакова (рис. 1, 2).

Несмотря на общую для обеих групп тенденцию роста этнического самосознания, пробуждения интереса к своей национальной истории и культуре, что проявляется в снижении показателей степени выраженности гипоиентичности, в группах украинской молодежи показатели гиперидентичности значимо превышают показатели позитивной этнической идентичности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство современных русских студентов, несмотря на увеличение, по сравнению с предшествующими годами, показателей этноэгоизма, характеризуются все-таки позитивным отношением к своему народу в сочетании с толерантностью к представителям других этнических групп. Большинство же современной украинской молодежи отличается ярко выраженной гиперидентичностью, убежденностью в уникальности своего народа, необходимости возрождения национальной культуры и избавления ее от «чуждых» элементов и навязанных извне традиций.

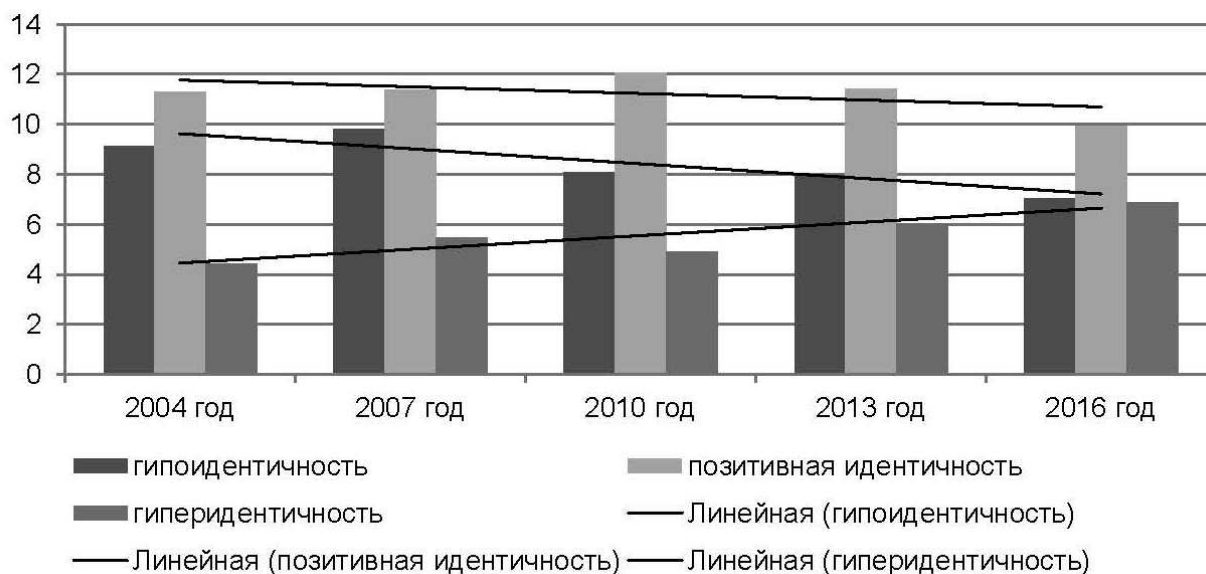

Рис. 1. Динамика степени выраженности типов этнической идентичности у молодежи России

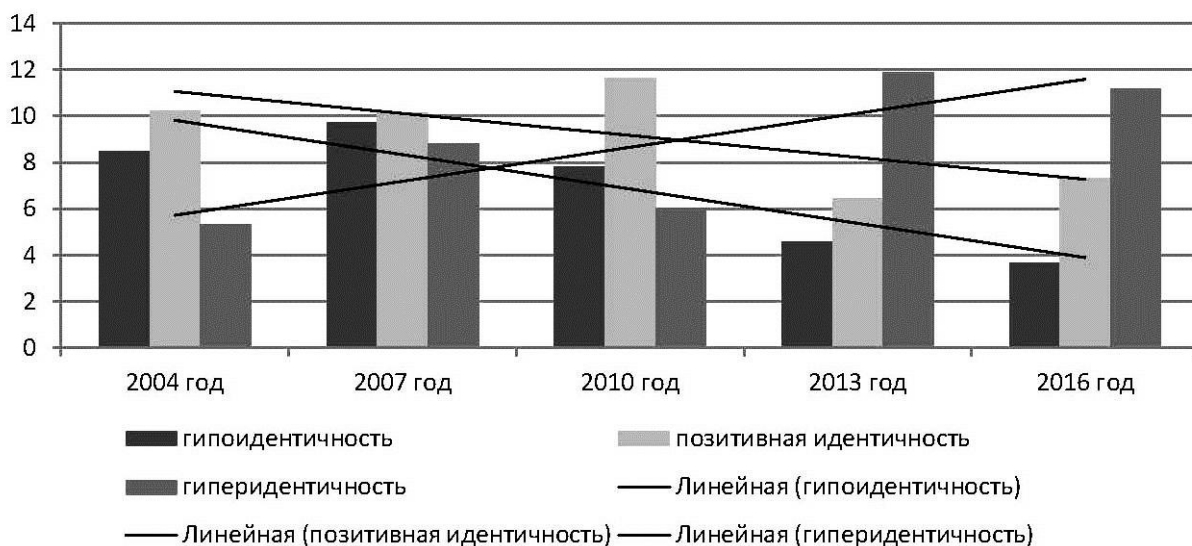

Рис. 2. Динамика степени выраженности типов этнической идентичности у молодежи Украины

Интересны в этом отношении результаты исследования, проведенного с помощью методики «Кто я?». Ответы респондентов были распределены по 4 категориям анализа. В выборках российских студентов с 2004 по 2016 г. достоверно значимых изменений в их самоидентификации не произошло (рис. 3).

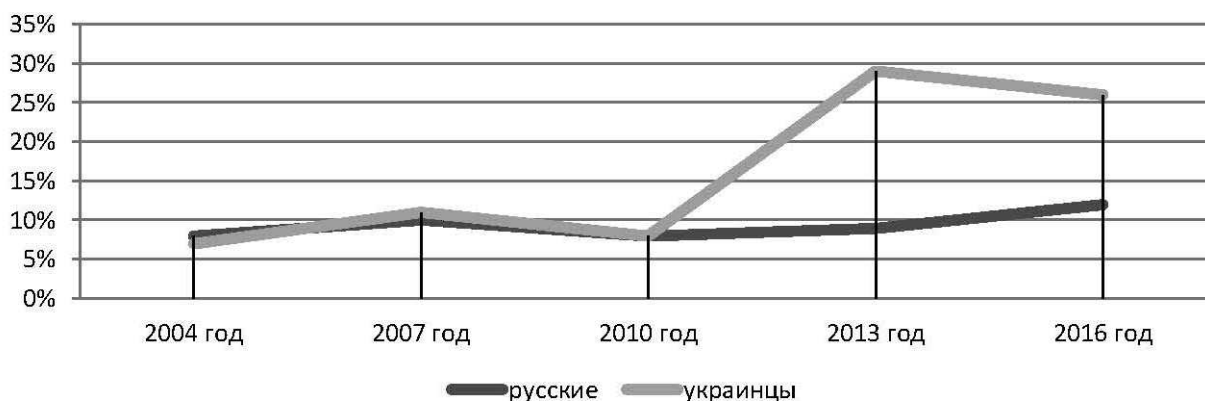

Рис. 3. Динамика этногражданской идентификации российских и украинских студентов

Для приблизительно одинакового количества российских респондентов, принявших участие в исследовании в 2004, 2007, 2010, 2013, 2016 гг., характерна как гендерная, социально-ролевая, профессиональная, так и этногражданская идентификация. В группе же украинской молодежи к 2013 г. вырос процент тех, кто идентифицирует себя по гражданскому, этническому и территориальному признакам.

В группах российской молодежи как в 2004 г., так и в последующие годы только 8–12% идентифицируют себя по принадлежности к своему народу, что вплоть до 2010 г. характерно и для украинских студентов. Однако к концу 2013 г. на вопрос «Кто Я?» более 25% студентов Украины ответили: «Украинец», «Киевлянин», «Гражданин Украины» и т.д. По результатам исследования можно говорить о возрастающей гордости украинских студентов за свою страну и за факт принадлежности к ней.

Однако последующее исследование показало некоторую амбивалентность чувств молодых людей.

Так, при ответе на вопрос анкеты: «Что ты чувствуешь, когда тебя называют русским (украинцем)?», было выявлено, что чувство гордости за свою страну в большей степени характерно русским, чем украинцам (рис. 4).

В группе современной российской молодежи преобладает чувство гордости за принадлежность к своей стране, ответственности за ее будущее, тогда как в группе украинских студентов, несмотря на достаточно высокие показатели степени выраженности гордости и ответственности, – чувство обиды и раздражения. Обида, как известно, является одним из признаков скрытой агрессии, в связи с чем мы можем говорить о наличии у многих украинцев ненависти и неприязни – тех негативных чувств, что являются неотъемлемыми атрибутами национализма. Необходимо отметить еще один факт. В группе российской молодежи достаточно высокий ранг у такого

варианта ответа, как «ничего не чувствую», что свидетельствует о некой инфальтивности части русских, их безразличии по отношению к этногражданским вопросам. Среди украинских студентов равнодушных практически нет, что свидетельствует об актуализации в украинской молодежной среде вопросов этнической и гражданской идентичности.

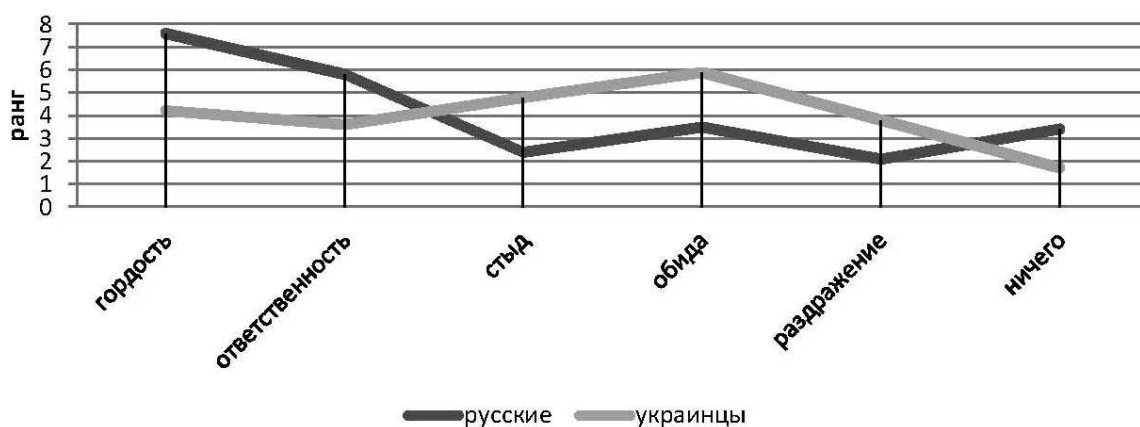

Рис. 4. Результаты исследования аффективного компонента национального самосознания современной российской и украинской молодежи (2016 г.)

Чувство гордости, как известно, отражает патриотические установки. Исследование динамики проявления чувства гордости за свою страну показало его рост как в российской, так и в украинской молодежной среде, причем чувство гордости у украинцев резко усилилось с 2013 г. Данный факт послужил основанием для дополнительного исследования этнонациональных установок респондентов двух исследовательских групп. Достоверно значимых различий между группами украинских и российских студентов в показателях патриотических и националистических установок выявлено не было. Настораживает тот факт, что националистические установки характерны для достаточно большого количества как украинских, так и российских студентов (32 и 38%).

Вследствие этого нами были проанализированы результаты исследования социально-психологической дистанции, которую устанавливают молодые люди с лицами своей и другой национальности (табл. 2).

Таблица 2

Результаты исследования динамики социальной приемлемости для украинской и российской молодежи разных этнических групп

Этнические группы	Русские				Украинцы			
	2004 г.		2016 г.		2004 г.		2016 г.	
Русские	+904	> 50	+968	> 50	+884	> 50	-457	< 50
Украинцы	+367	> 50	+132	> 50	+894	> 50	+963	> 50
Американцы	+002	> 50	-567	< 50	-176	< 50	+437	> 50
Представители Средней Азии	-539	< 50	-793	< 50	-777	< 50	-811	< 50
Представители Северного Кавказа	-471	< 50	-773	< 50	-576	< 50	-818	< 50
Представители республик Закавказья	-603	< 50	-711	< 50	-782	< 50	-766	< 50
Немцы	+174	> 50	+069	> 50	-001	< 50	+487	> 50
Французы	+198	> 50	+114	> 50	-003	< 50	+034	> 50
Англичане	+221	> 50	+123	> 50	+104	> 50	+116	> 50
Венгры	+044	> 50	-188	< 50	+696	> 50	+861	> 50
Сербы	+406	> 50	+675	> 50	+713	> 50	+455	> 50

Было выявлено, что на уровне тенденций мы можем говорить о том, что с течением времени российская молодежь все более склонна устанавливать близкие и деловые отношения только с людьми своей национальности. Интересен и тот факт, что по сравнению с 2004 г. современная российская молодежь отрицательно относится к украинцам. Однако этот факт подтвержден только на уровне тенденций: достоверно значимых различий выявлено не было. Социально неприемлемыми для российской молодежи являются брачно-семейные отношения с американцами (достоверно значимые различия на высоком уровне значимости). В выборке российских студентов снизились показатели возможности устанавливать положительные взаимоотношения и с лицами других национальностей. Наибольшей информативностью отличаются результаты анализа полученных показателей в группе украинской молодежи. Здесь мы наблюдаем переход от зоны по-

ложительного к зоне отрицательного выбора русских и, напротив, от отрицательного к положительному выбору лиц других национальностей.

Если учесть тот факт, что в современном мире в связи с резко обострившейся геополитической обстановкой одной из приоритетных задач любого государства является задача активизации у его населения патриотических чувств и эмоций: любви к Родине, гордости за нее, осознания общности национальных интересов, – то скрытые информационно-психологические воздействия, используемые средствами массовой информации в «благородных целях», вполне могут иметь прямо противоположный эффект в силу размытости границ и общности истоков патриотизма и национализма.

В связи с этим необходим поиск способов блокирования механизмов деструктивного влияния СМИ на национальное самосознание молодежи.

Литература

1. Bilali R., Çelik A.B., Ok E. (2014). Psychological asymmetry in minority–majority relations at different stages of ethnic conflict. *International Journal of Intercultural Relations*, 43 (B), 253–264. <http://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2014.09.002>
2. Blokh I., Alexandrov V. (2016). Psychological Warfare Analysis Using Network Science Approach. *Procedia Computer Science*, 80, 1856-1864
3. Bonkalo T.I., Rybakova A.I., Kolesnik N.T., Shcheglova A.S., Bonkalo S.V. (2016). Individual psychological characteristics of members of destructive religious and ethno-nationalist organizations. *Indian Journal of Science and Technology*, 9 (46), 107514
4. Cannady S., Kubicek P. (2014). Nationalism and legitimation for authoritarianism: A comparison of Nicholas I and Vladimir Putin. *Journal of Eurasian Studies*, 5 (1), 1-9
5. Griffiths I., Sharpley R. (2012). Influences of nationalism on tourist-host relationships. *Annals of Tourism Research*, 39 (4), 2051-2072
6. Kello K, Wagner W. (2014). Intrinsic and extrinsic patriotism in school: Teaching history after Estonia's critical juncture. *International Journal of Intercultural Relations*, 43 (A), 48-59. <http://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2014.08.016>
7. Korostelina K.V. (2013). Ukraine twenty years after independence: Concept models of the society. *Communist and Post-Communist Studies*, 46 (1), 53-64. <http://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.12.008>
8. Kuzio T. (2016). Soviet and Russian anti-(Ukrainian) nationalism and re-Stalinization. *Communist and Post-Communist Studies*, 49 (1), 87- 99
9. Laruelle M. (2012). The paradigm of nationalism in Kyrgyzstan. Evolving narrative, the sovereignty issue, and political agenda. *Communist and Post-Communist Studies*, 45 (1-2), 39 – 49
10. Levintova E. (2010). Past imperfect: The construction of history in the school curriculum and mass media in post-communist Russia and Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 43 (2), 125-127. <http://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.03.005>

THE ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS DYNAMICS OF THE RUSSIAN AND UKRAINIAN YOUTH IN THE CONDITIONS OF INFORMATION AGGRESSION

Bonkalo T.I., doctor of psychology, head of the chair of pedagogy and psychology, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia. E-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Bonkalo S.V., candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of pedagogy and psychology, Moscow Social Pedagogical Institute, Moscow, Russia. E-mail: bonkaloseg@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of ethnic self-consciousness transformation of post-Soviet time youth. Russia in the Ukrainian media is an aggressive state, dictating the conditions and pretending to recognize the exclusivity of its own historical development. Ukraine in the Russian media is a state without a single national idea and a common identity, the helpless society where the authorities condone the "rampage of nationalism", Russophobia and extremism. Results of empirical studies aimed at revealing the ethnic self-awareness dynamics of Russian and Ukrainian youth in conditions of information aggression are presented at the paper. The study was conducted every three years, starting in 2004, in groups of Russian and Ukrainian students, which are the viewers of news and political programs of central channels of Russia and Ukraine. Each sample consisted of 100 students (50 male and 50 female) between the ages of 20 and 22. The diagnostic toolkit was selected based on the traditional concept of the national consciousness structure as a relationship of three components: cognitive, affective and behavioral. Based on the empirical results, the authors conclude that it is necessary to find effective ways to block the destructive influence mechanisms of the media on the ethnic self-consciousness of youth.

Keywords: ethnic self-consciousness; ethnic identity; socio-psychological distance; ethno nationalist attitudes; destructive influence of media.

ДИНАМИКА СИСТЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

О.А. Браун, М.Г. Аркузин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
E-mail: oabraun09@ Rambler.ru; arkuzin77@mail.ru

Аннотация. Рассматривается динамика идентичности личности студентов, обучающихся по направлению «Психология».

Ключевые слова: идентичность; социальная идентичность; студенты; содержательные характеристики идентичности.

Проблема идентичности в психологии и смежных науках активно изучается с середины прошлого века. При этом основная заслуга в разработке данного понятия принадлежит Э. Эриксону, а все дальнейшие исследования так или иначе соотносятся с его концепцией. Именно Эриксон выделил в структуре идентичности два основных компонента: личностную (персональную) и социальную идентичность. Эта структура системы идентичности до сих пор является базовой для большинства исследований. Благодаря своей структуре идентичность может изучаться как с позиции психологии личности, так и в рамках социальной психологии. Несмотря на довольно длительную историю изучения, в современных условиях идентичность становится одним из центральных понятий в социальной психологии. Помимо собственно научных закономерностей, повышение интереса к изучению идентификационных процессов обусловлено рядом особенностей современного общества (усиление миграционных процессов, возросшая мобильность населения, глобализация, распространение анонимного общения (посредством сети Интернет) и, как следствие, возможность «примерять» новые социальные роли и идентичности и т.д.).

Таким образом, к настоящему моменту существует большое количество теорий, в том числе и таких, которые ставят под сомнение само понятие «идентичность». И если в последние 30–40 лет наиболее часто объектом исследований становились различные виды социальной идентичности: гендерная, профессиональная, религиозная, этническая и т.д., то сейчас фокус научного внимания смещается на общеметодологические подходы к анализу идентичности: соотношение понятия идентичности с другими психологическими понятиями (мотивация, смыслы, переживания, ценности и т.д.), возможности и ограничения междисциплинарного подхода к анализу идентичности; понятие кризиса и кризис идентичности в ситуации социальных изменений; изменчивость / устойчивость идентичности, ее значение для личности и общества в ситуации неопределенности и т.д.

В классическом понимании идентичность рассматривалась как элемент Я концепции, отвечающий за целостность, самоощущенность личности; со временем под влиянием работ Дж.Г. Мида, Э. Фромма, Э. Эриксона сформировалась идея о множественности и изменчивости Я и, соответственно, возник вопрос об интегрирующей роли идентичности.

На наш взгляд, идентичность личности представляет собой систему взаимосвязанных представлений о себе, причем разные элементы этой системы имеют разную субъективную значимость. Условно говоря, существуют центральные – ядерные – элементы, тесно связанные с ценностно-смысловой сферой личности, ее направленностью. Эти элементы относительно константны, и их «задача» – сохранение целостности личности. Изменение таких ядерных элементов происходит в результате значимых событий и приводит к трансформации образа Я. Периферические элементы системы идентичности более «подвижны». Их изменения носят эволюционный характер и связаны с приспособлением личности к актуальной социальной среде. При рассмотрении идентичности мы придерживаемся конструктивистского подхода и представлений о множественности идентичности. При этом, идентичность рассматривается нами как система, все элементы которой взаимосвязаны. Нам кажется вполне обоснованным предположить, что элементы идентичности, формирующиеся раньше, являются наиболее устойчивыми, в целом динамика системы идентичности идет по направлениям усложнения структуры и детализации содержания.

Согласно Э. Эриксону развитие личности тесно связано с развитием ее идентичности, каждая стадия развития личности вносит свой вклад в формирование «здорового чувства идентичности» [4]. В отечественной психологии наиболее изучено развитие в онтогенезе социальной идентичности, достаточно подробно рассмотрено развитие гендерной, этнической и профессиональной идентичности. Так, первичное представление о собственной половой принадлежности формируется у ребенка уже в полтора года, а первые представления об этничности дети приобретают еще в дошкольном или раннем школьном детстве [2]. Не столь однозначны исследователи относительно профессиональной идентичности.

Профессиональная идентификация – это процесс самоощущения с членами профессионального сообщества, результатом которого становятся принятие своей профессиональной роли, включение профессиональных ценностей в систему ценностных ориентаций личности, формирование представлений о профессиональной группе и своем месте в ней. Установление своей идентичности в профессиональной деятельности, согласно концепции Э. Эриксона, – важнейшая задача, встающая перед человеком в период юности и ранней

взрослости. Однако существует точка зрения, согласно которой профессиональная идентичность складывается только на этапе полного овладения профессией. Л.Б. Шнейдер выделяет несколько стадий формирования профессиональной идентичности:

- невыраженная (отсутствие профессионального опыта и общения, четких тактических и стратегических профессиональных целей);
- выраженная, но пассивная (приобретение первоначального опыта, усвоение первоначального багажа знаний, определение своих возможностей);
- активная (воплощение в реальность выбранных целей, выработка собственного профессионального стиля, общения);
- устойчивая (профессиональное самосовершенствование, свободное владение профессией, передача профессионального опыта, ощущение собственной профессиональной значимости) [1].

Период обучения в вузе («отрочество» / «молодость»), 5–6 стадии развития по Эриксону) является ключевым для развития идентичности. Именно в этот период должны сформироваться ощущение перспективы во времени, уверенность в себе, сексуальная поляризация, основная система ценностей личности [4]. Помимо изменения социального статуса, период обучения становится для многих студентов временем начала самостоятельной жизни, интимных (а иногда и семейных) отношений, трудовой деятельности, периодом активного творчества и знакомства с профессиональной культурой. Все это приводит к тому, что за относительно короткий период система идентичности подвергается воздействию множества факторов, влияющих на нее.

Современное общество постоянно усложняется. Это высказывание касается и профессионального образования. Количество знаний, умений и навыков, которые необходимы специалисту для реализации его профессиональных обязанностей, неуклонно растет, а вектор модернизации образовательного процесса, в свою очередь, смещается на увеличение доли самообразования, дистанционные технологии и т.д. В этих условиях особое значение приобретает формирование в ходе обучения профессиональной идентичности, включающей ценностное отношение к профессии, принятие ее этического кодекса, активную позицию. В идеале, заканчивая вуз, студенты должны разделять профессиональные ценности своего сообщества, осознавать пределы своих возможностей и компетенции, уметь соотносить их со своими карьерными планами и исходя из этого строить вектор своего дальнейшего образования. Таким образом, формирование профессиональной идентичности (хотя бы на каком-то начальном уровне) является необходимым компонентом современного высшего профессионального образования.

Средние ранги характеристик идентичности респондентов 1-го и 4-го курсов

Элементы идентичности	Средние ранги	
	Респонденты 1-го курса	Респонденты 4-го курса
Я как профессионал (будущий профессионал)	8,09	4,57
Я как студент	6,09	6,92
Я как мужчина / женщина	4,91	5,14
Я как сын / дочь	4,18	4,21
Я как муж / жена (будущий муж / жена)	6,45	5,14
Я как уникальная личность	6,36	3,78
Я как представитель своего народа	9,18	9,5
Я как гражданин своей страны	10,36	9,92
Я как житель данного города	9,91	10,64
Я как отец / мать (будущий отец / мать)	6,09	6,78
Я как представитель молодежи	11,18	11,14
Я как член неформальной группы	11,91	12,07
Я как друг / подруга	7,18	7,57
Я как последователь своей религии	9,27	11,42
Я как представитель вида Homo sapiens	8,82	12,4
Другое (что именно?)	16	16

Для изучения динамики идентичности нами использовались два основных метода: формализованный опросник, представляющий собой таблицу с наиболее распространенными вариантами идентичности, которые испытуемым предлагалось проранжировать по степени субъективной значимости, и широко известный опросник «Тест двенадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Мак-Партланда. На первом этапе у студентов 3–4-го курса было проведено исследование с использованием опросника М. Куна и Т. Мак-Партланда. На основе полученных результатов мы разработали свой формализованный вариант опросника и через несколько месяцев провели исследование среди студентов 1-го и 4-го курсов, обучающихся по направлению «Психология». В исследовании приняли участие 32 девушки: 18 первокурсниц и 14 студентов выпускного курса. Результаты исследования представлены в таблице.

Проанализировав полученные результаты, мы пришли к следующим выводам:

1. Студенты 4-го курса в своих оценках демонстрируют большую схожесть, это может свидетельствовать о большей сформированности и устойчивости идентичности.

2. К 4-му курсу в системе идентичности возрастает роль профессионального компонента. Этот результат вполне ожидаем и даже желателен, поскольку, как уже упоминалось выше, профессиональное образование, помимо знаний, навыков и компетенций, должно формировать еще и профессиональную культуру и видение себя, своего места в профессии. Особенно это важно для профессий деонтологического профиля, к которым относится психология.

3. Помимо профессиональной идентичности, более важным для студентов 4-го курса становится восприятие себя как личности, и менее существенное место занимает видение себя представителем вида *Homo sapiens*; вероятно это отражает действие индивидуализации и может объясняться как возрастными особенностями, так и влиянием специфики психологического образования.

В целом наиболее значимыми видами идентичности являются семейная, гендерная и профессиональная. Также субъективно значимым является социальный статус студента, причем от 1-го к 4-му курсу значение этого компонента социальной идентичности изменяется незначительно.

Результаты, полученные по тесту М. Куна и Т. Мак-Партланда, в целом подтверждают выводы, сделанные выше. Так, через свою будущую профессию себя определяют 70% респондентов 4-го курса и только 43% студентов-третьекурсников. Наиболее часто в самоописаниях упоминаются категории, связанные с социальными ролями (студент), семейными ролями (сын, дочь, внучка и т.д., будущая мать, жена), и коммуникативными ролями (по терминологии Т. В. Румянцевой) [3]. Примечательно, что около 90% опрошенных в ответах на вопрос «Кто Я?» пишут «человек», однако это не противоречит выводам, сделанным выше, поскольку, как правило, эта характеристика занимает в описании не первое место.

Таким образом, полученные нами результаты вполне согласуются с теорией Э. Эриксона, согласно которой основными достижениями 5-й и 6-й возрастных стадий становятся формирование устойчивой системы идентичности и умение поддерживать близкие отношения.

Проведенное нами исследование носит скорее пилотный характер и позволяет сформулировать основные векторы дальнейших поисков. Это может быть более подробное и детальное изучение динамики структурно-содержательных характеристик идентичности на разных возрастных этапах, изучение динамики идентичности в процессе профессионализации с учетом специфики стадии профессионального развития, вида профессиональной деятельности и т.д., также немалый интерес, на наш взгляд, представляет изучение динамики отдельных видов идентичности, например гражданской, средовой, религиозной. Помимо конкретных, прикладных аспектов в изучении идентичности, остаются нерешенными еще множество методологических вопросов. И эта ситуация неопределенности, с одной стороны, создает сложности в организации исследования, зато с другой – предоставляет всем заинтересованным широчайший выбор теорий, подходов, точек зрения и проблематики.

Литература

1. Красникова Ю.В. Профессиональная идентичность как основной элемент профессионального воспитания // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). Уфа : Лето, 2013. С. 167–169.
2. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 118 с.
3. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб. : Речь, 2006. С. 82–103.
4. Фрейдджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 864 с.

DYNAMICS OF SYSTEM OF IDENTITY OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS

Braun O.A., PhD in psychology, assistant professor at the department of social psychology and psycho-social technologies, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. E-mail: oabraun09@rambler.ru

Arkuzin M.G., post-graduate student at the department of social psychology and psycho-social technologies, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. E-mail: arkuzin77@mail.ru

Abstract. This article presents the study of dynamics of system of identity of personality in the course of training in higher education institution. The introduction of the article gives a short review of history and a current state of studying of a problem of identity in psychology. In the understanding of identity the authors adhere to constructivist approach, at the same time the identity of personality is considered as a system of the interconnected ideas of oneself, and, according to the authors, different elements of this system have different subjective importance. In structure of identity authors suggest to allocate constant central and nuclear elements which are closely connected with the valuable and semantic sphere of a personality, its orientation and more "mobile" peripheral elements the changes of which have evolutionary character and are connected with adaptation of a personality to the relevant social environment. With reliance on works by E. Eriksson and other researchers the general justification of dynamics of identity in the course of training in higher education institution is given, the particular emphasis is placed on formation of professional identity during receiving higher education. Formation of professional identity as significant component of the modern professional education causing the choice by students of further career strategy is proved. The professional identity is considered by the authors as acceptance of the professional role, inclusion of professional values in the system of valuable orientations of the personality, formation of ideas of a professional group and the place in it. For empirical confirmation of theoretical points the article presents the results of a comparative research of system of identity of students of the first and fourth courses studying Psychology. The research was conducted within 2016-2017 academic years, by means of the Who I Am test of M. Kong and T. Mac-Partland and the formalized questionnaire developed on its basis by the author of the article. The main conclusions of the research consist in ascertaining of higher formation and stability of

identity of undergraduates and the subjective importance of professional identity which increases to the fourth year. In the conclusion the possible directions for further researches on the subject are presented.

Keywords: identity; social identity; students; substantial characteristics of identity.

УДК 159.9.07

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕМПОМИРА ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Бредун

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: bredun.88@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности изучения времени в рамках перехода к постнеклассической парадигме. Значительное внимание уделяется пространственно-временной организации человека как самоорганизующейся системы. Выделяются такие аспекты изучения времени, как темпоральность и хронотоп, а также сопряженное с ними понятие «темпомир».

Ключевые слова: время; пространство; самоорганизация; стрела времени; темпоральность; темпомир; хронотоп.

Введение. На протяжении долгого времени в психологии предпринималось множество попыток изучить психологическое время личности. Многие отечественные и зарубежные ученые (У. Джейм, П. Жане, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, К. Левин, С.Л. Рубинштейн, П. Фресс, Ж. Пиаже, Д.Г. Элькин, Б.И. Цуканов, И. Пригожин, Ф. Зимбардо и др.) занимались рассмотрением временных явлений, потому что время представляет собой один из основных компонентов психической организации жизнедеятельности человека.

Современная психология меняет свой предмет, центральное место в котором занимает индивид [3]. В последнее время в научной среде возросло количество публикаций, связанных со сменой исследовательских установок от классицизма к постнеклассике, что неминуемо ведет за собой разработку новых теоретико-методологических подходов. Постнеклассическая парадигма представляет человека как открытую самоорганизующуюся систему и позволяет рассмотреть пространственно-временную организацию человека в новом ракурсе.

В.Е. Ключко в своей работе «Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения» пишет о том, что на сегодняшний момент в науке происходит перестройка пространственно-временного освоения мира индивидом. Если раньше пространство выражало время, то на сегодняшний момент на первый план выходит время [4]. В классическом представлении время представляется процессами, а пространство – вещами, но современный подход к пониманию времени позволяет рассматривать время не только как параметры внешнего порядка, но и внутреннего [5].

Основной идеей постнеклассики является решение проблем сложных, саморазвивающихся, открытых систем. Открытая система отбирает из окружающей среды то, что нужно ей для существования, сложность системы раскрывается через способ выбора значимого из среды. Сама система изменяется при взаимодействии со средой, она усложняется [3]. Явления, возникающие в открытой саморазвивающейся системе, выступают параметрами ее порядка, она преобразуется при взаимодействии с внешними факторами, которые становятся внутренними, позволяющими упорядочить внешние и внутренние элементы среды [5].

Поскольку время пронизывает все компоненты психической организации, то и развитие жизнедеятельности человека имеет временную структуру. Способность к овладению временем является источником его расширения, наполнения смыслами, событиями, целями. Поэтому на первый план выходит изучение человека как открытой самоорганизующейся и саморазвивающейся конструкции через системное осмысление особенностей пространственно-временной организации, где системное качество человека проявляется при включенности его в мир. Человек и порождаемые им пространство и время рассматриваются в единстве, психика человека непрерывна, она направлена на превращение окружающей безличной среды в пространство жизнедеятельности, в которое включаются смыслы, ценности самого человека [6].

В самоорганизующихся системах время становится фактором, осуществляющим саморазвитие человека, его постоянные стремления переводить возможность в действительность в процессах творческого преобразования мира. Внешнее, объективное и внутреннее, субъективное время образуют континуум жизни индивида, в котором заключаются характеристики протекания всех процессов жизнедеятельности. Вступая во взаимодействие, внутренние и внешние порядки рождают новые качества системы, которые становятся порядками развития этой системы. Из этого следует актуальность изучения меняющегося мира человека, его хронотопических и темпоральных характеристик. Транстемпоральность понимается как условие своевременности, целостной длительности, становления и готовности приводить в порядок настоящее время. О.В. Лукьянов пишет о том, что человек – это сложнейшая пространственно-временная организация, и темпоральность показывает совершенно иную последовательность времен в саморазвивающихся системах, где будущее представлено в настоящем, а прошлое включено в будущее [9].

Жизненный мир человека, представляет собой поле, включающее в себя все значимые для человека связи и ресурсы, при этом человек рассматривается в единстве с этим полем, он представляет собой особую пространственно-временную организацию самоосуществления, развития своего жизненного потенциала. Сочетание пространственно-временных составляющих является уникальными для каждого человека и представляет собой особый хронотоп. Человек сам понимается как хронотоп, пространственно-временная организация, которая наполняет внешний мир предметами, смыслами, ценностями, организуя, таким образом, пространство жизни человека. Логично предположить, что перестройка пространства жизни человека ведет за собой перестройку времени [5].

В рамках данного представления о временной организации жизни человека время в сложной системе рассматривается не как три различные категории (прошлое, настоящее, будущее), а как процесс перехода поливариантного будущего в моновариантное прошлое, когда возможное пространство среды становится пространством самой сложной системы [3]. В связи с этим следует выделить понятие «темпомир», которое представляет собой коэволюцию смыслов, союз простых структур, различных по мощности, но объединенных в сложные совместно эволюционирующие структуры.

Темпомир определяется Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмовым как мир, главной характеристикой которого является единый темп развития всех входящих в него сложных структур [7]. Учитывая, что усложнение открытой системы происходит за счет способности принятия изменений, которые выводят структуры на новый уровень, системы, таким образом, изменяют свою организацию [3]. Темпомеры же характеризуются пространственно-временной целостностью, множественностью времени (биологического, астрономического, психологического и т.д.), темпоральным монодуализмом, который заключается в первичности пространства и функционального времени, т.е. открытостью и замкнутостью системы как средства для самоутверждения и взаимореализации, самоорганизацией личности по принципу ценностей и т.д.

Человек как открытая, самоорганизующаяся система не просто производит обмен информацией со средой, не просто перерабатывает ее, а создает свою многомерную реальность. Темпомир в данном подходе представляет собой часть событий мира, который включает в себя взаимодействующие объекты и среды, развивающиеся как целое. Различные темпомеры, выстраиваясь в иерархию, зависимо или независимо друг от друга образуют единую систему мира. Темпомир при этом является отдельной частью этой системы со своим временем, которое протекает независимо от других частей системы.

Темпомир напрямую связан с понятием времени, так как развитие сред в нем происходит во времени, это бесконечное взаимодействие времени прошлого, настоящего, будущего. Так как он является открытой, развивающейся, нелинейной системой, скорость течения событий и времени может изменяться.

Замысел нашего исследования заключается в изучении хронотопических характеристик темпомира через осмысление особенностей субъективного восприятия пространства и времени, где системное качество человека проявляется при включенности человека в мир. Структуры, входящие в темпомир человека, имеют разную пространственную и временную организацию, так как одни структуры оказывают большее влияние на развитие, другие меньшее, объединяясь в соответствии с особенностями среды и задач, на решение которых они направлены. Скорость развития структур, входящих в темпомир человека, будет зависеть от децентрации времени, т.е. смещения центральной оси субъективного времени человека в прошлое или будущее. Таким образом, можно предположить, что во временной ориентации человека существует доминирующее положение, которое может занимать центральное место в субъективной оценке времени. Степень связи между категориями времени демонстрирует то, как предыдущий опыт способствует настоящему поведению, а оно, в свою очередь, может повлиять на будущее.

Методы. Методы, выбранные для решения поставленных задач исследования, раскрывают пространственно-временные характеристики субъективного восприятия времени человеком, учитывают время и пространство организации жизни, что позволяет рассмотреть время как темпоральную структуру открытой, самоорганизующейся системы.

Метод «Семантический дифференциал» Л.И. Вассермана предназначен для изучения познавательных и эмоциональных компонентов восприятия времени и оценки длительности переживаемого времени для анализа особенностей восприятия временных единиц в меняющихся условиях [1]. Семантический дифференциал является процессом субъективного многомерного шкалирования, шкалы семантического дифференциала представляют собой многомерное пространство представления стимула, в данном случае субъективную оценку времени. Данный метод позволяет изучить интуитивные представления о времени личности. Дифференциация описания стимула дает возможность раскрыть его семантические различия.

Семантический дифференциал времени Л. И. Вассермана состоит из 25 пар (шкал) антонимов, представленных пятью факторам – Активность времени, Эмоциональная окраска времени, Величина времени, Структура времени и Ощущаемость времени. Средняя оценка по факторам Активности, Эмоциональной окраски, Величины, Структуры и Ощущаемости времени вычисляется путем сложения баллов по каждому фактору и имеет диапазон ± 15 .

Опросник «Временная перспектива» Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory – ZPTI) представляет собой методику, направленную на исследование системы отношений ко времени. Данная методика помогает понять направленность времени, его протяженность, событийную насыщенность, дифференцированность и

структуру. Ф. Зимбардо представляет временную перспективу как основополагающий процесс в форме индивидуального и социального функционирования. Временная перспектива представляет собой свойства психологического времени личности, описывающие координаты пространства субъективного восприятия времени. Это отношение человека ко времени, при котором вся жизнь человека структурируется при помощи временных категорий, тем самым объединяя события в единое временное пространство [2]. В опроснике выделено 5 показателей: Негативное прошлое, Позитивное прошлое, Гедонистическое настоящее, Фаталистическое настоящее, Будущее. Сумма баллов по каждому фактору имеет диапазон от 0 до 5. Русскоязычная адаптация выполнена А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной [10].

Поскольку хронологическая и психологическая удаленность имеет разную пространственную локализацию, интуитивные образы времени на основе хронологического представления создают возможность выразить психологическое время. Шкалы семантического дифференциала и временной перспективы описывают координаты пространства субъективного восприятия времени. Таким образом, данные методы позволяют рассмотреть положение доминирующих временных структур в темпомире человека.

В исследовании приняли участие 247 человек, возраст респондентов варьирует от 15 до 58 лет, среди них 59 мужчин, 188 женщин. Методы математической обработки – кластерный анализ, метод «Дальнего соседа», статистический пакет IBM SPSS Statistics 23.

Результаты. Была проведена классификация временных типов личности на основе сходства по параметрам «Временная перспектива» и «Семантический дифференциал времени» при помощи кластерного анализа. Представленные параметры были разделены на группы по сходству, из чего было выделено 5 кластеров.

К первому кластеру отнесены такие показатели, как Эмоциональная окраска будущего, Величина будущего, Активность будущего, Эмоциональная окраска прошлого, Величина прошлого и Активность прошлого. Временные факторы, вошедшие в данный кластер, демонстрируют восприятие человеком протяженности времени исходя из построения временной перспективы из прошлого в будущее.

Первый кластер представляет собой сочетание ретроспективных и перспективных временных структур, развивающихся в одном направлении. Можно предположить, что представители такого типа будут заниматься прогнозированием своей жизни, строя предположения о будущих событиях, исходя из представлений о своем прошлом, выводя из него определенным образом выстроенные логические конструкции.

Ко второму кластеру относятся параметры Ощущаемость прошлого, Структура прошлого, Позитивное прошлое и Гедонистическое настоящее. Данный кластер представляет собой отношение к настоящему времени в соответствии с интуитивными представлениями о реальности и значимости времени прошлого для человека.

Второй кластер представляет собой сочетание структур прошлого и получение удовольствия в настоящем. Данный тип будет характеризовать реализацию возможностей в настоящем времени, выполнение недолгосрочных целей и удовлетворение быстрых, сиюминутных желаний.

К третьему кластеру относятся Величина настоящего и Структура настоящего времени, Структура будущего и Ощущаемость будущего времени. Данный кластер объединяет в себе такие показатели, как структурированность, величина и ощущаемость, что подразумевает четкое представление человека о том, что происходит с ним в настоящем времени и к каким последствиям в будущем это приведет.

Третий кластер базируется на сочетании структур настоящего и будущего в силу их устойчивости, величины, силы. Основополагающим для данного типа будет служить развитие перспективы, четкое понимание связи между событиями, четкая структурированность времени. Можно предположить, что скорость развития структур в подобном типе будет выше, поскольку человек в своем видении будет превосходить актуальное течение времени.

К четвертому кластеру относятся факторы Эмоциональная окраска настоящего, Ощущаемость настоящего, Активность настоящего и Будущее. Факторы, относящиеся к настоящему, отражают положительное переживание событий актуального времени, когда общее представление о времени тесно связано с эмоциональными переживаниями. Подобная временная ориентация происходит в ответ на события, в череде которых их эмоциональная окраска играет важную роль. Если в третьем кластере оценка будущего времени будет происходить из расчетов планов и целей, основанных на актуальном состоянии, то в четвертом кластере в большей степени играют роль эмоциональная сторона и активность настоящего, которые ведут к ориентации на будущее.

Четвертый тип сочетает в себе эмоциональные компоненты настоящего и будущего. Данный тип может характеризовать футуристическое отношение к будущему, яркое, эмоциональное представление событий будущей жизни путем экстраполяции тех переживаний, которые есть у человека в данный момент, на свое будущее.

К пятому кластеру относятся Негативное прошлое и Фаталистическое настоящее. Можно предположить, что пессимистичное переживание трагических или определенных таковыми для индивида событий прошлого ведет за собой пессимистическое отношение к настоящему. Пессимистическое, безысходное отношение становится личным поведенческим паттерном человека.

Пятый тип представляет собой структуры негативного прошлого и пассивного отношения к настоящему. Основным представлением о времени для такого типа будут выступать ретроспективные переживания. Можно предположить, что скорость развития структур в подобном типе будет ниже актуального времени, поскольку в нем преобладают структуры прошлого, имеющие медленное развитие.

Наибольшее количество респондентов исследуемой выборки вошли в первый (35,5%) и четвертый кластеры (25%), наименьшее число респондентов – в 5 кластер (1%).

Далее был построен график оценки времени по всем шкалам каждой выделенной группы, который позволил проанализировать особенности субъективного отношения ко времени по всем исследуемым параметрам (рис. 1).

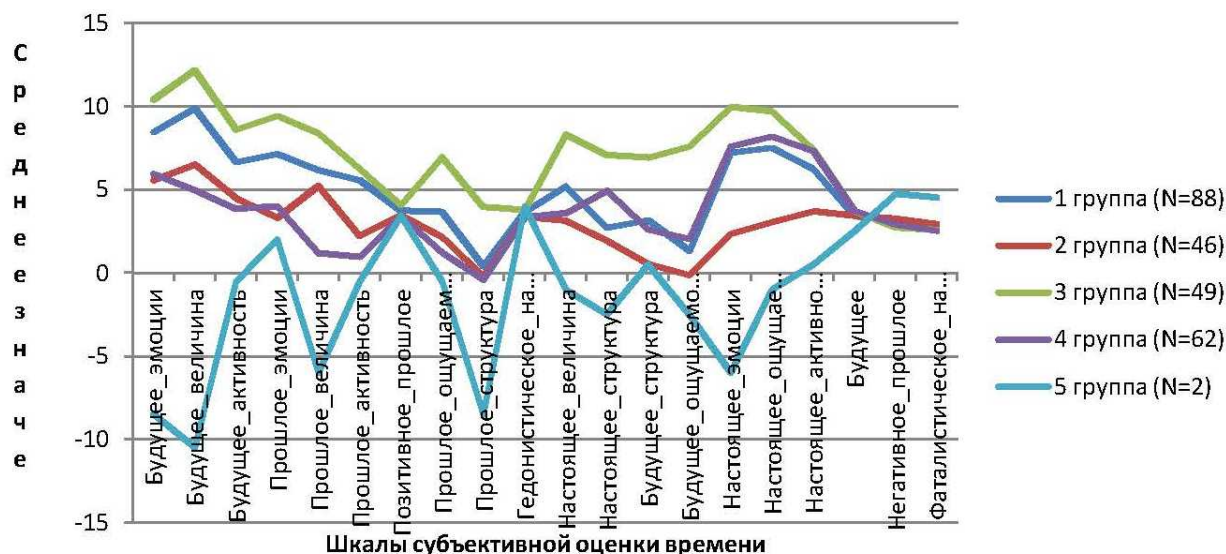

Рис 1. Степень выраженности исследуемых временных параметров среди выделенных групп темпомиров

Были выделены инвариантные показатели по шкалам времени для всех групп респондентов – три точки пересечения, в которых выраженность степени восприятия времени в разных группах имеет сходные показатели. Это факторы Позитивное прошлое, Гедонистическое настоящее и Будущее. Оценки по данным показателям сохраняются на уровне средних, независимо от выбранной стратегии восприятия времени. Все три фактора находятся в границах среднего показателя, что свидетельствует о нормальной тенденции восприятия времени в данной выборке. Положительный опыт прошлого, концентрация на настоящем и ориентация на будущее являются факторами целостности восприятия времени. Время воспринимается в его единстве, индивид может проследить все пространство времени, выявив связь между событиями в актуальном времени. Стоит обратить внимание, что для респондентов пятого кластера данные инвариантные показатели являются пиковыми. В этих точках у респондентов показатели возрастают и занимают максимальные позиции, относительно других оценок.

Можно предположить, что существует сбалансированное, здоровое смешение временных перспектив для каждого человека, которое отражает его личностные характеристики, индивидуальный стиль. В таком смешении временных перспектив оптимально сбалансированы прошлое, настоящее и будущее, которые гибко взаимодействуют в зависимости от требований ситуации, а также потребностей, решений и ценностей. Независимо от доминирующих временных структур в темпомире человека положительный опыт прошлого, максимальное использование настоящего и ориентация на будущее являются инвариантными показателями для всех групп. Это также говорит о том, что целостное представление о времени осуществляется в смысловом единстве прошлого, настоящего и будущего, а выделенные нами временные кластеры представляют собой сочетание ведущих временных структур в иерархии темпомира человека.

Выводы. Изучение темпомира как части событий мира позволяет раскрыть взаимодействие объектов и среды, развивающихся как единое целое. Темпомир напрямую связан с понятием времени, так как развитие сред в нем происходит во времени, это бесконечное взаимодействие времени прошлого, настоящего и будущего. Структуры прошлого времени оказывают влияние на настоящее, оно, в свою очередь, трансформирует будущее. Интуитивные образы времени человека, строящиеся на основе хронологического представления, создают возможность выразить психологическое время личности. Рассматривая таким образом темпомир человека, можно увидеть пути его развития, как прошлого, так и будущего и настоящего, так как он является открытой, развивающейся, нелинейной сложной системой, включающей в себя множество временных структур.

Временная ориентация человека отражает направленность его настоящего времени. Такой механизм восприятия предполагает временную децентрацию, подразумевающую перенос хронологического настоящего в прошлое или будущее, что представляет собой доминирующее положение, которое может иметь центральное положение в субъективной оценке времени. Таким образом формируются ведущие временные структуры в темпомире человека, объединяясь в сложные структуры с единым темпом развития. Скорость развития структур, входящих в темпомир человека, будет зависеть от децентрации времени, т.е. соответствовать достижению момента обострения, при этом время будущее будет отличаться близкими, быстро развивающимися «горящими» структурами, а время прошлое, удаленное от момента обострения, медленно «горящими» [8].

Выделенные пять типов представляют собой систему организованных определенным образом временных структур, объединенных в темпомир. Когда субъективное восприятие времени развивается в сторону одной из трех временных тенденций, происходят когнитивные временные смещения по отношению к прошлому, будущему или настоящему. Каждый выделенный тип имеет свою скорость развития и включения в текущие события. Это смещение становится диспозиционным стилем, который прогнозирует поведение человека во множестве повседневных событий.

Изучение восприятия времени основано на том, что время играет главную роль в ориентации человека в меняющихся условиях и содействует его адаптации. Поэтому одним из важных вопросов в исследовании времени является адаптация человека к текущему времени. Современный этап развития психологической науки позволяет нам рассматривать время личности в виде особой пространственно-временной организации индивида. Поскольку развертывание пространственно-временного бытия отличается наличием множества структур с разными временными скоростями, это предъявляет к человеку определенные требования для их освоения. Дальнейшее изучение времени в подобном ключе даст возможность раскрыть изменение пространственно-временной организации человека в процессе становления системы, а также рассмотреть особенности включения индивида в пространство и время современного глобального общества, характеризуемого расширенным информационным полем, разными скоростями развития, компьютеризацией и т.д.

Литература

1. Вассерман Л.И., Кузнецов О.Н., Ташлыков В.А. [и др.]. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб. : СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 44 с.
2. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб. : Речь, 2010. 352 с.
3. Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. 2008. № 2. С. 87–101.
4. Ключко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 136–151.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск : Тои. гос. ун-т, 2005.
6. Ключко В.Е., Ключко Ю.В. Человек: открытая система в закрытой среде // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 6–16.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М. : КомКнига, 2011.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры // Живая этика и наука. 2008. № 1. С. 379–443.
9. Лукьянов О.В. Готовность быть. Предположения о транстемпоральности опыта озабоченности настоящим // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006. № 1 (8). С. 125–143.
10. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. № 3 (29). С. 101–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10120891>

RESEARCH OF SPATIAL-TIME CHARACTERISTICS OF THE HUMAN TEMPOWORLD

Bredun E.V., PhD student, teaching assistant, chair of general and pedagogic psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: bredun.88@mail.ru

Abstract. The article presents an attempt to identify the role of subjective time perception in spatial-temporal organization of tempoworld of human, the construction of which depends on the temporal orders of the external world of the person with whom he interacts. The features of studying time within the framework of the transition to the post-non-classical paradigm are analyzed. This direction represents a person as an open self-organizing system and allows us to consider the spatio-temporal organization of a person in a new perspective. The main idea in the perspective of the post-nonclassical paradigm is the solution of the problems of complex self-developing, open systems, considered on the basis of the work of V.E. Klochko. In the framework of this study, a person is presented in the form of a complex developing system, whose designs are revealed through systemic comprehension of the features of a spatio-temporal organization, where the systemic quality of a person is manifested when it is included in the world. Entering into interaction, internal and external orders, give birth to new qualities of the system, which become the order of development of this system. From which follows the relevance of studying the changing world of man, his chronotopic and temporal characteristics, as well as the associated tempoworld concept introduced by Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. The interpretation of tempoworlds from the point of view of space and functional time is actualized, i.e., openness and closure of the system as a means for self-organization of the individual on the basis of the spatio-temporal integrity of the structures included in it, which reveals the features of creating a person's temporal reality. The article presents the results of the study of the chronotopic characteristics of the Tempoworld through the comprehension of the features of the subjective perception of space and time, using the methods of Semantic differential of L.I. Vasserman and the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZPTI). Classification of temporal personality types, isolated on the basis of cluster analysis, which allowed to distinguish 5 types of tempoworld, including temporary structures of different order. The spatial-temporal localization of such structures in the human tempoworld depends on intuitive images, which are expressed through a subjective understanding of psychological time.

Keywords: time; space; self-organization; time arrow; temporality; tempomir, chronotope.

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

О.В. Бубновская

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-mail: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема междисциплинарности современных научных исследований и пути ее решения в рамках реализации проектов психологической тематики.

Ключевые слова: междисциплинарность; психология; интеграция науки и образования; благополучие; мотивация личности.

Дискуссия о будущем университетов в научно-образовательных и «практикующих» сообществах все чаще касается проблемы междисциплинарности, которая сегодня набирает обороты. Современные отечественные и зарубежные исследователи анализируют понятия дисциплинарности и междисциплинарности через опыт культурно-исторической интерпретации [1, 4], их баланс [9], отмечают оригинальность российской дисциплинарности [5], изучают форму и содержание современных концепций дисциплинарности [3], описывают виды междисциплинарности и способы погружения в нее [7], а также подчеркивают необходимость союза гуманитарных и естественных наук [8, 9].

Психология, как и другие науки, нуждается в применимости, практикоориентированности знания, выходе за пределы дисциплины [2], а психологические факультеты в вузах – в подготовке «нужных», востребованных и мотивированных выпускников.

Примером подобной междисциплинарности могут служить научно-исследовательские проекты, реализуемые преподавателями и студентами-психологами Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (задачи и результаты проектов представлены в таблице).

Ключевые междисциплинарные проекты, реализуемые в рамках направления подготовки «Психология»

№	Название проекта	Описание	Ожидаемые результаты
1	Культурные и национальные особенности когнитивной сферы личности в контексте Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)	Междисциплинарное изучение работы нейронных сетей для понимания механизмов межкультурной коммуникации; кросскультурное исследование когнитивных процессов, активности мозга в состоянии контролируемого покоя и трансляция этого состояния на механизмы неосознанного восприятия и непроизвольного внимания на значимые социальные стимулы, а также произвольной модуляции внимания и стратегий саморегуляции при моделировании социального поведения; описание физиологических основ познавательных процессов, эмоционально-потребностной сферы и функциональных состояний человека, сканирования невербального поведения, а также онтогенетических изменений и индивидуальных различий	Описание структурных и функциональных особенностей когнитивной сферы представителей стран АТР; программы оптимизации процесса обучения, выполнения различных когнитивных задач, социально-психологической и языковой адаптации иностранных студентов; моделирование работы высших когнитивных функций на основе изучения мозговой организации психической деятельности; Международная междисциплинарная лаборатория когнитивистики и математического моделирования социальных процессов в АТР
2	Изучение возможностей использования виртуальной реальности (VR) в современном образовании	Исследование с помощью VR-оборудования влияния виртуальной реальности на психофизиологию, сознание человека; создание новейших технологий обучения	Перспективные VR-методики обучения и образовательные модули, основанные на технологиях виртуальной и дополненной реальности
3	Имидж, факторы социальной привлекательности и репутационные характеристики столиц Дальневосточного федерального округа (ДФО)	Выявление факторов социальной привлекательности и ключевых критериальных показателей репутации городов-столиц Дальневосточного региона; реконструкция основных субъективных факторов социальной привлекательности городов ДФО; описание имиджа, структурно-содержательных характеристик образа дальневосточных столиц	Психологические портреты дальневосточных столиц; рейтинг значимых критериальных признаков привлекательности и репутационных характеристик ДВ столиц; рекомендации по повышению привлекательности городов, корректировке их репутационных характеристик
4	Модель психологического благополучия личности в контексте профессиональной деятельности	Выявление факторов психологического благополучия личности и детерминант удовлетворенности трудом в разных условиях; разработка методов формирования психологического благополучия личности с целью повышения произ-	Психодиагностическая методика, основанная на модели психологического благополучия личности как субъекта профессиональной деятельности; программа по повышению психологиче-

№	Название проекта	Описание	Ожидаемые результаты
		водительности и эффективности труда; изучение детерминант удовлетворенности трудом и особенностей ценностно-смысловой сферы работников	ского благополучия личности в условиях профессиональной деятельности
5	Социально-психологический портрет предпринимателя Приморского края (ПК): структурно-содержательная модель	Реконструкция социально-психологического портрета приморского предпринимателя, включающего ценностно-смысловую сферу, «Я концепцию»; образ мира и образ жизни (в представлениях «другого»), поведенческие аспекты; детализация бизнес процессов на уровне микро-правового и социально-психологического анализа; распознавание «слабых» и «сильных» сторон образа предпринимателя ПК в бизнес-среде для нивелирования угроз и усиления стратегических возможностей партнерских отношений в рамках экономического развития Дальнего Востока	Модель типичного приморского предпринимателя, его конструируемый и управляемый образ; тренинговые модули, направленные на преодоление коммуникативных барьеров с учетом «сильных» и «слабых» сторон образа «делового человека»; рекомендации по формированию положительного образа предпринимателя как субъекта хозяйственной деятельности в коммуникативном пространстве региона и за его пределами
6	Безопасность и социально-психологическое благополучие жителей Дальнего Востока России	Комплексный анализ уровня и качества жизни в ДФО, вопросов преступности и безопасности, а также ценностных установок и субъективных оценок населением удовлетворения своих насущных потребностей; разработка операционного определения и измерение субъективного уровня безопасности и социально-психологического благополучия у жителей ДФО; выявление объективных показателей безопасности и социально-экономического уровня жизни в регионе и социально-психологических причин низких субъективных оценок удовлетворенности жизни в регионе; измерение и объяснение соотношения субъективных оценок жителей ДФО и объективных показателей безопасности и качества жизни в регионе	Рекомендации для усовершенствования социальной политики в регионе с целью повышения оценок субъективного восприятия безопасности и социально-психологического благополучия у жителей ДФО для сдерживания продолжающейся депопуляции и способствования интеграции ДФО в АТР; интернационализация социально-психологических и криминологических исследований в ДФО посредством проведения международных школ

Данные проекты требуют консолидированных усилий психологов и специалистов-смежников, междисциплинарного решения на стыке предметных областей психологии, психофизиологии, социальной и когнитивной нейронауки, конфликтологии, криминологии, социологии, менеджмента, истории, философии и ряда других наук.

В рамках сложившихся трендов государственной региональной политики Дальнему Востоку отводится исключительная роль в развитии промышленно-производственного комплекса России. Данные тенденции определяют интенсивность инвестиционных потоков как в части государственной поддержки, так и капиталовложений от частных лиц. Стратегическое расположение ДВФУ на пересечении культурных и национальных традиций и активное их интегрирование в международную социальную и экономическую жизнь делает необходимым развитие отечественных исследований в вышеобозначенных областях.

От того, насколько успешно решаются подобные междисциплинарные задачи с учетом интеграции науки, образования и бизнеса, зависит успешность региона в конкуренции за те или иные ресурсы, целостность и непротиворечивость самого регионального пространства, социальной коммуникации, протекающей в регионе и за его пределами. Решение актуальных проблем территории позволяет выявлять «узкие» места, препятствующие наращиванию человеческого капитала в регионе, стабилизации населения, что, в свою очередь, является залогом оптимизации бизнес-процессов и социально-экономического развития в целом.

Следует отметить, что получение нового знания по заявленным междисциплинарным проблемам особенно важно с учетом специфики ДФО (например, территориальные споры в АТР, угрозы ядерной безопасности в рамках реализации ядерной программы КНДР, а также экологическая, демографическая и экономическая безопасность Дальнего Востока России).

Хотя темпы падения численности населения в ДФО замедлились в последние годы, депопуляция продолжается. В регионе все еще остро стоят многие социальные проблемы. Так, уровень наркотизации и алкоголизма среди населения ДФО в два раза превышает общероссийские показатели. Также нельзя игнорировать устойчивый рост преступлений экстремисткой направленности, увеличение числа насильственных действий на почве ксенофобии в отношении мигрантов, прибывающих из приграничных стран АТР.

В то время как основные проекты развития ДФО направлены на меры по стимулированию экономического развития региона, социально-психологические вопросы часто остаются без должного внимания.

Даже если в условиях санкций и спада экономического роста трудно быстро ожидать значительного экономического улучшения жизни населения в ДФО, существуют другие факторы, прежде всего социально-психологического характера, воздействие на которые может значительно улучшить субъективное состояние благополучия населения (теорема Томаса).

Литература

1. Ажимов Ф.Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 70–77.
2. Бубновская О.В. «Взаимодействуй или умри»: выход за пределы дисциплины // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 72–76.
3. Павловский В.В. Форма и содержание современных концепций дисциплинарности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 91–95.
4. Пост Р. Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. URL: <http6/www.nlobooks.ru/node/2485>
5. Щербенок А.В. Вступительное слово. Философия изменений современных университетов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 71.
6. Biagioli M. Postdisciplinary liaisons: science studies and the humanities // Critical Inquiry. 2009. Vol. 35, № 4. P. 816–833.
7. Lattuca L. Creating interdisciplinarity. Nashville : Vanderbilt University Press, 2001.
8. Smith B. Figuring and reconfiguring the humanities and the sciences // Profession. 2005. № 10. P. 18–27.
9. Wellbery D. Discipline and complexity // Critical inquiry. 2009. Vol. 35, № 4. P. 982–994.

EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH AS A TOOL OF INTEGRATION OF SCIENCE AND EDUCATION

Bubnovskaya O.V., PhD in psychology, professor of russian academy of natural history, deputy director for development of school of humanities, associate professor at the department, Social and Psychological Sciences Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

Abstract. The article discusses the problem of interdisciplinarity of modern scientific research projects and the ways of its solution within the framework of psychological projects outside of only one discipline. The article also describes the tasks and results of the project: on the study the cultural and national characteristics of cognitive sphere in the context of the Asia-Pacific Region; on the research of the possibilities of using virtual reality in modern education; on the reconstruction of the socio-psychological portrait of the entrepreneur of the Primorsky Region, its structural and content model; on the analysis of the image, factors of social attractiveness and reputation characteristics of the capitals of the Far Eastern Federal District; on studying safety and socio-psychological well-being of residents of Far East in Russia; on compiling a model of individual psychological well-being in the context of professional activity. The author notes the need for consolidated efforts of psychologists and specialists in subcontractors in search of an interdisciplinary solution of the identified problems at the junction of subject areas of psychology, psychophysiology, social and cognitive neuroscience, conflictology, criminology, sociology, management, history, philosophy and other sciences, taking into account the existing trends of the state regional policy in the Far East, the specifics of the Far Eastern Federal District, the strategic location of the FEFU at the intersection of cultural and national traditions. The solution of such interdisciplinary tasks in integration of science, education and business ensures the success of the region in competition for resources, the integrity and consistency of the regional space, social communication in the Far East and beyond. The solution of the actual problems of the territory makes it possible to identify "bottlenecks" that hinder the buildup of human recourses in the region, to stabilize the population, which in turn is the key to optimizing business processes and socio-economic development of the regions as a whole. Although it is difficult to expect rapid significant economic improvement of life of the population in the Far Eastern Federal District in condition of sanctions and economic slowdown, there are other factors, primarily of socio-psychological nature, the impact on which can significantly improve the subjective state of the well-being of the population.

Keywords: interdisciplinarity; psychology; integration of science and education; well-being; motivation of personality.

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЯ СМЫСЛА И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Н.А. Буравлева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

E-mail: buravljova-nata-bn@rambler.ru

Аннотация. Новые перспективы исследования смыслов и ценностей личности открывает теория психологических систем.

Ключевые слова: теория психологических систем; онтология смысла; ценностно-смысловая сфера; личность; антропологизация знаний; самоосуществление; трансцендирование.

Центральной идеей науки в последние годы является антропологизация знаний: направленность на изучение особенностей личности, жизненного самоосуществления человека, расширение его возможностей и потенциала. Актуальность исследования этих вопросов усиливают быстрые непредсказуемые изменения в мире, существование различных трактовок одних и тех же явлений, увеличение количества ситуаций неопределенности. Среди множества вопросов, связанных с изучением личности, важными являются вопросы смысла и ценностей жизни человека, их порождения, изменения, значения. По утверждению Д.А. Леонтьева, понятие смысла начинает претендовать на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии [6].

Исследование ценностно-смысловой сферы личности отражено в работах таких исследователей, как Д.А. Леонтьев, В.Э. Чудновский, Д.И. Фельдштейн, А.В. Серый, М.С. Яницкий, Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, К.В. Карпинский, В.И. Панов и др. Так, например, А.Г. Асмолов считает, что понятие «смысл» является основным в современной психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» [1]. М.С. Яницкий делает акцент на том, что ценности задают вектор развития человека, способствуют его личностному росту. Он подчеркивает, что смысловая сфера личности является центральным элементом ее сложной структуры, определяет спектр взаимоотношений человека с окружающими [10]. В книгах А.Н. Леонтьева мы находим мысли о существовании своеобразных «узлов», соединяющих различные виды деятельности в целостные личностные структуры, которые он отождествляет с ценностными образованиями, формирующими основу личности [5]. В качестве механизма, детерминирующего поведение человека, становление его как личности, трактует ценностно-смысловую сферу личности В.Э. Чудновский. В. Франкл в своих работах пишет, что в случае отсутствия смысловых ориентаций у человека наступает состояние фрустрации или экзистенциального вакуума.

Результаты исследований свидетельствуют, что личностные смыслы являются показателем развития человека, становления субъектности жизни, способности разрешать вопросы собственного развития, умения, по выражению К.А. Абульхановой, превращать противоречия в жизненные задачи. Ценностно-смысловые структуры обеспечивают отражение, субъективные отношения человека с миром, психическую регуляцию разнообразных форм личностной активности, опосредуют овладение все более сложными видами деятельности. По мере личностного развития и самодетерминации возрастает склонность ориентироваться на осмысленные и вариативные возможности в противовес однозначной необходимости.

Новые перспективы исследования личности открывает теория психологических систем (ТПС); они отражены в работах В.Е. Ключко, О.М. Красноядцевой, Э.В. Галажинского, О.В. Лукьянова, И.О. Логиновой. Эти ученые с позиций постнеклассической психологии рассматривают человека как открытую самоорганизующуюся систему, где все параметры взаимосвязаны, влияют друг на друга, а смысловые образования личности представлены в контексте целостности человека и его многомерного жизненного мира. Такой подход открывает возможность понимания, как возникает пространство жизни человека, в котором он действует, осуществляя себя и свою реальность [3, 4].

Размышляя над вопросами онтологии смысла, В.Е. Ключко обращает внимание на то, что в ТПС смыслы становятся тем, что определяет границы жизненного мира человека, выделяет его из того пространства, которое часто называют безликим словом «окружение». Человек проецирует в это окружение свое состояние, свои актуальные потребности и возможности, создавая неповторимую, динамичную «смысловую разметку» многомерного пространства жизни, обеспечивающего многомерность его бытия [3].

В качестве метода исследования ТПС выдвигает трансспективный анализ, который ориентирован на реконструкцию внутренней логики развития открытых саморазвивающихся систем, анализ их самодвижения, на снятие дихотомического противопоставления внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, на пространство, в котором субъективное и объективное неразличимы, где происходят процессы смыслопорождения, отсылающие не к потребностям, а к возможностям человека, что существенно усложняет методы его познания. При этом акцент делается на таких понятиях, как «единство», «со-бытие», «соприсутствие». Теория психологических систем объединяет в себе те разные аспекты, которые изучаются в отношении смысловых образований личности разными исследователями, рассматривая их как интенциональные структуры, предопределяющие тот опыт, который человек может «иметь» в своем жизненном мире [4].

В ТПС центральным вопросом является изучение становления, самоосуществления личности, реализации перехода возможности в действительность. Появление нового качества сознания, выступающего в виде его осмысленности, понимается как одна из форм такого перехода. В ситуационном аспекте смыслы возникают как результат проекции в предмет актуального состояния человека – его потребности и возможности. В результате человек получает возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий [9].

В условиях, заданных ситуацией «здесь и сейчас», смысл выражает целостность человеческой сущности, помогает упорядочить мир. Смыслы, по мнению представителей теории психологических систем (В.Е. Ключко, О.М. Красноядцева, Э.В. Галажинский), связывают объективную реальность с текущими состояниями человека, конституируют их соответствие и обеспечивают восприятие жизненного мира как реальности. Смысл не предназначен, а возникает на пересечении ряда одновременно осуществляющихся процессов как коррелят единичных актов понимания и как динамическое событие. Разворачиваясь в деятельности, процесс смыслообразования позволяет устанавливать с миром качественно иные (от предметного) жизненные отношения.

С точки зрения теории психологических систем смысловые структуры рассматриваются не как застывшие образования, а как возникающие, изменяющиеся и усложняющиеся темпорально организованные структуры, т.е. структуры, в которых «будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему» [3, с. 108].

Параметрами порядка в теории психологических систем выступают предметный, смысловой и ценностный уровни сознания, которые формируются в процессе онтогенетического развития человека (В.Е. Ключко, О.М. Красноядцева, Э.В. Галажинский), находятся на границе субъективно-объективного пространства, обеспечивают необходимость и возможность человека действовать, открывая смысл и ценность собственной жизни. Предметный, смысловой и ценностный уровни становления человека характеризуют направление развития от-

крытой самоорганизующейся (саморазвивающейся) системы как закономерно усложняющейся пространственно-временной организации [3].

Открытие смысла – это уход от «жизни по необходимости», возложение на себя ответственности за осуществляемый смысл, так как осуществляя смысл, человек осуществляет себя. Смыслостроительство и смыслоосуществление, обеспечивающие возможность жизненного самоосуществления, ведут человека к увеличению степени ответственности перед самим собой, обеспечивая тем самым целостность себя как системы более высокого порядка. Проживание вопроса о смысле – это наиболее яркая точка обнаружения человеком своего Я.

Говоря о системном подходе в современной психологии, нельзя не вспомнить Л.С. Выготского, который, задавая вопросом, что такое личность, писал, что это динамическая смысловая система, включающая мотивационные, волевые, эмоциональные процессы, динамику действия и динамику мысли. Все эти компоненты могут быть в различных отношениях друг к другу, могут образовывать различные «сплавы». В процессе общественной жизни возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения [2].

А.Н. Леонтьев в своих работах отмечал, что личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными свойствами. С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это – исследование его места, позиции в системе, которая есть система общественных связей, общений, открывающихся ему; это – исследование того, *что, ради чего, и как* использует человек врожденное ему и приобретенное им [5].

Исходя из основных идей теории психологических систем, где не противопоставляются прошлое, настоящее, будущее, сознание и деятельность, субъективное и объективное иначе видится формула Д.А. Леонтьева «**возможное – ценное (осмысленное) – должное – цель – действие**», где ресурсы человека, трансформация существующего, воплощение возможности в действие, *ответственность за реализацию возможностей* связаны воедино [6].

Гармонизация смыслов в человеке проявляется у него на уровне возникновения более сложных форм взаимодействия со средой, в росте открытости личности в мир, возможности самостоятельной персонификации культурных ценностей и смыслов, в обращении к самому себе как субъекту решения «задач на смысл», «задач на ценность», смен фрагментарного восприятия ситуаций более целостными и системными [8].

Постижение смыслов способствует выходу человек за пределы Я, трансцендированию. Ведь, как подчеркивает А.М. Лобок, человек – это существование возможного и существование в возможном. Человек – это существо, которое всегда больше того, что он на первый взгляд есть. Человек проявляется в человеке именно тогда, когда он выходит за границы наличного, и именно в этом выходе за границы наличного бытия и состоит подлинная суть человека [7].

Изучение человека как уникальной открытой саморазвивающейся системы в рамках ТПС помогает более объемно подходить к анализу личности, ее смысловым образованиям, способствует ответу на вопросы, почему один человек предсказуем, управляем, пассивен, а другой рефлексивен, выступает как субъект собственной активности, ориентирован в большей степени на возможности, чем на необходимость, почему для кого-то бытие может рассматриваться как присутствие, а для кого-то как жизнотворчество, саморегуляция, осуществление человеческого потенциала и реализация себя на уровне человеческих возможностей, когда поиск смысла жизни трактуется как задача, как детерминанта усложнения, усиления чувствительности к происходящему в жизни человека, как переоценка значимости существующих отношений и актуализация новых смысловых контекстов, преобразование человеком способа своего бытия. Таким образом, теория психологических систем открывает новые горизонты в изучении личности, понятия «смысл» в постмодернистской психологии, что представляет актуальность как в теоретическом, так и в практическом плане.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности (принципы общепсихологического анализа). М. : Смысл, 2001. 416 с.
2. Выготский Л.С. Психология. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 1008 с.
3. Ключко В.Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О.К. Тихомирова) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2013. № 2. С. 106–120.
4. Кубарев В.С. Методологические инструменты постнеклассической психологии: транспективный анализ // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 6–24.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 3-е изд., доп. М. : Смысл, 2005. 352 с.
6. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
7. Лобок А.М. Свобода быть. Высокий замок Станислава Лема // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2015. № 1 (26). С. 142–159.
8. Файзуллаева Е.Д. Развитие рефлексивности как условие гармонизации процессов становления смыслового сознания : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010. 25 с.
9. Чушева Н.А. Становление смыслового сознания: системный аспект : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2008. 24 с.

10. Яницкий М.С., Серый А.В., Пелех Ю.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа пост-неклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1. С. 175–186.

PSYCHOLOGY OF MEANING AND THEORY OF PSYCHOLOGICAL SYSTEMS

Buravleva N.A., PhD in psychology, associate professor, associate professor of the department of psychological and pedagogical education, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia. E-mail: buravljova-nata-bn@rambler.ru

Abstract. Studies in the XXI century are becoming increasingly anthropological in nature. Their relevance is due to rapid changes in the world, situations of uncertainty, different points of view on certain phenomena. The central question of psychological science is the study of the meanings and values of individual life, their generation, changes, values in human life. In postmodern psychology, this issue is of significant importance. Studies of recent years have focused on different aspects of the value-semantic sphere of an individual. Meanings are an indicator of human development, subjectivity, the ability to resolve the contradictions of one's own development, determine human behavior, set the vector of human development. If there are no sense orientations in a person, then there is a state of frustration or existential vacuum. The new perspective of personality research opens up the theory of psychological systems. From the point of view of post-nonclassical psychology, it considers a person as an open self-organizing system where all parameters are interrelated, influence each other, and the semantic personalities are represented in the context of the integrity of a person and his multidimensional life world. This approach opens the possibility to understand how the space of a person's life arises, in which he acts, fulfilling himself and his reality. The fundamentals of treating a person as a complexly organized system could be seen in the scientific legacy of L.S. Vygotsky and A.N. Leontiev. As a method of research, the theory of psychological systems is advanced by transselective analysis, which is oriented toward the reconstruction of the internal logic of the development of open self-developing systems, the analysis of their self-movement, and the removal of contradictions of the external and internal, subjective and objective. The emphasis is on the concepts of "unity", "co-being", "co-presence". In the theory of psychological systems, the main issue is the study of the formation, self-realization of the personality, the realization of the transition of possibility into reality. Harmonization of meanings in a man is manifested in him at the level of the emergence of more complex forms of interaction with the environment, in the growth of the person's openness to the world. Semantic structures are not frozen formations, they are constantly changing and becoming more complex. Comprehension of meanings promotes the person's going beyond the limits of an ego, to transcendence.

Keywords: theory of psychological systems; ontology of meaning; value-semantic sphere; personality; anthropologization of knowledge; self-realization; transcendence.

УДК 159.9.07

ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОСТОЯНИЙ РЕЛАКСАЦИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В.С. Выскочков

Сибирский государственный медицинский университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: vysko4kov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается перспектива использования состояний релаксации, вызванных с помощью метода синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики, для реализации креативного потенциала личности.

Ключевые слова: фрактальная динамика; креативные состояния сознания; креативность; креативный потенциал; психотехнологии; релаксация.

Введение. Вопрос креативности является одним из ключевых в современном мире усложняющихся задач. Проблемы, которые приходится решать современным специалистам, требуют комплексного подхода и «свежего» взгляда. Работодатели хотят видеть гибких, находчивых, инициативных специалистов, способных находить нетривиальные, уникальные решения поставленных задач. Все эти качества, по мнению многих исследователей, могут характеризовать креативность.

В связи с запросом работодателей на креативных специалистов рынок психологических услуг предлагает большое количество тренингов и программ по развитию креативности у конкретного работника или у рабочего коллектива. Однако обычно подобные программы требуют достаточно долгого времени на их реализацию, которого, как правило, и так не хватает.

В то же время можно отметить интенсивное внедрение в рынок психологических услуг «майнд-машин» и прочих технических изобретений, включая цифровые программы, позволяющих каким-либо образом влиять и усиливать различные целевые когнитивные способности человека. Использование данного вида воздействия существенно сокращает требуемое для эффекта время, а также добавляет интерактивность, что существенно увеличивает включенность клиента в процесс оказания услуги.

Исходя из эффективности цифровых технологий для усиления тех или иных целевых функций человека, нашей исследовательской командой было принято решение о разработке цифрового продукта, который позво-

лял бы за короткий промежуток времени усилить креативность человека. В качестве метода нами была выбрана технология синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики.

Обоснование метода. Проведенные нашей командой исследования влияния синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики (далее – СФМД) показали, что СФМД способна индуцировать измененные состояния сознания (далее – ИСС) [3]. В то же время В.И. Кабрин [2, 3] в своих работах показал, что во всем спектре ИСС существует специальный спектр, который он предложил называть креативными состояниями сознания (далее – КСС).

Если говорить про влияние ИСС на творческую сферу, а соответственно, и на креативность, то в работах О.В. Кулагиной отмечается вероятность того, что многие известные работы древних творцов создавались в ИСС [4]. Кроме этого, существуют данные, в которых показано, что человек, находясь в ИСС, сталкивается с новым опытом, который в дальнейшем реализуется в творчестве. Данная идея характерна для феномена КСС. Также отдельно исследовались творческие продукты, созданные в ИСС. Было показано, что данные продукты создавались не с целью отображения окружающего мира, а с целью отображения опыта соприкосновения с мирами, находящимися за пределами восприятия в базовом состоянии сознания. Таким образом, можно заключить, что ИСС способны продуктивно влиять на творческие способности как человека, так и группы [1].

Переходя к КСС, стоит отметить что данный феномен разрабатывается в транскомуникативном подходе. Автор считает, что среди всего спектра ИСС существуют такие, которые способны реализовывать коммуникацию с БСС и тем самым актуализировать процесс осознания (как перехода ценностного в когнитивное). Такие состояния предлагается называть креативными. Отличительными чертами КСС являются безопасность и управляемость [3].

По мнению В.И. Кабрина, встреча с новым всегда связана со стрессом (а именно коммуникативным стрессом), так как встреча не гарантирована. По Г. Селье, существует два вида стресса как базовой реакции организма на неожиданность, сопровождающейся всплеском энергии. Это дистресс, негативный тип стресса, с которым организм не в силах справиться, и эустресс как общее волнение, не имеющее отрицательной коннотации. Коммуникативный стресс порождает децентрацию, но не переходящую определенную черту, связанную с психофизиологическим напряжением (являясь по своей природе эустрессом), и энергия такого коммуникативного стресса несет креативный заряд, что, в свою очередь, повышает вероятность встречи, и с этого момента энергия стресса преобразуется в энергию «транса» (стресс-транс-формация). Реализация данного фактора рассматривается как первичное творческое достижение [2, 6].

Исходя из вышесказанного, КСС можно рассматривать как некий буфер, способный выполнять переход между измененными состояниями сознания и базовым, сохраняя способность реализовать полученный опыт, например, в творчестве.

Таким образом, сопоставив результаты теоретического анализа и наших исследований, мы пришли к выводу, что использование СФМД и ее возможности наводить ИСС способно усиливать креативность.

Результаты исследований возможности СФМД усиливать креативность в творческой сфере. Для проверки гипотезы о возможности усиливать креативность нами было выполнено эмпирическое исследование, которое проводилось на базе лаборатории психологических практик ТГУ. В исследовании приняли участие 43 человека, из которых 17 человек являются учащимися 1-го курса ТПУ, а 26 – учащиеся 4-го курса СибГМУ; 17 мужчин и 26 женщин. Средний возраст участников составляет $(20,7 \pm 2)$ года.

Респондентам предлагалось написать два коротких рассказа по сюжетным картинкам, взятым из методики «РАТ» [5], до контрольного воздействия синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики и после. Далее полученные тексты обрабатывались методом качественного психосемантического анализа. Анализ выполненных участниками работ показал, что в 55,17% случаев наблюдается повышение проявлений новых ценностно-смысловых концептов после воздействия фрактальной и музыкальной динамикой, в 13,79% – понижение и в 31,04% – отсутствие изменений. Изменения в степени проявления новых ценностно-смысловых концептов (до воздействия и после) статистически достоверны ($p < 0,005$). Полученные изменения говорят о появлении новых ценностно-смысловых концептов; это свидетельствует о встрече с новым опытом, что потенциально способствует усилению креативности.

Для исследования групповой креативности нами применялся метод группового рисунка. Группам давалось задание нарисовать групповой рисунок до синхронизированного фрактального и музыкального воздействия и после. При этом какой-то специальной инструкции или каких-либо других ограничений в работе нами не было установлено. Далее результаты были качественно проанализированы по трем выделенным признакам креативности. Исходя из усиления креативности по двум из трех признаков, мы сделали вывод, что синхронизированная фрактальная и музыкальная динамика способствует усилению групповой креативности [1].

Однако анализ полученных данных показал, что в обоих экспериментах сила изменений после воздействия методом СФМД недостаточна, соответственно, метод требует дальнейших улучшений.

Перспектива использования состояний релаксации для реализации креативного потенциала. Развивая направление усиления креативности, нами было решено сосредоточить усилия на раскрытии креативного потенциала личности. Опираясь на обзорную работу Т. Люберта и др., в своем исследовании мы понимаем под креативным потенциалом латентное состояние изначально заложенных в человеке специфических ресурсов, необходимых для его творческой деятельности [9].

Для модификации метода СФМД с целью раскрытия креативного потенциала нами было выбрано две очевидных составляющих метода – цветовая гамма фрактала и звуковое сопровождение. Анализ доступной научной литературы показал, что на данный момент не выделено какой-либо специальной цветовой гаммы или звукового ряда, который имел бы прямое влияние на креативность или креативный потенциал.

Однако нами были обнаружены работы, в которых обосновывается, что человек должен находиться в комфортной обстановке или в состояниях, способствующих реализации креативного потенциала. Одним из таких состояний является релаксация и, соответственно расслабленная обстановка [7].

Исходя из вышесказанного, нами была выдвинута следующая гипотеза: достижение состояния релаксации способствует реализации творческого потенциала. Для этого планируется провести двухэтапный эксперимент. Цель первого этапа – проверить, достигается ли релаксация с помощью метода СФМД, цель второго – выяснить, способствует ли настройка СФМД на релаксацию раскрытию творческого потенциала личности.

На данный момент мы реализуем первый этап предложенного эксперимента. Существует огромное количество работ, в которых описывается звуковой ряд, способствующий состоянию релаксации. Поэтому для корректной работы метода СФМД можно из предложенных вариантов выбрать тот, который наиболее подходит для входящего сигнала СФМД [10].

Анализируя научные работы по восприятию цвета, нами обнаружено, что основные исследования направлены на понимание влияния красного цвета на человека, остальные цвета рассматриваются обычно как контроль в «красных» экспериментах. Тем не менее существуют данные, что зеленый цвет способствует релаксации. В других работах также рассматривается зеленый, но уже в качестве одного из цветов палитры (в совокупности с бежевым). Именно данная палитра будет использоваться для эксперимента [8].

Исходя из вышеперечисленного, нами была проведена настройка метода СФМД. Сейчас мы переходим к экспериментальной проверке настройки.

Заключение. В современном «ускоряющемся» мире развитие быстрых и относительно простых эффективных способов воздействия на человека видится нам важной составляющей психологической науки. Одним из актуальных направлений воздействия является раскрытие креативного потенциала, так как креативность связана с прогрессом и инновациями в быту, науке и бизнесе. Ранние эксперименты с методом синхронизированной фрактальной динамики показали эффективность данного метода, однако они же выявили необходимость в его модернизации. В связи с этим мы рассматриваем пути повышения эффективности метода для раскрытия креативного потенциала. Этому будут способствовать данные, полученные в ходе предложенных экспериментов. Развитие метода СФМД поможет в дальнейшем усиливать креативность в различных сферах жизни, что будет способствовать выдвигению более качественных идей и, соответственно, способствовать увеличению качества жизни населения.

Литература

1. Выходков В.С., Прудовиков И.О. Влияние синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики на креативность группы в творческой сфере // APRIORI. Сер.: гуманитарные науки : электрон. научн. журнал. 2016. № 4. URL: <http://apriori-journal.ru/serial/4-2016/Vyskochkov-Prudovikov.pdf>.
2. Кабрин В.И. Транскомуникативный подход в интерпретации личностной одаренности и креативности // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 154–160.
3. Кабрин В.И., Выходков В.С., Прудовиков И.О., Ткаченко А.Ю., Яковлев Н.И. Управляемые звуковым сигналом динамические фракталы как способ актуализации измененных состояний сознания // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С. 147–155.
4. Кулагина О.В. Художник в момент творческого акта: проблема измененных состояний сознания // Культурология. 2007. № 2. С. 33–36.
5. Прудовиков И.О., Выходков В.С., Яковлев Н.И. Влияние синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики на креативные состояния сознания личности // Universum: Психология и образование : электрон. научн. журнал. 2016. № 7 (25). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3394>
6. Частокленко Я.Б., Котикова К.О. Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы. Томск, 2013. С. 272–274.
7. Lichtenfeld S., Elliot A.J., Markus A., Maier M.A., Pekrun R. Fertile Green Green Facilitates Creative Performance // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. № 38 (6). P. 784–797.
8. Liu W., Ji J., Chen H., Ye C. Optimal color design of psychological counseling room by design of experiments and response surface methodology // PLoS ONE. 2014. Vol. 9, is. 9.
9. Lubart T., Zenasni F., Barbot B. Creative Potential and Its Measurement // International Journal for Talent Development and Creativity. 2013. № 1. P. 41–50.
10. Thomas N. The effect of repetitive audio/visual stimulation on skeletomotor and vasomotor activity // Waxman D., Pederson D., Wilkie I., Meller P. (eds.) Hypnosis : 4th European Congress at Oxford. London : Whurr Publishers, 1989. P. 238–245.

PROSPECT OF USING RELAXATION STATES FOR IMPLEMENTATION OF CREATIVE POTENTIAL

Vyskochkov V.S., assistant professor of the fundamental psychology and behavioral medicine, post-graduate student of the department of personality psychology of the National Research Tomsk State University. E-mail: vysko4kov@yandex.ru

Abstract. In this paper, we consider the prospect of using relaxation states, caused by the method of synchronized fractal and musical sequences, to realize the creative potential of the individual. Creativity is one of the keys in today's world of increasingly complex tasks. Problems that have to be solved by modern specialists require an integrated approach and a "fresh" view. Employers want to see flexible, resourceful, initiative professionals who are able to find non-trivial, unique solutions to the tasks. All these qualities, according to many researchers, can characterize creativity. Conducted by our team, studies of the effects of synchronized fractal and musical sequences have shown that it is capable to induce altered states of consciousness. At the same time, in the entire spectrum of altered states of consciousness there is a special spectrum, which is suggested to be called creative states of consciousness. Based on the above, creative states of consciousness can be considered as a kind of buffer that can perform the transition between altered states of consciousness and basic, and retains the ability of realizing the experience, for example, in creativity. Thus, comparing the results of the theoretical analysis and our studies, we came to the conclusion that the use of the synchronized fractal and musical sequences and its ability to conduct the altered states of consciousness can enhance creativity. However, the analysis of the data has shown that the force of changes after exposure to the synchronized fractal and musical sequences is insufficient, and the method requires further improvements. Proceeding from the theoretical analysis of works on the disclosure of creative potential, we put the following hypothesis: the attainment of relaxation promotes the realization of creative potential. For this purpose, it is planned to conduct a two-stage experiment. The purpose of the first stage is to check whether relaxation is achieved with the help of the synchronized fractal and musical sequences, the second goal is whether the adjustment of the synchronized fractal and musical sequences on relaxation reveals the creative potential of the individual. The data obtained during the proposed experiments will allow to modify the method of the synchronized fractal and musical sequences and increase its efficiency for the disclosure of the creative potential. The development of the method of synchronized fractal and musical sequences in the future will help to strengthen creativity in various spheres of life, which will promote the development of better ideas, and, accordingly, improves the quality of life of the population.

Keywords: fractal sequences; creative states of consciousness; creativity; creative potential; psycho-technology; relaxation

УДК 159.9.07

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН С РАЗНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Л.И. Габдулина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: lpv@mail.ru

Аннотация. Приводятся эмпирически установленные особенности ценностной сферы женщин с разной гендерной идентичностью.

Ключевые слова: гендерная идентичность; маскулинность; феминность; ценностные ориентации; показатель расогласованности «Ценность – Доступность»; внутренний конфликт; внутренний вакуум; нейтральная зона.

Под влиянием культурных, экономических факторов и технологического развития общества социальные практики мужчин и женщин меняются, что приводит к изменению традиционных гендерных ролей, гендерные «полюсы» (маскулинность и феминность) все больше смещаются.

Маскулинность и феминность, как известно, с одной стороны, феномены объективной реальности, проявляющиеся в эталонах, представлениях, установках, стереотипах, которые в процессе социализации формируют гендерную идентичность субъекта; с другой стороны, маскулинность и феминность представляют собой феномены субъективной реальности, реализующиеся в форме индивидуальной гендерной идентичности – маскулинной, феминной, андрогинной. Социокультурные нормы, а не биологический пол, определяют, в конечном счете, модели поведения, психологические качества, виды деятельности, профессии мужчин и женщин. Быть в обществе женщиной или мужчиной означает не просто обладать определенными анатомическими особенностями – это означает прежде всего выполнять предписанные обществом гендерные роли [2, 3, 6].

Можно полагать также и то, что гендерная идентичность современных мужчин и женщин будет связана не только с определенными представлениями, установками, стереотипами, на которые они ориентируются, но и с определенными особенностями их ценностной сферы: особенностями иерархии и реализованности ценностей, количеством и качеством внутриличностных ценностных конфликтов и т.д. Ценностные ориентации, составляющие ядро направленности личности, определяют разнообразие проявлений ее социальной активности. С одной стороны, они обеспечивают целостность личности, а с другой – осуществляют психическую регуляцию активности субъекта в социальной среде [4, 9].

В жизни женщин, становящихся все более социально активными, количество проблем, связанных с выполнением ими традиционно женских функций, репродуктивных в том числе, увеличивается. Им нередко приходится жертвовать такими ценностями, как семья, любовь, дети. Для тех же, кто пытается совмещать карьеру и семью, характерно чувство вины за недостаточное внимание к детям и мужу.

На основании вышесказанного можно предполагать, что гендерная идентичность женщин будет связана с определенными особенностями их ценностной сферы: особенностями иерархии ценностей, их реализованностью, количеством и качеством внутриличностных ценностных конфликтов и т.д. **Анализ литературы** показал, что исследователей до сих пор больше занимал вопрос о половых различиях (без учета гендерной идентич-

ности) в ценностной сфере людей, что, конечно, не позволяет составить полное и точное представление о ценностных ориентациях современных мужчин и женщин, имеющих разную гендерную идентичность. Возможно, по этой причине результаты таких исследований весьма разноречивы и нередко не согласуются между собой.

Так, Г. Оллпорт с соавт. установили, что их современницы-женщины на первое место ставят эстетические, социальные и религиозные, т.е. духовные ценности. Для мужчин же наиболее важными являются теоретические, экономические и политические ценности, что можно, по мнению авторов, связать с их интересом к абстрактным знаниям, потребностью в практическом успехе и стремлением к престижу и власти [7].

По данным более хронологически позднего исследования [8] у девушек на первом месте в качестве ценности – материальное положение, при этом духовные ценности и креативность значимы для них меньше всего. Ведущие ценности как у юношей, так и у девушек – здоровье, настоящая дружба и семейная жизнь (последняя имеет больший вес у девушек). Кроме того, у юношей в группу ведущих ценностей входит свобода действий и поведения, а у девушек – уверенность в себе. Любимая работа и приятное времяпрепровождение и для тех и для других одинаково важны, но значительно уступают по значимости вышеназванным ценностям. На последних местах находятся такие ценности, как чувство долга, чистая совесть, развитие своих способностей. По результатам того же исследования у молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет, имеющих в основном высшее образование или обучающихся в вузе, наименее значимы такие ценности, как развитие себя (познание своих индивидуальных особенностей, постоянное развитие своих способностей и личностных качеств) и креативность (реализация своих творческих возможностей, стремление изменить окружающую действительность) [8].

По данным, представленным в работе Т.В. Андреевой, у мужчин на первом месте творчество, работа, познание, а у женщин – познание, друзья, равенство [1].

Среди сфер жизни, более всего способствующих реализации доминирующих смыслов и ценностей, мужчины выбирают общественную и семейную жизнь, а профессиональная жизнь и сфера развлечений – менее значимы. У женщин же ведущими сферами жизни являются обучение и образование, увлечения, а общественная и профессиональная жизнь имеют меньшую значимость [8]. Таким образом, традиционные представления о том, что для мужчин наиболее значима профессиональная жизнь, а для женщин – семейная, не подтверждаются.

По данным исследования Р. Гумерова ценностные структуры мужчин и женщин выглядят достаточно сходными. Набор первых по значимости семи ценностей и их порядок в иерархии у мужчин и у женщин близок, а в некоторых случаях совпадает, однако это вовсе не означает полной идентичности ценностных структур мужчин и женщин. Ранги ценностей могут быть у них одинаковы, но процент разделяющих эти ценности мужчин и женщин, как правило, разнится [10].

Возрастно-половые различия в ценностной сфере людей были выявлены в работе А.А. Игнатъевой [5]. Так, оказалось, у юношей выше, чем у девушек, значимость таких ценностей, как здоровье, интересная работа, свобода, жизненная мудрость, творчество, познание, развитие, развлечения, продуктивная жизнь; у взрослых мужчин большую значимость, чем у женщин, имеют другие ценности: общественное признание, друзья, познание, развитие, творчество. Для девушек выше, чем для юношей, значимость любви, материально обеспеченной жизни, друзей, счастливой семейной жизни, уверенности в себе. Для женщин, по сравнению с мужчинами, – материально обеспеченная жизнь, интересная работа, свобода и продуктивная жизнь. Возрастно-половые различия выявлены А. А. Игнатъевой и в иерархии инструментальных ценностей. У юношей на первом месте стоит жизнерадостность, затем – образованность, независимость, твердая воля, рационализм, честность и воспитанность. У мужчин на первом месте стоит образованность и лишь затем – независимость и жизнерадостность. У девушек на первом месте находится жизнерадостность, затем – образованность, независимость, ответственность, твердая воля и воспитанность. У женщин ведущей становится независимость, а за ней идут высокие запросы, образованность и жизнерадостность. Для юношей выше, чем для девушек, значимость твердой воли, рационализма, самоконтроля, честности и эффективности в делах, а для мужчин более значимыми, чем для женщин, являются такие ценности, как жизнерадостность, воспитанность, образованность, ответственность, терпимость. В то время как девушки больше юношей ценят жизнерадостность, ответственность, смелость в отстаивании своего мнения, чуткость, широту взглядов, терпимость, женщины более высоко, чем мужчины, оценивают такие ценности, как высокие запросы, независимость, эффективность в делах, не отвергая при этом и такие ценности, свойственные девушкам, как смелость в отстаивании собственного мнения и чуткость [5].

Несмотря на разноречивость в полученных данных, можно выделить некоторые половые различия в ценностях, встречающиеся в большинстве исследований. Для мужчин главными ценностями являются здоровье, интересная работа, друзья и свобода; для женщин – семья, уверенность в себе, материальная обеспеченность.

Как видно из анализа литературы, исследователей больше занимал вопрос о половых различиях в ценностной сфере. В настоящее же время в связи с высокой социальной активностью женщин гендерные «полюсы» все больше смещаются, и становится все более актуальным изучение вопроса о взаимосвязи ценностной сферы личности и гендера. Предметом данного исследования стала взаимосвязь между гендерной идентичностью женщин и их ценностными ориентациями.

Была поставлена **цель** – изучить ценностные ориентации женщин в связи с их гендерной идентичностью, а именно изучить и проанализировать особенности ценностных ориентаций женщин с феминной и маскулиной гендерной идентичностью.

Мы предположили, что с феминной и маскулинной гендерной идентичностью будут связаны определенные особенности ценностной сферы женщин.

В эмпирическом исследовании приняли участие женщины в возрасте от 20 до 30 лет (40 человек).

Для верификации выдвинутого предположения использовались следующие **методы и методики**: для получения первичных данных – Опросник ориентации личности на гендерные роли С. Бем (в адаптации М.В. Бураковой), методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (УСЦД), Методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича (в адаптации Д. А. Леонтьева), анкета-интервью Л.Н. Ожиговой [6], направленная на выявление жизненных целей и жизненных ориентаций женщин. Для обработки эмпирических данных использовались описательная статистика, корреляционный анализ по критерию Спирмена, непараметрический критерий Фридмана (с помощью статистической программы Statistica 12).

Результаты проведенного нами эмпирического исследования состоят в следующем.

Большинство женщин (64,8%), участвовавших в нашем исследовании, имели феминную гендерную идентичность, проявляющуюся в их преимущественной ориентации на тип полоролевого поведения, включающий такие качества личности, как ранимость, сострадательность, избегание конфликтных ситуаций, аккуратность во всем. Около трети (26,4%) участниц исследования имели маскулинную гендерную идентичность, т.е. ориентировались на противоположный тип полоролевого поведения, и 8,8% женщин – с признаками андрогинности. Женщины с феминной гендерной идентичностью преимущественно реализуют себя в таких жизненных сферах, как семья, общение с другими людьми и забота о себе; большинство этих женщин состоят в браке и имеют детей. Маскулинные женщины реализуют себя в таких сферах, как семья, профессия, саморазвитие. У большинства из этих женщин нет детей, они не состоят в браке или состоят в гражданском браке.

Несмотря на сходное социальное положение, принадлежность к одной возрастной группе, в иерархиях ценностей женщин с феминной и маскулинной гендерной идентичностью имеются не только сходства, но и различия: общим является доминирование индивидуалистических ценностей и ценностей семейной жизни; различным – то, что для женщин с феминной гендерной идентичностью большую значимость по сравнению с женщинами с маскулинной идентичностью имеют коммуникативные ценности, в то время как для маскулинных больше, чем для феминных женщин, значимы ценности, связанные с самореализацией, и этические ценности.

По данным корреляционного анализа статистически значимые связи с показателем маскулинности обнаружили следующие ценности – «Ответственность» ($r = -0,404$), «Независимость» ($r = 0,517$) и «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,382$). Иными словами, с ростом показателя маскулинности повышается ценность ответственности и снижается значимость независимости и хороших и верных друзей. С показателем феминности статистически значимые связи обнаружили следующие терминальные ценности – «Наличие хороших и верных друзей» ($r = -0,480$), «Познание» ($r = 0,463$), «Развитие» ($r = 0,390$), что позволяет заключить: с ростом показателя феминности снижается значимость познания и развития, возрастает значимость наличия хороших и верных друзей.

Существует значимая положительная связь ($r = 0,63$, при $p = 0,05$) между показателем рассогласованности между «ценным» и «доступным» в ценностно-мотивационной сфере и степенью выраженности маскулинных черт женщин: чем выше показатели по шкале маскулинности женщин, тем выше уровень рассогласованности «Ценность – Доступность» (Ц – Д), отражающий степень рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере. Последняя свидетельствует о степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, внутренней конфликтности, блокады основных потребностей, с одной стороны, а также об уровне самореализации, внутренней идентичности, интегрированности, гармонии, с другой стороны. О наличии дезинтеграция в мотивационно-личностной сфере может свидетельствовать и другой показатель – процентное соотношение ВК : ВВ : НЗ («Внутренний конфликт» : «Внутренний вакуум» : «Нейтральная зона»). «Внутренний конфликт» (ВК): Ц и Д в значительной степени расходятся, Ц превышает Д (Ц – Д); «Внутренний вакуум» (ВВ): Д превышает Ц (Д – Ц). «Нейтральная зона» (НЗ) – это вся совокупность показателей, где нет заметных «внутренних конфликтов» и «внутренних вакуумов», т.е. где $|Ц - Д| < 4$. Все сферы, которые попадают в НЗ, представляют своего рода «бесконфликтную», нейтральную зону, где потребности желаемого и возможности его удовлетворения в основном совпадают. У 55% женщин с маскулинной гендерной идентичностью выявлено преобладание «Внутреннего конфликта» относительно других двух показателей; у 15% женщин этой группы имеет место преобладание «Внутреннего вакуума»; «Нейтральная зона» преобладает у 30% женщин. У женщин с феминной гендерной идентичностью по процентному соотношению ВК : ВВ : НЗ доминирующее положение занимает «Нейтральная зона» – у 70% респонденток; преобладание «Внутреннего вакуума» – у 15% женщин и преобладание «Внутреннего конфликта» – только у 15% женщин.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о заметно большем психологическом благополучии женщин с феминной гендерной идентичностью, участвовавших в нашем исследовании, по сравнению с женщинами с маскулинной гендерной идентичностью.

Материалы исследования могут быть использованы в работе по разрешению и предупреждению ценностных конфликтов и проблем, связанных с ценностно-смысловым жизненным самоопределением женщин с учетом их гендерной идентичности, в работе с целью повышения психологической компетентности современной женщины в разных жизненных ролях.

Литература

1. Андреева Т.В. Самореализация личности представителей творческих профессий: половые различия // Психологические проблемы самореализации личности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 2. С. 203–216.
2. Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб. : Питер, 2006.
3. Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
4. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М. : ИП РАН, 2006.
5. Игнатьева А.А. Ценностные ориентации подростков в представлениях взрослых : дипломная работа. СПб., 2001.
6. Ожигова Л.Н. Проблема субъективности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. С. 258–278.
7. Оллпорт Г. Личность в психологии : пер. с англ. М. : КСП+ ; СПб. : Ювента, 1998.
8. Пеньков А.И. Изучение ценностных ориентаций // Психология 21 века : тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 49–50.
9. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000.
10. Гумеров Р. Социальная направленность проповеди. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Gumer/_Index.php (дата обращения 10. 09.2017).

SOME FEATURES OF VALUE SCOPE OF WOMEN WITH DIFFERENT GEN-DER IDENTITY

Gabdulina L.I., PhD in psychology, associate professor of social psychology and personality psychology, Academy of Psychology and Pedagogy at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: lpv@mail.ru

Abstract. The article explores on the problem of relations between value sphere and gender identity of an individual. The results of empirical studies in order to describe some features of value sphere of women of 20 to 30 years of age with different gender identity and evidence of this connection. On the hierarchies of values of women with feminine and masculine gender identity there are similarities and differences: common dominate individualistic values and values of family life; differences: communicative values are more important for women with feminine gender identity than for women with masculine gender identity; ethical values and values related to self-realization are more significant for women with masculine gender identity than for feminine women. With the growth of the masculinity indicator, the value of responsibility rises and the importance of independence and good and loyal friends decreases; with the growth of the femininity indicator the importance of cognition and development decreases, and the importance of having good and faithful friends increases. The noticeably greater psychological well-being of women with feminine gender identity, compared with women with masculine gender identity is presented by the following facts: the higher the values on the scale of masculinity, the higher the level of mismatch "Value – Accessibility" (V – A), reflecting the degree of disintegration in the motivational and personal sphere of women and indicating the degree of their dissatisfaction with the current life situation, internal conflict, frustration of basic needs. The presence of disintegration in the motivational and personal spheres is also proved by the percentage ratio of "Internal conflict": "Internal vacuum": "Neutral zone". "Internal conflict": V exceeds A; "Internal vacuum": A exceeds V. "Neutral zone": absence of noticeable "internal conflicts" and "internal vacuums". More than half of the women with masculine gender identity showed a predominance of "Internal Conflict" relative to the other two indicators. Women with feminine gender identity are dominated by the "Neutral Zone": 70% of respondents, and the predominance of "Intrinsic Conflict": only 15% of women.

Keywords: gender identity; masculinity; femininity; value orientations; mismatch indicator "Value – Accessibility"; internal conflict; internal vacuum; neutral zone.

УДК 316.422.42

СОЦИОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБЪЯСНЕНИИ ФЕНОМЕНА ЭКСТРЕМИЗМА

А.А. Гайворонская

Филиал Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Московский институт государственного управления и права» в Смоленской области, Смоленск, Россия
E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта
«Чувствительность к справедливости как детерминанта делинквентного и просоциального поведения»,
проект РГНФ № 17-06-00379а.*

Аннотация. Осуществлена попытка использования социосинергетического методологического инструментария для объяснения феномена экстремизма.

Ключевые слова: синергетика; социосинергетика; многовариантность; полифоничность; эклектичность; когнитивное моделирование.

Введение. Одна из важных задач современной науки – объяснение закономерностей, механизмов, динамики, а также выявление причин и последствий сложных социальных феноменов, таких как экстремизм, революция, групповая поляризация, социальные конфликты и др. В последнее время в научных исследованиях используется синергетический подход (исследования Köhler, Reinhard, W. Wildgen, R. Reiner, M. Munz и др.). Синергетика – это наука, изучающая общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных

системах (например, физических, химических, экологических, социально-психологических и др.) на основе присущих им принципов самоорганизации [2].

Обзор литературы. Существует большое количество теорий (теория катастроф Р. Тома, К. Зимана, теория диссипативных структур И.Р. Пригожина, теория детерминированного хаоса А. Пуанкаре, А.Н. Колмогорова) которые опираются на идеи теории самоорганизации (синергетики). Социальная синергетика (социосинергетика) исследует общие закономерности социума во взаимоотношениях социального порядка (законы, правила, традиции) и социального хаоса (революции, гражданская война, протестные движения) [Там же, с. 117]. Под социальным порядком обычно понимают те социальные отношения, повторяющиеся в пространстве (обществе), или во времени, или в том и другом. Например, правила, традиции – это одна из форм повседневной жизни, они содержат опыт взаимодействия разных членов (групп) общества. Их несоблюдение, нарушение может вызвать конфликты, создать напряженную обстановку в обществе. Социальный хаос – множество явлений, между которыми нет устойчивых (повторяющихся) отношений. Это могут быть разные, часто противоречащие друг другу интересы (приоритеты) граждан, государства, конфессий, этнических групп.

Исследование изменений, динамики этих характеристик (явлениях), происходящих без определенного целенаправленного начала, – одна из задач социальной синергетики, так как анализ таких явлений помогает выявлять, прогнозировать развитие деструктивных ситуаций и снижать их последствия. Диссипативность как процесс самоорганизации существует при условии постоянного взаимодействия с обществом, поддерживая свою упорядоченность за счет усиления беспорядка во внешней среде. В феномене «экстремизм» такими процессами являются ксенофобия, фанатизм, радикализм, шовинизм. В этих организующихся и самоорганизующихся процессах проявляются иерархизация (стереотипность, традиционность) и деиерархизация (вариативность, изменчивость). Под иерархизацией понимается последовательное объединение простых диссипативных структур (установки, представления) в структуры более высокого порядка (стереотипы); деиерархизация – последовательный распад сложных диссипативных структур на простые (рассогласованность установок, изменение стереотипов). Эти процессы связаны с бифуркацией (выбор из множества представлений, их интерпретация, категоризация). Цепь бифуркаций – это события, происходящие в мире, обществе, стране, которые изменяют систему, ее содержание (социальные представления, установки) и способны не только увести самоорганизующуюся систему от исходного состояния, но и вернуть ее в это состояние (активность–пассивность–активность). Для конкретной системы, взаимодействующей с конкретной средой, существует свой аттрактор – предельное (крайнее) состояние (критическая напряженная ситуация), достигнув которое, система уже не может вернуться ни в одно из прежних состояний. Если за исходную систему отсчета принять состояние, в котором реальность подвергается не иерархизации, а деиерархизации, то процесс самоорганизации примет форму чередования дифференциации и интеграции социальной реальности, социальных ситуаций [10]. Например, стабильное существование общества может смениться беспорядками, экстремистскими проявлениями, террористическими акциями. А революционные настроения, протестные состояния могут сменяться спокойными формами существования. В социально психологических феноменах, в том числе в экстремизме, оценивают качественные и / или количественные изменения, такие как линейность (причинно-следственность) и нелинейность (многовариантность, полифоничность, эклектичность). Методологический инструментарий социосинергетики (междисциплинарность, полидисциплинарность и трансдисциплинарность) – это аналитические методы, системный анализ, методы описания функционирования вертикального уровня, методы триангуляции, когнитивное моделирование и др. [2]. Использование этого инструментария описывается в исследованиях эволюционных природных, компьютерных языков и физиологических систем, природных изменений эволюционных механизмов, лингвистических исследованиях языкового сознания и др.

Положительный опыт применения синергетических моделей для исследования динамики политического менталитета представлен в исследовании В.Ф. Петренко и О.В. Митиной [9]. При этом в качестве единиц анализа авторами рассматривались политические установки людей, а исследования представлены психосемантическими методами (факторный анализ), при помощи которых осуществлялось моделирование пространства базисных категорий сознания. Также хотелось бы привести пример авторских исследований в социосинергетическом контексте феномена экстремизма и его вида – этнического экстремизма, где единицами анализа выступали социальные представления [4, 5]. Это исследование продолжает предыдущие, и его цель – интерпретация социально-психологического феномена «экстремизм» на основе социосинергетического подхода.

Известно, что экстремизм представляет собой многовариантную, полифоничную систему с разновариантными формами и характеристиками. В научных исследованиях экстремизм рассматривается как социальный, политический, психологический, юридический феномен, имеющий тенденцию к развитию и саморазвитию. Теоретическое осмысление такого многозначного и многофакторного феномена предполагает опору на комплексный, диалектически взаимосвязанный подход. Многие авторы, принадлежащие разным научным направлениям, выделяют огромное количество признаков, характеристик этого феномена, и акцент в методологических подходах к изучению экстремизма делается либо на разработке и обосновании общей исследовательской стратегии, либо на: а) создании новых, оригинальных методов и методик, оценке прогностической ценности известных методик; б) определении совокупности методических средств, позволяющих наиболее адекватно решить специфичные научные задачи в системе конкретной научной традиции; в) совершенствовании процесса поиска, изучения и интерпретации исходных эмпирических данных.

В юридической литературе экстремизм рассматривается и как форма политической борьбы, и как противоправная деятельность, например борьба за справедливость как приверженность к определенной системе взглядов и идей, как действие политико-правового характера и т.п. Вероятно, данные интерпретации отражают результаты отдельных исследований юридической науки. С одной стороны, наблюдается устойчивая тенденция к рассмотрению данного феномена как одной из форм противоправных действий, деятельности, которые имеют четкую юридическую классификацию и преследуются по действующему законодательству. С другой стороны, природа, причины возникновения экстремистских действий, а также факторы, влияющие на их проявление в социуме, остаются за рамками объяснительных возможностей юриспруденции. В исследованиях философов наиболее часто используются определения экстремизма как социального явления деструктивно-деятельностного характера, как социально-политического явления, как крайней формы интолерантности или как формы радикальной деструктивной социальной деятельности и т.п. [1]. Как следует из представленных теоретических взглядов на природу экстремизма, сформулированных в рамках философских концепций, различными авторами делается акцент на разноплановые аспекты определяемого феномена: его внутренние и внешние проявления, скорость социальных преобразований, целевые социальные страты возможных адептов, направленность на изменения, состояние индивидуального сознания.

В большинстве политологических исследований экстремизм рассматривается как реакция на определенные сочетания неблагоприятных условий и процесс борьбы за власть, как приверженность крайним взглядам и таким же крайним методам их реализации, как форма политического радикализма, установление более справедливого общества. Обобщая сущность интерпретаций экстремизма, разработанных в рамках политологического подхода, представляется возможным утверждать, что их основной контекст достаточно тесно связан с научным предметом политологии: изучением социальных отношений в процессе борьбы за доминирование в обществе, борьбы за власть [8]. В этих исследованиях феномен экстремизма рассматривается как реакция социальных субъектов на сложившуюся структуру социальных отношений (властных полномочий), инициирующих процесс формирования комплекса убеждений в необходимости насильственного изменения существующего порядка. В связи с этим в политологическом аспекте экстремизм рассматривается в первую очередь как средство политического давления на легитимную власть, разрушения (снижения эффективности функционирования) социальных механизмов, обеспечивающих устойчивость политических основ государства, дестабилизации общества в целом.

Используя социосинергетический метод триангуляции (выделение признака, употребляемого во всех научных направлениях), был выделен признак, характеризующий феномен «экстремизм» – это концепт «справедливость». Этот признак затрагивает вопросы равенства и неравенства, объясняет отношения между человеком и обществом, государством, при этом его смысловое содержание может быть существенно различно в зависимости от исторического этапа развития общества, социально-политических и экономических условий, проявлений идентичности. Важность изучения феномена справедливости обсуждается в исследованиях М.И. Воловиковой, В.В. Знакова, О.А. Гулевич, О.Е. Голыничик и др. Например, М.И. Воловикова считает, что объяснить отношения человека и мира можно через категорию справедливости как понимания смысла страдания и воздаяния, преступления и наказания [3]. Мы полностью поддерживаем О.А. Гулевич, которая считает, что справедливость выступает критерием, при помощи которого человек оценивает окружающих людей, события [6]. В.В. Знаков подчеркивает, что справедливость связана с понятиями «правда», «истина» [7]. То, что мы называем справедливостью, может означать и индивидуально переживаемую, интуитивно воспринимаемую реальность (повседневность) жизни, и охватываемые понятиями наши представления о ней (содержание).

Материалы и методы. В данном исследовании (констатирующий эксперимент) приняла участие группа испытуемых в возрасте 18–56 лет (средний возраст 34 года) мужского и женского пола. Статистические различия незначимы. Всего 152 человека.

Основной метод, предлагаемый нами для исследования феномена экстремизма, – это метод когнитивного моделирования (семантический дифференциал). Когнитивное моделирование как метод исследования сознания направлен на исследование способов категоризации, репрезентации и интерпретации социальных феноменов. Единицами анализа выступают концепты (ключевые понятия когнитивной лингвистики). Концепт содержит общие, существенные признаки изучаемого феномена, показатели их интерпретации и способы категоризации. Концепт возникает на основе представлений. Представления – это образы и смыслы, идеи, ценности, установки, «наивные теории», объясняющие события окружающего мира, при конструировании которых происходит осмысление различных феноменов, в том числе экстремизма. Испытуемым предъявлялся авторский опросник (семантический дифференциал) в котором предлагались вероятные поступки – действия, описывающие деятельность асоциального характера.

Результаты. По результатам семантического дифференциала был применен факторный анализ. Для факторного анализа пригодность имеющихся данных было подтверждена достаточным результатом теста Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) (0,79) и значимым уровнем теста сферичности Бартлетта ($p < 0,001$). К матрице была применена процедура факторного анализа методом главных компонент с последующим поворотом факторных структур по принципу Варимакс. Было получено 5 факторов, объясняющих 91,9% дисперсии. Для содержательного анализа было выбрано 4 значимых фактора. Рассмотрим эти факторы.

Первый фактор объясняет 28,5% дисперсии. Он обозначен как «ксенофобия», что означает неприятие различий, страх по отношению к Другим (чужим, инородным). Ведущий конструкт «нетерпим к Другим (чужим) взглядам» – 0,98, за ним следует конструкт «испытывает страх перед Другими» – 0,92. Далее проявляется конструкт «показывает свою исключительность над Другими» 0,84. Существование в группе дает зону комфорта существования, и любые изменения в составе, содержании рассматриваются как угроза факту их существования, где проявляется полярность (диаметральность) взглядов – от ненависти и страха до фанатичной преданности «фикс»-идеям.

Второй фактор объясняет 18,7% дисперсии и получил название «фанатизм». Лидирует конструкт «обвиняет Других в своих неудачах» – 0,88. Далее следует «пропагандирует (навязывает) свои идеи» – 0,73, а также конструкт «считает, что ради справедливости можно нарушить закон» – 0,69. Для личности с экстремистской ориентированностью существует потребность в принятии и отстаивании идей, ценностей, проявлении радикальности. Создается образ, «героический» миф идейного мученика, создающего более справедливый мир для себя.

Третий фактор объясняет 9,7% дисперсии и получил название «шовинизм»: убежденность респондентов в своем превосходстве, обладании некими сакраментальными знаниями, которые недоступны Другим (чужим), а значит, и в праве на пропаганду своих ценностей, правил, установление своих эталонов справедливости. Ведущий конструкт «показывает превосходство над Другими» – 0,73, далее следует конструкт «унижает Других по внешним признакам» – 0,68. Лица, имеющие шовинистические взгляды, считают себя исключительными, «высшей кастой» по любому признаку, что проявляется в «слепой» привязанности к своей идее, отрицании равноправия с другими.

Четвертый фактор объясняет 5,9% дисперсии и получил название «радикализм», который объясняется как крайность в требованиях, во взглядах. Лидирующие позиции «считает, что всегда прав тот, кто поступает, по справедливости» – 0,77; «тех, кто поступает несправедливо, надо жестко наказывать» – (0,89). Отсутствие компромиссов, агрессивность, устранение воображаемых или реальных угроз, полярность (диаметральность) при восприятии мира, отсутствие критичности к своим взглядам проявляются в радикальном поведении: конструкт «провоцирует разнь, конфликты».

Хотелось бы отметить, что в последних трех факторах проявились позиции, связанные с феноменом справедливости: «считает, что ради справедливости можно нарушить закон», «считает, что всегда прав тот, кто поступает по справедливости» и «установление своих эталонов справедливости». Полученные результаты выражают личную позицию респондентов, их способы разрешения сложных ситуаций морального выбора, обнаруживая при этом скрытые, неосознаваемые стороны личности. Полученная факторная структура представляет собой содержательные категории (характеристики), создающие цепь бифуркаций, или вероятностную модель экстремизма. Факторы-категории проявляются в системе ценностей и отражаются в личностных характеристиках респондентов. Для экстремистски ориентированной личности поиск и выбор эталонов справедливости, формирование нравственных (справедливых) кодексов, их объяснение в категориях ксенофобии, легитимности насилия, радикализма, шовинизма становятся определяющей жизненной стратегией.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Применение социосинергетического подхода для описания и изучения экстремизма методом когнитивного моделирования помогает выявить скрытые, неосознаваемые стороны личности, соединяя в себе способы интерпретации социально-психологических феноменов в системе линейных и нелинейных процессов, способных к вариативным изменениям в своем развитии. Поиск, соблюдение справедливости могут обуславливать как асоциальное, так социально одобряемое поведение. Социальные представления (концепты) о справедливости, выступая ведущей и единственной характеристикой и общественного, и индивидуального сознания экстремистски ориентированной личности, выражают параметры (ксенофобия, фанатизм, радикализм, шовинизм), которые оценивают качественные и / или количественные изменения, линейность (причинно-следственность) и нелинейность (многовариантность, полифоничность, эклектичность) такого сложного состоящего из большого числа компонентов, взаимодействующих между собой, феномена, как экстремизм. Концепт «справедливость», субъективные интерпретации его содержания выступают характеристикой экстремизма. Подводя итог вышесказанному, представляется возможным сделать вывод о том, что социосинергетический подход в социально-психологических исследованиях, а именно когнитивное моделирование при изучении экстремизма, по своим исследовательским возможностям соответствует решению проблемы исследования, обоснованию данного феномена, раскрытию содержания изучаемых характеристик. Феномен «справедливость» – это сложное явление, его интерпретация, понимание связаны с ценностями, личностными качествами.

Литература

1. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3 (16). С. 21.
2. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.
3. Воловикова М.И., Соснина Л.М. Этнокультурное исследование представлений о справедливости (на примере молдаван и живущих в Молдове цыган) // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 85–93.

4. Гайворонская А.А. Социосинергетический контекст моделирования феномена экстремизма // Образование и общество. 2012. № 1 (72). С. 69–74.
5. Гайворонская А.А. Социосинергетический подход к модели этнического экстремизма // Психология и психотехника. 2014. № 3. С. 257–265.
6. Гулевич О.А. Нормы справедливости: роль социального контекста // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 83–94.
7. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб., 1999. 281 с.
8. Курбанов М.Г. Политический экстремизм и массовое сознание // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под ред. А.З. Дибирова и др. Махачкала : Лотос, 2008. Т. 1. С. 305.
9. Петренко В.Ф., Митина О.В. Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. Тексты. М., 1999. Вып. 1: Методологические вопросы. С. 334–361.
10. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

SOCIO-SYNERGETIC APPROACH IN EXPLAINING THE PHENOMENON OF EXTREMISM

Gayvoronskaya A.A., PhD in psychology sciences, associate professor, head of the department "UNESCO", branch of the Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law" in Smolensk Oblast, Smolensk, Russia. E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

Abstract. In this study, an attempt was made to use the socio-synergetic methodological tools to explain the phenomenon of extremism. The application of the socio-synergetic approach to the description and study of extremism by the method of cognitive modeling helps to reveal the hidden, unconscious sides of the personality, combining methods of interpreting of social and psychological phenomena in the system of linear and nonlinear processes capable of variable changes in their development. Search and the observance of justice may cause both antisocial behavior and socially approved behavior. Social representations (concepts) about justice, acting as the leading and the only characteristic of both public and individual consciousness of an extremist oriented individual, express parameters (xenophobia, fanaticism, radicalism, chauvinism), which assess qualitative and/or quantitative changes like: linearity (causality) and nonlinearity (multiplicity, polyphony, eclecticism) of such complex phenomenon of extremism consisting of a large number of components, interacting with each other.

Keywords: synergy; socio-synergy; multiplicity; polyphony; eclecticism; cognitive modeling.

УДК 316.422.42

ТРАНСЛОКАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАЦИЙ ЦИФРОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: КОНТЕНТНЫЕ ДИСКУРСЫ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.П. Глухов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00300).

Аннотация. Статья посвящена концептуальному анализу возможностей пространственно-временной реорганизации внутри- и межэтнических коммуникаций мигрантов на платформе социальных сетей и аналитике контентного наполнения и типов дискурса, представленных в виртуальных этнокомьюнити мигрантов из Центральной Азии.

Ключевые слова: цифровые мигранты; транслокальность коммуникаций; цифровые диаспоры; социальные сети; виртуальные этнокомьюнити.

Введение. Феномен появления «цифровых диаспор» (в виртуальных социальных сетях) мигрантов и цифровизации коммуникации между мигрантами и этническими меньшинствами является не просто фактором технологических изменений в области средств коммуникации и коммуникационных устройств, но драйвером процессов трансформации всего комплекса внутриэтнических социальных отношений и организации этнического дискурса.

Классические модернистские теории миграции рассматривали ее как процесс смены локальности с родительского общества на принимающее сообщество, позиция/положение мигранта интерпретировались как маргинальные, «двойное отсутствие», сам мигрант – как маргинал, «застрявший» в пограничье между двумя обществами / локальностями, соответственно, выход из такой ситуации виделся в политике ассимиляции и адаптации к новой локальности – принимающему сообществу либо «геттоизации» (т.е. сохранении маргинальности).

Набирающая популярность в академической среде Запада концепция транснациональной и транслокальной миграции задает новую глобалистскую перспективу. В рамках данной парадигмы транснационализм определяется как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географиче-

скую, культурную и политическую границы. «Трансмигранты живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со)общество, они производят новые взаимозависимости и конституируют сообщества, особым образом связанные с существующими национальными государствами и их территориями. В качестве трансмигрантов могут быть рассмотрены гастарбайтеры, выбирающие челночные стратегии. На новом месте жительства они образуют новые социальные сети, при этом продолжают функционировать в социальных сетях управляющего сообщества» [8]. Сторонники транснационального подхода (Ш. Глик, С. Каслз, А. Портес, Т. Файст) считают, что основным последствием процессов глобализации выступает создание транснациональных мигрантских сообществ, в рамках которых формируются гибридная идентичность на уровне личности или этнических диаспор и сетевые транснациональные лояльности [7, с. 296]. В теории транснационализма меняется и концептуализация пространства с «линкованного» границами национальных государств на транслокальное.

Современные концепты транслокальности, выхода за формат пространственной идентификации и сетевой лояльности и обязательств, возникшие в рамках осмысления процессов глобализации, как нельзя лучше подходят к описанию коммуникативных взаимодействий мигрантов и этнических меньшинств внутри «виртуальных этнокомьюнити» на платформах социальных медиа (Facebook, Вконтакте, Одноклассники, Twitter, Instagram, Skype). Виртуальные социальные сети представляют собой транслокальное пространство новых отношений, основанных на слабых социальных связях и слабой (но удерживающей) лояльности сетевым сообществам. В этом смысле социальные сети Интернета создают давно назревшую как необходимость информационную инфраструктуру для транснациональных сетей и обязательств подключенных к ним мигрантов и этнических меньшинств в рамках многонациональных государств.

Концепции транснационализма / транслокальности и цифровых диаспор. Арджун Аппадурай, создатель концепции транслокальности, призывает к смене рамки видения социальных, в том числе миграционных и этновоспроизводящих, процессов: «Более существенный факт заключается в том, что производство локальности <...> сегодня исчезает, сопровождаясь противоречиями, дестабилизируется перемещениями людей и заменяется новыми видами виртуальных сообществ» [1, р. 221].

Многие зарубежные исследователи отмечают мигрантов как «пионеров» использования (в силу прагматической нужды) новых коммуникационных технологий в области социальных медиа. В частности, К. Карим пишет о том, что из-за особых проблем, с которыми мигранты сталкиваются в достижении контакта со своей аудиторией, они часто находятся на переднем крае принятия и использования новых коммуникационных технологий [5].

В монографии Джениффер Бринкерхофф (Jennifer M. Brinkerhoff) «Цифровые диаспоры. Идентичность и транснациональное включение» ключевой является интерпретация виртуальных комьюнити мигрантов как добровольных сообществ, построенных на основе принципов низких барьеров для входа / выхода, неиерархической коммуникации и добровольности / ненасильственности общения [2, р. 85]. Члены рассредоточенных диаспор могут испытывать идентификационный стресс, а общение в сетях снимает его.

Дж. Бринкерхофф подчеркивает, что «киберпространство предоставляет безопасное убежище для обсуждения запретных тем или просто таких, которые являются эмоционально нагруженными или потенциально конфликтными, тем самым являясь инструментом достижения нового консенсуса» [Ibid., р. 50]. Физическая непредставленность и возможности анонимности участия могут облегчить участие в дискуссии, особенно в случае болезненных воспоминаний или обсуждения потенциально конфликтных тем.

Американский исследователь социальных сетей Стефан Кроучер в своей статье «Социальные сети и культурная адаптация» предлагает, взяв за основу теорию аккультурации Гербнера и Гросса, основанную на исследованиях телевидения в 60–70-е гг. XX в., провести анализ влияния этнического общения в социальных сетях на процессы адаптации и аккультурации мигрантов в доминирующем обществе [3]. Кроучер предлагает компенсаторную модель использования социальных сетей: «Исследования в области культурной адаптации указывают на то, что процесс адаптации к новой культуре протекает трудно... Как правило, люди испытывают стресс, депрессию, одиночество и другие негативные эмоции» [3, р. 47]. Как отмечает Кроучер, сайты социальных сетей приобрели популярность среди иммигрантов во многих странах как способ не только поддерживать связь с членами этнических диаспор, но и развивать отношения с членами своей новой доминирующей культурной среды. Исследователь из Маастрихтского университета объединенных наций Элени Дикер отмечает, что социальные сети позволяют отдельным лицам и общинам делиться, обсуждать, организовывать, планировать и совместно создавать проекты в цифровом пространстве [4]. «В основном сайты социальных сетей, таких как Facebook, Twitter, LinkedIn и Skype, служат мигрантам для поддержания прочных связей с родной страной, выстраивания транснациональных сетей, быстрого распространения информации и обеспечения межличностных связей внутри диаспоры» [5]. Исследователь подчеркивает важнейшую психоэмоциональную функцию социальных сетей: «Доступ к ежедневному контакту с друзьями и близкими в социальных сетях создает жизненно важный источник эмоциональной и психологической поддержки» [Ibid.]. Мигранты сегодня уже не боятся физической разлуки с членами семьи, как еще 10 лет назад, поскольку постоянно поддерживается виртуальный контакт; таким образом, и решение о миграции стало намного проще.

Ли Комито и Джессика Бейтс отмечают важнейшую, с их точки зрения, функцию мониторинга жизненных событий родственников и представителей диаспоры, которую позволяют осуществлять социальные сети [6]. Исследователи отмечают, что социальные сети, благодаря поддержке сильных (прежде всего, родственников)

социальных связей, выступают в качестве мощного драйвера процессов миграции. Ли Комито и Джессика Бейтс видят в подобной поддержке мигрантами с помощью социальных сетей сильных социальных связей с родительским обществом угрозу участию мигрантов в делах принимающего сообщества. Если мигранты начинают с помощью социальных сетей Интернета поддерживать интенсивные связи с рассредоточенной диаспорой в ущерб связям с родительским обществом, то они, тем самым, превращаются в транснациональных кочевников, не стремящихся ни к возвращению домой на родину, ни к интеграции в принимающее сообщество.

Ключевой проблемой пространственно-временной организации коммуникаций является достижение состояния контакта участников в формате «здесь и сейчас», т.е. наличия компактного пространства открытости / закрытости участникам-«своим» / неучастникам-«чужим» и совместного времяпрепровождения. Достижение эффективной коммуникации всегда предполагает производство «коммуникативной локальности» – единства времени и места общения при наличии закрытости для неучастников (мы используем превращенный термин Арджун Аппадурои «производство локальности», адаптируя его к ситуации коммуникации).

В данной ситуации изменений уровня транслокальности этнических сообществ и переноса «коммуникативной локальности» в виртуальное пространство социальные сети выступают в роли своеобразных драйверов новой этнической социальности и этнического дискурса.

Исследование виртуальной идентичности мигрантов. С 2017 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете реализуется исследовательский проект «Виртуальная этнонациональная идентичность мигранта в зеркале российских социальных сетей», осуществляемый при поддержке РГНФ (проект № 15-03-00300, 2015–2017) и реализуемый с целью анализа феномена воспроизводства этнической идентичности в «цифровых диаспорах» российских мигрантов из стран Центральной Азии на платформах российских социальных сетей. Проект направлен на концептуализацию процесса воспроизводства и конструирования виртуальной этнонациональной идентичности мигранта из Центральной Азии в этносообществах социальных сетей и медиа (прежде всего, ВКонтакте и Facebook). Представлены функции этносообществ социальных сетей в трансляции и сохранении национальной культуры, аналитика коммуникативных стратегий, тактик и ресурсов предписания виртуальной этнонациональной идентичности. В качестве объекта исследования выступают «цифровые диаспоры» российских мигрантов из стран Центральной Азии, прежде всего Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. К методологическому инструментарию исследования следует отнести полуструктурированные интервью и фокус-группы с образовательными и трудовыми мигрантами на базе Евро-Азиатского адаптационно-образовательного центра, online интервью с модераторами популярных мигрантских групп и мониторинг и дискурс-анализ контента мигрантских «цифровых диаспор». В рамках исследования «цифровых диаспор» была предпринята попытка с помощью концепта «социальный капитал» объяснить мотивацию мигрантов к объединению в «виртуальные этнокомьюнити» бенефициями как монетарного, так информационного и эмоционально-психологического характера, которые они приобретают в результате членства в виртуальных группах, и продемонстрировать, как данный социальный капитал аккумулируется благодаря добровольной виртуальной активности мигрантов – участников групп.

Одна из ключевых целей нашего исследовательского проекта заключалась в выявлении и классификации с помощью дискурс-анализа коммуникативных стратегий и тактик предписания виртуальной национальной идентичности мигранта, используемых модераторами и «цифровой диаспорой» на коммуникативных площадках Рунета. В нашем дискурс-анализе мы исходили из наличия четырех идеально-типических возможных моделей лояльности / дискурсов идентичности.

1. *Религиозно-мусульманский контентный этнодискурс.* Религиозно-мусульманский дискурс, особенно полно представленный в узбекских и таджикских виртуальных этносообществах, является наиболее комплексным, структурированным и сознательно организованным, вплоть до создания специальных религиозно-тематических групп. Исламско-религиозный дискурс включает в себя чрезвычайно разнообразный контент:

– увещания о том, что больше времени следует посвящать религии и меньше – общению в социальных сетях: ирония ситуации в том, что подобные увещания распространяются через социальные сети);

– советы относительно мусульманской диеты («12 любимых продуктов Пророка Мухаммада») и соблюдения мусульманского поста («10 советов постящимся в Рамадан»);

– демонстрация примеров истинно правоверного поведения (чтение мусульманином-футболистом немецкой команды Месут Озилем сур Корана перед каждым матчем);

– осуждение как проявления дьявольских суеверий ношения оберегов и амулетов («Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Кто повесил на себя амулет, тот совершил ширк.» (Ах-мад 4/156, Аль-Хаким 4/417; достоверный хадис») [сохранена стилистика оригинала]);

– многочисленные апелляции к Корану, призывы к соблюдению молитв, почитание Мекки, благодарность Аллаху и другие религиозные темы;

– важной является тема противостояния соблазнам и искусам безбожного потребительского западного общества (приведем соответствующий пост: «*Это хорошо когда твои друзья не зовут обкуриться, а зовут пойти помолиться*» [сохранена стилистика оригинала]). Чрезвычайно обсуждаемая тема (например, в группе «*Дневник мусульманки*» © Ислам») – поведение женщин согласно мусульманским правилам. Способы трансляции религиозных ограничений и запретов для мусульманских женщин многообразны: это и мусульманские по-

словицы («лучшая жена, которая разбудит мужа к Фаджру» (предрасветной исламской молитве)), осуждение греховного общения между полами и флирта в социальных сетях и др. (рис. 1).

Рис. 1. Примеры комикс-постов с осуждением неправомерного поведения девушек-мусульманок и позитивными образцами

В целом религиозно-мусульманский дискурс не вызывает горячих обсуждений и дискуссий среди участников виртуальных этнокомьюнити, за исключением темы женской скромности и целомудрия, и носит скорее ритуально-напоминающий характер констатации верности традициям при постепенном отходе от них в повседневных практиках жизни в принимающем российском обществе.

2. *Национальный контентный этнодискурс.* Национальный контентный этнодискурс при всей его сопряженности с исламскими мотивами имеет самостоятельное значение в виртуальных этнокомьюнити и поддерживается собственными топиками, одновременно и схожими, и отличными в группах кыргызских, узбекских и таджикских мигрантов. Важным элементом сохранения идентичности для мигрантов является апелляция к *визуальным символам-маркерам национального*, постоянно повторяющимся в виртуальных этногруппах. Так, в узбекских этногруппах такими символами чаще всего выступают плов, богато накрытый национальный стол (подведение узбекским модератором итогов конкурса селфи с собственноручно изготовленными блюдами: «Лучше узбекской кухни может быть только узбекская кухня! Спасибо участникам группы за их фото с любимыми блюдами»), девушки-узбечки в национальных нарядах; еще одна выразительная выдержка из поста «Капитана-Таджикистана»: «Днем я работаю. А по ночам мне снятся горы. Как же я хочу домой» [сохранена стилистика оригинала], используются образ льва, предметы прикладного искусства, таджикские музыкальные инструменты («Реп и рок это конечно хорошо, но если ты таджик то ты обязан знать свои народные инструменты!» [сохранена стилистика оригинала]). В обеих этногруппах используется символика национальной одежды – халатов, туфель, тибетеек; для кыргызских виртуальных комьюнити характерна публикация сцен соколиной охоты, борьбы, образов искусных степных наездников и пастбищ, былинных батыров, относящихся к временам енисейских кыргызов (рис. 2).

Рис. 2. Визуальные «маркеры» родины в постах и фотоколлажах виртуальных групп мигрантов:
 а – образ Моны Лизы-узбечки; б – образ заснеженных вершин Таджикистана;
 в – образ легендарных воинов енисейских кыргызов

Еще один важный топик, прослеживающийся в постах как кыргызских, так и особенно узбекских и таджикских виртуальных этногрупп, – это *апелляция к ярким, неординарным, выдающимся людям – представителям своего этноса*. Здесь также можно выделить высокий и низкий стили: с одной стороны, кыргызы гордятся великими воинами-завоевателями (такими как хан Иренек), писателем Чингизом Айтматовым и поэтом Темиркулом Уметалиевым. Таджики – великими зодчими и поэтами (Фирдоуси, О. Хайям), узбеки – также завоевателями и поэтами, космонавтами (Тамерлан, Улукбек, Рудаки, Алишер Навои). С другой стороны, в узбекских виртуальных комьюнити множество постов посвящено эстрадной узбекской певице, выступающей на российской эстраде, – Наргиз Закировой. Достаточно часто в этногруппах перепостиваются портреты известных людей – представителей нации – как подтверждение ее величия. Пожалуй, наиболее эмоционально наполненным является *топик ностальгии по утраченной (временной?) родине*, часто принимающий текстовую или визуальную поэтическую форму.

3. *Традиционалистский нравственный дискурс.* Как нам кажется, здесь можно говорить о связной системе взглядов, которая включает в себя критику потребительского общества, осуждение погони за богатством, утверждение нравственного превосходства бедности, ностальгию по временам интернациональной дружбы

народов, обиду на современных россиян за их шовинистические и ксенофобские установки. Причем от религиозно-националистического дискурса его отличает осознанная установка на интернационализм и дифференцирующую оценку людей по внеэтническим критериям богатства / бедности и нравственно достойного / недостойного поведения.

В качестве примера отрицания национализма приведем по одному посту из лент узбекской и таджикской этногрупп: «*Никогда не судите человека по национальности, всегда найдется щедрый еврей, бедный араб и гостеприимный узбек!*» и «*Мир не делится на нации. Мир не делится на Христиан и Мусульман. Мир делится на хороших и плохих людей, запомните это*» [сохранена стилистика оригинала]. Одна из респонденток-узбечек приводит следующие слова своего отца: «*Я считаю, что все нации равны. Как говорит мне мой отец (чь-то фраза). Есть 2 вещи одинаково безинформативные: я родился в среду [день недели] и в России*» [сохранена стилистика оригинала].

Рис. 3. Фотопост и коллаж на тему дружбы народов в таджикских этногруппах

Многие представители мигрантской молодежи выносят положительное отношение к временам Советского Союза из идеализированных рассказов своих родителей и старших родственников (см. рис. 3)

4. *Контентный дискурс эмансипации.* В качестве маргинального контентного дискурса, пока еще только набирающего силу, мы выделяем дискурс эмансипации, проявляющийся достаточно фрагментарно и несмело в сравнении с другими господствующими этнодискурсами. Тенденция на антитрадиционалистскую и антирелигиозную эмансипацию проявляется в принятии и использовании глобальных потребительских трендов и молодежных западных направлений (в частности, селфи) и отражается уже в названиях групп: группы «Selfie Tj | Селфи Таджикистан ✓» (http://vk.com/selfie_tjk), «Селфи Кыргызы» (http://vk.com/selfie_kgz), использовании в названиях групп эпитетов «гламурные» (группа «*Ў қСаМьЕ қЧеТкИеқ ГлАмуРнЫе УзБеКи*» (<http://vk.com/public53859175>), «золотая молодежь» (группа «Золотая молодежь Таджикистана...²⁰¹²» (http://vk.com/elected_tj) (рис. 4).

Рис. 4. Посты, отражающие влияние модных молодежных направлений и потребительских трендов в виртуальных этнокомьюнити мигрантов:
 а – пост-коллаж рэпера из Таджикистана в группе «Золотая молодежь Таджикистана»;
 б – фотопост «селфи» мусульманки; в – фотопост в таджикской этногруппе о смене гендерных ролей

В подобных группах явно прозападной или глобалистской направленности часто можно встретить демонстрации арт-фото предметов престижного потребления – дорогих машин, смартфонов, роскошных моделей в европейской одежде.

В обсуждении роли женщины в мусульманском мире на форумах нередко проскальзывают нотки эмансипационной установки. Одна из пользовательниц анонимной группы «Признавайся, Узбекистан» с сожалением пишет: «*Все самые важные запреты в моей жизни мне объясняли одной фразой: потому что ты девочка*» [сохранена стилистика оригинала].

В виртуальном пространстве дискурса изменениям подвергся не только сам этноформирующий контент, но и стилистика и форматы его репрезентации. В сетях сила и влияние виртуального проповедника этичности или религиозности может измеряться количеством фолловеров, одобрение этнических постов или мемов может выражаться в количестве лайков или репостов, этнофобия и интолерантность – трансформироваться в трол-

линг. Меняются сами формы этнопоисаний: теперь это, скорее, не длинные, структурированные речи политиков и общественных деятелей или большие патриотические нарративы, а короткий жанр тексто-графической коммуникации: фотожабы, мемы или афоризмы, визуализированные цитаты, то, что можно, наверное, отчасти правильно, назвать убеждающей инфографикой.

Виртуальная «коммуникативная локальность» социальных сетей: перспективы исследования.

Перспектива дальнейших исследований в области тематики цифровизации этнической идентичности нам видится в попытках выяснить, каким образом изменение «места и времени встречи» (перенос в виртуальность сетей) этносов и мигрантов влияет на их внутренние социальные взаимоотношения и внутриэтнический дискурс. Эвристически продуктивным является анализ трансформаций внутриэтнических социальных отношений и дискурса мигрантов, происходящих под воздействием производства новой виртуальной транслокальности. В ситуации изменений уровня транслокальности этнических сообществ и переноса «коммуникативной локальности» в электронное пространство социальные сети выступают в роли своеобразных драйверов новой этнической социальности и этнического дискурса.

В числе основных характеристик новой «виртуальной коммуникативной локальности» в электронных этнокомьюнити мигрантов выделим следующие:

- низкие барьеры для входа / выхода в данную виртуальную локальность;
- возможность произвольного управления режимами открытости / закрытости коммуникации с различными партнерами и сообществами внутри виртуальной локальности;
- манипуляция режимами синхронности / асинхронности общения;
- организация режима открытости и самопрезентации участников;
- снижение транзакционных издержек общения;
- неиерархичность коммуникации и добровольность / ненасильственность общения в виртуальной локальности.

Таким образом, транзит офлайн-сетей мигрантов в формат «виртуальных этнокомьюнити» или «цифровых диаспор» меняет природу организации коммуникаций внутри социальных сетей мигрантов и их роль как некоего социального «квазиинститута» для устройства жизни мигранта внутри / вне принимающего сообщества.

Глобализация и электронные социальные медиа оказывают серьезное влияние на проблему достижения «коммуникативной локальности» этническими мигрантами в плане пространственно-временной организации коммуникаций как между членами этнической сети-диаспоры в принимающем сообществе, так и с родственниками и друзьями в обществе исхода и, наконец, с принимающим сообществом.

С дальнейшим развитием дискурса в «виртуальных этнокомьюнити» и появлением молодых мигрантов «второго поколения», на наш взгляд, неизбежно, как это уже было в Западной Европе, начнет тематизироваться проблематика социального (в том числе и цифрового) неравенства, дискриминации (и в виртуальном пространстве) мигрантов и борьбы за их гражданские права. Сама миграция из стран Центральной Азии, во многом благодаря использованию виртуальных социальных сетей и цифровых девайсов, будет становиться все более циркулирующей, транснациональной и транзитной для России и все менее зависимой и нуждающейся в успешной адаптации в принимающем российском сообществе.

Литература

1. Appadurai A. The Production of Locality // Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge / ed. by R. Fardon. London : Routledge, 1995. P. 204–225.
2. Brinkerhoff J.M. Digital Diasporas. Identity and Transnational Engagement. New York : Cambridge University Press, 2009. P. 85.
3. Croucher S.M. Social Networking and Cultural Adaptation: A Theoretical Model // Journal of International and Intercultural Communication. 2011. Vol. 4, is. 4.
4. Diker E. Social Media and Migration // Review of Political and Social research Institute of Europe. 2015. URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration/> (accessed 30.10.2016).
5. Karim K.H. The media of diaspora. London : Routledge, 2003.
6. Komito L., Bates J. Migrants' information practices and use of socialmedia in Ireland: networks and community // Proceedings of iConference., Seattle, WA : ACM, 2011. P. 289–295.
7. Ананьина В.Т. Теория транснациональной миграции: концептуальные основы и возможности практического применения // Казанская наука. 2013. № 12. С. 296.
8. Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб. : ЦНСИ, 2004. 216 с.

TRANS-LOCALITY OF DIGITAL MIGRANTS' COMMUNICATIONS AND THEIR LOCALIZATION IN SOCIAL NETWORKS: THE CONTENT DISCOURSES OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA

Glukhov A.P., PhD, assistant professor, department of social communications, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to a conceptual analysis of the possibilities of spatio-temporal reorganization of intra- and inter-ethnic communications of migrants on the platform of social networks and content analysis and types of discourse presented in the virtual ethnic community of migrants from Central Asia. The article is based on the materials of the research project "The Virtual

Ethnonational Identity of a Migrant in the Mirror of Russian Social Networks", implemented with the support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (Project No. 15-03-00300, 2015-2017) and represented to analyze the phenomenon of the reproduction of ethnic identity in the "digital diasporas" of Russian migrants from the countries of Central Asia on the platforms of Russian social networks. The object of the research is the "digital diaspora" of Russian migrants from Central Asian countries, primarily Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan. The characteristics of the new "virtual communicative locality" in the "virtual ethnic community" of migrants are considered. The new genres and formats of ethnic discourse, in particular, memes, aphorisms, visualized citations, persuading infographics are the subject of the research. The article also classifies with the help of discourse analysis communicative strategies and tactics of prescribing the virtual national identity of the migrant used by moderators and the "digital diaspora" on the communicative platforms of the Russian Internet. Four ideal-typical possible models of loyal discourses of migrant identity are singled out: a supranational project of Islam, nationalism, a nostalgic project of the quasi-Soviet "friendship of peoples" and a transnational global-consumer project. The key characteristics of the new "virtual communicative locality" in the electronic community of migrants are identified as: low barriers to entry / exit to virtual locality, the ability to arbitrarily control the openness / closure of communication with various partners and communities within virtual locality, manipulation of synchronous / asynchronous communication modes, organization openness and self-presentation of participants, a decrease in transaction costs of communication, non-hierarchical communication and the voluntary / non-violent communication in the virtual local area. The article concludes that the problem of producing a new "communicative locality" in the situation of ethnic trans-locality is one of the most urgent for any ethnic communities in the situation of migration from the society of the outcome to the receiving community.

Keywords: digital migrants, trans-locality of communications, digital diasporas, social networks, virtual ethnocommunities.

УДК 159.9.07

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛОЯЛЬНОСТИ

С.В. Горностаев

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

E-mail: stanislavrz@yandex.ru

Аннотация. Изложены результаты исследования ценностно-смысловых детерминант лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы различными группам.

Ключевые слова: группы; лояльность; ценности; смыслы; диагностика.

Более ста лет назад создатель первой научной концепции лояльности Джозайя Ройс писал: «Термин “лояльность” дошел до нас как старое доброе популярное слово безо всякого четкого определения» [9, с. 14]. Несмотря на то, что в западной науке междисциплинарный интерес к проблеме лояльности существует уже более столетия, многие вопросы, касающиеся данного феномена, все еще остаются слабо исследованными. Современные авторы [10] отмечают недостаточную разработанность даже самого понятия лояльности, что в течение уже продолжительного времени затрудняет решение и других научных проблем лояльности, одной из которых является проблема психологического смысла и мотивационных основ лояльности, ее ценностно-смысловых детерминант.

На основании проведенного автором теоретико-эмпирического анализа [3] социально-психологический феномен лояльности был определен как причастность личности к группе на взаимосвязанных уровнях самоопределения, групповых эмоций, а также мотивации, направленности и процессов групповой активности.

В соответствии с данной позицией был проведен теоретический, а на его основе и эмпирический анализ ценностно-смысловых детерминант лояльности.

Общегрупповые психические конструкты, разделяемые членами групп лояльности, относящиеся к ценностно-смысловой сфере личности, ранее были исследованы рядом ученых, исследовавших проблемы лояльности. Еще Дж. Ройс первый подчеркнул, что в основе лояльности группе лежит общегрупповое мотивационное основание (cause), разделяемое членами группы и таким образом связывающее их [9].

К ценностно-смысловым элементам мотивации индивидуальной и одновременно групповой активности, в частности, можно отнести следующие выделенные исследователями психические конструкты: общие убеждения (М. Гродзинс) и предположения (Дж. Коул); идеи (Дж. Коул, Т. Парсонс); идеалы (Э. Сингер, А. Роджерс); идеологию (Л. Уинн); мифы, легенды (Л. Уинн, И. Босормени-Надь, Дж. Спарк); системы экспрессивных символов и конститутивные символические структуры (Т. Парсонс), символические значения (И. Босормени-Надь, Дж. Спарк); групповую точку зрения (И. Босормени-Надь, Дж. Спарк); жизненные программы, жизненный путь (А. Роджерс). Также выделялись общие ценности (М. Гродзинс), согласованные ценностные приверженности и образцы (Т. Парсонс), назначение группы (Ю. Уэверли); групповые цели (Э. Сингер) и смыслы (Дж. Коул).

Практически все авторы, осмысливающие проблемы лояльности, в той или иной степени признавали, что особенности групп определяют и, в свою очередь, предопределяются мотивационным основанием их объединения и функционирования. Вместе с тем неоднократно высказывалась идея, что лояльность, независимо от ее частных особенностей в различных группах у различных их членов, имеет для людей некий универсальный смысл, обеспечивающий существование этого социально-психологического феномена.

Этот смысл значительное количество авторов (Дж. Ройс, Э. Таннер, А. Роджерс, М. Гродзинс, И. Босормени-Надь, Дж. Спарк, Т. Парсонс, Х. Кастанеда и др.) связывали с обретением удовлетворенности. Теоретический, а затем и эмпирический анализ показал, что в целом сама лояльность можно рассматривать как групповой путь обретения индивидуальной удовлетворенности.

Более детально ценностно-смысловые детерминанты удовлетворенности удалось установить в результате обобщения результатов применения адаптированной под цели исследования методики цветowych метафор (МЦМ) [2], примененной при исследовании 2 786 сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России.

Использование результатов МЦМ в целях исследования поставленной проблемы обосновывается рядом теоретико-методических особенностей.

Главной методологической проблемой диагностики лояльности можно признать трудность такой диагностики как целостного психоповеденческого явления социально-психологического характера. В исследовательских целях затруднено применение в диагностике лояльности так называемых внешних критериев. Например, один и тот же поступок может быть обусловлен лояльностью как одной группе, так и другой, а возможно, и причинами, никак не связанными с лояльностью. Диагностический вывод как переход от наблюдаемых признаков к уровню скрытых категорий в данном случае не всегда сможет формироваться по одному и тому же алгоритму. Таким образом, внешние признаки не могут иметь самостоятельного диагностического значения вне понимания их источников и личностного смысла. Отдельные действия, которые характеризуют деятельность, а не непосредственно личность [4], таким образом, не могут быть внешними критериями лояльности сами по себе, вне смыслового контекста включающей их деятельности. Как отмечал В.Н. Мясищев [6], истинные отношения во взаимодействии зачастую скрываются и маскируются, и хотя в поведении они все же проявляются, характер поведения сильно зависит от внешних обстоятельств, и, несмотря на то что существует тесная связь между процессом взаимодействия людей и их взаимоотношениями, она, как правило, остается скрытой от внешних наблюдателей. Как указывал А.А. Бодалев, даже просто «у разных людей отношения, сходные по своему содержанию, обычно выражаются в действиях и поступках, отмеченных индивидуальной манерой поведения, выработавшейся у личности в процессе ее развития» [1, с. 9].

Методологическое решение проблемы диагностики лояльности открывает позиция А.В. Петровского о том, что межличностные связи, опосредованные ценностями, а также содержанием и смыслом совместной деятельности, «заклучены в конкретных индивидных свойствах, но к ним несводимы» [7, с. 61]. В связи с этим социально-психологический феномен причастности может быть изучен через те индивидуальные характеристики, которые способны адекватно отражать исследуемые особенности связей человекa с группой.

Так же как проблемы в диагностике лояльности и питающих ее ценностей и смыслов, выступают феномены социальной желательности, психологических защит, а также различная степень осознанности людьми имеющихся у них лояльностей [8]. Данные проблемы ориентируют на применение хорошо защищенных диагностических методик с неочевидными для испытуемых механизмом оценки и целями применения, позволяющих исследовать не только осознаваемые, но и бессознательные пласты психики.

Поэтому для получения интересующих результатов была избрана МЦМ в силу ее высокой защищенности от намеренных искажений результатов (что в ходе пилотажного обследования было подтверждено на значительной выборке профессиональных психологов, знакомых с проективными методами), а также способности методики выделить неосознаваемые испытуемым особенности его лояльности, что подтверждалось испытуемыми пилотажной группы после интерпретации индивидуальных результатов.

В стимульный материал использованного варианта МЦМ входило 8 стандартных цветов Люшера и 80 понятий-стимулов, среди которых были стимулы, обозначающие основные ценности россиян, выявленные В.С. Магуном и М.Г. Рудневым в ходе эмпирического исследования [5]: «Безопасность», «Традиции», «Самостоятельность», «Новизна», «Самоутверждение», «Забота», «Удовольствие»; иные ценности и мотивы, теоретически выделяемые различными авторами: «Здоровье», «Общение», «Деньги», «Творчество», «Самореализация», «Духовность», «Покой», «Активность», «Уважение»; и ряд других понятий, которые могли бы быть рассмотрены как ценностно-смысловые детерминанты лояльности. Также в качестве стимулов предъявлялись названия различных потенциальных групп лояльности, относящихся как к профессиональной, так и непрофессиональной сфере.

Интерпретация результатов базировалась на ранее сделанных теоретических выводах о том, что наиболее стабильным и доступным для диагностики компонентом репрезентации лояльности в психике является удовлетворенность пребыванием в группе, которая в совокупности с характерной для лояльности актуальностью группы для обследуемого отражается в его цветовых выборах.

Соответственно предполагалась, что группы, которые ассоциируются у испытуемого с двумя наиболее предпочитаемыми им цветами, и являются группами, лояльность которым у него сформирована. По результатам обратной связи испытуемых было установлено, что значимые группы принадлежности, лояльность которым в рассматриваемом выше значении еще не сформирована, чаще всего обозначаются цветами, выбираемыми испытуемыми третьими или четвертыми.

Результаты были проанализированы по следующей схеме:

1) выбрано шесть типичных для служащих групп потенциальной лояльности, отличающихся по таким характеристикам, как отношение к служебной или внеслужебной сфере, наличие формальных критериев принадлежности к группе, наличие личных контактов каждого члена группы с каждым, наличие и четкость внешних социальных ожиданий по отношению к группе. В результате в анализ были включены такие группы, как «Семья», «Друзья вне службы», «Друзья по службе», «Мое подразделение», «Сотрудники уголовно-исполнительной системы» и «Сообщество профессионалов»;

2) сформировано шесть подвыборок, в каждую из которых вошли испытуемые имеющие сформированную лояльность группе, выступавшей критерием отбора. Например, в одну из подвыборок вошли все испытуемые, которые обозначали стимул «Семья» цветом, который они выбирали как самый предпочтительный или второй по предпочтительности. Так же формировались и подвыборки по другим пяти группам лояльности;

3) в каждой из шести подвыборок был проведен статистический анализ сопряженности стимулов, обозначающих группы, лояльность которым выступала критерием формирования групп и всех других стимулов. Например, подсчитывалось сколько людей в подвыборке обозначили одним и тем же (первым или вторым предпочитаемым цветом) стимулы «Семья» и «Здоровье», затем стимулы «Семья» и «Традиции» и т.д. Делались выводы о степени сопряженности стимула, обозначающего анализируемую группу лояльности, и всех остальных стимулов, отражающих компоненты ценностно-смысловой сферы;

4) после завершения анализа в каждой из подвыборок результаты обобщались. Выявлялись ценностно-смысловые компоненты личности, которые чаще и стабильнее других ассоциировались у испытуемых с группами, которым у них сформирована лояльность. Основным критерием выступал минимальный процент сопряженности того или иного понятия с каждой из шести рассматриваемых групп лояльности (в качестве значимых рассматривались стимулы, которые ассоциируются с каждой из групп лояльности не менее чем у трети опрошенных), а также среднее значение показателя сопряженности рассматриваемой пары стимулов по шести анализируемым группам;

5) полученные числовые данные были интерпретированы в целях выявления возможных наиболее универсальных ценностно-смысловых детерминант лояльности.

К основным результатам исследования в соответствии с поставленной задачей можно отнести следующее.

С группами лояльности оказались наиболее тесно сопряжены понятия, характеризующие ценностно-смысловую сферу.

Наиболее стабильно с лояльностью, вне зависимости от характера группы, сопряжено «Понимание» (диапазон показателей сопряженности в шести группах составил 41–46%, средний показатель сопряженности по шести группам составил 43,33%), которое ожидаемо тесно ассоциируется с лояльностью в сознании респондентов. Это может объясняться тем, что лояльность во многом ориентирована на удовлетворение социальных потребностей, невозможное без взаимопонимания членов группы в вопросах, касающихся их взаимодействия, и особенно их мотивационной направленности.

Также высокие и стабильные связи с лояльностью во всех группах демонстрируют стимулы «Согласие» (диапазон показателей сопряженности 39–45%, средний показатель сопряженности 42,17%) и «Общение» (диапазон показателей сопряженности 39–45%, средний показатель сопряженности 42,17%), что также представляется достаточно логичным, так как согласие выступает условием единства мотивации совместной активности и залогом ее стабильности в различных условиях, а общение обеспечивает координацию любой совместной активности, выступая одновременно и самооценностью для ее участников;

Таким образом, психические конструкты, наиболее тесно и стабильно ассоциирующиеся с группами лояльности связаны с удовлетворением потребностей социального характера и одновременно обеспечивают функционирование лояльности.

Чуть менее стабильно сопряжены понятия, обозначающие группы лояльности, с такими понятиями-стимулами как «Чувство как дома» (диапазон показателей сопряженности 38–66%, средний показатель сопряженности 44,67%), «Забота» (диапазон показателей сопряженности 37–55%, средний показатель сопряженности 43,5%), «Самостоятельность» (диапазон показателей сопряженности 36–48%, средний показатель сопряженности 43,5%), «Здоровье» (диапазон показателей сопряженности 36–56%, средний показатель сопряженности 41,5%), «Мое настоящее» (диапазон показателей сопряженности 36–44%, средний показатель сопряженности 40,17%), «Хорошие люди» (диапазон показателей сопряженности 36–43%, средний показатель сопряженности 39,17%), «Духовность» (диапазон показателей сопряженности 35–44%, средний показатель сопряженности 39,33%), «Идеал» (диапазон показателей сопряженности 35–47%, средний показатель сопряженности 38,5%).

Также на уровне не менее трети оказались сопряжены с группами лояльности такие понятия, как «Сотрудничество» (диапазон показателей сопряженности 34–59%, средний показатель сопряженности 45,16%); «Самореализация» (диапазон показателей сопряженности 34–47%, средний показатель сопряженности 40,67%); «Справедливость» (диапазон показателей сопряженности 34–46%, средний показатель сопряженности 40,17%); «Каким Я хочу быть» (диапазон показателей сопряженности 34–47%, средний показатель сопряженности 38,67%), «Доверие» (диапазон показателей сопряженности 34–44%, средний показатель сопряженности 38,5%).

Близким к тому, чтобы соответствовать заданному порогу рассмотрения, оказалось понятие «Интерес»: 32–38%, среднее 35,83%.

Большинство приведенных выше понятий, сопряженных с той или иной группой лояльности, могут рассматриваться не только как отражающие ее ценностно-смысловые детерминанты, но также во многих случаях и как ее механизмы. Именно такие конструкты, как показало проведенное исследование, и носят наиболее универсальный характер в плане ценностно-смысловой детерминации лояльности. Ценностно-смысловые детерминанты, не обеспечивающие одновременно и операциональную сторону развития функционирования лояльности, очевидно, являются более специфичными для отдельных групп и причастных к ним лиц, о чем свидетельствуют большие разбросы в их отношении по различным группам (например, понятие «Законность» сопряжено со служебными группами лояльности на уровне 62–71%, в то время как с внеслужебными – всего лишь на уровне 19–27%). Из ценностно-смысловых конструктов, не исполняющих регулятивных функций в механизмах лояльности, тесно связанными с лояльностью ожидаемо, исходя из теоретического анализа, оказались понятия «Хорошие люди», «Духовность», «Идеал», «Справедливость». Наличие среди тесно связанных понятия «Самостоятельность» можно также объяснить такими свойствами лояльности, как добровольность групповой причастности и наличие сферы активности и ответственности лояльных членов в пределах группы. Понятие «Здоровье» оказалось тесно связанным с лояльностью по причине семантической близости этого слова с благополучием, целостностью, сохранностью, полноценностью развития личности, которые также выступают функциями лояльности.

Полученные выводы и интерпретации представляют лишь отправную точку и пример эмпирического исследования ценностно-смысловых детерминант лояльности. Безусловно, приведенные данные могут уточняться и проверяться на других выборках, в отношении других детерминант и с использованием как МЦМ, так и других эмпирических методов.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
2. Горностаев С.В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3 (70). С. 67–72.
3. Горностаев С.В. Основы психологической теории лояльности. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2017. 224 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность и личность // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 165–196.
5. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.
6. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л. : Изд-во. ЛГУ, 1960. 428 с.
7. Петровский А.В. Личность в психологии с позиций системного подхода. Социальная психология коллектива // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 57–66.
8. Boszormenyi-Nagy I., Spark G. Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown : Harper & Row, 1973. XXI, 409 p.
9. Royce J. The philosophy of loyalty. Norwood : Norwood Press, J.S. Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
10. Thornberry P. Human Rights and the Shaping of Loyalties // Political Loyalty and the Nation-State / ed. M. Waller and A. Linklater. London ; New York : Routledge, 2003. P. 91–104.

AXIOLOGICAL DETERMINANTS OF LOYALTY

Gornostayev S.V., PhD in psychology, associate professor, doctoral student, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia. E-mail: stanislavrz@yandex.ru

Abstract. The problem of loyalty in the psychological sciences is poorly developed. Among other factors, the meaning and values of loyalty are not sufficiently studied in psychology. The results of empirical research are not described in literature. The article describes the results of the author's empirical research of the 2786 officers of the penitentiary service of Russia of various ranks and activities. The author examined the meaning and value determinants of officer's loyalty to different groups that differ in a number of settings (family, friends out of service, friends in service, my department, officers of the penitentiary service, and the community of professionals). The article presents the results obtained through the adaptation of the I.L. Solomin color metaphor method by the author of the article. The main statistical method for processing the results of the study was a contingency analysis of concepts, including various possible values of loyalty, as well as potential loyalty groups. The most stable with loyalty, regardless of the nature of the group, is in the range of 41 to 46 per cent was the mental constructs, which perform dual functions as the motivation for the involvement and direction of people's collective activity in loyalty groups and the implementation of loyalty mechanisms regardless of the type of the group. The most sustainable relations with loyalty among these constructs showed "understanding", "consent", and "communication". At the same time, a number of values of loyalty (e.g., law, health) are closely associated in the minds of respondents with loyalty to one group and are much less associated with others. Thus, the study empirically revealed that there are more or less universal values of loyalty that are relevant to all groups, and there are more specific determinants typical for particular loyalty groups. Among both the universal and the specific determinants of loyalty are the determinants of the satisfaction of the need for self-actualization, communication, belonging, approval, purpose, that is, first and foremost, the highest spiritual and social needs.

Keywords: groups; loyalty; values; meaning; diagnostics.

ЦИФРОВОЙ НОМАДИЗМ КАК ПРОЕКТ ОБРЕТЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В МИРЕ «ПОСТУЛИРУЕМОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ

И.В. Гужова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: ivguzhova@mail.tsu.ru

Аннотация. Цифровой номинализм представлен как практический постмодернистский проект жизненной стратегии и обретения экзистенциальной свободы, который стал возможен в современном информационно-сетевом обществе.

Ключевые слова: свобода; идентичность; экзистенциальный выбор; цифровой номинализм.

Научная рефлексия свободы и идентичности традиционно осуществляется «в разных весовых категориях». Свобода является фундаментальным философским понятием, в то время как проблема идентичности укоренена в социально-психологическом дискурсе. Поиск предельных оснований свободы ведется с античных времен, а понятие идентичности – «изобретение» Нового времени. Тем не менее эти категории сходятся в плоскости экзистенциального переживания и осмысления бытия.

В поисках смысла жизни человек актуализирует ту или иную грань свободы, каждая из которых в свое время была «высвечена» философской мыслью: свобода как возможность человека противостоять судьбе (Сократ, Платон); как основа справедливого общественного устройства (Аристотель, Эпикур); как способность нравственного выбора человека, дарованная богом (в средневековой теологии); свобода как принцип творческого развития личности (в эпоху Ренессанса); как общественная ценность в русле либерализма (со времен эпохи Просвещения); свобода как чистая деятельность «Я», которая не обусловлена ничем внешним и потому определяет достоинство и назначение человека (Фихте); как состояние общества, в котором человек преодолел сформированное капитализмом «отчуждение» от продуктов его собственного труда и собственной сущности (марксизм). Экзистенциалисты (начиная с Хайдеггера) сместили фокус рефлексии свободы в пространство внутреннего мира человека. Осмысливая свободу как экзистенциальную потребность, реализуемую в свободе внутреннего выбора, экзистенциализм создал условия для научной рефлексии свободы в рамках психологического дискурса, в том числе корреляции понятий свободы и идентичности.

Свобода как ценность, несмотря на свою многомерную сущность, может быть раскрыта в двух измерениях – свобода от внешних ограничений и внутренняя свобода человека. Наличие внешних ограничений предопределено его природной и социальной сущностью. Внутренняя свобода отражает духовное начало в человеке. Вся история культуры – это борьба человека с природными и социальными «ограничениями» посредством проявления внутренней свободы духа. В противовес конечности своего бытия человек «изобрел» религию как путь к вечной жизни, «царство логоса» как возможность прикоснуться к трансцендентному и искусство как форму объективации и фиксации своей духовной практики в материальном мире. Эти виды деятельности существуют в культуре как «индивидуальные проекты» обретения внутренней свободы. Свобода человека как социального существа отстаивалась в борьбе за политическую, экономическую и гендерную независимость, и в этом случае обретение свободы предлагалось как «социальный проект», проект новой социальной идентичности.

В проекции отдельной человеческой жизни ценность свободы актуализируется во всех своих измерениях, а ее отсутствие переживается на экзистенциальном уровне как кризис, из которого человек отчаянно ищет выход. Преодолеть этот кризис можно только через проявление внутренней свободы, независимо от того, в каком измерении ощущается нехватка свободы. Выбор свободы – это всегда экзистенциальный выбор, это пограничное состояние, угрожающее целостности и сохранности личности, которые отражает категория идентичности. Однако желание и стремление сохранить идентичность не всегда является отражением внутренней свободы человека. Известны примеры того, как в ситуации физической несвободы или под угрозой смерти человек проявляет внутреннюю свободу через удержание важных для него граней собственной социальной идентичности (остаться человеком, не отступить от своих принципов). Когда же человек, свободный в своих перемещениях, обладающий современным «набором» либеральных прав и свобод, тяготеет отведенной ему в обществе ролью или ощущает нехватку свободы самореализации, его желание удержаться в горизонте социальной идентичности воспринимается как отрицание или отсутствие внутренней свободы. И в том и в другом случае идентичность осознается человеком как важная ценность, но стремление к ее удержанию, получается, может делать человека в разных жизненных обстоятельствах свободным или несвободным.

Идентичность, по словам З. Баумана, возникает в культуре как индивидуальная задача, «именно индивиду вменялось искать спасение от неясности», но при этом границы «ясности» определялись социумом, отсюда потребность человека в наставничестве, экспертной оценке, мнении окружающих – всем том, что может дать человеку уверенность в успешной реализации своего проекта идентичности. Принятие персональной ответственности за формирование собственной уникальной идентичности – удел избранных, чаще всего такое решение приводит к маргинализации индивида и его образа жизни. Поэтому, считает З. Бауман, сказать «постулиру-

емая идентичность» означает сказать одно лишнее слово, потому как не может быть никакой другой идентичности, кроме постулируемой. По его мнению, проблема идентичности возникла в научном дискурсе тогда, когда была осознана перспектива ее утраты. Актуализация проблемы построения и сохранения идентичности как основания целостности и стабильности личности – это проект модерна, в то время как постмодерн обнаружил проблему в обратном – как «избежать фиксации и сохранить свободу выбора» [1].

Яркой иллюстрацией решения постмодернистского модуса проблемы идентичности на практике является образ жизни цифровых номадов (кочевников) – современных, технологически продвинутых, успешных и свободных людей, которые реализуют проект обретения собственной уникальной идентичности как свою жизненную стратегию.

Если взять во внимание две базовые характеристики цифровых номадов – мобильность и постоянную подключенность к Сети [7], то сегодня всем нам в той или иной степени присущи эти характеристики, и нас можно отнести к «сезонным» или «городским» кочевникам [3]. Однако образ жизни «классических», глобальных цифровых кочевников сильно отличается от принятых в нашем обществе моделей социального поведения и являет собой вызов самим основаниям современного общественного устройства.

Цивилизационный технологический прорыв в сфере транспортной доступности и появление Интернета обусловили процесс глобализации и интернетизации. В онтологии глобального информационно-сетевом обществе цифровой номадизм смог реализоваться как практический проект.

Кочевой образ жизни цифровых номадов, с одной стороны, маргинален. Постоянная мобильность, что, по сути, означает отсутствие постоянного места жительства, роднит их с известными культуре прототипами – бродягами и странниками. Однако цифровых номадов не назовешь асоциальными элементами: в наш цифровой век степень их включенности в процессы социального взаимодействия может быть выше, нежели у некоторых «оседлых» представителей общества. Цифровые номады создают самые разные «продукты», востребованные на рынке, выполняют высококвалифицированную работу «на фрилансе» или развивают собственный бизнес, но благодаря возможностям Интернета делают это удаленно – там, где им это удобно и когда удобно. Их профессиональные компетенции востребованы и хорошо оплачиваются, это обеспечивает стабильное поступление финансовых ресурсов для путешествий и проживания в комфортных «оазисах». Конечно, такой формат работы подходит для тех профессионалов, которых можно отнести к представителям «креативного класса» (Р. Флорида) – IT-специалистов, писателей, архитекторов, дизайнеров, художников, фотографов, видеоблогеров, SMM-специалистов и пр.

На состоявшейся в 2016 г. в Томском государственном университете III Международной научно-практической Интернет-конференции «Connect-Universum», которая была посвящена явлению цифрового номадизма, в режиме вебинара (удаленно, через Интернет) со своими презентациями выступили четыре «классических» цифровых кочевника. Их видеодоклады доступны на сайте конференции, а стенограммы опубликованы в сборнике материалов [6]. Каждый докладчик начал свое выступление с рассказа о том, как он принял решение стать цифровым кочевником. Это решение никому не далось легко, но все в один голос считают его судьбоносным. Как становится ясно из высказываний цифровых кочевников, основным стимулом, подтолкнувшим их к смене образа жизни, явилось неприятие офисной работы, предполагающей жесткий восьмичасовой график и подчинение нормам организационной культуры компании. Основной экзистенциальный вопрос (быть или не быть?) для них актуализировался в социально-экономической плоскости: «Я живу, чтобы работать? Или я работаю, чтобы жить?» Но решение этой дилеммы не обязательно должно привести к смене образа жизни на «кочевой», здесь возможны разные сценарии: сменить работу, открыть свой бизнес и пр. Однако человек принимает решение отправиться в бесконечное путешествие, отказавшись от сложившихся социальных связей и своего дома (жилища) в их «привычном измерении». При этом в нарративах цифровых номадов (в упомянутых выше докладах или на их личных сайтах, а также на форумах представителей данной социальной группы) не наблюдается установки на разрыв с социальным окружением. Номады «бегут» не от людей, а от «постулируемой» социально-экономической идентичности.

Образ жизни цифрового номада можно рассматривать как форму протеста против сложившейся в нашей цивилизации системы производственных отношений и повседневных практик, отражающих идентичность, постулируемую капитализмом и обществом потребления. Исследователь В.М. Межуев предлагает раскрыть противоречие между внутренней свободой человека и капиталистическим проектом идентичности через категорию «свободного времени», которое становится «главным» временем жизни человека в эпоху постмодерна. Свободное время как время, освобожденное от труда, который необходим ради физического выживания и продолжения рода, всегда высоко ценилось в культуре. Несмотря на то, что сегодня технологии значительно облегчили труд, высвободив время для досуга, немногие имеют привилегию «наслаждаться» этим достижением цивилизации или распоряжаться им по своему усмотрению. В капиталистическом обществе, по словам В.М. Межуева, «базирующемся на рабочем времени, измеряющем им свое богатство, индивид чувствует себя свободным только за пределами своего рабочего времени, не на работе, а в кругу своих друзей, знакомых и близких. Для многих время, проведенное в семейном кругу, посвященное домашним делам и заботам, намного предпочтительнее того времени, которое они проводят на производстве или на службе. В первом времени они живут, во втором – только зарабатывают на жизнь. И не так уж не прав был К. Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком только при исполнении своих животных функций – в еде, питье, про-

цессе размножения и т.д., тогда как при исполнении своих общественных (трудовых) функций он чувствует себя животным. Получается, что общественное и человеческое здесь полностью разошлись друг с другом: человек осознает себя человеком только за пределами общества, тогда как в обществе он уподобляется вещи или механической функции» [4].

Цифровой номад предпочитает принести в жертву постулируемую капитализмом социально-экономическую идентичность и иметь свободу самому определять соотношение, количество и качество рабочего / свободного времени. Он работает «на фрилансе» или управляет своим электронным бизнесом удаленно, уделяет работе столько времени, сколько считает нужным. Рабочее время вторично. Главное время цифрового номада – это свободное время, оно первично и эмоционально насыщено. Но ведь есть люди, которые также «владеют» своим свободным временем, также работают удаленно, но не ведут кочевой образ жизни. Этот вариант «экономической идентичности» достаточно распространен, а значит, «одобрен» обществом. Что движет цифровым номадом, когда он выбирает «кочевничество»? Это жажда впечатлений и новых открытий, любовь к путешествиям или вариант бегства?

Смена образа жизни (на кочевой) имеет природу символического действия, является репрезентацией совершенного экзистенциального выбора, который должен быть оформлен в индивидуальный проект и представлен как «апробированная» жизненная стратегия. В ситуации экзистенциального выбора, по мнению А.П. Мерсияновой, человек испытывает тревогу от того, что важная для него ценность оказывается под угрозой: «Выбор осуществляется между возможностями, которые не просто способны удовлетворить потребность “здесь и сейчас” (альтернативы-смыслы), а именно “помечены” как ценности, являющиеся для человека значимыми, задающими координаты его многомерного мира (альтернативы-ценности)» [5, с. 154]. Результатом экзистенциального выбора становится смена жизненной стратегии, образа жизни и образа мысли человека, пусть даже в рамках «тоннеля свободы» (В. Ключко), который определен конечностью жизни, социальными регламентациями и пр.

Свобода является ключевой ценностью, вокруг которой выстраивается «система координат» жизненного мира цифрового номада. Выбор альтернативы раскрывается для него в трех измерениях. Первое связано с проявлением внутренней свободы: выражается в смелости сделать свободный выбор и взять на себя ответственность за индивидуальный проект собственной идентичности. Глубинным основанием и мотивом принятия решения выступает осознание конечности бытия и скоротечности жизни (сугубо экзистенциальное измерение). Второе измерение ценности свободы связано с восприятием своей социальной роли в системе производственно-экономических отношений: выражается в отказе от офисной работы с 9 до 17 часов, переходе на удаленный формат работы, в свободном выборе места и времени работы. Собственно, важность этого аспекта свободы приводит к отказу от навязанной капиталистическим обществом идентичности. И здесь не идет речь о разрыве родственных, дружеских связей или гендерном самоопределении. Происходит отказ от той «оси» идентичности, которая мешает реализации свободы как ценности. Благодаря интернет-связи человек не выпадает из системы экономических отношений, является производителем интеллектуальных продуктов, может поддерживать виртуальную связь с прежним окружением. Эта же технологическая возможность позволяет состояться «проекту свободы» как бесконечному путешествию. И это третье, символическое, измерение свободы как альтернативы-ценности для цифрового номада. Оно раскрывает укорененность в нашем сознании архетипических образов и схем. Путешествие как социально приемлемый вариант «бегства» с целью символической репрезентации своего внутреннего протеста против социальных шаблонов известен еще со времен романтических поэм Байрона. Путешествие как нельзя лучше подходит для поиска оснований для обретения новой идентичности. Конечно, тяга к новому, жажда приключений и открытий, познание мира сами по себе сегодня являются привлекательными ценностями, культивируемыми массмедиа посредством репрезентации архетипического образа Искателя [2].

Несмотря на то, что цифровой номад архетипически близок романтическому герою, смена его жизненной стратегии не приводит к изоляции и одиночеству. Благодаря интернет-технологиям цифровой номадизм может быть реализован как «социально приемлемый» проект, реализуемый в глобальном информационно-сетевом обществе, как вариант жизненной стратегии, ориентированной на свободу как принятие ответственности за формирование своей уникальной идентичности.

Литература

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
2. Гужова И.В., Сухорева Д.Р. Архетипизация цифрового номадизма в рекламе // Connect-Universum-2016 : сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической Web-конференции. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 98–103.
3. Кужелева-Саган И.П. Бизнес-коммуникации в условиях цифрового кочевничества // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов : сборник статей и выступлений участников междунар. науч. конф., 9–11 июля 2015 г. / отв. ред. Н.С. Бачурина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 177–187.
4. Межуев В.М. Свобода как ценность // Альтернативы. 2009. № 4. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1479> (дата обращения: 10.09.2017).
5. Мерсиянова А.П. Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник Томского государственного университета. Педагогика и психология. 2010. № 335. С. 153–156.

6. Connect-Universum-2016 : сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической Web-конференции. Томск : Издательский дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 98–103.
7. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. N. Y. : Wiley, 1997.

DIGITAL NOMADISM AS A PROJECT OF FINDING EXISTENTIAL FREEDOM IN THE WORLD OF “POSTULATED” IDENTITY

Guzhova I.V., associate professor at the department of social communication, National Research Tomsk State University, PhD, Tomsk, Russia. E-mail: ivguzhova@mail.tsu.ru

Abstract. Searching for the meaning of life in order to choose the life strategy the individual tries to find the limit of the personal freedom allowing to keep social identity. In situation of existential crisis the individual can digress from the identity axis which counteracts the freedom-value realization, but this digression is socially interpreted as a manifestation of marginality. Postmodern paradigm refuses “postulated identity” (Bauman) and makes the individual chargeable for personal identity building. An example of practical realization of postmodern identity project available in the Information-Net Society is presented in the article. Globalization and internatization of the society made possible for many professionals to work remotely and regulate proportion, quality, and quantity of work and leisure by themselves. Some of them devote all their leisure time to travelling thus having become digital nomads. Digital nomadism is presented in the article as a lifestyle and a life strategy aimed at finding existential freedom and taking responsibility for the personal identity formation.

Keywords: freedom; identity; existential choice; digital nomadism.

УДК 159.9.99

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ФАНАТИЗМА

Е.Л. Доценко, Ю.М. Власова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: dotsenko_e@bk.ru; julapop888@yandex.ru

Аннотация. Обсуждается позитивная функция фанатизма для общества, деструктивное / конструктивное его использование.

Ключевые слова: фанатизм; ярлыки; консерватизм; терроризм; манипуляция; патриотизм.

Тех, кого наблюдатели определяют как религиозных фанатиков, верующие скорее назовут «истинным христианином» или «правоверным мусульманином» и т.п. Религиозными фанатиками часто объявляют людей:

1) чья религиозность более интенсивна, чем общество или религиозное сообщество готовы принять, не ставя под сомнение собственное понимание мира и свои социальные позиции;

2) чьи религиозные воззрения носят тотальный характер, распространяются на всю социальную систему, выходя за рамки господствующей секулярной модели, в рамках которой религия – лишь один из способов воспроизводства мира, имеющий более отношение к морали и личному или групповому этосу и не являющийся экспансией в социальные и политические отношения;

3) чьи религиозные воззрения догматически и обрядово неприемлемы для иных религиозных сообществ, к тому же обладающих большими общественными ресурсами для утверждения своего общественного статуса;

4) чьи религиозные воззрения являются основанием для политического экстремизма.

Кроме того, в жизни ярлык «фанатик» могут повесить на людей, увлеченных какой-либо идеей или самоотдачей отдающихся какой-либо деятельности. Отношение к фанатичности сильно зависит от особенности идеи, которой предан человек: преданность Родине поощряется и называется патриотизмом, предельная самоотдача профессии поощряется и называется профессионализмом.

М. Kalmer [2] отмечает, что фанатизм как особый менталитет и поведенческие черты всегда присутствует в обществе. Но описательные характеристики очень плохо схватывают сущность религиозного фанатизма. Цель данной работы – наметить логику выявления неочевидного в социальном феномене, обозначаемом как «фанатизм».

Две логики определения религиозного фанатизма

«Фанатизм» от лат. «fanaticus» – иступленный, изувер или «fanum» – жертвенник, а от древнегреч. «Φανατικός» – смерть, мертвый (Танатос – бог смерти). Традиция употребления понятия «фанатизм» связана с эмоциональным, оценочным восприятием, использование слов «фанатик» и «фанатизм» всегда предполагает некоторое отношение к человеку или явлению.

В настоящее время наиболее устойчивой выступает традиция рассматривать фанатизм через призму индивидуальных качеств. Вот лишь часть примеров такого подхода.

J. Firman и A. Gila (2006) полагают, что «религиозный фанатизм есть предельная форма расстройств трансперсональной идентичности, которая, будучи подпитанной избыточной оценкой и идеализацией опыта трансперсональных переживаний, становится предельно раздутой и грандиозной» [1, с. 200].

Д.В. Ольшанский (2002) отмечает «доведенную до крайней степени приверженность каким-либо верованиям или воззрениям, проявляющуюся в нетерпимости к любым другим взглядам. В переносном смысле фана-

тизм – это страстная преданность чему-либо» [7, с. 179]. Для фанатиков характерны повышенная эмоциональность, некритическое отношение к информации, подтверждающей их взгляды, и неприятие критики, даже доброжелательной и конструктивной.

В.В. Ким (2013) определяет фанатизм как «извращенное состояние психики человека, представляющее собой некий “сплав” сознательных и бессознательных элементов, составляющих его сущность...» [6, с. 103].

В.С. Поликарпов, В.А. Поликарпов полагают, что это «общественный феномен, включающий в себя психокультурные основания и социальную позицию, проявляющуюся в слепой, доведенной до предела приверженности определенным религиозным представлениям и в крайней нетерпимости к иноверцам и инакомыслящим» [8, с. 288].

J. Slobodzien [4] разводит понятия «интенсивная вера» и «религиозная аддикция», поскольку большинство верующих способно вести здоровую религиозную и духовную жизнь, в которой служение Богу уравнивается с персональной свободой. Вслед за ним и J. Sherman [3] приравнивает фанатизм к аддикции и предлагает лечить его, наравне с алкоголизмом и наркоманией, с помощью программы «12 шагов». Г.В. Старшенбаум (2006) также относит фанатизм к виду эмоциональной зависимости. Автор полагает, что фанатизм – это эмоциональная зависимость, сопровождающаяся компульсивным поведением при сверхценных увлечениях. «Аддиктивный фанатизм – это крайняя степень увлечения какой-либо деятельностью с созданием из нее культа, поклонением кумирам и растворением в группе единомышленников» [9, с. 218].

Выполненный нами семантический анализ представленных и других определений фанатизма данного рода позволил создать следующее определение: фанатизм – это система ценностно-смысловых деформаций идеологического характера (установок, позиций), характеризующаяся аффективно нагруженной крайностью в убеждениях, избыточной поляризованностью отношений «свои–чужие».

Вторая традиция вскрывает дополнительные грани фанатизма как социального явления. Круг идей таков.

1. Фанатизм обладает негативной коннотацией – он используется как обвинение, как очернение, как сожжение, но никогда как похвала или достижение. S. Thorne и G. Bruner [5], сравнивая поведение фанатика и поклонника, отмечают, что поведение фанатика рассматривается как нарушение преобладающих социальных норм, тогда как поклонник эти нормы не нарушает (хотя его поведение и может порой казаться странным).

2. «Фанатизм» и «фанатик» – это ярлыки, навешиваемые третьими лицами, результат интерпретации со стороны третьих лиц или социальных слоев. M. Kalmer [2] отмечает, что в маркировке диссидентов и тех, кто отличается от большинства, такие термины, как «фанатик», часто связаны с предрассудками тех, кто применяет такие ярлыки.

3. Нет устойчивой традиции называть самих себя фанатиком или квалифицировать свою позицию как фанатизм – как в обыденном словоупотреблении, так и в специальных дискурсах: политических, религиозных, профессиональных и т.п. Человек, демонстрирующий фанатичную позицию, по отношению к себе будет использовать более позитивно окрашенные термины, обозначающие идеологическую позицию: «патриот», «истинно верующий», «преданный», «трудоголик».

В совокупности указанные моменты вынуждают определить фанатизм в иной логике, обратив внимание уже не на «фанатика», а на того, кто эту характеристику ему приписывает. Фанатизм – это понятие, используемое для клеймения (категоризации с негативной коннотацией) оппонентов, которые воспринимаются как носители иных идеологических установок (позиций), чьи мотивы действий непонятны и способы отстаивания позиции воспринимаются как неприемлемые (например, излишне агрессивные).

Подчеркнем, что речь идет еще не о сущности явления, а о пристрастном его описании с негативной коннотацией того, что вычлняется (субъективно выделяется) как явление. И дается оно в терминах деформаций «фанатика»: неприятия другой точки зрения, заикленности на своих убеждениях, разделения на «своих» и «чужих». Этому мнению настойчиво придается статус реального явления – с настойчивостью, сопоставимой с фанатичной. В основе просматривается простая архетипическая установка – «он не такой как ... (все, мы, как надо и т.п.)».

Однако обе указанные логики понимания фанатизма – через призму индивидуальных качеств фанатика и как социального явления – это логики, исходящие с позиции наблюдателей за феноменом фанатизма. Опираясь на результаты только что завершеного диссертационного исследования, можно обсуждать еще и третью логику понимания – логику самоопределения (уже с позиции самого «преданного приверженца»). Из многих эссе «Мой путь к вере», написанных теми, кто по признакам презентации себя в социальных сетях был отнесен к категории «фанатики», следует, что человек не пассивно «втягивается» (кем-то) в социальную позицию фанатика, а становится им в результате активных поисков предмета своей приверженности. Порой этот процесс занимал многие годы, которые ушли на близкое знакомство с разными религиозными традициями. Найдя подходящую им религию, люди обрели готовность противопоставить себя социальному большинству во имя утверждения идей меньшинства, к которому они себя причислили. С этого момента они действительно рискуют быть воспринятыми обществом как «непонятные» и «угрожающие». Зато взамен фанатик приобретает мощный душевный ресурс сопричастности (партиципации), становится героем в глазах своих единомышленников (или хотя бы открывается перспектива такого отношения со стороны части из них).

Фанатизм в этом своем виде оказывается разновидностью «другости», характерной чертой которой, согласно Е.Н. Шапинской (2009), является то, что Другой позиционирует себя иным по собственному выбору, и в

то же время утверждает свой субъектный статус. Автор утверждает, что экзистенциальная «другость» является актом добровольным: «Другой по собственной воле остается Другим, отвергая все попытки “приручить” его» [10, с. 50]. Приверженность идее сопровождается принятием связанных с ней норм и правил и является актом, по сути, добровольным. Фанатики как последователи религиозной идеи добровольно позиционируют себя как Иных, тем самым сознательно выделяя себя из социума.

Позитивное предназначение фанатизма. Общество стремится добиться всеобщего принятия единой системы норм, правил, иерархии ценностей. Чем сильнее расходятся индивидуальные ценности и нормы с общепринятыми, тем выше вероятность, что индивид будет отвергнут обществом. Тем не менее такое отвержение необходимо обществу, поэтому фанатики являются важным условием его функционирования: «другие» индивиды с «другими» нормами и ценностями играют важную для сохранения общественного порядка роль.

Во-первых, фанатики возлагают на себя функцию образца – чаще «неправильной» позиции («девиант», «враг», «оппозиционер», «еретик», «ненормальный», «чудик», «маньяк» и т.п.) или, что реже, эталонной («патриот», «герой социалистического труда», «коллекционер» и т.п.). Чаще всего фанатиками клеймят людей, чья позиция и методы достижения целей являются отчасти непонятными, а больше неудобными для собеседника, наблюдателя или соперника. Более того, общество направленно формирует в своих рядах девиантов и маргиналов, включая фанатиков. Г. Беккер (1963) рассматривает роль общества в формировании девиантного поведения. В соответствии с теорией стигматизации (клеймения) девиации есть следствие того, что само общество (вернее, некая социальная группа) наклеивает на конкретное лицо жесткие ярлыки, соотнося его действия с абстрактными правилами (первичная девиантность). Постепенно за человеком (или неким типом граждан) в общественном сознании закрепляется репутация, вынуждающая этого человека (или определенных людей) придерживаться навязанной девиантной позиции. Это уже вторичная девиантность (или маргинальность), которая развивается уже как реакция на клеймение. Согласно Г. Беккеру, девиант становится таковым лишь тогда, когда его таковым признало общество. В принципе, признание со стороны окружающих в целом есть обязательное условие занятия любой социальной позиции.

Получаем замкнутый круг с выгодами для всех заинтересованных сторон: фанатики как индивиды асоциальной и антисоциальной направленности являются необходимым условием функционирования общества, так как берут на себя роль образца «неправильного» поведения (или «очень правильного»). Эти образцы полезны обществу в той мере, в которой задают систему социальных конструкторов и их калибровки (размещения на оценочных шкалах) – что есть хорошо или плохо, полезно или нет и т.п.

Во-вторых, став иным, фанатик превращается в хранителя круга идей, составляющих предмет его приверженности, охраняя их от изменений. А желающих внести изменения в идеологию всегда хватает (в обыденном сознании легко отождествляются «я хочу», «я считаю» и «так должно быть»). В первую очередь идеи необходимо защищать от оппонентов (или даже врагов), которые стремятся внести критические (в пределе фатальные) изменения в идеологию своих оппонентов, преследуя свои интересы. Однако на фанатиках лежит миссия защиты своих идей от изменений и со стороны членов своего сообщества – оппортунистов, еретиков, реформаторов, оптимизаторов и т.п. Причем делают они это с рвением настоящих смертников – прямо как в архаические времена. Здесь особенно остро обнажается специфическая функция фанатизма – противостоять всяким изменениям.

Интересно выяснить, что происходит с теми идеями, которые страстно охраняются – они при этом «консервируются», т.е. ограждаются от развития. Это важная социальная функция, востребованная в любом сообществе – сохранение того, что есть, обеспечение преемственности (консерватизм). Общество заинтересовано в такой консервации, поскольку она позволяет дистанцировать граждан от множества идей, не входящих в нормативное ядро. А сами идеи – инактивировать, отправляя на хранение до лучших времен. Законсервированные идеи сохраняются в по возможности неизменном виде до тех пор, пока не сложатся условия, при которых эти идеи анимируются – из маргинальных переводятся в нормативные. Законсервированные идеи «вскрываются» и используются обществом в кризисные периоды, когда обостряется потребность в разнообразии идей. С этого момента у идей появляется шанс начать меняться и преобразовываться – развиваться.

Не нова мысль, что терроризм во многом возникает на почве невозможности приверженцам неких идей достучаться до массового сознания или до правящей элиты. Это объясняет (но не оправдывает) их решительность и готовность идти на крайние меры. В отношении фанатиков срабатывает подобный же механизм, только заметно более мягкий, не доходящий до крайностей экстремизма. Но именно это сущностное родство социально-психологических механизмов обеспечивает возможность радикализации фанатизма – преобразования его в экстремизм, вплоть до террористического воплощения. Следовательно, параллельно с нормативным процессом консервации идей в кризисные моменты существует механизм форсированного (принудительного) вскрытия «хранилищ» идей. Суть такого механизма составляет манипулятивное преобразование: под видом поддержки традиционных идей им придается нехарактерный для них импульс к несвоевременному развитию. В результате такого вдохновения (инспирации) идеологические «консервы» превращаются в яд, бомбу или таран в зависимости от замысла манипуляторов.

А что же хранитель? Манипулятивная провокация фанатика (чаще религиозного или этнического) нацеливается на актуализацию заложенного в его позиции жертвенного потенциала (греч. «фанатос» = «танатос» – готовность к смерти). Идеологическая инспирация преобразует хранителя в потенциального смертника (в его

переживания самого себя). А с позиции внешнего наблюдателя фанатик из хранителя превращается в разрушителя – готовый материал для исполнения задуманных кем-то терактов.

Как видим, фанатик – это очень сложный продукт социального конструирования, в котором личная активность адепта неких идей филигранно опосредуется рядом социальных процессов, в котором задействованы разные социальные интересы. Во-первых, всего общества – создание и калибровка идеологических конструкций, управление уровнем социальной активности идей. Во-вторых, отдельных конфессиональных, этнических или политических сообществ. С одной стороны, это сторонники некоего круга идей (сторонники фанатика), заинтересованные в наличии лидера и потенциальных кандидатов на эту позицию, а с другой – экстремистски настроенные силы, требующие радикальных изменений, рассматривающие фанатиков как инструмент (орудие) достижения своих целей.

Эскиз конструктивного взгляда на фанатизм. Раз уж фанатик есть продукт социального конструирования, то к этому процессу следует подойти технологично и более конструктивно. Продуктивный (конструктивный) подход к фанатизму еще требует своего научного обсуждения, мы ограничимся кратким эскизом направлений такого обсуждения, не претендуя на его завершенность.

Как минимум речь идет о разработке процедур налаживания социального диалога с маргинальными силами в обществе. Идея не нова, но в ней можно увидеть новые грани, опираясь на обсуждавшиеся выше особенности фанатизма: помогать обнародовать законсервированные идеи. Это позволит частично снизить напряжение противопоставления, если направлять диалог на обсуждение сходств в большей мере, чем различий. Сделать это можно через организацию дискуссий в социальных сетях. Задача состоит в том, чтобы включить энергию действия, заложенную в фанатичную позицию, в процессы решения перспективных задач общества.

Вероятные предметные направления таких дискуссий: моральный потенциал общества, решение прикладных этических проблем, экология, гражданская активность, личностный потенциал (способность быть личностью).

Рассматривая способы снижения напряжения противостояния, есть смысл рассматривать возможности межконфессионального диалога. «Демонизация» оппонента, возводя его в ранг врага, – это один из способов разжигания конфликтов. Совместные мероприятия – наглядная демонстрация возможности сотрудничества и взаимного уважения.

Фанатизм имеет позитивный потенциал, так как фанатик может самозабвенно отдаваться как борьбе, так и служению. Если энергию, которую тратят на реализацию деструктивных идей, направить на решение общественно значимых проблем, то можно получить армию энтузиастов-волонтеров.

Особо следует сказать о проблеме патриотизма, которую тоже следует наполнить обновленным содержанием, придав ему новый импульс действия: показать недостаточность и даже вредность отождествления патриотизма с военно-патриотическим воспитанием; ввести новые грани патриотизма – региональный патриотизм, экологический патриотизм, гражданский патриотизм и т.п. На этой и подобных темах можно обнаружить новые возможности по внесению корректив в цивилизационную роль фанатизма.

Литература

1. Firman J., Gila A. On Religious Fanaticism. A Look at Transpersonal Identity Disorder. 2006. URL: http://www.psychosynthesispaloalto.com/pdfs/Religious_Fan.pdf (accessed: 20.12.2016).
2. Kalmer M. The Many Faces of Fanaticism // Estonian National Defense College (ENDC) Proceedings. 2011. № 14 (2).
3. Sherman J. Fanaticism Is a Disease Like Alcoholism. 2014, November 04. URL: <https://www.psychologytoday.com/blog/ambiguamy/201411/fanaticism-is-disease-alcoholism> (accessed: 18.12.2016).
4. Slobodzien J. (n.d.) Religious Fanaticism and Poly-behavioral Addiction. URL: <http://www.ecauldron.net/articles/archives/2006/05/entry51.php> (accessed: 16.12.2016).
5. Thorne S., Bruner G.C. An exploratory investigation of the characteristics of consumer fanaticism // Qualitative Market Research: An International Journal. 2006. Vol. 9.
6. Ким В.В. Фанатизм между верой и разумом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2. С. 100–104.
7. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
8. Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Феномен человека – вчера и завтра. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 576 с.
9. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М. : Когито-Центр, 2006. 367 с.
10. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 49–55.

SOCIAL CONSTRUCTION OF FANATICISM

Dotsenko E.L., doctor of psychology, professor, department of general and social psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: dotsenko_e@bk.ru

Vlasova J.M., postgraduate student, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: julapop888@yandex.ru

Abstract. Fanaticism as an individual characteristic can be defined as a system of value-ideological deformations of an ideological nature, characterized by the affectively loaded extreme, the excessive polarization of the "one's own" relations. In the social aspect, fanaticism is a concept used to brand opponents who are perceived as bearers of other ideological positions whose motives for ac-

tions are incomprehensible and ways of defending positions are perceived as unacceptable. Man is not born being fanatic but becomes one as a result of searching for the subject of adherence (based on the result of empirical research). Having opposed themselves to the social majority in order to establish the ideas of the minority, they are perceived by society as "incomprehensible" and "threatening". In return, a fanatic acquires a powerful soul-share of participation, becomes a hero in the eyes of his associates. Fanatics are an important condition for the functioning of society. First, they take on the role of a model, more often as "wrong" position. Secondly, by becoming different, the fanatic becomes a guardian of a circle of ideas, protecting them not only from opponents (enemies), but also from changes from some of their community members. The ideas themselves are "canned" which is an important social function of preserving continuity. Canned ideas are "revealed" and used by society in crisis periods, when the need for a variety of ideas is exacerbated. In parallel, there is a procedure for forced reopening of the "repositories": manipulative transformation of the keeper into a destroyer (and the ideological "canned food" in a bomb). This is a provocation of a fanatic (often religious or ethnic) to implement the sacrificed potential ("fanatos" = "thanatos", that is readiness for death). Ideological inspiration turns the custodian into a suicide bomber, a ready-made material for the execution of terrorist attacks planned by someone. A productive (constructive) approach to fanaticism still requires its discussion (at the forum and in the society). At a minimum, these are procedures for setting up such a social dialogue with marginal forces that would reduce the tension of confrontation and include the energy of the action laid in a fanatical position in the processes of solving long-term tasks of society. An important subject of applying such technologies is patriotism, which should also be filled with updated content, giving it a new impetus for action. As a result, it is possible to make adjustments to the civilizing role of fanaticism.

Keywords: fanaticism; labels; conservatism; terrorism; manipulation; patriotism.

УДК 159.9.07

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕСТА «ЛОКУС ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

В.А. Дудин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: dudinvitalij@yandex.ru

Аннотация. Описываются диагностические возможности теста «Локус жизнеобеспечения личности» для психологического консультирования

Ключевые слова: психологическое консультирование; семантический дифференциал; система жизнеобеспечения личности.

Введение. Вне зависимости от методологического подхода суть личностного психологического консультирования заключается в содействии клиенту решить его жизненные трудности. Анализ актуальных интересов специалистов в области психодиагностики показал, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы, направленные на разработку психодиагностических методик, служащих непосредственно целям психологического консультирования взрослых условно здоровых клиентов. Основной интерес фокусируется на вопросах детской, семейной и узконаправленной клинической диагностики. Это означает отсутствие инструмента, построенного на единой методологической базе, который бы позволил психологу прояснить наиболее объективную картину по следующим вопросам: почему у клиента возникла такая трудность; какова история трудности; какие эмоции и чувства вызывает проблема; какими способами он ранее ее решал и решает сейчас; какие ресурсы для решения трудности у него есть; что в поведении или внутреннем мире клиента потенциально может создать преграду для решения жизненной трудности.

Анализ 53 частично релевантных предмету нашего исследования стандартизированных психодиагностических методик показал, что практический психолог с помощью них может получить лишь фрагментарную информацию о психологических ресурсах клиента (пациента). Например, выявить предпочитаемые клиентом копинг-стратегии, но не узнать о репертуаре его психологических защит. Или оценить степень жизнестойкости, но при низких ее показателях не получить сведений, в каких защитно-адаптационных механизмах испытуемого произошел сбой, приведший к снижению жизнестойкости. Составление из имеющихся методик диагностической батареи не дает возможности качественно решить проблему, так как теоретические конструкты методик различны у разных исследователей, а инструменты выполнены в разных формах (опросниковой, проективной и пр.).

Методология и теоретическая платформа инструмента. *Методология инструмента.* Методическая часть разработки методики предполагала решение основной задачи – найти способ диагностировать феномены субъективной реальности, участвующие в регуляции деятельности и поведенческих реакций, связанных с решением жизненных трудностей.

Субъективная реальность и индивидуально-специфические способы ее структурной организации являются предметом психосемантики. Субъективная реальность – это тот образ мира, в котором конкретный человек живет, это система определенным образом структурированных, аффективно окрашенных знаний, воспринимаемых как истинные. Понятие «субъективный образ мира» занимает важное место в теории деятельности А.Н. Леонтьева, который полагал, что проблема психического и должна ставиться как «проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [1, с. 254]. Составляющей субъективной реальности является *значение*, которое В.Ф. Петренко [2] предлагает понимать как обобщенную идеальную

модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности. Е.В. Улыбина показывает, что существуют многочисленные отечественные и зарубежные исследования, показывающие, что субъективный опыт (структурированные следы предшествующих реализуемому в данный момент психическому акту деятельности) является регулятором деятельности [3]. Таким образом, психосемантический метод является подходящим для реализации целей методики.

Далее потребовалось определить каким именно психосемантическим методом провести диагностику феноменов, участвующих в регуляции поведения, которые исследователи назвали «частичная опосредствующая репрезентативная реакция» [4] или «ответная латентная диспозиция» [5]. Ч. Осгуд говорит о том, что в ответ на слово возникает реакция, имеющая сходство с поведенческой, но более слабая и не проявляющаяся в поведении – это «частичная опосредствующая репрезентативная реакция» [4]. Функционально эта реакция проявляется как предрасположение к данному поведению, которое А. Паивию называет «ответной латентной диспозицией». Представляя собой готовность к определенному поведению, опосредствующая реакция как бы репрезентирует его субъекту. Таким образом, оказывается, что с психологической точки зрения значение – это и есть латентная репрезентативная реакция. А.Г. Шмелев предлагает рассматривать семантический дифференциал как методику исследования, «которая может быть рассмотрена как вербальная модель поведенческого реагирования на стимул» [6]. Таким образом, семантический дифференциал позволяет производить диагностику тех реакций на стимулы среды (в том числе стимулы, предвещающие жизненные трудности), которые обладают наибольшим потенциалом для прогнозирования поведения.

Теоретическая платформа. Авторы модели «Система жизнеобеспечения личности» (далее СЖЛ) [7] показывают наличие четырех групп способов (в модели уровней жизнеобеспечения), используемых людьми в жизнедеятельности, в том числе при решении жизненных трудностей. Ниже представлено предметное наполнение уровней СЖЛ.

Уровень *личностных ресурсов* составляют душевные и духовные процессы, такие как личностный потенциал, личностная сила и жизнестойкость, судьбоносные решения, процессы самоутверждения, ключевые выборы, ценностные предпочтения и смысловые преобразования.

Уровень *копинг-стратегий* включает в себе систему осознанных адаптивно ориентированных психических процессов и поведенческих стратегий, направленных на оптимизацию текущей деятельности (как внешнего, так и внутреннего плана) по решению жизненных задач в случаях возникновения препятствий для ее реализации.

Уровень *психологических защит* представляет собой набор неосознаваемых защитно-адаптационных механизмов, включающихся в ответ на фрустрирующую и угрожающую психологическую ситуацию. Тревога по поводу такой угрозы снимается за счет частичного искажения реальности.

Уровень *психосоматических процессов* складывается из разного рода соматических реакций, реализующих (в разной степени выраженности) защитно-адаптационные функции организма. Данные реакции могут локализоваться в рамках иммунной системы [8], психофизиологических ответов на стресс, а также в виде психосоматических сбоев (вплоть до заболеваний).

Модельно предполагается, что затруднение при решении жизненных трудностей возникает при нарушении работы уровней СЖЛ. Например, когда какие-либо уровни сверхвключены, а другие практически не работают, а для преодоления трудности необходимо их совместное творческое использование.

Предметом диагностики, обеспечивающим доступ к интересующей информации, определена операциональная готовность. Под последней понимаются часть категориальной системы индивидуального значения [6, 9] и одновременно «сквозной» процесс для всех уровней системы жизнеобеспечения. Операциональная готовность возникает в результате категоризации события (явления или объекта) в терминах действий (операций) с ним, окрашенная мотивационно значимым отношением. В соответствии с моделью системы жизнеобеспечения можно выделить четыре типа операциональных готовностей: а) проявить отношение телесно, «выпустить пар», дать волю чувствам и эмоциям; б) защититься, спрятаться, оправдаться, сбежать, скрыться; в) подумать, разработать план, логически решить задачу; г) открыться, принять вызов, развить себя, отнестись «по-философски» и пр.

Ход разработки и психометрической проверки инструмента представлен ранее авторами [10].

Общий дизайн диагностического инструмента. Структурно психодиагностический инструмент состоит из трех частей: 1) список для выбора и схемы для уточнения жизненных трудностей испытуемого; 2) стимульная таблица семантического дифференциала; 3) лист наблюдения за ходом тестирования – проективная часть обследования.

Процедура обследования для испытуемого включает три этапа.

На первом этапе из списка жизненных трудностей, откалиброванных по модельным уровням системы жизнеобеспечения, испытуемому предлагается выбрать четыре, которые оставили след в его жизни, запомнились ему.

На втором этапе испытуемый уточняет индивидуальные особенности его трудностей, отвечая на вопросы, заданные в методику (какое событие вызвало данную трудность, почему это является трудностью для вас...).

На третьем этапе испытуемый заполняет таблицу семантического дифференциала, где объектами шкалирования (стимулами) выступают четыре трудности, отобранные им на первом этапе, а в качестве дескрипторов – семантические единицы (слова и словосочетания), каждое из которых «отвечает» за один из уровней системы жизнеобеспечения и является признаком актуализации данного уровня.

Для более точной настройки инструмента тестирования на предмет исследования психолог в листе наблюдения за ходом тестирования отмечает поведенческие проявления испытуемого, которые могут интерпретироваться как признаки работы системы жизнеобеспечения личности в естественных условиях.

Возможности методики для анализа индивидуальных результатов

1. Методика указывает на то, какой ведущий уровень (ведущие уровни) был задействован человеком по отношению к его жизненным трудностям (субъективно значимым по сравнению с другими) на разных их этапах. Например, если по результатам обследования испытуемого Леонида А. на момент возникновения трудности «А» ведущим выступил уровень психологических защит (рис. 1, трудности 3 и 4), а к моменту тестирования его сменил уровень копинг-стратегий (рис. 2), это скорее следует понимать как то, что испытуемый нашел или уже находит пути решения данной трудности. Для психолога-консультанта такой результат значит, что проработка трудности «А» может не представлять особой необходимости, следовательно, нужно обратить внимание на остальные трудности клиента (диагностическая процедура подразумевает выявление реакций испытуемого на четыре субъективно значимые трудности). Другой пример: если бы на начало трудности ведущим был уровень личностных ресурсов, а к моменту тестирования его сменили бы психологические защиты, следовало бы понимать, что трудность, вероятнее всего, еще является актуальной и нерешенной.

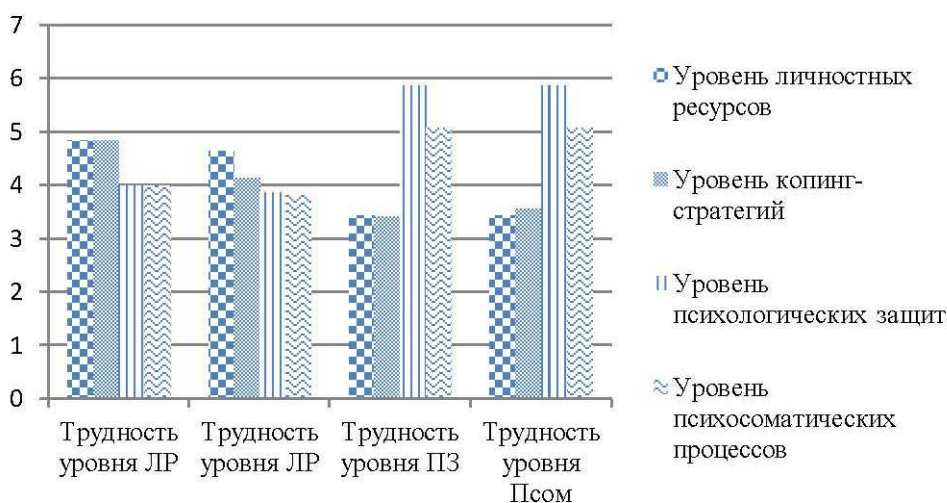

Рис. 1. «Картина» реакций Леонида А. на трудность «А» (на основе оценок испытуемым трудностей на момент их возникновения)

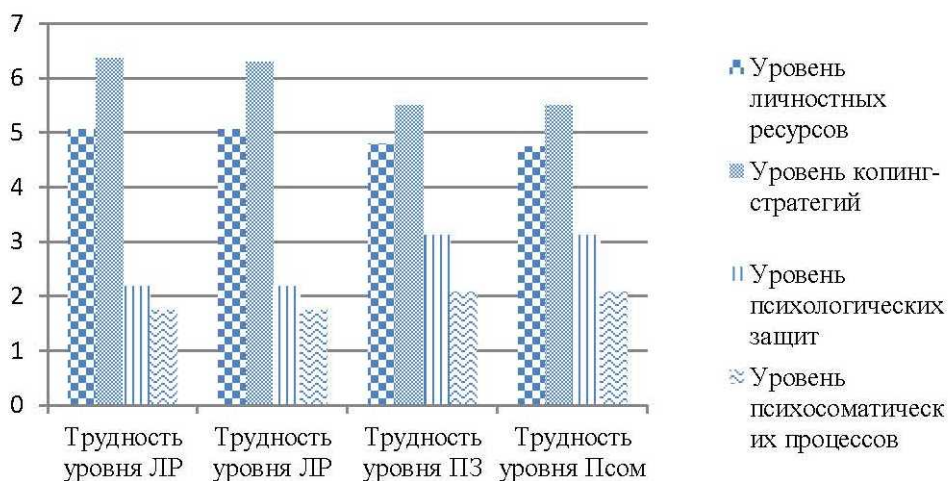

Рис. 2. «Картина» реакций Леонида А. на трудность «А» (на основе его оценок отношения и поведения по отношению к трудностям на момент тестирования)

2. По результатам, получаемым с помощью методики, можно судить об адекватности (согласованности) способов решения жизненных трудностей самим трудностям, точнее, их типам. Например, если испытуемый Олег Б. на жизненную трудность уровня копинг-стратегий (рис. 3, трудность 1), реагирует преимущественно

психосоматическими процессами, вероятнее всего он не решает саму проблему, а проблемы со здоровьем – это защитная реакция. Или, например, если человек для решения трудности реагирует всеми способами жизнеобеспечения практически в равной степени и одновременно, это снижает вероятность эффективного преодоления трудности. Эффективность снижается в силу интерференции способов и дублирования затрат времени и сил.

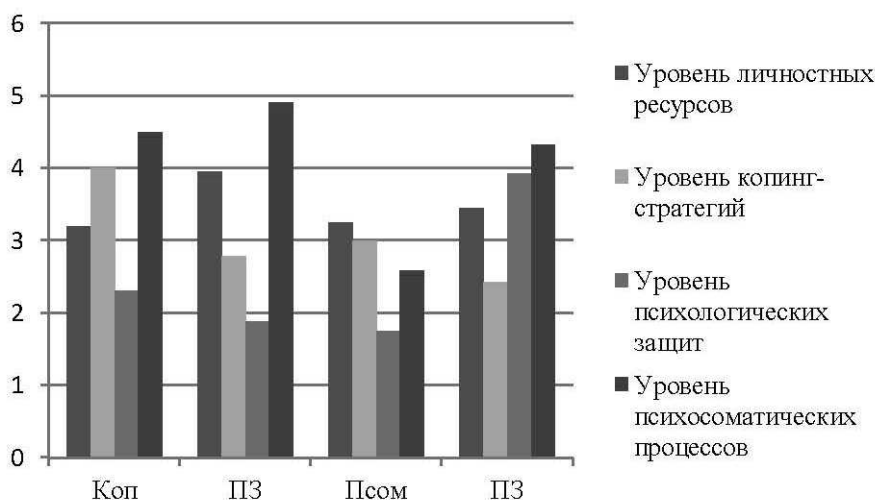

Рис. 3. Результаты обследования Олега Б. (на основе оценок испытуемым трудностей на момент их возникновения).

3. Методика позволяет получить информацию о наиболее значимых жизненных трудностях человека – испытуемый сам выбирает их из предложенного списка. При этом каждая трудность соответствует какому-либо уровню системы жизнеобеспечения. По характеру выбранных испытуемым трудностей можно судить о том, как он в целом устраивает свою жизнь: озадачен ли он экзистенциальными вопросами, занимает творческую активную жизненную позицию; озабочен защитой себя от мира, воспринимаемого им как опасный или враждебный, и практически не интересуется чем-то другим; сводит свои интересы к вопросу, как поправить здоровье, которое «постоянно его подводит». Так, например, среди испытуемых встречались те, кто выбирал из списка только трудности, относящиеся к уровням психосоматических процессов и психологических защит.

4. Визуально, по рисункам (гистограммам), полученным от одного испытуемого, можно оценить его привычные паттерны реагирования на жизненные трудности. Скажем, на каждую трудность в момент возникновения он реагировал психосоматическими процессами, но к моменту тестирования ведущими уровнями уже выступают копинги. Для терапевтической работы это может стать ценной информацией, потому как с клиентом (испытуемым) можно будет обсуждать вопрос: по какой причине он начинает реагировать на трудности на уровне психосоматических процессов, в то время как ему доступны копинг-стратегии.

Таким образом, результаты методики дают информацию о важных жизненных трудностях клиента, стратегиях, которые он использует для преодоления жизненных трудностей. С помощью методики возможно выявлять смежные трудности, которые оказывают влияние на проблему, для решения которой клиент обратился к психологу.

Для заполнения, обработки, интерпретации и совместного обсуждения результатов методики достаточно времени, традиционно отводимого для консультативной встречи. Время тестирования варьирует от 30 до 45 минут. Обработка результатов благодаря ее автоматизации в MS Excel занимает 5 минут.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983. Т. II. С. 261.
2. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988.
3. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М. : Смысл, 2001. 266 с.
4. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.
5. Paivio A. Imagery and verbal processes. N. Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1971. 596 p.
6. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.
7. Богданова М.В., Доценко Е.Л. Саморегуляция личности: от защит к созиданию. Тюмень, 2010. 203 с.
8. Доценко Е.Л., Суховой Ю.Г. Психоиммунное единство системы жизнеобеспечения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 9. С. 134–141.
9. Доценко Е.Л., Вахитова З.З. Психосемантика. Тюмень, 2013. 336 с.
10. Дудин В.А., Доценко Е.Л. Разработка и психометрическая проверка теста «Локус жизнеобеспечения личности» // Медицинская психология в России : электрон. науч. журнал. 2016. № 5 (40). URL: <http://mpgj.ru>

PRACTICAL POSSIBILITIES OF THE «LOCUS OF PERSONALITY LIFE-SUPPORT» TOOL IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING

Dudin V.A., post-graduate student, department of general and social psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: dudinvitalij@yandex.ru

Abstract. Analysis of the current interests of professionals in the field of psychodiagnostics showed that today there are practically no studies aimed at developing diagnostic techniques, serving directly the purpose of counseling relatively healthy adult clients. This means that there is no single tool allowing the psychologist to clarify the most objective picture based on the following questions: Why does such a difficulty arise in the client? What is its history? What emotions and feelings does the problem cause? What ways did he use before to solve the problem and what way is he using now? What are the resources to solve the difficulty concerned? What in the client's behavior or inner world can potentially create a barrier to cope with this life difficulty? The paper describes the methodology and theoretical platform of the tool. As a theoretical platform of the tool, a model of "personality life-support system" is used (Bogdanova, Dotsenko, 2010). The paper describes the theoretical constructs included in the model: "psychosomatic process", "mental protection", "coping strategies", and "personal resources". It also provides a description of the diagnostic focus for operational readiness. The latter refers to the part of the categorical system of one's individual values (Shmelev, 1983; Dotsenko, Vakhitova, 2014) and simultaneously the "through" process for all levels of the life-support system. Operational readiness is the result of categorizing the event (phenomenon or object) in terms of actions (operations) with it and painted with a motivational meaningful relationship. The paper describes the general design of the tool and diagnostic procedures. The examples provided demonstrate the possibilities of the technique for the analysis of individual results. Using the tool it is possible to obtain the following information: a) information about a person's most subjectively significant life difficulties; b) information on preferred strategies for dealing with significant life difficulties; c) information about the adequacy and constructive activity to overcome life difficulties; d) information about a person's ability to change (adjust) his/her strategies to overcome these life difficulties. The latter means flexibility in one's choice, taking into account the effectiveness of the initial strategies used.

Keywords: psychological counseling; semantic differential; personality life-support system.

УДК 159.9.07

СТРАТЕГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КУПИНГА У ЛИЦ, ПОТЕРЯВШИХ РАБОТУ

Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева, Д.А. Шмидт

Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-mail: adm3@psychol.ras.ru

Исследование финансируется РФФИ по проекту № 17-06-00488.

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегий совладания с ситуацией потери работы.

Ключевые слова: безработные; трудная жизненная ситуация; коллективный символический коупинг; дискурс в Интернете.

Введение. Изучение коллективных феноменов, выступающих в роли механизмов и факторов адаптации разных профессиональных групп населения к ситуации потери работы в условиях финансового кризиса, не теряет своей актуальности. Проблема выявления активности представителей профессиональных групп в ситуации сокращения и реорганизации рабочих мест и финансовой оптимизации может быть решена посредством выявления взаимосвязи жизненных стратегий и особенностей символического коупинга у представителей массовых профессий. Феномен совладания с трудной жизненной ситуацией трактуется в заявляемом исследовании комплексно – не только как выбор поведенческой стратегии, но и как коллективный символический коупинг, т.е. конструирование системы интерпретаций, позволяющих членам профессиональной группы смягчить эмоциональное состояние и найти ментальные опоры для дальнейшей жизни. Наши предыдущие исследования показывают, что в периоды общественной турбулентности большие социальные группы переживающие проблемы, особенно остро испытывают потребность в психологической поддержке, осмыслении ситуации и подтверждении позитивного образа собственной группы [1–3].

Обзор литературы. Справляясь с ментальным диссонансом, группы включают коллективный символический коупинг (collective symbolic coping). Вначале этот термин использовался в контексте изучения способов преодоления посттравматического стресса через процесс взаимного раскрытия пациентами своих психологических проблем. В исследованиях социально-психологических феноменов (социальных представлений) больших социальных групп данное понятие в традициях французской концепции С. Московиси разрабатывалось австрийским социальным психологом Вольфгангом Вагнером, который рассматривал дискурс в сообществе как один из способов коллективного коупинга. Он писал, что понимание социального объекта сообществом для правильного поведения и коммуникации достигается посредством дискурсивной разработки системы смыслов, т.е. посредством символического коупинга [5].

Коллективный коупинг существует не только в форме дискурса, необходимого для преодоления каких-то групповых проблем. В целом он выступает важнейшим механизмом стабилизации социального поведения в

сложных ситуациях, в экстремальных условиях, при столкновении группы с реальными проблемами и т.п. Выявление стратегий и закономерностей возникновения и протекания коллективного коупинга в условиях общественной, региональной или групповой турбулентности является перспективным направлением исследований в современной социальной психологии. Разработанная Вагнером концепция коллективного символического коупинга успешно применялась им для анализа механизма ментального освоения публикой тревожащих социальных явлений [6, 7]. Коллективный символический коупинг в контексте изучаемой проблемы состоит в интерпретациях выхода из сложной жизненной ситуации (потери работы). Речь идет не об избираемых стратегиях поведения, они могут быть совершенно иными в силу складывающейся у каждого отдельного человека ситуации, переменчивых эмоциональных реакций или полученной информации. Символический коупинг для данной социальной группы – это своего рода общая ментальная установка на совладание, абстрактное намерение, типичное для представителей группы.

Отечественные исследования в области вторичной экономической социализации как следствия сложной жизненной и финансовой ситуации характеризуются «зачаточным» состоянием. Преимущественно изучается динамика феноменов экономического сознания личности или представителей социальных групп (по средним групповым значениям) в периоды спада и подъема экономики. Отсутствуют специально организованные лонгитюдные исследования, раскрывающие специфику динамики экономического поведения населения (к примеру, долгового, сберегательного, потребительского), изменения экономического статуса, идентичности личности и социальных групп в изменяющихся условиях жизнедеятельности личности и общества в целом. При этом представляет интерес направление исследований (напр., [4]), анализирующих психологические особенности выхода из трудной жизненной ситуации посредством выявления способов совладания с ней.

В изучении проблемы преодоления психологических последствий безработицы выделяются два подхода, связанных с поиском внешних (социальные институты, служба занятости и т.п.) и внутренних ресурсов (личностный ресурс жизнестойкости, предпочитаемые коупинг-стратегии и их успешность в зависимости от времени нахождения в состоянии безработицы и т.п.). Заметим, что одним из первых проблему влияния безработицы на психологическое состояние человека обозначил в своих работах Эмиль Дюркгейм – автор концепции коллективных представлений, тем не менее традиция французской социологической школы исследований групповых феноменов в социально-психологических и экономико-психологических работах по безработице ранее не использовалась.

«Жертвами» последнего финансового кризиса в России и социальных реформ зачастую становятся представители бюджетной сферы – врачи, научные работники, педагоги. Однако в современных работах отсутствуют данные об особенностях переживания людьми данных профессий возникшей ситуации. В нашем исследовании предполагается изучить в качестве механизма совладания с трудной жизненной ситуацией не только поведенческие стратегии коупинга, но и его ментальный уровень – коллективный символический коупинг через анализ дискурса на интернет-форумах. Предполагается развитие в методическом плане идеи В. Вагнера о том, что «конструирование социального объекта достигается посредством дискурсивной выработки системы смыслов, т.е. посредством символического коупинга» [5, с. 307].

Программа и результаты исследования. Наше исследование проводилось с использованием нетнографии методом контент-анализа форумов, на которых обсуждались проблемы безработицы и трудоустройства. Специфика нетнографии в данном случае заключалась в особенностях выборки респондентов, которая, являясь случайной и анонимной, тем не менее обладает преимуществами непосредственности, раскованности и эмоциональности их высказываний. Участники форумов, потерявшие работу, описывают свою личную ситуацию и переживания, а также спрашивают совета, как действовать в дальнейшем. Другие участники делятся своим опытом переживания подобных ситуаций. Такая многоплановость дискурсивных интенций обогащает контент. Таким образом, нетнографический подход позволяет проанализировать набор разнообразных когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий, которые используются людьми в стрессовой ситуации потери работы.

Всего в ходе данного этапа исследования было проанализировано 7 «веток» обсуждений на различных форумах:

[http://www.woman.ru/psycho/finance/;](http://www.woman.ru/psycho/finance/)

[http://www.woman.ru/psycho/career/;](http://www.woman.ru/psycho/career/)

<http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=4124918;>

<http://psycheforum.ru/topic100305.html;>

<https://www.forexdengi.com/threads/16688-poteryavshim-v-proshlom-horoshuyu-rabotu/page130;>

[http://www.krasotulya.ru/love/forum12/topic1659/;](http://www.krasotulya.ru/love/forum12/topic1659/)

[https://www.hip-hop.ru/forum/bezrobotica-v-rossii-510467/\).](https://www.hip-hop.ru/forum/bezrobotica-v-rossii-510467/)

Выбор конкретных форумов осуществлялся по критерию наличия подробного обсуждения стратегий коупинга в условиях потери работы. Те «ветки», где акцент делался на обсуждение различных вакансий, условий работы или причин увольнения, не были включены в исследование.

Объем анализируемого контента составил 26 тыс. знаков. Все единицы анализа, касающиеся переживания людьми ситуации потери работы, были закодированы в три категории: эмоции, отношение к ситуации и действия. В каждой категории были дополнительно выделены от двух до четырнадцати подкатегорий в зависи-

мости от количества и разнообразия представленных высказываний. Количественное определение частоты встречаемости отдельных элементов в задачи исследования не входило. Авторы интересовались возможно более широким кругом суждений, касающихся совладания с жизненной ситуацией потери работы.

В категории «эмоции» были выделены две подкатегории: негативные эмоции и позитивные. К негативным эмоциям можно отнести в первую очередь страх и беспокойство, которые могут быть связаны как с будущим (нехватка денег, потеря статуса), так и с ситуацией поиска нового места работы. Следствием данных эмоций зачастую становится осознаваемая или неосознанная прокрастинация. Далее будут приведены примеры высказываний на форумах.

«Страшно, каждый день просыпаюсь и начинает сердце болеть – все на работу, а я изгой-паразит, плюс катастрофично с деньгами».

«Тоже хочу работать, но не ищущу! вообще боюсь собеседований, жутко нервничаю».

Довольно часто участники форумов называют свое состояние депрессией или стрессом, отмечая ухудшение самочувствия, потерю интереса к происходящему, неконтролируемые эмоциональные взрывы:

«Постоянно плохое настроение, нет аппетита, ничего не хочется, похудела. Такое чувство, что жизнь проходит бесполезно».

Часть форумчан рефлексируют у себя отчаяние и отсутствие понимания дальнейшей жизненной стратегии, другая часть – ощущение замкнутого круга. Несколько менее частотными негативными эмоциями являются обида и злость (на потенциальных работодателей), а также стыд (перед окружением).

«Не могу найти, чтобы все нравилось. И если нравится, то говорят, мы вам позвоним, мы подумаем, мы выбрали другого кандидата. Прямо заколдованный круг какой то, ей богу!»

«Стыдно не работать. Мне все время кажется, что время убегает, что я его безвозвратно трачу».

Позитивные эмоции встречались гораздо реже (приблизительно в 10–12% случаев), к ним можно отнести собранность, готовность к упорным и активным поискам, надежду на улучшение жизненной ситуации в ближайшем будущем.

Второй категорией, выделенной в результате анализа форумов, является «отношение к ситуации», которую, в свою очередь, можно разбить на четыре подкатегории: «констатация отсутствия работы», «обсуждение квалификации», «обсуждение ситуации собеседования, взаимодействия с кадровыми службами», а также «роль неформальных связей в поиске работы».

Подкатегория «констатация отсутствия работы» включает в себя как жалобы на нехватку рабочих мест, так и сравнительную оценку ситуации на рынке труда с положением дел в 2008–2009 гг.:

«На рынке труда сейчас очень глухо, как в кризис 2009 года почти. Вакансий мало, просмотров резюме мало, приглашений мало».

В подкатегории «обсуждение квалификации» форумчане делятся опасениями о невозможности найти работу в связи с утратой навыков (что могло произойти вследствие как работы не по специальности, так и долгого перерыва в занятости):

«Еще года не прошло, как не работаю, и то уже кажется, что поезд ушел и что я уже ничего не знаю, все забыла и толку от меня будет ноль».

Подкатегория «обсуждение ситуации собеседования, взаимодействие с кадровыми службами» включает в себя высказывания, описывающие переживания форумчан в ситуации общения с HR-специалистами. Как правило, эти эмоции носят негативную окраску: волнение, страх, раздражение, усталость:

«Замучили кадровики тупыми вопросами. Последнее собеседование было вообще похоже на допрос – у меня аж руки дрожать начали. Это называется, наверное, смотреть как человек ведет себя в стрессовой ситуации, а по мне так хамство лезть в личную жизнь и задавать вопросы буду ли я рожать, если что...»

В подкатегории «роль неформальных связей в поиске работы» форумчане жалуются на наличие предпочтений при трудоустройстве, а также более выгодные условия работы для тех, у кого есть нужные знакомства.

Наиболее многочисленной оказалась категория «действия», которая описывает реальные и планируемые стратегии поведения в условиях потери работы. В данной категории было выделено 14 подкатегорий, наиболее частыми из которых являются «работа с вакансиями» и «высокая активность при поиске работы», где форумчане делают акцент на том, что для успешного трудоустройства необходимо довольно много времени проводить на сайтах-агрегаторах вакансий, изучая предложения и устанавливая контакт с потенциальными работодателями, а также использовать все другие доступные средства поиска работы.

«В первое время оптимизм был, и я активно обивала пороги организаций и оставляла свое резюме»

Многие участники форумов убеждены, что при поиске работы необходимо задействовать неформальные связи, более того, этот способ необходимо опробовать в первую очередь:

«Попробуй взять записную книжку, где записаны все твои контакты, и звони каждому. Спроси у абсолютно каждого и попроси узнать, нету ли у кого контактов в твоей сфере. Результат может тебя здорово удивить».

Довольно распространенной подкатегорией является совокупность высказываний, которую можно назвать «идти работать на любую должность за любые деньги». Значительная часть форумчан полагает, что для сохранения приемлемого уровня жизни и поддержания хорошего психического самочувствия необходимо соглашаться на любую вакансию, даже если она не в полной мере удовлетворяет квалификации и запросам чело-

века. Такая же стратегия предлагается и для людей с небольшим опытом работы или отсутствием необходимого опыта:

«Нужно зацепиться за какую-нибудь офисную работу – оператор, секретарь, помощник бухгалтера, помощник кадровика, даже если будут мало платить. Потому что вам нужен опыт!»

В рамках стратегии поиска любой работы форумчане выдвигают и конкретные предложения, чаще всего это специалист колл-центра, продавец, курьер, режиссер – социальный работник или педагог дополнительного образования. Гораздо реже в качестве потенциальных стратегий поведения форумчане выбирают «поиск вакансии, соответствующей квалификации и желаемой зарплате» или «переобучение, повышение квалификации». Второе представляется довольно рискованным мероприятием, так как не гарантирует нахождение работы.

Распространенной потенциальной стратегией в ситуации потери работы является самозанятость или предпринимательская деятельность, однако можно предполагать, что данная стратегия зачастую оказывается нереализуемой в силу организационных сложностей. Тем не менее советы по организации собственного дела, а также примеры людей, которым удалось найти свою бизнес-нишу, во множестве встречаются на форумах, посвященных поиску работы. Одним из наиболее распространенных направлений самозанятости является работа через Интернет:

«Я знаю людей, которые рассаду выращивают и на рынке продают. Одна мастер спорта, вторая учитель. А вот надо будет – пойдешь! Другие в декрете пекут булочки всей семьей и открывают какой-то там маленький бизнес».

«И с такой профессией вообще можно удаленно работать. По крайней мере, среди дизайнеров это распространено».

Постановка на биржу труда обсуждается не слишком часто, данная возможность рассматривается скорее как материальное подспорье, нежели помощь в поиске работы. Отношение к постановке на биржу противоречивое, одни считают его приемлемой стратегией поведения, другие – унижительным явлением:

«На биржу, конечно, встану. Правда, на их пособие не прожить, но хоть что-то...».

«Я считаю позором стоять в службе занятости молодым людям!».

Отдельная группа стратегий посвящена косвенному решению проблемы, сюда можно отнести переезд в другой регион (преимущественно в столицу), обучение в аспирантуре или волонтерскую деятельность, которые, по мнению форумчан, могут способствовать повышению ценности соискателя на рынке труда:

«Может, вам поехать в Москву? Заранее найдете по сайтам работу, жилье».

«Займите себя волонтерством каким-нибудь, желательно таким, которое можно в резюме внести».

Среди коупинговых стратегий можно выделить и группу, направленную на альтернативное решение проблемы (без трудоустройства). В эту группу можно отнести замужество, сокращение расходов и получение доходов от сдачи жилья:

«Можно же расходы урезать... Тут были не одна веточка [форума], как на совсем маленькие деньги народ живет... А в кризис зарплаты режутся и задерживаются, надо в чем-то ужиматься».

«В итоге меня спасло замужество, оно каким-то даже внезапным получилось. Нашла работу, когда дитю исполнилось три года».

«Сдать квартиру и подыскать что-то попроще? Может пригласить девочку-студентку пожить?».

Некоторые форумчане обсуждают и такую альтернативную стратегию, как «изменение отношения к проблеме», куда можно отнести обращение к религии или психотерапевтическим практикам, помогающим сохранить душевное равновесие.

Для уточнения результатов нетнографического исследования был проведен опрос 43 человек, потерявших работу, 50% которых находятся в статусе безработных до 6 месяцев, остальные дольше. Из них 63% – женщины, остальные – мужчины. Распределение по возрасту: 25–35 лет – 40%, 36–45 лет – 35,7%; от 46 лет и старше – 24,3%. 90% респондентов с высшим образованием. 71,4% имеют базовое гуманитарное образование.

Респондентам был предложен перечень из 35 утверждений, содержащих различные варианты поведения в ситуации потери работы. Их нужно было оценить по шкале: 1 – «полностью не согласен», 2 – «скорее не согласен», 3 – «не уверен», 4 – «скорее согласен», 5 – «абсолютно согласен». Подсчитывалась сумма баллов в ответах «абсолютно согласен» и «скорее согласен». Затем, строился рейтинг наиболее предпочитаемых стратегий поведения, разделяемых членами данной социальной группы. Учитывались позитивные оценки, данные более чем половиной опрошенных. Так, совокупная доля ответов-согласий с предложенными вариантами выше всего (73,5%) с утверждением «Не раскисаю, не унываю, глаза бояться – руки делают!». На втором месте по предпочтениям «Настроен(а) на упорные поиски работы» (64,3%), «Стараюсь найти хоть что-то близкое моему образованию / опыту» (61,9%), «Испытываю страх и беспокойство в отношении будущего» (59,3%), «Обращусь к бывшим коллегам за рекомендациями» (52,4%), «Прохожу или планирую пройти курсы повышения квалификации или освоить другую профессию» (52,3%).

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Результаты нетнографического исследования позволяют сделать вывод о существовании широкого спектра коупинговых стратегий в ситуации потери работы. Наиболее распространенными являются «работа с вакансиями» и «высокая активность при поиске работы», которые указывают на наличие позитивной установки и деятельного подхода к решению проблемы. При этом

среди эмоций преобладают негативные – страх, беспокойство, тревога, что свидетельствует о тяжелом эмоциональном переживании ситуации людьми, потерявшими работу. Прямой опрос респондентов, потерявших работу, показал, что наряду с поиском позитивного решения проблемы и принятием на себя ответственности высока доля стратегии пересмотра бюджета (в сторону его сокращения), а также поиска социальной поддержки. Страх и беспокойство в данной жизненной ситуации также отчетливо проявились в результатах прямого опроса. Перечни предпочитаемых стратегий совладания принципиально не различаются в нетнографическом подходе и прямом опросе. Отличие данных анализа интернет-форумов состоит в большем накале негативных эмоций и, главное, в обмене мнениями, а также наличии советов по разрешению сложной ситуации. Характер дискурса можно определить как жалобы одних участников форума и попытки других поделиться позитивным опытом и дать дельный совет. Таким образом, нетнографический подход к проблеме позволяет не только собрать перечень эмоциональных реакций и стратегий, но и увидеть «драматургию» дискурсивных обменов для коллективной выработки возможных решений.

Остается востребованной дальнейшая разработка программы дискурсивного анализа интернет-ресурсов для изучения коллективных феноменов, выступающих в роли механизмов и факторов адаптации разных профессиональных групп населения к ситуации потери работы в условиях финансового кризиса. Для продолжения исследования планируется провести анализ связей характеристик коллективного символического коупинга социальной группы безработных с их социально-психологическими чертами, в частности ценностными ориентациями, выбором социальных аксиом, уровнем финансовой тревоги, степенью предполагаемой активности в условиях трудной ситуации и др. Проблема жизнеспособности представителей профессиональных групп в ситуации сокращения, реорганизации рабочих мест и финансовой оптимизации остается актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане.

Литература

1. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М. : Институт психологии РАН, 2016. 476 с.
2. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 31, № 5. С. 25–41.
3. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>
4. Тарасов М.В. Психическое совладание с фактом потери работы: когнитивно-волевые особенности выхода из трудной жизненной ситуации М. : КНОРУС: Квант Медиа, 2016. 106 с.
5. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. Vol. 3 (4). P. 297–329.
6. Wagner W., Kronberger N., Seifert F. Collective symbolic coping with new technology: knowledge, images and public discourse // British Journal of Social Psychology. 2002. № 41. P. 323–343.
7. Wagner W., Kronberger N., Nagata M., Sen R., Holtz P., Palacios F. Essentialist theory of 'hybrids': from animal kinds to ethnic categories and race // Asian Journal of Social Psychology. 2010. № 13. P. 232–246.

STRATEGIES FOR COLLECTIVE SYMBOLIC COPING IN PERSONS WHO LOST THEIR JOBS

Yemelyanova T.P., doctor of psychology, professor, leading researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: adm3@psychol.ras.ru

Drobysheva T.V., PhD in psychology, senior researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: adm3@psychol.ras.ru

Shmidt D.A., post-graduate student at the Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: adm3@psychol.ras.ru

Abstract. The research was conducted by means of the netnographic approach using content analysis of Internet forums, where the problems of unemployment and employment were discussed. The volume of the content analyzed was 26,000 characters. All units of analysis relating to the experiences of people losing their jobs were coded into three categories: emotions, attitudes to the situation and actions. The results of this netnographic study allow us to conclude that there is a wide range of coping strategies in the situation of job loss. The most common strategies are "working with vacancies" and "high activity in looking for a job", which indicate the presence of a positive attitude and an active approach to solving the problem. At the same time, negative emotions predominate, namely fear and anxiety. A direct survey of the respondents, 43 people who lost their jobs, showed that along with finding a positive solution to the problem and assuming responsibility, there was a large portion of the budget reviewing strategy (towards reducing it), as well as searching for social support. Fear and anxiety in this life situation also clearly displayed according to the results of the survey. The lists of preferred coping strategies do not fundamentally differ in the netnographic approach and in the direct interview. The difference between the data analysis of Internet forums is a greater pronunciation of negative emotions and in the exchange of opinions, as well as the availability of advice on resolving a difficult situation. The nature of the discourse can be defined as the complaints of some forum participants and attempts by others to share positive experiences and give some good advice. The netnographical approach to the problem made it possible not only to collect a list of emotional reactions and strategies, but also to see the "dramaturgy" of discourse exchanges for collective development of possible solutions. To continue the study, it is planned to analyze the relationships between the characteristics of collective symbolic coaching of a social group of unemployed and their socio-psychological traits, in particular, value orientations, the choice of social axioms, the level of financial anxiety, and the degree of alleged activity in a difficult situation.

Keywords: unemployed; difficult life situation; collective symbolic coping; discourse on the Internet.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Е.В. Забелина, Ю.В. Честюнина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
E-mail: katya_k@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования когнитивного, аффективно-оценочного, мотивационно-ценностного и конативного компонентов психологического времени личности у студентов регионального вуза. Поскольку время личности в постиндустриальную эпоху сжимается и уплотняется, восприятие человеком времени и отношение к нему становятся той переменной, которая позволяет наиболее точно выявить детерминанты существования личности в современном мире, а также обозначить условия развития здорового поколения. Полученные результаты высвечивают необходимость разработки программ профилактики и коррекции негативных аспектов восприятия и отношения студентов ко времени.

Ключевые слова: психологическое время; временная перспектива; отношение ко времени; время как экономическая ценность; прокрастинация; полихронность; молодежь.

В современную постиндустриальную эпоху время личности сжимается и уплотняется. Это происходит, прежде всего, за счет резкого увеличения количества и плотности индивидуальных информационных событий в каждодневном процессе познания человека и возрастания числа воздействующих источников информации. Детерминированность прошлого, настоящего и будущего сегодня становится все более неоднозначной. Наряду с неоспоримыми преимуществами информационного общества (возможностью моментального получения сведений из любой части мира и др.) современная модель принесла и значительные ограничения, связанные, прежде всего, с колоссальной психологической нагрузкой. Человек в новых условиях часто психологически не справляется с количеством навалившихся на него дел, информации, не может адекватно распределить время, что может приводить к неэффективным способам поведения. В этом контексте восприятие человеком времени и отношение к нему (так называемое психологическое время личности) становятся той переменной, которая позволяет наиболее точно выявить детерминанты существования личности в современном мире, а также обозначить условия развития здорового поколения [2].

Как показывает анализ современного состояния проблемы изучения временных характеристик человека, она представлена весьма разнообразными и богатыми научными данными. Вместе с тем исследования психологического времени личности носят разрозненный характер: изучаются отдельные аспекты этого явления (особенности восприятия и переживания времени в зависимости от возраста, социальной принадлежности, рода деятельности, места проживания), существует ряд локальных исследований в области социальной, экономической и кросскультурной психологии, выполненных преимущественно в XX в. Однако, несмотря на широкий пул исследований по проблеме, целостной картины психологического времени современной личности на сегодняшний день не обнаружено.

Сам конструкт «психологическое время» интерпретируется учеными неоднозначно. Наиболее часто в отечественной литературе встречается термин «восприятие времени» (Ю.М. Забродин и др., В.Е. Котов-Хроменко, М.Ф. Пономарев, Е.Т. Соколова, П. Фресс, Д.Г. Элькин и др.). Часть исследователей оперируют понятием «переживание времени» (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, К. Муздыбаев, Б.И. Цуканов и др.), другие формируют конструкт «отношение к времени» (Н.Ю. Григоровская, В.И. Ковалев, Т.А. Нестик и др.), третьи вводят понятие «временная организация» личности (В.И. Ковалев, Л.Ю. Кублицкене, В.Ф. Серенкова, Е.С. Улитова и др.). Часть ученых не видят жестких разграничений между терминами, используя их в совокупности (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, О.В. Кузьмина, Т.А. Нестик и др.).

В качестве рабочего определения психологического времени личности в данном исследовании было принято понятие, предложенное В.И. Ковалевым в следующей формулировке: «психологическое время – это восприятие и переживание человеком объективного времени своей жизни, представления о времени, обусловленные как личным опытом индивидуальной и групповой жизни, так и усвоенным общественно-историческим культурным опытом, осознание личностью течения времени, личностное отношение к времени, психологическая организация и регуляция времени жизнедеятельности» [4, с. 217]

При диагностике психологического времени личности была выбрана модель, предложенная Т.А. Нестиком [5]. Она представляет собой совокупность четырех компонентов индивидуального отношения к времени: ценностно-мотивационного, куда входит субъективная значимость времени как невосполнимого ресурса; когнитивного компонента, представляющего собой содержание временной перспективы личности, временные аспекты идентичности; аффективно-оценочного компонента, представленного валентностью отношения личности ко времени и его составляющим; и конативного компонента – предпочитаемых личностью способов организации своего времени [Там же, с. 100].

С целью исследования содержания мотивационно-ценностного компонента психологического времени личности применялась «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье (в адаптации

Т.А. Нестика) [5]. Для изучения содержания когнитивного компонента психологического времени был применен «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой) [7], представляющий собой методику, направленную на диагностику системы представлений личности относительно временного континуума. С целью исследования содержания эмоционального компонента психологического времени личности была использована методика «Временные аттитуды» Ж. Нюттена (в модификации К. Муздыбаева) [6], в основе которой лежит семантический дифференциал, позволяющий изучить эмоциональное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему. Для изучения содержания конативного компонента психологического времени личности применялись Шкала полихронных ценностей А. Блюдорна (в модификации Т.А. Нестика) [5] и Шкала общей прокрастинации (General Procrastination Scale, Lay, 1986), адаптированная Я.И. Варваричевой на российской выборке [1]. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS.

Выборку составили студенты различных факультетов (юридический, экономический, информационных технологий, управления, журналистики, Евразии и Востока) регионального российского университета, обучающихся на бакалавриате, специалитете и в магистратуре. Выборка составила 200 человек (41 юноши, 159 девушек) в возрасте от 18 до 23 лет.

Главной задачей при обработке и интерпретации результатов исследования было представить целостную картину психологического времени личности современной молодежи, как в структурном, так и содержательном плане. На первом этапе были проанализированы описательные статистики каждого компонента психологического времени личности, далее была исследована факторная структура психологического времени, и в заключении представлен сравнительный анализ данных по гендерному (половому) признаку.

Прежде всего рассмотрим результаты исследования ценностно-мотивационного компонента психологического времени личности студента (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Результаты исследования ценности времени как экономического ресурса (Шкала Ж. Узюнье)

Испытуемые	Количество	%
С высокой ценностью времени	46	23
С низкой ценностью времени	51	26
Со средней ценностью времени	103	51

Результаты исследования ценностно-мотивационного компонента психологического времени показали, что чуть больше половины выборки достаточно сдержанно относятся ко времени как к экономическому ресурсу – понимают его ценность, но оценивают его в средней степени. 23% студентов придают высокую значимость времени как экономическому ресурсу, однако еще больше молодых людей – 26% – не воспринимают время как ценный экономический ресурс. То есть более четверти всех респондентов не задумываются о том, что можно определить стоимость каждого часа жизни, и убеждены, что времени в жизни много и не надо вести ему учет.

Сравнение описательных статистик с нормативными, выполненными при адаптации методики ($M = 4,61$; $SD = 0,83$) [5], также показали некоторое снижение среднего показателя экономической ценности времени у испытуемых: $M = 4,16$; $SD = 0,899$. Данный факт можно воспринимать как тревожный сигнал, свидетельствующий о том, что большая часть молодежи недостаточно серьезно относится к своему времени, не осознает ограниченность временного ресурса.

Далее исследовались показатели когнитивного компонента психологического времени личности – временной перспективы. Впервые понятие «временная перспектива» появилось в работах К. Левина [10] (Lewin, 1942), который понимал его как видение своего будущего или своего прошлого в своем настоящем. В развитие предложенных К. Левином представлений Л. Фрэнк [8], Ж. Нюттен [6] и Ф. Зимбардо [3] включают в понятие временной перспективы все временные аспекты: прошлое, настоящее и будущее. С точки зрения Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [Там же], временная перспектива может трактоваться как постоянная черта личности, имеющая свои ситуационные характеристики, исходя из того, что на временную перспективу могут воздействовать культурные, социальные, религиозные и возрастные особенности человека, его семейное и экономическое положение, уровень его образования и другие факторы [Там же]. Результаты исследования временной перспективы личности студентов представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Временная перспектива: описательные статистики

Параметры	Данные исследования		Данные для сравнения	
	М	SD	М	SD
Негативное прошлое	2,617	0,726	2,704	0,6
Гедонистическое настоящее	3,611	0,528	3,6	0,56
Будущее	3,59	0,55	3,5108	0,48
Позитивное прошлое	3,7	0,7	3,5904	0,73
Фаталистическое настоящее	2,71	0,59	2,2972	0,50

В целом средние значения соответствуют нормативным, кроме показателя «Фаталистическое настоящее», который повышен. Вероятно, у современной студенческой молодежи существует тенденция «жить одним днем», получать удовольствие «здесь и сейчас», не задумываясь о будущем. В данной тенденции можно увидеть влияние культуры общества потребления, усиление роли монетарного поведения среди молодежи. Также можно отметить небольшое повышение среднего значения по шкале «Позитивное прошлое», что говорит о ностальгических настроениях современных студентов.

Следующим шагом стало выявление содержания эмоционального компонента психологического времени личности – отношения к времени (с помощью методики Ж. Нюттена). В табл. 3 представлено распределение студентов по отношению к прошлому, настоящему и будущему.

Т а б л и ц а 3

Результаты исследования отношения ко времени у студентов (по Ж. Нюттену)

Испытуемые	Отношение к прошлому		Отношение к настоящему		Отношение к будущему	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
С негативным отношением	45	23	44	22	38	19
С позитивным отношением	45	23	61	31	52	26
С нейтральным отношением	110	54	95	47	110	55

Как видно из табл. 3, большая часть студентов нейтрально характеризует свое отношение к времени. Более трети студентов позитивно оценивают текущий период жизни, 22% студентов воспринимают его негативно. По отношению к прошлому были выделены две равные группы: 23% опрошенных воспринимают его позитивно и столько же негативно. В целом отношение студентов к прошлому, настоящему и будущему значительно отличается (значение критерия Фридмана 91,5, $p = 0,000$). К своему будущему молодые люди относятся более позитивно, чем к настоящему и прошлому (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Отношение студентов к прошлому, настоящему и будущему: описательные статистики

Параметры	М	SD
Отношение к прошлому	43	16
Отношение к настоящему	45	17
Отношение к будущему	36	18

С одной стороны, этот факт можно рассматривать как положительную тенденцию, свидетельствующую о том, что молодежь стремится к будущим целям и достижениям, у них есть некая позитивная картина будущего, которая характеризуется определенным оптимизмом. Однако менее позитивное отношение к настоящему и прошлому говорит о слабых причинно-следственных связях между событиями жизни молодежи. Отрицание прошлого и настоящего не создает личностного ресурса для успеха в будущем, что может привести к негативным последствиям для студентов, когда они столкнутся с реальностью.

Далее были исследованы показатели конативного компонента психологического времени – конструкта «полихронность–монохронность». Полихронность рассматривается в данном случае как степень, в которой индивид предпочитает быть включенным в решение нескольких задач или осуществление нескольких деятельностей одновременно, а также полагает, что одновременное выполнение нескольких задач является наилучшим для него способом вести дела. Результаты сравнения представлены в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Результаты исследования полихронности у студентов (по М. Блюдорну)

Испытуемые	Кол-во	%
Со склонностью к полихронности	64	32
Со склонностью к монохронности	62	31
С промежуточными значениями полихронности–монохронности	74	37

Как видно из табл. 5, среди студентов находится практически одинаковое количество лиц со склонностью к полихронности (32%) и к монохронности (31%). Треть всей выборки предпочитает браться за несколько дел одновременно, в то время как другая треть не перейдет к следующему заданию, пока не закончит предыдущее.

Сравнение описательных статистик с нормативными, выполненными при адаптации методики ($M = 3,03$; $SD = 0,894$) [5], показали значительное снижение среднего показателя полихронности у испытуемых: $M = 2,83$; $SD = 0,869$. Данный факт свидетельствует о некотором снижении числа современных студентов, которые предпочитают выполнять несколько дел одновременно. Вероятно, это может быть связано с психологической неготовностью студентов справляться с возросшими объемами информации из внешнего мира, которую требуется ежедневно обрабатывать.

Еще один изучаемый показатель поведенческого компонента психологического времени личности – склонность к прокрастинации. Под прокрастинацией следует понимать добровольное, иррациональное откладывание намеченных действий, невзирая на то, что это дорого обойдется [9]. Н. Милграм называет прокрастинацию болезнью современности [11], утверждая, что в ее основе лежат принципы и условия современного общества.

Подсчет результатов по данному параметру позволил выявить следующее (табл. 6). В группу испытуемых с высокой склонностью к прокрастинации вошли 62 человека (31% от общей выборки). Это люди, проявляющие высокую склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, что приводит их к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам. 55 испытуемых попали в группу с низкой склонностью к прокрастинации (27% от общей выборки). Это студенты, предпочитающие не откладывать дела на потом, выполнять задачи по мере их поступления. Самую многочисленную группу составили испытуемые со средним уровнем прокрастинации – 83 человека (42% от общей выборки).

Т а б л и ц а 6

Склонность к прокрастинации: описательные статистики

Испытуемые	Кол-во	%	M	SD
С высоким уровнем прокрастинации	62	31	64,7	5,22
С низким уровнем прокрастинации	55	27	38,2	5,51
Со средним уровнем прокрастинации	83	42	52,2	4,1

Довольно высокий процент испытуемых со склонностью к прокрастинации (практически одна треть) свидетельствует о внутреннем неблагополучии этой группы студентов и подтверждает высказывание Н. Милграма о прокрастинации как болезни современного общества [Там же].

На следующем этапе был проведен факторный анализ для выявления эмпирической структуры психологического времени современной молодежи и типов студентов с различными особенностями психологического времени личности.

Факторный анализ позволил выделить 3 фактора, отражающих 57% объяснимой дисперсии (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Факторное отображение структуры психологического времени молодежи

Показатели	Факторы		
	1	2	3
Полихронность		,499	
Ценность времени как экономического ресурса			-,523
Отношение к прошлому	,698		-,463
Отношение к настоящему	,866		
Отношение к будущему	,845		
Склонность к прокрастинации		,738	
Негативное прошлое	,487	,565	
Гедонистическое настоящее		,429	
Будущее		-,747	
Позитивное прошлое			,819
Фаталистическое настоящее	,525		
Доля объяснимой дисперсии, %	25,3	19,2	12,5

Примечание. Анализ проводился методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.

В первый фактор, условно названный «Фактор негативного отношение ко времени и фатализма», вошли показатели: негативное отношение к прошлому, настоящему и будущему, негативное восприятие прошлого и фаталистическое настоящее. Данный фактор отражает взаимосвязь негативного отношения ко времени с негативным восприятием прошедших событий и убежденностью в том, что люди не способны влиять на ход своей жизни. Данное сочетание является фактором риска при формировании психологически здорового поколения, ведущим к агрессии, пассивности и негативизму.

Во второй фактор, названный «Фактор прокрастинации и узкой временной перспективы», входят следующие показатели: склонность к прокрастинации, полихронность, негативное прошлое, гедонистическое настоящее и низкая ориентация на будущее. Данный фактор отражает взаимосвязь когнитивного и конативного компонента психологического времени личности. Тип студента, соответствующего данному фактору, можно охарактеризовать как человека, не задумывающегося о будущем и стремящегося брать максимум от настоящего момента, не заботясь о последствиях; человека, которому неприятно вспоминать о прошлых событиях, так как он не видит в них ресурса для настоящих и будущих достижений. Это люди, которые хватаются за несколько дел одновременно и не доводят их до конца, постоянно откладывая все значимые дела. Совокупность психологических особенностей данного типа вызывает серьезную обеспокоенность и нуждается в коррекции.

В третий фактор, обозначенный как «Фактор ностальгии», вошли показатели: низкая ценность времени как экономического ресурса, позитивное отношение к прошлому и позитивное восприятие прошлого. Психологическое содержание данного фактора можно интерпретировать как тип личности студента, сосредоточенного на прошлых (позитивных) воспоминаниях, для которого время не имеет высокой экономической ценности.

На завершающем этапе анализа данных было проведено сравнение структурных компонентов психологического времени личности у юношей и девушек. Результаты сравнения представлены в табл. 8.

Таблица 8

Результаты сравнительного анализа психологического времени личности у юношей и девушек

Параметры	Юноши	Девушки	U	p
Полихронность	13,4878	14,3208	3 618	,277
Ценность времени как экономического ресурса	27,1951	24,4277	2 277	,003
Отношение к прошлому	43,9024	42,7421	3 037	,501
Отношение к настоящему	46,9268	44,0503	2 906	,285
Отношение к будущему	38,6585	34,7736	2 707	,094
Склонность к прокрастинации	48,8293	53,0943	3 964	,033
Негативное прошлое	2,3366	2,6887	4 151	,007
Гедонистическое настоящее	3,4756	3,6453	3 866	,066
Будущее	3,5317	3,6050	3 522	,598
Позитивное прошлое	3,4415	3,7692	4 166	,006
Фаталистическое настоящее	2,6707	2,7245	3 377	,720

Согласно результатам сравнения, девушки более погружены в прошлое, чем юноши, при этом они склонны видеть в прошлом много как позитивных, так и негативных моментов. Готовность ностальгировать, переживать о прошлых событиях, вероятно, связана с большей эмоциональностью как гендерной особенностью. Девушки в большей степени склонны откладывать важные дела и менее ценят время как экономический ресурс по сравнению с юношами-студентами. Этот факт также можно связать с более низкой рационализацией происходящего в сознании женщин.

Зафиксированы еще два отличия на уровне тенденции. Девушки более позитивно смотрят в будущее, видят в нем больше приятных моментов, более оптимистичны, чем юноши. Они также в большей степени, чем их сверстники мужского пола, считают, что необходимо наслаждаться жизнью здесь и сейчас, получать удовольствие в настоящем, не задумываясь о завтрашнем дне.

Таким образом, проведенное исследование позволяет обозначить ряд особенностей психологического времени личности современного студента. Выявленыстораживающие тенденции негативного восприятия студентами своего будущего, отсутствия желания планировать события и ставить цели, свернутой временной перспективы, высокой склонности откладывать важные дела на потом. Эти неблагоприятные феномены следует корректировать повышением осознанности и значимости временного ресурса в жизни, развитием умения управлять им для достижения своих целей. Вместе с тем выявлена положительная тенденция в восприятии и отношении молодых людей к прошлому, которое может выступать как ресурс для реализации жизненного потенциала.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости разработки подходов и методов профилактики и коррекции негативных тенденций в восприятии и отношении студентов ко времени, чему будут посвящены последующие исследования.

Литература

1. Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–130.
2. Забелина Е.В., Смирнов М.Г., Честюнина Ю.В. Психологическое время личности в условиях глобализации: постановка проблемы // Universum: психология и образование. 2016. № 9 (27). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3607> (дата обращения: 28.09.2016).
3. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
4. Ковалев В.И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1988. С. 216–230.
5. Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015.
6. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
7. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
8. Frank L.K. Time perspectives // Journal of Social Philosophy. 1939. № 4. P. 293–312.
9. Lay C. At last, my research article on procrastination // Journal of Research in Personality. 1986. № 20. P. 474–495.
10. Lewin K. Time Perspective and Morale // Civilian Morale / ed. by Goodwyn B. Watson. Cornwall, N.Y.: The Cornwall Press, 1942.
11. Milgram N.A. Correlates of academic procrastination // Journal of School Psychology. 1993. Vol. 31, № 4. P. 487–500.

STRUCTURE AND CONTENT OF PERSONAL PSYCHOLOGICAL TIME OF THE YOUTH

Zabelina E.V., PhD in psychology, associate professor (psychology), Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: katya_k@mail.ru

Chestyunina Y.V., PhD in psychology, associate professor (psychology), Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: katya_k@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the research of cognitive, affective, motivational and behavioral components of psychological time of the personality in students of regional higher education institution. Hence time of the personality in a post-industrial age contracts, time perception and time attitudes become that variable which allows to reveal most precisely determinants of existence of the personality in the modern world, and also to predict the conditions of upbringing of healthy generation. According to the results of the research (N=200), time is of the low value as an economic resource for more than a quarter of respondents, a considerable part of students does not realize the limitation of a temporary resource. The tendency of the youth "to live by one day", to get pleasures "here and now", without thinking of the future was observed. The attitudes to the present and the past are more negative, than to the future; students not fully use their resources for achievements in the future. More than a third of the sample showed high tendency to procrastinate, even with important and urgent issues, which could lead to problems and negative psychological effects. The structure of psychological time of the personality among the youth is provided by three factors. The first factor reflects the interrelation between negative attitude to the present and negative perception of past events, and conviction that people are not capable to influence the events of their life. "The factor of procrastination and narrow time perspective" characterizes the type of a student who is not thinking about the future and aiming to take a maximum from this moment, without caring for consequences; the person, who does not find past events to be a resource for the future achievements. "The nostalgia factor" is interpreted as the type of student concentrated on the positive memories of the past, who does not value time as an economic resource. Gender features of psychological time at students were revealed: young ladies are more shipped in the past than young men, at the same time they tend to see a lot of both the positive and negative moments in the past. The results of the research highlight the need of the development of programs for prevention and correction of negative aspects of time perception and time attitudes among students.

Keywords: psychological time; time perspective; attitude toward time; time as an economic value; procrastination; polihrono; youth.

УДК 159.9.01

ЧЕЛОВЕК В ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ: ДЕГРАДИРОВАТЬ ИЛИ ПРОГРЕССИРОВАТЬ? (QUO VADIS, ANTHROPOS?)

Г.В. Залевский

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

E-mail: usya9@sibmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме выбора, перед которым в настоящее время оказался каждый современный человек, не только россияне, но фактически представители всех народов и человечество в целом – развиваться, прогрессировать или деградировать, вплоть до самоуничтожения.

Ключевые слова: человек; личность; духовность; совесть; стыд; точка бифуркации; прогрессировать; деградировать; выбор; духовно-нравственный.

После Второй мировой войны прошло чуть больше 70 лет. Человек и человечество за эти годы дважды оказались в точке бифуркации, т.е. перед выбором: идти по пути прогресса или деградировать, вплоть до завершения своего существования. Да, сегодня человек обладает такими мощными средствами самоуничтожения, что оно становится вполне возможным. «Двадцатый век, – говорит Игорь Губерман, – обогатил наш подсознательный словарь рифмами неожиданными и черными: Россия и лагерь, евреи и газ, физика и белокровие, технический прогресс и гибель живой природы» [3, с. 122]. А XXI в. добавил еще много чего и прежде всего терроризм, постоянные «малые войны» – Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия, бомбардировку Югославии в центре Европы, миллионы беженцев и угрозу «большой войны». Вуди Аллен, известный американский режиссер, еще более жестко оценивает актуальную ситуацию, считая, что «человечество стоит на распутье между безысходным отчаянием и полным вымиранием. Попросим же Господа, чтобы он даровал нам мудрость сделать правильный выбор» [4, с. 25]. Правда, чуть оптимистичнее был поэт Иосиф Бродский (1940–1996), считая, что «мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно» [Там же, с. 71]. Но и этот «оптимизм» сомнителен, поскольку, как справедливо утверждал Франклин Делано Рузвельт, американский президент (1882–1945), «где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается под угрозой еще и потому, что войны заразны» [Там же, с. 441]. По убеждению Джона Кеннеди, тоже бывшего президента США, «либо человечество покончит с войной, либо война покончит с человечеством» [Там же, с. 239].

А кто же начинает и ведет эти многочисленные войны? Опасение в этом смысле высказал более 300 лет назад французский философ Вольтер, воскликнув: «Боюсь, что земной шар – желтый дом Вселенной!» [Там же, с. 91]. А в пределах уже XX столетия этого же мнения придерживался известный британский политик Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945): «Мир все больше напоминает сумасшедший дом, которым заправляют умалишенные» [Там же, с. 292]. И невольно приходится с этими мнениями согласиться, когда вождь немецкого нацизма заявлял: «Совесть – жидовская выдумка, что-то вроде обрезания. Я освобождаю вас от химеры, именуемой со-

вестью. Я отвергаю христианство, потому что оно – порождение иудейства, потому что оно интернационалистично и потому что оно проповедует мир на Земле» [4, с. 123]. Это действительно сумасшествие или, в лучшем случае, опасная глупость, но, как предупреждал на несколько десятков лет раньше, чем Гитлер стал фюрером, канцлер Германии Отто фон Бисмарк (1815–1898): «Глупость – дар Божий, но злоупотреблять им не следует» [Там же, с. 50]. К сожалению, далеко не все политики следуют этому мудрому совету. А потому, скорее всего, прав другой, уже французский политик, президент Франции Шарль де Голль (1890–1970): «Политика слишком важное дело, чтобы доверять ее политикам» [Там же, с. 137].

В предисловии к Полному иллюстрированному путеводителю «Человек» [13, с. 5–7] его редактор Роберт Уинстон задается вопросом: «Итак, какое будущее ожидает человечество как вид? Нам потребовалось 10 000 лет, чтобы догадаться построить себе первое подобие хижины, и еще больше, чтобы изготовить каменные орудия труда. Но всего за каких-то 200 лет мы успели изобрести паровую машину, истощить энергетические запасы планеты, добраться до Луны и изучить принципы работы нашего генома. При такой бурной скорости развития трудно предсказать наше будущее. Безусловно, мы научимся сохранять здоровье и продлим жизнь. Может быть, даже сподобимся управлять своими генами и вмешаемся в ход самой эволюции. Но в основе своей человек все равно останется тем хрупким существом, что жило когда-то в саванне. Даже современные изменения на планете Земля могут поставить наше существование под угрозу; и наше увлечение высокими технологиями, казавшимися когда-то исключительно несущими добро, может стать прямым путем к самоуничтожению. И я глубоко убежден, что, несмотря на грядущие потрясения и опасности, без которых вряд ли обойдется существование человечества, благодаря своему духовному потенциалу и моральным принципам оно не потеряет надежду на дальнейший прогресс» [Там же, с. 7]. Но все ли сегодня верят в прогресс? Хорхе Луис Борхес, аргентинский писатель (1899–1986), задает в этой связи вопрос: «Мы уже не верим в прогресс – разве это не прогресс?» [4, с. 63]. Олдос Хаксли, английский писатель (1894–1963), считает, что технологический прогресс оказывает регрессивное влияние на человечество: «Прогресс технологический одаряет нас все более совершенными средствами для движения вспять» [Там же, с. 576]. А Маршал Маклюэн, канадский культуролог (1911–1980), считал, что мы не движемся в будущее, а пятимся: «Мы видим настоящее в зеркале заднего вида. Мы пятимся в будущее задом» [Там же, с. 309].

Итак, в созвучии с немецким публицистом Тило Кохом зададимся вопросами, которыми он озаглавил три части сборника, в буквальном переводе, «Мир на распутье» (*Welt im Wandel*) и на которые нам тоже хотелось бы получить ответы (1973): *Woher wir komen?* (*Woher komme ich?*) Откуда мы пришли? (Откуда я пришел?) *Wo wir stehen?* (*Wo stehe ich?*) Где мы стоим? (Где я стою?) *Wohin wir gehen?* (*Wohin gehe ich?*) Куда мы идем? (Куда я иду?)

Т. Кох вспоминает сентябрь 1972 г., Мюнхен – пара десятков террористов загнали цивилизацию в окопы. Германия блестяще подготовилась к мировому спортивному празднику. И вдруг выстрелы в ночь на 5 сентября, затем смертельный страх заложников, а затем и кровопролитие в Фюрстенфельбрюке. Возникает вопрос: если семеро фанатичных самоубийц могут погубить все, что готовила целая нация годами, то куда мы идем в таком случае? И откуда мы идем, когда такое проклятие над всем, что мы делаем? Трое из семи террористов остались живы, появились их фотографии: приятного вида мужчины двадцати лет, сверстники моему сыну; они не выглядят как чудовища, как бестии, палачи и убийцы. Но совершили это. Почему? Этот вопрос – почему? – хочется задать много раз уже после событий, о которых вспоминает Тило Кох: это и Москва в октябре 2002 г., и Нью-Йорк в сентябре 2011 г., и Париж в ноябре 2015 и апреле 2017 г., и Барселона в августе 2017 г. и т.д. Все это очень кратко о том, «где мы стоим».

А откуда мы идем, нам рассказали эволюционисты – биологи, зоологи и этологи. Так, один из них, немецкий зоолог Десмонд Моррис, пишет, что «мы обезьяны, хотя и голые, таковыми продолжаем оставаться и сейчас» [19] в «человечьем зоопарке» [20]. Правда, Давид Самойлов, писатель (1920–1990), считал, что «мы не произошли от обезьян; мы просто многому у них научились» [4, с. 449].

Для нас же главный все-таки вопрос: «А куда мы идем»? Чтобы ответить на него, мне кажется, надо вспомнить хотя бы Иммануила Канта (1724–1804), который более 200 лет назад в письме к профессору Фридриху Штойдлингу от 4 мая 1793 г. писал, что одна из задач его предстоящей работы – четвертая задача – ответить на вопрос «*Was ist der Mensch?*» В буквальном переводе: «Что есть человек?» (антропология, лекции по которой я читаю в течение более чем двадцати лет) [8, 9]. И интересно, что, не считая в то время психологию наукой, Кант, тем не менее, вольно или невольно начал рассуждать о психологии человека, в чем мы можем убедиться, внимательно читая его труд «Антропология с прагматической точки зрения», вышедший в 1798 г. Даже если Канту и не удалось в полном смысле ответить на этот вопрос, то его несомненная заслуга в том, что, продолжая лучшие философские традиции, он способствовал движению «философии без человека к философии с человеком» [1], к антропологической психологии. Правда, антропологическая психология, т.е. психология как наука о человеке, к сожалению, задержалась в своем развитии по целому ряду причин. Прежде всего потому, что предметом традиционной психологии является психика. Психика как особый «функциональный орган» присуща и человеку, и животным. Следовательно, психология не может пониматься только как наука о человеке. Исследуя свой предмет, получая факты, формулируя закономерности, строя гипотезы и теории, психология вынуждена помнить об общности психики животных и человека. В первую очередь это касается общей психологии. И, как справедливо отмечают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев [11, с. 31–33], необходимость удерживать

общее приводит либо к стиранию качественных различий психики животных и человека (широко известное направление в психологии – бихевиоризм, где результаты исследований психики животных прямо переносятся на человека), либо к игнорированию специфичности психических явлений у человека и животных.

В настоящее время в психологической науке отсутствует такое направление, которое прямо ориентировано на изучение собственно человеческой психологии, хотя существует особая отрасль психологии, изучающая психику животных, – зоопсихология. Попытка свести науку о человеческой психологии к этнопсихологии, т.е. к психологии народов и рас, совершенно неправомерна, так как в ней не рассматривается субъективность конкретного человека. Не рассматриваются и духовность человека, его ценности и смыслы как предмет психологии, т.е. самое человеческое в человеке, выведено за его пределы, сведя духовность к религиозности [5]. Заявлена такая область, как психология личности, даже диссертации по этой дисциплине защищаются, но, как справедливо считает Леон Леви, и на сегодняшний день не существует реально сформулированной теории личности, а есть множество так называемых «личностных теорий или концепций» [18], т.е. фрагментарных толкований личности, а значит, и человека. Правда, по мнению итальянского психиатра Роберто Ассаджиоли, предлагаемый им психосинтез, в отличие, например, от психоанализа Фрейда, сосредоточенного «на фундаменте», ориентирован на понимание «всего здания», т.е. всего человека [14].

Помимо этого, некогда единая психология разделилась на большое число отдельных отраслей психологического знания. Целостная, по сути, психология человека дробится тем самым на множество отдельных психологий для специфических условий жизнедеятельности человека. Например, инженерная психология исследует психические особенности взаимодействия человека с техникой, социальная психология изучает механизмы взаимодействия людей в социальных структурах и т.д. Из этих «психологий» трудно вычленил некий инвариант, невозможно составить общее представление о действительной психологии человека. В этой связи видный отечественный психолог профессор М.С. Роговин писал еще в 1969 г.: «Главный объект психологии – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный, настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные “психологические механизмы”, “детерминирующие тенденции”, “содержания сознания”, “акты”, “процессы”, “обратные связи” и т.п. (например, “системы”. – Г.З.), которые хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но... взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [10, с. 5].

Я согласен с мнением В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, что «существует необходимость создания особой дисциплины, изучающей психологию человека в ее специфике, ориентированной на понимание сущностных психологических характеристик человека. Такой важнейшей характеристикой является внутренняя жизнь человека, его субъективный мир, который и должен стать предметом нового направления – психологической антропологии» [11, с. 33], а еще точнее, на мой взгляд, антропологической психологии, т.е. психологии, которая строилась бы на антропологическом принципе – стремлении включить в объяснительные схемы категорию человека. Человек в процессе всей обозримой истории выделял в себе некие сущностные особенности, которые он провозгласил как личность. Однако до сих пор, даже уже в XXI в., мы пытаемся разобраться в том, что такое личность, где наши домыслы, где мифы, а где – амбиции в понимании и в притязаниях быть ею? Где реальность? И вообще, не пытаемся ли мы и сегодня, как сто и более лет назад, добраться до сути неизвестного – личности через неизвестное – человека? Кстати, и в иллюстрированном труде «Человек» под редакцией Р. Уинстона нет раздела или параграфа, посвященного личности. Есть разделы, посвященные характеру, интеллекту, а личности – нет. Но остается актуальным кантовский вопрос: так что такое есть человек? Человек, как считал Кант, нас интересует больше, чем природа, так как природа для человека, а человек – цель природы. Учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической. Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое – исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или может делать из себя сам [8, с. 131]. И в то же время для Канта человек представляет собой единство свободы и природы. И эта позиция Канта открывает нам возможность понимания им отношения человек–личность. Для Канта реально, эмпирически человек существует как «разумное природное существо», совмещающая в этом «суммативном» качестве «природность» и «разумность». Но человек не только природен, но и разумен в той мере, в какой он «разумом как причиной определяется к поступкам и в чувственно воспринимаемом мире». В своей психике, в эмпирическом самосознании и внутреннем чувстве человек познает самого себя в качестве «сверхчувственного морального существа», явления, феномена. Когда такие философы, как М. Бубер и М. Хайдеггер, зафиксировали, что трактовкой человека как «разумного животного» Кант целиком укладывается в древнюю традицию, они правы в главном, но не во всем [9]. Кант видит сущностное своеобразие человека не просто в разумности, а в его самосознании, рефлексии человека о самом себе. Исходным пунктом осуществленного Кантом поворота (от философии без конкретного человека к философии с конкретным человеком), определившего фундаментальные предпосылки и сущностное своеобразие всей последующей философской «классики», включая немецкую классическую философию (и психологию), явились не «разумность» человека и не его «мышление» как таковое, а «мышление субъектом самого себя как мыслящего существа», т.е. его самосознание. «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я,

бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он ЛИЧНОСТЬ, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность...», – читаем мы в «Антропологии с прагматической точки зрения» [8, с. 139].

Как считал Давид Самойлов, писатель (1920–1990): «Философы предпочитают объяснять мир вместо того, чтобы его переделывать. Хорошо устроились!» [4, с. 448]. Психологи, как я считаю, пытаются не только объяснять мир и человека, но и их «переделывать» (изменять), оказывая, например, психологическую помощь в виде психологического консультирования, психотерапии в надежде, что, может, будет изменяться и человеческое сообщество, мир человеческий. Но опять же, чтобы это получалось и получилось, надо ответить на заданный Кантом вопрос: что есть человек?

Пауль Уолкин, американский учитель и директор Остеопатической медицинской ассоциации, считает вслед за французским философом Б. Паскалем, что человек – наполовину ангел, наполовину – бестия [21]. Во введении к своей книге он спрашивает: «А кто же человек на самом деле – он черт или ангел, богобоязненное существо или настоящий маньяк, который убивает из-за любви к Богу или отечеству? Что делает человека убийцей детей в школе Стоктона или убийцей 32 неповинных посетителей ресторана в Техасе? Является он продуктом среды или варварской наследственности, слабой психики или деструктивного Я? Или он примитивное существо, ходящее на всех четырех? В то же время он вбегает в свой горящий дом, чтобы спасти ребенка, спасает тонущую женщину и т.д. Где наша образовательная система? Человек, прекрасная персона в образе Бога: что сбивает его с пути праведного?» [21]. Неужели действительно, как считал, английский писатель Оскар Уайльд, «Господь переоценил свои силы, создавая человека» [4, с. 527]? В этой связи, видимо, следует привести некоторые примеры мнений о человеке людях, и человечестве известных и выдающихся ученых, поэтов и писателей, политиков разных эпох и времен [4]:

Эпикур, древнегреческий философ (341–270 до н. э.): «Если бы Бог внимал мотивам людей, то скоро все люди погибли бы, постоянно желая зла друг другу».

Платон, древнегреческий философ (ок. 427–347 до н. э.): «Одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно».

Тацит, римский историк (ок. 55 – ок. 117): «Чем ближе люди по родству, тем более острое чувство вражды питают друг к другу». «Тацит – самый жестокий мастер сатиры именно потому, что он глубже других чувствовал величие Рима и ничтожество людей» (Генрих Гейне) [4, с. 501].

Петр Великий (1672–1725): «Надлежит законы и указы писать явно, чтоб их не перетолковывать. Правды в людях мало, а коварства много».

Байрон, английский поэт (1788–1824): «Я люблю свое отечество, но не своих соотечественников».

Осип Брик, теоретик литературы (1888–1945): «Я прекрасно отношусь к людям, потому что ничего хорошего от них не жду».

Махатма Ханди, индийский политик (1869–1948): «Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность».

Пабло Пикассо, французский художник (1881–1973): «И среди людей больше копий, чем оригиналов».

Эрих Мария Ремарк, немецкий писатель (1898–1970): «Мир прекрасен. И прекраснее всего – без людей».

Жан Поль Сартр, французский философ (1905–1980): «Достаточно, чтобы один человек ненавидел другого, – и ненависть, переходя от соседа к соседу, заражает все человечество».

Макс Фриш, швейцарский писатель (1911–1991): «По настоящему война никому не нужна, но многим нужна ненависть».

Игорь Губерман:

«Коварство, вероломство и корысть
игру свою ловчат настолько точно,
что глотку нынче могут перегрызть
без боли, анонимно и заочно» [3, с. 53].

Скорее всего, справедливо мнение о том, что человек в своей сущности противоречив – «он как в зеркале миг, он ничтожен и в то же время велик» (Расул Гамзатов). С моей точки зрения, человек сложное, противоречивое существо, находится реально между двумя «Ф» [6], между крайними позициями в понимании его Фрейдом и Фроммом. Он скорее плох, коль скоро его активность детерминирована, по сути, биологическими инстинктами [15]; нет, он скорее хорош, а в том, что он может быть плохим, виноват социум [16]. Об этой противоречивости человека говорят нам и многие литературные произведения, что очень глубоко анализирует известный отечественный психолог, который участвовал в подготовке первого советского космонавта Юрия Гагарина, профессор Федор Дмитриевич Горбов в своей книге «Я – второе Я» [2]. Например, у поэтов самоощущение двойственности выражается, как и полагается, более эмоционально. Так, у Байрона: «Во мне всегда, насколько мог постичь я, две-три души в одном обличьи» [2, с. 16]. Печорин – автопортрет М.Ю. Лермонтова, говорит: «Во мне два человека – один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его. Я взвешиваю, разбираю свои собственные поступки со строгим любопытством, но без участия» [Там же, с. 19].

Так что следует делать? Изменить человека? На этот счет существуют очень разные советы. Никколо Маккиавели, итальянский мыслитель (1460–1527), считал, что «Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми» [4, с. 307]. А Виктор Гюго,

французский писатель (1802–1885), считал, что «изменить человека возможно, но нужно начинать с его бабушки» [4, с. 149]. Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов (1492–1565), давал более точный, на мой взгляд, совет: «Человек, который пытается изменить других, теряет время напрасно, если он не начал с себя» [Там же, с. 293]. Действительно, находясь в точке бифуркации, перед выбором пути – прогресса или регресса, нужно начинать с себя: кто я?; откуда я пришел?; где я стою и куда я иду? И. Кант был убежден, что «предметом прагматической антропологии является человек, который в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [7, с. 351]. Это представление И. Канта о человеке, а также о том, что «человек представляет собой единство природы и свободы», объединяет в себе «природность» и «разумность» обнадеживает в том, что он – человек – выберет, несмотря ни на что, именно путь дальнейшего своего развития и совершенствования для себя, а потому будет двигаться в этом направлении и все человечество, частью которого такой человек является.

В свое время Фридрих Ницше воскликнул: «Бог умер!», – а затем, уже в XX столетии, Эрих Фромм провозгласил: «Человек умер!». Думаю, что они явно поторопились, в чем обвинял американские СМИ Марк Твен (1835–1910): «Известия о моей смерти явно преждевременны». Да, действительно, преждевременно говорить «о смерти человека», поскольку тот же Марк Твен справедливо считал, что «человек – единственное животное, которое может краснеть и имеет для этого поводы» [4, с. 505]. Это означает, что человек, в отличие от всех животных, может переживать стыд, а значит, иметь совесть, что его конституирующей составляющей является духовно-нравственная составляющая, которая позволит человеку, находящемуся в точке бифуркации, сделать правильный выбор.

Литература

1. Бадью А. Интервью: «Человека на самом деле не существует: Мишель Фуко о том, что такое психология». URL: <http://theoryandpractice.ru/post/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mi>
2. Горбов Ф.Д. Я – второе Я. Москва ; Воронеж, 2000.
3. Губерман И. Закатные гарики. Пожилые записки. Минск : Мет, 1999.
4. Душенко К. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. 5-е изд. М. : Эксмо, 2009.
5. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционезитическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–104.
6. Залевский Г.В. Человек между двумя «Ф» // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (25–27 апреля 2016 г.). М., 2016.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения (1798) // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 350–588.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 1999.
9. Перов Ю.В. Предисловие к «Антропологии с прагматической точки зрения» И. Канта, 1798. СПб. : Наука, 1999.
10. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
11. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990.
13. Человек : полный иллюстрированный путеводитель / под науч. ред. Р. Уинстона. СПб. : Астрель, 2004. 512 с.
14. Assagioli R. Psychosynthesis: A collection of Basic Writings by Roberto Assagioli. 1965.
15. Freud S. Gesammelte Werke. London, 1948. Bd. XI.
16. Fromm E. Escape from freedom. N.Y., 1941.
17. Koch Th. (ausgewaehlt und eingeleitet) Welt im Wandel. Bruckman : Muenchen, 1973.
18. Levy L.H. Conception of personality. Theory and research. N.Y., 1970.
19. Morris D. Der nackte Affe. Knaur ; Muenche-Zuerich, 1975.
20. Morris D. Der Menschen-Zoo. Knaur ; Muenchen ; Zuerich, 1974.
21. Walkim P.E. Man: Half Angel, Half Beast. N.Y. : A Hearthstone Book, 1995.

MAN AT THE BIFURCATION POINT: TO DEGRADE OR TO PROGRESS (QUO VADIS, ANTHROPOS?)

Zalevskiy G.V., doctor of psychology, professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia. E-mail: usya9@sibmail.com

Abstract. The article deals with the problem of choice which each person is currently faced with, not only Russians, but in fact representatives of all the peoples and humanity as a whole – to grow/to progress or to degenerate towards self-destruction. Therefore, it is completely reasonable to ask questions similar to those put forward, for example, by the German publicist Thilo Koch in his book *Welt im Wandel* and those we would like to get answered: Where did we come from? (Where did I come from?), Where are we? (Where am I?), Where are we going? (Where am I going?). Basically, the answers to these questions sound pessimistic. Woody Allen, the famous American director, responding to the question about where we are, rather harshly assesses the current situation, considering that humanity is standing at a crossroad between insupportable despair and complete extinction. “Let us pray we have the wisdom to choose correctly”. Where did we come from? – this question was answered by some zoologists. So, one of them, Desmond Morris, writes that we are apes, although naked, and continue to remain such now in the human zoo. However, David Samoilov, a writer, believes that we are not descended from apes; we just learned a lot from them. For us the main question remains: Where are we going? To answer this question the author proposes to recall Immanuel Kant, who more than 200 years ago in his letter to Professor Friedrich Staudlin on 4 May 1793 wrote that one of the objectives of his forthcoming work – the fourth one – was to answer the question *Was ist der Mensch?* – What is a man? The author believes that over the centuries psychology, unfortunately, has not given a definite answer to this question: What is a man, personality, spirituality? The paper presents the analysis of the views

on why this happened and what are the prospects for the posed question (Where are we going?), being currently at the point of bifurcation. And we want to agree with Mark Twain, saying that “Man is the only animal that blushes or needs to”. This means that man, unlike all animals, can experience shame and, therefore, have a conscience and that his constitutive component is spiritual-moral which enables a person located at the point of bifurcation to make the right choice.

Keywords: man; personality; spirituality; point of bifurcation; choice; shame; conscience; to progress; to degrade, spiritual-moral component.

УДК 159.9.07

В НАУЧНОМ И ОБЫДЕННОМ ПОНИМАНИИ

Н.А. Иващенко

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: nayda.550d@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурального образа личностного кризиса в современной культуре.

Ключевые слова: кризис; личностный кризис; культуральный образ личностного кризиса.

Постановка проблемы. На протяжении своей жизни человек сталкивается с кризисами различного масштаба, которые затрагивают как непосредственно его личность, так и его семью, государство, нацию. В настоящий момент проблематика кризиса становится особенно актуальной в связи со стремительными изменениями в жизни общества и появлением новых проблем, связанных с данными изменениями. В связи с этим в культуре формируется определенное представление о сущности кризиса, которое должно определять социальную актуальность современных научных психологических исследований [5].

Сопоставление представлений о кризисе с точки зрения научного и обыденного понимания позволит понять, насколько научные исследования соответствуют социальному запросу общества, а также выявить те аспекты изучения кризисов, которые требуют дополнительных исследований.

Цель исследования: изучение культурального образа личностного кризиса в современной культуре с точки зрения научного и обыденного понимания.

Для реализации данной цели необходимо провести контент-анализ современных научных психологических статей, а также современных научно-популярных психологических статей по данной тематике, сопоставить результаты и сформулировать содержательные выводы [3, 6].

Основные гипотезы исследования:

1. Личностный кризис описывают категории, упоминаемые как в позитивном, так и в негативном смысле.
2. Культуральный образ личностно кризиса имеет как сходства, так и различия с точки зрения научного и обыденного понимания.

Выборка и методы исследования

Метод исследования: контент-анализ современных научных и научно-популярных психологических статей, посвященных тематике кризиса.

Критерии подбора текстов:

1. Источником текстов для проведения контент-анализа научных статей является научная электронная библиотека ELibrary.

Параметры отбора статей:

- Количество времени, прошедшее с момента публикации, не более 5 лет.
- Ключевое слово для поиска – «кризис».
- Тематика – психология.
- Сортировка – по числу цитирований (по убыванию).
- Общий объем единиц анализируемого текста – 18 300 слов.

2. Источником текстов для проведения контент-анализа научно-популярных статей является электронный журнал Psychologies.

Параметры отбора:

- Количество времени, прошедшее с момента публикации, не более 5 лет.
- Ключевое слово для поиска – «кризис».
- Сортировка – по популярности (по убыванию).
- Общий объем единиц анализируемого текста – 17 400 слов.

Результаты исследования и их обсуждение

По итогам контент-анализа были выделены следующие группы категорий, общие для научной и научно-популярной литературы: «Поиск смысла (осмысленность)», «Потеря смысла (бессмысленность)», «Уверенность (вера в себя)», «Неуверенность (неуверенность в собственных способностях)», «Внутренняя мотивация к деятельности (активность)», «Избегание деятельности (пассивность)», «Осознанность», «Преодоление», «Стресс, психологический дискомфорт», «Тревога, страх, беспокойство», «Переоценка, пересмотр», «Новые возможности личностного роста и развития», «Поворотный момент, кардинальные изменения», «Самоопределение (выбор, целеполагание)», «Изменения отношений с миром и с самим собой», «Социальная поддержка (понимание, одобрение, позитивная оценка)», «Самореализация, самоактуализация, творчество», «Внутриличностный конфликт», «Невозможность реализации внутренних мотивов, целей, ценностей».

Кроме того, были выделены частные категории: «Жизнестойкость, стрессоустойчивость», «Принятие ответственности», «Личностные ресурсы», «Необходимость адаптации (приспособления)», «Нарушение адаптации» – для научной литературы; «Неожиданность, внезапность», «Социальное непринятие», «Внутренняя цельность» – для научно-популярной.

Частотный анализ категорий представлен в табл. 1–4.

Таблица 1

Частотный анализ представленности общих категорий в научных статьях, посвященных проблематике кризиса

Категория	Упоминания в позитивном смысле	Упоминания в негативном смысле	Удельный вес категории (число $\times 10^{-3}$)
Поиск смысла (осмысленность)	189	0	30,9
Преодоление	90	0	14,76
Самоопределение (выбор, целеполагание)	72	0	11,79
Социальная поддержка (понимание, одобрение, позитивная оценка)	63	0	10,32
Самореализация, самоактуализация, творчество	60	0	9,84
Внутренняя мотивация к деятельности (активность)	57	0	9,33
Новые возможности личностного роста и развития	57	0	9,33
Изменения отношений с миром и с самим собой	45	0	7,38
Переоценка, пересмотр	36	0	5,91
Уверенность (вера в себя)	18	0	2,94
Осознанность	15	0	2,46
Поворотный момент, кардинальные изменения	18	3	2,1
Неуверенность (неуверенность в собственных способностях)	0	3	-0,48
Потеря смысла (бессмысленность)	0	9	-1,47
Тревога, страх, беспокойство	0	9	-1,47
Избегание деятельности (пассивность)	0	15	-2,46
Внутриличностный конфликт	0	21	-3,45
Невозможность реализации внутренних мотивов, целей, ценностей	0	27	-4,44
Стресс, психологический дискомфорт	0	33	-5,4

Таблица 2

Частотный анализ представленности частных категорий в научных статьях, посвященных проблематике кризиса

Категория	Упоминания в позитивном смысле	Упоминания в негативном смысле	Удельный вес категории (число $\times 10^{-3}$)
Жизнестойкость, стрессоустойчивость	75	0	12,3
Личностные ресурсы	36	0	5,91
Принятие ответственности	30	0	4,92
Необходимость адаптации (приспособления)	30	0	4,92
Нарушение адаптации	0	12	-1,98

Частотный анализ представленности общих категорий в научно-популярных статьях, посвященных проблематике кризиса

Категория	Упоминания в позитивном смысле	Упоминания в негативном смысле	Удельный вес категории (число $\times 10^{-3}$)
Самоопределение (выбор, целеполагание)	57	0	9,81
Осознанность	57	3	8,85
Новые возможности личностного роста и развития	51	0	8,79
Социальная поддержка (понимание, одобрение, позитивная оценка)	51	0	8,79
Внутренняя мотивация к деятельности (активность)	42	0	7,23
Самореализация, самоактуализация, творчество	39	0	6,72
Уверенность (вера в себя)	33	0	5,67
Поиск смысла (осмысленность)	30	0	5,16
Переоценка, пересмотр	51	18	4,2
Преодоление	39	12	3,57
Поворотный момент, кардинальные изменения	21	15	0,6
Изменения отношений с миром и с самим собой	27	42	-1,56
Потеря смысла (бессмысленность)	0	27	-4,65
Тревога, страх, беспокойство	0	36	-6,3
Неуверенность (неуверенность в собственных способностях)	0	39	-6,72
Избегание деятельности (пассивность)	0	39	-6,72
Невозможность реализации внутренних мотивов, целей, ценностей	0	39	-6,72
Внутриличностный конфликт	0	54	-9,3
Стресс, психологический дискомфорт	0	78	-13,44

Таблица 4

Частотный анализ представленности частных категорий в научно-популярных статьях, посвященных проблематике кризиса

Категория	Упоминания в позитивном смысле	Упоминания в негативном смысле	Удельный вес категории (число $\times 10^{-3}$)
Внутренняя цельность	57	0	9,84
Неожиданность, внезапность	3	24	-3
Социальное неприятие	0	48	-8,28

Результаты контент-анализа подтверждают гипотезу о том, что культуральный образ личностного кризиса в обеих литературных подборках описывают категории, упоминаемые как в позитивном, так и в негативном смысле. Данные результаты соответствуют распространенному в психологии определению кризиса – «полный опасности шанс» [4]. Данное определение позволяет рассматривать кризис как процесс с двух сторон – с точки зрения опасности для личности и одновременно с этим как потенциал личностного роста.

Результаты контент-анализа также подтверждают гипотезу о том, что культуральный образ личностного кризиса имеет как сходства, так и различия с точки зрения научного и обыденного понимания. Так, наиболее ярко выраженные сходства прослеживаются при сопоставлении категорий, упоминаемых в основном в негативном смысле.

Самый большой удельный вес при упоминании в негативном смысле имеет категория «Стресс, психологический дискомфорт» (-5,4 и -13,44 в научном и обыденном понимании соответственно), которая согласуется с общепсихологическим определением кризиса как острого эмоционального состояния [1]. Достаточно весомыми являются категории «Невозможность реализации внутренних мотивов, целей, ценностей» (-4,44 и -6,72 в научном и обыденном понимании соответственно) и «Внутриличностный конфликт» (-3,45 и -9,3 в научном и обыденном понимании соответственно), которые согласуются с представлением о кризисе с точки зрения психологической теории деятельности как о ситуации «невозможности», т.е. наличии таких условий, которые препятствуют реализации внутренних потребностей личности, ее мотивов, стремлений и ценностей [2].

При сопоставлении категорий, упоминаемых в основном в позитивном смысле, наблюдаются значимые различия. Наибольший удельный вес в научных статьях, посвященных проблематике кризиса, имеют категории «Поиск смысла (осмысленность)» (30,9), «Преодоление» (14,76), «Самоопределение (выбор, целеполагание)»

(11,79). Вероятно, данные категории соответствуют наиболее актуальным направлениям исследования кризиса в психологии в рамках изучения ценностно-смысловой сферы жизнедеятельности личности, а также вопросов адаптации и ресурсов совладания с критической ситуацией.

Наибольший удельный вес в научно-популярных статьях, посвященных проблематике кризиса, имеют категории «Самоопределение (выбор, целеполагание)» (9,81), «Осознанность» (8,85), «Новые возможности личностного роста и развития» (8,79). Вероятно, данные категории соответствуют общей тенденции стремления современного общества к саморазвитию и самосовершенствованию, которая активно продвигается по каналам средств массовой информации, а также путем увеличения числа возможностей для осуществления подобных потребностей.

Одинаково значимой с точки зрения частоты встречаемости в обеих литературных подборках является категория «Социальная поддержка (понимание, одобрение, позитивная оценка)» (10,32 и 8,79 в научном и обыденном понимании соответственно). Вероятно, социальная поддержка с точки зрения как научного, так и обыденного понимания выступает одним из важнейших ресурсов, помогающих человеку справиться с кризисной ситуацией.

Частные категории, выявленные в научных статьях, посвященных проблематике кризиса, такие как «Жизнестойкость, стрессоустойчивость» (12,3), «Личностные ресурсы» (5,91), «Принятие ответственности» (4,92), «Необходимость адаптации (приспособления)» (4,92), «Нарушение адаптации» (-1,98), отражают специфику профессиональной терминологии и, вероятно, соответствуют актуальным направлениям исследований в рамках психологии кризиса.

Частные категории, выявленные в научно-популярных статьях, посвященных проблематике кризиса, такие как «Внутренняя цельность» (9,84), «Неожиданность, внезапность» (-3), «Социальное неприятие» (-8,28), отражают специфику обыденного языка и эмоциональную оценку.

Заключение

Таким образом, культуральный образ личностного кризиса имеет как сходства, так и различия с точки зрения научного и обыденного понимания. Сходства прослеживаются при сопоставлении категорий, упоминаемых в основном в негативном смысле, таких как «Стресс, психологический дискомфорт», «Невозможность реализации внутренних мотивов, целей, ценностей», «Внутриличностный конфликт». Кроме того, одинаково значимой в обеих литературных подборках является категория «Социальная поддержка (понимание, одобрение, позитивная оценка)», упоминаемая в позитивном смысле.

Значительное число общих категорий позволяет предположить, что научные исследования соответствуют социальному запросу общества. Выявленные различия могут послужить основой для дальнейших исследований. Кроме того, для более глубокого изучения культурального образа личностного кризиса в обыденном понимании с помощью контент-анализа можно использовать тексты – небольшие письменные рассуждения людей на тему личностного кризиса.

Литература

1. Бадхен А.А. Мастерство психологического консультирования / под ред. А.А. Бадхена, А.М. Родиной. СПб. : Речь, 2007. 240 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
3. Завьялова И.Ю. Эго-интеграция как личностная зрелость : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2017. 23 с.
4. Ильина В.В. Проблематика личностного кризиса в психологической науке // Концепт. 2014. Т. 26. С. 521–525.
5. Солдатова Е.Л. Психологическое содержание нормативных кризисов развития личности взрослого человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 31 (131). С. 39–47.
6. Фадеева Т.Ю. Анализ характеристик надежды в артефактах культуры // Известия Саратовского университета. Сер. Академия образования. Психология развития. 2015. № 2 (14). С. 179–184. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-harakteristik-nadezhdy-v-artefaktah-kultury> (дата обращения: 30.09.2017).

CULTURAL IMAGE OF PERSONAL CRISIS IN SCIENTIFIC AND COMMON UNDERSTANDING

Ivashchenko N.A., post-graduate student of the department of developmental psychology and age consultancy, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. Human Resources Manager in the company of Movavi, Novosibirsk, Russia. E-mail: nayda.550d@gmail.com

Abstract. Currently the issues related to crisis are becoming especially relevant due to the rapid changes in the life of society. In culture a certain idea is formed about the nature of the personal crisis, which should determine the social relevance of modern scientific psychological research. Comparison of ideas about the personal crisis from the point of view of scientific and common understanding makes it possible to understand how scientific research corresponds to the social demand of society, as well as to identify those aspects of studying crises that require additional research. The purpose of the study: the study of the cultural image of the personal crisis in modern culture in terms of scientific and common understanding. The main hypothesis of the study: the cultural image of the personal crisis has both similarities and differences in terms of scientific and common understanding. Method of research: the content analysis of modern scientific and popular scientific psychological articles on the subject of personal crisis.

The hypothesis that the personality crisis in both literary collections describes categories that are mentioned in both a positive and a negative sense was confirmed. The results correspond to the definition of crisis common in psychology: "a chance full of danger", which considers the crisis from two sides as a particular danger to the individual and as a potential for personal growth. Another hypothesis that the cultural image of the personal crisis has both similarities and differences from the point of view of scientific and common understanding was also confirmed. The most specific weight when mentioned negatively was attributed to the category "Stress, psychological discomfort". The categories "Impossibility of internal motives, goals, values" and "Intrapersonal conflict" were also meaningful. The largest share in scientific articles was attributed to the categories "Search for meaning", "Overcoming", "Self-determination". Probably, these categories correspond to the most relevant areas of the study of crisis in psychology as part of the study of the value-semantic sphere of an individual. The categories of "Self-determination", "Awareness", "New opportunities for personal growth and development" had the largest share in popular scientific articles. Probably, these categories correspond to the aspiration of modern society for self-development and self-improvement, which is actively promoted through mass media.

Keywords: crisis; personal crisis; cultural image of personal crisis

УДК 159.99

РЕСУРСЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА СИБИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.Д. Карнышев

Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия
E-mail: ale3441@yandex.ru

Аннотация. Присуждение уже второй Нобелевской премии специалистам по бихевиоральной экономике (Д. Канеман, 2002; Р. Талер, 2017) демонстрирует и значение экономической психологии, которая изучает аналогичные вопросы. Особо актуальны сегодня региональные исследования, способствующие формированию экономического патриотизма в «проблемных» местах, например в Сибири. Истинно патриотическое поведение зачастую отличается не только своим энтузиазмом, но и определенной жертвенностью, способностью не жалеть свои силы ради дела и предметов почитания. Патриот завода или корпорации, скорее всего, постарается ради «марки» и «бренда» своей организации, а с ними всей страны, мобилизовать все свои лучшие силы. Аналогично патриот «малой родины» способен ради нее на определенные лишения и утраты.

Ключевые слова: бихевиоральная экономика; экономический патриотизм; любовь к родине; миграция; этнокультурные и профессиональные особенности.

Экономическая психология уже более двух десятилетий выступает в качестве междисциплинарной дисциплины, поскольку рассматривает основные проблемы развития и функционирования общества, опираясь на идеи не только психологической, но и экономической науки. В мире одним из таких «симбиозов» считается направление бихевиоральной (поведенческой) экономики [1, 4]. Представители данного направления уже дважды становились лауреатами Нобелевской премии по экономике: в 2002 г. им стал психолог Д. Канеман, а в октябре 2017 г. премию присудили экономисту, гражданину США Р. Талеру, который презентовал себя в качестве специалиста по поведенческой экономике. В дополнение можно вспомнить и то, что известный российский экономист Ю. Ольсевич подготовил солидную работу «Психологические основы экономического поведения». Практически значимой особенностью экономической психологии считается ее возможность адаптировать свои положения и методики к изменяющимся в регионах обстоятельствам жизни, к динамике экономического сознания людей и их отношения к родным местам. В связи с этим все более востребованными становятся исследования по вопросам экономического патриотизма, его формирования, особенно у представителей молодого поколения [3, 5, 7, 9].

Термин «экономический патриотизм» считается новацией, акцентирующей внимание на исконных экономических интересах конкретных стран. Его ввел в 2003 г. французский ученый и политик Б. Карейон, сказав, что термин обозначает «не идеологию, а общественную политику» [6, 7]. С «датой рождения» термина можно согласиться, но с оговоркой, что явления, которые стояли и могут стоять за ним, весьма и весьма великовозрастны. Из зарубежной практики можно вспомнить закон США 1929 г. «Покупай американское», трансформировавшийся при понимании внутренних и внешних экономических проблем в 2017 г. в указ президента США «Покупай американское, нанимай американцев». Не только законодательная и финансовая, но и нравственно-психологическая поддержка патриотов своих государств и их отдельных территорий были и в прошлом в центре политики и идеологии многих правительств, в том числе России.

Свои исследования по экономическому патриотизму сибиряков мы начали в 2013 г. [3]. При поддержке проектов РГНФ ряд таких моментов мы более или менее детально рассмотрели в монографиях «Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия» (2015 г.) и «Лидерам молодежи о патриотизме и межнациональном согласии» (2016 г.). При этом акцент был сделан на конкретных проявлениях патриотизма молодежи, когда основой выступает практическое дело, а не слово. В плане деловитости нам импонирует позиция А. Журавлева и А. Юревича, утверждающих, что патриотизм – многосоставное понятие и явление, а основными слагаемыми его ядра выступают: 1) чувство любви к родине; 2) готовность приносить личные интересы в

жертву общественным; 3) соответствующее поведение; 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом [2]. Именно обращенность к категориям «поведение» и «жертвенность» характерна в реальной жизни для экономического патриотизма и делает его востребованным феноменом.

Рассмотренные положения с учетом позиций экономической психологии позволяют дать следующее определение: экономический патриотизм – это различные формы поведения человека и группы (малой и большой) с выраженной экономической полезностью как для самих субъектов, так и для всего общества. Можно добавить еще нечто пафосное: экономический патриотизм – поведение, деятельность субъектов хозяйствования, торговли и потребления, обеспечивающие защиту реальных интересов не только человека, но и страны, региона, малой родины. При этом патриотическое поведение зачастую отличается не только своим энтузиазмом, но и определенной жертвенностью, способностью не жалеть свои силы ради дела. Патриот завода или корпорации, скорее всего, постарается ради «марки» и «бренда» своей организации, а с ними всей страны, мобилизовать все свои лучшие силы. Аналогично патриот «малой родины» способен ради нее на определенные лишения и утраты.

Если рассматривать более детально восточные регионы нашей страны, то они были той территорией, на которой национальные интересы государства постепенно сливались с региональным патриотизмом, поскольку в малонаселенных краях каждый активный экономический субъект был особо дорог. В конце XIX в. в России получило развитие идеологическое движение «малой родины», которое, как считается, зародилось в 1870-х гг. Речь идет о движении, к каковому, к примеру, относились сибирские областники, одними из первых в России ставшие идеологами «малой родины». Лица, объединенные данным движением, исходили из посыла, что в стране такого гигантского размера и этнического разнообразия, как Россия, чувство принадлежности и лояльности ко всему отечеству в целом может быть основано лишь на сильно развитой местной идентичности. Известный ученый того времени Н. Марр, рассматривая основу, на которой можно развивать и укреплять просвещенную любовь и уважение к Родине, писал: «Едва ли кто будет оспаривать положение, для меня аксиому, что кто безучастен к судьбе родного края, тот не может глубоко воспринять более отвлеченное, более сложное чувство к отечеству» [10, с. 76]. Самым значимым для нас фактом является то, что эта концепция была впервые сформулирована интеллигенцией из Сибири и губерний европейской части России в отношении русского населения [Там же, с. 70]. Но нельзя отрицать и того, что для аборигенов это было также характерно [4].

В Сибири в далекие времена сложилась и сегодня проявляется специфическая этническая обстановка, которую до конца не могли понять даже политические деятели. Например, в середине XIX в., отзываясь о нормах обычного права аборигенов, губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев писал, что при действии общих русских законов, к которым инородцы более и более стали обращаться, прежние обычаи и предания инородцев слабеют, исчезают и обо многом они сами уже имеют лишь одни темные и сбивчивые сведения. Прошло более 150 лет, но многие обычаи и предания сибирских и дальневосточных народов остались живы и звучат с новой силой, опираясь на генетическую и историческую память. Соответствующие реалии касаются этнических групп, включающих в себя как специфические сообщества русских (старообрядцы, казаки и т.п.), так и «средние» и «малые» коренные народы (алтайцы, буряты, тывинцы, хакасы, саха (якуты), сойоты, тофалары и т.д.).

Здесь нельзя не вспомнить, что идеи, родившиеся на провинциальных землях, в частности в Сибири, не были обойдены вниманием зарубежной практикой. Российские «инородческие» разработки оказали влияние на проекты интеграции в заокеанских колониальных империях. «С показательным отставанием по времени в применении таких идей в заокеанских империях по сравнению с континентальными империями элита Франции четко сформулировала понятие “*petites patries*” как инструмент укрепления общепольской идентичности своих колониальных подданных только после Первой мировой войны и как прямой ответ на происходящее в Советском Союзе» [10, с. 86].

Нельзя забывать, что в мире нарастают тенденции, когда освоенные русскими территории Сибири и Дальнего Востока с достаточно сформированной инфраструктурой становятся лакомым кусочком для других стран. М. Олбрайт – госсекретарь США начала 2000-х гг. – известна такими высказываниями по данному вопросу: «Величайшая несправедливость, когда такими землями, как Сибирь, владеет одна Россия», – или несколько «мягче»: «О какой мировой справедливости может идти речь, когда такая богатая территория, как Сибирь, принадлежит одной стране». З. Бжезинский на международном геополитическом форуме в Сиэтле в 2016 г. сказал: «Для европейцев Сибирь могла бы стать тем, чем Аляска и Калифорния вместе взятые стали в свое время для американцев – источником огромных богатств». Воспринимая такие мысли с известным подтекстом, понимаешь, что чем меньше в Сибири будет влюбленных в нее граждан, активных патриотов, тем больше шансов на то, что показанные зарубежные ожидания могут стать реальностью.

Но более всего важен факт, что население Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока, особенно работоспособное, уменьшается быстрыми темпами, в первую очередь за счет миграции представителей славянских национальностей. Интересно сопоставить такие данные: за период с 1896 по 1913 г. (17 лет) в Сибирь и на Дальний Восток переселились около 4,5 млн человек [8], а с 1991 по 2007 г. (16 лет), только с территории Байкальского региона и до Владивостока уехало около 3 млн человек. Это может весьма негативно отразиться не только на экономическом развитии регионов, но и на росте «уязвимости» государственных границ России. Важно оказать влияние на регулирование миграционных потоков, и психолого-экономические факторы здесь могут сыграть свою роль.

Сегодня налицо не только реальный отток населения, но и рост желаний многих людей покинуть эти места. На респондентах всех совершеннолетних возрастов в Байкальском регионе нами был выявлен в исследованиях интересный факт: чем восточнее находилась территория, с которой сравнивался уровень собственной жизни, тем эти оценки были ниже. В начале 2011 г. мы повторили данный опрос в Иркутской области на студенческой молодежной аудитории (N = 159). Задание для респондентов звучало следующим образом: «Оцените, пожалуйста, уровень Вашей жизни в сравнении с уровнем жизни людей Вашего социального статуса в других регионах». Варианты ответов предполагали оценки: лучше, хуже, такой же, трудно сказать. При математической обработке результатов осуществлялся не только анализ процентного соотношения вариантов ответов, но и вычисление индексов (Ис) по отношению к каждому региону. Индекс вычислялся следующим образом: определялась разница между крайними вариантами: лучше–хуже, а остальные варианты не брались во внимание. Таким образом, Ис мог варьироваться от +100 при полной положительной оценке уровня жизни по сравнению с «другими» до –100 при полной негативной оценке. Результаты анализа отражены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение оценок уровня жизни в Иркутской области и в других регионах молодыми респондентами

Регионы для сравнения	Варианты оценок, %				Ис
	Лучше	Хуже	Так же	Не определились с оценкой	
Забайкальский край	17	21	24	38	-4
Республика Бурятия	13	30	36	21	-17
Красноярский край	23	13	30	34	+10
Новосибирская область	32	11	31	26	+21
Москва и Московская обл.	44	16	8	32	+28
Юг России	38	12	6	44	+26

И соотношение данных табл. 1 по вариантам, и величина Ис демонстрируют устойчивый рост мнений о «лучшей» жизни в регионах в направлении с востока на запад, что наблюдалось и по другим исследованиям.

Несколько своеобразно результаты аналогичного исследования выглядели в Томске (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение качества жизни, сделанное студентами Томска

Регион	Лучше	Хуже	Так же	Ис
Забайкальский край	18,2	10,0	14,1	+8,2
Бурятия	18,2	9,4	28,8	+8,8
Красноярский край	24,1	11,2	27,6	+12,9
Новосибирская обл.	28,2	18,8	27,6	+9,4
Москва и Московская область	37,1	30,6	2,9	+6,5
Юг России	27,6	21,8	8,8	+5,8

Томский «феномен» в индексах сравнения предопределен, скорее всего, двумя причинами. С одной стороны, «аппендикс» транссибирской железной дороги – город, могущий стать реальным центром Сибири, но упустивший свой шанс. С другой стороны, Томск – студенческий город, где большинство живет временно, не помышляя о закреплении в здешних краях, студенты в большинстве из конкретных регионов Сибири. Именно они полагают, что в родных краях комфортнее. Не случайно считают, что лучше живут представители близких к Томску регионов – Красноярска и Новосибирска, а не Москвы и юга России, как студенты других районов Сибири.

Рассматривая факторы формирования и существенные характеристики патриотизма, выстроим систему тех объективно-субъективных реалий, которые вкупе предопределили, с одной стороны, своеобразие отношения представителей этнических групп к особенностям малой родины (региональный патриотизм), а с другой – объединение позиций разных этнокультурных и конфессиональных сообществ в русле российской гражданственности. По нашему мнению, в данном случае анализу подлежат как минимум следующие явления:

- особенности ландшафтов и климата в местах, где проживают этнические группы, и связанные с ними приоритетные виды хозяйственной деятельности, способные влиять на формирование патриотических чувств;
- древние культовые обряды и сакральные традиции в их мировоззренческом и житейском значении, влиянии на почитание родных мест;
- своеобразие и взаимодействие языковых средств разных народов, обеспечивающие их взаимопонимание и диалог;
- характер влияния «больших» и «малых» этнических групп друг на друга в историческом контексте, факторы их консолидации;
- религиозные верования и отражение их объединяющих ресурсов в реалиях хозяйственной жизни этносов и межэтническом взаимодействии.

– экологические установки и этноконфессиональные позиции по отношению к природе, «сокровищам» родного края и «механизмам» их сбережения и защиты. Сегодня нередко говорят об экологическом патриотизме;

– институты «дома» и «семьи» в их воздействии на специфику становления патриотических чувств и экономическую социализацию поколений с учетом региональных особенностей;

Определенной «иллюстрацией» значимости и детализации представленных факторов, влияющих на патриотизм сибирской молодежи, являются результаты нашего опроса, выполненного при поддержке гранта РГНФ в 2015–2016 гг.: «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России» (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Ответы молодежи из разных городов России на вопрос о том, что в большей мере влияет на формирование патриотизма россиянина

№	Факторы, влияющие на формирование патриотичности молодежи	Ответы молодежи (в %) из...		
		Иркутска	Томска	Владивостока
1	История страны, ее культурное наследие	77,9	85,9	84,4
2	Традиции семьи, пример старшего поколения (отцы, деды и т.д.)	48,6	47,4	48,9
3–4	Международная роль государства	32,7	34,6	38,9
3–4	Народный фольклор, литература, музыка	32,7	39,7	33,3
5	Спортивные достижения граждан страны	27,4	32,1	27,8
6	Просто, без лишних слов, люблю свою страну	26,0	19,2	24,4
7	Победы народа в разных войнах	25,5	28,2	41,1
8	Предметы искусства, памятники	24,0	35,9	33,3
9	Достижения науки	23,1	39,7	15,6
10	Экономика и хозяйство страны	21,6	15,4	14,4
11	Мощь вооруженных сил	20,7	6,4	18,9
12	Природные богатства – нефть, газ, лес	20,2	7,7	7,8
13	Трудовые и политические успехи прошлого	19,2	24,4	25,6
14	Традиционные религии страны	14,4	12,8	12,2
15	Животный и растительный мир	12,5	16,7	14,4
16	Ландшафты малой Родины	11,1	12,8	13,3

Прежде всего стоит подчеркнуть близость оценок молодых людей из разных регионов Сибири и Дальнего Востока. Но не только это. Сама иерархия факторов нуждается в тщательном рассмотрении, чтобы создавать адекватные технологии воздействия на молодежь. В данном вопросе важны и некоторые региональные отличия мнений студентов (они выделены в таблице жирным шрифтом). Например, богатая своими ресурсами Иркутская область вызвала у своей молодежи более высокое значение таких факторов, как природное богатство, экономика и хозяйство страны. Первый университетский город Сибири Томск определил у своей молодежи особое значение таких факторов, как достижения науки и спортивные достижения граждан страны. Владивосток – город, чьи жители испытали близкие конфликты с японцами в 1904–1905 и 1945 гг., предопределил рост значения у молодежи фактора победы народа в разных войнах. Эти и другие нюансы важно понимать именно для целенаправленных влияний на экономический патриотизм молодежи с учетом региональных особенностей.

Литература

1. Верт Л. Экономическая психология. Теоретические основы и практическое применение : пер. с нем. Харьков : Гуманитарный центр, 2013. 432 с.
2. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 88–98.
3. Карнышев А.Д. Позиции патриотизма студенческой молодежи байкальского региона и их связь с личностными и межкультурными характеристиками // «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития : 13 международная научно-практическая конференция. 26–29 ноября 2013 г. : материалы конф. СПб. : Изд-во ИМЦ «НВШ – СПб», 2013. С. 131–135.
4. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Человек и этнос на своей земле (экономика и психология самобытности и сотрудничества народов Байкальской Сибири). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011.
5. Карнышев А.Д., Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты // Известия Иркутской академии. 2016. Т. 26, № 3. С. 509–517.
6. Клинова М.В. Новый экономический патриотизм в Европе: хорошо забытое старое // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4. С. 32–41.
7. Кобылянская М.С., Матушевская Е.А., Березина И.В. Экономический патриотизм в Российской Федерации: формирование гражданской позиции молодежи // Молодой ученый. 2016. № 17. С. 416–419.
8. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М. : Прогресс, 1993.

9. Орнина Л.В. Экономический патриотизм молодежи как полиаспектный объект современного профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. URL: <http://www.rae.ru/>
10. Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

RESOURCES AND PROBLEMS OF INFLUENCE OF ECONOMIC PSYCHOLOGY ON FORMATION OF PATRIOTISM OF THE SIBERIAN YOUTH

Karnyshev A.D., doctor of psychological sciences, professor, head of the laboratory of psikho-economic and cross-cultural researches, Institute of social sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. E-mail: ale3441@yandex.ru

Abstract. Award already second Nobel Prize to experts in behavioral economy (psychologist D. Kahneman, 2002; R. Taler, 2017) shows value of economic psychology which studies this matters. Her opportunity to adapt the provisions and techniques to the changing circumstances of life, to dynamics of economic consciousness of people and their relations to native places is considered significant feature of economic psychology. The regional researches promoting formation of economic patriotism at representatives of the younger generation in "problem" regions are especially relevant today. In the Russian and foreign mass consciousness there are specific stereotypes about an Asian part of Russia, for example, "Siberia is an eternal night where day never comes" (A. Dumas). These stereotypes "work" against fixing of people in such areas, and they should be overcome. Truly patriotic behavior often differs not only the enthusiasm, but also a certain sacrifice, ability not to feel sorry for the forces for the sake of business and objects of respect and honoring. The patriot of the plant or corporation, most likely, will try for the sake of "brand" of the organization, and even the whole country, to mobilize all the forces. The patriot of "the small homeland" is capable for the sake of it of some deprivations and losses. To relevant compare some data: from 1896 for 1913 (17 years) to Siberia and to the Far East about 4,5 million people [8], and from 1991 to 2007 (16 years) have moved, the territory from the Baikal region to Vladivostok there have left about 3 million people. It can negatively affect very not only economic development of regions, but also growth of "vulnerability" of frontiers of Russia. It is important to exert impact on regulation of migration flows. Here can play a role psikho-economic factors. "Illustrations" of the importance of the factors influencing patriotism of the Siberian youth which have been revealed by scientists when holding the sociological polls executed on a grant of the Russian humanitarian scientific fund in 2015-2016 are given in article: "Factors and features of formation of patriotism and interethnic concord at youth of Asian Russia". It is also shown that many customs and legends of the Siberian and Far East people, despite negative prognostic have survived and are more relevant, relying on genetic and historical memory of the people living here long ago. The corresponding realities concern the ethnic groups including as specific communities of Russians (Old Believers, Cossacks, etc.), and "averages" and "small" indigenous people (Altaians, Buryats, Tivinetes, Khakas, Sakha (Yakuts), Soyots, Tofalars, etc.).

Keywords: behavioral economics; economic patriotism; love to motherland; migration; ethno-cultural and confessional features.

УДК 159.96

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕШАННОСТИ

О.А. Карнышева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
E-mail: borisovvla@yandex.ru

Аннотация. Вопросы этнической смешанности особенно актуальны сейчас, в период интенсивных миграционных и глобализационных процессов в разных странах. В настоящее время смешанность – это и генетическая, и культурная реальность. Происходящие в обществе изменения поставили кардинальный вопрос о том, как жить по-настоящему слаженно и дружно представителям разных народов. И без понимания своеобразия самосознания и специфики жизнедеятельности различных этнических сообществ сотрудничество, а тем более общее поступательное развитие, невозможно.

Ключевые слова: этнокультурные особенности; этническая смешанность; генетическая интеграция; культурная интеграция; полииндивидуальность; этническая идентичность.

Одно из последствий межэтнических взаимодействий, а именно брачное и внебрачное смешение, никогда не уходило из поля зрения ученых и практиков всего мира. Так, исследователи из США М. Пенн и К. Залесн фиксируют, что «ни одна тема в американской истории не считалась более значащей, более дискутируемой или более глубокой, чем расовые отношения». Они же приводят примечательные факты: «Сегодня в Америке более 3 миллионов браков межрасовые. А если учитывать, что 83% американцев одобряют межрасовое супружество, эта тенденция представляет собой глубокую перемену в отношениях людей и их толерантности» [6, с. 104, 105]. Еще в большей степени приведенные тенденции затрагивают молодежь. Молодые люди не только «воспитаны на понятии “культурное многообразие”, молодое поколение – это самое разнородное поколение в истории страны. Вероятно, в результате этого «более 90% молодых людей одобряют межрасовые отношения по сравнению с 50% старшего поколения» [Там же, с. 106].

Дж. Берри с коллегами отмечают некоторые современные тенденции: «По мере увеличения числа межкультурных браков в мире все больше внимания уделяется воспитанию детей в условиях слияния двух культур, а также уникальным проблемам и стратегиям адаптации детей, принадлежащих двум культурам» [Там же, с. 189]. Признавая уникальное своеобразие «смешанных», Э. Морен пишет: «Каждый человек может и должен в

планетарную эру культивировать свою множественную индивидуальность, которая дает возможность интегрировать в себе своеобразие разного рода: семейное, региональное, этническое, национальное, религиозное и философское, континентальное и земное. Что касается метиса, он сам может обнаружить в корнях своей полииндивидуальности семейную биполярность, этническую, национальную и даже континентальную биполярность, позволяющую ему развивать сложную, всецело человеческую индивидуальность» [5, с. 292].

Смешанность – это и генетическая, и культурная реальность. Данный вопрос и практически, и теоретически значим и для психологии межэтнического взаимодействия, и для межкультурной компетентности, поскольку: а) соединение представителей разных этносов – это с социально-психологической точки зрения, прежде всего, взаимодействие разных культурных установок и ценностей, специфических экономических и политических ориентаций, а этот процесс зачастую сложен; б) проблема не только в том, на какие этнические приоритеты и традиции будут ориентироваться супруги, не менее значимо то, к чему они сами, а также их родственники будут приучать подрастающее поколение, какие способности и навыки передавать и в какой мере это будет влиять на уровень межкультурной компетентности последних; в) в связи с первыми двумя обстоятельствами важно понимание степени влияния межэтнических браков на характер межнациональных отношений в целом и непосредственно в деловой сфере.

Представители социальных наук часто приводят различные данные о том, что люди, обладающие смешанными расовыми и этническими характеристиками, нередко не могут отождествить себя с конкретной национальностью, бывают непринятыми ни в одной из «коренных» этнических групп, чувствуют себя в той и другой группе некомфортно. Более того, они чаще испытывают разные психологические отклонения. Дж. Тэйлор, автор книги «Белое самосознание», приводит факты, когда дети смешанной (бело-черной) расы имеют больше проблем со здоровьем, более склонны к депрессиям и суициду, и отмечает, что и представители смешанных рас в Азии имеют сходные симптомы. «Изучение бело-азиатских детей показало, что они в два раза чаще, чем монорасовые дети (34% против 17%), страдают от психологических расстройств, таких как тревожность, депрессия или наркотическая зависимость» [9, с. 178].

Стоит отметить негативное отношение немалого числа американцев к смешению рас и народов. Так, Тэйлор приводит достаточно сильные аргументы из разных исследований на этот счет. «Исследование 2003 г., проведенное с 90 000 учениками средних школ, обнаружило, что у детей смешанной (бело-черной) расы больше проблем со здоровьем и психикой, чем у детей, которые были или черными, или белыми. Они более подвержены депрессии, обладают плохим сном, чаще пропускают школу, курят, пьют, склонны к самоубийству и раньше начинают заниматься сексом» [9].

Для нашей работы существенное значение имеет изучение эффекта смешанности с выходцами из Азии. Он представлен Тэйлором на примере исследования 2008 г. Факты из его цитируемой работы, говорящие о том, что бело-азиатские дети «в два раза чаще, чем монорасовые дети страдают от психологических расстройств», на наш взгляд, являются несколько категоричными и односторонними. Многолетний опыт азиатской Сибири и Дальнего Востока преподносит на этот счет и другие факты.

В Восточной Сибири, во-первых, происходит реальная метисация населения с выбором «смешанными индивидами» конкретной национальной принадлежности – этнической идентичности. Во-вторых, законодательство России не запрещает человеку идентифицировать себя с любой национальностью, к которой он хочет принадлежать, или вообще – формально или неформально – отказаться от нее. В подобного рода явлениях все четче проявляется экономический фактор: приписать себя к коренным малочисленным народам Сибири и Севера становится все более выгодным: ведь им предоставляются определенные льготы в традиционных сферах хозяйствования, прежде всего в охоте, рыболовстве, оленеводстве и т.п. Казалось бы, здесь необходимо «навести порядок», резко ограничив возможности приписывания себя к этнофорам (представителям коренных этносов). Но это вряд ли целесообразно, если инициатива исходит именно от *коренных старожилов*, стремящихся с помощью подобных актов по-настоящему закрепиться на родной земле. Правительство России пытается любыми экономическими мерами привлечь в регионы Сибири и Дальнего Востока переселенцев из центральной части страны, но их адаптация в существующих социальных, экономических и климатических условиях явно проблематична. Пусть уж лучше закрепляются, даже с недостаточной легитимностью, «свои маргиналы». А приучить их выполнять соответствующие социальные функции – дело властей.

Широких исследований смешанных индивидов и их детей в азиатской России не проводилось, но житейские наблюдения показывают, что они испытывают схожие с зарубежными метисами проблемы. Так, исследователь Д.В. Ушаков приводит такие данные о факторах этнической самоидентификации представителей алтайского населения: русских, алтайцев, казахов и этнически смешанных лиц. «Смешанные» поставили на пятое место по значимости следующий из десяти факторов: «как меня воспринимают представители других народов». У представителей других названных этносов данный фактор находится на девятом месте, что характеризует их заметно меньшую озабоченность тем, как их воспринимают другие. Это своеобразный показатель уверенности в значимости своего этноса, чего часто не хватает смешанным субъектам. Возможно, корни этого лежат в фактах из прошлого. В Сибири, особенно в районах Прибайкалья и Забайкалья, есть деревни с названиями, несущими в себе корень «карым». Это слово в далекие времена использовалось в отношении смешанных индивидов, помесей русских и представителей монгольских и бурятских родов. Этих людей буряты зачастую отселяли, чужаясь их смешанности. Такие обычаи, по-видимому, оставили свой отпечаток и в психологии современных людей.

В нашем прикладном исследовании мы выявили своеобразие оценок «смешанными» конкретных реалий, связанных с этническими ориентациями [4]. Во-первых, они меньше нацелены на признание генетических первооснов жизни на «малой родине», чем «несмешанные» индивиды. Генетическая ориентация у «смешанных» выражена меньше, чем в целом по выборке и особенно у «несмешанных». Данный факт заставляет задуматься о том, что «смешанные» уже в силу своей генетической и отчасти культурной интеграции меньше ориентированы на ценность самобытности земли, на которой живут, поскольку более высокое развитие «всечеловеческой индивидуальности» ориентирует их на повышение глобалистической ориентации.

Во-вторых, оценка значимости интересов того народа, среди которого живут, по сравнению с соответствующей оценкой государственных интересов, меньше у «смешанных», чем у «несмешанных». У несмешанных индивидов был зафиксирован незначительный приоритет этнических ориентаций. Это явление характерно для многих представителей сибирских этносов. Дело в том, что этническая идентичность гораздо «взрослее», чем государственная: в этнических группах индивиды жили в течение многих столетий. В связи с этим по терминологии, предложенной Г.В. Залевским, сформировались «фиксированные формы поведения», которые влияют и на многие современные установки [3]. Особенности смешанности проявляются, прежде всего, в нарушении давних ригидных схем этнических стереотипов и оценок – и в генетическом, и в культурном плане.

Все означенные вопросы нередко обостряются в смешанных браках, поскольку супруги разных национальностей имеют специфические установки по поводу своих обязанностей и функций в семье. Процент смешанных браков вряд ли будет снижаться. В проведенном социально-психологическом опросе нас интересовало отношение лиц разных национальностей к межнациональным бракам. Респондентам был задан вопрос «Как вы относитесь к заключению брака между людьми разной национальности?» Ответы расположились следующим образом (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Отношение респондентов разных национальностей к межнациональным бракам, %

Относятся к межнациональным бракам:	Буряты	Русские	Другие национальности
Положительно	50,2	53,5	73,8
Скорее положительно, чем отрицательно	16,6	12,0	4,8
Безразлично	15,5	22,2	14,3
Скорее отрицательно, чем положительно	9,4	3,1	0
Отрицательно	4,7	3,7	0
Затруднились ответить	2,2	2,5	0
Не ответили	1,4	3,0	7,1

Опрос подтвердил уже давно известную по многим исследованиям положительную оценку межнациональных браков, даваемую значительным числом опрошиваемых. Но все же надо отметить, что эта оценка оказалась самой высокой у представителей «других» национальностей, они же практически не дали ни одной отрицательной оценки межнациональным бракам. Видимо, это, прежде всего, следствие того, что лица «других» национальностей зачастую являются активными субъектами (супругами или детьми) в межнациональных браках.

Вместе с тем преобладающее положительное отношение людей к межнациональным бракам не снимает двух существенных моментов: во-первых, не всегда лица, одобряющие такие браки, сами будут руководствоваться данной установкой в собственном поведении, во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов наличие лиц, негативно относящихся к межнациональным бракам. Скорее всего, близкие тенденции можно было бы ожидать, к примеру, в США, где отношение к представителям других рас является показателем политкорректности и толерантности человека. Но все же подобие подходов к вопросу в двух странах невозможно оценивать однозначно, поскольку в США большую часть их истории смешанные браки были запрещены.

В нашем исследовании эффект смешанности позитивно отразился у студентов в ответах на вопрос: «Знакомы ли вы с особенностями, традициями и обрядами других народов, долгое время проживающих в вашем регионе?» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Осведомленность респондентов относительно традиций, обычаев и особенностей представителей других национальностей, %

Варианты ответа	Имеют родственников другой национальности	Не имеют родственников другой национальности	Не знают о наличии родственников
Хорошо знаком и нередко учитываю эти традиции и особенности	12,12	3,28	5,83
Знаком в целом неплохо	29,44	24,92	22,50
Знаком недостаточно	48,48	53,77	50,83
Совсем не знаю	4,76	8,85	8,33
Они меня не интересуют	3,46	7,54	5,83
Затрудняюсь ответить	1,74	1,64	6,68

Имеющие родственников другой национальности студенты отмечают свой более высокий уровень знаний в этом вопросе (ответы «знаком хорошо» или «в целом неплохо»): в сумме 41,6% против 28,2% у тех, кто не имеет таких родственников. Важным оказалось и то, что студенты, имеющие родственников других национальностей, несколько чаще обсуждают в кругу сверстников и знакомых информацию о традициях, особенностях интересных обрядах представителей других национальностей. Определяя источники подобной информации о других народах, ребята единодушно отдают первенство интернет-ресурсам. Интересным фактом надо признать то, что студенты, имеющие родственников других национальностей, чаще, чем не имеющие таковых, черпают информацию о разных народах в непосредственном общении со своими ближайшими родственниками, прежде всего родителями, дедушками и бабушками (40,7% против 34,1%). Студенты же, не имеющие родственников другой национальности, чаще говорят, что получают соответствующую информацию в большей степени из местного и российского телевидения.

Представленные данные говорят нам о нескольких моментах.

Во-первых, они подтверждают давно отмеченную нами позитивность процессов взаимовлияния и смешанности в социально-экономическом развитии народов и некоторых этнических групп. Здесь издавна свою роль играл, прежде всего, обмен продуктами и «технологиями» хозяйственной деятельности. Данное деловое сотрудничество укрепляло привязанность к общей земле, традициям друг друга.

Во-вторых, смешанность разных этнических групп усиливала их адаптационные возможности, сохраняя при этом общий *азиатский* генетический фонд, и тем самым способствовала сохранности некоторых групп аборигенов в качестве самостоятельных этносов (при соответствующей идентификации).

В-третьих, смешиваясь между собой, аборигены все же стремятся сохранить и сохраняют свои традиционные черты через следование самобытным ритуалам, обычаям, праздничным мероприятиям и другим актам. «Сибирский мультикультурализм» ярко проявляется, к примеру, на таких национальных торжествах, как «Алтаргана», который попеременно проводится в разных регионах (в том числе в Монголии), Сурхарбан и т.п.

И, наконец, в-четвертых, аборигены усвоили немало черт и характеристик русского народа, стереотипов его культуры, не теряя своей самобытности. В то же время немало привычек и алгоритмов жизни русских в чем-то заимствованы из бытия народов-соседей, причем порой в такой степени, что теперь уже трудно отграничить «свое» от «чужого» во всех национальных группах. И именно это общее выступает основой «сибирской идентичности», которую ни в коей мере нельзя противопоставить общему российскому патриотизму.

Учет этнических особенностей культуры, быта, хозяйственной деятельности аборигенов, их традиций и обрядов сегодня не просто дань моде. Происходящие в обществе изменения поставили кардинальный вопрос о том, как жить по-настоящему слаженно и дружно представителям разных народов. И без понимания своеобразия самосознания и специфики жизнедеятельности различных этнических сообществ сотрудничество, а тем более общее поступательное развитие, невозможно.

Литература

1. Баксанский О.Е., Лавринова Д.Г. Этнокультурная идентичность в условиях глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур. М. : Канон+, 2010. С. 47–75.
2. Берри Дж. и др. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
3. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения на уровне индивидуальных и групповых систем // Залевский Г.В. Избранные труды. Т. 2. 326 с.
4. Карнышев А.Д., Карнышева О.А. Психогенетические истоки изоморфных ресурсов личности и социума и особенности их проявления в разных этнокультурных установках // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 61–74.
5. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетика. Антология. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 247–322.
6. Пенн М.Дж., Залесн К.Э. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М. : АСТ, 2009. 510 с.
7. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. 720 с.
8. Резников Е.Н. Методологические проблемы этнической психологии. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005. 240 с.
9. Тэйлор Дж. Белое самосознание: расовая идентичность в XXI веке. М. : Икс-Хистори; Кучково поле, 2014. 496 с.

ETHNO-CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE ETHNIC HETEROGENEITY

Karnysheva O.A., Irkutsk State University, Russia, Irkutsk, Russia. E-mail: borisovvla@yandex.ru

Abstract. Currently, due to intensive migration and globalization processes in different countries the issue of ethnic heterogeneity has become important and relevant. Ethnic heterogeneity is the genetic and cultural reality. The changes that have taken place in society raised the cardinal question of how to live in a truly harmonious and amicable way with representatives of different peoples. Many scientists are studying the negative effects of cross-cultural heterogeneity. Wide studies of heterogeneous individuals and their children in Asian Russia were not conducted, but everyday observations show that they are experiencing similar problems with foreign crossbreeds. The peculiarities of heterogeneity are manifested, first of all, in the violation of old rigid patterns of ethnic stereotypes and assessments both genetically and culturally. Our studies confirm that the processes of interaction and heterogeneity in socio-economic development lead to positive results. In addition, the heterogeneity of different ethnic groups of Siberia increased their adaptive capacity, while retaining the overall Asian gene pool. It is important to note that interbreeding among themselves, the natives still seek to retain and preserve their traditional features through the following distinctive rituals, customs, etc. The aborigines of

Siberia and the Far East have learned many traits and characteristics of the Russian people, but they never lost their identity. At the same time, many habits and algorithms of Russian life were borrowed in something from the life of the neighboring nations, and at times to such an extent that it is now difficult to distinguish "one's own" from "another's" in all national groups. And this general trait is the basis of the "Siberian identity".

Keywords: ethno-cultural characteristics; ethnic heterogeneity; genetic integration; cultural integration; preindividual; ethnic identity.

УДК 159.96

РЕСУРСЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ У СУБЪЕКТОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

М.О. Климова, И.В. Пономарева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
E-mail: klimova.marina@list.ru; ivp-csu@yandex.ru

Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект № 17-36-01097).

Аннотация. Представлено теоретическое обоснование соотношения личностной беспомощности с особенностями реализации регулятивной функции субъекта.

Ключевые слова: психология субъекта; регулятивная функция субъекта; личностная беспомощность; контроль поведения.

Способность к саморегуляции выступает необходимым условием взаимодействия организма с окружающей средой. Постоянно изменяющиеся условия среды требуют механизмов, которые позволяли бы анализировать эти условия и корректировать свои действия в соответствии с новыми обстоятельствами. Как отмечают многие исследователи (О.А. Конопкин, А.К. Осницкий, В.И. Моросанова, Л.Г. Дикая и др.), понятие саморегуляции широко применяется не только в психологии, но и в других областях науки в отношении разнообразных систем, построенных по принципу обратной связи.

Дефицит самоконтроля лежит в основе проблем поведения человека, проявляющихся в самых разнообразных сферах: от базовых человеческих функций (например, нарушения питания) до взаимодействия с другими людьми, профессиональной деятельности и экономического поведения (неспособность распределять финансовые ресурсы). При этом стремительные изменения, происходящие в современном обществе, ускоряющийся темп требуют от человека высокого уровня способности регулировать свое поведение, решать жизненные задачи, преодолевать трудности.

Целью данной статьи является попытка установления характера соотношения контроля поведения как регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности. Достижение заданной цели позволит обнаружить соотношение между внутренним содержанием феномена личностной беспомощности и особенностями реализации регуляторной функции субъекта, создать теоретическую базу для решения прикладных задач профилактики и коррекции личностной беспомощности и развития контроля поведения.

Существует множество подходов к пониманию механизмов регуляции поведения и деятельности субъекта. Одни авторы акцентируют внимание на отдельных механизмах регуляции поведения, другие же подходят к анализу проблемы более широко, описывая целостную систему саморегуляции, построенную по принципу иерархии.

В рамках одного из подходов регуляция рассматривается как осознанный целенаправленный процесс, ключевую роль в котором играют когнитивные механизмы постановки цели, анализа условий и результатов деятельности. В рамках данного подхода авторами предлагаются различные функциональные структуры, обеспечивающие механизм саморегуляции. Так, системно-функциональная модель саморегуляции разработана О.А. Конопкиным [2]. Он отмечает, что осознанная регуляция человеком своей произвольной целенаправленной активности выступает особенно актуальной в рамках субъектного подхода, в котором способность человека сознательно организовывать свою активность, обеспечивающую достижение поставленных целей, является одной из ключевых характеристик человека [Там же].

Процесс саморегуляции деятельности, по мнению А.К. Осницкого, представляет собой реализацию комплекса регуляторных умений, которые формируются в соответствии с основными регуляторными функциями, описанными О.А. Конопкиным [5]. А.К. Осницкий вводит понятие регуляторного опыта, который является элементом более общего субъектного опыта [Там же]. Благодаря регуляторному опыту человек способен самостоятельно ставить себе задачи и последовательно действовать для их реализации.

Представления о модели осознанной саморегуляции О.А. Конопкина легли в основу концепции индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности В.И. Моросановой [4]. Под стилевыми особенностями саморегуляции она понимает «индивидуальные особенности системы саморегуляции человека, устойчиво проявляющиеся в различных видах произвольной активности, в поведении и практической деятельности» [4, с. 72]. Та-

кой подход позволил включить в систему саморегуляции элемент личностного своеобразия, отразить взаимосвязь стилия саморегуляции с различными личностными особенностями.

В рамках другого, личностного подхода авторы изучают личностные механизмы регуляции поведения, осуществляемой с опорой на мотивационные образования, ценностные и смысловые конструкты. Мотивационный подход к проблеме саморегуляции человека отразился во многих психологических концепциях воли, в которых производство новых мотивационных образований рассматривается как ключевой механизм волевого поведения (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Б.Ф. Зейгарник, Д.Н. Узнадзе, В.А. Иванников и др.). Отражением личностного подхода в психологии регуляции выступают также теории ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности (Д.А. Леонтьев, А.О. Прохоров, А.С. Шаров, В.Я. Ядов).

Смысловая регуляция жизнедеятельности представляет собой психологический уровень регуляции, основанный на совокупности смысловых образований и связей между ними [3]. Взаимодействие человека с окружающим миром неминуемо связано с проблемой выбора способов и направлений его активности в зависимости от поставленных целей, имеющихся условий и отношений, целостного контекста ситуации.

В основе концепции смысловой регуляции психических состояний А.О. Прохорова лежит предположение о том, что ситуации жизнедеятельности и их содержание могут оказывать различное влияние на субъекта, в том числе на его психическое состояние, в зависимости от смысловой организации сознания [6].

Механизм ценностной регуляции поведения отражен также в диспозиционной концепции В.Я. Ядова [10]. Регуляция поведения человека в различных социальных ситуациях осуществляется, по его мнению, на основе диспозиционных образований, организованных в определенную иерархию. На низшем уровне этой иерархии поведение регулируют элементарные фиксированные установки, они неосознанны и связаны с удовлетворением витальных потребностей. Высший уровень представлен системой ценностных ориентаций, которые регулируют поведение человека в отношении высших социальных потребностей и определяют отношение человека к жизненным целям и способам их достижения.

Несмотря на многообразие теорий и подходов, посвященных проблеме регуляции поведения, многие из них концентрируются на отдельных аспектах данного процесса. Одной из современных теорий регуляции, в которой сделана попытка интегрировать ресурсы индивидуальности в рамках единого конструкта, выступает концепция контроля поведения (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, Ю.В. Ковалева и др.).

Контроль поведения понимается как «психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля» [7, с. 18]. Контроль поведения представляет собой основу, на которой строится регуляторная деятельность человека, и предполагает участие как осознаваемых, так и не осознаваемых механизмов психической регуляции.

Понимание контроля поведения, предложенное Е.А. Сергиенко и соавт., опирается на индивидуальные ресурсы человека, интегрированные субъектом как системообразующим фактором всей системы регуляции [7]. Индивидуальные ресурсы объединяют в себе индивидуальные особенности, лежащие в трех сферах психики. В первую очередь под ними понимаются особенности интеллектуальных, когнитивных способностей анализировать и упорядочивать внешнюю и внутреннюю среду, создавать ментальные модели ситуаций и событий, ментально оперировать внутренними моделями и представлениями, подготавливать решения, способность к гибкому когнитивному контролю. Данная подсистема контроля поведения обозначена как когнитивный контроль – контролируя свое поведение, субъект использует свои интеллектуальные ресурсы. Несмотря на то, что эта подсистема чрезвычайно важна для процессов саморегуляции, она не исчерпывает всех регуляторных возможностей субъекта. В частности, обнаруживая высокий интеллектуальный ресурс, человек может столкнуться с проблемами эмоционального и волевого характера, такими как невозможность преодолеть тревогу, непоследовательность целевых действий, которые снижают уровень его достижений и в целом самореализации. Именно поэтому выделены и другие подсистемы контроля поведения – эмоциональный контроль и произвольный (волевой) контроль, которые также опираются на индивидуальные ресурсы субъекта. Эмоциональный контроль основывается на эмоциональной устойчивости, интенсивности эмоций, способности понимать собственные эмоции и различать эмоции других людей (эмоциональный интеллект). Волевой контроль проявляется в способности организовывать собственное поведение для достижения поставленных целей и преодолевать препятствия на пути их достижения. Выраженность индивидуальных ресурсов носит индивидуальный характер, поскольку соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых ресурсов у разных людей различно. В связи с этим предполагается индивидуальное своеобразие контроля поведения и предпочитаемых стилей саморегуляции [Там же].

Таким образом, контроль поведения – это единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции [Там же].

Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, в котором отражена степень интегрированности всех его психических свойств [Там же]. При этом отмечается, что субъектность человека развивается постепенно на протяжении всей его жизни и может быть представлена как уровни развития субъекта. Одним из важных в данном контексте представляется вопрос о внутренних, личностных предпосылках, которые определяют уровень развития человека как субъекта и, соответственно, уровень развития его способностей к реализации субъектных функций, в частности регуляции своего поведения.

Одной из таких предпосылок является, по нашему мнению, личностная беспомощность. Под личностной беспомощностью понимается качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности [9].

Таковыми внутренними условиями являются эмоциональные, мотивационные, когнитивные и волевые особенности личности. Внешними условиями выступают неподконтрольные события, нарушения в системе семейных взаимоотношений, причем последние являются решающими для возникновения личностной беспомощности.

Исследование беспомощности как устойчивого личностного свойства отражено в современных исследованиях Д.А. Циринг, Е.В. Забелиной, Е.В. Веденеевой, Ю.В. Яковлевой, Е.А. Евстафеевой, И.В. Пономаревой, М.О. Климовой. Данные исследования интерпретируют личностную беспомощность как устойчивую системную характеристику субъекта, изучая ее психологическое содержание, структуру, факторы формирования, взаимосвязь с противоположным феноменом – самостоятельностью. В настоящее время личностная беспомощность как устойчивое качество субъекта диагностируется при наличии таких показателей, как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Данная совокупность диагностических показателей определена в соответствии с результатами исследования психологии личностной беспомощности и эмпирически подтверждена в исследованиях Д.А. Циринг, Е.В. Веденеевой, Ю.В. Яковлевой, И.В. Пономаревой. Здесь личностная беспомощность не сводится к сумме указанных показателей, а, представляя собой целостную системную характеристику личности, обретает новые качества. В исследованиях вышеназванных авторов доказано влияние личностной беспомощности на успешность учебной, профессиональной деятельности, ее проявление в поведении личности, описано функциональное значение личностной беспомощности, верифицирована ее типология.

Исходя из высказанного ранее предположения о том, что личностная беспомощность определяет уровень развития контроля поведения как регулятивной функции субъекта, важное место в настоящем исследовании занимает вопрос о соотношении личностных и субъектных характеристик, взаимосвязи личностных особенностей и реализации субъектных функций.

В рамках системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко) субъект понимается как качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, центр согласования всех психических процессов, позволяющий осуществлять жизнедеятельность человека через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. В субъекте как единой метасистеме психики предстает в своем единстве, в субъекте же раскрывается индивидуальность человека. Субъект в контексте системно-субъектного подхода выступает стержнем психической организации [8].

Соотношение понятий личности и субъекта различными авторами понимается по-разному. Так, некоторые авторы используют понятия «личность», «субъект», «человек» как рядоположенные (С.Л. Рубинштейн, М.Ш. Магомед-Эминов). Б.Г. Ананьев, напротив, отмечает, что личность и субъект отражают разные аспекты психологической реальности даже в тех случаях, когда максимально сближаются их свойства. При этом субъект отражает совокупность деятельностей человека, в то время как личность – совокупность социальных отношений. А.В. Брушлинский отмечает, что субъект – это всегда личность, но он не сводим к личности. К.А. Абульханова пишет о том, что не всякая личность может выступать субъектом [1]. Личность становится, по ее мнению, субъектом только на высших этапах своего развития. Понятие личности, таким образом, оказывается шире понятия субъекта, который обозначает вершину ее развития, субъект проявляется как новообразование личности на высших этапах ее развития. Такого акмеологического подхода к пониманию субъекта придерживаются большинство отечественных психологов (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков). Существует и другой – эволюционный – подход, который утверждает положение о постепенном развитии человека как субъекта (Л.И. Божович, В.Н. Слободчиков, Е.А. Сергиенко). Становление субъекта происходит с ранних этапов жизни человека, личность при этом может развиваться вместе с субъектом или обнулировать себя на более поздних этапах его развития [8].

Опираясь на результаты своих многолетних исследований, В.И. Моросанова также подчеркивает, что понятия «субъект» и «личность» описывают разные аспекты мира индивидуальности человека [4]. Взаимодействие этих аспектов формирует своеобразие внутреннего мира человека и его проявление в поведении. При этом субъектные характеристики определяют индивидуальность с точки зрения особенностей саморегуляции субъектной активности на пути достижения целей, а личностные – своеобразие содержания этих целей, направленности личности, а также особенностей их достижения.

Соотношение понятий «личность» и «субъект», по мнению Е.А. Сергиенко, предстает следующим образом. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, субъект же выступает в роли исполнительного звена, которое реализует это содержание в конкретных жизненных условиях. Личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление его самоорганизации и саморазвития [7].

Личностная беспомощность, представляя собой, с одной стороны, совокупность определенных личностных особенностей и характеризуя, таким образом, личность, а с другой стороны, являясь системным феноменом, представляет собой характеристику такого способа самоорганизации личности, который обуславливает низкий уровень субъектности (Д.А. Циринг) [9, с. 171]. Исходя из положения о том, что уровень развития кон-

троля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, мы предполагаем, что личностная беспомощность, объединяющая особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сфер личности, связана с особенностями индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта, и определяет низкий уровень развития контроля поведения, что находит отражение в недостаточной эффективности регуляции поведения и, соответственно, низком уровне успешности деятельности.

Завершая проведенный анализ, необходимо сделать ряд выводов. Контроль поведения представляет собой психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей деятельности и являющийся основой самоконтроля. Контроль поведения основан на индивидуальных ресурсах человека и включает три подсистемы: когнитивный контроль, эмоциональный контроль, волевой контроль. Системообразующим фактором контроля поведения выступает субъект. Соотношение понятий «личность» и «субъект» проявляется таким образом, что личность является носителем содержания внутреннего мира человека, выступает в роли командного звена, а субъект выступает в роли исполнительного звена, которое реализует это содержание в конкретных жизненных условиях. Личностная беспомощность представляет собой системное личностное качество, сопряженное с низким уровнем субъектности. Исходя из этого, мы предполагаем, что личностная беспомощность связана с уровнем развития ресурсов контроля поведения как регулятивной функции субъекта и его индивидуальными характеристиками. В этой связи возникает ряд исследовательских задач, направленных на изучение особенностей контроля поведения у субъектов с личностной беспомощностью, его взаимосвязи с личностными характеристиками, определяющими различные уровни субъектности, изучение индивидуального своеобразия системы контроля поведения у субъектов с различными личностными особенностями.

Литература

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56–75.
2. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
4. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция человека. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. 213 с.
5. Осницкий А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Ч. 1 // Психологические исследования : электрон. науч. журнал. 2009. № 5 (7).
6. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М. : Ин-т психологии РАН, 2009. 352 с.
7. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. 352 с.
8. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.
9. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
10. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

RESOURCES OF BEHAVIORAL REGULATION IN PERSONS WITH PERSONAL HELPLESSNESS

Klimova M.O., senior lecturer of the department of psychology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: klimova.marina@list.ru

Ponomareva I.VI., candidate of psychological sciences, head of the psychology department, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: ivp-csu@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical assumptions, which point to the correlation of features of realization of the subject's regulatory function with personal helplessness. Personal helplessness is seen as a systemic quality of the subject, which is a unity of certain personal characteristics that arise as a result of the interaction of internal conditions with external ones (the system of family relationships, the experience of uncontrolled traumatic events) that determines the person's low ability to transform reality, manage the events of his life, set and achieve goals, overcoming various kinds of difficulties, thus determining a low level of subjectivity (D.A. Tsiring). The regulatory function of the subject is represented by the construct of control of behavior. Behavioral control is considered as a psychological level of regulation, as a system that includes three subsystems of regulation (cognitive control, emotional regulation, volitional behavior control), which are based on individual resources and integrated, creating an individual pattern of self-regulation (E.A. Sergienko). The level of development of control of behavior is determined by the level of development of a person as a agent of his life, in which the degree of integration of all his psychic properties is reflected. Within the framework of the system-subject approach, E.A. Sergienko, the relationship between the concepts of "personality" and "subject" appears as a correlation between the command and executive level. Personality is considered as the core structure of the subject, which determines the direction of its self-development, determines the features of the realization of the subject's functions (regulative, cognitive, communicative). Personality is the bearer of the content of the inner world of man, the subject realizes this content in specific living conditions. According to this view, the article suggests that personal impotence as a special organization of internal, personal conditions, determines the features of the realization of the subject's regulatory function, which manifest themselves in the peculiarities of cognitive, emotional, volitional control of behavior. Proceeding from the fact that the level of development of control of behavior is determined by the level of development of a person as a subject, the authors suggest that personal helplessness determines the low level of development of behavior control, which is reflected in the insufficient effectiveness of behavioral regulation and, accordingly, the low level of success of activity. The proposed vision reveals broad prospects for further research aimed, in particular, at studying the features of behavioral control in subjects with personal help-

lessness, its relationship with personality characteristics that determine the different levels of subjectivity, the study of the individual identity of the behavior control system in subjects with different personal characteristics.

Keywords: psychology of subject; the regulatory function of the subject; personal helplessness; the control of behavior.

УДК 159.96

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОНФОРМНОСТИ В РАЗНЫХ ФАЗАХ НОРМАТИВНОГО КРИЗИСА

А.А. Колмогорцева, Н.А. Шанькова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: kolmogortcevaaa@susu.ru; shankovana@susu.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей проявления конформности в разных фазах нормативного кризиса на примере кризиса перехода к взрослости.

Ключевые слова: конформность; нормативный кризис; статусы эго-идентичности.

В настоящее время наблюдается усиление интереса к социально-психологическим механизмам, которые управляют процессами, происходящими в обществе. К таким механизмам принадлежит и феномен конформности. Феномен конформности неоднократно становился предметом психологических исследований, наиболее заметными из которых стали эксперименты М. Шерифа, С. Аша, С. Милграма и В. Ключарева. Согласно Д. Майерсу [7], конформность – это изменение в поведении или убеждениях человека в результате действительного или воображаемого влияния группы или значимых людей. Конформность подразумевает не только влияние на поведение человека со стороны группы, но также и изменение образа мыслей в пользу данной группы. Так или иначе, конформность присуща каждому человеку. Д. Майерс [Там же] выделяет три вариации конформности. Во-первых, это уступчивость (compliance), которая понимается как поведение согласно гласным или негласным правилам общества при отсутствии внутреннего согласия. Во-вторых, повиновение (obedience), поведение согласно прямому приказу или команде. В-третьих, принятие (acceptance), добровольное поведение и мышление согласно социальному требованию. М. Токарева и А. Донцов [3] рассматривают конформность как качество личности, которое проявляется в податливости человека реальному или воображаемому давлению группы, в сближении его оценок и установок с первоначально не разделявшей позицию большинства членов группы.

Рассматривая причины конформности, традиционно уделяют внимание личностным характеристикам человека и различным параметрам группы, которые могут влиять на людей. Например, П. Костанцо и Р. Кратчфилд указывают, что такие критерии, как уровни интеллекта и тревожности, влияют на то, насколько человек конформен. А. Игли, У. Вуд и Л. Фишбау рассматривают половую принадлежность как фактор, влияющий на уровень конформности человека. Исследования П. Смита и его коллег [9] направлены на изучение различий в уровне конформности у разных культур. Кроме того, наиболее известные эксперименты (М. Шериф, С. Аш, С. Милграм), затрагивающие конформность, выявили влияние ситуационных факторов, таких как авторитетность, близость и количество человек, оказывающих влияние. Более того, уровень конформности человека повышается ввиду информационного воздействия (informational influence) и нормативного воздействия (normative influence) группы или одного значимого человека.

В последнее время изучение конформности движется в сторону нейропсихологии, изучаются отдельные области мозга, ответственные за проявление этого качества у человека [6]. Современные психофизиологические исследования рассматривают нервные системы в контексте их роли в феномене социального влияния, то, что в прошлом было недоступно для прямого изучения. Сегодня стало возможным проследить воздействие общества на нервные системы человека и последующие изменения его поведения и установок. Социальные психологи утверждают, что ключевая функция конформности состоит в поддержании групповой гармонии [7]. Человек, сознательно или бессознательно, определяет конфликт между своим текущим поведением или установками и тем, как ведут себя и что думают другие. Ощущение «несовпадения» с группой может порождать дистресс, что и является мотивацией к «подгонке» своего поведения под группу [5]. Следовательно, конформность может являться способом получить поддержку или принятие группы [4].

Было установлено, что передняя поясная кора головного мозга и передние отделы островковой доли (anteriorinsula) отвечают за мониторинг и распознавание конфликта, а их активность отвечает за корректирование поведения в соответствии с другими людьми [8]. Кроме того, еще одной причиной влияния окружения на человека является чувство одобрения или социальной принадлежности. Именно важность быть таким же, как окружающие, заставляет человека проявлять конформное поведение. Современные исследования показывают, что вентральная часть полосатого тела (ventralstriatum) и вентромедиальная префронтальная кора головного мозга участвуют в повышении уровня конформности человека, так как отвечают за идентификацию и обработку материальных и нематериальных стимулов, которые могут принести человеку какое-либо вознаграждение. В исследованиях конформности активность этих областей головного мозга приводила к тому, что испытуемые

«подстраивали» свои установки и действия под других людей, что может отражать ожидание некоего социального вознаграждения от согласия с группой [10].

Несмотря на достаточно обширную изученность феномена конформности, открытым остается вопрос о том, как она проявляет себя на разных стадиях психологического развития человека. Другими словами, вопрос о динамике изменения уровня конформности в процессе жизни индивида не поднимался. Известно, что психологическое развитие человека стадийно и каждый новый этап жизни характеризуется стабильным и кризисным периодами [2]. Более того, согласно исследованиям Е.Л. Солдатовой [1], человек на том или ином этапе своей жизни находится в предкритической, критической или посткритической фазе нормативного кризиса развития. Проведенные ранее исследования в области конформности не рассматривали вопрос о взаимосвязи фаз нормативного кризиса и динамики уровня конформности личности.

Первым нормативным кризисом взрослости является кризис перехода от юности к ранней взрослости. По разным оценкам этот период охватывает промежуток от 17 до 25 лет, когда завершается фаза биологического развития. С одной стороны, молодой человек завершает профессиональное обучение, переходя к самостоятельной жизни, а с другой – стремится установить интимные отношения. Данный возраст характеризуется повышением всех видов чувствительности, раскрытием психофизиологических, психических, интеллектуальных функций, завершением формирования самосознания [1]. Социальная ситуация развития человека в этом возрасте претерпевает значительные изменения: он уходит из родительского дома, создает свою семью, осваивает выбранную профессию, что ведет за собой неизбежный пересмотр своего мировоззрения, своей индивидуальности и вхождение в новую общность. Переход к независимой от родителей жизни, профессиональное становление и установление интимных отношений задают границы данного кризиса, когда человеку необходимо адаптироваться к новым ролям своей жизни. Таким образом, противоречие данного периода состоит в решении задач самоопределения при одновременной незрелости и скудности жизненного опыта.

Анализ литературы показал, что до сих пор конформность изучалась через призму социальных условий, ее определяющих. В связи с этим наиболее подробно были изучены ситуативные и личностные факторы конформности. Однако вопрос о влиянии закономерных личностных кризисов, обусловленных изменениями значимых сторон системы отношений личности на конформность человека, до сих пор не изучался. Поскольку молодые люди, входящие во взрослую жизнь, наиболее остро чувствуют противоречие между стремлением соответствовать социальным ожиданиям и мотивацией к сохранению собственной индивидуальности, что ведет к внутреннему конфликту, период перехода от юности к взрослости становится актуальным для изучения.

В пилотном исследовании приняли участие 51 человек в возрасте от 18 до 23 лет, в том числе 13 юношей и 38 девушек. Респондентам предлагалось заполнить психодиагностические методики, направленные на изучение фаз нормативного кризиса и уровня конформности. Для определения фазы нормативного кризиса испытуемым было предложено ответить на вопросы теста структуры эго-идентичности (СЭИ-тест) Е.Л. Солдатовой. Данный тест состоит из 50 пунктов, которые содержат по три предоставленных варианта на выбор. Оценка полученных данных проходит по трем показателям: автономия, сомнение и фиксация. Автономия предполагает сознательный выбор обязательств, формирование собственной системы ценностей и целей в результате состоявшегося поиска эго-идентичности. Фиксация означает некритичное принятие обязательств без осуществления самостоятельного поиска, идеализированный образ мира и себя в нем, отсутствие гибкости. Показатель сомнения свидетельствует о том, что личность находится в процессе осмысления, оценки и поиска целей и ценностей своей жизни, но выбор еще не состоялся. Величины данных показателей определяют статусы достигнутой (автономной), диффузной (спутанной) и предрешенной эго-идентичности. Статусу достигнутой эго-идентичности соответствуют высокий показатель автономии, низкие показатели фиксации и сомнения. Статусу диффузной эго-идентичности соответствует соотношение: высокий показатель сомнения – низкие показатели фиксации и автономии. Статус предрешенной эго-идентичности характеризуется высоким показателем фиксации и, соответственно, низкими показателями сомнения и автономии.

Для изучения уровня конформности был использован индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчика. Данный опросник включает в себя 91 утверждение, на которые респондент отвечает либо «да», либо «нет». Оценка результатов производится по 7 основным шкалам, оценивающим 4 пары полярных качеств: Экстраверсия – Интроверсия, Спонтанность – Сензитивность, Агрессивность – Тревожность, Ригидность – Лабильность. На основании данных качеств выделяются стили межличностного поведения: Лидерство – Зависимость, Конформность – Неконформность, Индивидуализм – Коммуникативность и Конфликтность – Копромисность. Для данного исследования были взяты шкалы «Тревожность» и «Сензитивность», на стыке свойств которых находится показатель «Конформность». Конформность как стиль поведения базируется на типологических свойствах неуверенности в себе и избыточной ориентированности на общепринятые нормы поведения.

В качестве метода математической обработки данных использовались первичные описательные статистики, непараметрические методы сравнения выборок (Н-критерий Краскела–Уоллеса, U-критерий Манна–Уитни). Математическая обработка данных проводилась с применением стандартизованного пакета программ IBM SPSS Statistics 19.

По результатам СЭИ-теста выборка респондентов была разделена на 3 группы в зависимости от фазы нормативного кризиса. I фаза нормативного кризиса (N = 21) – фаза фиксации, характеризуется предрешенной

эго-идентичностью; II фаза (N = 12) – фаза сомнения, характеризуется диффузной эго-идентичностью; III фаза (N = 18) – фаза автономии, характеризуется достигнутой эго-идентичностью.

Затем были проанализированы данные, полученные при помощи индивидуально-типологического опросника. Поскольку «Конформность» как стиль поведения находится на стыке типологических свойств «Сензитивность» и «Тревожность», чем выше показатели по этим двум параметрам, тем выше показатель «Конформность». Суммы параметров «Сензитивность» и «Тревожность», полученных в результате проведения диагностики у трех групп респондентов, сравнивались между собой для выявления различий в уровне конформности. Результаты сравнений представлены в табл. 1–4.

Т а б л и ц а 1

Сравнение групп респондентов в I, II и III фазах нормативного кризиса по уровню конформности

Наименование показателя	Средний ранг, I фаза	Средний ранг, II фаза	Средний ранг, III фаза	Критическое значение Краскела–Уоллеса	Уровень значимости
Уровень конформности	27,24	36,25	17,72	11,532	0,003

Т а б л и ц а 2

Сравнение групп респондентов в I и II фазах нормативного кризиса по уровню конформности

Название показателя	Сумма рангов, I фаза	Сумма рангов, II фаза	U-критерий Манна–Уитни	Уровень значимости
Уровень конформности	307,50	253,50	76,500	0,062

Т а б л и ц а 3

Сравнение групп респондентов в I и III фазах нормативного кризиса по уровню конформности

Название показателя	Сумма рангов, I фаза	Сумма рангов, III фаза	U-критерий Манна–Уитни	Уровень значимости
Уровень конформности	495,50	284,50	113,500	0,033

Т а б л и ц а 4

Сравнение групп респондентов во II и III фазах нормативного кризиса по уровню конформности

Название показателя	Сумма рангов, II фаза	Сумма рангов, III фаза	U-критерий Манна–Уитни	Уровень значимости
Уровень конформности	259,50	205,50	34,500	0,002

Как видно из табл. 1–4, существуют статистически значимые различия в уровне конформности между группами респондентов в I и III фазах нормативного кризиса перехода к взрослости и между группами респондентов во II и III фазах нормативного кризиса перехода к взрослости. При этом стоит отметить, что статистически значимых различий в уровне конформности между группами респондентов во I и II фазах нормативного кризиса перехода к взрослости не обнаружено.

Согласно Е.Л. Солдатовой, нормативный кризис развития опосредован противоречием между личностными преобразованиями, которые характерны возрасту, и выработанными в культуре возрастными задачами развития личности. В I фазе нормативного кризиса развития выборы и ценности человека предпрешены внешне заданными образцами. Другими словами, личность руководствуется не результатом самостоятельного поиска и выбора ценностных ориентаций, а в основном осуществляет выбор на основе идентификации с родителями или другими значимыми людьми. Это подтверждается полученными данными: относительно высокий уровень конформности был выявлен у группы респондентов в I фазе нормативного кризиса в период перехода к взрослости. В апогее нормативного кризиса внутренний конфликт проявляется острее всего; эго-идентичность человека размыта, он теряет ориентиры в жизни. Собственные ценности человек пересматривает. Поэтому показатели тревожности и сензитивности у группы респондентов во II фазе нормативного кризиса перехода к взрослости образовали высокий уровень конформности. Это может свидетельствовать о том, что в критической фазе нормативного кризиса человек готов следовать за другими, руководствуясь в своем поведении их ценностями и установками, так как это дает ему чувство уверенности и определенности. Данное положение также подтверждается экспериментом С. Аша, в котором группа «конформистов» объясняла свое поведение сильным внутренним конфликтом, связанным с расхождением своего мнения и мнения группы. Наименьший уровень конформности был выявлен у группы респондентов в посткритической фазе нормативного кризиса развития в период перехода к взрослости. Исходя из теории развития Е.Л. Солдатовой о нормативных кризисах, в посткритической фазе личность обретает автономную эго-идентичность. Человек, прошедший период кризиса и самоисследований, сформировал определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений. Такой человек знает, кто он, чего он хочет, соответственно структурируя свою жизнь. Как след-

стве, уровень конформного поведения, вызванный повышенной тревожностью, наблюдается в данной фазе реже всего, по сравнению с другими фазами нормативного кризиса.

В результате проведенного пилотного исследования было установлено, что конформность различается в разных фазах нормативного кризиса развития. Так, установлено, что в предкритической и критической фазе показатель конформности наиболее высокий. Наименьший показатель по уровню конформности наблюдается у респондентов в посткритической стадии нормативного кризиса, когда «Я-реальное» и «Я-идеальное» человека приходят в равновесие. Для дальнейшей разработки проблематики необходимо увеличить выборку респондентов. Кроме того, интерес представляют и другие возрастные группы, в которых конформность может иметь свои особенности проявления в разных фазах нормативного кризиса.

Литература

1. Солдатова Е.Л. Психологическое содержание нормативных кризисов развития взрослости взрослого человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2008. № 31 (131). С. 39–47.
2. Солдатова Е.Л. Системогенез личности: кризисы и идентичность: учеб. пособие. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2009. 179 с.
3. Токарева М.Ю., Донцов А.И. Меньшинство как источник социального влияния // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 50–61.
4. Cascio C.N., O'Donnell M.B., Bayer J.B., Tinney F.J., Falk E.B. Neural correlates of susceptibility to group opinions in online word-of-mouth recommendations // Journal of Marketing Research. 2015. Vol. 52 (4). P. 559–610.
5. DeWall C.N. Forming a basis for acceptance: excluded people form attitudes to agree with potential affiliates // Social Influence. 2010. Vol. 5, № 4. P. 245–260.
6. Klucharev V., Hytonen K., Rijpkema M., Smidts A., Fernandez G. Reinforcement learning signal predicts social conformity // Neuron. 2009. Vol. 61, № 1. P. 140–151.
7. Myers D.G. Social psychology. New York : McGraw-Hill, 2009. 759 p.
8. Ruff C.C., Fehr E. The neurobiology of rewards and values in social decision making // Nature Reviews Neuroscience. 2014. Vol. 15. P. 549–562.
9. Smith P.B., Bond M.H., Kagitcibasi C. Understanding social psychology across cultures: living and working in a changing world. London : Sage, 2006. 232 p.
10. Zaki J., Schirmer J., Mitchell J.P. Social influence modulates the neural computation of value // Psychological Science. 2011. Vol. 22. P. 894–900.

CONFORMITY DEVELOPMENT AT DIFFERENT STAGES OF THE NORMATIVE CRISIS

Kolmogortseva A.A., South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: kolmogotcevaaa@susu.ru

Shankova N.A., South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: shankovana@susu.ru

Abstract. This paper examined conformity development at different stages of the normative crisis using the example of adulthood transition crisis. The paper highlights different approaches to conformity by Russian and Western psychologists and analyzes the current challenges in studying and understanding conformity. The concept of conformity comes under scrutiny in the era of media and social control. Due to the person making decisions in preparation for their future during the adulthood transition, this period plays a crucial role in establishing a set of priorities and values for the rest of their lives. During this period, young people are especially sensitive to social influence. Studying conformity through the lens of the normative crisis enables to better understand the concept and apply the results to working with students and help them fight the negative impact of social influence. The study applied the Ego-Identity Structure Test by E. Soldatova and Individual Typology Questionnaire by L. Sobchik. The results showed the difference between conformity levels at different stages of the normative crisis. During the pre-critical and critical stages, the level of conformity was the highest. During the post-critical stage, when the “I-the-real” and “I-the-ideal” concepts are in balance, the level of conformity proved to be the smallest.

Keywords: conformity; normative crisis; ego-identity statuses.

УДК 159.9.01

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ: ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. Корытова¹, Г.С. Корытова^{1,2}

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия

E-mail: alyona-korytowa@yandex.ru; gkorytova@yandex.ru

Аннотация. В историко-хронологической последовательности представлены результаты аналитического обзора исследований в области изучения литературно-художественного творчества и личностных особенностей профессиональных писателей и литературно одаренных лиц.

Ключевые слова: психология творчества; литературно-художественное творчество; личность писателя; литературная одаренность; профессионально-значимые качества; эмпатия.

Введение. Попытки постижения сокровенных сторон литературной деятельности, тайны творчества «художников слова» – прозаиков, поэтов, драматургов, сценаристов, беллетристов, литературных критиков и др. – традиционно вызывают огромный интерес со стороны специалистов, занимающихся исследованием психологии писательского творчества. Теоретическое значение проблемы изучения литературно-художественного творчества чрезвычайно важно для постижения природы литературного искусства и понимания творческих особенностей личности писателя, для познания психологических процессов создания художественных произведений. Заметный вклад в изучение психологических оснований творческой деятельности писателей и литературно одаренной личности был сделан не только специалистами в области психологии творчества, но также и искусствоведами и литературоведами, хотя большей частью в форме попутных экскурсов. Немало интересного и ценного материала, отражающего психологические особенности «творческой лаборатории» можно обнаружить и в работах самих писателей, однако весь он практически не был подвергнут систематическому анализу, не сводился в единую и цельную систему. Безусловно, предпосылки для развития психологии творчества в современной психологической науке существуют. Однако камнем преткновения выступает слабая разработка методологических принципов и методов исследования, которая заметно отразилась на всей истории становления и развития психологии художественного творчества. Современная психологическая наука до сих пор не имеет методологических оснований, на которые можно было бы опираться при изучении специфики и процессов литературно-художественного творчества. Вместе с тем современная психологическая наука располагает методами психологической диагностики профессионально значимых для писателей и литературных работников качеств личности.

Обзор литературы. Довольно долгое время предпринимаемые попытки научного изучения акта литературно-художественного творчества и личности писателей, по сути, сводились к применению различных модификаций биографического метода. Его родоначальником, как известно, был французский литературовед Ш. Сент-Бев (1804–1869). Историко-социальные факты из биографии того или иного писателя, характеризующие его личность, в исследованиях многочисленных последователей и эпигонов Ш. Сент-Бева соседствовали с конструированием «трудов и дней» творческой личности. Они считали, что содержание литературно-художественного произведения может рассматриваться как прямое отражение личности писателя и его истории жизни, пытаясь для каждого литературного образа найти прототип либо преломление конкретного биографического факта из личной истории писателя. Предпринимаемые с целью понять сквозь призму личности писателя его литературно-художественную творческую деятельность усилия, изолированные от широкого социально-исторического фона, показали бесперспективность и невысокую результативность этого направления. Как ответная реакция на эти попытки впоследствии проявилась тенденция полного пренебрежения к субъекту литературно-художественного творчества, проявляющаяся в признании того, что познание личности творца ничего не прибавляет к пониманию процесса создания литературного произведения.

Достаточно долгое время (вторая половина XIX – начало XX в.) популярными в мире считались психопатологические теории и взгляды европейских врачей-психиатров (М. де Тур, Ч. Ломброзо, М. Нордау и др.), истолковывающие феномены гениальности и литературно-художественного творчества выдающихся писателей (Джонатан Свифт, Эдгар По, Эрнест Хемингуэй, Фридрих Ницше, Франц Кафка, Ги де Мопассан, Вирджиния Вулф, Николай Гоголь и др.) ментальными расстройствами. Однако подобные вульгаризаторские подходы и позитивистские попытки объяснения природы художественного творчества оказались нерезультативными и полностью дискредитировали себя в глазах серьезных ученых.

Отчетливая тенденция изучения творческой деятельности писателя с объективных позиций начала заметно выражаться в первой половине XX столетия (в послеоктябрьские годы) наряду с появлением работ, эклектически соединявших различные, плодотворные и одновременно бесперспективные и ошибочные, подходы к проблеме изучения литературно-художественного творчества. Все более очевидным становился тот факт, что познание закономерностей творчества возможно лишь при рассмотрении его в качестве отражения субъективно преломленной в сознании писателя объективной реальности. Особенно значимой в этом направлении выступила работа «В мастерской художника слова», опубликованная в 1923 г. выдающимся отечественным литературоведом А.И. Белецким. Решительно отрицая интуитивистские теории творчества, ученый писал: «...литературное творчество не следствие некоего помешательства, а деятельность разумная и целесообразная, как и другие виды умственного труда... Мысль о полной произвольности, как и мысль об импровизационном характере поэтического творчества, нужно значительно ограничить» [10, с. 9]. Опираясь на свидетельства и показания выдающихся классиков зарубежной и отечественной литературы, А.И. Белецкий приходит к выводу о необходимости тщательного изучения психологических закономерностей литературно-художественного творчества писателей.

Заметный переворотом в изучении личности писателя воспринимались открывшиеся в начале XX столетия связи биографического метода с новыми научными школами и направлениями психологической науки. Среди них наиболее востребованной оказалась психодинамическая теория личности (психоанализ), созданная австрийским психотерапевтом З. Фрейдом, опиравшимся на представления о бессознательном в психической жизни индивида. Для сторонников и последователей психоаналитических воззрений З. Фрейда принципиально важными и практически значимыми были попытки применения ассоциативных методов и техник психодинамической терапии к толкованию вопросов литературы и изобразительного искусства. Возникновение творческих замыслов у писателя и их характер фрейдисты объясняли неосознаваемыми влечениями и биологическими ин-

стинктами. Аргументация в пользу обозначенной точки зрения, проблема роли бессознательного в литературном творчестве, выявляемая в самоотчетах известных писателей об особенностях состояния творческого вдохновения, рассматривались в работах неопрейдистов (Х. Томэ, К. Кэхеле, Ж. Деррида, К. Герген, П. Куттер, Х. Спотниц, Р. Харре С. Жижек и др.). Предпринятые президентом Русского психоаналитического общества (1922–1925 гг.) И.Д. Ермаковым и другими российскими исследователями (Г.В. Сегалин, Н.Е. Осипов, Т.К. Розенталь, А.Н. Бернштейн, М.В. Вульф и др.) попытки перенесения психоаналитических идей в изучении личности писателя на российскую почву довольно убедительно продемонстрировали свою полную обоснованность. Разносторонний анализ личности и творчества писателя, писал И.Д. Ермаков в одной из своих работ о Достоевском, «по плечу только исследователю-специалисту в области соответствующей литературы, но при условии, если он вооружен психоаналитическим методом» [4, с. 300].

Повышенный интерес к изучению психологии литературно-художественного творчества в Советском Союзе способствовал появлению научной серии «Вопросы теории и психологии творчества», включающей восемь сборников статей, опубликованных в нашей стране в период с 1907 по 1923 г. В них были представлены ценные наблюдения и общие соображения, касающиеся «индивидуального своеобразия творческой личности, стремления учитывать при ее характеристике конкретные факты духовной биографии писателя и материалы самонаблюдений над ходом создания художественных произведений. Но верные наблюдения исследователей часто вступали в противоречие с их общими идеалистическими воззрениями на природу искусства и, во всяком случае, не опирались на систему позитивных методологических принципов. Казалось маловероятным проникновение в такую сложную область, как сознание творческой личности и постижение законов творческого труда писателя. И тем не менее задачи поисков в этом направлении вставали на очередь дня» [9, с. 9]. Вместе с тем, согласно мнению Б.С. Мейлаха, основной теоретический принцип – психологизм, которого придерживалось большинство представленных в научном сборнике авторов, не позволял им «вырваться из тисков солипсизма» [Там же].

Дальнейшее переосмысление психологических концепций с позиций марксистской науки, поиск новых методов изучения личности и ее творчества, в том числе литературного, приводят выдающегося отечественного психолога Л.С. Выготского к пониманию ограниченности возможностей психоанализа в изучении психологии творчества писателя, обозначенному в его работе «Психология искусства» (написана в 1925 г., впервые издана в 1965 г.) [2]. Среди значительных исследований того периода, рассматривающих психологические аспекты литературного творчества, наиболее известны книга литературоведа и переводчика Б.А. Грифцова («Психология писателя») и статьи теоретика культуры и искусства М.М. Бахтина, представленные в сборнике его трудов «Эстетика словесного творчества» [3].

Выраженное внимание к психологии литературного творчества, теоретическим проблемам познания личностных особенностей и творческой деятельности писателя проявилось в нашей стране во второй половине XX столетия. В частности, можно обозначить ряд работ, среди которых в первую очередь стоит назвать такие, как «Психология литературного творчества» А.Г. Ковалева (1960), «Труд писателя. Вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда» А.Г. Цейтлина (1962), «Психология искусства» Л. С. Выготского (1965), «Писатель и его работа» Г.М. Ленобля (1966), проникнутых утверждением диалектических взглядов на литературно-художественное творчество и критикой его идеалистических теорий [2, 5, 7, 10]. Болгарский историк литературы М.П. Арнаудов в опубликованной в 1970 г. в СССР монографии «Психология литературного творчества» отмечает, что многие выдающиеся писатели подчеркивали бессознательную активность духа в созидательном процессе литературного творчества. В книге «Психология литературного творчества» подводится закономерный итог многолетнему изучению М.П. Арнаудовым различных психологических аспектов литературно-художественного творчества и особенностей творческого процесса с диспозиций личности творца художественного произведения, его опыта, воображения, умения наблюдать и воспринимать происходящее. Раскрывая те или иные стороны творчества известных отечественных и болгарских писателей, ученый иллюстрирует свои идеи и мысли обширным фактическим материалом из области мировой художественной литературы [1]. Но и «в лучших из этих книг все-таки сказалась недостаточная разработка общих методологических принципов, особенно важных для превращения психологии творчества в науку, обладающую всеми признаками самостоятельной области знаний, системой специальных подходов и методов изучения» [9, с. 10].

В 1979 г. в Москве на базе Всесоюзного НИИ искусствознания состоялся круглый стол Комиссии комплексного изучения художественного творчества, созданный при Научном совете по истории мировой культуры Академии наук СССР. Темой встречи ученых выступили проблемы упорядочения и развития терминологии, используемой в исследованиях литературы и процессов литературно-художественного творчества. В совещании приняли участие специалисты в области психологии, литературоведения, философии, эстетики, лингвистики, театроведения, изобразительного искусства, музыковедения, других гуманитарных и общественных наук. По итогам работы круглого стола был опубликован сборник научных статей «Психология процессов художественного творчества», посвященный проблемным вопросам одной из наиболее актуальных областей современной науки об искусстве и художественной литературе – психологии литературного творчества писателей. С учетом сложности и малой разработанности психологии литературно-художественного творчества как области научного знания авторами сборника «Психология процессов художественного творчества» было принято решение о преимущественном рассмотрении в нем методологических проблем, в центр которых поставлен предмет психологии художественного творчества как объективный процесс [9].

В последние десятилетия появился ряд литературоведческих работ, посвященных психологии творчества, а также научные публикации и диссертации. Становление психологии литературного творчества как научного направления происходило на стыке различных наук, было посвящено «изучению созидającego субъекта-творца и продуктов его деятельности. Констатацией того, что этап становления психологии литературного творчества как нового научного направления исследований завершился, можно считать вполне удачные попытки понятийного описания анализируемого феномена, его дифференциации от других отраслей и направлений психологической науки» [6, с. 167].

Методология, результаты исследования. В рамках изучения профессионально значимых качеств писателя нами была проведена психодиагностика эмпатии у литературно одаренных личностей. Метод изучения эмпатии как профессионально важного личностного качества применим к различным видам творческой деятельности человека (в педагогической, медицинской, психологической, рационализаторской, изобретательской, управленческой деятельности, в процессе художественного творчества и др.). В ситуациях проявления эмпатии происходит как бы слияние субъекта с объектом литературной деятельности, что требует немало воображения и фантазийности; осуществляется активизация фантастических представлений и образов, приводящая к отысканию оригинальных идей и снятию барьеров «здорового смысла» и неосознаваемых механизмов психологической защиты. Как правило, эмпатийные свойства и качества личности оказываются широко задействованными при решении творческих задач в литературно-художественной деятельности. Вполне очевидно, что подавляющему большинству успешных писателей свойственно высокое развитие способностей к эмпатии. Широко известно, что крупнейший европейский писатель XIX в. Гюстав Флобер говорил о героине своего романа «Госпожа Бовари»: «Мадам Бовари – это я!» Характеризуя творческий процесс, известный русский писатель Максим Горький в адресованной начинающим литераторам статье «О том, как я учился писать» особое внимание уделял работе воображения и познания, а также эмпатийным проявлениям – умениям вчувствоваться во внутреннее психологическое состояние окружающего мира: «В борьбе за жизнь... и истинную самозащиту природа развила в человеке две мощные творческие силы: познание и воображение. Познание – это способность наблюдать, сравнивать, изучать явления природы и факты социальной жизни, короче говоря: познание – есть мышление. Воображение тоже в сущности своей мышление о мире, но мышление по преимуществу образами, “художественное”, можно сказать, что воображение – это способность придавать стихийным явлениям природы и вещам человеческие качества, чувствования, даже намерения» [8, с. 38].

Существование специфики эмпатии как профессионально значимого личностного качества писателя обуславливает необходимость более глубокого ее изучения. С этой целью на протяжении 2002–2016 гг. проводилась психологическая диагностика начинающих писателей и литературно одаренных студентов ряда сибирских университетов (Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Томск), обучающихся по направлениям «Филология», «Журналистика» и специальности «Литературное творчество». Общий объем выборочной совокупности (в силу объективных ограничений) составил 17 человек. Психодиагностика проявлений личностной эмпатии у испытуемых проводилась путем метода включенного наблюдения, контент-анализа текстов литературных произведений начинающих авторов и устного опроса (беседы) с включением элементов методики «Диагностика эмпатии» (А. Меграбян, Н. Эпштейн). Полученные эмпирические данные дают основание считать, что более половины молодых литераторов (64,7%), составивших выборочную совокупность, имеют высокий уровень развития личностной эмпатии. Лица с высоким уровнем эмпатии проявляют постоянную заинтересованность делами окружающих, их личной жизнью. Они довольно пластичны, гибки и легко адаптируемы к смене социальной обстановки, чутко реагируют на настроение своей референтной группы и каждого ее члена по отдельности, привычно проявляют эмоциональную отзывчивость, сочувствие и сопереживание к своим близким и знакомым. Данный факт находит отражение в художественно-литературном творчестве молодых писателей и его продуктивности. Почти каждый четвертый участник нашей выборки (23,5%) продемонстрировал практически полную неспособность проявлять эмпатию к своему окружению. А поскольку данный личностный конструкт является собой одно из профессионально значимых качеств личности писателя, то становится достаточно очевидным, что литературная деятельность обозначенной категории испытуемых может иметь затруднения в плане вербализации (описания) своих мыслей и образов и высокую вероятность алекситимических проявлений (слово «алекситимия», с древнегреческого буквально переводимое как «без слов для чувств», обозначает снижение способности индивида в вербализации и определении эмоций других людей и своих собственных). У остальных 11,8% респондентов из выборочной совокупности был выявлен средний уровень эмпатии (такие люди ситуативно демонстрируют сочувствие, сопереживание и эмоциональную отзывчивость к своим близким и социальному окружению), расцениваемый как допустимый в литературной деятельности. Можно ожидать, что данная категория начинающих писателей не всегда чутко и адекватно реагирует на эмоциональное состояние и настроение окружающих и, соответственно, имеет определенные трудности в описании внутреннего мира и поступков героев своих литературных произведений.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Подводя итоги анализа полученных в эмпирическом исследовании данных, стоит констатировать, что научная разработка психологических основ литературно-художественного творчества требует дальнейшего вдумчивого продолжения. Данная проблемная область современной отечественной психологической науки находится в ожидании новых заинтересованных в ее дальнейшем развитии исследователей. Проведенное исследование не может претендовать на полную завершенность

и требует дальнейшего изучения личностных и профессионально значимых качеств писателя, в ряду которых в первую очередь могут быть обозначены такие, как талант (писательское дарование), внутреннее чувство языка, впечатлительность, умение слушать, наблюдательность, творческая фантазия, воссоздающее воображение, объем памяти, логичность и ясность ума.

Литература

1. Арнаудов М.П. Психология литературного творчества. М. : Прогресс, 1970. 655 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. М. : Искусство, 1965. 378 с.
3. Грифцов Б.А. Психология писателя. М. : Худ. лит., 1988. 462 с.
4. Ермаков И.Д. Психоанализ литературы: Пушкин. Гоголь. Достоевский. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 509 с.
5. Ковалев А.Г. Психология литературного творчества. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1960. 136 с.
6. Кoryтoвa A.И., Кoryтoвa Г.С. Психология литературного творчества как научное направление: этап становления (последняя треть XIX – первая половина XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 11 (176). С. 162–169.
7. Ленобль Г.М. Писатель и его работа. М. : Сов. писатель, 1966. 396 с.
8. Морозов А.В. Деловая психология. М. : Академический проект, 2005. 571 с.
9. Психология процессов художественного творчества : сб. статей / отв. ред. Б.С. Мейлах, В.А. Хренов. Л. : Наука, 1980. 286 с.
10. Цейтлин А.Г. Труд писателя: вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда. М. : Сов. писатель, 1962. 591 с.

PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES OF WRITER'S PERSONALITY: HISTORICAL AND CHRONOLOGICAL DISPOSITIONS OF RESEARCH

Korytova A.I., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University, Siberian State Medical University, Tomsk, Russia. E-mail: alyona-korytova@yandex.ru

Korytova G.S., doctor of psychology, professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia. E-mail: gkorytova@yandex.ru

Abstract. In the article we present the analytical review of the domestic and foreign studies in the literary creativity and personality traits of professional writers and literary-gifted persons in historical and chronological sequence. We show that the specialists not only in the field of psychology of creativity, but also in the field of literature and art critics made a significant contribution to the study of psychological fundamentals of creative literary activity. In addition, we indicate that for quite a long time the efforts to research the act of literary creation and to study psychological traits of writer's personality were limited by the use of variants of biographical method. The connection between the biographical method and new research schools and directions in psychological science, opened at the beginning of the 20th century, became a radical change in learning the identity of a writer. We give evidence that one could learn the laws of literary creation only when seeing them as a reflection of objective reality, subjectively refracted in the mind of a writer. We specify that the explicit attention to the theoretical issues of creative activity of a writer and the psychology of literary creativity manifested itself fully in Russia in the second half of the twentieth century. We note that an obstacle to the study of psychological fundamentals of literary creation nowadays is a weak development of methodological principles and research methods, which affects variously the whole history of the psychology of literary creativity. The article presents psychometric data for the study of the manifestations of empathy from aspiring writers and literary-gifted individuals. We suggest promising directions for further research and scientific development of the psychological foundations of literary creativity and professionally significant writer's qualities.

Keywords: psychology of creativity; literary creativity; the writer's personality; literary talent; professionally-important qualities; empathy.

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.М. Краснорядцева, Э.А. Щеглова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: krasnoo@mail.ru; sea1506@mail.ru

Аннотация. Обсуждается проблема психологической готовности к образовательному взаимодействию преподавателей современного вуза. Представлен сравнительный анализ результатов исследований (2006, 2010, 2017 гг.), намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: образовательное взаимодействие; психологическая готовность, ценностная готовность к образовательному взаимодействию, асинхроничность.

Постановка проблемы. В современной психолого-педагогической литературе понятие «образовательное взаимодействие» можно отнести к уже устоявшимся [1–4 и др.]. Достаточно широко употребляемым явля-

ется оно сегодня и в образовательной практике в условиях растущего разнообразия образовательных сред, в том числе инновационных. В профессиональном плане педагог теперь все чаще востребован не как «транслятор культуры», не как «информатор», не как человек, формирующий систему знаний, умений и навыков, но как медиатор, посредник между культурой и развивающейся личностью, призванный обеспечивать процесс трансформации культуры в такую картину мира, которая имеет целостный, ценностный и смысловой характер [4]. И тогда речь идет уже не столько об учебном, сколько о подлинном образовательном взаимодействии, результатом которого является переструктурирование ценностных составляющих образа мира как обучающихся, так и педагогов, приводящее к открытию для себя нового пространства для актуализации нереализованных возможностей (в том числе и профессиональных).

Конечно, любое взаимодействие преподавателя со студентами обладает определенным порождающим эффектом. Однако преподаватель, ориентируясь на сосуществующие сегодня научно-технологические подходы в определении содержания образования (когнитивно-ремесленный, деятельностный, компетентностный, антропологический) [6], встает перед необходимостью рефлексивного самоопределения собственной профессионально-педагогической позиции. В этой связи представляется важным собственно психологический контекст феномена профессиональной позиции, обозначенный В.И. Слободчиковым как единство профессионального сознания и профессиональной деятельности, где сама деятельность оказывается одним из способов реализации базовой ценности [7]. В рамках данных построений становится очевидным, что доминирующие ценностно-смысловые составляющие профессионального образа мира как базальные характеристики профессионального сознания педагога проявляются как в содержании и направленности профессиональной деятельности по организации и реализации образовательного взаимодействия, так и в психологической готовности к нему. Психологическая готовность человека к тому или иному виду деятельности традиционно предполагает наличие разных компонентов: мотивационного, ориентационного, операционально-технологического, волевого, оценочного. Анализ многолетнего собственного опыта работы в системе повышения квалификации преподавателей вуза позволяет авторам статьи констатировать в качестве актуальной исследовательской проблемы усиливающуюся асинхроничность ценностных и операционально-технологических компонентов психологической готовности вузовских педагогов к образовательному взаимодействию. Особую значимость эта проблема обретает в условиях форматов онлайн-образования, смешанного образования, которые происходят сегодня под значительным влиянием «обезличенных» коммуникаций. А когда речь идет о технологической стороне образовательного взаимодействия как процессе постановки и решения «задач на смысл», «задач на ценность», в котором участники образовательного процесса могут раскрыть ценностно-смысловые составляющие своего образа мира, обуславливающего выбор определенной жизненной (в том числе и профессиональной) позиции [4], то вопрос о ценностной готовности преподавателя является определяющим. Тем более что среди важных work skills профессионалов ближайшего будущего в последнее время стали называть и способность к созданию смыслов.

Методы исследования. Для исследования ценностной компоненты психологической готовности преподавателя к образовательному взаимодействию был использован прием первичной экспресс-диагностики профессиональной ментальности педагогов [5]. Педагогам предлагалось отметить степень согласия или несогласия с 40 высказываниями, отражающими различные точки зрения на образовательный процесс и принадлежащими как известным, так и не очень известным педагогам и психологам. Содержательная дифференциация предлагаемых высказываний основывается на выделении трех аспектов ценностной готовности к педагогической деятельности: доминирующая психолого-дидактическая направленность; доминирующая ориентация профессионально-педагогического взаимодействия; доминирующая позиция по отношению к базовой сущности культурного опосредствования. Анализируя степень согласия (или несогласия) с предлагаемыми высказываниями, в той или иной мере затрагивающими представления о сути и направленности изменений в современном образовании, исследователь получает возможность реконструировать (воссоздать) реально сложившуюся у конкретного педагога систему профессиональных ценностей, во многом определяющую характер и стратегию профессионально-педагогической позиции.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование специфики и динамики ценностной компоненты психологической готовности преподавателей к образовательному взаимодействию проводилось в три этапа: в 2006, 2010 и 2017 гг., с преподавателями различных вузов РФ, выбравшими для повышения квалификации программы «Психолого-дидактические компетенции преподавателя в условиях модернизации высшей школы», «Психолого-педагогические компетенции преподавателя вуза в соответствии с требованиями ФГОС». Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics. Для сравнения средних значений выборок психологической готовности преподавателей к образовательному взаимодействию в 2006, 2010 и 2017 гг. применялся однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Для идентификации пар выборок, отличающихся друг от друга средними значениями, использовались апостериорные критерии парных сравнений (Post Hoc).

Анализ результатов дисперсионного анализа показал, что системы профессиональных ценностей у педагогов относительно принятия / отвержения ими традиционного подхода в образовательном взаимодействии в 2006, 2010 и 2017 гг. статистически значимо не отличаются ($F = 1,478$; $p = 0,240$). В каждый из исследуемых периодов преподаватели преимущественно демонстрируют непринятие, отвержение значительной части ценностей объектно-ориентированного подхода в образовательной практике. При этом относительно принятия / отвержения системы профессиональных ценностей нетрадиционного подхода в образовательном взаимодействии

в трех группах педагогов были обнаружены статистически значимые различия ($F = 9,465$; $p < 0,001$). Результаты исследования свидетельствуют о том, что в 2010 г. преподаватели в большей степени ($p \leq 0,01$), чем их коллеги в 2006 и 2017 гг., были ориентированы на ценности нетрадиционного подхода, субъект-субъектного педагогического взаимодействия. На наш взгляд, следует обратить внимание на тот факт, что в 2017 г. преподаватели демонстрируют существенное снижение ориентации на ценности нетрадиционного подхода в образовательном взаимодействии, по сравнению с 2010 и 2006 гг. ($p < 0,001$ и $p = 0,013$ соответственно).

Результаты сравнительного анализа степени принятия / отвержения преподавателями профессиональных ценностей традиционного и нетрадиционного подходов как значимого показателя профессионально-педагогической позиции (по результатам исследований, проведенных в 2006, 2010 и 2017 гг.) графически представлены на рис. 1–3.

Рис. 1. Степень принятия / отвержения преподавателями системы ценностей традиционного и нетрадиционного подходов (2006 г.)

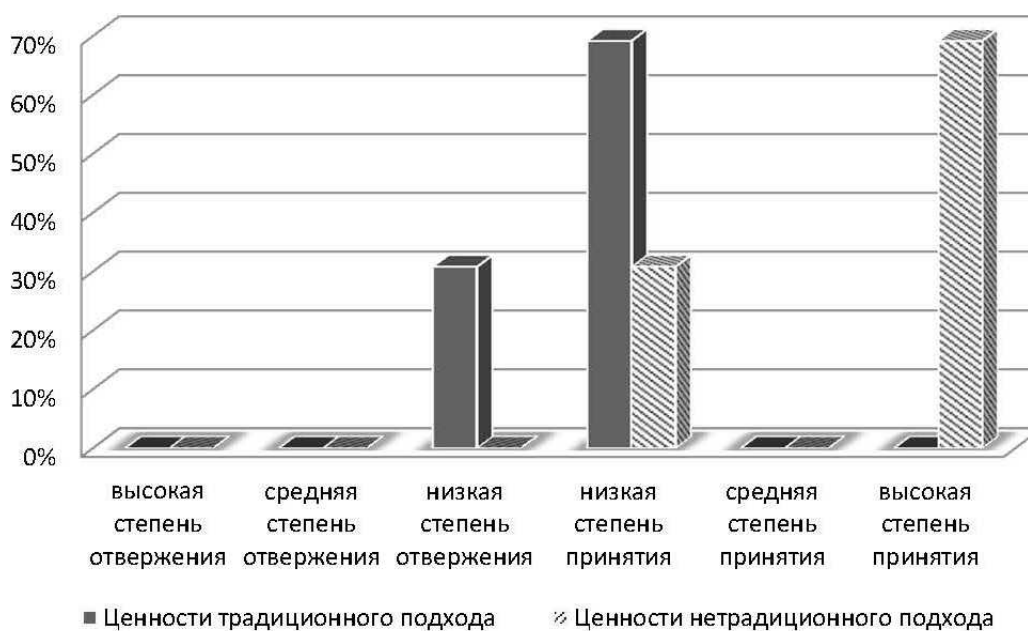

Рис. 2. Степень принятия / отвержения преподавателями системы ценностей традиционного и нетрадиционного подходов (2010 г.)

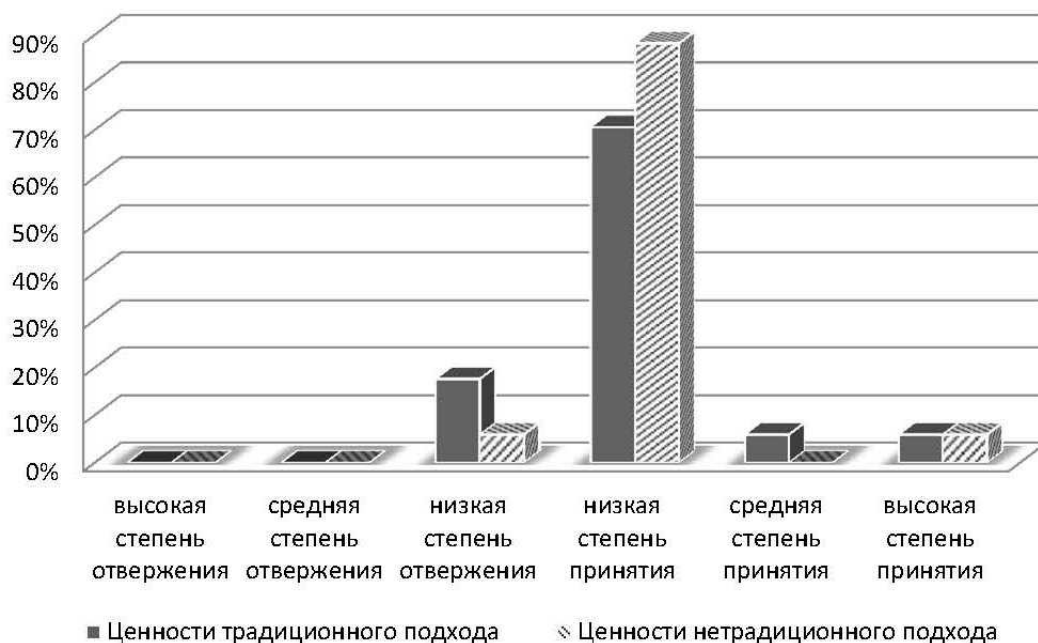

Рис. 3. Степень принятия / отвержения преподавателями системы ценностей традиционного и нетрадиционного подходов в 2017 г.

Таким образом, можно констатировать, что ценностные позиции преподавателей, принявших участие в исследовании в 2006, 2010 и 2017 гг., статистически значимо отличаются друг от друга ($\chi^2 = 22,889$; $p = 0,011$). С 2006 по 2010 г. наблюдается положительная динамика педагогической позиции в сторону выраженной ориентации на принятие нетрадиционного подхода. Так, в 2006 г. более трети респондентов продемонстрировали высокую степень принятия системы профессиональных ценностей нетрадиционного подхода; в 2010 г. число педагогов, преимущественно ориентированных на ценности нетрадиционного подхода в образовании, увеличилось до 70%. При этом совершенно отсутствовали педагоги, которые бы отвергали эти ценности. В 2017 г. вектор наблюдаемой динамики поменял направление. Количество педагогов с высокой степенью принятия ценностей нетрадиционного подхода сократилось до 6%. При этом преобладающее количество педагогов продемонстрировали одновременно низкую степень принятия системы профессиональных ценностей как традиционного, так и нетрадиционного подходов (70,6 и 88,2% соответственно). Результаты диагностического среза 2017 г. свидетельствуют о выраженной ценностной асинхроничности педагогической позиции вузовских преподавателей.

Анализ исследовательских данных относительно выделенных компонентов ценностной готовности к педагогической деятельности (доминирующая психолого-дидактическая направленность, доминирующая ориентация профессионально-педагогического взаимодействия и доминирующая позиция по отношению к базовой сущности культурного опосредствования) позволяет сделать несколько важных, с нашей точки зрения, фиксаций:

- психолого-дидактическая направленность педагогов на систему ценностей, диктуемых традиционным подходом в образовании, за исследуемый промежуток времени (с 2006 по 2017 г.) практически не изменилась ($F=0,522$; $p=0,597$). При этом наблюдается ярко выраженная динамика доминирующей психолого-дидактической направленности педагогов на систему профессиональных ценностей нетрадиционного подхода ($F=8,00$; $p=0,001$) с 2006 к 2010 г., а затем к 2017 г. модальность динамики изменилась в сторону снижения этой направленности;

- ориентация профессионально-педагогического взаимодействия на ценности традиционного подхода в образовании не была популярной среди педагогов ни в 2006, ни в 2010, ни в 2017 г. При этом в 2010 г. среди педагогов отмечается выраженное отвержение принципов построения педагогического взаимодействия, диктуемых традиционным подходом. Несмотря на демонстрируемую всеми педагогами (с 2006 по 2017 г.) доминирующую ориентацию профессионально-педагогического взаимодействия на ценности нетрадиционного подхода, результаты исследования указывают на четко прослеживаемую динамику указанной ценностной компоненты ($F=6,604$; $p=0,003$) с 2006 к 2010 г., а затем, к 2017 г., наблюдается ее существенное снижение.

На рис. 4, 5 представлены наиболее показательные результаты, свидетельствующие об асинхроничности ценностных особенностей позиции педагогов по отношению к психолого-дидактической направленности и направленности профессионально-педагогического взаимодействия.

Рассматривая полученные данные в контексте представлений современной психологии о том, что ценности детерминируют профессиональное поведение, обеспечивая содержание и направленность деятельности и придавая смысл профессиональным действиям, приходится, к сожалению, констатировать достаточно тревож-

ный факт явно выраженной сегодня в среде вузовских преподавателей асинхронности ценностных и операционально-технологических компонентов психологической готовности педагогов к образовательному взаимодействию. В известном смысле, это является своеобразным диагностическим маркером феноменов «ценностной неопределенности», «размывания (или даже потери) профессиональной идентичности», проявление которых в последние годы достаточно часто можно наблюдать среди преподавателей высшей школы.

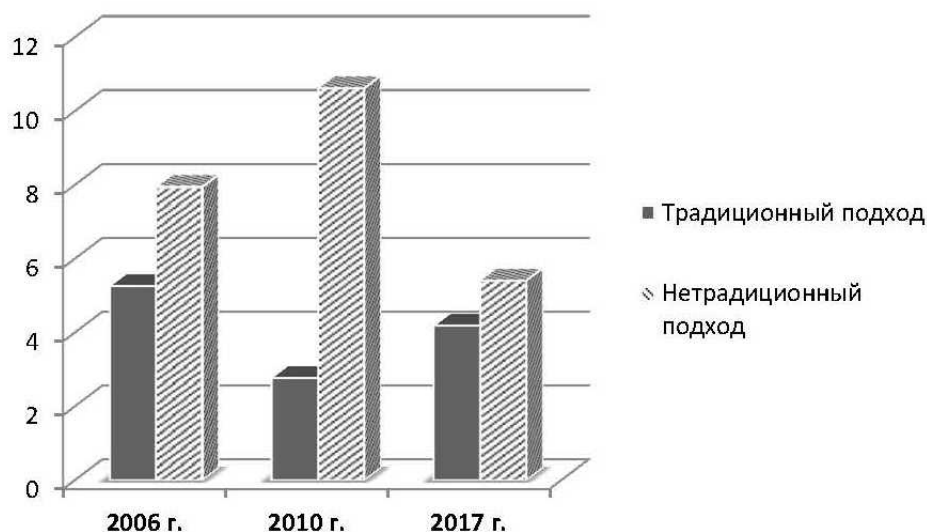

Рис. 4. Средние значения оценок доминирующей психолого-дидактической направленности педагогов

Рис. 5. Средние значения оценок доминирующей ориентации профессионально-педагогического взаимодействия

Выводы:

1. Значительная часть педагогов вузов находится сегодня в достаточно сложной ситуации, когда их собственный образовательный опыт и опыт профессионального становления по преимуществу связаны с реализацией традиционного подхода в образовании, а современная образовательная ситуация предполагает иные профессиональные ценности, отражающие иную образовательную парадигму. Поэтому у одного и того же педагога могут в равной степени быть представленными ориентации и на ценности нетрадиционного подхода в образовании (как идеальной модели профессионально-педагогической стратегии), и на ценности традиционного (отражающие реально сложившуюся систему профессиональных стереотипов). Психологический механизм «вписывания» информации в профессиональный образ мира заключается в установлении соответствия ее сложившейся системе ценностей, смыслов и связанных с ними профессиональных установок как готовности реализовать их определенным образом. При психологическом исследовании важно адекватно фиксировать, как и какая информация включается в образ мира человека, начинает ли она влиять на профессиональное мышление или она не вписывается в профессиональный образ мира, отторгается, либо вписывается, но приобретает утилитарный смысл, подчиняясь ведущей системе профессиональных ценностей, ничего в ней не меняя. Декларирова-

ние на уровне согласия с той или иной профессиональной ценностью еще однозначно не свидетельствует о том, что преподаватель будет творчески перестраивать свою педагогическую деятельность в соответствии с этими ценностями, менять стратегию и тактику своих профессиональных действий. Это связано и со сложившейся системой профессиональных установок, и со сформировавшимися общесистемными личностными образованиями, которые также необходимо учитывать при подведении итогов обследования, особенно если оно носит прогностический характер и намечает дальнейшие направления профессионального взаимодействия с педагогами.

2. Одним из перспективных, с нашей точки зрения, исследовательских направлений в контексте обозначенной выше проблематики может выступить анализ психологических механизмов согласования и трансформации ценностно-смысловых составляющих образов миров и особенностей направленности на манипулирование в педагогической деятельности как стратегического компонента педагогической деятельности, привязанного к личностным смыслам и ценностям педагога.

Литература

1. Витвицкая Л.А. Образовательное взаимодействие как механизм общения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (3). С. 94–99.
2. Волгин Н.А., Ефимов Г.И., Жирков О.А. Продуктивное образовательное взаимодействие. М. : Директ-Медиа, 2014. 81 с.
3. Корнеева Е.Н. Образовательное взаимодействие как особый тип социального взаимодействия // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4, т. II (Психолого-педагогические науки). С. 264–268.
4. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Образовательное взаимодействие: системно-антропологический контекст. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2016. 130 с.
5. Краснорядцева О.М. Психодиагностический прием реконструкции профессиональных ценностей // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 94–97.
6. Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург : Изд. отдел Екатеринбургской епархии, 2009. 264 с.
7. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. Сер. Материалы для педагогических размышлений. Биробиджан : Изд-во БГПИ, 2003. Вып. 2. 160 с.

PSYCHOLOGICAL READINESS FOR EDUCATIONAL INTERACTION AS A SUBJECT OF STUDY

Krasnoryadtseva O.M., doctor of Psychology, professor, head of the department of general and pedagogical psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: krasnoo@mail.ru

Shcheglova E.A., candidate of psychology science, associate professor of the department of general and pedagogical psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: sea1506@mail.ru

Abstract. The paper discusses the problem of psychological readiness of teachers of modern university for the educational interaction as a special kind of communication that has generating effect. The question is raised about the willingness and readiness of teachers to reflective self-identification of their own professional and pedagogical position in the situation of growing diversity of educational environments. It is stated as an actual research problem of the increasing asynchrony of the value and operational-technological components of the psychological readiness of university teachers for educational interaction. It is substantiated that the technological aspect of genuine educational interaction in modern conditions is the process of setting and solving "tasks for meaning", "tasks for value", in which the participants of the educational process can reveal the value-semantic components of their image of the world. The paper presents the possibilities of using the primary express-diagnostics of professional mentality of teachers to study of the value component of the teacher's psychological readiness for educational interaction. The author suggests substantial foundation for allocation of the following aspects of the teachers' value readiness for pedagogical activity. Among them are the dominant psycho-didactic orientation; the dominant orientation of professional-pedagogical interaction; the dominant position in relation to the basic essence of cultural mediation. The methods of analyzing the degree of agreement (or disagreement) with the proposed test subjects are described. To some extent, they affect the notion of the essence and direction of changes in modern education. The author identified the methodical possibilities of reconstruction (re-creation) of a system of professional values of a particular teacher, which largely determine the nature and strategy of the professional pedagogical position. The paper shows the results of comparative analysis (2006, 2010, 2017) conducted with university teachers who chose the following professional development programs "Psychological and didactic competences of the teacher in the conditions of modernization of higher education", "Psychological and pedagogical competences of the university teacher in accordance with the requirements of FSES". Prospective directions of the further research are determined. Among them is the analysis of the psychological mechanisms of reconciliation and transformation of the value-semantic components of the worlds' images and value coordinates of the life worlds of potential partners who are ready to new formats of educational interaction, which become the conditions for expanding the joint space of the nearest professional development.

Keywords: educational interaction; psychological readiness; value readiness for educational interaction; asynchrony.

ОТКРЫТОСТЬ ПЕДАГОГА: КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Е.А. Кукуев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: e.a.kukuev@utmn.ru

Аннотация. Проводится анализ феномена «открытость» в рамках современных тенденций инновационности, системности.

Ключевые слова: открытость; система; педагог; образование; компетенция; личность; самоорганизация.

Формулирование ключевой идеи модернизации российского образования в виде акцента на конкретный результат обучения, формирование компетентностей, готовности к инновационной деятельности всех участников образовательного процесса определяют новые тренды не только в отношении осознания и наполнения образовательного процесса, но и нового понимания человека, осваивающего образование.

Актуально звучит постулирование В.Е. Ключко, Э.В. Галажинским: «Современность, рассматриваемая как эпоха инновационного общественного развития, предъявляет особые требования к человеку. Чтобы соответствовать этим требованиям, необходимо иметь определенные личностные установки, качества и ценности, которые бы позволили человеку эффективно участвовать в инновационных процессах» [3, с. 188].

Основные аксиомы образования прошлого (и не только российского), фиксирующие знаниевую парадигму, объектность ученика, его пассивность в образовательном процессе и адаптивность как прогностическую задачу, теряют свою значимость в настоящем. Характеристики настоящего как изменяющегося не оставляют шансов для становления человеку с выраженным адаптивным характером поведения. Адаптация возможна при относительно продолжительных периодах стабильности. Если же условия постоянно меняются, и это становится неотъемлемым фактом жизни, то жить, развиваться могут те, кто не столь подвержен внешним обстоятельствам, кто обладает способностью к самоорганизации через открытое взаимодействие со средой, не теряя своей целостности.

В данном случае будет уместно вспомнить эпизод встречи Л.Н. Толстого и Н.К. Рериха: «На картине (“Тонец”) мой гонец спешил в ладье к древнему славянскому поселению с важной вестью о том, что “восстал род на род”. Толстой говорил: “Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет”» [4].

Отход от понимания жизни как «статического образования» свидетельствует о том, что формирование у ученика действия «по образцу» не дает ему полноценной подготовки в тех ситуациях, которые этому «образцу» не соответствуют. Поэтому актуализируются такие качества, как умение анализировать ситуацию, выбирать пути и средства ее решения, что предполагает сформированность критического мышления, его дивергентность при соответствующем уровне личностного становления.

Под самоорганизацией в данном случае понимают процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Самоорганизующейся будет считаться система, которая без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру.

Посыл в виде инновационности человека позиционирует обучающегося как субъекта образования, активно взаимодействующего со средой в целом, и прогностическая задача может выражаться как формирование умений самоорганизации в условиях изменений. Желание видеть человека самостоятельным требует смещения акцента в образовании с характеристик адаптации на уровень самоорганизации.

Проблематика самоорганизации наиболее активно рассматривается в системных теориях: теория систем, синергетика, системная антропологическая теория и т.д.

Человек позиционируется в данных теориях как целостная, открытая, самоорганизующаяся система (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, О.В. Лукьянов и др.). И именно эти характеристики созвучны не только новым трендам в образовательной политике России, но и насущным требованиям практики жизни.

Таким образом, цели образования тогда будут современны и прогрессивны, когда будет сформирован новый взгляд на человека, как отмечает В. Е. Ключко: «Посмотреть на человека через призму становления и разглядеть его в ней как целостную, самоорганизующуюся систему, прогрессивное и закономерное усложнение системной организации которой является основанием ее устойчивого бытия» [2, с. 17].

Практикоориентированность образования выводит на необходимость формирования компетенций активного взаимодействия обучающегося со средой. Взаимодействие это всегда двусторонний процесс, предусматривающий как влияние человека на среду, так и возможности получения им потенциала среды. Успешность данного процесса, в свою очередь, может зависеть от такого качества человека, как «открытость». Как показано в синергетике, системной антропологической теории, условием самоорганизации яв-

ляется открытость. Человек как многомерная система только при условии открытости имеет возможность усложняться в процессе становления. Открытость как обмен энергией, информацией и тому подобным с внешним миром позволяет человеку не просто адаптироваться к миру, а быть частью этого мира и изменяться в нем и с ним, изменяя, в свою очередь, этот мир.

Открытость как свойство системы:

- 1) формируется при соответствующем целевом назначении;
- 2) обеспечивается структурой, позволяющей реализацию данного свойства;
- 3) проявляется в постоянном обновлении элементов.

Включение в образовательные цели в том числе и направления на формирование открытости обучающегося будет предусматривать:

1) включение в жизненные планы обучающегося установки на открытое взаимодействие с окружающим миром. Осознание им, что успешность взаимодействия определяется в том числе и открытостью к миру;

2) обеспечение обучающегося средствами, механизмами, обеспечивающими возможность реализации открытости. В том числе и формирование необходимого уровня критического мышления, чтобы обеспечивать целостность человека и не переходить в открытости грань диффузии, полной ассимиляции, конформизма и приспособленчества к среде;

3) понимание и адекватное принятие инноваций, заключающееся в возможности выделения процесса перехода количественных аспектов в новое качество мышления, мировоззрения, жизни и т.д.

Анализ образования в рамках системной антропологической теории (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский и др.) позволяет выделить виды «открытости человека» [3]:

1. Когнитивная открытость характеризуется открытостью к новым знаниям, в том числе и процессам их получения. Направленность на новации (техника, мировые процессы, профессиональные тенденции и т.д.). Формирование у обучающихся умений оперативно анализировать, дифференцировать их. Когнитивная открытость, в частности, выражается в направленности на непрерывное образование и самообразование; открытость новым технологиям, формам и средствам получения знаний и т.д.

2. Социальная – как открытость взаимодействию. Переход от знаниевой парадигмы к компетентностной усиливает требование к процессу взаимодействия педагога и ученика. Способность организовать образование как субъект-субъектное и определяет достаточную открытость педагога, что проявляется, в частности, в рефлексии, эмпатии, толерантности и др. Томас Гордон отмечал: «Коммуникативно компетентным является такое поведение, которое повышает (или не снижает) возможности для последующих коммуникаций с другими или с самим собой каждого из партнеров по общению в качестве свободной личности» (Gordon, 1975). Данный вид открытости характеризуется разнообразием видов и средств взаимодействия: использование социальных сетей, электронные письма, видеозвонки и т.д.

3. Флексибиальная – как открытость изменениям. Как отмечает Г.В. Залевский при анализе фиксированных форм поведения, ригидность может проявляться в виде «мизонеизма – нелюбовь новизны, которая может быть усилена до уровня неophobia – страха перед всем новым» [1, с. 341]. Введение данного вида открытости обусловлено тем, что одной из характеристик современности является неопределенность (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, 2009); таким образом, человек должен не только понимать, признавать новое, но и быть готовым меняться. Открытость как взаимообмен с миром свидетельствует о том, что не только я могу менять его, но и, в свою очередь, я готов изменяться.

Вспоминая слова К.Д. Ушинского о том, что никакие изменения не минуют голову учителя, понимаем значимость соответствующей подготовки педагога, что подтверждается результатами исследования Г.В. Лаврентьев, Н.Б. Лаврентьева (2002) отмечают: «Главной преградой для внедрения образовательных инноваций в вузовскую практику, по нашим наблюдениям, служит качественное состояние преподавательского корпуса» [6, с. 8]. Это получило эмпирическое подтверждение в рамках нашего исследования (Е.А. Кукуев, 2014), где были проанализированы особенности ригидности субъектов образования.

Авторы коллективной монографии «Педагогика открытости и диалог культур» отмечают, что «на сложном пути социальных и педагогических преобразований трудно переоценить многомерное и разноплановое влияние идеи открытости в образовании, ибо она помогает:

– преодолеть естественный консерватизм школы и замкнутость образовательной среды, препятствующие внедрению альтернативных подходов к обучению и воспитанию;

– обеспечить опережающее развитие образования за счет актуализации наиболее значимых содержательных доминант открытого образования, способных демонтировать сложившиеся стереотипы и проложить дорогу новому педагогическому мышлению, новой педагогической культуре;

– выработать образовательную политику, признающую плюрализм образования, его многоукладность, вариативность и альтернативность;

– глубоко осмыслить диалектическое соотношение между педагогической нормой и педагогической альтернативой, избежать непродуманного социально-педагогического экспериментирования;

– осмыслить ошибки и противоречия, порождаемые традиционной замкнутой школой, и избежать их в современной образовательной практике;

– разработать и реализовать личностно-ориентированную образовательную стратегию, обеспечивающую поворот школы к ребенку, создание максимально благоприятных условий для его самоопределения и самореализации [7, с. 34].

Открытость образования, можно сказать, начинается с психофизиологической, которая регламентирована «золотым правилом дидактики» Я.А. Коменского, или, как говорил К.Д. Ушинский: «Если вы хотите чтобы дитя усвоило что-нибудь прочно, то заставьте участвовать в этом усвоении возможно большее число нервов». Но подниматься открытость должна до личностного уровня, когда я открыт, в том числе как педагог, разнообразию окружающего мира. Когда я нахожусь в постоянном становлении, усложнении, которое возможно при условии открытости. Когда я регламентирую открытость образовательного процесса в аудитории и актуализирую открытость в воспитанниках. Человек сам должен уметь инициировать образовательный процесс. Актуализация в данном случае именно процесса «учения» переориентирует образование на активизацию самоорганизации и самодетерминации, что и будет обеспечивать ключевую компетенцию образования – «научить учиться». Или, воспользовавшись афоризмом Ф.Ницше из «Веселой науки»: переход от *vademecum* к *vadeyecum*, т.е. от «следуй за мной» к «веди себя сам».

В заключительном абзаце форсайт-проекта «Российское образование – 2020» указано: «Лев Толстой писал: “Будущего нет – оно делается нами”. Российское образование получает шанс реализовать этот подход. Иначе оно окажется в будущем, сделанным для него» [8]. Действительно, если мы учим ребенка только адаптироваться, то разницы нет, кто ему «сделает будущее». Поэтому и предлагается переход к новому уровню целеполагания – формированию условий для становления человека, обладающего способностью к самоорганизации, самодетерминации.

Литература

1. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва : Томск : Томский государственный университет, 2004. 460 с.
2. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 174 с.
3. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Томский государственный университет, 2009. 240 с.
4. Короткина Л.В. Рерих в Петербурге-Петрограде. URL: <http://www.roerich-izvara.ru/roerich-life/roerich-in-peterburg-19.htm>
5. Кукуев Е.А. К вопросу об открытости педагога как субъекта современного образования Письма в Эмиссия // Оффлайн (TheEmissia.OfflineLetters) : электрон. науч. журнал. 2013. Март. URL: <http://www.emissia.org/offline/2013/1971.htm>. (дата обращения: 15.04.2015).
6. Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2002. 148 с.
7. Педагогика открытости и диалога культур / под ред. М.Н. Певзнера, В.О. Букетова, О.М. Зайченко. Москва ; Новгород : 2000. 265 с.
8. Российское образование – 2020 : модель образования. URL: <http://www.hse.ru/data/363/069/1237/education-2020.pdf> (дата обращения: 15.04.2015).

THE OPENNESS OF THE TEACHER: THE QUALITY OF PERSONAL OR PROFESSIONAL COMPETENCE

Kukuev E.A., candidate of psychological sciences, associate professor of pedagogy and psychology Tyumen state University, Tyumen, Russia. E-mail: e.a.kukuev@utmn.ru

Abstract. the article analyses the phenomenon of "openness" in the framework of the modern trends of innovation, consistency. Positioning the person as an integrated, open, self-organizing systems in the Tomsk school (V.E. Klochko, E.V. Galazhinsky, O.V. Lukyanov and others) is the starting point of the present approach. Modernization of education implies the search of directions of change. One such area could be the openness of education. But in open education, as in the system should be open to his subjects, and, above all, teacher. Attempt to highlight the kinds of openness (cognitive, communicative, flexible) allows you to focus the direction of further research on the phenomenon of openness in anthropological Sciences, in particular psychology, pedagogy, sociology.

Keywords: openness; system; teacher; education; competence; personality; self-organization.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

С.А. Литвина¹, О.И. Муравьева¹, С.А. Богомаз¹, О.В. Кружкова²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: litvina65@mail.ru; muravey59@mail.ru; bogomazsa@mail.ru; galiat1@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10803а).

Аннотация. Выделено три вида структуры идентичности с городом на выборке из шести городов России.

Ключевые слова: идентичность с городом; безопасность; молодежь; целеполагание; ценности.

Введение. Проблематика идентичности на сегодняшний день является одной из «болевых точек» как в социальной жизни, так и в пространстве наук о человеке. «Болевой» эту тему делает, прежде всего, радикальность и масштабность политических и экономических трансформаций, а вместе с этим и возрастание социальной вариативности – возникновение новых групповых норм и ценностей, социальных ролей и видов деятельности, увеличение многообразия способов и принципов организации социальных групп и общностей. Поэтому в сегодняшнем «множественном» мире следует говорить не столько о поисках идентичности, сколько о постоянно идущей идентификации, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или осознанно вовлечены» [1, с. 12]. Это дает основание Е.П. Белинской утверждать, что в понятии идентичности сегодня конституируется, прежде всего, проблема изменчивости / устойчивости личности.

Особенно актуальными в последние 15–20 лет становятся исследования идентичности как внутренней самосоздающейся, динамической организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории человека в контексте его взаимодействия с окружающей средой: вводятся такие понятия, как пространственная идентичность [2], территориальная идентичность [3], идентичность с местом (place-identity, settlement identity) [5, 7, 9], городская идентичность, или идентичность с городом (city identity, urban-related identity) [4, 6, 8]. Современные процессы урбанизации, с одной стороны, и формирования номадических культур – с другой, обостряют интерес к взаимоотношениям человека и города как социокультурной среды, к проблеме идентификации с городом. «Является ли город как социокультурная общность той социальной группой, которая может послужить основанием для самоидентификации?», «что такое город для человека сегодня?» – вопросы, которые задаются и в фундаментальных, и в прикладных исследованиях в рамках истории, философии, социальной экологии, культурологии, урбанистики, архитектуры, а также междисциплинарных исследований. Психологическое изучение проблемы идентификации с городом позволяет получить представление о психологических основаниях укорененности и / или мобильности человека в городской среде, его активности, готовности развивать свой город, реализуя в нем свои жизненные планы, дает возможность объяснить поведение горожан, найти решение социальных, экономических, демографических вопросов, которые возникают в реальной городской практике.

Целью нашего исследования было выявление тех психологических оснований, на которых «держится» идентичность с городом современных молодых людей в разных городах России: Барнауле, Владивостоке, Екатеринбурге, Петропавловске-Камчатском, Санкт-Петербурге, Томске.

Методы и методики. Для измерения городской идентичности был использован опросник «Шкала идентификации с городом» М. Lalli [6], который включает пять семантических блоков-шкал: Внешняя ценность, Общая привязанность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание. Один из них, по мысли автора, Внешняя ценность, содержит вопросы, связанные с отраженными аут-групповыми и ин-групповыми стереотипами, остальные четыре отражают личный опыт бытия в городе, субъективное восприятие человеком среды города и являются доминирующими в структуре идентичности с городом. Максимально возможный балл по каждой шкале равен пяти.

Исследование проводилось в 2015–2016 гг. В нем приняли участие 1 762 респондента в возрасте от 17 до 34 лет, проживающих в российских городах: Барнауле (n = 61), Владивостоке (n = 201), Екатеринбурге (n = 1197), Петропавловске-Камчатском (n = 140), Санкт-Петербурге (n = 53), Томске (n = 110). Распределение респондентов по возрасту близко к нормальному.

Статистический анализ первичных данных производился при помощи программы *Statistica 8.0*, использовался дисперсионный анализ Фридмана по критерию Хи-квадрат (для сравнения зависимых переменных).

Результаты исследования. Основными задачами нашего исследования были: 1) выявление сходства или различий идентичности с городом у респондентов, проживающих в разных городах; 2) выявление вклада тех или иных составляющих в общую идентичность с городом. Для решения этих задач сравнивался как уровень выраженности интегрального показателя опросника «Шкала идентификации с городом» в шести городах, так и

соотношение уровней выраженности значений отдельных шкал опросника в выборках по каждому отдельному городу. Сравнение проводилось и по средним (Mn), и по медианам (Md).

Первое, что показал статистический анализ полученных данных, это то, что достоверных различий в интегральных показателях городской идентичности в разных городах не обнаружилось. Однако выявились статистически значимые различия в структурных особенностях (конфигурации компонентов) городской идентичности в разных городах. Сравнение позиций каждой шкалы методики М. Lalli относительно остальных шкал внутри городской выборки показывает специфику структуры городской идентичности молодежи разных российских городов.

В Санкт-Петербурге наиболее высокие значения, статистически значимо (Хи-квадрат = 13,4; $p = 0,01$) отличающиеся от всех остальных шкал, получены по шкале Внешняя ценность (Mn = 3,4; Md = 4,0). Между другими шкалами статистически значимых различий не наблюдается: Общая привязанность (Mn = 2,9; Md = 2,8), Связь с прошлым (Mn = 2,8; Md = 3,0), Восприятие близости (Mn = 2,8; Md = 2,8), Целеполагание (Mn = 2,8; Md = 2,8).

В Екатеринбурге также наиболее высокими оказались значения по шкале Внешняя ценность (Mn = 3,7; Md = 3,8), далее значимо ниже, чем Внешняя ценность, но значимо выше остальных шкал выражен показатель шкалы Общей привязанности (Mn=3,5; Md=3,5). Значимо ниже всех шкал значения параметра Связь с прошлым (Mn = 3,0; Md = 3,0). Различия между шкалами статистически достоверны на уровне $p = 0,00001$, Хи-квадрат = 721,1. Шкалы Восприятие близости (Mn = 2,8; Md = 2,8) и Целеполагание (Mn = 2,8; Md = 2,8) в выборке Екатеринбурга статистически не различаются.

В выборке Владивостока самыми высокими оказались значения по шкалам Внешняя ценность (Mn = 3,6; Md = 3,8) и Общая привязанность (Mn = 3,5; Md = 3,5), самые низкие – по шкале Связь с прошлым (Mn = 2,7; Md = 2,8). Различия достоверны на уровне $p = 0,00001$, Хи-квадрат = 175,5. При этом значения первых двух шкал статистически не различаются между собой. Также не выявлено различий между шкалами Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 3,0) и Целеполагание (Mn = 2,9; Md = 3,0).

В Томске самыми высокими получились значения по шкале Общая привязанность (Mn = 3,4; Md = 3,8). Значимо ниже – по шкале Внешняя ценность (Mn = 3,2; Md = 3,3), при этом в томской выборке, в отличие от всех остальных городов, никто из респондентов не поставил минимальный балл по этой шкале. Еще менее выражены (статистически достоверно) значения по шкалам Связь с прошлым (Mn = 2,9; Md = 3,0) и Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 3,0), при этом между собой эти шкалы статистически не различаются. Самыми низкими оказались показатели по шкале Целеполагание (Mn = 2,7; Md = 2,8). Различия значимы на уровне $p = 0,001$, Хи-квадрат = 41,6.

В Барнауле самыми высокими оказались значения по шкале Общая привязанность (Mn = 3,6; Md = 3,8), самыми низкими – по шкалам Внешняя ценность (Mn = 2,6; Md = 2,5) и Целеполагание (Mn = 2,7; Md = 2,5). Различия между шкалой Общая привязанность, с одной стороны, и шкалами Внешняя ценность и Целеполагание, с другой стороны, статистически значимы на уровне $p = 0,0001$, Хи-квадрат = 63,3. Значения шкал Связь с прошлым (Mn = 2,8; Md = 2,8) и Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 2,8), занимая среднее положение, не обнаружили, однако, статистических различий между собой.

В Петропавловске-Камчатском соотношение шкал опросника М. Lalli в целом похоже на барнаульскую выборку. То есть самые высокие значения принимает шкала Общей привязанности (Mn = 3,4; Md = 3,5), самые низкие – шкалы Внешняя ценность (Mn = 2,7; Md = 2,5) и Целеполагание (Mn = 2,7; Md = 2,8). Различия между значениями шкалы Общая привязанность, с одной стороны, и шкалы Внешняя ценность и Целеполагание, с другой стороны, статистически достоверны на уровне $p = 0,0001$, Хи-квадрат = 77,5. Значения шкал Связь с прошлым (Mn = 2,8; Md = 2,8) и Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 2,8) занимают среднее положение и не обнаруживая статистических различий между собой.

Проанализируем и обсудим полученные данные. Сначала обратимся к той тенденции, которую показывает шкала Внешняя ценность. Можно видеть, что наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом эта шкала вносит в таких городах, как Санкт-Петербург, Екатеринбург и Владивосток, наименьший – в Барнауле и Петропавловске-Камчатском. Томск занимает промежуточное положение. С нашей точки зрения, этот результат можно объяснить особенностями самих городов: Санкт-Петербург называют второй столицей России, Екатеринбург и Владивосток фактически являются региональными столицами, тогда как города Барнаул и Петропавловск-Камчатский скорее можно отнести к провинциальным городам. Особое место в этом ряду занимает город Томск. По своему социально-экономическому положению и количеству жителей его скорее можно отнести к провинциальным городам, однако он обладает богатой историей, культурными, научными и образовательными традициями. Достаточно отметить хотя бы тот факт, что при численности населения Томска в полмиллиона человек город имеет пять крупнейших вузов, причем два из них – государственные и политехнический университет – входят в топ-10 вузов страны. И это, безусловно, является особенно привлекательным именно для молодежи, стремящейся получить достойное образование. Таким образом, можно сделать следующий общий вывод: чем в большей степени город обладает признаками культурного центра в широком смысле этого слова, тем больший вклад в общую идентичность с городом вносит параметр внешней ценности.

Обратимся теперь к результатам, полученным по тем шкалам, которые являются, по мысли автора используемой в нашем исследовании методики, доминирующими в структуре идентичности с городом и отражают субъективное восприятие человеком среды города и личный опыт бытия в нем, – Общая привязанность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание. Можно видеть следующую тенденцию: практически

во всех городах, вошедших в нашу выборку, наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом вносит шкала Общей привязанности, наименьший – шкала Целеполагание. Каков же опыт бытия молодых людей в городе демонстрируют полученные результаты? Идентичность молодежи с городом скорее основывается не на свободном и аутентичном переживании близости, эмоциональной связи с городом, приверженности ему, но именно на привязанности к городу.

Таким образом, можно говорить, что жители всех городов, принявшие участие в исследовании, воспринимают свой город или с точки зрения внешней привлекательности, или с точки зрения эмоционально-утилитарного отношения – чувства «привычности», родства, безопасности. В то время как представление о развитии города и планирование своего будущего как тесно связанного с ним, осуществление жизненных целей в городе проживания не являются важным основанием идентификации с городом. Город воспринимается как «своя среда», пусть даже и субъективно бесперспективная, если с ней многое связывает, она хорошо знакома и позволяет чувствовать себя «по-настоящему дома».

В исследовании также был поставлен вопрос о взаимосвязи идентичности с городом и времени проживания в нем. Для проверки отличий в значениях шкал Идентификации с городом в зависимости от длительности проживания также применялся дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием F-критерия. Предварительный корреляционный анализ не выявил статистически значимых связей между количественной шкалой длительности проживания в городе и шкалами идентичности, поэтому для всей выборки независимо от города проживания была создана номинальная шкала интервалов длительности проживания:

- от 3 мес. до 1 года (237 чел., 13%);
- 2–5 лет (619 чел., 35%);
- 6–10 лет (81 чел., 5%);
- 11–20 лет (617 чел., 35%);
- более 20 лет (208 чел., 12%).

По шкале Внешняя ценность статистически достоверно более низкие значения оказались в интервале длительности проживания более 20 лет (F-критерий = 9,6; $p = 0,000001$), для остальных интервалов по данной шкале различий не наблюдается. По шкалам Общая привязанность (F-критерий = 32,5; $p = 0,00001$), Связь с прошлым (F-критерий = 45,4; $p = 0,00001$) и Восприятие близости (F-критерий = 6,4; $p = 0,00004$) наблюдается рост значений в зависимости от времени проживания, при этом после 20 лет рост значений прекращается.

Интересны результаты, которые касаются временной динамики показателей шкалы Целеполагание. В первые годы проживания значения несколько возрастают, достигая максимума в периоде 2–5 лет, а потом, с увеличением времени проживания до 20 и более лет, эти значения существенно уменьшаются (F-критерий = 3,3; $p = 0,009$). То есть можно утверждать, что респонденты, живущие в городе более 10 лет, все меньше и меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь, и меньше убеждены, что хотели бы остаться в этом городе и связывать с ним свои планы на будущее. При этом в интервале проживания 6–10 лет наблюдается самый большой разброс значений по всем шкалам. Можно предположить, что в этот период у человека происходит кризис идентификации с городом: он переоценивает свое отношение к нему, свое место в нем, принимает решение о том, оставаться ли жить в этом городе. Вероятно, большую роль играет в этой ситуации и нормативный кризис профессионального становления, связанный с окончанием учебы и освоением нового статуса – работника, специалиста, противоречием между реальным и желаемым профессиональным и карьерным ростом, нередко и стремлением пересмотреть свои прежние выборы, «начать все сначала».

Заключение. В заключение можно сделать следующие обобщения и выводы: 1) параметры внешней привлекательности и общей привязанности являются основными в структуре идентичности с городом российской молодежи; 2) выделились три вида структуры идентичности с городом, отражающие разные основания для идентификации в различных городах – в Санкт-Петербурге («вторая столица России») идентификация с городом в большей степени основывается на внешней ценности и привлекательности города; в Барнауле и Петропавловске-Камчатском («нестоличные» города) – на общей привязанности, т.е. на эмоционально-утилитарном отношении – чувстве «привычности», родства, безопасности; в Екатеринбурге, Владивостоке и Томске («региональные столицы» и культурно-образовательные центры) – как на внешней привлекательности, так и на эмоционально-утилитарном отношении; 3) параметр целеполагания вносит незначительный вклад в интегральный показатель идентичности во всех городах; этот вывод, с нашей точки зрения, имеет не только психологическое, но и существенное социально-практическое значение, поскольку его выраженность свидетельствует о стремлении молодого человека связать свое будущее с городом; 4) период проживания в городе в интервале 6–10 лет является критическим для субъективного переживания идентичности с городом, с увеличением времени проживания от 6–10 лет до 20 и более лет показатели целеполагания существенно уменьшаются. То есть можно утверждать, что люди, живущие в городе более 10 лет, все меньше связывают с городом свои планы на будущее и все меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь.

Литература

1. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.05.2017).
2. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84.
3. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
4. Bernardo F., Palma-Oliveira J-M. Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity // Journal of Environmental Psychology. 2016. Vol. 45. P. 239–251. DOI: 10.1016/j.jenvp.2016.01.010.
5. Kashima Y., Paladino A., Margetts E.A. Environmentalist identity and environmental striving // Journal of Environmental Psychology. 2014. Vol. 38. P. 64–75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2013.12.014.
6. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12 (4). P. 285–303. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80078-7.
7. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // Journal of Environmental Psychology. 2011. Vol. 31. P. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001.
8. Montgomery J. Making a City: Urbanity, Vitality and Urban Design // Journal of Urban Design. 1998. Vol. 3 (1). P. 93–116. DOI: 10.1080/13574809808724418.
9. Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // Procedia – social and behavioral sciences. 2015. Vol. 170. P. 709–717. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.073.

STRUCTURAL FEATURES OF URBAN IDENTITY OF RESIDENTS OF RUSSIAN CITIES

Litvina S.A., Muraveva O.I., Bogomaz S.A., Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: litvina65@mail.ru; muravey59@mail.ru; bogomazsa@mail.ru

Kruzhkova O.V., Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Abstract. Urbanization processes and formation of nomadic cultures foster interest in the relationship of man and the city as a social and cultural environment, including the problem of identification with the city. Research in this area will allow answering the questions about the psychological basis of one's rootedness and mobility in the urban environment, one's activity and readiness for developing the city with implementing one's life plans there. The aim of our study was to clarify what serves as the basis for identification of people with their city of residence; what is the structure of urban identity in youth of the Russian cities in different regions of the country: Barnaul, Vladivostok, Yekaterinburg, Petropavlovsk-Kamchatsky, Saint Petersburg, and Tomsk. The study was conducted in 2015-2016; it involved 1762 participants at the age from 17 to 34 years old. As a method of research M. Lalli's Urban Identity Scale was used. To compare the distributions of the questionnaire subscale values, analysis of variance for dependent variables (the Friedman ANOVA) and chi-square criterion were used. Analysis of the results obtained revealed statistically significant differences between the medians and means of the questionnaire scales for the six cities. Three types of the structure of urban identity have been found: the first one was connected with Saint Petersburg; the second one was identified for Ekaterinburg and Vladivostok, and the third one was for Tomsk, Barnaul and Petropavlovsk-Kamchatsky. The analysis showed that the more the city has features of a cultural and educational center, the greater contribution to the total urban identity is made by the parameter of external evaluation. In general, the identification with the city is based on emotional grounds: primarily, through general attachment to the city and to a much lesser degree via perception of familiarity with this place. It has been found that the largest dispersion of the commitment parameter was observed in the range of 6-10 years of residence in the city. Thus, it can be concluded that the respondents living in the city for more than 10 years to a lesser degree expect that future changes in the city will have a positive impact on their lives and are less certain about staying in this place and associating their plans for the future with this city or town.

Keywords: urban identity; safeness; youth; goal-setting; values.

УДК 159.96

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.Ш. Магомед-Эминов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: m_sh_m@mail.ru

Аннотация. Предлагается культурно-деятельностный подход к феномену человеческой индивидуальности – субъекта, личности, идентичности. Различаются интенциональная предметная деятельность субъекта и работа по осуществлению события бытия, события жизни. Деятельность субъекта опосредствована психической работой человека – работой личности над собой. В континуальной работе личности формируется продукт этой работы – идентичность личности.

Ключевые слова: субъект; личность; идентичность; темпоральность; трансформация; метапсихологическая работа личности; аутопоэтическая работа личности над собой.

Основную идею нашей работы мы сформулируем, отталкиваясь, прежде всего, от методологического и теоретического противоречия в современном психологическом и гуманитарном знании по вопросу о понимании психологии человеческой индивидуальности, обозначаемой обычно субъектом, личностью, идентичностью.

Темпоральный и нетемпоральный субъект. Для проблематизации вопроса об идентичности личности мы воспользуемся феноменом темпоральности, который задает горизонт понимания идентичности (субъекта, личности) в конкретной жизни, живом бытии в поликультурном совместном мире в процессах становления и творения темпорально протяженной индивидуальной истории бытия личности в единстве опыта прошлого, настоящего и будущего. Так как мы исследуем феномен человеческой индивидуальности в горизонте социокультурного бытия, то термины, которые используются для ее обозначения: человек, личность, идентичность, самоидентичность, самость, – мы понимаем как синонимы, если специально не указываем на необходимые различия.

Начнем с указания на то, что в психологии субъект (личность, идентичность), с одной стороны, понимается нетемпорально, т.е. определяется субстанционально, структурно-морфологически, диспозиционально, с акцентом на принцип тождества. Следуя этой линии, идеалом современной психологической теории и практики принимается следующая идея: быть субъектом, личностью, идентичностью (самоидентичностью) как автономной, самостийной, самодетерминируемой, самопричинной (*causa sue*) самоидентичностью, т.е. хозяином себя, своих функций, активности, деятельности. Феномен «само» – определение себя из собственного существа – высоко ценится в психологии и принимается за основу развитой человеческой индивидуальности (субъекта, личности, идентичности, или самоидентичности, самости и т.д.). При таком подходе философское, по сути, гносеологическое понятие субъекта [2], которое использовалось в психологии не в категориальном значении (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе), превратилось в субстанциональную, онтологическую категорию субъекта, субъекта жизни, субъекта бытия, бытийных пространств, человеческого бытия (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко), в целокупную идентичность (К. Гольдштейн, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Эриксон, К.-Г. Юнг), диспозициональную личность (Г. Айзенк, Р. Кеттелл, П. Коста, Р. МакКрэй, Г. Олпорт), которая объясняет и формы активности человека, и связность его психических функций, и кросстемпоральную консистентность его поведения [5].

С другой стороны, в психологии складывается темпоральное, динамически-трансформационное представление, понимание идентичности, личности, акцентирующееся на принципе различия. В этой линии изменчивости, текучести, многообразия как в плане исторического развития, так и в плане культурного разнообразия личность рассматривается во множестве миров, в мультисубъектности, множественности, мультифасеточности, текучести, многоликости, многомерности (А.Г. Асмолов, К. Герген, Р. Лифтон, Х. Маркус, У. Мишель, В.С. Мухина, П. Нури, В.А. Петровский). С ним связана идея кризиса идентичности, возникающая из отсутствия устойчивости и единства идентичности, распадающейся на ролевое, функциональное и социокультурное многообразие [5].

Проблема «единства многообразия». Из сказанного следует, что в современной психологии на идентичность (личность, субъект) смотрят в инстанции дихотомической оппозиции: идентичность либо константна, устойчива, диспозициональна; либо изменчива, неустойчива, непостоянна. Теперь мы готовы сформулировать проблему исследования, отгалкиваясь от двух вышеописанных оппозиций: «Как творится единство человека изменчивого, текучего, как сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство (идентичность)?» Удерживая идею творения единства многообразия в существе идентичности, вернемся к двум озвученным точкам зрения, отметив, что как при первом, так и при втором объяснении возникают теоретические и методологические сложности, связанные с сосуществованием и синтезом в одной личности двух несочетаемых ипостасей. Действительно, первая точка зрения сталкивается с проблемой, как объяснить существование неподвижного, субстанционального существа в конкретной жизни, живом бытии – в движении, заданном взаимодействием процессов жизни, а также в процессах взаимодействия с другими подобными замкнутыми, устойчивыми монадами. Вторая точка зрения сталкивается с проблемой, когда этот многообразный человек рассматривается как человеческая индивидуальность, единичность, сингулярность, в пределах которой конкретный, специфический ансамбль отношений и ролей должен быть каким-то образом, в какой-то психической работе синтезирован в единство идентичности.

Между тем в психологии психологический синтез идентичности игнорируется или просто постулируется как при субстанциональном, так и при функционально-ситуационном определении идентичности. Как говорил в свое время Л.С. Выготский, постулат надо превратить в проблему, требующую объяснения [1]. Эту проблему можно поставить в терминах связности, единства следующим образом: как возможна личность (субъект, идентичность, самость) как единство многообразия человеческой индивидуальности? При такой постановке вопроса мы утверждаем идею о возможности множественной идентичности (субъекта, личности, самости), которая сочтается в существе одной идентичности множество субидентичностей, или ипостасей, но вместе с этим не фрагментируется, как у постмодернистов, не превращается в гомогенное целое, однородную систему, компактный гештальт (модернизм) или автономную субстанцию (классика), и не образуется патологическая множественная личность.

Трансформационная работа личности. Для конкретизации и аргументации проблемы возможности множественной идентичности выдвинем на первый план понимания личности идею и феномен трансформации психического бытия, жизни современного человека. Однако когда психическое рассматривается в процессе трансформации жизни человека, его бытия в мире, то сам феномен трансформации открывается в основании психологического бытия личности [6]. Из этого следует, что психологический, точнее, метапсихологический синтез идентичности происходит в движении: в переходе от одной темпоральной формы – конкретной форма-

ции личности, в другую темпоральную форму – конкретную формацию личности, т.е. в процессах трансформации идентичности. Но переход темпоральных форм требует осуществления определенной трансформационной работы личности над этими формами жизни конкретного человека – другими словами, над самим собой, что приводит в результате к раздваиванию идентичности. Личность как некое Я работает с самим собой, как с Другим. При этом не надо забывать, что эти Я и Другой не закупорены в глубинах самости – они осуществляют определенную активность, деятельность, направленную на предметный мир, решая определенные задачи на жизнь [3]. Вследствие этого происходит раздвоение деятельности на работу, которая осуществляется с деятельностью субъекта, направленной на предметный мир. Таким образом, возникает психологическая формула: личность (идентичность) = Ното-Duplex [1]. Без подобной дифференциации субъекта и деятельности все рассуждения о практике себя и феномене «само» будут абстрактным философским дискурсом или художественной метафорой. Повторяем, речь идет не о постулировании единства, а об объективации, объяснении механизмов психологической работы синтеза. Уже недостаточно объявлять личность системой, гештальтом, единством, целостностью, самостью. Этот постулат целостности необходимо радикально проблематизировать как проблему связывания, синтеза, работы связывания. Специально напомним о значении процессов связывания в личностные «узлы», о которых говорили и Л.С. Выготский, и А.Н. Леонтьев. Не надо забывать, что именно психологическое связывание как работа связывания связывает узлы деятельности в узлы личности.

Трансформация личности в бытии. Говоря об узлах личности, следует учитывать, что трансформационное самоотношение личности надо искать не в глубине личности, а в жизненных отношениях, отношениях бытия. Действительно, трансформационный характер сущности человеческой индивидуальности выявляется сразу, как только мы рассматриваем субъект, личность, идентичность в жизни, в бытии – в процессах жизнедеятельности, в которых идентичность определяется в подвижных отношениях, во взаимодействии процессов жизни, становящихся форм бытия человеческой индивидуальности. Осуществление индивидуальной истории бытия человека в горизонте социокультурного бытия общества, по сути, и изучает психология, понимая его как процесс индивидуализации социального (истории, информации, социальных процессов, культуры и др.), т.е. интериоризации, интернализации, социализации и др. Поэтому мы уверенно можем утверждать, что внутренняя работа личности, в которой конституируется само основание личности, ее ядро, самоидентичность в процессах связывания образующих личности, происходит не внутри – узлы личности завязываются в жизни, бытии. Тогда внутренняя работа личности (идентичности, субъекта), или работа над собой, практика себя, забота о себе, происходит в жизни конкретного человека в метапсихологической (культурно-исторической) работе личности с собственными способами, формами жизни, бытия. Так как сущность человеческой психики социокультурно обусловлена, то должен происходить процесс трансформации личности в ходе присвоения общественно-исторического опыта.

Работа личности как горизонт интериоризации. Социокультурный опыт не переносится в индивидуальность напрямую, минуя работу личности с этим опытом – знаково-символическими структурами, социальными практиками, дискурсами, диспозитивами, нарративами, культурными кодами. Между тем в объяснении индивидуализации социального упускается целый пласт работы личности человека – психологической работы личности с присвоением социокультурного опыта, опосредствованного знаково-орудийной системой, в процессе предметной деятельности и сотрудничества, общения. Проблема вот в чем: работа личности не тождественна активности личности, деятельности субъекта. В работе личность работает с собственной активностью, деятельностью, субъектностью. Человек, реализуя предметную деятельность, опосредствованную исторически выработанными знаково-орудийными средствами в процессе интериоризации (сознания, самонарации, самопроизводства, автопозиса, дискурсивных практик и др.), осуществляет определенную метапсихологическую работу личности (субъекта, идентичности) со всеми этими культурными феноменами. Осуществляя с указанными процессами и явлениями знаково-орудийно опосредствованную предметную деятельность, субъект, личность, идентичность осуществляет работу с собственной предметной деятельностью, в том числе субъектностью, идентичностью, личностью.

Идентичность не является просто социокультурным, общественным сколком. Она не сводится к конкретному ансамблю интериоризированных социальных отношений. Даже если они осуществляются в процессах жизнедеятельности, многообразных деятельности субъекта. Даже если утверждать, что субъект, идентичность, личность производится в предметной деятельности или в социокультурной дискурсивной практике, то из рассмотрения выпадает работа личности над знаково-символическими структурами, дискурсивными практиками.

Работа личности с осуществлением собственной сущности. Подчеркнем наш тезис: субъект, идентичность, личность есть «одушевленный продукт», создающийся в ходе работы личности с интериоризируемым социокультурным опытом, который выражается в дискурсивной практике, диспозитивах, нарративах, предметной деятельности субъекта, процессах присвоения, овладения и др. Присвоение общественно-исторических отношений (ансамбля отношений), семиотических структур, культурных кодов и тому подобное происходит в деятельности, активности субъекта, но через горизонт психической работы личности с ними. Личность, человеческая индивидуальность – не просто ансамбль, или созвездие, отношений, качеств, свойств, диспозиций. Она есть работа личности над собой и бытием, жизнью – и в этой работе происходит ее становление. Напоминаем, что мы проводим дифференциацию деятельности (труда, активности, работы) на процессы предметной деятельности субъекта – внутренние и внешние – и на работу конкретного человека с многообразием своих дея-

тельностью, субъектом которых он является. Суть не в раздвоении терминов, а в «психоонтологическом» раздвоении психического бытия человека. Специально напомним, что в процессе присвоения социокультурного опыта осуществляется двойная работа: работа личности с социокультурным опытом, реализуемым в предметной деятельности субъекта (первая работа), и в работе личности над собой (вторая работа). Вот эта двойная работа личности над собой упускается и в социологических, и в культурологических теориях, и в культурно-исторической теории, и в психологической теории деятельности. Дифференциации понятия работы и деятельности позволяют нам разработать определенную версию культурно-деятельностной психологии, в которой культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности раскрываются не только в исторической преемственности и связях, а как два взаимодействующих полюса развивающегося живого учения, синтез которых и осуществляется нами на основе понятия психологической работы, опосредствующей предметную деятельность субъекта.

Смерть субъекта. Личность, идентичность, субъект рассматривается в психологии, следуя новоевропейской философии после Декарта, как субстанция – подлежащее, лежащее в основании, подлежащее всяким психическим процессам, высшим психическим функциям, поведению. Автономная, самодетерминированная, самостоятельная, самопричинная субъектность является идеалом психологической теории и практики. Но такой субъект является субъектом пустым, потому что он объективирует бытие, но сам остается вне объективации и вне бытия. Именно такому субстанциональному, тотальному, самостийному субъекту, автономной самодетерминированной идентичности объявлена смерть (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко), и субъект «исчезает» в постмодернизме и конструкционизме, утратив онтологический статус, в плюральных, межкультурных кодах, дискурсивных практиках, самонарративах, текстах, семиотических структурах (Дж. Брунер, К. Герген, Р. Лифтон, Д. МакАдамс, Х. Маркус, П. Нури, Т. Сарбин, Р. Харре и др.) [5]. В результате возникает постпостмодернистская проблема воскресения субъекта и выхода из кризиса идентичности. Таким образом, под вопрос ставится как традиционное представление об идентичности как кросситуативной и кросстемпоральной тождественности, так и нетрадиционное (постструктуралистское, постмодернистское, текстуальное, деконструктивное и др.) представление, которое вписывает в идентичность различие и саморазличие, создающие фрагментацию и множественность. Если объединить оба взгляда, не создавая при этом «кентаврическую», гибридную личность, или «полипняк» [3], то возникает вопрос о новом аспекте психологической работы связывания – работы тождества и работы различия. Здесь уже не работает традиционное указание на процессы дифференциации и интеграции. В предлагаемой нами форме работы должно происходить сочетание несочетаемого: в одной личности приводятся в связь и процессы самоотождествления, и процессы саморазличения одновременно. Данная работа, которая сочетает $A = A$ и $A \neq A$, нарушает фундаментальный логический закон непротиворечия (противоречия), который гласит, что два несовпадающих суждения не могут быть одновременно истинными.

На подступах к воскресению субъекта. Опираясь на проведенный анализ, сформулируем следующее важное положение: модернистской идее незыблемости оснований (мифу о метанаррации) и постмодернистскому исчезновению оснований (множественности интерпретаций и прочему плюрализму) мы противопоставляем положение о культурно-исторической работе конкретного человека по созданию оснований конкретной субъектности для осуществления конкретной предметной деятельности – «одушевленной жизнедеятельности». В определении оснований человеческой жизнедеятельности – психической деятельности (в терминах А.Н. Леонтьева), находится не бинарная оппозиция, а диалектическое взаимодействие: появление и исчезновение, обретение и утрата, рождение и умирание. Мы исходим из идеи двойного опосредствования психической работой предметной деятельности субъекта. Во-первых, речь идет о метапсихической работе личности, или аутопоэтической работе, практике себя – работе конституирования конкретной идентичности, конкретного субъекта, конкретной личности. Во-вторых, говорится о создании основания (подлежащего, подлежащего, условия, предпосылки) конституирования и реализации определенной предметной деятельности субъекта. Напоминаем, что деятельность субъекта опосредствована психической работой человека. Таким образом, на уровне субъекта существует два вида психической работы: метапсихологическая работа субъекта над собой и психическая работа, опосредствующая выполнение деятельности.

Транзитный субъект. После осуществления определенного способа жизнедеятельности (в действительности существование человека полидеятельностно и состоит из многообразия деятельностей, пересекающихся в узлы личности) субъектность исчезает и вновь создается в той или иной форме, релевантной для осуществления уже другой формы жизнедеятельности. Субъектность создается в работе. «Субъект умер» раскрывается нами так: субъект умер, превратившись в перманентную работу субъективации, создания субъекта – рождения субъекта и «умертвления» субъекта. Помните, у Ницше Бог не умер сам по себе: человек с факелом в руках обходил площадь, спрашивая у людей: «Не видели ли вы Бога?». Наконец, возмущенный безразличием к его поискам, бросил им в лицо суровое обвинение: «Бог умер! Мы его убили – вы и я!» [7, с. 592]. В самой работе личности необходимо выявить процессы работы утверждения нечего в себе и работы устранения, выведения из себя неприемлемого, отжившего. Субъект транзитен, он как тотальность есть конкретная полифония, многообразие субъектов, связанных в различные, разнородные синтезы посредством работы личности. Но синтез здесь не стационарный, а циклический. Для адекватного решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо понимание субъекта (личности, идентичности) в трансформационной культурно-исторической онтологии

человека, в бытии человека в изменяющемся, этнически, культурно и религиозно многообразном мире. Что важно, различия здесь не снимаются, не ассимилируются, а производятся и воспроизводятся.

Рекурсивность, цикличность работы личности. Если это так, если личность может существовать в различных гетерогенных социокультурных мирах и при этом воспроизводить собственную идентичность посредством трансформации своих различных несочетаемых смысловых форм, то психическую работу необходимо конкретизировать как работу рождения (воплощения, утверждения, конструирования) и работу умирания (негации, исчезновения, отсутствия, деструкции). И две эти формы работы должны соотноситься, взаимодействовать в работе возрождения. Все три формы работы являются образующими работы личности, которая осуществляется как рекурсивная, циркулярная, континуальная работа с трансформационными циклами рождения, умирания и возрождения. Именно осуществляя подобный триадический информационный цикл, идентичность может переходить, меняясь и в то же время восстанавливая собственную идентичность, сквозь различные социокультурные смысловые образования.

Субъект и событие: событийный подход к психической работе. Для дальнейшего обоснования этой идеи напомним, что субъект как подлежащее, подлежащее или предпосылка, «объективируя» в собственной деятельности определенные предметные единства – теоретические или практические, выступая субстанциональным субъектом, хозяином, носителем акциденций и атрибутов, функций и качеств, которые на него «наешиваются», как на крюк Рассела [8], реализует онтологию сознания, сам оказываясь в «беспочвенности», в пустоте, вне бытия, которое он объективирует, и вне времени, которое он измеряет и переживает. Про эту пустоту и пустого, хотя и всевластного, субъекта мы уже говорили. Теперь поворот проблемы заключается в том, чтобы рассмотреть пустого субъекта в жизни, бытии и наполнить пустоту содержанием. В одном варианте пустота как бы прикрывается, имитируется, симулируется формированием симулятивного образования – симулякра. Другое дело, когда в разрывах жизни, на стыках несочетаемости ухватываются трансординарные, предельные события жизни, бытия человеческой индивидуальности. Именно в этих событиях явно ухватывается множественность субъекта [4].

Следуя событийной трактовке психического, субъект, который обычно трактуется предметно – как субъект деятельности, теоретической или практической, и / или как субстанциональный субъект акциденций, предикатов, мы будем рассматривать, кроме того, событийно. Это потребует темпорального понимания психического, которое, в свою очередь, определяется в горизонте трансформации бытия личности, в переходе повседневного (ординарного) и неповседневного (трансординарного) модусов бытия личности [6]. Для раскрытия проблемы конструирования идентичности в процессах самоидентификации и саморазличия мы основываемся на понятии психической работы – работы субъекта, идентичности, личности над собой, – которая обеспечивает осуществление психической деятельности субъекта. Следуя такому взгляду, личность, идентичность, субъект понимается не как стабильная, самоидентификационная психическая субстанция, а как работа. Личность есть не свойство, не диспозиция, не функция и не качество, а континуальная работа – работа личности. Но эту работу надо ухватить событийно: работать с собой личность может только в событиях жизни, драмах жизни. Проживая и переживая определенное событие, человек работает со своей событийностью, конструируя определенный опыт. В работе личности конституируется, формируется продукт этой работы – идентичность личности, существующая в жизни, бытии (в событиях жизни, в событиях бытия). Эта работа, однако, рекурсивна, циклична, носит круговой, повторяющийся характер: в рекурсивной работе создается идентичность, субъектность, личность, которая сохраняется, продолжает быть собой, но изменяется, становится иным. Событийно – это означает, что идентичность существует в событиях жизни, из которых она тклет узор своей жизни как целого – единственного события жизни, длящегося длительностью всей жизни.

Рождение, умирание и воскресение субъекта, идентичности. Темпоральное рассмотрение идентичности, субъекта означает, что мы рассматриваем его не только диахронно, последовательно, но и синхронно, в темпоральном единстве трех одновременных модусов – прошлого, настоящего и будущего. Тогда психическую работу можно ухватить в круговой темпоральности, историчности: в культурно-исторической работе создается и исчезает, рождается и умирает личность, субъект, идентичность. Осуществляется круговая рекурсивность: рождение идентичности, умирание идентичности и ее воскресение происходит в круговом, циклическом, рекурсивном процессе – повторении вновь, но в различии. Идентичность континуально продолжается, воспроизводится в повторении, в котором создается различие – повторение того же самого, но иного. Повторяется тождество различия – повторение происходит в различии. Конституирование идентичности, субъектности в ходе работы умирания-воскресения является как основой формирования конечной, временной субъектности, идентичности, так и основанием, открывающим возможность осуществления любой формы жизни и модуса бытия.

Автопоэзис и альтропоэзис. Когда мы говорим о работе личности – работе над собой, практике себя, заботе о себе, самоменеджменте, самостроительстве и других феноменах «само», – создается впечатление о самозамкнутости и о лейбницевской монаде без окон. Мы предлагаем разомкнуть субъекта. Культурно-историческая работа, по сути, происходит не внутри личности, а в жизни, бытии, в событиях жизни, в событиях бытия человеческой индивидуальности во взаимодействии с Другими. Работа личности над собой открывается как интерперсональная, интерсубъектная работа личности – как работа над собой (таким, как есть) и работа над Другим (иным, не таким, как есть). В работе личности, таким образом, переплетаются аутопоэтическая работа – работа личности над собой, практика себя, забота о себе, и альтропоэтическая работа – работа личности над

Другим, практика Другого, забота о Другом. Таким образом, личность конституируется, создается с разных сторон, по крайней мере с двух сторон – со стороны работы Я и со стороны работы Другого. В действительности над нами работает множество Других, каждый из которых хочет конструировать из нас собственную версию нашей идентичности. И нам приходится осуществлять контр-работу, чтобы отстаивать свою идентичность, выстраивая определенное личностное взаимодействие, но с участием проводимой нами работы над Другим. И многое в этой работе происходит постфактум.

Феномен «пост» и феномен «ре» – ресоциализации. Ситуация современной культуры и жизни идет, как известно, под эгидой феномена «пост»: постструктурализм, постмодернизм, постнеклассика, постчеловек, постистория, постиндустриальность, постглобализм, постмультикультурализм. С учетом всего вышеизложенного, мы предлагаем перейти от феномена «пост» к феномену «ре». Феномен «пост» говорит, что Спаситель уже приходил, а мы Пришествие Его проглядели. И Спасителя больше не будет, и Мессия не придет! Ибо утрачены великие основания и великие обоснования – и трансцендентальные диспозиции, и трансцендентные сущности. И остались одни сколки культуры, зыбкие замки из песка, которые смываются очередной волной. И Апокалипсиса не будет – он уже происходил. Мы живем не в ожиданиях, опираясь на великие метаповествования и традиции. Мы живем после конца, без всяких великих ожиданий.

А феномен «ре» бросает вызов феномену «пост». Он переводит в синергической работе над собой, этого зыбкого, лоскутного постчеловека – человека без оснований и корней в безумно неоднозначном мире и постоянно меняющейся реальности, в сферу ресоциализации – в широком смысле, в инстанцию феномена «ре», в инстанцию возрождения, возобновления, воскресения, повторения попыток новой жизни... Феномен «ре» вводит ресоциализацию, реинкарнацию, реставрацию, ренессанс, реновацию, реинжиниринг, революцию, реформацию. Все эти процессы «ре» строятся на возрождающей трансформации нас самих – нашей личности, идентичности, самости, субъектности, которая происходит в работе личности над собой – автопоэтической работе личности. Наша идея заключается в следующем: в этой оксюморонной работе сочетания несочетаемого в личность, субъект, селф, идентичность вписывается иной, чужой, Другой, чужая культура, не мои смыслы. Значит, необходимо различать личностный смысл как смысл для меня – автосмысл, и смысл для Другого – альтросмысл. Исходя из этого, мы говорим о смысловой дубликации личности, самости как нормальном состоянии души. Личность теперь открывается в этих смысловых перипетиях как перманентная работа по сочетанию несочетаемого, что дает возможность жить в изменяющейся реальности и переходить из одной реальности в другую анти-реальность, например из сакрального храма в лимузин. Я и иной гетерогенны, они несочетаемы, между ними невозможны синтез и ассимиляция, гештальт или система. Мы – существа не целые и конечные: вместо целостной смысловой иерархии возникает смысловая дубликация. Тогда нам приходится объявить личность не качеством или свойством – в форме системы, гештальт, а работой – работой личности над собой. Но эта работа над собой идет теперь и как работа над иным, над Другим – работа личности идет между Я и Другим, между собой и Другим. В этой синергической работе и происходит умирание и воскресение субъекта, Я, идентичности: мы остаемся собой, становясь иным, Другим, изменяясь в работе возрождения. Возникают гетерогенные, неассимилируемые, несинтезируемые смыслы, распадающиеся на мои и чужие смыслы, которые не отчуждаются друг от друга, а приходят в близкую связь, требуя работы по сочетанию (пассивный синтез) несочетаемых смыслов – автосмыслов и альтросмыслов, смыслов бытия и смыслов небытия, смыслов жизни и смыслов смерти. Из этого положения становится ясной односторонность идеи о поиске смысла как утраченной вещи. Люди могут страдать не только от отсутствия смыслов, но и от присутствия определенных смыслов и невозможности освободиться от них. Рождение одних смыслов предполагает умирание других смыслов, но для этого требуется работа рождения и работа умирания в инстанции возрождения.

Литература

1. Выготский Л.С. Конкретная психология человека. М., 1986.
2. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М. : Наука, 1980.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. М. : ПАРФ, 2006. Т. 2.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис... д-ра психол. наук. М., 2009.
6. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М. : ПАРФ, 1998.
7. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003.

DEATH AND REVIVAL OF IDENTITY

Magomed-Eminov Madrudin Sh., doctor of psychology, professor, head of the department of the psychological relief and resocialization faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: m_sh_m@mail.ru

Abstract. In this paper we propose cultural-activity approach to the phenomenon of human individuality: subject, personality, identity. In the scientific literature personality is viewed mainly in a dichotomous opposition: either as stable, constant substance, or as unstable, movable variable, which inevitably creates a methodological and theoretical contradiction, because it is a combination of two incongruous at first sight hypostases. Psychological synthesis of identity in psychological literature is more often ignored or just pos-

tulated. Starting from Vygotsky's idea of "transforming the postulate into problem", the author raises the question: how is it created, the unity of changeable, fluid person, like the life itself, and at the same time maintaining its permanence (identity)? For concretization and argumentation the idea and the phenomenon of transformation of mental being, human life and transformational personality work are put forward to forefront of understanding person: the psychological, metapsychological synthesis of identity occurs in movement: in transition from one form, that is the personality formation, into another form, that is personality formation, that is, in the processes of transformation of identity. The main purpose of article is to overcome the modernist idea of inviolability and the postmodern idea of disappearance of the grounds, and the opposition of the cultural-historical work of personality of particular person in life and being. The intentional substantive activity of the subject and the work on realization of the event of being, the event of life are distinguished. The activity of the subject is mediated by the person's mental work: the work of personality over oneself. In the continual work of personality the product of this work, the identity of individual is formed. Identity, personality, subject is born, dies and revive, creating continuous circular, recursive process in which work divides into objective activity and the subject's work with this activity, with himself and with the Other, and the formation of subjectivity, identity as the basis for implementation of life forms and modes of being in the life world. In the work of personality, autopoiesis is intertwined: the work of the personality over oneself, the practice of self, caring for oneself, and altopoiesis, that is the work of the personality over the Other, the practice of the Other, caring for the Other.

Keywords: subject; personality; identity; temporality; transformation; metapsychological the work of the individual; automatiska work of the personality over himself.

УДК 159.93

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР ИГРОКАМИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

А.Г. Макалатия

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: axis_mail@list.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности восприятия персонажей компьютерных игр испытуемыми разного возраста. Обсуждаются факторы, влияющие на восприятие и оценку персонажа, выбор персонажа в качестве ролевой модели и идентификации с ним. По результатам исследования выявлены различия между разными возрастными группами игроков в относительной важности разных аспектов образа персонажа в выборе оснований для предпочтения.

Ключевые слова: восприятие персонажа; идентификация; образ персонажа; компьютерные игры.

Расширение объемов индустрии компьютерных игр и быстрый рост их аудитории за последние десятилетия превратили компьютерные игры в неотъемлемую часть массовой культуры и повседневной жизни людей. В настоящее время для таких игр используются не только компьютеры, но и телефоны, планшеты и другие электронные устройства. Это приводит к тому, что игры становятся доступны не только за компьютером, но, по сути, в любой момент жизни – в транспорте, на уроке, дома, на улице. Причем играют не только дети, но и взрослые.

Несомненно, игры оказывают влияние на пользователей. Множество психологических исследований посвящено проблемам зависимости от компьютерных игр, вопросам особенностей коммуникации и самопрезентации в играх, влиянию игр на когнитивные процессы и т.п. [1, 2].

В настоящем исследовании мы хотели бы сосредоточиться на одном аспекте – восприятии персонажей компьютерных игр и формировании положительного эмоционального отношения к ним.

Сочувствие и сопереживание персонажам, идентификация с ними являются одним из основных способов воспитательного воздействия «сюжетного» искусства – художественной литературы, кино и театра. Многие компьютерные игры могут быть поставлены в этот ряд – они тоже обладают разветвленным сюжетом, множественностью персонажей, обладающих своими личностными особенностями и связанных непростыми отношениями.

Идентификация является одной из важнейших составных частей восприятия художественного произведения. Она позволяет поставить себя на место персонажа, перенести на себя его образ мыслей и действий. За счет этого расширяется и обогащается опыт человека и происходит формирование его личности [5, 6].

Фактически игры для современных детей отчасти потеснили художественную литературу. Сюжеты и герои игр являются предметом обсуждений и споров современных подростков и молодежи, в них играют дети в «обычных», некомпьютерных сюжетно-ролевых играх, молодые люди часто подражают героям игр во внешности, одежде, отдельных словах и выражениях

Все это указывает на важность исследований того, как именно воспринимаются персонажи компьютерных игр, в чем специфика этого нового вида искусства и как именно воздействует оно на людей.

Методики исследования. В исследовании принимали участие две группы испытуемых.

Первая – школьники 13–16 лет, учащиеся общеобразовательных школ г. Москвы, всего 40 человек, из них 17 девушек и 23 юноши.

Вторая – взрослые игроки в компьютерные игры, от 17 до 30 лет. Средний возраст респондентов – 22 года. Всего в исследовании приняли участие 40 человек, 15 женщин и 25 мужчин.

Исследование проводилось методом письменного опроса. Вопросы касались любимых игр и любимых персонажей, отношения к ним, того, что испытуемым кажется наиболее важным и привлекательным в любимом персонаже. Опросник содержал как шкальные, так и открытые вопросы, ответы на последние обрабатывались методами контент-анализа.

Результаты и обсуждение. Прежде чем перейти к описанию результатов опроса, надо сказать, что компьютерные игры очень разнообразны, далеко не во всех играх вообще наличествуют персонажи, а в очень многих главным персонажем, протагонистом, является персонаж, характер, внешность и образ действий которого полностью создаются игроком. Тем не менее мы смогли выделить категории характеристик, на основании которых пользователи оценивают персонажа как любимого.

Для группы школьников самыми важными для респондентов являются особенности внешнего вида персонажей.

На втором месте стоят особые способности и силы этих персонажей, далее идут характер персонажа, его взаимоотношения с окружающими и детали биографии.

В свободном описании своих любимых персонажей большинство респондентов этой группы (60%) также делали акцент на внешний вид и визуальные эффекты действий персонажа.

Эти данные согласуются и с результатами других наших исследований, в которых школьники в ответах на вопрос об «идеальной игре» указывали как на один из самых важных элементов на красоту, реалистичность, или «крутость», графики игры, внешнего вида героев и / или картинки игрового мира в целом [3].

Следующими по важности в этой группе оказались умения / способности персонажа, то, с помощью чего он воздействует на окружающий мир и добивается своих целей. Далее идут вещи, определяющие личность персонажа, его человеческие качества: характер персонажа, его взаимоотношения с другими персонажами и биография. Принимаемые персонажем по ходу сюжета решения находятся ближе к концу списка, по-видимому, потому, что в игре это часто определяется игроком. И на последнем месте оказались характеристики, описывающие внутренний мир персонажа, его мысли и чувства.

Во второй группе испытуемых результаты оказались следующими: наиболее притягательными и ценными качествами игровых персонажей для респондентов являются черты характера, на втором месте по важности идет биография персонажа, на третьем – принятые персонажем решения, и только на четвертом – внешний вид. Внутренний мир персонажа так же, как и в первой группе, оказался ближе к концу списка.

Итак, мы видим, что с возрастом испытуемых меняется субъективная значимость для них тех или иных презентированных в игре свойств персонажа и критериев зачисления персонажа в «любимые».

Что касается подростков, то, как уже было отмечено, любимые персонажи из игр становятся для детей ролевыми моделями наряду с персонажами книг и фильмов. Но когда мы говорим об этом аспекте, необходимо учитывать, что, во-первых, далеко не во всех компьютерных играх вообще есть персонажи, а в тех, где есть, они далеко не всегда сюжетно проработаны и отличаются какой-либо выраженной индивидуальностью и личностными особенностями. Во многих играх поведение, внешность и характер персонажа полностью определяются игроком. Так что о воздействии, сходном с воздействием персонажей книг и фильмов, мы можем говорить только применительно к персонажам сравнительно узкого класса игр. И далеко не всегда персонаж, за которого играет игрок, и сюжетный персонаж, который может стать для игрока ролевой моделью, совпадают, потому что собственным характером, личностью и созданными авторами игры сюжетом и действиями в играх часто обладают так называемые NPC (non-player character), персонажи, за которых нельзя играть. А персонаж, за которого играет игрок, специально создается «пустым», чтобы игрок мог сам его «наполнить».

Что касается полученных нами данных о важности визуального компонента игр для детей и подростков, это согласуется с полученными данными о важности этих аспектов для восприятия и других видов инфопродукции, например мультфильмов [4]. Визуальный образ оказывает очень сильное эмоциональное воздействие на подростков. То, как выглядит персонаж, во что он одет, как выглядит его оружие, как он движется, сражается, использует магию и т.п., имеет для пользователей этого возраста очень большое значение. Важным является не только эстетическое впечатление, но тот смысл, который несут элементы визуального образа. По сути, через внешность подросток воспринимает личность героя игры; так, мрачный, одолеваемый тяжелыми воспоминаниями герой будет одет в одежды темных тонов, сила героя подчеркивается массивностью его фигуры или объемом и яркостью спецэффектов его магических способностей, обилие заостренных деталей в одежде и экипировке героя выражает готовность дать отпор и перейти к активным / агрессивным действиям и т.п.

Для подростков очень важна также визуальная незаурядность героя. Он должен зрительно выделяться из толпы, быть непохожим на других персонажей игры. В играх, где возможна кастомизация внешнего вида персонажа (т.е. внешность персонажа не жестко задана программой, а у игрока есть возможность по своему желанию изменить те или иные детали его внешности), многие игроки уделяют этому аспекту много внимания и времени. Особенно актуально это для игроков в MMORPG (многопользовательские ролевые игры), где по причине множества персонажей довольно трудно сделать своего выглядящим уникально и непохожим на всех остальных. При этом внешность персонажа оказалась для игроков мужского пола не менее важной, чем для девушек.

Особенности внешности являются для подростков способом выразить важные черты и качества создаваемого персонажа, и через особенности внешности они воспринимают персонажей, созданных авторами игры. Возможно, это повышенное внимание к внешности своего «виртуального я» в игре связано еще и с тем, что большинство подростков испытывают недовольство своей реальной внешностью.

Следующей по частоте упоминания характеристикой любимого персонажа в младшей группе испытуемых были его силы и особые способности, т.е., по сути, способ воздействия на окружающий мир. В играх это, как правило, тоже передается в первую очередь визуализацией боевых приемов / заклинаний / действий и часто рассматривается игроками как составная часть визуального образа.

Для более взрослой группы игроков непосредственные визуальные стимулы отходят на второй план. Представители этой группы воспринимают персонажа более целостно и основное внимание уделяют его поступкам, мотивациям и чертам характера; можно сказать, что для этой группы испытуемых «внутреннее» персонажа важнее «внешнего». Персонаж для них – не только образ, но личность, раскрывающаяся в игре через поступки и отношения с другими.

Внутренние переживания персонажа интересуют игроков обеих групп значительно меньше, возможно потому что они непосредственно не видны в игре и требуют особой внутренней работы по «додумыванию» того, что думает и чувствует персонаж. Это связано со спецификой компьютерных игр, в которых, в отличие от литературы, невозможны прямая передача, показ читателю «внутреннего диалога» персонажа, прямое описание его чувств и переживаний. У автора компьютерной игры есть возможность показать своего героя только через внешний образ и совершенные им действия. Поэтому внутренний мир персонажа оказывается в тени и его понимание полностью зависит от фантазии игрока.

Выводы. Образы персонажей компьютерных игр вызывают у игроков эмоциональные реакции, сопереживание и идентификацию, сравнимые с таковыми же персонажей книг и фильмов.

Характеристики образа персонажа, влияющие на отношение к нему, различаются у испытуемых разного возраста: в группе школьников ведущими являются визуальные характеристики внешности и оформления действий персонажа, в более старшем возрасте большее значение приобретают характеристики личности персонажа, его поступки и мотивации.

Внутренний мир персонажа, его чувства и переживания, как правило, не раскрываются непосредственно в игре и поэтому не оцениваются игроками как важные для восприятия персонажа.

Литература

1. Богачева Н.В. Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2014. № 4. С. 120–130.
2. Иванов М. Влияние ролевых компьютерных игр на формирование психологической зависимости человека от компьютера // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2. С. 41–47.
3. Макалатия А.Г., Матвеева Л.В. Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 15–24.
4. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Макалатия А.Г. Особенности восприятия эмоциональных состояний в информационной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2016. № 2. С. 23–39.
5. Осорина М.В. Этапы развития личности ребенка и его чтение // Детское чтение: Феномен и традиция в конце XX столетия. СПб., 1999. С. 17–21.
6. Тихомирова И.И. Методический словарь-справочник для библиотекарей «Психология детского чтения от А до Я». Идентификация, или узнавание в персонаже себя // Школьная библиотека. 2004. № 1. С. 15–19.

PERCEPTION OF CHARACTERS OF COMPUTER GAMES BY GAMERS OF DIFFERENT AGES

Makalatia A.G., post-graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: axis_mail@list.ru

Abstract. The article deals with peculiarities of perception of characters in video games by subjects of different ages. The article discusses the factors affecting the perception and evaluation of the character, the choice of the character as a role model and identification with it. According to the results of the study differences were revealed between different age groups of players in the relative importance of different aspects of the character's image in choosing the grounds for preference.

Keywords: character perception; identification; character image; computer games.

УДК 159.9.07

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПСИХОЛОГА В КОНТЕКСТЕ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.А. Маленов, А.Ю. Маленова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия
E-mail: malyonov@univer.omsk.su

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме социальных представлений о специалисте психологического профиля и специфике его деятельности. Предположительно, в обществе до сих пор существуют стерео-

типизация в отношении психологов, неточность и искаженность образа данной профессии и ее представителей. В работе приведены результаты сравнительного исследования особенностей представлений о психологе и его профессиональной деятельности у специалистов социномического профиля и психологов-практиков.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; взаимодействие; психолог-практик.

Динамично обновляющаяся жизнь современного российского общества с его неопределенной, противоречивой и непрограммируемой социальной ситуацией усилила социальный заказ на профессию практического психолога. Сеть психологических услуг получила свое стремительное развитие во всех основных сферах жизнедеятельности общества: образовании, здравоохранении, производстве и т.д. Однако длительное отсутствие в нашей стране профессиональной психологической помощи способствовало формированию в большей части неадекватных представлений у потенциальных клиентов о том, кто такой психолог, чем он может помочь, в чем заключается содержание его работы. Как показывает анализ литературы [1, 3, 4, 7], представления о профессиональной психологии часто основываются на разного рода мифах, порожденных обыденными мнениями, слухами, телепередачами, посвященными психологическим сюжетам, популярной психологической литературе и т.д. В связи с этим, реальность, стоящая за такими представлениями, воспринимается искаженно, обретая порой гипертрофированные оттенки. Безусловно, данные обстоятельства не только снижают эффективность процесса межпрофессионального взаимодействия, но и препятствуют распространению адекватной потребности в услугах психологов-специалистов.

Цель нашего исследования – выявить особенности представлений о психологе и его профессиональной деятельности у специалистов социномического профиля. Последние нас интересовали, поскольку именно образование, медицина, право и производство, по мнению ряда авторов [1, 2, 4, 6], являются основными социальными сферами деятельности практического психолога, где он неизбежно вступает в межпрофессиональные отношения с клиентами. Всего в исследовании приняли участие 203 человека в возрасте от 24 до 48 лет, из них 145 женщин и 58 мужчин: 1) экспериментальная группа – 155 человек, из которых 43 педагога, 33 менеджера, 36 медиков и 43 полицейских; 2) контрольная группа – психологи-практики (всего 48 человек). Базовым методом получения эмпирических данных выступил опрос, в рамках которого был использован фрагмент анкеты А.И. Донцова и Г.М. Белокрыловой [5], модифицированный под цель и выборку исследования. Для выявления статистических закономерностей применялись: контент-анализ; критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

Обсуждение результатов следует начать с того, что большинство респондентов (88% учителей, 91% менеджеров, 94% медиков и 91% сотрудников полиции), включая психологов-практиков (96%), признают психологию фундаментальной наукой, целью которой является производство знания, позволяющего объяснять и прогнозировать характер психических феноменов. С целью определения специфики представлений о содержании профессиональной деятельности психолога респондентам исследуемых профессиональных групп был задан вопрос о том, чем занимается психолог-специалист. Результаты частотного анализа ответов показывают, что преобладающее большинство ответов во всех профессиональных группах при описании работы психолога пришлось на дескриптор «помощь людям в решении разного рода психологических проблем». В частности, такого мнения придерживаются 58% психологов, 63% учителей, 48% менеджеров, 72% медиков и 53% сотрудников полиции. Существенно меньшая часть ответов респондентов контрольной и экспериментальной групп на поставленный вопрос приходится на дескриптор «изучение фактов, механизмов и закономерностей психической жизни». На данный вид деятельности профессионального психолога указали 8% психологов, 30% учителей, 21% менеджеров, 17% медиков и 37% полицейских. Из данного соотношения ответов респондентов можно предположить, что, несмотря на отнесение психологии к фундаментальным наукам, профессия психолога существенно чаще ассоциируется с ее практико-ориентированным аспектом.

Следует отметить, что, несмотря на то что в одном высказывании респондентов в ответ на данный вопрос анкеты могло быть задействовано несколько суждений, которые относятся к разным группам, в тех случаях, когда они звучали именно как оказание психологической помощи психологом, без раскрытия содержания этой помощи (например, «помогает людям восстанавливать душевное состояние», «помогает людям разобраться в себе», «помогает снять тяжесть огорчения с души человека» и т.д.), становилось не совсем понятно, осознают ли респонденты экспериментальной группы, в чем именно она заключается. Так, например, в банк ответов на этот вопрос вошло 53 суждения учителей (при $n = 43$), 27 из которых пришлось на дескриптор «помогает людям в решении разного рода психологических проблем», 13 – на дескриптор «изучение фактов, механизмов и закономерностей психической жизни» и 13 – на конкретные виды деятельности психолога (хотя в данной профессиональной группе они были названы в большем объеме, чем в остальных группах непсихологов). Универсальным и адекватным реальности является представление всех подгрупп экспериментальной группы о таком направлении деятельности практического психолога, как консультирование, на него указали 9% учителей, 27% менеджеров, 11% медиков и 14% сотрудников полиции. Специфичным, но вполне ожидаемым ответом на поставленный вопрос стало утверждение 6% менеджеров и 5% сотрудников полиции о том, что психолог в свое рабочее время занимается лечением душевнобольных людей.

Сравнительный анализ содержания представлений с помощью критерия ϕ^* Фишера показал (табл. 1), что различия группы учителей с группой психологов значимы по дескрипторам, описывающим такие виды профессиональной деятельности психолога: «коррекционно-развивающая деятельность» ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 3,47$ при $p \leq 0,001$),

«психологическая профилактика» ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,82$ при $p \leq 0,001$), «изучение фактов, механизмов и закономерностей психической жизни» ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,78$ при $p \leq 0,001$). Из этого следует, что учителя, значимо чаще называя цели труда научного психолога, значительно реже в своих высказываниях упоминают о конкретных направлениях деятельности психолога-практика.

Т а б л и ц а 1

Уровень значимости различий в частоте встречаемости представлений о содержании профессиональной деятельности психологов в контрольной и экспериментальной группах

№	Дескрипторы (виды профессиональной деятельности психолога)	Профессиональные группы			
		Учителя	Менеджеры	Медики	Сотрудники полиции
		φ^* эмп.	φ^* эмп.	φ^* эмп.	φ^* эмп.
1	Помощь людям в решении разного рода психологических проблем	0,49	0,88	1,34	0,48
2	Коррекционно-развивающая деятельность	3,47***	–	–	–
3	Психодиагностика	1,17	–	2,07*	–
4	Психологическая профилактика	2,82***	–	–	–
5	Психологическое консультирование	0,89	1,32	0,54	0,13
6	Просвещение	–	–	–	–
7	Изучение фактов, механизмов и закономерностей психической жизни	2,78***	1,67*	1,25	3,49***
8	Лечение душевнобольных людей	–	–	–	–

Примечание. Отсутствие в таблице значений коэффициентов углового преобразования Фишера указывает на выбор данного дескриптора представителями только одной профессиональной группы. Уровень значимости: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$; *** – при $p \leq 0,001$.

В профессиональных группах менеджеров ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 1,67$ при $p \leq 0,05$) и сотрудников полиции ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 3,49$ при $p \leq 0,001$) также наблюдается недостаток указания действительных видов деятельности практического психолога при значимо частом упоминании основной задачи профессиональной деятельности академического психолога в соответствии социальным заказом на его профессию: «изучение фактов, механизмов и закономерностей психической жизни». Значимая разность в частоте упоминания такого вида профессиональной деятельности практикующего психолога, как психологическая диагностика, была обнаружена между группами медицинских работников и психологов при доминировании ответов последних ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,07$ при $p \leq 0,05$). Индивидуальный анализ анкет показал, что из группы медиков эти ответы были даны лицами, имеющими в своем опыте случаи обращения к психологу за квалифицированной помощью, поддержкой.

Итак, установленные факты на уровне исследуемых групп показывают, что основная часть потенциальных клиентов психолога в лице представителей разных профессиональных групп весьма приблизительно, поверхностно осведомлена о сути оказываемых психологами услуг. Вместе с тем, наряду с этими мало дифференцированными ответами о содержании профессиональной деятельности практического психолога, присутствует, хотя не столь распространенное, но весьма искаженное понимание его функций, соотносимое с ним при его уподоблении психиатру или психотерапевту. Очевидно, что отсутствие четкого представления о специфике труда практического психолога может привести, с одной стороны, к расширенному толкованию его функций, формированию неадекватных ожиданий относительно его профессиональной деятельности, и как следствие, сложностям в процессе межпрофессионального взаимодействия, а с другой – к лишению человека возможности искать помощи у психолога.

Поскольку в нашей работе особый научный интерес вызывают представления о специфике деятельности в первую очередь психолога, профессионально занимающегося практической работой, т.е. оказывающего помощь человеку, группе или организации, нашим респондентам было предложено закончить фразу «Я думаю, психолог нужен тем людям, которые...» Преобладающими ответами на данное задание анкеты в контрольной группе стали утверждения о том, что психолог необходим тем лицам, которые осознали необходимость в его услугах (33%), и тем, кто, столкнувшись с психологическими трудностями, не способен решить их самостоятельно (33%). С первым суждением психологов согласились 12% учителей, 24% менеджеров, 28% медиков и 26% сотрудников полиции. Вместе с тем мнение группы психологов о том, что главной причиной обращения к их услугам должна стать возникшая психологическая проблема, неразрешимая человеком самостоятельно, стало приоритетным также среди профессиональных групп учителей (44%), менеджеров (52%) и сотрудников полиции (37%). Тогда как в группе медицинских работников с данным мнением большинства согласилось лишь 17% реципиентов.

Достаточно высокую частоту упоминаний встречает убеждение о том, что психолог показан тем, кто обладает специфическими психологическими особенностями, находящимися в рамках клинической нормы, но осложняющими жизнь человека. В частности, дескриптор, указывающий на данное обстоятельство обращения к помощи практикующего психолога, является доминирующим для группы медицинских работников (33%) и полицейских (37%). Достаточно высокий процент его упоминаний зафиксирован также в группе учителей (40%).

Менее популярным, однако упоминаемым представителями всех профессиональных групп, как основное обращение к психологу за квалифицированной помощью, стал дескриптор, указывающий на наличие сложной жизненной ситуации. Об этом говорят 17% психологов, 19% учителей, 21% менеджеров, 28% медицинских работников и 21% сотрудников полиции.

Согласно представлениям группы психологов (4%), учителей (7%), менеджеров (9%) и сотрудников полиции (2%), испытывать нужду в помощи профессионального психолога могут также психологически одинокие люди, находящиеся в субъективно воспринимаемой психологической изоляции. Примечательно, что мнение психологов-практиков (4%) совпадает с представлениями медицинских работников (12%) о том, что в настоящее время в нашей стране с ее неблагоприятной экономической, политической и социальной обстановкой психолог полезен абсолютно всем. Как один из вариантов ответа на поставленный вопрос анкеты 6% менеджеров и 5% сотрудников полиции предлагают утверждение о том, что психолог необходим тем, кто страдает расстройством нервной системы, «инвалидизацией» психики.

Статистический анализ ответов на настоящий вопрос анкеты с помощью критерия ϕ^* Фишера приведен в табл. 2.

Таблица 2

Уровень значимости различий в частоте встречаемости представлений о лицах, нуждающихся в квалифицированной психологической помощи, в контрольной и экспериментальной группах

№	Дескрипторы (лица, нуждающиеся в квалифицированной психологической помощи)	Профессиональные группы			
		Учителя	Менеджеры	Медики	Сотрудники полиции
		ϕ^* эмп.	ϕ^* эмп.	ϕ^* эмп.	ϕ^* эмп.
1	Все, кто осознал, что нуждается в помощи психолога	2,46***	0,88	0,49	0,73
2	Те, кто столкнулся с психологическими проблемами и не может решить их самостоятельно	1,08	1,71*	1,70*	0,40
3	Все, кто находится в сложной жизненной ситуации (стресс, депрессия и т.п.)	0,25	0,45	1,20	0,49
4	Обладающие специфическими психическими особенностями в рамках нормы (легко ранимы, психически неуравновешены, страдают фобиями или разного рода комплексами и т.п.)	3,45***	0,28	2,63***	3,16***
5	Психологически одинокие	0,63	0,91	–	0,57
6	Все	–	–	1,65*	–
7	Все, кто имеет проблемы с нервной системой	–	–	–	–

Представители контрольной группы значимо чаще, чем учителя, видят в качестве своих клиентов тех лиц, кто осознанно ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 2,46$ при $p \leq 0,001$) стремится к их содействию, поддержке в критических ситуациях. Вероятно, доминирование этого вида ответов обусловлено тем, что много проще устанавливать доверительные отношения с клиентом, когда он оказывается на приеме у психолога не по настоятельной рекомендации окружающих, а исключительно по собственной инициативе.

Члены профессиональной группы менеджеров наиболее часто ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,71$ при $p \leq 0,05$) упоминают, что клиентом психолога становятся те, кто неспособен разрешить возникшую психологическую проблему, трудность самостоятельно, тогда как с позиции медицинских работников это обстоятельство значимо реже ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,70$ при $p \leq 0,05$) толкает человека к принятию данного решения. Последние более часто высказывают мнение о том, что в настоящий исторический период, весьма специфичный для России, психологическая помощь, сопровождение необходимы всем людям ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,65$ при $p \leq 0,05$). Повышенной значимостью для групп учителей ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 3,45$ при $p \leq 0,001$), медицинских работников ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 2,63$ при $p \leq 0,001$) и сотрудников полиции ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 3,16$ при $p \leq 0,001$) обладает понимание того, что психолог показан людям, обладающим специфическими психическими характеристиками, соответствующими клинической норме, но осложняющими им жизнь.

Итак, полученные результаты показывают, что большинством респондентов экспериментальной группы осознаются вполне адекватные причины обращения человека за помощью к практикующему психологу, а именно, что таким основанием становятся не клинические нарушения, а психологическая проблема, представленная в сознании клиента в виде трудности или барьера, которую он желает преодолеть при содействии психолога. Однако качественный анализ анкет показывает, что представители экспериментальной группы весьма редко упоминают о том, что психолог может работать не только с отдельным человеком, но и с социальной группой, причем не только малой, но и большой. Это дает нам основание предположить, что данная информация, просто отсутствует в системе представлений респондентов.

Для того чтобы выяснить позицию респондентов, составляющих экспериментальную группу, относительно того, как они относятся к возможности их непосредственного обращения за помощью к профессиональному психологу, мы предложили им закончить предложение: «Лично я обращусь к психологу при условии...» Представления членов экспериментальной группы относительно условий, способствующих их обращению за профессиональной помощью к психологу, являются в большей степени универсальными, но вместе с тем

весьма дифференцированно отражающими наиболее значимые для них обстоятельства. Так, в профессиональной группе «стражей порядка» (28%) в качестве основного события, допускающего возможность их обращения за профессиональной помощью к психологу, признано возникновение потребности в ней, между тем в группах медиков (20%) и менеджеров (15%) эта категория ответов является менее популярной, а в группе учителей отсутствуют совсем.

Представители профессиональных групп учителей и менеджеров (по 37%) чаще всего упоминают безвыходную жизненную ситуацию как главное обстоятельство, стимулирующее их к поиску квалифицированной помощи у психолога, но в группах медицинских работников и сотрудников полиции настоящее условие имеет меньшую степень актуальности (17 и 14% соответственно). Для большинства медицинских работников (22%) первостепенное значение имеет высокий профессионализм специалиста, которому можно доверить свои психологические трудности; следует отметить, что такого же мнения придерживаются 21% учителей, 15% менеджеров и 7% сотрудников полиции.

Универсальными условиями, повышающими вероятность обращения к услугам практикующего психолога, для опрашиваемых групп стала обстановка конфиденциальности обращения (19% учителей, 9% менеджеров, 5% медиков и 9% сотрудников полиции) и отсутствия возможности получения психологической поддержки со стороны родных и близких (9, 15, 17 и 7% соответственно). Как достаточно важное положение, способствующее обнаружению потребности в профессиональной помощи психолога, однако не для всех подгрупп экспериментальной группы (21% сотрудников полиции, 5% менеджеров и 2% учителей), в суждениях респондентов упоминается неординарная ситуация, для которой отсутствуют известные алгоритмы ее решения. Весьма специфичными для контекста ответов представителей экспериментальной группы стали выдвинутые условия установления доступной оплаты за предлагаемые психологические услуги (5% учителей и 3% менеджеров), наличия психолога в штате организации (3% медицинских работников) и вероятность возникновения расстройства нервной системы (2% сотрудников полиции).

Исключают для себя возможность обращения в будущем за помощью к профессиональному психологу 7% учителей, 6% менеджеров, 11% медицинских работников и 12% сотрудников полиции. Важно отметить, что частный анализ протоколов с данным видом ответов не показал четкой закономерности его появления: среди представителей разных профессиональных групп лица разного пола, принадлежащие к возрастным группам ранней и средней зрелости, с высшим и средним специальным образованием, имеющие практику получения профессиональной психологической помощи и не обладающие таковой. Данное обстоятельство дает нам основание предположить, что у части сограждан в лице представителей исследуемых нами профессиональных групп существует некоторая предубежденность в отношении профессии психолога.

Сопоставление частот упоминания обстоятельств, с необходимостью предшествующих (и не предшествующих) возможности обращения за помощью к профессиональному психологу в исследуемых профессиональных группах, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Уровень значимости различий в частоте встречаемости представлений об условиях, способствующих обращению за помощью к профессиональному психологу, в экспериментальной группе

№	Дескрипторы (условия, способствующие обращению за профессиональной помощью к психологу)	Сравниваемые профессиональные группы					
		учителя–менеджеры	учителя–медики	учителя–сотрудники полиции	менеджеры–медики	менеджеры–сотрудники полиции	медики–сотрудники полиции
		φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.
1	Возникновения необходимости	–	–	–	0,55	1,38	0,87
2	Безвыходной ситуации	0	2,03*	2,51***	1,90**	2,34**	0,39
3	Никогда	0,18	0,18	0,79	0,18	0,92	0,14
4	Конфиденциальности посещения	1,27	2,00*	1,36	0,66	0	0,73
5	Наличия хорошего специалиста	0,68	0,11	1,93**	0,75	1,12	2,04*
6	Что друзья и близкие не смогут помочь	0,80	1,07	0,34	0,23	1,12	1,46
7	Доступной оплаты	0,44	–	–	–	–	–
8	Нестандартной ситуации	–	0,74	3,10***	–	–	2,32**
9	Наличия специалиста в организации	–	–	–	–	–	–
10	Возникновения расстройства нервной системы	–	–	–	–	–	–

Итак, при всеобщей актуальности безвыходной ситуации как события, повышающего вероятность обращения за квалифицированной помощью к психологу, значимо чаще это условие актуализируется в ответах учителей и менеджеров. Критерий высокого профессионализма специалиста в области психологии при его универсальной важности для реципиентов всех профессиональных групп находит наибольшую статистически значимую выраженность в группе учителей и медицинских работников относительно сотрудников полиции. Тогда как у последних значимо

чаще, чем у представителей профессиональных групп медиков и учителей, потребность использовать помощь профессионального психолога обнаруживается в нетрадиционных, самобытных ситуациях. Кроме того, условие конфиденциальности посещения специалиста в области психологии как обстоятельство, усиливающее желание прибегнуть к его помощи, значимо чаще называется группой учителей, чем медицинскими работниками.

Таким образом, при наличии всеобщих признанных и весьма специфичных положений, определяемых представителями экспериментальной группы как события, повышающие вероятность обращения за помощью к профессиональному психологу, существует их дифференциация по степени значимости для отдельных профессиональных групп. При этом обращает на себя внимание, во-первых, что большинство реципиентов не делает категоричного отрицания относительно возможности обращения к профессиональному психологу за помощью, поддержкой, во-вторых, что условия, с необходимостью предшествующие этому обращению, в большей степени адекватны специфике его работы.

Анализ научных данных показал, что психологическую поддержку человек может находить у разных лиц, вследствие этого в анкете респондентам экспериментальной группы было дано задание проранжировать «помощников», к которым они предпочитают обращаться в случае возникновения такой необходимости. Особый научный интерес у нас вызывало положение психолога в этих потенциальных иерархиях, поэтому нами были заданы такие категории «помощников»: близкие родственники, друг / подруга, психолог, экстрасенс (или знахарь и т.п.), но чтобы не ограничивать респондентов установленными рамками, им предлагалось указать свой вариант ответа в категории «другое». Итоговый ранг выбранного «помощника» определялся по следующей схеме: «1» приписывалась наиболее значимому варианту для респондентов, а «4» – наименее существенному, в случае использования категории «другое» наименее значимый «помощник» обозначался цифрой «5». При возникновении душевных переживаний, проблем в личной жизни или в отношениях с другими людьми приоритет в оказании психологической помощи для большей части представителей профессиональных групп учителей (47%) и сотрудников полиции (58%) имеют члены семьи, тогда как большинство менеджеров (55%) и медицинских работников (47%) предпочитают получать психологическую поддержку в первую очередь у друзей и знакомых.

Второстепенная роль в психологическом содействии в группах учителей (42%), медицинских работников (39%) и «стражей порядка» (40%) наиболее часто отводится категории друзей, тогда как большинство представителей группы менеджеров (43%) в данном случае предпочитает обсуждать свои психологические трудности с близкими родственниками.

Тенденция накопления частот встречаемости выбора психолога в качестве профессионального наставника по решению психологических проблем достигает максимальных значений в третьем ранге. Следует отметить, что настоящая закономерность проявляется на уровне всех профессиональных групп: 47% учителей, 45% менеджеров, 72% медиков и 37% сотрудников полиции считают, что большего успеха в преодолении психологических кризисов можно добиться, если прибегнуть к помощи профессионального психолога, по-видимому, после того, как не помогли все предшествующие «помощники».

Ранг «четыре» является доминирующим по принятию психологической помощи от людей с паранормальными способностями. 73% учителей, 76% менеджеров, 80% медицинских работников и 66% сотрудников полиции допускают возможность обращения к экстрасенсам и тому подобным лицам в трудных жизненных ситуациях.

Мы проверили с помощью F^* Фишера полученные данные на степень значимости различий в частоте выбора интересующего нас «помощника» – профессионального психолога – во всех подгруппах экспериментальной группы. Статистические данные представлены в табл. 4.

Статистический анализ полученных данных показывает, что достоверно чаще учителя, менеджеры, медики и сотрудники полиции предпочитают получать первичную психологическую помощь от близких родственников и друзей, чем от профессионального психолога. Для сотрудников полиции в первом ранге показано значимо частое предпочтение профессиональных услуг психолога относительно поддержки со стороны священнослужителя.

На втором месте по степени авторитетности психологического участия в разрешении душевных проблем для учителей значимо чаще, чем психолог-специалист, оказывается друг или подруга, для менеджеров – члены семьи, а для медицинских работников первая и вторая категории «помощников» одновременно. Примечательно, что для представителей профессиональных групп менеджеров и сотрудников полиции на этой ступени в иерархии «помощников» престиж профессионального психолога оказывается значимо выше его паранаучного оппонента. Кроме того, в данном ранге сотрудники полиции значимо чаще самостоятельным решением психологических проблем готовы предпочесть подсказки профессионального психолога.

Значимо чаще поддержка психолога представителями профессиональных групп учителей, менеджеров и медиков ставится на третье место по степени ее ценности относительно приоритетных помощников первых двух рангов. Более того, на этой ступени иерархии для учителей, менеджеров и медиков авторитет квалифицированного психолога оказывается значимо выше знаний, исходящих со стороны парапсихологов.

Четвертое место также оказывается приоритетным для психолога относительно членов семьи и близких друзей для учителей и сотрудников полиции. Однако менее существенным относительно частоты выбора услуг парапсихологов для всех профессиональных групп. Кроме того, для группы медиков показано значимо частое обращение на этой ступени иерархии к услугам психолога против самостоятельного изучения специальной литературы.

Уровень значимости различий в частоте встречаемости выборов психолога и других «помощников» для решения психологических проблем в экспериментальной группе

Профессиональная группа	Ранг	Сравниваемые категории «помощников»					
		психолог–член семьи	психолог–друг	психолог–парапсихолог	психолог–сам	психолог–священник	психолог–специал. литература
		φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.	φ* эмп.
Учителя	1	4,52***	3,29***	–	0,79	–	–
	2	0,62	1,58*	–	–	–	–
	3	4,52***	2,37***	2,37***	–	–	–
	4	3,32***	3,32***	4,86***	–	–	–
Менеджеры	1	3,29***	5,37***	–	1,46	–	–
	2	1,65*	0,55	2,74***	–	–	–
	3	2,42***	2,74***	2,01**	–	–	–
	4	–	–	4,44***	–	–	–
	5	–	–	1,06	–	–	–
Медики	1	4,50***	4,93***	–	0,44	0	–
	2	1,85*	2,12**	1,17	–	–	–
	3	5,27***	5,27***	5,27***	–	–	–
	4	2,35***	2,35***	4,77***	–	–	2,35***
	5	–	–	0,96	–	–	–
Сотрудники полиции	1	4,75***	1,14	–	0,79	1,96*	–
	2	0,53	1,18	2,69***	3,86***	–	–
	3	3,97***	0,69	0,89	–	–	–
	4	3,32***	1,81*	4,16***	–	–	–

Можно предположить, что специфика полученных данных обусловлена не столько принадлежностью респондентов к разным профессиональным группам, сколько особенностями российского менталитета в целом. За этими предпочтениями, на наш взгляд, прослеживаются «закрытость» культуры нашего народа, его недоверие и неготовность принять стороннюю помощь от официальных лиц или организаций при весьма распространенной социально-психологической поддержке со стороны родных и близких. При этом весьма примечательно, что, по оценкам респондентов, достоинство квалифицированного психолога как компетентного помощника в решении психологических проблем оказывается на порядок выше статуса лиц, обладающих парапсихологическими способностями. Эта особенность, на наш взгляд, ломает стереотип о недостаточной рациональности русских, об их привычке надеяться на посторонние, порой сверхъестественные силы в решении проблем, и психологических в частности.

Таким образом, установленные факты свидетельствуют, что большая часть респондентов экспериментальной группы обнаруживает весьма адекватные представления относительно потенциального контингента психолога-практика и причин обращения к нему за помощью. Вместе с тем основная часть представителей разных профессиональных групп недостаточно хорошо осведомлена о специфике оказываемых психологом услуг, их направленности, степени воздействия, которому может быть подвергнута психика клиента, и его последствиях. Имплицитно присутствующее понимание неготовности наших сограждан получать профессиональную психологическую помощь при возникновении соответствующих трудностей нашло свое эмпирическое подтверждение: ранжирование потенциальных «помощников» в сфере психологических услуг показало, что больший удельный вес вероятностного обращения за помощью к профессиональному психологу у респондентов всех профессиональных групп обнаруживает себя после первичной (и, вероятно, неудачной) помощи со стороны родных и близких, однако при приоритете содействия со стороны психолога-специалиста перед услугами парапсихологов. При этом оценка самой допустимости обращения к помощи профессионального психолога и предвосхищающих ее условий дала весьма прогрессивный результат: лишь небольшая часть потенциальных клиентов открыто отрицает возникновение такой возможности, в то время как большая часть респондентов не исключает ее.

Литература

1. Болотова А.К. Прикладная психология : учебник для вузов. М. : Гардарики, 2006. 382 с.
2. Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 9–16.
3. Введение в профессию : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Фокин, Т.М. Бужас, О.Н. Родина и др. ; под ред. Е.А. Климова. М. : Академия, 2007. 208 с.
4. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 312 с.
5. Донцов А.И., Белокрылова Г.М. Профессиональные представления студентов-психологов // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 42–49.

6. Доценко Е.Л., Андреева О.С., Просекова В.М., Шевцова Т.С. Модель профессионального становления психолога // Психология в вузе. 2007. № 3. С. 49–76.
7. Климов Е.А. Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1992. № 3. С. 3–12.

PROFESSIONAL IDENTITY OF PSYCHOLOGIST IN THE CONTEXT OF INTERPROFESSIONAL INTERACTION

Malenov A.A., head of the educational and scientific laboratory of faculty of psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. E-mail: malyonov@univer.omsk.su

Malenova A.Yu., PhD in psychology, associate professor, department of social psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. E-mail: malyonov@univer.omsk.su

Abstract. The article is devoted to the relevant issue of social ideas about specialists in the psychological profile and the specifics of their activities. Presumably, in society there is still a stereotype concerning psychologists, inaccuracy and distortion of an image of this profession and its representatives. This paper presents the results of a comparative research of features of perceptions regarding psychologists and their professional activity among specialists of a social profile and practicing psychologists. 203 persons of 24 to 48 years of age (145 women and 58 men) have participated in the research: 1) experimental group included 155 people (representatives of social professions); 2) control group included practicing psychologists (48 people). The main method of obtaining empirical data was the survey with a fragment of the questionnaire by A.I. Dontsov and G.M. Belokrylova modified under the research objectives. The group of respondents which included medical doctors, teachers, police officers and managers showed that their representations remarkably differ from expert opinion of specialist of a psychological profile. On the one hand, the interviewed experts allocated adequate reasons of people to address a practicing psychologist in the need of help. On the other hand, the major part of potential clients is only approximately informed on an essence of the services rendered by psychologists. In a situation of choice, representatives of all professional groups prefer to address for help not to psychologists but to close relatives and friends. The lack of clear understanding of specifics of psychological work could lead to expanded interpretation of functions of psychologists, to formation of inadequate expectations concerning their professional activity, and as a result, to difficulties in the process of interprofessional interaction. The resourceful fact in this case is that the majority of respondents recognizes psychology as a fundamental science and does not categorically deny a possibility to address a professional psychologist for help. The conditions allocated by them and preceding their address to a psychologist are adequate to specifics of their profession.

Keywords: professional identity; interaction; psychologist-practitioner.

УДК 159.9.07

СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ВЗРОСЛЫХ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ЗАНЯТОСТИ

М.Г. Матюшина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: mg.matyushina@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с проблемой субъективного благополучия личности.

Ключевые слова: субъективное благополучие; личностные ресурсы; личностный потенциал; психологическое благополучие; позитивное функционирование личности; работающие по найму; самостоятельно занятые; предприниматели; субъектность; смысл; самоотношение; взрослые.

Вопросы сохранения здоровья личности в процессе ее жизнедеятельности не утрачивают своей актуальности, поскольку усложняющаяся экономическая ситуация, нестабильная политическая обстановка, увеличивающееся информационное и социальное давление, нарастающий жизненный темп и тому подобное приводят к тому, что человеку становится все сложнее поддерживать свое психическое и психологическое здоровье. Все чаще у людей проявляются признаки депрессивных расстройств: доминируют уныние, безрадостность и неудовлетворенность, низкая самооценка, постоянное чувство вины, пессимизма, угрызений совести, негативизма и т.д. [3]. Такая тенденция негативно сказывается на качестве жизни личности, а следовательно, и всего общества. В качестве способа профилактики депрессии и повышения жизненной силы личности может выступать развитие личностных ресурсов субъективного благополучия.

Понятие субъективного благополучия является сравнительно новым и носит дискуссионный характер. Исследование позитивного функционирования личности берет свое начало в западной психологии и раскрывается учеными через компоненты психического и психологического здоровья личности, которые являются неотъемлемым условием развития психически здоровой, целостной личности и выступают в качестве компонентов интегративного психического образования, детерминирующего различные аспекты отношения субъекта с миром и успешность его взаимодействия с предметным и социальным окружением (Н.Бредбурн, Э. Диннер, Э. Дисси, Р. Райан, К. Рифф, У. Уилсон, М. Селигман, Р.Е. Lucas и др.) [1, 2, 4, 8, 10]. Так, М. Селигман в понятие субъективного благополучия включает следующие компоненты: положительные эмоции, смысл, вовлеченность, позитивные отношения с людьми, достижения [8].

Отечественные ученые субъективное благополучие рассматривают в качестве оценки личностью различных аспектов своей жизнедеятельности через призму удовлетворенности или неудовлетворенности, оно ощущается как внутренний баланс, колеблющийся в зависимости от этих двух факторов (Н.А. Батурин, М.В. Григорьева, Л.В. Куликов, Д.А. Леонтьев, Р.М. Шамионов и др.) [1, 2, 7, 9].

В формировании субъективного благополучия личности участвуют как индивидуальный генетический набор, так и условия окружающей среды, ключевой же вклад вносят личностные ресурсы. К личностным ресурсам относят черты личности, развивая которые человек может влиять на свое субъективное благополучие, повышать качество жизни и увеличены ее продолжительность [6].

Целью нашего исследования явилось изучение личностных ресурсов субъективного благополучия взрослых с различными формами занятости. Мы предположили, что существуют различия в личностных ресурсах субъективного благополучия взрослых, работающих по найму, и самостоятельно занятых; личностные ресурсы отличаются составом и степенью выраженности компонентов, а также спецификой связей между ними. В качестве личностных ресурсов субъективного благополучия нами были рассмотрены такие качества, как жизнестойкость, креативность, волевой потенциал и субъектность.

Для выявления компонентов субъективного благополучия использовались следующие методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко); «Тест смысложизненных ориентаций» (методика СЖО) Д.А. Леонтьева; «Опросник самоотношения» (методика ОСО) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева. Для выявления личностных ресурсов использовались методики: «Опросник структуры субъектности» (Е.Н. Волкова, И.А. Серегина), «Тест жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева), «Опросник самооценки волевых качеств» (Н.Б. Стамбулова), «Диагностика личностной креативности» (Е.Е. Туник).

В исследовании приняли участие 84 респондента в возрасте 25–35 лет (мужчины и женщины) с наличием высшего и неоконченного высшего образования, проживающие на территории РФ, из которых 25 – лица с самостоятельной занятостью, 59 – работающие по найму. В результате исследования были выявлены различия в системообразующих ресурсах субъективного благополучия у людей с различными формами занятости и дифференциация во взаимосвязях личностных ресурсов с компонентами субъективного благополучия у людей, работающих по найму, и людей с самостоятельной занятостью. Благодаря применению сравнительного анализа нами было установлено, что субъекты с самостоятельной занятостью имеют более высокий уровень субъективного благополучия, чем работающие по найму [5].

С целью выявления особенностей взаимосвязей личностных ресурсов с компонентами субъективного благополучия нами были проанализированы значимые связи ($p \leq 0,001$, $p \leq 0,01$) субъектности с психологическим благополучием, смысложизненными ориентациями и самоотношением. У **работающих по найму** была выявлена взаимосвязь субъектности с психологическим благополучием. Такие показатели психологического благополучия как положительные отношения с другими (1), автономия (2), управление средой (3), личностный рост (4), цели в жизни (5), самопринятие (6), баланс аффекта (7), осмысленность жизни (8), человек как открытая система (9) и общий показатель психологического благополучия (10), связаны с компонентами субъектности: активность (11), способность к рефлексии (12), свобода выбора и ответственность за него (13), понимание и принятие другого (14), саморазвитие (15) (рис. 1).

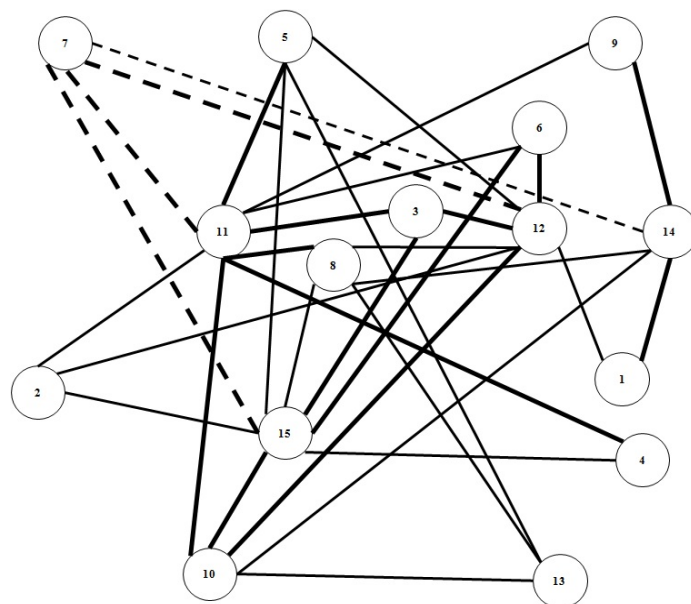

Рис. 1. Взаимосвязь структуры субъектности с компонентами психологического благополучия у взрослых, работающих по найму

Наибольшее количество связей с элементами психологического благополучия имеют следующие компоненты субъектности: активность, способность к рефлексии и саморазвитие. Таким образом, преобразующее поведение личности связано с ощущением самореализации и чувством направленности жизни, со способностью самостоятельно регулировать собственное поведение, управлять внешней действительностью и эффективно использовать предоставляющиеся возможности, с позитивным отношением к себе и присутствием смысла в жизни, способностью воспринимать и усваивать новую информацию.

Самопознание и субъективная оценка личности, учет собственных положительных и отрицательных качеств взаимосвязаны с доверием человека к себе и окружающим, возможностью выстраивать близкие межличностные отношения, способностью противостоять давлению общества и оценивать себя в соответствии с личными критериями, умением преобразовывать окружающую действительность для удовлетворения субъективных потребностей. Чем лучше человек понимает особенности своей личности, тем более осмысленной видится ему его жизнь, а прошлое воспринимается в положительном ключе.

Стремление к самосовершенствованию и раскрытию своих уникальных личностных черт для общества связаны со способностью человека проявлять себя самостоятельно и независимо, возможностью создавать условия, необходимые для реализации поставленных целей, чувством развития личностного потенциала, наличием долгосрочных жизненных ориентиров, принятием разносторонности собственной личности, сформированностью жизнеутверждающих убеждений.

Стоит отметить, что осознание свободы и проявляемая активность, основанная на субъективных приоритетах, взаимосвязаны с наличием целей в жизни и оценкой своего жизненного пути как осмысленного, наполненного конструктивным опытом. Принятие уникальности другого человека и признание его ценности связаны с удовлетворительными и дружескими отношениями с окружающими, позитивной самооценкой и принятием своих положительных и негативных черт, способностью непосредственно и естественно переживать происходящие события, сформированностью реалистичного взгляда на жизнь.

У **работающих по найму** были выявлены взаимосвязи субъектности со смысложизненными ориентациями ($p \leq 0,001$, $p \leq 0,01$). Показатели смысложизненных ориентаций цели в жизни (1), процесс жизни (2), результат жизни (3), локус контроля – «Я» (4), общий показатель смысложизненных ориентаций (5) связаны с компонентами субъектности: активность (6), способность к рефлексии (7), свобода выбора и ответственность за него (8), саморазвитие (9) (рис. 2).

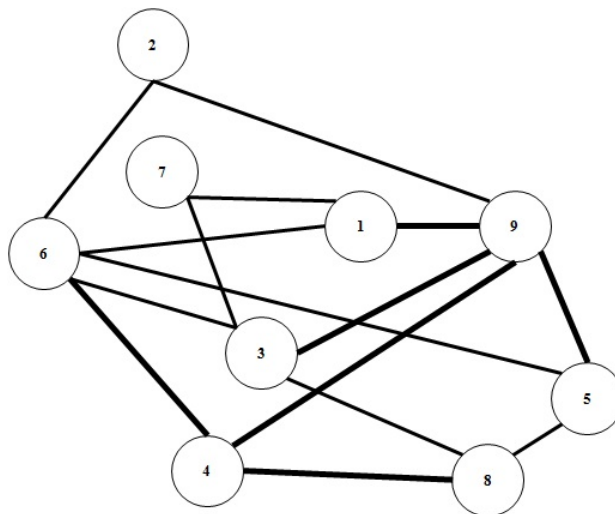

Рис. 2. Взаимосвязь структуры субъектности с компонентами смысложизненных ориентаций у взрослых, работающих по найму

В качестве ключевых компонентов субъектности, имеющих наибольшее количество связей с элементами психологического благополучия, были выявлены активность и саморазвитие. Стремление к расширению своей сферы деятельности и совершению шагов за границами предписанных требований связано с видением личностью направленности и перспектив своей жизни, восприятием жизненного пути как интересного и эмоционально насыщенного, степенью удовлетворенности полученным опытом, уверенностью в способности достичь желаемого образа жизни и реализовать поставленные цели. Аналогичные связи имеют также желание и готовность человека предпринимать активные действия по раскрытию своего личностного потенциала.

Самопознание личности связано с ощущением продуктивности пройденного пути и наличием персональных целей, придающих жизни осмысленность. С наделением смысла прожитой части жизни связано и осознание свободы, осуществление действий по ее проявлению. Представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, связано с активностью осознанных действий по преобразованию своей жизни.

У **работающих по найму** была обнаружена взаимосвязь *субъектности с компонентами самооотношения* ($p \leq 0,001$, $p \leq 0,01$). Компоненты самооотношения интегральное чувство «за» или «против» собственного «Я» (1), самоуважение (2), ожидаемое отношение от других (3), самоинтерес (4), самоуверенность (5), отношение от других – выраженность установки на внутренние действия в адрес «Я» (6), саморуководство и самопоследовательность (7), самоинтерес (8), самопонимание (9), связаны с субъектностью: активность (10), способность к рефлексии (11), свобода выбора и ответственность за него (12), осознание собственной уникальности (13), саморазвитие (14), понимание и принятие другого (15) (рис. 3).

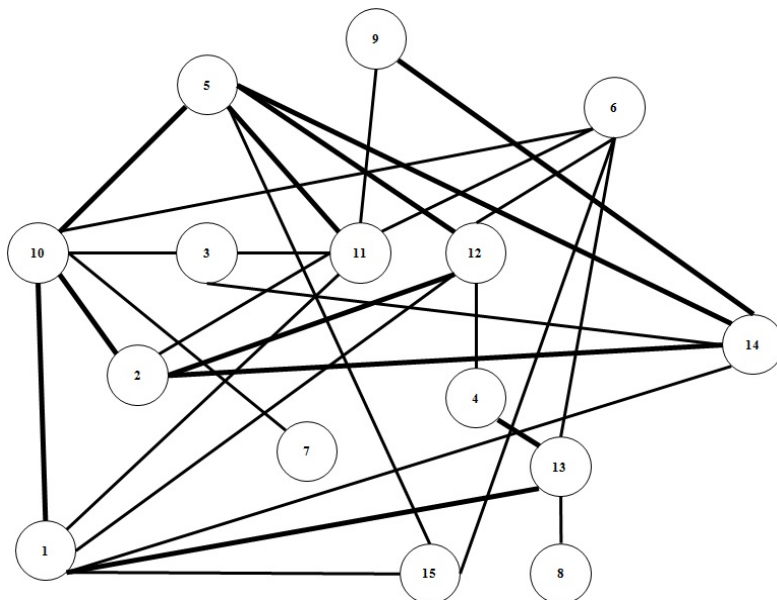

Рис. 3. Взаимосвязь структуры субъектности с компонентами самооотношения у взрослых, работающих по найму

Активность преобразования действительности связана с доверием и доброжелательным отношением личности к себе, получением положительной обратной связи от окружающих. Чем более полно человек ощущает себя руководителем своей жизни, тем активнее он совершает действия по организации своей жизни. Проявление силы воли связано с доверием личности к себе, пониманием субъективного внутреннего мира. Уверенная в себе личность с большей свободой выражает себя через активные действия, отражающиеся на качестве жизни.

Собственную уникальность работники по найму связывают с построением полноценных отношений с другими и способностью вызывать интерес у окружающих к своей личности. Принятие своей индивидуальности связано с пониманием персональных особенностей и ощущением собственной неповторимости.

У **самостоятельно занятых** характер связей структуры субъектности с компонентами субъективного благополучия отличается от взаимосвязей, выявленных в группе работающих по найму. У самостоятельно занятых были обнаружены следующие связи *структуры субъектности и компонентов психологического благополучия* ($p \leq 0,01$): психологическое благополучие – позитивное отношение (1), человек как открытая система (2), связаны с компонентами субъектности – осознание собственной уникальности (3), понимание и принятие другого (4) (рис. 4).

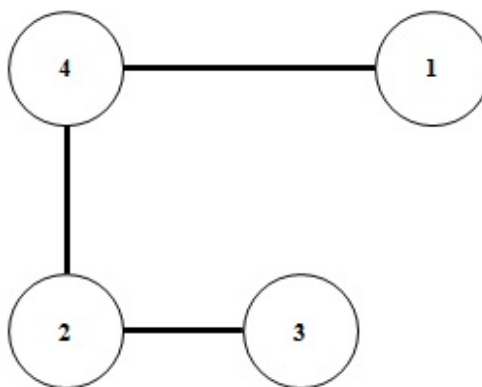

Рис. 4. Взаимосвязь структуры субъектности с компонентами психологического благополучия у взрослых с самостоятельной занятостью

Осознание собственной неповторимости и уникальности окружающих, понимание субъективного жизненного предназначения связаны с открытостью новому опыту, способностью усваивать незнакомую информацию и желанием активно проживать жизненные события. Принятие личностных особенностей другого также связано с благополучными отношениями с окружающими, способностью к эмпатии и сформированным доверием к людям.

Взаимосвязь *структуры субъектности с самоотношением* ($p \leq 0,001$, $p \leq 0,01$): самоотношение – самоинтерес (1), связано с компонентами субъектности: осознание собственной уникальности (2), понимание и принятие другого (3), свобода выбора и ответственность за него (4) (рис. 5).

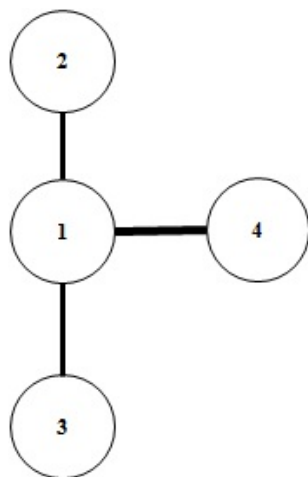

Рис. 5. Взаимосвязь структуры субъектности с самоотношением у взрослых с самостоятельной занятостью

Интерес к собственным мыслям и чувствам связан со свободой выбора действий и несением ответственности за результат. Готовность личности общаться с собой «на равных» сопряжена с осознанием свободы и проявлением активности, основанной на субъективных целях. Уверенность в привлекательности своей личности для окружающих соотносится с пониманием и принятием как собственной уникальности, так и неповторимости другого. Положительное отношение к своему внутреннему миру и осознание субъективных потребностей стимулирует восприятие индивидуальности и свободы самовыражения окружающих.

У **самостоятельно занятых** не было выявлено значимых связей *структуры субъектности со смысловыми жизненными ориентациями*.

Таким образом, у **работающих по найму** способность личности выступать в качестве субъекта своей жизни связана с положительной самооценкой, возможностью преобразовывать окружающий мир для реализации своих потребностей, принятием многогранности своей личности, наличием твердых целей, видением перспектив будущего и смысла собственной жизни, доверием к себе и наличием близких отношений с окружающими. Способность выстраивать субъективный жизненный сценарий и действовать независимо от других людей также связаны и с пониманием своего внутреннего мира, уверенностью в своих способностях, уважительным отношением к собственной личности, положительной обратной связью от окружающих, пониманием своих истинных целей и потребностей, принятием индивидуальности своей личности и степенью интереса к себе.

У **самостоятельно занятых** для ощущения себя в качестве творца собственной жизни, в соответствии с персональным сценарием, были обнаружены два ключевых фактора – открытость новому опыту и самоинтерес. Для человека важно быть открытым новой информации, выстраивать реалистичную картину мира, непосредственно переживать получаемый опыт и уметь выстраивать доверительные отношения с окружающими. Интерес к собственным мыслям и чувствам, доверие к своему «Я», стабильная самооценка являются ключевыми для взаимодействия личности с окружающим субъектным и объектным миром.

Развитие личностных ресурсов является необходимым условием повышения уровня субъективного благополучия человека, а следовательно, и укрепления психологического здоровья личности. Согласно полученным результатам, структура и характер связей личностных ресурсов с компонентами субъективного благополучия индивидуальны для каждой социальной группы, что говорит о необходимости расширения характеристик выборки для исследования этого феномена и разработки индивидуальных программ по развитию компетенций позитивного функционирования личности.

Литература

1. Батурин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2013. № 4. С. 4–14.
2. Карапетян Л.В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Психология : научный журнал. 2013. № 10. С. 171–182.

3. Короленко Ц.П. Личностные расстройства. СПб. : Питер, 2010. 400 с.
4. Кужильная А.В. О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 83–86.
5. Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г. Дифференциация компонентов субъективного благополучия у взрослых с различными формами занятости // Молодежь – будущее России : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов и аспирантов. 2016. С. 244–249.
6. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 675 с.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Что надо для счастья: культурные, региональные и индивидуальные различия и инварианты источников счастья // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 3–12.
8. Селигман М. Путь к процветанию. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 440 с.
9. Шамянов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовского университета Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. № 1–2. С. 104–109.
10. Ryff Carol D. Psychological Well-Being Revisited: Advances in the Science and Practice of Eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatic. 2013. P. 10–28.

SUBJECTIVITY AS A PERSONAL RESOURCE OF THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF ADULTS WITH DIFFERENT FORMS OF EMPLOYMENT

Matyushina M.G., post-graduate student of the department of psychology of development and education, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Saint Petersburg, Russia. E-mail: mg.matyushina@gmail.com

Abstract. The article deals with issues related to the subjective well-being of an individual. Approaches to understanding the issue by Western and Russian scientists are described. The problem of increasing the level of subjective well-being, contributing to the prevention of depression, preserving psychological health and improving the quality of life of an individual, is being actualized. Personal resources are viewed as qualities through the development of which a person can influence the level of positive functioning. As a result of the conducted research the specificity of interrelation of personal resources with components of subjective well-being of adults with various forms of employment is revealed. Subjectivity is presented as one of the resources of the subjective well-being of the individual; psychological well-being, meaningful orientations and self-relationship are considered as components of subjective well-being. The survey involved 84 respondents living in the Russian Federation at the age of 25-35 years old (men and women). Of which: 25 persons are self-employed, 59 are employed by some companies. As a result of the study, a specific relationship was revealed in both groups of subjects. Among the employees significant and numerous links of each element of the structure of subjectivity with all components of subjective well-being were found. Among the self-employed the key components of subjectivity such as: "awareness of their own uniqueness" and "awareness and acceptance of the other" were identified, which have links to psychological well-being and self-reliance. The obtained results did not reveal significant correlations of subjectivity with meaningful orientations among the self-employed participants. The results of the study confirm the specificity of the severity and interrelations of personal resources with components of subjective well-being in adults with various forms of employment, which confirms the need for further research and development of individual programs for each social group to increase the level of subjective well-being through the development of personal resources.

Keywords: subjective well-being; personal resource; personal potential; psychological well-being; positive functioning of person; employed by some companies; self-employed; entrepreneurs; subjectivity; meaning; self-relationship; adults.

УДК 159.922

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.Р. Монсонова, Р.Д. Санжаева, Д.Р. Базарова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Республика Бурятия
E-mail: rimmasan24@mail.ru; dolgor.bazarova@yandex.ru

Аннотация. Одна из проблем, стоящих перед современным человеком, – поиск и построение стабильной, позитивной собственной идентичности, в структуре которой важную роль приобретает этноконфессиональная идентичность. В контексте постнеклассической психологии, ее методологической толерантности важным является анализ параметров социокультурной среды, к которым относится и проблема этноконфессиональной идентичности личности. Анализ различных концепций, типов, структур идентичности позволяет определить этноконфессиональную идентичность личности как позитивный результат процесса ее идентификации с окружающим миром в пространстве и во времени, с системой ценностей и смыслов своего этноса, принятия его конфессиональных, духовных традиций, норм и толерантности к ценностям мировых конфессий. Динамика процесса формирования этноконфессиональной идентичности личности связана с современными позитивными тенденциями, в том числе с введением учебного предмета в 4–5 классах.

Ключевые слова: этнос; идентичность; конфессия; духовность; механизмы адаптации; механизмы социализации.

Введение. Результаты исследования этноконфессиональной идентичности показывают недостаточную разработанность психолого-педагогического обеспечения процесса *воспитания духовности* в образовательной

среде. Все системы образования: дошкольное, среднее и высшее, – должны участвовать в формировании как гражданской и национально-государственной, так и этнокультурной, этноконфессиональной, а также общечеловеческой идентичности.

Обзор литературы. Сегодня в науке чаще встречается понятие «личностная идентичность» как основа механизма идентификации и как вид идентичности. У. Джемс еще на рубеже XIX–XX вв. выразил представление о личностной идентичности как о последовательности, гармоничности личности, выделяя три ее стороны – физическую, социальную и духовную, которые образуют естественную личность. Духовная же личность должна быть для человека высшим сокровищем, чтобы не утратить духовные блага нашей личности: совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности, поскольку их содержание определяет отношение личности к тому, что она почитает Божеством. Понятие «идентичность» связано с именем Э. Эриксона, который определил ее как внутреннюю непрерывность и тождественность личности и выделил восемь стадий развития идентичности, каждая из которых имеет свою центральную проблему, требующую разрешения. Развитие идентичности проходит через кризисы идентичности, для выхода из которых индивид должен принять новые ценности и смыслы.

Позитивная и негативная (по Э. Эриксону) этноконфессиональная идентичность проявляется в современной толерантности / интолерантности, стереотипах и автостереотипах по отношению к конфессиональным ценностям других народов, что является фактором международной напряженности. Психологической проблемой становится этноконфессиональная безопасность. Гуманистический характер морали, духовности проявляется в признании ценностей и смыслов, стоящих выше только националистических интересов. Младшие школьники, изучающие ОРКСЭ, в силу возрастных особенностей столкнутся с осознаваемой и неосознаваемой идентичностью (Дж. Мид); последняя базируется на неосознанно принятых нормах, осознаваемая же идентичность возникает, когда человек начинает размышлять о себе, о своем поведении [6, с. 26]. В концепции баланса идентичности Ю. Хабермаса Я-идентичность образуется из личностной и социальной идентичностей. Данная модель коррелирует с ведущей концепцией «срединного пути» в буддизме [Там же, с. 27]. А. Ватерман цели, ценности и убеждения называет элементами идентичности. Наиболее значимыми для формирования идентичности он считает четыре сферы жизни человека: 1) выбор профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие набора социальных ролей, половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства [Там же, с. 25]. Этноконфессиональная идентичность наиболее связана с этнической идентичностью. Так, А.В. Серый, М.С. Яницкий, Г.М. Авилов отмечают, что в массовом сознании национальная принадлежность все более устойчиво связывается с конфессиональной принадлежностью, группы с различной конфессиональной принадлежностью характеризуются различными ценностными системами, отражающими особенности религиозных представлений, имеющими различную степень осознанности ценностей и их внутреннего принятия. Конфессиональная принадлежность выступает одной из детерминант формирования ценностно-смысловой сферы личности и должна учитываться в кросс-культурных исследованиях ценностных предпочтений конфессиональной группы [9].

Е.Б. Весна и А.А. Бучек [3] выделили три этапа процесса формирования этнической идентичности:

1. Инкультурация – ребенок усваивает язык, присущие культуре миропонимание и поведение.
2. Дифференциация характеризуется поисками этнической идентичности, накоплением этнических знаний.
3. Третий этап аксиологизации характеризуется укреплением осознания своей этнической принадлежности, определением мотивации выбора своей национальности, этнического мировоззрения, формированием этнической самоидентификации. Каждый этап мы, соответственно, связываем с действиями психологических механизмов этноконфессиональной идентичности: идентификации, адаптации, социализации и индивидуализации.

Результаты исследования. Механизм идентификации является основным психологическим механизмом обучения в системе «учитель–ученик» в восточной культуре, что нашло отражение в концепции учителя в школе «Йога ламы». К Учителю предъявлялись требования: 1) проявлять любовь к ученику; 2) учить его достойному и хорошему поведению; 3) старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних; 4) хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам; 5) оберегать его от опасности. Идентификация остается действующим механизмом психокультуры этноса, формирования этнического самосознания и этноконфессиональной идентичности [4].

В структуре этноконфессиональной идентичности личности нами выделяются когнитивный, эмоционально-аффективный и конативно-поведенческий компоненты. Когнитивный образует комплекс представлений об окружающем мире, природе, которая неотделима от человека, связана с историческими, родовыми ценностями, легендами, нарративами, с культовыми местами, с понятием «тоонто» – местом рождения и т.д. Необходимо выделить осознаваемую и неосознаваемую части компонента, включающие представления о групповых особенностях конфессии, религиозных традициях, ритуалах и т.д. Источниками наполнения являются опыт, житейские знания, полученные в семье, социуме, научные знания и ошибочные представления, иллюзии, мифы, предрассудки.

Эмоционально-аффективный компонент опирается на эталоны, социальные нормы этноса. У личности складываются собственные этнокультурные установки вероисповедания, эмпатии, сопереживания, толерантности. Конативно-поведенческий компонент образуют ценностно-смысловые ориентации самосовершенствования своей психики, внутреннего мира, личности, выбор модели поведения. Каждое время и каждая культура имели

свои доминанты, заповеди, табу «грешно» в этом компоненте идентичности: совершенство саморегуляции, этноконфессиональная компетентность, гармонизация психики в целом.

В процессе этноконфессионального образования и воспитания формируется этноконфессиональная компетенция личности – умение ориентироваться и адекватно вести себя в ситуациях межконфессионального общения – как элемент общей и нравственной культуры личности. А.Д. Карнышев и его научная школа к слагаемым межкультурной компетентности (МК) отнесли 12 значимых коммуникативных способностей и умений, подчеркивая, что существует бесконечное сочетание свойств человека [7, с. 158]. Ценностный смысл этих межкультурных компетенций позволяет экстраполировать их и на этноконфессиональные компетенции в процессе поэтапной этнической социализации [4]. В результате целенаправленной учебно-воспитательной работы формируется этнокультурная личность, способная к пониманию и признанию этноконфессиональной идентичности, стремящаяся сохранять свою этнопсихологию, признающая многомерность мира и общение в условиях трансграничья. В этом аспекте представляется интересным изучение образа мира современной молодежи, проживающей на территории Байкальского региона. Длительное проживание в пределах одной социально-территориальной общности во всем многообразии человеческой деятельности сформировало некоторое единство отношения не только к хозяйственно-экономической, но и к социокультурной сфере [4, с. 80].

Для анализа нами были выбраны 3 группы: 1) студенты 2–3-го курсов (n = 60); 2) студенты 4–5-го курсов (n = 60); 3) работающая молодежь, обучающаяся заочно (n = 60).

Ответы на вопрос «Что из указанных признаков главным образом роднит, сближает Вас со своим народом?» представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Основания этнической самоидентификации, %

Суждения	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Меня сближает, роднит со своим народом:			
Внешнее сходство	60	44,2	29,2
Кровное родство	15	20,6	60,5
Материальная культура	40	31	7,8
Место жительства	40	17,2	16
Место рождения	30	17,2	25,7
Мифы, предания, песни	15	10	8,1
Национальный язык	35	75	51,6
Обычаи, традиции	45	24,1	29,4
Религия	–	17,2	40
Самоназвание	15	10	8
Самосознание	–	7	13
Ничего не связывает	–	–	–

Наиболее важным сближающим фактором у студентов первой группы является внешнее сходство, у второй группы – национальный язык, у работающей молодежи – кровное родство. 2-е и 3-е места занимают: в первой группе – обычаи и традиции, место жительства и материальная культура, во второй группе – внешнее сходство, обычаи и традиции, в третьей – национальный язык и религия.

Подобное распределение объясняется частичной утратой коренными народами национального языка, но сохранением религиозных ценностей и кровнородственных отношений. Мифы, предания, легенды, самоназвание служат слабыми признаками этнической самоидентификации независимо от этноконфессиональной принадлежности.

Были заданы вопросы: «Чем Ваш народ (в целом) отличается от других народов?»; «Перечислите черты характера, типичные для Вашего народа» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Самооценка выраженности национально-характерологических особенностей

Характерные и отличительные черты	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Трудолюбие	10	–	21,2
Упрямство	2	–	–
Доброта	20	23,5	19,4
Воспитанность	2	4	27,3
Религиозность	8	6	30,6
Ответственность	4	2	–
Гостеприимство	10	16,5	10
Щедрость	–	14	–
Открытость	–	20	–
Уравновешенность	–	–	10
Скромность	30	–	2
Чувство юмора	–	14	–

Наиболее характерными и отличительными чертами своего народа студенты первой группы назвали скромность, доброту, трудолюбие и гостеприимство. Студенты второй группы отличаются добротой, открытостью, гостеприимством, чувством юмора. Эти качества отражают и профессиональную направленность студентов-психологов. Более старшие буряты и русские характеризуются как религиозные, воспитанные, трудолюбивые, добрые.

Как известно, становление зрелой личности возможно путями духовными и душевными. Каждый человек в определенные периоды осуществляет выбор: в юношеском возрасте это сверхактуально и ценностно, и этот процесс очень сложный, противоречивый. Конфессиональная принадлежность современной молодежи была выявлена вопросом: «К какой конфессии (вере) вы себя относите?» (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Выраженность конфессиональной принадлежности, %

Конфессия	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Буддист	63,3	40	68,3
Православный христианин	16,7	50	15
Другое: Вера разная, но Бог Един	20	10	16,7

Многие респонденты считают, что все конфессии равны, Бог един, что «все религии равны и являются лепестками одного цветка». Больше всего было таких ответов в 3-й группе работающей молодежи. Видимо, в силу возрастного, профессионального и социального самоопределения они приходят к более высокому уровню духовных ценностей (терпимости, а значит, и смирению), этноконфессиональной идентичности и ценностно-смысловых регуляций своей жизнедеятельности. Это подтвердили результаты факторного анализа. В группе выделилось восемь факторов, описывающих 53,52% общей дисперсии. В первом факторе ценностных ориентаций представлено восемь показателей: принятие агрессии (0,87), ориентация во времени (0,79), ценности (0,73), креативность (0,70), потребность в познании (0,67), самопонимание (0,65), гибкость в общении (0,55), автономность (0,50). Данный фактор можно определить как «сложность». Во втором факторе представлено четыре показателя: развитость интеллекта (0,68), общительность (0,68), моральный контроль (0,65), конформизм (0,58). Данный фактор характеризует их с точки зрения «познания». В третьем факторе представлено шесть показателей: доверчивость (0,67), напряженность (0,63), чувствительность (0,54), духовная активность (-0,54), смелость (-0,41), контроль (0,31). Можно обозначить его как «интернальность». В четвертом факторе представлено пять показателей: духовная культура (-0,79), духовная сила (0,71), эмоциональная устойчивость (0,50), жизнерадостность (-0,46), этнонигилизм (0,42). Этот фактор характеризуется как «устойчивость». Из результатов можно сделать вывод, что этноконфессиональные группы придерживаются принципов сознательного (и бессознательного) сосуществования, сотрудничества, сохранения своих ценностных ориентаций и уважения их в системе социокультурных норм и ценностей другого этноса. Несмотря на влияние ассимилятивных процессов, каждый этнос старается сохранить основной этноинтегрирующий фактор – систему ценностно-смысловых ориентаций, что обеспечивает им сохранение этнической идентичности, значимости, безопасности и воспринимается как личностная ценность каждого субъекта этноса [6].

Выводы. Н.В. Абаев [1] отмечает, что религиозно-мифологическое мировоззрение тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, Алтай-Байкалии, в том числе Предбайкалья и Забайкалья, являлось одним из наиболее фундаментальных механизмов организации и саморегуляции кочевнических обществ и одновременно специфическим способом диалектического, натурфилософского осмысления сущего. Философичность мифологии тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Алтай-Байкалии нашла выражение в том, что в ней обнаруживается диалектическое видение предельных оснований бытия: универсальной тенденции совпадения противоположностей. Одним из вполне конкретных выражений данной тенденции в мировоззрении древних тюрков и монголов было возникновение и развитие «тенгрианства» [Там же], популярной сегодня среди молодежи Байкальского региона этноконфессиональной веры, в которой архаические культы Неба и Земли обнаруживают устойчивое стремление к своему диалектическому отрицанию, к достижению ситуации «диалектического монизма». Это позволяет достаточно эффективно поддерживать социальные отношения традиционного общества кочевников уже на стадии образования кочевнических цивилизаций и вырабатывать определенные принципы цивилизационной геополитики, позволяющие более четко осознавать свою цивилизационно-культурную общность, а затем и претворять их в жизнь в своей внешнеполитической деятельности [Там же].

Сложность методологии изучения идентичности, специфичность получаемых результатов, противоречивость и фрагментарность представлений о структуре и динамике идентичности свидетельствуют о необходимости переосмыслить и систематизировать накопленные по проблеме идентичности теоретические и эмпирические данные.

Литература

1. Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. Кызыл : Изд-во Тывинского гос. ун-та, 2007. 168 с.
2. Базарова Д.Р. Структурно-содержательные характеристики образа мира молодежи Байкальского региона : дис. ... канд. психол. наук. Улан-Удэ, 2012. 186 с.
3. Бучек А.А. Этническое самосознание личности в пространстве полиэтничного мира. Петропавловск-Камчатский : Камчат. гос. ун-т им. Вигуса Беринга, 2012. 386 с.
4. Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2008. 134 с.
5. Лурья А.Р. Послесловие к: Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. С. 466–480.
6. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 126 с.
7. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия / науч. ред. А.Д. Карнышев. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. 427 с.
8. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. 272 с.
9. Серый А.В., Яницкий М.С., Авилов Г.М. Особенности ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса в зависимости от конфессиональной принадлежности // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.Д. Санжаевой. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. 304 с.
10. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 227 с.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF ETHNOCONFESSIONAL IDENTITY OF A PERSON

Monsonova A.R., candidat of psychological sciences, professor, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: rimmasan24@mail.ru

Sanzhaeva R.D., doctor of psychological sciences, professor, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: rimmasan24@mail.ru

Bazarova D.R., candidat of psychological sciences, professor, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: dolgor.bazarova@yandex.ru

Abstract. One of the problems that modern man is facing – search for and building a stable, positive own identity, where ethnoconfessional identity becomes an important part of the whole structure of identity. In the context of post-non-classical psychology, its methodological tolerance, it is important to analyze the parameters of the socio-cultural environment, which includes the problem and ethno-confessional identity of the individual. Its relevance is underscored by government documents ("Strengthening the Unity of the Russian Nation and the Ethno-Cultural Development of the People of Russia (2014-2020)", etc.), in which problems are noted: a weak all-Russian civic consciousness with the strengthening of ethnic and religious self-identification; insufficient use of available resources to harmonize interethnic relations, etc. In this regard, the important goals of educational institutions as one of the institutions for the development and education of the individual are: ethnoconfessional tolerance, the formation of a culture of peace, respect for the traditions of other people. The concept of "Our New School" emphasizes the importance of revealing the patterns not only of social, but also spiritual development of children. It is important to identify the mechanisms, conditions for the formation of the value-cultural base of students, which unites the culture of the ethnos, the Russian people and human values [8, 9, 10]. The methodology of the beginnings in the formation of Russia remains and expands the concept of the cultural and historical development of the personality of L.S. Vygotsky, A.R. Luria, their disciples and followers. Analysis of different concepts, types, identity structures allows us to define the ethno-confessional identity of a person as a positive result of the process of its identification with the surrounding world in space and time (the Cult of the Eternal Blue Sky, the mountains of the Buryats and Mongols, etc.), with a system of values and meanings its ethnos, the adoption of its confessional, spiritual traditions, norms and tolerance to the values of world religions. The dynamics of the formation of the ethno-confessional identity of the individual is connected with modern positive directions: with the introduction of the academic subject in the 4-5 classes "Fundamentals of religious cultures and secular ethics"; with the creation of conditions for the integration of secular and spiritual knowledge in the senior classes through federal state educational standards, educational universal actions; with the opening of departments of theology in universities, etc.

Keywords: ethnicity; identity; religion; spirituality; coping mechanisms; mechanisms of socialization.

СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

В.Н. Мунгалов

Консультационный центр «Личность», Иркутск, Россия
E-mail: kham@inbox.ru

Аннотация. Представлено исследование структуры идентичности на выборке работающей молодежи. Идентичность рассматривается с постнеклассических позиций и описывается как инструмент организации как психической активности человека, так и поведения. Феноменология идентичности проявляет себя с двух сторон: как задача на самоопределение и как задача на решение текущих проблем. Для каждой из этих задач требуются свои методы исследования. Результаты исследования показывают, что структура идентичности современной работающей молодежи образуется тремя составляющими: индивидуальной идентичностью, социальной идентичностью и объектной. Вместе с изменением в структуре вопроса сферы активности на профессиональную, ответ на который предполагал оценку с профессиональной позиции, респонденты откликнулись и изменением структуры выборов в пользу профессиональных качеств кандидатов.

Ключевые слова: исследование идентичности; структура идентичности; социальная идентичность; индивидуальная идентичность; профессиональная идентичность.

Рост интереса к проблемам идентичности как за рубежом, так и в нашей стране на протяжении последних десятилетий XX и начала XXI в. не ослабевает. По справедливому наблюдению Т.Г. Стефаненко [9], на процессы поиска идентичности влияют как общемировые факторы (развитие процессов глобализации, строительство модели мировой экономики, а также различных информационных сетей мирового масштаба), так и региональные, связанные с процессами в конкретной части мира (распад государств, смена политических элит, государственного устройства и др.). Развитие медицинских и информационных технологий создает пространство актуализации новых проблемных ситуаций для Европы (отношение к трансгендерам, суррогатное материнство и ситуация четырех официальных родителей у ребенка, трангуманизм и пр.). Без сомнения, указанные явления связаны с поиском подрастающим поколением собственной идентичности и представляют собой результат такого поиска.

Для Российской Федерации эти проблемы европейской цивилизации стоят пока не столь остро. Однако и у нас существуют свои условия и детерминанты, делающие проблему поиска идентичности для человека любого возраста, к какому бы народу, партии, религии он не принадлежал, важной для государства и общества. Распад Советского Союза, исчезновение преемственности в процессе воспитания гражданина (через институты, подобные действовавшим в СССР: октябрят – пионеры – комсомол – компартия) обусловили потерю населением России и бывших союзных республик привычных для социалистического общества позитивных моделей идентичности (рабочий, колхозник, ученый, врач и др.). Вместе с этим переход к рыночной экономической модели, снижение общего уровня благосостояния населения вместе с отсутствием четких социальных ориентиров в переходный период поставили перед гражданами России острые вопросы экзистенциального характера: «Кто Я?», «Для чего живу?» и «Как жить дальше?». Поиски ответов на них спровоцировали разные группы населения объединяться (в партии, церковные организации, неформальные объединения молодежи, преступные группировки и пр.), создавать подходящее описание изменившегося мира для повышения эффективности своего функционирования. В XXI в. новые вызовы, вставшие перед Россией на фоне увеличения стабильности внутри страны, способствуют постепенному упорядочиванию процессов поиска идентичности. Однако проблема идентичности не теряет свою актуальность и по сей день.

Изучение проблемы идентичности в научном сообществе идет по нескольким направлениям: осмысление самого понятия «идентичность», выявление структуры идентичности, типов идентичности, видов идентичности. Причем этими вопросами занимаются философы, социологи, психологи, культурологи, экономисты, управленцы, юристы, политологи.

В предлагаемой статье представлены результаты исследования структуры идентичности работающей молодежи. Концептуально проблема идентичности нами рассматривается с позиции реализации постнеклассической научной парадигмы в психологии. В.С. Степин называет самым существенным признаком постнеклассической парадигмы способность выявлять саморазвивающиеся системы и превращать их в предмет научного исследования [8]. Автор отмечает, что для открытых систем постоянно требуется за счет открытости и обмена с внешней средой поддерживать свое существование. Устойчивость, стабильность открытой системы достигается за счет саморазвития [Там же].

В качестве такой системы вслед за В.Е. Ключко [2–5] мы определяем человека, а не личность или психику. Психика в рамках постнеклассической парадигмы, как указывает автор, представляет собой орган отбора информации для избирательного обмена с окружающей средой. В последних совместных публикациях с О.М. Краснорядцевой, О.В. Лукьяновым он определяет свой подход как «системную антропологическую психологию». Одним из базовых тезисов этого подхода является положение, согласно которому избирательный характер взаимодействия человека со средой создает многомерный мир [Там же].

Многомерность мира человека проявляется в особенностях организации человеком своего жизненного пространства. Информационная метафора окружающего мира и необходимость упорядочивания этой информации для выстраивания эффективного взаимодействия человека с ним создают предпосылки для формирования и совершенствования человеком инструментов отбора в ответ на ситуации жизни. Эти инструменты отбора экономят время и позволяют человеку организовывать свою активность. В рамках такой логики сознание человека можно определить как форму организации опыта взаимодействия человека с окружающим миром благодаря освоению и использованию им знаков культуры.

В вышедшей в 2003 г. работе А.Ю. Агафонова разрабатываются основы смысловой теории сознания [1]. Данная теория опирается на три базовых постулата: 1) психика – система познания окружающего мира; 2) сознание работает всегда в актуальном режиме; 3) структуру текста сознания образуют познавательные контуры, которые есть формы смыслообразования. Т.е. сознание оперирует смыслами и имеет смысловую природу [1]. И хотя методологически исследование А.Ю. Агафонова организовано скорее с позиции неклассической парадигмы психологии, оно, по сути, перекликается с результатами исследований первых постнеклассиков психологии. Так, сходные выводы относительно природы сознания были обозначены еще в работах Л.С. Выготского и проиллюстрированы в экспериментах О.К. Тихомирова.

Однако вопросы смыслообразования и динамики порождения смыслов в повседневной жизни человека остаются проблемными и по сей день.

На наш взгляд, к решению этой проблемы можно подойти, опираясь на понятие психологического пространства (или психологических пространств). Наличие многообразия этих пространств и задает многомерность мира. Именно в этих пространствах рождаются смыслы. Психологическое пространство образуют три элемента: 1) наличие пространства, 2) предмет, который можно в него поместить и 3) шкалы оценки [6]. В зависимости от шкал оценки один и тот же предмет может наполняться разным смысловым содержанием. Шкалы оценки составляют необходимый элемент культуры. Их освоение вносит упорядоченность в процесс взаимодействия человека с окружающим миром. И хотя в культуре они представлены как самостоятельные артефакты, сам процесс освоения человеком знаков культуры проходит не как последовательное знакомство с каждым из них, а симультанно. То есть человек знакомится сразу с «пучком», группой или комплексом этих шкал оценки, а не по отдельности. Фактор, объединяющий шкалы оценки, – социальная роль. Идентификация человека с конкретной социальной ролью – принятие, точнее, привитие новых способов оценки окружающего мира.

Шкалы оценки человек может создавать сам, но огромное их число заимствуется им из социального окружения. Благодаря шкалам оценки человек строит свое психологическое пространство, в котором эти шкалы подбираются в соответствии с решаемой проблемной ситуацией. Сами же шкалы оценки объединены в виде комплексов-представлений о социальных моделях поведения. В своей повседневной ситуации человек использует привычный для него набор шкал оценки (идентифицируется с ним). Однако в проблемной ситуации, когда они перестают способствовать решению текущих задач и эффективность функционирования человека снижается, встает вопрос подбора других шкал (поиска новой идентичности) [7].

Идентичность выступает, на наш взгляд, двояко: как задача на самоопределение и как задача на решение текущих проблем. Эти две стороны-задачи имеют две принципиально разных исследовательских позиции и требуют специфических инструментов для решения. Задача на самоопределение предполагает наличие двух вводных: некий идеальный образ (профессии, себя, представителя той или иной группы) и оценку себя относительно этого образа по заданным шкалам. В результате при подобном сопоставлении в зависимости от идеального образа и выбранных шкал итоговая оценка человеком своих характеристик будет меняться. В этом типе задач внимание человека захвачено самооцениванием и сознание работает рефлексивно. В рамках такой задачи человек идентифицирует себя примерно так же, как происходит идентификация образа восприятия [7].

Другая сторона-задача – решение текущих проблем. Так, например, для решения проблем управления коллективом человеку нужно принять модель поведения управленца. То есть сам управленцем он, может, и не был никогда, однако текущая ситуация жизни требует именно такой модели поведения. В данной ситуации человек пытается встроиться, соотнести себя с этой моделью поведения, отождествится с нею, а значит, идентифицироваться с выбранной ролью. В этой ситуации вопрос самоопределения не стоит. Человек, наоборот, отказывается от имеющихся представлений о себе. На время решения проблемы он принимает новые, до некоторой степени чуждые ему прошлому модели поведения в пользу известных ему социальных ролей. Внутри этой роли человеку предоставляется возможность открыть или развить в себе новые качества. В данном типе задач внимание человека зафиксировано на задаче, и сознание работает режиме познания. Здесь отсутствует четкое самоопределение, в отличие от задачи первого типа [7].

Таким образом, идентичность как психическое явление представляет собой инструмент организации как психической активности человека (обретение смыслов, формирование сознания и самосознания), так и его поведения (освоение новых моделей поведения). Идентичность человека представляет собой сложно организованную структуру, не всегда иерархически упорядоченную, но объединяющую в себе опыт взаимодействия человека с окружающим миром в разных жизненных ситуациях. Причем вместе с изменением жизненной ситуации (например, война или мирное время, безработный человек или имеет хороший доход) у человека меняется и структура идентичности – актуализируются одни и отступают на второй план другие ее компоненты.

В нашем исследовании структуры идентичности работающей молодежи была использована анкета, включающая в себя: общие данные о респонденте (пол, возраст, место работы, должность, доход на одного члена семьи) и инструкцию по заполнению; методику Куна «Кто я?»; пять вопросов касающихся особенностей отношения к деньгам, собственности и профессиональной деятельности.

Классическая процедура обработки методики Куна «Кто я?» для нужд нашего исследования была модифицирована. Анализ ответов проходил по следующим категориям:

1. Семья. Сюда вошли ответы, касающиеся семейного статуса: сын, дочь, отец, мать, внук, внучка, бабушка, дедушка, супруг, супруга, муж, жена, семьянин, крестная, будущая мать и др.

2. Род. Здесь учитывались такие ответы, как племянник, племянница, тетя, дядя, родственник, член рода, продолжатель рода и пр.

3. Профессия. Варианты ответов этой категории: повторение названия своей профессии, коллега, профессионал, специалист, квалифицированный сотрудник и пр.

4. Гендер. Ответы, касающиеся половой идентичности: девушка, женщина, парень, мужчина, мужик и пр.

5. Характерные черты. В эту категорию вошли ответы, в которых респондент идентифицировал себя по чертам характера или индивидуальными особенностями (например, блондинка).

6. Социальная группа. В этой категории разместились такие варианты самоопределения, как одноклассник, одноклассник, христианин, верующий, студент, друг, подруга, активист, избиратель, арендатор и пр.

7. Место жительства. Варианты ответов: сибиряк, иркутянин, сосед, горожанин и др.

8. Государство. В эту категорию вошли ответы: россиянин, гражданин РФ, патриот и пр.

9. Ситуативная. Категорию ситуативной идентичности составили ответы: прохожий, покупатель, попутчик и пр.

10. Хобби, досуг. В эту категорию попали идентичности, относящиеся к деятельности, связанной с основной профессиональной. Например: велосипедист, спортсмен, художник (если в графе «профессия» указана иная профессия) и пр.

11. Национальность. Указывается принадлежность к этносу, нации.

12. Объектная. В эту категорию попали достаточно абстрактные варианты ответов. Например, такие как человек, личность, биологическое существо, портрет, структура, homo sapiens и пр.

Из 12 представленных шкал 10 имеют отношение к социальной идентичности, одна – к индивидуальной (характерные черты человека) и одна абстрактного свойства (объектная).

В вопросах, касающихся отношения к деньгам, затрагивался аспект одалживания денег представителям разных групп (член семьи, родственник, коллега, друг, знакомый, сосед, представитель своей национальности). Респондентам было нужно определиться с размером суммы, которую они готовы одолжить.

Отношение к профессиональной деятельности выявлялось вопросами о порядке рассмотрения кандидата на вакантное место (напарника или ключевую должность в организации). Респондент должен был проранжировать предлагаемые варианты в порядке приоритета рассмотрения.

Вопрос, характеризующий отношение к собственности, предполагал выбор не более двух вариантов из предложенных ответов. Респондента спрашивали, кому бы он доверил присмотреть за своей квартирой, автомобилем на время отъезда (несколько недель, месяцев или лет).

Исследование проводилось на выборке 109 человек обоего пола (30 мужчин и 79 женщин). Возраст испытуемых от 19 до 35 лет (средний возраст 23 года). Все респонденты работают и получают высшее образование в экономической сфере заочно.

Индивидуальная идентичность респондентов была отражена в категории «Характерные черты человека». Всего 87 из 109 человек определили себя через черты характера или индивидуальные особенности. Из них только у 16 человек (15% от общей выборки) количество характерных черт превысило половину ответов. То есть у 15% респондентов нашей выборки доминирует индивидуальная идентичность над социальной. Таким образом идентичность значительной части респондентов (85%) в большей степени строится как отнесение себя к той или иной социальной группе.

Общая структура идентичности на основании количества респондентов, идентифицировавших себя с позиции той или иной категории, представлена на рис. 1.

Так, наибольшее количество ответов, касающихся идентичности, было в категории «Социальная группа»: 97 респондентов хотя бы раз идентифицировали себя так. В среднем 2,5 характеристики встречается в этой категории.

96 респондентов в качестве идентичности назвали варианты, относящиеся к категории «Объектная идентичность». Среднее количество характеристик на одного человека составило 2 единицы. Наиболее популярные из них: «человек», «личность», «индивид».

Третье место по количеству респондентов заняли категории «Семья» и «Профессия» – по 92 человека идентифицировали себя в рамках этих категорий. Причем среднее количество ответов на человека из этих категорий равнялось 2,6 и 2,2 соответственно.

Затем категория «Характерных черт» (87 респондентов) – 4,6 характеристики на человека.

76 респондентов среди ответов указали относящиеся к категории «Гендер», причем среднее значение невелико – 0,8 характеристики на человека.

70 человек идентифицировали себя также с «Родом». Среднее количество этого способа идентичности на человека составило 1,1 качества.

63 респондента указали в ответах характеристики, относящиеся к категории «Хобби» (среднее их количество – 1,3 на человека).

57 респондентов в ответах указали характеристики, относящиеся к категории «Место жительства» (0,6 качества на человека).

В категории «Ситуативная идентичность» (45 человек) в среднем на одного человека пришлось 0,8 характеристики.

В категориях «Гражданская идентичность» и «Национальность» количество респондентов было относительно выборки невысоким – 34 и 32 человека соответственно. Среднее количество характеристик составило 0,4 и 0,3 на человека.

Значение категорий в общей структуре идентичности можно оценить через количество ответов по каждой категории на момент исследования. Без сомнения, категории семантически неуравновешены, однако общую картину структуры идентичности можно обозначить. Так, в категории «Характерные черты» можно назвать более 500 характеристик, в категории «Государство», «Гендер», «Место жительства» – около десятка для каждой, а в категории «Национальность» – только одну. Было подсчитано среднее количество ответов по всей выборке на каждую категорию. Для удобства отображения мы некоторые из категорий анализа объединили. Например, были объединены категории «Семья» и «Род». Категории «Государство», «Гендер», «Место жительства», «Национальность» вошли в категорию «Прочее».

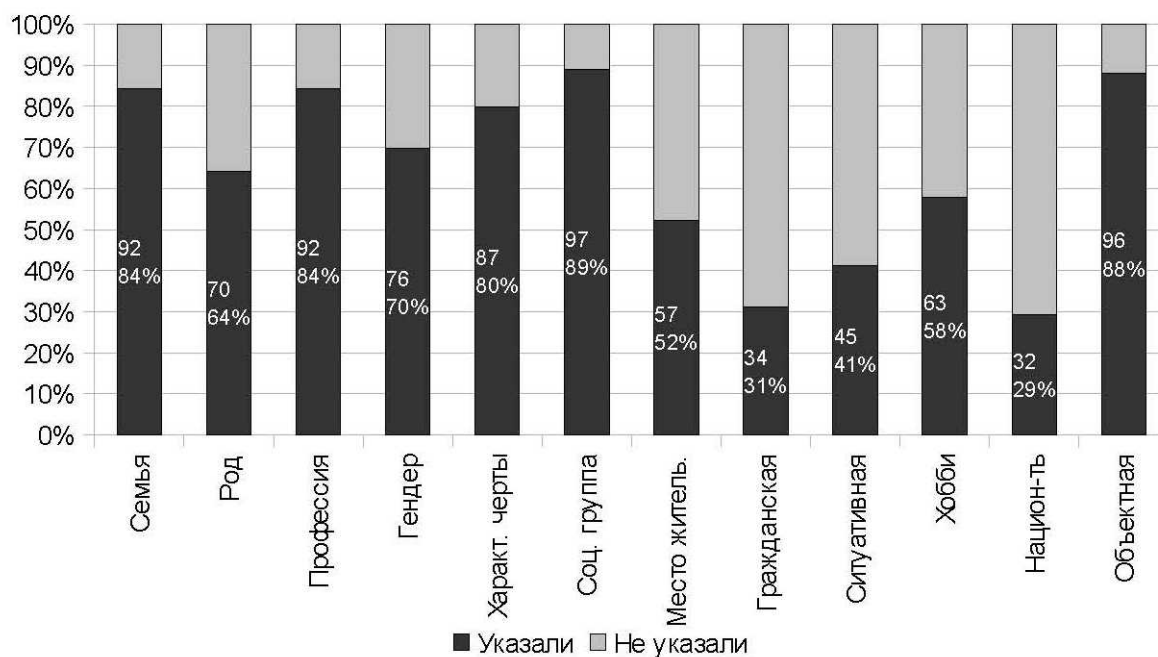

Рис. 1. Количество респондентов по категориям идентичности

Как видно на рис. 2, значимость индивидуальной идентичности у респондентов составляет четверть в структуре общей идентичности. Большую часть составляет социальная идентичность – 63%. Объектная занимает тоже достаточно значительную область – 11%. Можно предположить, что она выполняет интегрирующую функцию в общей структуре идентичности. В рамках социальной идентичности самую значимую позицию у респондентов занимает семейно-родовая идентичность (15% семейная и 6% родовая). Скорее всего, это имеет возрастную обусловленность, так как именно на этот возраст (от 19 до 35 лет) приходится создание семьи, рождение и воспитание детей. На втором месте по значимости – идентичность на уровне социальных групп. Самые популярные ответы – друг, подруга, товарищ. На третьем месте – профессиональная идентичность, затем идентичность через хобби. Период вхождения в профессию предполагает поддержку со стороны коллег по работе. В этот период, по всей видимости, она становится важнее непосредственно профессиональной деятельности. К тому же процессы профессиональной деформации еще не успели развиваться в полной мере.

Ответы на вопросы, касающиеся отношения к деньгам, трудовой деятельности и собственности (вещам) показали следующее. При ответе на вопрос: «Какую бы вы сумму одолжили, если бы к вам обратился в первый раз?», – респондентам было нужно указать сумму, которую они могли бы одолжить члену семьи, родственнику, другу, коллеге, знакомому, соседу. Распределение степени важности близких и хорошо знакомых людей через денежные отношения представлено в табл. 1.

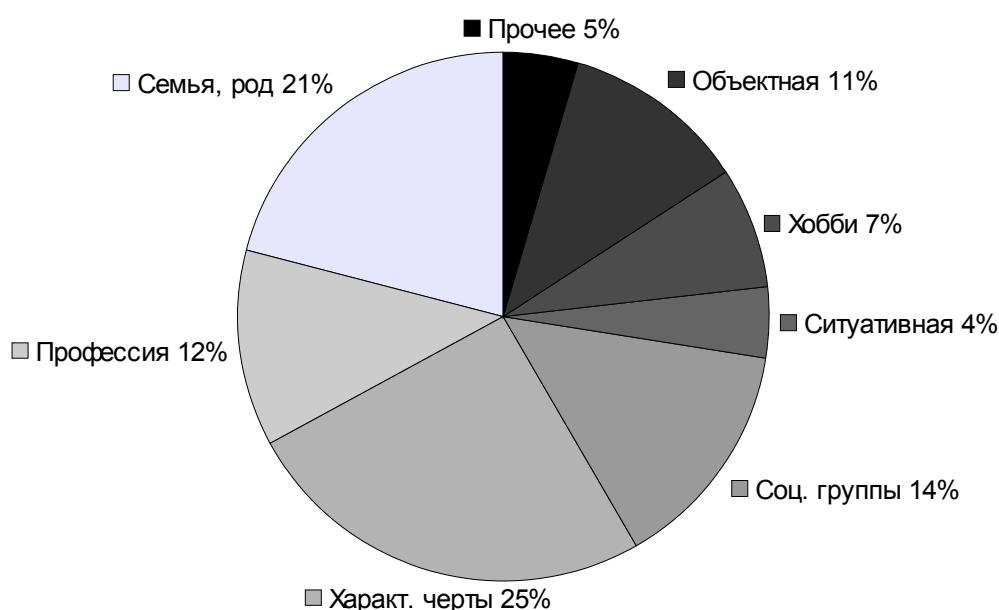

Рис. 2. Значение категории в общей структуре идентичности

Таблица 1

Поведение по отношению к деньгам среди близких людей и знакомых

Ранг	Представитель социальной группы	Средняя сумма
1	Член семьи	228 028,7
2	Друг (подруга)	101 760,96
3	Родственник	43 502,19
4	Коллега	7 592,76
5	Знакомый	3 279,91
6	Сосед	1 027,19

Самые высокие средние значения по заемной сумме средств у представителей членов семьи и друзей. Родственники же находятся ниже друзей по этому показателю. Самые низкие показатели – у коллег, знакомых и соседей. Диапазон сумм каждой из трех групп различается на порядок. Так, на первом и втором местах члены семьи и друзья, и средняя сумма займа шестизначная. Далее родственники, которым готовы одолжить сумму на порядок меньше. И наконец, коллеги, знакомые и соседи с четырехзначными суммами займа.

На сходный вопрос, касающийся одалживания денег малоознакомым респонденту людям были получены следующие ответы (табл. 2).

Таблица 2

Поведение по отношению к деньгам среди незнакомых и малознакомых людей

Ранг	Представитель социальной группы	Средняя сумма
1	Коллега	3 668,16
2	Дальний родственник	1 466,75
3	Пенсионер	1 375,44
4	Сосед	1 188,86
5	Молодой человек (девушка)	674,74
6	Представитель своей национальности	444,12
7	Представитель другой национальности	382,81

Как видно из табл. 2 заем малоознакомым людям ограничивается трех- и четырехзначными суммами. Причем большим доверием в этом отношении пользуются коллеги. Дальние родственники, пенсионеры и соседи имеют меньшее доверие. Самые низкие в среднем суммы будут предоставлены молодым людям и представителям своей национальности. Малознакомые представители другой национальности стоят на последнем месте.

Следующие два вопроса касались особенностей поведенческих моделей в профессиональной сфере. Первый из них был сформулирован так: «Представьте себе ситуацию, что успешность вашей работы зависит

еще и от активности напарника. Кого бы вы взяли на это место, если бы принимали решение о трудоустройстве (напротив варианта ответа поставьте цифру – приоритет рассмотрения)?». Ответы представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Поведение по отношению к работе при выборе коллег

Ранг	Представитель социальной группы	Средний ранг приоритета
1	Знакомый профессионал в данной сфере	2,03
2	Кандидат по рекомендации человека, которому доверяете	3,52
3	Кандидат от кадрового агентства	4,41
4	Член семьи человека, которому доверяете	4,5
5	Член семьи (родственник)	4,88
6	Друг (хороший знакомый)	5,07
7	Человек, пришедший по объявлению	5,24
8	Представитель своей национальности	6,82

Как показывают данные табл. 3, на первом месте находится знакомый профессионал в данной сфере. Оценивание в первую очередь происходит по профессиональным навыкам, и приоритет отдается знакомым людям и по степени родства. Меньший приоритет имеют национальность и дружба. То есть в формулировке вопроса респонденту предлагается занять профессиональную ролевую позицию, и в соответствии с ней на первое место выходит «Знакомый профессионал в данной сфере». Таким образом, при изменении ролевой позиции и конкретизации сферы активности изменились и приоритеты в рассмотрении названных групп. Семья и друзья (лидеры по предыдущим ответам) уступили место ролям, стоящим ближе к профессиональной деятельности.

Следующий вопрос был сформулирован так: «Представьте себе ситуацию, что вы – руководитель компании. Кого бы вы охотнее поставили на ключевые места (в порядке приоритета рассмотрения)?» То есть если в предыдущем вопросе респонденту предлагалось занять позицию сотрудника организации, то в этом вопросе позиция более конкретна: предлагается оценить варианты с позиции руководящего звена. Результаты ответа на этот вопрос показаны в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Поведение по отношению к работе при руководстве компанией

Ранг	Представитель социальной группы	Средний ранг приоритета
1	Знакомый профессионал в данной сфере	2,07
2	Коллега, с которым уже работали	2,95
3	Кандидат по рекомендации человека, которому доверяете	3,88
4	Кандидат от кадрового агентства	4,57
5	Член семьи (родственник)	5,06
6	Член семьи человека, которому доверяете	5,16
7	Друг (хороший знакомый)	5,69
8	Представитель своей национальности	6,92

Как мы видим, при данных условиях профессиональные качества также играют ключевую роль. Затем по приоритету рассматриваются степень знакомства. Здесь уже стоит выше приоритет своей семьи над членом семьи человека, которому доверяют. И также в меньшем приоритете – национальность и дружба без профессиональных навыков.

Таким образом, результаты ответов на вопросы, затрагивающие профессиональную сферу и предлагающие респондентам идентифицироваться с сотрудником организации и руководителем, меняют динамику выборов предпочтений. То есть идентичность человека с конкретной ролью организует приоритет рассмотрения возможных вариантов решения.

Следующий вопрос касался особенностей отношения к вещам и был сформулирован так: «Представьте себе ситуацию, что вы на некоторое время вынуждены уехать. К кому бы вы обратились с просьбой присмотреть за вашим оставшимся имуществом (квартира, автомобиль, гараж, или дача)?» При этом определялись конкретные сроки отъезда: на несколько недель; на несколько месяцев; на несколько лет. Респондентам предлагалось выбрать один-два ответа на выбор.

Здесь абсолютным преимуществом обладают члены семьи и в меньшей степени друзья. При более длительном отсутствии средний показатель выбора друзей уменьшается.

Таким образом, рассмотрение места и роли идентичности с постнеклассических методологических позиций позволяет нам описать идентичность как явление, представляющее собой инструмент организации как психической активности (обретение смыслов, формирование сознания) человека, так и поведения (освоение новых моделей поведения). Результаты нашего исследования показывают, что структура идентичности современной

работающей молодежи образуется тремя составляющими: индивидуальной идентичностью, социальной идентичностью и объектной. Причем социальная идентичность имеет большее значение, чем индивидуальная (оставляет примерно четверть от общей идентичности). В социальной идентичности респондентов от 19 до 35 лет важнейшее значение имеет идентичность с семьей и родом. Затем – принадлежность социальным группам на дружеских началах. На третьем месте по значимости находится профессиональная идентичность. Возможная причина этому – возраст участников исследования.

Ответы на вопросы, касающиеся отношения к собственности (кому респондент оставит собственность на период отъезда) и деньгам (вопрос заема), имеют аналогичную картину распределения выборов, отражающую структуру идентичности по первой методике. Вместе с изменением в структуре вопроса сферы активности на профессиональную, ответ на который предполагал оценку с профессиональной позиции, респонденты откликнулись и изменением структуры выборов. Это подтверждает гипотезу об организующей роли идентичности для деятельности. Также следует отметить, что исследование проводилось в относительно стабильный период развития нашей страны. Однако при резкой смене ситуации и приоритетов в структуре идентичности могут произойти серьезные трансформации.

Литература

1. Агафонов А.Ю. Основы Смысловой теории сознания. СПб. : Речь, 2003. 296 с.
2. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
3. Ключко В.Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О.К. Тихомирова) // Вестник московского университета. Сер. 14, Психология. 2013. № 2. С. 106–120.
4. Ключко В.Е. О понятийном аппарате постнеклассической психологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. М. : Моск. гос. ун-т дизайна и технологии, 2016. С. 128–133.
5. Ключко В.Е. Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. № 4. 2013. С. 20–35.
6. Мунгалов В.Н. Психологическое пространство человека: содержание и объяснительные возможности понятия // Известия Байкальского государственного университета. 2013. № 3. С. 140–143.
7. Мунгалов В.Н., Левина А.Г. Профессиональная идентичность студентов, получающих профессиональное образование (на примере высшего образования) // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).24.
8. Степин В.С. Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2007. № 1. С. 65–76.
9. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование : тр. по социологии образования / под ред. В.С. Собкина. М. : Центр социологии образования Рос. акад. образования, 1998. С. 84–104.

THE STRUCTURE OF IDENTITY OF WORKING YOUTH

Mughalov V.N., Counseling center “Personality”, Irkutsk, Russia. E-mail: kham@inbox.ru

Abstract. The article presents the study of the structure of identity in a sample of young working people. Identity is considered from the post-non-classical positions and is described as a tool for organizing mental activity and behavior. The phenomenology of identity manifests itself in two ways: as a task to self-determination and as a task for solving current problems. Each of these tasks requires its own research methods. The results show that the structure of identity of modern young working people is formed by three components: personal identity, social identity, and object identity. Moreover, social identity is more important than individual identity (it constitutes about a quarter of total identity). In social identity of the respondents of 19 to 35 years of age the most essential is the identity with family and generation. The answers to the questions concerning the attitude to property (to whom the respondent leaves the property for the period of his absence) and money (loaning money) have similar distribution pattern of the choices reflecting the structure of identity according to the first method. Along with the issue of changing activity into professional, the answer to which involved the evaluation of professional positions, the respondents mentioned changes in the selection structure in favor of professional qualities of the candidates.

Keywords: identity research; the structure of identity; social identity; individual identity; professional identity.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

О.Г. Набиуллина

Комплексный Центр социального обслуживания детей и молодежи «Доверие», Казань, Россия
E-mail: olga-nab76@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования представлений студентов о профессионально-трудовой деятельности.

Ключевые слова: профессионально-трудовая деятельность; представления; ценности; студенты; профессионализм; доход; снижение мотивации.

В настоящее время, когда государство не трудоустраивает молодых специалистов и зачастую высшее образование получается «ради диплома», возрастает значимость изучения представлений студентов о своем профессиональном будущем. Результаты теоретических и эмпирических исследований, имеющиеся в современной психологии, свидетельствуют о том, что изучение подобных представлений студентов является актуальной научной задачей, эти исследования имеют практическую значимость, на что указывали многие авторы [2, 3, 4, 6].

Г.С. Помаз [6] изучала подобные представления у студентов-психологов. По ее данным, развитие представлений идет нелинейно, а в их формировании играют роль личностные особенности студента. Она выделила четыре типа профессиональных представлений: «незавершенный», «диффузный», «эгоистичный», «непрофессиональный».

Т.А. Казанцева и Ю.Н. Олейник [2] показали, что к старшему курсу возрастает соответствие представлений студентов представлениям профессионалов.

Н.Л. Кирт [3] выявила, что у студентов базовые тенденции развития представлений о карьере проявляются в увеличении адекватности представлений о себе, фиксации перспектив на профессиональной деятельности, положительной эмоциональной окраске взгляда на карьеру.

Л.Г. Матвеева [4] показала, что формирование профессионального самосознания клинического психолога связано с формированием реалистичного образа профессионала (клинического психолога), расширением объема представлений о профессиональных ролях.

Таким образом, видно, что в большинстве имеющихся исследований испытуемыми становились студенты, обучающиеся по одному профессиональному направлению, и делался акцент на представлениях о конкретной профессии (Н.И. Вьюнова, Т.А. Казанцева, Е.В. Кондратьева, Г.С. Помаз).

Целью проведенного исследования стало изучение представлений современных студентов, обучающихся по разным профилям профессиональной подготовки и находящихся на разных этапах обучения, о сущности профессионально-трудовой деятельности.

В исследовании участвовали 310 студентов. Исследование проводилось в военном (ВУНЦ СВ «ОА ВС РФ» (филиал г. Казань)), медицинском (КГМУ) и технологическом (КНИГУ) университетах г. Казани. В каждом ВУЗе исследование проводилось на младшем (1-й курс), среднем (3-й курс) и старшем (5-й курс) курсах.

В исследовании использовались следующие методики: авторский анкетный опросник; методика Б.С. Алишева для изучения ценностей личности; тест А.Б. Белоусовой для диагностики характера представлений о профессиональном будущем. Обработка данных основывалась на статистических методах, таких как угловое преобразование Фишера, четырехпольный коэффициент ассоциации Пирсона; t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ (стандартный пакет Excel).

Исследование представлений студентов о профессионально-трудовой деятельности показало следующее.

Студенты старшего курса в большей степени ориентированы на практический опыт, профессиональные теоретические знания, а также на поддержку опытных наставников.

На всех курсах испытуемые чаще всего указывали, что успеху могут способствовать такие качества, как целеустремленность и трудолюбие. На среднем курсе доля испытуемых, выбравших эти качества, существенно ниже, чем на других курсах. Старшекурсники чаще других хотели бы иметь дело с интересным содержанием работы, причем таким, чтобы оно позволяло получать опыт, не обязательно связанный с получаемой специальностью. На среднем курсе студенты чаще отмечали, что они бы предпочли не слишком утомительное содержание работы.

Изучение представлений о предстоящих трудностях показало, что доля испытуемых, выбравших трудность «недостаток знаний и опыта», увеличивается от младшего к среднему курсу и от среднего к старшему.

Сравнение представлений о причинах выбора профессии показало, что испытуемые среднего курса реже других испытуемых выделяют призвание и нужность профессии людям (то, что профессия приносит пользу), но чаще то, что «работа не грязная и не тяжелая». Старшекурсники чаще выбирали вариант «знание этой профессии пригодится, даже если не работать по специальности».

Изучение характера представлений о профессиональном будущем показало, что на среднем курсе испытуемые представляют будущее менее позитивно.

Цели профессионально-трудовой деятельности «высокий доход» и «профессионализм» на всех курсах выбирались достаточно часто. Тем не менее «высокий доход» на среднем курсе выбирался значительно чаще, чем на младшем и старшем курсах. Кроме того, на среднем курсе студенты реже выбирали цель «профессионализм».

На младшем и старшем курсах между целями «профессионализм» и «высокий доход» были обнаружены отрицательные связи (критические значения коэффициента ассоциации Пирсона: младший курс $\phi = -0,396$, $N = 107$, $|\phi_{кр}| = 0,25$ при $p = 0,01$; старший курс $\phi = -0,455$, $N = 110$, $|\phi_{кр}| = 0,25$ при $p = 0,01$). Эти отрицательные связи свидетельствуют о том, что у большинства испытуемых существуют приоритеты, связанные с будущей профессионально-трудовой деятельностью. Вероятно, это является следствием разрешения кризисов профессионального выбора, которые наиболее значимо обнаруживаются во время первого и последнего года обучения [1]. Отсутствие связи между вышеуказанными целями на среднем курсе, с одной стороны, может говорить о зыбкости приоритетов, сформировавшихся во время учебы на первом курсе. Но может и объясняться тем, что на 3-м курсе студенты не представляют, что профессиональная деятельность начнется в ближайшем будущем, и потребность в четких приоритетах для этой деятельности отсутствует. Об этой проблеме писал В.Н. Обносков, указывая, что из-за длительного срока обучения у студентов может сформироваться иллюзия продолжения школьного образования [5].

Далее для групп испытуемых, ориентированных на доход и ориентированных на профессионализм, был проведен корреляционный анализ между основными жизненными сферами (методика А.Б. Белоусовой) и ценностями (методика Б.С. Алишева).

На младшем курсе у испытуемых, ориентированных на профессионализм, «профессиональная сфера» положительно связана с ценностями «статус», «мощь и процветание родной страны», «экономический и технический прогресс», «общественная жизнь». Следовательно, представления о профессиональной сфере у этих испытуемых имеют социальную направленность. Ценность «разнообразие» отрицательно связана с «саморазвитием» и «достижениями». Это позволяет предположить, что младшекурсники планируют развиваться в рамках одного направления.

На старшем курсе у студентов, ориентированных на профессионализм, у ценности «статус» количество положительных связей возрастает. Ценность «статус» положительно связана с «профессиональной сферой», «саморазвитием», «стабильностью», «материальным достатком». Необходимо отметить, что эти студенты высоко ценят материальное благополучие, хотя оно и не является целью их профессионально-трудовой деятельности, а, скорее, воспринимается как следствие профессионализма. У старшекурсников эта тенденция возрастает.

У испытуемых, ориентированных на доход, на младшем курсе ценность «красота» положительно связана с «профессиональной сферой» и «достижениями». Вероятно, для этих студентов значима эстетическая сторона их деятельности.

У испытуемых, ориентированных на доход, на старшем курсе позитивное представление о будущем связано с ценностью саморазвития, но эта ценность не связана с профессиональной сферой, что позволяет предположить, что такие испытуемые не удовлетворены получаемым профессиональным образованием.

Изучение представлений студентов, обучающихся в разных вузах, показало, что приоритеты в пользу дохода или профессионализма могут меняться в зависимости от вуза и курса.

В военном вузе представления курсантов, находящихся на разных этапах обучения, имеют следующие особенности. Старшекурсники в большей степени ориентированы на доход, но в меньшей – на профессионализм. Тем не менее их представления в большей степени соответствуют профессиональной специфике: ответственность за людей, экстремальные условия работы. На старшем и среднем курсах представления о будущем становятся менее позитивными, чем на младшем.

В медицинском вузе старшекурсники чаще ценят профессионализм и личностное развитие, теоретические знания и практический опыт. Они чаще осознают призвание к профессии.

В технологическом вузе старшекурсники сильнее испытуемых других курсов ориентированы на личностное развитие и широкое применение профессиональных знаний. Характер представлений о будущем у студентов-технологов на среднем курсе становится менее позитивным, однако на старшем курсе мера позитивности снова возрастает.

На среднем курсе представления испытуемых во всех вузах в меньшей степени соответствуют профессиональной специфике. Так на среднем курсе в военном вузе курсанты реже представляют, что будут работать в экстремальных условиях. В медицинском вузе на этом этапе испытуемые реже отмечали, что для них важны профессионализм и принесение пользы людям. Будущие технологи на среднем курсе реже полагают, что успех в профессиональной деятельности связан с целеустремленностью, но чаще – со склонностью к риску.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Студенты, находящиеся на разных этапах обучения, часто выделяют цели «высокий доход» и «профессионализм», качества «целеустремленность» и «трудолюбие», отмечают значимость профессиональных знаний и опыта. Однако на разных курсах имеются особенности.

Испытуемые среднего курса в сильнее ориентированы на доход, но в меньшей степени – на профессионализм. У них нет определенных приоритетов – воспринимать будущую профессиональную деятельность как источник заработка или как сферу профессиональной самореализации. Студенты, находящиеся на этом этапе, в меньшей степе-

ни ценят ответственность и целеустремленность. Можно предположить, что средний курс является для студентов эмоционально сложным этапом, на котором снижается мотивация профессионального обучения.

Старшекурсники сильнее ориентированы на реализацию и получение профессионального опыта и знаний.

У студентов, ориентированных на профессионализм, на младшем курсе позитивное представление о будущем связано с достижением статуса. Студенты, ориентированные на профессионализм, связывают будущую профессионально-трудовую деятельность с российским обществом, имеют более сильные мотивации учения и профессионального развития, готовы к принесению социальной пользы и самоотдаче. Позитивное представление о профессиональном будущем у них связывается с достижением достойной позиции в обществе и признанием окружающих. У испытуемых, ориентированных на доход, на старшем курсе позитивное представление о будущем (не профессиональном) связано с ценностью саморазвития.

Таким образом, в исследовании было доказано наличие особенностей в представлениях о профессионально-трудовой деятельности у студентов, находящихся на разных этапах обучения (младший, средний и старший курсы), обучающихся в вузах разного профиля.

Перспективы исследования: выявление факторов, влияющих на формирование представлений о профессионально-трудовой деятельности; исследование причин снижения мотивации профессионального обучения на среднем курсе.

Литература

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий : учеб. пособие. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 336 с.
2. Казанцева Т.А., Олейник Ю.Н. Взаимосвязь личностного развития и профессионального становления студентов-психологов // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 6. С. 51–59.
3. Кирт Н.Л. Динамика представлений о профессиональной карьере психологов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 21 с.
4. Матвеева Л.Г. Становление профессионального самосознания клинических психологов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.
5. Обносов В.Н. Динамика профессиональных представлений учащихся ПТУ при разных способах введения в профессию // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 28–32.
6. Помаз Г.С. Детерминанты развития представлений о профессии студентов-психологов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2006. 26 с.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' PERCEPTIONS ABOUT VOCATIONAL WORK AT DIFFERENT STAGES OF VOCATIONAL TRAINING

Nabiullina O.G., psychologist, Complex Center of Social Services for Children and Youth «Trust», Kazan, Russia. E-mail: olganab76@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the study of perceptions of university students of different professional areas (medical, military and technological) of professional activities at different stages of learning. The study was conducted in the Universities of Kazan. There were students of 1st year, 3rd year and 5th year who took part in the study. As a result of this study the author reveals the peculiarities and dynamics of students' perceptions. It was found that "income" and "professionalism" are important goals for students of all years. In the group of first year students and third year students there is a fairly large group of participants, singling out one of these goals as a priority. The students focused on professionalism as prior goal, being first year students have a positive view of the future due to the value of a certain status. This tendency is increasing through years. Being fifth year students, focused on professionalism, they associated with positive performance in many areas of life. The fifth year students who are focused on income have positive view of the future due to the value of self-development, suggesting that these participants are not satisfied with the obtained education. The students of third year are relatively often focused on income, but less focused on the professionalism, commitment and responsibility; they perceive their future associated with education, self-development and achievement less positive. On the one hand, this shows the instability of the priorities generated in the first year. On the other hand, it is possible that this is due to the fact that prior to graduation and the beginning of a permanent vocational activity is still far, and the need for clear priorities in vocational activity is low. The fifth year students are more focused on professional knowledge and experience, even if they do not plan to work in the chosen professional field. The perceptions of professional field, education, social contacts, self-development and achievements become more positive for fifth year students again. This indicates relatively higher motivation for personal and professional growth of students.

Keywords: professional-labor activity; representations; values; students; professionalism; income; reduction of motivation.

ЭРЗАЦ-МЫШЛЕНИЕ КАК АТРИБУТ КВАЗИИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Н.И. Нелюбин

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

E-mail: nelubin2001@yandex.ru

Аннотация. Феномен эрзац-мышления рассматривается как ментальный атрибут квази-идентичности человека.

Ключевые слова: антропологическая катастрофа; идентичность; квазиидентичность; самоощущенность; самопознание; мышление; эрзац-мышление.

Суть в нас не есть продукт нашей спекулятивной фантазии.

К. Дюркхайм

Часть 1. Страсти по идентичности

Многие гуманитарные ученые усматривают в современной антропологической ситуации признаки упадка и катастрофы (Ф.И. Гиренок, Д.А. Леонтьев, М.К. Мамардашвили, Э. Фромм, С.С. Хоружий, К. Ясперс и др.). Один из них – это рассеяние и хаос эмпирического субъекта, утрачивающего рефлексивную связь с экзистенциальным измерением идентичности на фоне непрерывно обновляющейся и ценностно несфокусированной информационной повестки дня. В жизненном укладе современного массового человека, вопреки упованиям философов-экзистенциалистов, наблюдается преобладание фрагментарного и симулятивного способа бытия над аутентичным и цельным, утилитарного эго над когитальным, одномерного мышления над многомерным, инструментально-бюрократического разума над экзистенциальным, технократического мышления над поэтическим, здравого смысла над художественным вымыслом, квазиэпического речитатива публичного эгоцентрика над задумчивой мелодией души философа-анахорета. Если предельно критично и компактно описать когитальное измерение антропологической катастрофы, то следует сказать, что мы живем в эпоху, когда состояние динамичного и самоуверенного недомыслия торжествует над экзистенциальной апорией.

Антропологическая данность отягощается еще и тем, что современным человеком овладевает навязчивое желание вещественно и количественно оформлять, выражать собственную идентичность, превращать ее в «вещное бытие» (если выразиться словами М.М. Бахтина), подвергать непрерывному обновлению и вписывать в повестку дня «текущей современности», что замещает напряженную работу по ее постижению и осмыслению. Эту тенденцию иллюстрируют персональные фотоколлажи в социальных сетях, многочисленные и довольно рейтинговые передачи, ток-шоу на тему «чудесных преображений» публичного образа человека и прироста его субъективного благополучия. Поскольку вещи становятся «символическими обозначениями идентичности и средствами идентификации, люди вскоре начинают действовать соответствующим образом» [1, с. 93]. Как отмечает З. Бауман, в условиях текучей современности одной из ключевых компетенций человека становится «способность “делать покупки” в супермаркете идентичностей». Таким «супермаркетом» сегодня становится массовая культура. В сложившейся ситуации «степень истинной или предполагаемой потребительской свободы выбирать свою идентичность и удерживать ее сколь угодно долго становится самым легким путем к исполнению фантазий об идентичности. Имея эту способность, человек свободен создавать и отменять идентичность по своей воле» [Там же, с. 92]. Потребность быть «в тренде», «на хайпе» для современных молодых людей становится куда важнее, чем необходимость сбываться в собственном бытии и мышлении в качестве суверенного и автономного автора жизненного пути, чем «необходимость себя» (если обобщить словами М.К. Мамардашвили). Таким образом, претензия на выражение и подчеркивание идентичности оборачивается тем, что базовым атрибутом существования модального человека эпохи постмодерна на деле становится квазиидентичность.

Сегодня иллюзорная, мнимая идентичность, обретаемая путем отождествления себя с медийными персонажами, модальными прототипами успешной, счастливой и даже креативной личности (поставляемыми массовой культурой и популярно-психологической литературой), обретает все большую монополию в душевном устройстве индивидуума. Он предпочитает отождествлять себя с такими вещами, представлениями и состояниями, которые под тем или иным предлогом оказываются в корпусе понятия «собственность», вместо того чтобы признать: «Нет смысла в собственности, пока человек не спросил о себе: какого себя собственность» [2]. Если подобные вопросы не вызывают соблазна избежать напряженного события мышления, то они с необходимостью актуализируют чувство несовпадения с самим собой. По замечанию С.С. Хоружего, в качестве «одной из глубинных, основоположных интуиций самосознания» выступает интуиция «несовпадения человека с собою самим» [9, с. 273]. Вместе с тем автор подчеркивает: «Человек никогда и не станет самим собой, если только не сделает этого своей целью и не приложит к этому особых усилий; “автоматически”, “само собой” произойти этого не может. В силу этого каждый человек находится в ситуации фундаментального выбора: становиться

ему или нет самим собой, истинным собой? Или, как формулирует Кьеркегор: совершить ли ему выбор себя?» [9, с. 273].

Вся антология экзистенциально-антропологической мысли об идентичности, предшествовавшая переводу этого понятия в дискурс психологии, пронизана настроением трагизма, предельно серьезной и деятельной озабоченностью собственным бытием. Все остальные – возвышенные, эстетически нагруженные, но бездеятельные томления по лучшей версии самого себя, обретаемой в обход осмысления экзистенциальных дилемм и этики самобытия, были привнесены в психологию «под флагом» эвдомонически-ориентированных, «легких» версий «саморазвития», в которых элиминируется базовый принцип постижения себя: «этический выбор себя означает *отношение к себе, как к заданию*» [9, с. 278]. В свое время еще К. Ясперс предостерегал нас от таких ситуаций, когда самопознание и саморазвитие без деятельной основы оборачиваются самообманом и деперсонализацией: «Если, к примеру, задавались целью стать самостоятельной и самобытной личностью, то превращались в некую искусственную формацию, составленную из одних только масок (Larven), вплоть до самой сердцевины лишенную действительности, а значит, становились как раз не личностью, а только педантично поддерживаемой персоной (Figur). Человек становится личностью, только заботясь о вещах, только создавая нечто своей деятельностью и поступками в мире» [10, с. 129].

О наивной познавательной установке, вставшей на место подлинного самопознания, писал и В.В. Библихин: «Любят говорить о глубинах личности. Каждому понятным образом кажется, что он находит очень много чего в своем я, и каждый гордится своим богатством: если бы только показать его и пустить в оборот. Вдумываются, вчувствуются, вглядываются в себя, анализируют. Все увиденное внутри себя приписывают себе» [2]. Культивирование подобных интроцепций способствует тому, что «праздное и часто похотливое разглядывание всего, что можно видеть в размазанно понятой душе», начинает подменять настоящую практику постижения и осмысления собственной идентичности [Там же]. В большинстве случаев все прекрасные и возвышенные томления по самопознанию и сопутствующие им «метафизические вопрошания» на деле становятся удобной ширмой, удерживающей человека от того, чтобы основательно и самозабвенно заняться именно тем делом, которое, казалось, неприятно отвлекало его от распирающей и вместе с тем слепой самотождественности. Налицо состояние этакого романтического бездельника, переживающего свою исключительность лишь за счет пустого присоединения к высоким понятиям и рассматривания себя в их концептуальной оправе. Так заигрывание с познавательной возможностью оборачивается пленительным и возвышенным самообманом, сопряженным с утратой возможности быть решительно свободным и самобытным в мышлении.

Сложность концептуализации понятия «идентичность» и соответствующие риски концептуальной подмены его настоящего феноменологического прототипа объясняются тем обстоятельством, что оно относится к такому классу понятий, которые, как бы выразился М.К. Мамардашвили, порождают какое-то особое состояние существования в том, кто употребляет эти понятия. Философ подчеркивал, что это такой случай, «где само наше личное существование формируется тем или иным образом в зависимости от нашей способности применять и расшифровывать эти понятия» [4]. Возможно, следствием подобного эффекта и является то, что в качестве эмпирического маркера идентичности в психологической литературе часто упоминается «чувство самотождественности». Действительно, при первичном рассмотрении вопроса «самотождественность» является хорошей и эмпирически самодостовой формой для описания сложно уловимого психологического образования «идентичность».

Пожалуй, одним из первых гуманитарных ученых, кто обратил внимание на несоответствие смысла понятий «самотождественность» и «самоидентичность», был французский философ, представитель школы экзистенциальной герменевтики П. Рикер. Согласно его замечанию, «идентифицировать самого себя» как «того же самого» и «быть идентичным самому себе» на уровне самости – это два не всегда совпадающих момента: «Парадокс состоит в том, что мышление имеет дело с понятием идентичности, в котором смешиваются два значения: идентичности с самим собой (самости) и идентичности как того же самого. Во втором смысле слово “идентичный” означает то, о чем мы только что упоминали: крайне сходный, аналогичный» [7]. Зачастую «идентификация становится средством либо самообмана, либо бегства от себя» [Там же]. В качестве примера ригидной формы самотождественности выступает, описанный К. Дюркхаймом «застывший корпус Я». «В этой форме “Я” человек, заключенный в скорлупу своего мира и застывший в ней, жестко держится за все внешнее и внутреннее, что было им когда-то завоевано и сильно страдает от всего, что может подвергнуть сомнению устойчивость его позиции, идет ли речь о мировоззренческой, о практической либо этической позиции» (цит. по: [3. С. 194]). К. Хорни рассматривает в качестве фиктивной, невротической формы самотождественности – «самоидеализацию», которая часто берет свой исток от вполне безобидной потребности в совершенстве, но оборачивается невротической формой бегства от самого себя. В качестве результата невротических трансформаций возникает следующая клиническая картина: «Идеальный “он” начинает представлять для него того человека, которым он “на самом деле” является, или же его потенциал, т.е. того, кем он мог или должен бы был быть. Идеальный “он” становится для него вершиной, с которой он взирает на себя, мерою, которой он себя мерит» [8. С. 35].

Часть 2. Утрата «мыслящей действительности»

Наша принципиальная позиция заключается в том, что для поддержания и воспроизводства квази-идентичности должна существовать соответствующая формация мышления, которая выступает в качестве ее эпистемологической основы и является по своей сути эрзацем подлинно антропологической формации мышления, подменяющим собой «когитальное измерение» бытия познающего человека. В философско-психологическом дискурсе накоплено немало концептов и метафор, позволяющих описывать тот или иной аспект данной формации мышления, достраивать его феноменологическую картину: «посредственный ум» (Х. Ортега-и-Гассет), «инструментальный разум» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас), «одномерное мышление» (В.Е. Ключко, Г. Маркузе), «механистически мыслящий рассудок» (К. Ясперс), «ментальное приспособление» (Э. Фромм), «технократическое мышление» (В.П. Зинченко). По замечанию К. Ясперса, еще Платон рассматривал человека как идентичного себе только в том случае, если «он един с самим собою, не противоречит себе» в собственном мышлении. Величайшее же несчастье для человека, по выражению античного философа, заключается в том, «что человек распадается в самом себе, улавливая мнением то одно, то другое и бывая то одним, то другим, без внутренней связи, в круговороте случайности» [10, с. 17].

Р. Мэй отмечал, что уже представители раннего экзистенциализма рассматривали в качестве наиболее серьезной угрозы дегуманизации «присоединение мышления к механизмам, подрывающим индивидуальную ценность и решительность» [6]. Суть экзистенциально-антропологического прогноза заключалась в том, что «доля мышления будет сокращаться с появлением новых видов технических устройств» [Там же]. Конечно, здесь необходимо уточнить, о нарастающем дефиците какого мышления шла речь. Пожалуй, точнее всего подходит формулировка М. Шелера, который называл мышление «бытийным отношением». Но даже если отталкиваться от более распространенного в общенаучном дискурсе понимания мышления как диалектического процесса, то и в этом случае придется констатировать его кризис на фоне технологического прогресса. Г. Маркузе описывал эту тенденцию следующим образом: «В результате мы видим атрофию способности мышления схватывать противоречия и отыскивать альтернативы; в единственном остающемся измерении технологической рациональности неуклонно возрастает объем Счастливого Сознания» [5, с. 343]. Мышление, адаптированное под жизненный уклад технологически оснащенного и «счастливого» обывателя, превращается в «академического двойника социально желательного поведения» [Там же, с. 277]. Вследствие этого вместо мышления как жизненного акта «начинается пустая игра разлагающего интеллектуализма», не отсылающая человека в «конкретную экзистенциальную историчность» его бытия [10]. Вместо напряженной работы по рефлексивному собиранию персонифицированных эпизодов мышления в единую, делящуюся антологию событий историчности (другими словами, в когитальную идентичность) человек как унитарный субъект жизни и мышления «рассыпается» на ряд дискретных, ситуативно обусловленных и очищенных от жизненных отношений, когнитивных актов адаптивного характера. Без реализации человеком стремления быть на уровне собственной идентичности не столько набором тождеств с теми или иными образами «Я», сколько персонифицированной «мыслящей действительностью» его «бытие распадется в пустой игре универсального касания всякой действительности» [Там же, с. 111].

Мышление как изначальный атрибут субъекта «когитального сознания» (М.К. Мамардашвили) превращается современным модальным человеком в инструмент обоснования и оправдания себя в качестве субъекта эгоцентрического, утилитарного сознания, поддерживающего гомеостазис наивной или ригидной самоидентичности. М.К. Мамардашвили прочертил очень четкую грань между мышлением как «бытийно-личностным» экспериментом и «мышлением» как средством опредмечивания, утилизации и восполнения достаточно наивных установок по отношению к миру: «Посмотрите, сколько в истории мысли таких, где вы отчетливо увидите, что это не мысли, а способы, посредством которых те или иные люди, конкретные люди переживали какие-то в них существовавшие, совершенно независимые и до мысли возникшие состояния души. Просто через мысль канализировалось какое-то заранее задуманное: комплекс переживаний, зависть, гнев, претензии к миру, желание самоутверждения, желание дополнить себя чем-то, компенсироваться» [4].

Таким образом, в иерархии познавательных отношений современного человека с миром и с самим собой все заметнее начинает доминировать стремление руководствоваться экономичными, упрощенными, эвдомонически-ориентированными концепциями и объяснительными схемами, которые элиминируют настоящее познавательное напряжение, «усыпляют» критическую рефлексивность, сводят на нет экзистенциальную рефлексивность как акт «присвоения нашего усилия существовать» [7], позволяют поддерживать и воспроизводить образ удобного и условно понятного мира и соответствующий образ себя в нем. На этот счет В.В. Библихин заметил: «Людям ужасно хочется устроить себе Истину так, чтобы на ней можно было покоиться, чтобы она была удобна и портиативна!» [2]. Общий характер связи эрзац-мышления и квазиидентичности в жизненном укладе современного модального человека метафорически можно описать так: оно становится его «академическим двойником», выполняющим функцию «защитного пояса» (по аналогии с термином И. Лакатоса), поддерживающим мнимую и ригидную форму самоидентичности и предохраняющим ее от экзистенциальных замешательств.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асачкова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.

2. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб. : Наука, 2015. 577 с. URL: http://bibikhin.ru/uznay_sebya (дата обращения: 12. 09. 2017).
3. Летуновский В.В. В поисках настоящего: экзистенциальная терапия и экзистенциальный анализ. Ростов н/Д : Феникс, 2014. 379 с.
4. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. URL: <http://www.psychology.ru/library/00055.shtml> (дата обращения: 12.09.2017).
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина ; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2003. 526 с.
6. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение. URL: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/meugo04/txt07.htm> (дата обращения: 12.09.2017).
7. Рикер П. Повествовательная идентичность. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (дата обращения: 12.09.2017).
8. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / пер. с англ. Е.И. Замфир ; под ред. М.М. Решетникова. СПб. : Совместное изд. Восточно-Европейского ин-та психоанализа и БСК, 1997. 316 с.
9. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.
10. Ясперс К. Разум и экзистенция / пер. А.К. Судакова. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

ERZATS-THINKING AS AN ATTRIBUTE OF THE QUASI-IDENTITY OF THE PERSON INTO THE POSTMODERN EPOCH

Nelyubin N.I., PhD in psychology, associate professor of the department of practical psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia. E-mail: nelubin2001@yandex.ru

Abstract. In the first part of the article a modern anthropological situation is described, against which a loss of reflective connections with the existential dimension of one's own identity occurs in the vital world of a modern man. The phenomenology of quasi-identity, which is considered by the author as a correlate of the mode of existence of the modern modal man, is disclosed. On the one hand, as the author shows, quasi-identity is a consequence of the cultivation of an artificial need to materially and quantitatively formalize, express one's own identity, turn it into "real being". In the conditions of the growing monopoly of a consumption culture, an imaginary identity is constituted by identifying a person with things, concepts and states that appear in the corpus of the notion of "property". On the other hand, quasi-identity is a by-product of the cultivation of eudomonically oriented, "light" practices of self-knowledge and self-development, within which a person is identified with a naively contemplative, conditionally happy and successful version of himself, bypassing the existential dilemmas and ethics of identity. The tradition of treating the "sense of self-identity" as an empirical marker of a person's identity is criticized. Analytical illustrations are given that make it possible to understand that a sense of self-identity can acquire rigid and neurotic forms. In the second part of the article the author describes the formation of thinking, which acts as an epistemological basis for maintaining quasi-identity. It is, in the author's opinion, an ersatz of a truly anthropological formation of thinking, substituting for itself the "cogital dimension" of the being of the knowing person. The author notes that in the hierarchy of the cognitive relations of a modern man with the world and with himself, the desire to be guided by "portable", eudomonically oriented concepts, which protect him from existential confusion caused by thinking as a being-being, dominates. The individual more and more often neglects the practice of reflexive generalization of personified episodes of thinking into a single anthology of events of comprehension. Because of this, a person as an initially unitary subject of life and thinking "falls apart" into a series of discrete, situationally conditioned and purified from life relations, cognitive acts of an adaptive nature. In conclusion, the author emphasizes that in the current anthropological situation, ersatz thinking becomes a sort of "academic double" of quasi-identity that supports the imaginary form of a person's self-identity.

Keywords: anthropological catastrophe; identity; quasi-identity; self-identity; self-knowledge; thinking; ersatz thinking.

УДК 159.9.01

«БЛУЖДЕНИЕ РАЗУМА» И СТРУКТУРА ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

И.А. Николаева

Курганский государственный университет, Курган, Россия
E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Аннотация. Преставлены результаты исследования, направленного на изучение слабо осознаваемой ценностной регуляции стихийных ментальных образов.

Ключевые слова: «блуждание разума»; ценностные отношения.

Введение. Отношение к ценностям как предмету психологического исследования является противоречивым. С одной стороны, существует позиция, что устойчивые личностные образования, такие как диспозиции и ценности, – чрезмерно абстрактные сущности, которые недостаточно прогностичны, индивидуализированы и гибки, чтобы объяснить детерминацию реального поведения. Как следствие, ценности отодвигаются на второй план в изучении личности, индивидуальности. Авторы начинают предпочитать более дифференцированные и конкретные, «динамичные» концепты в исследованиях (например, «текущие интересы» (Э. Клингер), «личные устремления» (Р. Эммонс)). Успехи когнитивных наук создают возможность объяснения поведения на основе детерминации более элементарными, «низшими» процессами. Регуляции «сверху вниз» противопоставляется регуляция «снизу вверх».

В отечественной психологии неудовлетворенность изучением ценностей также существует. Но на ее основе возникла другая научная ситуация. Здесь сложилась общая тенденция «психологизации» общепринятого социологического и социокультурного понимания «ценностей». Появляется термин «личностные ценности», который предполагает индивидуализированное ценностное содержание, не только результат социализации, но и индивидуальную историю, связь с потребностями, телесностью («ценностный мир» – В.И. Кабрин [1]), историей жизни («сезоны жизни»), процессом переживания, личностным смыслом, личной ответственностью (В.П. Зинченко [2]). Ценности занимают центральное место в психологических системах (В.Е. Ключко [3]), выполняя основные жизненные функции – интеграции и развития личности. Интегративные ценностные процессы рассматривают Н.Р. Салихова [4] («открытость» новому благодаря предметной неопределенности и обобщенности личностных ценностей), Б.С. Алишев [5] (связь ценностей с феноменами веры и интуиции). Традиции русской философии, интуитивизм начала XX в. также фиксируют неосознаваемую интегративную функцию ценностей в процессах нравственного становления человека.

Безусловно, повышенное внимание к личностным ценностным феноменам в процессах самоорганизации – это не узко российское явление. Следует сказать о «ценении» (“valuation”) Г. Херманса, универсальных ценностях как «мотивационных типах» в концепции ценностей Ш. Шварца.

Названные концепции подразумевают «всеприсутствие» (Н.О. Лосский) ценностей и их непосредственное или опосредованное участие в процессах самоорганизации и саморазвития на всех уровнях сознания, включая неосознаваемые автоматические процессы. Становится очевидным, что типы регуляции «сверху – вниз» и «снизу вверх» должны рассматриваться не как конкурирующие, но как взаимодействующие в рамках единой регулятивной системы.

Включение ценности в общепсихологический контекст означает рассмотрение ценностей не только в контексте личности («личностные ценности»), но и в контексте сознания [2]. Поднимая вопрос о ценностях в структуре сознания, мы задаемся вопросами о том, где границы ценностной регуляции (регуляции «сверху вниз»? В каких формах существует ценностная регуляция на слабоосознаваемом уровне? Существуют ли автоматические процессы ценностной регуляции? Подчиняются ли ценностной регуляции такие спонтанные хаотические процессы, как свободные ассоциации и «блуждание разума»?

Нами проведена серия исследований, в которых мы стремились найти ценностные основания произвольных нецеленаправленных ассоциативных процессов – процессов, которые последние два десятилетия обозначают как «блуждающий разум» (mind wandering).

Для освещения полученных данных далее уточним выбранные понятия.

Ценностные отношения. Понятие «ценностные отношения» в данной работе выбрано потому, что «отношение» передает устойчивый характер специфической связи между субъектом и объектом отношения. Основанием этой связи является личностная ценность (или ценности). Ценностное отношение – это феноменологический аспект личностной ценности. Оно дано субъекту как специфическое явление, родственное переживанию. В отношении имеются обобщенная эмоция, прошлая и предвосхищаемая информация об объекте отношения. Однако в отношении нет динамики переживания. Переживание стремится к разрешению некоторого противоречия, к своему завершению. Отношение как бы ставит «точку» в переживании.

Устойчивость отношения определяет его роль в ценностном функционировании. Отношения фиксируют ценностную позицию личности, которую принято описывать как «систему отношений», определяя тем самым устойчивость и предсказуемость поведения личности, направления ее развития.

«Блуждание разума». «Блуждание разума» – русский перевод английского «mind wandering» (далее – MW), обозначающего внутренне направленное ментальное состояние рассеянности или «блуждания» в своих мыслях. Это ментальное состояние фиксируется в формах дневного мечтания или отвлечения внимания от выполнения задачи. J. Smallwood и J. Schooler (2006) выделили три факта о MW: 1) текущая задача начинает выполняться автоматически, без сопровождения внимания; 2) фокусом осознания становятся личные мысли, что обозначается как «процессы раздвоения» внимания; 3) резкое завершение, прерывание MW (catching) наступает, когда человек вдруг обнаруживает, что он «вне задачи».

Большой массив исследований привел к выделению двух типов MW, имеющих синонимичные названия у разных авторов: 1) ненаправленное (Without Intention), неуправляемое, спонтанное (indirected, spontaneously (MW-S)); 2) направленное (With Intention), управляемое (deliberate MW-D). Второй тип – это взаимодействие процессов контроля и имплицитных процессов [6]. Неинтенциональное MW является диссоциирующим (т.е. разъединяющим), а не интегрирующим когнитивным опытом. Интенциональное MW часто связано с автобиографическими мыслями, мыслями о будущем, что говорит о его участии в построении жизненной перспективы и, тем самым, в процессах интеграции личности.

J. Smallwood, J. Schooler [7] выделили аналогичные типы MW, которые они назвали MW «с осознанием» (MW with awareness) и MW «без осознания» (MW without awareness). Для участников своего эксперимента авторы обозначили их как *tuning-out* и *zoning-out*. В инструкции *tuning-out* описывается следующим образом: «Иногда вы осознаете, что ваш мозг “дрейфует” (drifted), но по какой-то причине вы все еще продолжаете выполнять задачу». Это MW «с осознанием». *Zoning-out* описывается так: «Вы не отдаете себе отчет о том, что ваши мысли далеко от того, что вы делаете, до тех пор, пока вы не “схватите” этот факт. Это состояние MW без осознания. В последнем случае факт осознания происходит в конце данного ментального состояния. В первом

случае – осознается и начало переключения внимания, и процесс мысленного “дрейфа” в течение выполняемой задачи, так что человек распределяет внимание на две зоны – внутреннюю и внешнюю. MW без осознания препятствует способности выполнять задачу» [7. С. 533].

Обобщая содержание описаний направленного MW, можно выделить следующие его признаки:

– осознанность MW характерна для нормального, оптимистичного, креативного функционирования сознания человека;

– MW участвует в опережающем контроле (predict control), в основе которого – интернальные модели поведения, связанные с разными контекстами);

– в MW происходит полная или частичная вовлеченность человека в собственные мыслительные или образные процессы мышления или воображения;

– MW-D осуществляется при совместном участии обоих полушарий, включая автоматическую «сеть работы по умолчанию» и «систему контроля», при котором происходит переоценка эмоциональной информации на основе контекстуальных моделей.

Нейронные процессы взаимосвязи mindfulness и MW изучаются без «ценностной» терминологии, но в функциональном их описании мы находим признаки личностных ценностей:

– интеграция чувственного и социального опыта;

– переоценка эмоциональной информации на основе включения ее в интернальные модели;

– обобщение ситуативной информации в более широком контексте и смена позиции «от первого лица» (восприятие поля) на позицию от третьего лица (объективное восприятие);

– Я-система ориентации;

– интуитивное чувство целостности личности в процессах мечтаний, вовлеченность и удовольствие от этого процесса.

Гипотеза. На основе всего вышесказанного у нас есть основания предполагать, что непровольные, автоматические процессы, протекающие с внутренней концентрацией внимания, могут быть непосредственно связаны с наиболее устойчивыми и обобщенными регуляторами человеческой активности – с личностными ценностями. Ценностные отношения выполняют интегративные функции в процессе MW: ценностные отношения к объектам блуждающих мыслей противостоят хаосу ассоциаций.

Эта общая гипотеза может быть конкретизирована разными аспектами интеграции. Согласно В.П. Зинченко, взаимосвязанными свойствами сознания (или его слоями, уровнями, измерениями) являются, среди прочего, *хромотопичность, смысловое строение и ценность (ценностность)* [2]. Поэтому далее для проверки гипотезы мы проанализируем связи ценностных отношений к объектам MW с отношением к времени жизни, включая удовлетворенность прошлым, будущим, а также удовлетворенность и осмысленность жизни в целом (настоящим).

Организация исследования. Экспериментальная ситуация, в которой моделировалось состояние MW, достаточно подробно описывалось нами ранее [8, 9]. Здесь укажем на сходство и отличия нашей экспериментальной ситуации и экспериментов цитированных выше авторов по изучению MW.

Общность:

– присутствуют внутренне направленное состояние сознания, вовлеченность в поток образов;

– непровольный поток образов;

– предварительное инструктирование участников о необходимости наблюдения за состоянием сознания присутствовало и там, и там;

– разделение внимания на две зоны: «внутреннее» внимание – концентрация на непровольном потоке образов; вторая зона – концентрация на выполнении задачи (инструкции), которая заключается в контроле этого потока, т.е. в избирательности к образам «других людей» и фиксации этих образов именов.

Различия:

– в традиционных экспериментах задача связана с выполнением экстернальной деятельности. В нашем эксперименте задача ограничена наблюдением за собственным потоком сознания;

– в традиционных экспериментах MW прерывается сильным внешним стимулом, необходимостью выполнения экстернальной задачи, «внешней» по отношению к MW. В нашем эксперименте поток образов преращается естественно.

В традиционных экспериментах исследователи имеют возможность наблюдать только короткие фрагменты MW, прерываемые внешней стимуляцией. В наших экспериментах мы стремимся продлить состояние MW. Мы не создаем «конфликт интересов» между вниманием к внутренним образам и вниманием к выполнению некоторой внешней задачи. Длительность состояния MW в наших экспериментах задавалась по-разному. В одном случае мы просили записывать «других» до тех пор, пока они «приходят в голову». В другом случае просили записать «не более 50 других». Очевидно, что во втором случае испытуемые могли обратиться к намеренному припоминанию.

Все сказанное позволяет интерпретировать смоделированное нами состояние как тип MW-D, т.е. состояние намеренного, направленного, осознаваемого, контролируемого MW, включенного в процессы метапознания. Теоретически кажется очевидным, что «сопровождающий» контроль внимания делает доступным участие личностных ценностей в этих состояниях.

Использованная методика позволяет фиксировать ценностное отношение к образам «других» в состоянии post-MW на основе свойства устойчивости ценностных отношений.

Для фиксации отношения к времени жизни использовались «Событийная карта жизни» (далее СКЖ) А.С. Сухорукова, и показатели осмысленности и ценности жизни (СЖО и «Ценностный спектр» Д.А. Леонтьева).

Результаты. Результаты факторного анализа данных по методу главных компонент представлены в таблице.

Результаты факторного анализа данных по методикам «Ценностная вертикаль», «СЖО», «Ценностный спектр», «Событийная карта жизни»

Показатели ценностных отношений в осознанном состоянии «блуждания разума» (MW-D)	1-й фактор	2-й фактор	3-й фактор
1. СО самооценка, самоценность			
2. Частота оценок других «выше Я»			
3. Частота оценок других, ценимых «выше среднего»			,35
4. Частота оценок других, равноценных «Я»			
5. Частота максимально высоких оценок других – «идеалов»			,32
6. Частота крайне низких оценок других – «антиидеалов»			
7. Различие между «идеалами» и остальными («идеальное / возможное»)		-,36	
8. Различие между «антиидеалами» и другими («допустимое / недопустимое»)			,36
9. Степень «абсолютности» идеалов (порог «абсолют–идеальное / реал–идеальное»)			
10. Степень «абсолютности» антиидеалов («абсолют–антиидеальное / реал–антиидеальное»)	-,31		
Показатели смысложизненных отношений (СЖО)			
11. Ож осмысленность жизни			,93
12. Ц наличие целей в будущем			,62
13. П интерес к процессу жизни, эмоциональная окрашенность			,73
14. Р результативность жизни, удовлетворительность самореализацией			,74
15. ЛК-Я локус контроля «Я»			,74
16. ЛК-Ж локус контроля жизни			,69
Показатели методики «Ценностный спектр»			
17. Общее количество отмеченных ценностей			,76
Показатели отношения к прошлому («Событийная карта жизни»)			
18. П-1 достаточность прошлого опыта	-,87		
19. П-2 разрешение внутренних противоречий в прошлом	-,78		
20. П-3 успешность творческого подхода в прошлом	-,82		
21. П-4 понимание и переосмысление прошлого	-,81		
22. П-5 использование прошлого для осмысления будущего	-,83		
23. П-6 стремление в прошлом к неординарным событиям	-,73		
24. П-7 уменьшение внутренних противоречий в прошлом	-,80		
25. П-8 пригодность прошлого опыта для будущего	-,72		
Показатели отношения к будущему («Событийная карта жизни»)			
26. Б-1 достаточность опыта в будущем		,66	
27. Б-2 разрешение опыта в будущем		,78	
28. Б-3 творческое разрешение ситуации в будущем		,82	
29. Б-4 понимание и переосмысление прошлого в будущем		,50	
30. Б-5 переосмысление событий в будущем		,85	
31. Б-6 оценка будущего жизнотворчества		,63	
32. Б-7 ожидание изменений внутренних противоречий		,79	
33. Б-8 ценность будущего опыта		,87	
Преобладание удовлетворенности будущим по сравнению с прошлым (СКЖ)			
34. (1Б-1П) в достаточности опыта		,46	
35. (2Б-2П) в разрешении противоречий		,61	
36. (3Б-3П) в успехе творческого подхода		,65	
37. (4Б-4П) в понимании событий прошлого		,71	
38. (5Б-5П) в осмыслении событий будущего		,75	
39. (6Б-6П) в стремлении к творчеству		,53	
40. (7Б-7П) в разрешении внутренних противоречий		,57	
41. (8Б-8П) ценностью опыта		,59	

Примечание. Табличные данные приведены по предыдущей публикации автора [10]. Изменены обозначения параметров ценностных отношений в соответствии с более современной авторской интерпретацией.

Столь высокие факторные веса в таблице объясняются небольшим количеством участников исследования – их всего 60 человек – студенток педагогического колледжа. Тем не менее не следует пренебрегать этими

данными. Явления, которые они вскрывают, не претендуют на доказанную закономерность, но показывают направления дальнейшей эмпирической проверки и теоретического анализа.

Очевидно, что результаты факторизации вскрывают три непересекающихся фактора, обусловленных содержанием методик: это факторы времени жизни (отношение к прошлому и отношение к будущему) и фактор осмысленности и удовлетворенности жизнью в настоящем. Полученные факторы удобны для анализа закономерностей ценностных отношений.

Ранее в исследованиях MW были получены результаты о социотемпоральных временных характеристиках мыслей: мысли о будущем и о себе сопровождались повышением настроения, а мысли о прошлом и о других (независимо от эмоционального тона самих образов), как правило, приводили к снижению настроения.

Полученные нами данные позволяют дополнить и уточнить эти результаты. Как следует из таблицы, отношение к прошлому – это фактор, включающий в себя единственный параметр – степень «абсолютности» антиидеальных оценок, ценностный порог в оценках антиидеальных образов. Чем больше неудовлетворенность прошлым опытом – тем меньше «порог» для абсолютно негативных оценок. Чем выше удовлетворенность прошлым опытом – тем выше порог для крайне негативных оценок, т.е. респондент не может допустить того, чтобы оценивать кого-либо крайне низко, либо у него просто нет «антиидеальных» образов. Подчеркнем, что в факторе отношения к прошлому это единственный параметр ценностных отношений. Здесь играет роль не частота мысленного обращения к «антиидеальным» другим, не склонность видеть «зло» во многих явлениях, но *степень абсолютности* (предельности) переживания антиидеального. Данные показывают, что оценка собственного прошлого связана с фрустрациями в прошлом, но не с победами. Наши данные согласуются с наблюдением А.С. Пушкина: «...опыт, сын ошибок трудных». Вероятно, отношение к прошлому сопряжено именно с тяжестью «трудных ошибок». Отметим, что удовлетворенность самореализацией не обнаруживает связей в отношении к прошлому.

Фактор «отношение к будущему» также включает единственный параметр ценностных отношений – порог между «идеальным» и «возможным» для субъекта. Этот параметр входит в фактор с отрицательным весом. *Чем меньше порог между «идеальным» и «возможным», тем больше удовлетворенность будущим.* Эта связь соответствует здравому смыслу. Вновь подчеркнем, что это единственный ценностный параметр, который свидетельствует об оптимистичном отношении к будущему. Мы не получили каких-либо данных о том, что осмысленность, наличие целей, удовлетворенность самореализацией каким-то образом связаны с оптимистичным отношением к будущему.

Рассмотрим третий фактор – осмысленность, удовлетворенность и интерес к жизни. Это «богатый» фактор, так как он включает все характеристики смысловых отношений по методике СЖО. Несмотря на то, что в нем имеются и характеристики будущего (наличие целей в будущем), и характеристики прошлого опыта (результативность жизни, удовлетворенность самореализацией), можно сказать, что этот фактор интегрирует указанные временные аспекты в «настоящем», это удовлетворенность жизнью и ее смысл на период жизни, переживаемый как настоящий. Три параметра ценностных отношений включены в данный фактор: частота образов-«идеалов», частота оценок «выше среднего» и субъективная дистанция между «допустимым» и «недопустимым».

Частота идеализированных образов, или частота мысленного обращения к объектам, которые вызывают максимально «высокое» ценностное отношение, входит в фактор удовлетворенности жизнью. Иными словами, чем больше осмысленность и интерес к жизни, тем чаще в своих мыслях человек обращается к «идеальным» образам, испытывает «высокие» или «возвышенные» чувства.

Частота оценок «выше среднего» передает частоту «позитивных» ценностных отношений – отношений удовлетворенности, одобрения. Человек как бы говорит другому: «Да!», «Хорошо, что ты есть» (А. Лэнгле). Оценка «выше среднего» – это соответствие объекта желаниям индивида. Неудивительно, что частота данных отношений в мыслях индивида сопряжена с удовлетворенностью и интересом к жизни.

Субъективная дистанция, или «порог», между «допустимым» и «недопустимым» – это отношение недопустимости некоторого явления, отрицание его права «быть». Данное отношение «недопустимости» – требование к себе и другим, установление границ в своей жизни. Можно полагать, что этот параметр делает «вклад» в фактор осмысленности жизни благодаря своей определенности границ, которые дополняют позитивный стержень человека (его «идеалы») и, возможно, могут давать смысл и удовлетворенность жизнью в результате утверждения этих границ, в результате приверженности «запретительным» ценностным принципам. Ранее нами была показана содержательная взаимодополнительность «идеалов» и «антиидеалов» [8]. Вероятно, полнота осмысленности жизни возрастает, если осознанию доступны оба полюса ценностных отношений.

Обратим внимание, что параметры ценностных отношений с «Я-отношенностью», такие как «Самоценность» (глобальная самооценка), частота оценок других «выше Я» и «равноценно Я» не обнаружили связей с удовлетворенностью и осмысленностью жизни в ее временных аспектах.

Таким образом, мы видим, что произвольный поток образов сознания в условиях его сознательной фиксации обнаруживает индивидуально-устойчивую структуру ценностных отношений. В этой структуре существуют подструктуры (идеальное / антиидеальное; абсолютный «порог» антиидеального; желаемое / возможное; допустимое / недопустимое; отношение «выше среднего»), которые связаны с отношением к прошлому, будущему, с удовлетворенностью и осмысленностью настоящим.

Полученные связи свидетельствуют о том, что существует структура ценностных отношений, характеризующая поток образов MW и связанная рядом параметров с отношением человека к субъективному времени жизни – к личному прошлому и будущему, к жизни в целом.

Выводы. Таким образом, на уровне управляемого MW существует устойчивая ценностная структура, отражающая удовлетворенность жизнью в аспектах прошлого, настоящего и будущего. То есть ценности «присутствуют» на уровне ассоциативных процессов, на уровне «блуждания разума».

Литература

1. Кабрин В.И. Транскомуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. С. 94–122.
2. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
3. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ. Томск : Том. гос. ун-т, 2005.
4. Салихова Н.Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. Казань : Казан. ун-т, 2010. 452 с.
5. Алишев Б.С. Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход : дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 2002. 367 с.
6. Seli P., Risko E.F., Smilek D., Schacter D.L. Mind-Wandering With and Without Intention // Trends in Cognitive Sciences. 2016. URL: 10.1016/j.tics.2016.05.010.
7. Smallwood J., McSpadden M., Schooler J.W. The lights are on but no one's home: Meta-awareness and the decoupling of attention when the mind wanders // Psychon. Bull. Rev. 2007. Vol. 14, № 3. P. 527–533.
8. Николаева И.А. Пространственное измерение ценностной сферы личности. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. 166 с.
9. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 1: Изучение содержания личностных ценностей // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38. С. 70–76.
10. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 2: Структурные феномены ценностных отношений // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 112–120.

WANDERING MIND AND THE STRUCTURE OF VALUE-BASED ATTITUDES OF PERSONALITY

Nikolaeva I.A., PhD in psychology, associate professor of the department of general and social psychology, Kurgan State University, Kurgan, Russia. E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Abstract. Theoretical significance of the research lies in examining of poorly recognized value-based regulation of spontaneous mental images. The data we have obtained confirmed the existence of value regulation in the non-purposeful processes of “mind wandering”. Universal values, which adjust the stream of images, have been identified. The results confirm the hypothesis that there is an automatic mode of functioning of personal values.

Keywords: wandering mind; value-based attitudes.

УДК 159.9.07

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

О.Ф. Николенко

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: Nikolenko.of@mail.ru

Аннотация. Современные преобразования в обществе, процессы глобализации, миграции населения влияют на ценностно-смысловые установки молодежи. Существуют различные подходы к пониманию проблемы ценностно-смысловых ориентиров. В последнее время наблюдается активизация внимания исследователей к проблеме коммуникативной толерантности, изучению способов ее формирования.

Ключевые слова: ценностные ориентации; смысложизненные ориентации; самоопределение; толерантность; патриотизм.

Проблема поиска смысла жизни, смысложизненных ориентиров остра и актуальна. Особенно на современном этапе развития общества постмодерна, где нет четких ориентиров и ценностей, но в то же время возрастает потребность и значимость ценностных и смысловых аспектов человеческого бытия. Ценностно-смысловая сфера представляет базовое ядро личности, включая личностные ценности и личностные смыслы [8]. Толерантность составляет одну из основных личностных характеристик и входит в структуру личности. В современной ситуации, которая характеризуется этническими конфликтами, вынужденной миграцией населения из-за военных конфликтов, остро стоящей угрозой терроризма и экстремизма, изучение толерантности и способов ее формирования у молодежи, является актуальным и значимым.

Ценностно-смысловую сферу исследовали В. Франкл, Л.С. Выготский, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, А.А. Бодалев, И.В. Абакумова, В.Э. Чудиновский и др. Разные психологические школы привносят свое пони-

мание смысла и ценности. Но сходятся в том, что ценностные ориентации выступают как личностная категория, они определяют поведение индивида и входят в структуру личности человека. Ценностные ориентации выступают как личностная категория и определяют поведение человека. Если человек принимает определенные ценности общества, то он рассматривает эти ценности как часть своей личностной системы и следует им. Смысл в качестве жизненного ориентира личности, как основная жизненная ценность рассматривается у А.А. Бодалева, который говорит о том, что смысл жизни – это и есть самая большая и значимая ценность в жизни человека. Особенную значимость наличие смысла приобретает для людей в экстремальных ситуациях, когда задействуются внутренние резервы личности, происходит переход от «будничного» к «высшему Я» [2. С. 29–33].

Проблема смысла жизни, смысложизненных ориентаций и ценностей занимает умы выдающихся исследователей современности. В. Франкл понимал под ценностями личности смыслы, присущие большинству членов общества, всему человечеству на протяжении его исторического развития; переживая определенные ценности, человек обретает смысл жизни. Смыслы нельзя придумать, их дает сама жизнь. Смыслы могут быть разнообразными, но должен быть экзистенциальный смысл существования конкретного человека. У каждого он будет свой, привнести его извне невозможно. Но дать определенные ориентиры молодежи, помочь в формировании ценностей можно и нужно. Д.А. Леонтьев операционализировал теорию стремления к смыслу В. Франкла в методике «Смысложизненные ориентации» (СЖО), где можно измерить временную локализацию смысла, определяющего общий уровень осмысленности жизни, акцентируя внимание не на определенных событиях, а на отношении человека к жизни как целостному феномену. Д.А. Леонтьев указывает на то, что понятие смысла «соотносимо и с объективной (групповой, коммуникативной) реальностью, а также находится на пересечении деятельности, сознания и личности, связывая между собой все три фундаментальные психологические категории» [5]. Он считает, что существует некая смысловая реальность отношения человека с миром, проявляющая себя в разных формах, любые изменения смысла связаны с реальным изменением человека с миром. Леонтьев связывает понятие смысла с понятиями регуляции и саморегуляции.

Современные преобразования в обществе, процессы глобализации, миграции населения влияют на ценностно-смысловые установки молодежи. В последнее время наблюдается активизация внимания исследователей к проблеме коммуникативной толерантности. Одной из важнейших задач является формирование личности и формирование толерантности как личностной характеристики через становление ценностно-смысловых ориентаций. Толерантность в переводе с латыни означает терпимость, переносимость, снисходительность к кому-либо или чему-либо. Толерантность очень важна в современном обществе.

Исследованиями коммуникативной толерантности занимаются А.Г. Асмолов, И.В. Абакумова, Д.А. Леонтьев, А.А. Реан, Г.У. Солдатова, В. Бойко, Р.Р. Валитова, И.В. Власова, В.А. Лекторский и др.

Д.А. Леонтьев считал, что толерантность крайне многогранна, она проявляется одновременно в совершенно разных формах реальности. Толерантная позиция характерна только для сильной и зрелой личности, или культуры, которая не видит угрозы для себя в том, что другие социальные группы придерживаются других ценностей [6]. Толерантность означает уважение, правильное понимание и принятие других культур и диалог. Проявление толерантности не означает отказа от своих убеждений, жизненной позиции и т.д.

А.Г. Асмолов считает, что «толерантность означает признание мнения других и является универсальной нормой сосуществования, кооперации, социального взаимодействия» [1]. Актуальными на современном этапе будут исследования ценностно-смысловой сферы личности с целью выявления поведенческих стратегий толерантной личности.

Существует множество трактовок коммуникативной толерантности, но все они сходны в том, что толерантность – это стремление к взаимопониманию и принятию окружающей действительности, диалогическому взаимодействию. В структуре коммуникативной толерантности можно выделить следующий ряд компонентов: когнитивный (осознание и интериоризация идей толерантной коммуникации); инструментальный (овладение коммуникативными умениями); конативный (инициативность, активность и социальная ответственность); эмоциональный (удовлетворенность системой межличностных отношений). По мнению В.В. Бойко, можно выделить несколько уровней коммуникативной толерантности:

- 1) ситуативная – фиксируется в отношениях данной личности к конкретному другому человеку (супруг, коллега, пациент и др.);
- 2) типологическая – выявляется в отношении человека к собирательным типам личности или группам людей, представителям конкретной нации, профессии);
- 3) профессиональная – проявляется в собирательных типах людей, с которыми приходится иметь дело по роду деятельности;
- 4) общая коммуникативная толерантность – отношение к людям в целом, тенденции, обусловленные жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состоянием психического здоровья человека [3].

Повышение уровня коммуникативной толерантности происходит в тот момент, когда человек научился преодолевать и сглаживать негативные эмоции от различия его личностных качеств с качествами других людей, а также устранять ситуации, которые вызывают либо подчеркивают различия между партнерами.

О том, что необходимо особенное внимание уделять формированию толерантности как психологической и ценностной нормы регулирования социально-группового взаимодействия, в стенах образовательных учре-

ждений в период подготовки и воспитания будущего специалиста говорит И.В. Абакумова [4]. При этом необходимо учитывать специфику сосуществования молодежи в поликультурной среде. Современное поколение более подвержено негативному влиянию извне, террористическим и экстремистским взглядам (высокий уровень участия в беспорядках), так как нацелено на быстрый результат, не вникает глубоко в суть проблемы, не привыкло нести ответственность. Ценности наиболее интенсивно формируются именно в юном возрасте, когда происходит построение своего будущего, решаются важные задачи – обретение идеалов, смысложизненных ориентиров, формирование гражданской идентичности. Эти задачи молодежи трудно решать самостоятельно, что может приводить к кризису идентичности [7]. В образовательном пространстве вуза целесообразно проводить коррекцию когнитивных, аффективных, поведенческих компонентов личности посредством знакомства с другими культурами, нациями, диалогического взаимодействия. Трансляция смысла, выбор и актуализация ценностей, конструирование жизненного мира в соответствии с жизненными смыслами – путь формирования коммуникативной толерантности.

Таким образом, коммуникативная толерантность является стержневой характеристикой личности, она играет значительную роль в определении жизненного пути и деятельности – положении индивида в социуме, исполнении профессиональных обязанностей и продвижении в карьере. Коммуникативная толерантность крайне важная и информативная черта личности. Она является собирательной, поскольку именно благодаря ей можно определить факторы воспитания, культуры, ценностей, интересов, установок, характера и, конечно же, темперамента личности. В современной ситуации назрела необходимость целенаправленного воздействия на ценностно-смысловые установки молодежи путем формирования толерантного сознания.

Литература

1. Асмолов А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 3–12.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. 200 с.
3. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М. : Филин, 1996. 472 с.
3. Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Богуславская В.Ф. Ценностно-смысловые установки как фактор формирования анти-террористического сознания в поликультурной среде вуза // Российский психологический журнал. 2013. № 5.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 1992.
5. Леонтьев Д.А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
6. Николенко О.Ф. Роль ценностных ориентаций в формировании гражданской идентичности студентов // Психология обучения. 2017. № 9.
7. Николенко О.Ф. Проблема смысложизненных ценностей личности в постмодернизме // Научные преобразования в эпоху глобализации : сб. статей. Екатеринбург, 2015.

AXIOLOGICAL ORIENTATION AS A FACTOR OF FORMING COMMUNICATIVE TOLERANCE

Nikolenko O.F., candidate of philosophy, associate professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: Nikolenko.of@mail.ru

Abstract. Modern changes in society, globalization processes, migration of population affect the value-semantic attitudes of young people. There are different approaches to understanding the problem of axiological orientations. Recently there has been a revitalization of attention of researchers to the problem of communicative tolerance, learning the methods of its formation. The problem of finding the meaning of life, life-meaning orientations is sharp and relevant. Especially at the present stage of society development of postmodernism where there are no clear standards and values, but at the same time increases the need and importance of value and meaning aspects of human existence. Value-semantic sphere is the basic core of self, including personal values and personal meanings. Tolerance is one of the main personal characteristics and included in the structure of personality. In the current situation, which is characterized by ethnic conflicts, forced migrations of population due to military conflicts, there is an acute threat of terrorism and extremism, the study of tolerance and ways of its formation among young people, is relevant and meaningful.

Keywords: value orientations; meaningful orientations; self-determination; tolerance; patriotism.

ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОГО КАМПУСА

В.В. Орлова¹, А.В. Ларионова^{1,2}

¹ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: orlova_vv@mail.ru; anpavlar@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования стали инфраструктура кампуса, ее развитие, обеспечение безопасности.

Ключевые слова: социально-психологическая безопасность; индикаторы; студенческий кампус; инфраструктура.

Обращение к феномену социально-психологической безопасности обусловлено, прежде всего, реалиями современной жизни. Новая социальная реальность, которая определяется учеными как социальная нестабильность, предъявляет повышенные требования к человеку, к социальным группам. Осмысление проблемы социально-психологической безопасности в современном российском обществе, по мнению И.А. Басовой (2007), обуславливается принципиально новыми опасностями, среди которых: стремительность изменений социальной жизни, ведущая к утрате привычной системы социальной защищенности, и, как следствие, снижение психологического ресурса сопротивляемости человека негативным воздействиям среды; резкое расслоение общества по уровню материальных доходов, социальному статусу, ценностным ориентациям; появление в обществе новых категорий – «безработный», «мигрант», «вынужденный переселенец»; утрата прежних социальных связей, коллективной ответственности, групповой защищенности и необходимость личной ответственности за выбор стратегии социальной жизни; тоталитарные секты и культы [1, 2].

По мнению Ю.П. Зинченко и О.Ю. Зотовой (2010), безопасность способствует формированию у каждого человека собственной системы взглядов, мнений и установок. Сверяясь со своими представлениями о безопасности, человек живет, предугадывая события, строит свое поведение, оценивает результаты своих действий, корректирует способы интерпретации окружающего мира; человек реагирует не на саму безопасность или опасность, а на то, что он воспринимает как безопасное или опасное. Обеспечение безопасности – это процесс создания благоприятных условий деятельности, реализации свободы субъекта как способности контролировать условия собственного существования. При этом исходной, базовой категорией в поиске новых средств и методов исследования проблем безопасности является социальная система. В основе жизнедеятельности социальных систем лежит принцип необходимости обеспечения собственной безопасности – принцип, раскрывающий антиэнтропийную природу социальных систем и непосредственно связанный с потребностями системы и ее элементов в выживании и прогрессивном развитии. Рассмотрение проблемы социально-психологической безопасности личности невозможно вне контекста существования самого социума [3].

Анализ современных исследований показывает, что проблема социально-психологической безопасности студенческого (университетского) кампуса является весьма актуальной, значимой, но вместе с тем вопрос об индикаторах социально-психологической безопасности кампуса только начинает разрабатываться.

Под кампусом (от лат. *campus* – поле, открытое пространство) понимается комплекс зданий, расположенных на одной территории и закрепленных за организацией. Кампус включает в себя следующие зоны: научно-исследовательские институты, лаборатории и исследовательские центры; научную библиотеку; структуры научно-технологического парка – бизнес-инкубатор, инженерный центр; жилые помещения для студентов и преподавателей; спортивно-учебный комплекс, бассейн, стадион и т.д.

Выделяют три основных типа университетских комплексов.

Первый тип: городские комплексы распределительного типа. По своей сути это, как правило, не кампус, а комплекс университетских зданий и объектов, которые рассредоточены в среде города. Абсолютное большинство российских высших учебных заведений имеют именно такой тип кампусов, в том числе в г. Томске.

Второй тип: городские локальные комплексы интегрированного типа. Они представляют собой кампусы высокой плотности, расположенные в городской застройке. Обособленность территории такого комплекса, как и в первом случае, создает проблемы с поиском территорий для дальнейшего развития и строительства новых сооружений.

Третий тип: пригородные университетские кампусы; они наиболее перспективны и эффективны. Такие комплексы, как правило, расположены за чертой города и имеют значительные преимущества по сравнению с первыми двумя типами кампусов.

Таким образом, кампус представляет собой многофункциональный комплекс, который является центром научного и культурного притяжения.

При изучении инфраструктуры кампусов некоторых университетов России (Московская школа управления «Сколково», Политехнический университет им. Петра Великого (Санкт-Петербург), Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Сыктывкарский государственный уни-

верситет им. П. Сорокина. (Республика Коми, г. Сыктывкар)) выделены следующие компоненты, необходимые для обеспечения комфортного и безопасного взаимодействия: наличие медпункта, мест питания, библиотек, доступа в интернет, спортивного оборудования, досуговых площадок, жилищно-бытовых условий проживания в общежитии. Анализ вторичных данных изучения инфраструктуры кампусов позволяет утверждать, что огромным плюсом этих университетов является то, что каждый кампус имеет медицинское обслуживание, место для досуга и отдыха, открытые площадки, огромный выбор книжной литературы, надежную информационную систему безопасности, парки отдыха. В настоящее время в России очень актуальна идея строительства университетских городков. Например, построенный недавно в Москве кампус Школы управления «Сколково» представляет собой сооружение, соединяющее несколько корпусов. Благодаря нестандартной планировке, между ними можно передвигаться, не выходя на улицу. Здесь есть лекционные залы, аудитории, несколько кафе и ресторанов, библиотека, большой спортивный комплекс, гостиница, коттеджный городок для преподавателей [6].

Томск позиционируется как город студентов – первый за Уралом вуз, восемь высших учебных заведений, в том числе шесть университетов, из них два национальных исследовательских, по количеству студентов на 10 тыс. жителей Томск занимает третье место в России после Москвы и Санкт-Петербурга. Студенческий кампус Томска относится к первому типу университетских комплексов – городские комплексы распределительного типа. Однако, учитывая уникальность Томска, на его территории можно организовать единое студенческое пространство, такие попытки уже предпринимаются через создание межвузовских площадок, бизнес-инкубаторов и т.д. То есть по масштабу и размерам (количеству обучающихся) томский студенческий кампус можно бы было отнести к мегакампусу – этот тип состоит из нескольких университетов (от 2 до 10) с общей социальной, инженерной и транспортной инфраструктурой – до 220 тыс. человек. Ярким примером является мегакампус в Гуанчжоу. Основные принципы мегакампусов можно описать следующим образом:

- фрактальная структура (каждый элемент мегакампуса относительно независим и повторяет общую структуру мегамоделей);
- общая инфраструктура (транспортная, социальная и инженерная);
- пространственное и стилевое разнообразие.

Инфраструктура для студентов, преподавателей и исследователей разных университетов может быть единой и обслуживать учебные заведения, беря на аутсорсинг все бытовые и технологические аспекты жизни университетского сообщества. Этот единый кампус, если университеты не принадлежат к единому образовательному пространству одной страны, можно назвать особой учебно-образовательной зоной или «образовательным оффшором». Университетский мегакампус Гуанчжоу (GZUC) занимает территорию острова Сяоквей, он объединяет 10 университетов различного профиля, в том числе Академию изящных искусств, имеющую архитектурные и дизайнерские отделения, в пять территориальных групп, которые связаны между собой тремя кольцевыми автодорогами. Общая площадь этого совместного кампуса – 18 км² (1 800 га) [4].

Интегральными показателями социально-психологической безопасности инфраструктуры студенческого кампуса являются обеспеченность социальной среды необходимыми элементами для комфортного взаимодействия и удовлетворенность участников основными характеристиками процесса взаимодействия. Таким образом, психологически безопасной средой можно считать такую среду, в которой большинство участников имеют положительное отношение к ней, высокие показатели индексов удовлетворенности взаимодействием и защищенности от социально-психологических угроз. А индикаторами социально-психологической безопасности выступают показатели уровня социально-психологической безопасности, позволяющие выявить угрозы (риски) в деятельности изучаемого объекта (инфраструктуры студенческого кампуса), определить основные направления и наиболее действенные способы по устранению угроз его деятельности. Исследования индикаторов социально-психологической безопасности кампуса могут выступать инструментом построения прогнозов его развития.

На первом этапе исследования с целью определения удовлетворенности студентов г. Томска инфраструктурой студенческого кампуса было проведено пилотажное исследование, в котором принимали участие 120 студентов трех вузов (ТУСУР, ТГУ и ТПУ). Выборка: гнездовая. Методом сбора информации выступало анкетирование. Анкета состояла из 14 вопросов и включала 3 блока. Первый блок вопросов был посвящен инфраструктуре университетов, качеству предоставляемых услуг студентам на территории кампуса: быстрый доступ в Интернет, библиотеки, расположенные на территории, проверка состояния комнат в общежитии и ограждение территории кампуса; имеются ли на территории кампуса магазины, работающие круглосуточно и продающие спиртную и табачную продукцию. Второй блок вопросов мы посвятили досугу и развлечениям. Выяснили, имеются ли на территории кампусов спортивные площадки, знают ли студенты про них и могут ли на территории студгородка проводить свое свободное время. Третий блок был посвящен общим вопросам: в каком университете и на каком курсе обучаются студенты, хотели бы они благоустроить свой студгородок и порекомендовали бы они абитуриентам поступать в тот университет, в котором обучаются. Распределение ответов студентов разных вузов было с минимальным различием. В результате выявлено несколько проблемных точек инфраструктуры студенческого кампуса, которые могут стать угрозами для социально-психологической безопасности и являются потенциалом развития инфраструктуры:

- низкая заинтересованность студентов заниматься внеучебной деятельностью (спортом, хобби и т.п.) на территории кампуса (студенты ТГУ – 25,7%; ТУСУР – 23,6%; ТПУ – 19,2%);

- неудовлетворенность уровнем инфраструктуры университета (студенты ТПУ – 35,4%; ТГУ – 33,7%; ТУСУР – 33,6%);
- необходимость благоустройства кампуса (студенты ТПУ – 60,6%; ТГУ – 60%; ТУСУР – 58,7%);
- наличие близости от кампуса точек продажи табачной и алкогольной продукции;
- отсутствие ограждения кампуса, охранных систем.

М.В. Пучков (2011) среди критериев, необходимых для устойчивого развития кампуса университета подчеркивает особое значение проблемы безопасности территории (как технической, так и социально-психологической) и проблемы социального комфорта. В качестве вопросов обеспечения технической безопасности каждый кампус решает проблемы контроля доступа и безопасности внутреннего пространства, а в вопросах социально-психологической безопасности большое значение имеет задача создания условий для взаимодействия между студентами, между преподавателями и студентами, для самореализации, творчества и т.д. Большую роль для кампуса в этом играют тип города и его социально-культурные характеристики, как и бренд, репутация и характеристики университета как культурно-образовательного центра важны для имиджа города, поэтому кампус не может быть полностью «закрыт» от взаимодействия с городским пространством [5]. Одна из основных планировочных идей современного университетского кампуса – сформировать единую архитектурно-пространственную среду с максимальной открытостью и динамичностью всех объектов учебного, социального и жилого профилей. Последние тенденции проектирования современных университетов представляют собой совместные образовательные кампусы, которые становятся более популярной стратегией создания новых крупнейших университетских комплексов. Но, кроме объединения университетов в единый кампус и создания политических и экономических условий для их быстрого роста и развития, одной из тенденций является территориальное сближение их с другими экономическими и промышленными структурами, в частности с технопарками и технико-внедренческими зонами [4].

Литература

1. Баева И.А. Психология безопасности: история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. – 2007. № 1 (2). С. 65–69.
2. Ефремкина И.Н. Проблема социально-психологических маркеров безопасности региона // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2014. № 4 (19). С. 53–55.
3. Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Основы безопасности личности и общества. М. : Изд-во Акад. повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010. 290 с.
4. Пучков М.В. Архитектурная идентичность организации: пространственные схемы кампусов // Архитектон: известия вузов. 2011. № 36. URL: http://archvuz.ru/2011_4/5 (дата обращения: 10.10.2017).
5. Пучков М.В. Университетский кампус. Принципы создания пространства современных университетских комплексов // Вестник ТГАСУ. 2011. № 3. С. 79–88.
6. Московская школа управления «Сколково» : официальный сайт. URL: <http://www.skolkovo.ru/public/ru/campuscom-aboutnew> (дата обращения: 24.09.2017).

INDICATORS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL SAFETY INFRASTRUCTURE ON CAMPUS

Orlova V.V., doctor of sociological science, professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia. E-mail: orlova_vv@mail.ru

Larionova A.V., candidate of psychological sciences, senior lecturer of the department of philosophy and sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, associate professor of genetic and clinical psychology, Tomsk State University Tomsk, Russia. E-mail: orlova_vv@mail.ru; anpavlar@mail.ru

The article presents the problem of ensuring socio-psychological security infrastructure of the campus. The types of College campuses (city complexes junction type urban local complexes integrated type, suburban University campuses) that need to be taken into account when developing new means and methods of ensuring campus safety. Analyzed the content of the infrastructure of the campuses of several universities of Russia (Moscow school of management SKOLKOVO, Polytechnic University of Peter the Great (Saint Petersburg), Moscow state automobile and road technical University (MADI), Syktyvkar state University. P. Sorokin. (Republic of Komi, Syktyvkar)) with the aim of highlighting indicators of socio-psychological security infrastructure on campus. The enterprise-wide infrastructure for students, teachers and researchers of different universities on the territory of Tomsk is one of the variant of his development as a student city, i.e. the creation of a special educational zone or "offshore education". Presents the results of the pilot study measure the satisfaction of students in Tomsk infrastructure of College campuses, the results of which allowed the problem areas of the infrastructure on campus, which can become threats to the socio-psychological security, and to the potential for optimization of the infrastructure of College campuses.

Keywords: socio-psychological security; indicators; College t campuses; infrastructure.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

О.М. Писарев

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия
E-mail: olbig@sibmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема ресоциализации и социальной адаптации освободившихся из мест лишения свободы лиц. Уточняется понятие «ресоциализация» в рамках представленной темы. Акцентируется внимание на особом правовом положении осужденного, связанном с нахождением в местах лишения свободы, что указывает на стигматизирующий характер социальной изоляции, принудительное изменение образа жизни в пенитенциарной среде.

Ключевые слова: адаптация; ресоциализация; осужденные; постпенитенциарная помощь; реабилитационный центр.

Среди многочисленных социальных проблем, стоящих перед нашим обществом, особое место занимает проблема ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание в местах лишения свободы. Анализ последних исследований и публикаций в этой области знаний показал, что отечественная психология не обладает необходимыми психодиагностическими и коррекционными программами, которые могут выявлять, оценивать, прогнозировать и повышать эффективность ресоциализации и социальной адаптации личности после освобождения из пенитенциарных учреждений.

В «Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года» в рамках направления социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными, а также их постпенитенциарной адаптации в целях предотвращения рецидива преступлений предлагается ряд направлений, а именно:

– разработка для лиц, осужденных за различные виды преступлений (преступления экстремистской и террористической направленности, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, корыстные преступления и др.), базовых (обязательных) программ психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество;

– содействие реализации общественно-гуманитарных проектов, в рамках которых создаются дополнительные стимулы к законопослушному поведению осужденных и их ресоциализации, в частности за счет участия общественности в устройстве судьбы осужденного, освобождающегося из мест лишения свободы;

– развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения [5].

Как можно заметить, исполнение уголовного наказания – это не превращение осужденного в объект насилия, а процесс возвращения социально деформированной личности к социально адаптированной жизнедеятельности. Это вытекает из целей уголовно-исполнительной политики современной России, которая ориентирована на гуманное отношение к правонарушителям. В этой связи актуальным является вопрос о необходимости поиска различных путей обеспечения ресоциализации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, испытывающих сегодня острую потребность в получении постпенитенциарной помощи – материальной, юридической, медицинской, психологической.

Под ресоциализацией понимаются возвращение или укрепление социальных связей, усвоение индивидом ценностей и норм, отличающихся от усвоенных им ранее, вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде, восстановление социального и личностного статуса, реинтеграция и востребованность в обществе [4]. В рамках обозначенной нами темы – это процесс развития у осужденных навыков социального поведения методами практической психологии с целью успешной реинтеграции в общество после отбывания срока наказания. Ресоциализация в этом случае предполагает коррекцию установок, представлений, ценностно-смысловых образований в трех основных сферах социализации: общении, деятельности и самосознании.

Отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы с неизбежностью ставит перед каждым осужденным вопрос о путях нормализации своей жизни. В процессе отбывания уголовного наказания жизнь осужденного подвержена детальной двойной регламентации. Во-первых он находится под постоянным контролем со стороны сотрудников пенитенциарного учреждения, подчиняется утвержденному распорядку дня, регламентированным требованиям общения с персоналом, участвует в трудовой деятельности, обучении, иных мероприятиях воспитательного характера. Во-вторых, входя в среду осужденных, он обнаруживает, что существуют «неписанные законы», неподчинение которым может не только осложнить пребывание в местах лишения свободы, но даже привести к более трагическим последствиям. Все это в совокупности весьма существенно сказывается на готовности освобождающегося человека к нормальной жизни.

Адаптация к условиям свободы – весьма сложный и противоречивый процесс. Отсутствие слаженной, четкой системы социальной адаптации, правовой базы, сложности экономического и иного плана обусловили неудовлетворительное положение с постпенитенциарной помощью лицам, отбывшим уголовное наказание. Исследователи отмечают, что бывшие осужденные относятся к категории людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, и отличаются повышенной социальной уязвимостью. Многие из них, оставаясь наедине со своими объективно существующими проблемами, находятся в состоянии агрессивной оппозиции ко всему обществу [6. С. 126]. Социальное обособление, о чем свидетельствует закрытость проблем возвращения в нормальную жизнь бывших осужденных, порождает отношение к ним как к чуть ли не изгоям. Это приводит к дальнейшей маргинализации личности, которая при смене одной социокультурной среды на другую может проходить для человека крайне безболезненно.

В процессе отбывания уголовного наказания в местах лишения свободы человек усваивает соответствующие ценности, нормы и традиции, которые на неформальном уровне определяют его жизнь в пенитенциарном социуме. В этой связи необходимо учитывать факторы, влияющие на личность осужденного, изолированного от общества: особое правовое положение с ограничениями и запретами, стигматизирующий характер социальной изоляции, принудительное изменение образа жизни [2. С. 10]. Это негативным образом отражается на психологических характеристиках осужденных: слабая сопротивляемость жизненным трудностям; неспособность к самостоятельному анализу тревожных ощущений; неприспособленность к борьбе за свои права и свободы; беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, переходящее иногда в ничем не оправданную панику; изолированность, отчужденность и неприязнь к другим людям; разрушение собственной организации жизни, психическая дезорганизация, ощущение бессмысленности существования, склонность к психической патологии и суицидальным действиям; эгоцентричность, честолюбие и агрессивность.

Накопление психической взвинченности, отсутствие прочной системы ценностей, неудовлетворительные социально-бытовые условия – все это в отдельности и вместе вызывает состояние социальной отверженности личности. На этой почве может появиться устойчивое изменение личности, ее деградация по мере развития антиобщественных установок, что формирует готовность к преступному поведению после освобождения из мест лишения свободы. В этой связи сотрудниками пенитенциарных учреждений при подготовке осужденных к освобождению большое внимание уделяется проведению с ними планомерной комплексной социальной, психологической и воспитательной работы, которая включает в себя:

- организацию и проведение занятий для осужденных в Школе по подготовке к освобождению;
- проведение психологами учреждений индивидуальных бесед с каждым освобождающимся;
- взаимодействие со службами социальной защиты населения по устройству освобождающихся из пенитенциарных учреждений в социально-реабилитационные центры, центры психолого-педагогической помощи и т.д.;
- проведение с лицами, находящимися в стадии подготовки к освобождению, специальных реабилитационных мероприятий.

Однако, как показывает практика, указанные меры в ряде случаев не дают необходимого эффекта по возвращению человека к нормальной социальной жизни. Также необходимо учитывать, что помогающая деятельность социальной и психологической служб пенитенциарного учреждения для осужденных прекращается со дня их освобождения из мест лишения свободы независимо от результатов проведенных мероприятий.

Сегодня мы видим формирование и развитие актуального направления постпенитенциарной помощи, которое заключается в создании общественных организаций, объединений, фондов, прямой задачей которых является оказание содействия лицам, отбывшим наказание, в трудоустройстве, подыскании жилья, оказание психологической и, по возможности, материальной помощи. Активно создаются различные структуры, призванные помогать социально незащищенным слоям населения, в том числе гражданам, освободившимся из мест лишения свободы. Помимо государственных организаций, часто специализирующихся в узком направлении деятельности, существует ряд некоммерческих организаций, основной задачей которых является многопрофильная помогающая деятельность по ресоциализации социально уязвимых граждан в законопослушное общество.

В настоящее время на территории Российской Федерации зарегистрировано более 300 тыс. общественных объединений граждан. С Федеральной службой исполнения наказаний взаимодействуют более 100 благотворительных фондов и более 300 предприятий различных форм собственности. Деятельность общественных объединений в стране носит сугубо негосударственный, добровольный характер. Она подчинена действующим законам и собственным уставным положениям. В Российской Федерации сложились и установлены уже определенные критерии, по которым можно выделить характерные особенности организации определенных групп людей, называемых общественными объединениями. К признакам, относящим принадлежность организаций именно к общественным объединениям, можно отнести:

- 1) наличие добровольно собравшейся группы людей, объединенной едиными целями (интересами) деятельности;
- 2) наличие руководящих структур в данном объединении;
- 3) деятельность общественного объединения должна быть направлена не на удовлетворение коммерческих результатов, а на удовлетворение интересов объединившихся людей в различных сферах политической и социальной жизни;

4) наличие уставных организационных документов, в которых зафиксированы цели, задачи, содержание деятельности, руководящие структуры, порядок их выбора, основания для прекращения деятельности, источники финансирования, юридический адрес и банковские реквизиты;

5) наличие лицензии, дающей разрешение на право деятельности в соответствии с указанными в уставных документах целями и задачами.

В контексте освещаемой проблематики хотелось бы обратить особое внимание на оказание помощи химически зависимым людям, что сегодня находит все больший интерес у специалистов и практических работников, осуществляющих свою профессиональную деятельность в системе отношений «человек–человек». Освобождение от химической зависимости – путь решения многих социальных проблем, главной из которых является соединение трех сущностей гармонии человека – физической, разумной и социально-духовной [1].

За последние годы во многих регионах страны, в том числе и в Томской области, появилось большое количество реабилитационных центров, созданных на благотворительной основе и имеющих свою специфику, например для химически зависимых лиц [7]. Главным условием функционирования подобного рода центров является наличие определенной сплоченной группы, сообщества, которое принимает освобожденного в свою среду, требуя, в свою очередь, от него соблюдения своих установленных схем жизнедеятельности [3, с. 260]. Центры реализуют соответствующие программы реабилитации, важными элементами которых являются психологическое сопровождение, здоровый образ жизни, трудовая адаптация. Цели и задачи программ основаны на общечеловеческих ценностях: любви к людям, стремлении к взаимопомощи, добру, самосовершенствованию. Это позволяет находящимся в центрах людям во многих случаях преодолеть стену непонимания между ними и обществом. В процессе оказания психологической помощи и поддержки персонал отмечает, что пребывание в центре для многих носит позитивный характер. Происходит улучшение качества жизни, изменение установок на потребление, принятие специализированной помощи. В данном случае центр может рассматриваться как средовый копинг-ресурс, в противовес низкой средовой поддержке, разрушенным социальным связям, свойственным данной категории людей в обыденной жизни. Таким образом, функционирующие реабилитационные центры выполняют ряд социально полезных взаимодополняющих функций, главная из которых заключается в том, что, решая проблемы обустройства жизни бывших осужденных, одновременно решается проблема рецидивной преступности.

Полагаем, что комплексная помощь лицам, освобождающимся из мест лишения свободы, будет более эффективной и продуктивной при условии укрепления и расширения не только официальных межведомственных связей между правоохранительными органами, медицинскими и социальными службами, но и более тесного сотрудничества Федеральной службы исполнения наказаний с различными благотворительными и религиозными организациями, реабилитационными центрами. Только в этом случае проводимые специалистами мероприятия смогут достичь цели успешной социальной реабилитации осужденных в обществе, развития и саморазвития их социального потенциала, становления у них независимого социального статуса, перехода от социального выживания к оказанию помощи себе и другим.

Литература

1. Акопов А.Ю. Свобода от зависимости. Социальные болезни личности. СПб. : Речь, 2008. 224 с.
2. Ананьев О.Г., Щербаков Г.В. Ресоциализация и социальная адаптация в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под общ. ред. В.Ю. Трофимова. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. 355 с.
3. Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 275 с.
4. ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения : утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст.; ред. от 17.10.2013 // КонсультантПлюс. URL: <http://kutuzovsky-zao.ru/wp-content/uploads/2015/06/GOST-R-52495-2005-Sotsialnoe-obslyuzhivanie-naseleniya-terminy-i-opredeleniya.pdf> (дата обращения: 20.07.2017).
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р (с изм. от 23.09.2015г. № 1877-р). URL: http://www.fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663 (дата обращения: 20.10.2017).
6. Минина И.Н. Анализ проблем социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 126–131.
7. Молчанова Е.П. Проблемы адаптации бывших осужденных в условиях реабилитационных центров химически зависимых лиц // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : матер. Межрег. науч.-практ. конф., Томск 20–21 апреля 2017 г. / под общ. ред. В.А. Уткина. Томск : Офсет ЦЕНТР, 2017. Вып. 5. С. 175–178.

RESOCIALIZATION AS THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEM FOR PERSONS HAVING ENDURED CRIMINAL PUNISHMENT

Pisarev O.M., cand. of sci. (Psychology), the head of the department of personnel, social, psychological and educational work, Tomsk Institute of Training Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia. E-mail: olbig@sibmail.com

Abstract. The article addresses the problem of resocialization and social adaptation in persons released from places of confinement. The concept of resocialization is specified within the limits of the theme presented. The attention is focused on a special legal status of the condemned, connected with being imprisoned, that provides a stigmatizing character of social isolation, a compulsory change

in the way of life in the penitentiary environment. This negatively affects psychological characteristics of the condemned. The question is formulated about possible ways of normalizing the condemned's life after enduring criminal punishment. It is underlined that employees of penitentiary establishments must pay more attention to preparation of the condemned to release by carrying out systematic complex social, psychological and educational work with them. The urgency of providing the post-penitentiary help to the former condemned in modern conditions of the Russian society is proved. The development of some actual directions of post-penitentiary help is offered, consisting in creating public organizations, associations and funds whose direct objectives are to support the persons released in seeking for employment, habitation, providing them with some psychological help. The article pays special attention to the issue of providing assistance to chemically dependent people that today has an increasing interest from experts and practitioners who are carrying out their professional work in the system of «person-person» relations. The emergence of a considerable number of rehabilitation centres created on a charitable basis and having some specificity connected with the work with chemically dependent persons is fixed. The fact is established that the functioning of the rehabilitation centres contributes to a number of socially useful complementary functions; the main one consists of solving the problems of arranging the life of the former condemned that simultaneously leads to solving the problem of recurrent criminality. The paper also highlights the necessity of developing in persons having endured criminal punishment the skills promoting strengthening of their resilience while modelling a law-abiding way of their life.

Keywords: adaptation; resocialization; condemned; post-penitentiary help; rehabilitation centre.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ В «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

В.И. Пищик

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: vladaph@yandex.ru

Аннотация. Представлено исследование ценностных ориентаций и стилей взаимодействия современных поколений. Актуальность исследования обосновывается недостаточной степенью разработки проблемы взаимодействия российских поколений. Современная эпоха характеризуется «текучестью» реальности, в которой связи между людьми быстротечны и ненадежны.

Ключевые слова: взаимодействие; поколения; «текучая современность»; ценностные ориентации; стили взаимодействия.

Поколения живут в эпоху постмодерна, «текучей современности» [1]. Текучая современность характеризуется огромным количеством информационных потоков, большой неуверенностью людей в завтрашнем дне (ненадежность работы, прав), эффектом сжимания времени (все надо делать вовремя и быстро, иначе будет забыто), связями между людьми, воспринимаемыми как вещи, которые можно быстро менять, преобладанием восприятия мира как угрожающего.

В психологическом плане наиболее важной характеристикой «текучей современности» является уязвимость и мимолетность связей между поколениями. Это подрывает универсальную ценность поколений – непрерывность их преемственности. На современном этапе актуальным является изучение особенностей взаимодействия между поколениями. Исследований, рассматривающих различные аспекты взаимодействия поколений, недостаточно.

Взаимодействие (интеракция) в социальной психологии понимается как процесс, включающий обмен идеями, значениями, символами, уравновешивающими вознаграждения, наказания, затраты, организацию совместных действий, позволяющих партнерам реализовать некоторую общую для них деятельность, реализовать роли и определенные позиции, сформировать самооценку, определенные взаимоотношения. Традиционно выделяют два противоположных типа взаимодействия: кооперация и конкуренция.

Представлено множество подходов к проблеме межпоколенческого взаимодействия. Его называют «рывком» [5], «ценностным расколом» [4], «семантическим полем напряжений» [3], «дискурсивной оппозицией в языке поколений» [10], «межпоколенным конфликтом в семье» [2], «конфликтностью с элементами эйджизма» [9], «рассогласованием в ценностно-смысловом ядре ментальности поколений» [6], «отказом молодого поколения от традиционного уклада жизни, устоев, ценностей и правил» [8] и т.д. Общая идея, объединяющая многих исследователей, – это идея непринятия ценностей новой эпохи старшими поколениями, что нарушает взаимодействие с современными поколениями.

Поколение мы определили как общность представителей, рожденных в определенный период и объединенных переживаниями исторических событий своей жизни, и носителей специфического типа ментальности [6]. Каждое поколение отличается своей ментальностью и отношением к историческим событиям его формирующим, от которых зависит идентификация поколения.

В нашей социокультурной концепции мы исследовали следующие поколения. «Советское», представители которого 1946–1964 гг. рождения, его еще называют поколением «оттепели». События, повлиявшие на формирование ценностей: победа во Великой Отечественной войне и героическое восстановление промышленности и сельского хозяйства; запуск первого спутника, полет Ю.А. Гагарина в космос, появление первых лам-

повых телевизоров; война во Вьетнаме; распространение рок-музыки и сексуальная революция; введение единых стандартов обучения в школах и гарантированного медицинского обслуживания. Их критические годы для соединения рабочей силы – с середины 1960-х до конца 1970-х гг. – это период, когда большинство европейских стран характеризует значительный прогресс, что привело к большим ожиданиям успеха.

Это поколение росло в супердержаве СССР, которую боялся и уважал весь мир. Их воспитывали в духе патриотизма и любви к Родине. Они чувствовали сопричастность и единение с выдающимися спортсменами, космонавтами, строителями атомных станций, гордость за них, за себя и за всю страну. Их общими чертами стали оптимизм, вера в лучшее будущее, они нацелены на преодоление трудностей и достижение высоких результатов. Коллективизм, умение работать в команде, достижение общего результата – для них это отражение их детства в СССР. Они активны, заботятся о своем здоровье, любознательны, исключительно работоспособны. Их ценностями стали оптимизм, достижение высокого результата, заинтересованность в личностном росте и, в то же время коллективизм и командный дух. У представителей советского поколения более выражена традиционная ментальность.

Мы определили поколение 1965–1982 гг. рождения как «неверящее», поскольку, на наш взгляд, хотя ценности представителей данного поколения формировались при социализме, они являются носителями переходной ментальности. Это поколение еще называют поколением «застоя». Переходная ментальность еще сохраняет отдельные традиции, но ее представители уже видят несостоятельность социалистической системы. Центральные исторические события, сформировавшие ценности: продолжение «холодной войны», приход к власти М.С. Горбачева и «перестройка»; 1968 г. – вторжение в Чехословакию; афганская война (1979–1989); авария на Чернобыльской АЭС 1986 г., появление ликвидаторов аварии, заражение огромных территорий радиацией; эра персональных компьютеров. Взросло это поколение во времена застоя, а позже и развала СССР, родители постоянно были на работе, дети рано взрослели, умели приготовить себе обед, гуляли во дворах до самого вечера, у них существовали собственная игровая культура и правила выживания. Повзрослев, они превратились в людей, для которых главными качествами стали постоянная готовность к переменам, расчет только на собственные силы, собственный опыт. В период развала СССР, когда родители теряли работу, многим месяцами не выплачивали зарплату, в магазинах были пустые полки, в Россию хлынул поток наркотиков, именно в это время появились героиновые, опиумные наркоманы, сейчас им около 30–40 лет. Подростки 10–13 лет росли на улице, сбиваясь в группы, так как дома пионеров были закрыты, дети не посещали кружки и секции. На первом месте стояла личная выгода, советские ценности сменялись ценностями Запада в их худших проявлениях: ранняя сексуализация, агрессивное кино, в основном боевики, желтая пресса, ночные клубы и казино, где неконтролируемо употреблялись наркотики. Это время вседозволенности, недоверия к власти, путчей, забастовок, митингов, свободы слова. Время И. Талькова, В. Цоя, В. Листьева – героев, неравнодушных к судьбе страны. Ценности «неверящего» поколения: готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, самостоятельность, равноправие полов, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, вещизм, высокий уровень материальных амбиций.

Поколение рожденных в 1983–1990 гг. назвали «информационным», поскольку его жизнь уже полностью зависит от информационных систем и пластиковых карточек. События, повлиявшие на формирование ценностей поколения: распад СССР, теракты, эпидемии, развитие цифровых и биотехнологий; «буря в пустыне»; развитие связи, компьютерных технологий; первая чеченская война, новый всплеск терроризма. Женщина все чаще берет на себя роль инициатора отношений. В одежде появляется стиль «унисекс». В клубах «голубые» и «розовые» вечеринки. Искусство пестрит инсталляциями и экспериментами, граничащими с откровенным цинизмом. Родители баловали подрастающее поколение, всячески оберегали, отучали от той самой самостоятельности, которой сами располагали практически неограниченно, поэтому поколение получилось хорошо управляемым, но вместе с тем уверенным в своей ценности. В систему ценностей этой группы уже включены такие понятия, как гражданский долг, мораль, ответственность, а также немедленное вознаграждение и мода. Семья для информационного поколения имеет большое значение. Понятие «достойной жизни» – это в первую очередь работа и семья. Однако брачный возраст увеличивается, что связывается с желанием молодых людей получить образование, закрепиться на карьерной лестнице, укрепить свое материальное положение, а потом уже строить семейные отношения и планировать рождение ребенка. Другой причиной, возможно, стало возросшее число разводов и разочарование в семейных ценностях из-за неудавшегося семейного опыта родителей.

Представителей поколения, рожденных в 2000–2015 гг., мы определили как «новое», поскольку, на наш взгляд, они создадут новые традиции в истории страны, ориентируясь на которые будет жить следующее «традиционное» поколение. Представителям нового поколения свойственна высокая требовательность к уровню комфорта и материальной обеспеченности. Родители прививают им традиционные ценности, которых не хватает новому поколению, – устойчивость, трудовую этику, в воспитании акцент делается на социальной справедливости. В условиях постоянного ожидания террористических актов, роста информации о криминале, мафиях и несчастных случаях родители начинают гиперопекать своих детей. Те лишаются всяческой самостоятельности, им внушается священный страх перед чужими, перед неизвестным и незнакомым. Прогнозируется, что это поколение будет высокообразованным, технологически подкованным, инновационно мыслящим. Ф. Рутвен (2012) добавляет, что новое поколение адаптивно, покорно, социально предсказуемо, управляемо.

Можно предположить, что поколения будут проявлять различные стили взаимодействия, общаясь с представителями других поколений, в связи с их ценностным расхождением, ментальным диссонансом.

Было проведено исследование ценностных ориентаций и стилей взаимодействия поколений. Выборка представлена респондентами г. Ростова-на-Дону трех социальных групп: преподаватели вузов, идентифицирующиеся с советским поколением, – 60 человек; преподаватели, учителя идентифицирующиеся с переходным поколением, – 75 человек; студенты, идентифицирующиеся с информационным поколением, из них 45 женщин и 15 мужчин, всего 58 человек; учащиеся 9–10-х классов лицеев, идентифицирующиеся с новым поколением, из них 43 девушки и 17 юношей, всего 64 человека.

Применяли методики: методика измерения ценностных ориентаций (М. Рокич); «Направленность личности в общении» (С.Л. Братченко).

В группе советского поколения выявлены следующие терминальные ценности у женщин: здоровье, спокойствие в стране и мире, счастливая семейная жизнь, любовь; у мужчин – здоровье, спокойствие в стране и мире, счастливая семейная жизнь, наличие верных и хороших друзей. Среди инструментальных ценностей в приоритете у мужчин обнаружены честность, твердая воля, трудолюбие, чуткость, ответственность; у женщин – честность, трудолюбие, чуткость, ответственность, исполнительность.

У представителей «неверящего» поколения мы выделили перечень терминальных ценностей исследуемой женской группы. В процессе исследования удалось установить, что лидирующие позиции занимают такие ценности, как здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь. Также, наряду с приведенными выше ценностями, в перечне основополагающих выделены такие ценности, как интересная работа, материальное благополучие и активная деятельность жизни. Удалось установить ряд ведущих ценностей в женской группе, которыми они руководствуются в своей жизни. Это такие ценности, как образованность, воспитанность, независимость, ответственность, честность.

Из перечня предложенных терминальных ценностей, представленных мужчинам, они выделили следующие ведущие ценности: здоровье, материальное положение, счастливая семейная жизнь, любовь, свобода. В группе мужских ведущих инструментальных ценностей, т.е. убеждений в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации, отмечены независимость, ответственность, рационализм, твердая воля, образованность. На основании сравнительного анализа ценностных ориентаций в различных группах можно сделать вывод, что терминальные ценности у представителей обоих полов имеют общую природу. Как в одной, так и в другой выборке выделены в большинстве своем одни и те же ценности, такие как здоровье, семейное благополучие, любовь, материальное благополучие, но с разной степенью выраженности в характере значимости.

Также из результатов сравнительного анализа очевидна существенная разница в выборе приоритетных инструментальных ценностей мужчин и женщин. Мужчины в своем выборе, а следовательно, и в жизненных ситуациях, склонны к проявлению таких личностных черт, как рационализм, самостоятельность и доминантность.

Женщины же в своем выборе склонны ориентироваться на проявление таких качеств и свойств, как образованность, воспитанность и честность. Также имеют место и общие для двух групп предъявления, это такие характеристики, как ответственность и независимость.

Терминальные ценности информационного поколения: юноши – спокойствие в стране и в мире, красота природы и искусства, познание, интеллектуальное развитие, уверенность в себе и равенство возможностей; девушки – спокойствие в стране и в мире, красота природы и искусства, познание, интеллектуальное развитие, счастливая семейная жизнь, независимость суждений и оценок.

Инструментальные ценности у информационного поколения: юноши – самоконтроль, ответственность, рационализм, исполнительность, терпимость к мнениям других; девушки – жизнерадостность, смелость в отстаивании своего мнения, честность, высокие запросы, трудолюбие, ответственность.

Предпочитаемым стилем взаимодействия со студентами (информационное поколение) у преподавателей советского поколения являются индифферентный ($U = 1\ 157,000$; $p < 0,001$) с учащимися (новое поколение), конформный ($p < 0,001$) со всеми группами респондентов и диалогический ($U = 557,000$; $p < 0,001$) с преподавателями неверящего поколения с переходной идентификацией. У преподавателей неверящего поколения с советской идентификацией – также индифферентный ($U = 452,000$; $p < 0,005$) с учащимися и конформный ($U = 396,500$; $p < 0,001$) с преподавателями советского поколения. У преподавателей неверящего поколения с переходной / постсоветской идентификацией ведущими стилями взаимодействия являются манипулятивный ($p < 0,001$) с учащимися и преподавателями поколения неверящего с советской идентификацией ($U = 204,500$; $p < 0,001$) с преподавателями советского поколения, индифферентный ($U = 452,000$; $p < 0,001$) с учащимися. У студентов ведущими стилями взаимодействия являются манипулятивный ($U = 213,000$; $p < 0,001$) с преподавателями советского поколения, ($U = 341,000$; $p < 0,001$) с преподавателями переходного поколения с советской идентификацией, индифферентный ($U = 1\ 205,000$; $p < 0,005$) с обучающимися. У обучающихся (новое поколение) ведущими стилями взаимодействия являются альтероцентрический ($U = 1\ 205,000$; $p < 0,005$), конформный ($U = 998,500$; $p < 0,005$) и манипулятивный ($U = 573,000$; $p < 0,005$) с преподавателями советского поколения, манипулятивный ($U = 1\ 228,500$; $p < 0,005$) со студентами.

Отметим, что преобладает индифферентность во взаимодействии советских и информационных поколений. Этот тип взаимодействия в основном характерен для людей, которые могут участвовать в совместной дея-

тельности, но при этом быть безразличными к успехам партнеров. Для такого типа характерны неразвитость эмоционального компонента, нейтральные формальные отношения, отсутствие взаимовлияния или несущественное воздействие друг на друга [7].

Выводы. Стремительные социально-экономические изменения, все возрастающий темп информационного прогресса приводят к возникновению разрыва поколений. Существуют значимые различия в ценностных ориентациях и стилях взаимодействия в группах поколений: советского, «неверящего», информационного, нового. Преподавателям советского и «неверящего» поколений скорее присуще доминирование в отношениях, лишь небольшому проценту преподавателей – дружелюбие. У этой группы компоненты поколенческого взаимодействия имеют иную структуру: индифферентный и альтероцентрический стиль общения с партнерами, в отношениях с людьми склонность к подчинению.

Студенты информационного поколения выбирают во взаимодействии манипулятивный стиль. Студенты, не идентифицирующие себя с советским поколением, скорее выберут во взаимодействии индифферентный стиль общения.

Материалы исследования могут быть использованы для разработки новых подходов к педагогической деятельности преподавателей вузов и технологий педагогического взаимодействия.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Вдовина М.В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102–104.
3. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–80.
4. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–61.
5. Мид М. Культура и мир детства. М. : Наука, 1988. 323 с.
6. Пищик В.И. Психология трансформации ментальности поколений : дис. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д, 2010. 418 с.
7. Рожков М.И., Байбородова Л.В. Организация воспитательной работы в школе. М. : Владос, 2000. 256 с.
8. Сапогова Е.Е. Современная взрослость: трансформация или кризис? // Сборник научных статей / ред.: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. М. : МГППУ, 2015. С. 54–59.
9. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье. Кострома : Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2012. 430 с.
10. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : РОССПЭН, 2009. 271 с.

THE PECULIARITIES OF INTERACTION BETWEEN GENERATIONS IN THE «FLUID MODERNITY»

Pishchik V.I., doctor of psychology, associate professor, department of psychology, pedagogy and defectology, department of educational psychology and organizational psychology, Donskoy State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: vladaph@yandex.ru

Abstract. We conducted a study of value orientations and styles of interaction between contemporary generations. The relevance of the study proves the insufficient development of the problem of interaction between Russian generations. The modern era is characterized by "fluidity" of reality in which relationships between people are fleeting and unreliable. In the modern era the gap between generations clearly manifests itself. The generation gap is described as catastrophic, objective, and subjective, based on value discrepancy. Generation is characterized by its mentality and attitude to the historical events shaping it, on which the identification of the generation depends. Representatives of the generation are not always identified with the mentality of their generation. As a basis for the research we took the classification of generations by Pishchik V. I. (2015). The Soviet and "unbelieving" generation represents traditional mentality; the information generation is of transitional and innovative mentality; a new generation is of innovative and post innovative mentality. We conducted a study of students, teachers, and professors in the city of Rostov-on-Don. The sample consisted of representatives of the following generations (257 people total): the period of "thaw", the Soviet generation; the generation of the transitional mentality, "unbelievers"; information generation, "perestroika"; new generation. We assume that due to the divergence of the value bases the generations will interact differently with each other. We applied the following measures: the measurement of value orientations (M. Rokich); "individuality in communication" (S. L. Bratchenko). We identified the following main values of the Soviet generation: health, peace of the country, honesty, will. The main values of the "unbelievers" are the following: health, love, material wellbeing, family life. The information generation was attributed to these values: peace of the country, beauty; the new generation has the following main values: family life, love, material well-being. We identified the dominant styles of interaction between the Soviet generation: apathetic, conformal; between the "unbelievers": apathetic, conformal; between the information generation: manipulative, apathetic; between the new generation: altero-centric, manipulative. Our conclusion is: there are significant differences in attitudes and styles of interaction in groups of different generations: the Soviet, the "unbelievers", the information, and the new generation. The results of the study could be applied in educational process of educational institutions.

Keywords: interaction; generations; "fluid modernity"; value orientations; styles of interaction.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФА О «НАСТОЯЩЕМ МУЖЧИНЕ» В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Е.Ю. Погудина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: epogudina1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору основных стереотипов у родителей мальчиков, влияющих на формирование мифа о «настоящем мужчине», и анализу путей деконструкции данного мифа в практике психологического консультирования родителей.

Ключевые слова: миф; деконструкция; гендерная идентичность; нарратив; психологическое консультирование.

В качестве рабочего определения под мифом понимается следующее: «Миф – форма опыта “самоочевидности”, определенного само-собой-разумеющегося образа реальности, опыта не отрефлексированного сознания (опыт воображения, поэтическое измерение разума), моделирующего мир как целое, приводящая в мир осмысленное наличие (опыт сознания тут понимается феноменологически как опыт различения, способ видения, понимания и структурирования действительности)» [4, с. 269].

Согласно Оксфордскому толковому психологическому словарю, «миф – это ложное, ничем не подкрепляемое, но широко распространенное убеждение; отражает что-либо важное для культуры и является ее частью; совокупность мировоззренческих истин, не подвергаемых сомнению» [3].

В данной статье предлагается рассмотреть, под влиянием каких стереотипов складывается современный миф о том, «как вырастить настоящего мужчину», и возможные пути деконструкции этого мифа. Такой запрос – как из мальчика вырастить, сделать, воспитать «настоящего мужчину» – достаточно часто встречается в моей практике психологического консультирования родителей.

В течение двух лет (2015–2016 гг.) я собирала различные родительские ответы на вопрос «Какой он, настоящий мужчина?» Всего были опрошены 120 человек, из них 90 – женщины, 30 – мужчины, средний возраст родителей 32 года, возраст сыновей – от 1,5 до 13 лет. Также были использованы ответы интернет-пользователей одного из родительских томских форумов, на площадке которого разгорелась дискуссия как раз о том, каким образом современные родители могут воспитать «настоящего мужчину» и каким этот «настоящий мужчина» должен быть.

Наиболее частыми были следующие ответы на этот вопрос: «не плачет, неуязвим; агрессивен, когда это уместно, умеет постоять за себя; не занимается “женскими делами” (например, не готовит, не вяжет); нацелен на успех, успешен; брутальный; пользуется успехом у женщин; всегда физически вынослив; в то же время – заботлив, внимателен, особенно по отношению к слабым; верен своей “единственной”; мужественный, напористый, сильный духом; дерзкий, нахальный».

Если мальчик часто плачет, не умеет постоять за себя (уточним, что речь нередко идет о двух-трехлетних детях), добрый, не дает сдачи, щедрый, может расстроиться из-за того, что на него повысили голос, не хочет оставаться один в детском саду или начальной школе, покладистый, подвергается травле в коллективе, не умеет или не хочет конкурировать, слабый физически, часто болеет или любит играть с игрушками, в которые обычно предписывается играть девочкам – все это вызывает у родителей опасение, что из ребенка «настоящего мужчины» не получится. Поэтому нельзя не согласиться с высказыванием С.А. Филипповой, что в настоящее время «в мужчине есть мужское, только если он сможет это доказать. Мужчине недостаточно просто быть, к нему часто применяется императив “должен”» [7, с. 15]. Добавим – к нему часто применяется императив «должен», даже если ему совсем немного лет и он ребенок, при этом ребенок мужского пола.

Приведу некоторые наиболее яркие высказывания родителей из своей практики.

1. «Сыну почти пять лет, долго адаптировался в садике, долго и трудно налаживает контакт. В садике у него наконец появился друг, благодаря которому он начал с удовольствием посещать детский сад. И все бы хорошо, но воспитатели говорят, что мальчики странно себя ведут... Могут ходить за ручку и даже обнимать друг дружку, играют чаще только вдвоем. Мне уже нужно беспокоиться по этому поводу? Сама я никогда не видела, чтобы он проявлял себя так странно с другими детьми».

2. «У меня очень положительный, мягкий, послушный мальчик, ему уже четыре года, и я не знаю, как с этим бороться. Хочется воспитать в ребенке дерзость и самоуверенность, он же будущий мужчина».

3. «Моему сыну 3 года, он часто плачет, мы ему говорим, “что ты ноешь, как девочка”, но не помогает».

4. «Сыну 7 лет, пошел в школу, не умеет дать сдачи, если расстраивается – бежит ко мне обниматься. Отец, который с нами не живет, настаивает, чтобы сын сам разбирался во всем, запрещает мне вмешиваться, говорит, пусть учится вести себя “как настоящий мужчина”».

5. «Сыну 11 лет, его избili несколько одноклассников в школе, в драке в том числе участвовали девочки, но когда мы пришли к классному руководителю, нам сказали, что ведь мальчик растет, пусть учится справ-

ляться сам, он должен уметь драться. Что делать? Действительно не вмешиваться, ведь хочется, чтобы вырос настоящий мужчина?»

В данных высказываниях ярко проявляются гендерные стереотипы в отношении того, как и каким образом должен вести себя ребенок мужского пола (независимо от возраста), из которого родителям важно вырастить «настоящего мужчину».

Пол человека – сложное явление. Можно выделить несколько уровней понимания, что такое пол: генетический уровень; гормональный уровень; психосоциальный уровень – и здесь как раз различают понятие пола и гендера. Под гендером обычно понимаются некие ожидания от социума, распространенные установки на счет того, как должны вести себя мужчины и женщины; именно на этом уровне и формируется миф о «настоящем мужчине». Также можно выделить психологический уровень, который, как правило, связан с тем, как человек сам себя ощущает, т.е. с гендерной идентичностью.

Уильям Поллак, автор известной книги «Настоящие мальчики» и исследователь влияния так называемого «мальчишеского кодекса» (который также участвует в создании и поддержании мифа о «настоящем мужчине») в США, обращает внимание на то, как важно деконструировать подобные идеи в отношении воспитания мальчиков современными родителями: «Возникает ощущение, что пока мы реализуем план “приведем наших дочерей на работу” и поддерживаем женские колледжи и группы поддержки, мы в то же время действуем и по плану “ведем наших мальчиков к психиатру”, насильственно интегрируя их в смешанную образовательную среду, сосредоточенную на удовлетворении потребностей девочек, и отказывая им в любой объединяющей мужской среде, помимо скамейки рядом с кабинетом директора» [6, с. 340].

Таким образом, родители находятся под влиянием мифа о «настоящем мужчине», при этом, будучи под влиянием этого мифа, они могут не видеть реального ребенка – со своими потребностями, чувствами, считая общечеловеческие качества (мягкость, покладистость, добродушие, чувствительность, эмпатию – то, что сейчас также называют «мягкими компетенциями») качествами «женскими» и нежелательными у ребенка мужского пола. Одним из путей выхода из-под влияния этого мифа может быть практика деконструкции, которую предлагает нарративный подход в психологическом консультировании. В нарративной практике под деконструкцией подразумевается в первую очередь «распаковка», «выведение на чистую воду», придание прозрачности различным социальным нормам, мифам и дискурсам, чтобы ослабить их влияние на жизнь человека [2]. Миф может расширять или ограничивать бытие человека. «Называние подавляющего мифа по имени вытаскивает его на всеобщее обозрение, делает его доступным для анализа и деконструкции» [5, с. 259].

Поэтому в практике психологического консультирования предпринимается деконструкция данного мифа. Не претендуя на то, что все эти утверждения – верные, так как деконструкция – это процесс, который происходит по-разному, все же рискну предположить, под влиянием каких факторов складывался миф о «настоящем мужчине», который довлеет над родителями и их детьми, и какие факторы важны в настоящее время.

Итак, миф, предписывающий, каким мужчине нужно быть, чтобы быть «настоящим» и доказывать свою мужественность, складывался в то время, когда существовало достаточно жесткое разделение труда и определенный вид деятельности закреплялся за определенным – женским или мужским – полом; под влиянием жестких инициаций мальчиков во взрослую жизнь (вспомним о многочисленных войнах; для воина быть чувствительным и эмпатичным означало нередко погибнуть сразу же, поэтому понятно, что такие качества не могли культивироваться в мальчиках и юношах). На мой взгляд, на укрепление данного мифа также повлияла и психоаналитическая теория развития (кстати, У. Поллак также предполагает, что данная теория могла повлиять на укрепление «мальчишеского кодекса» – негласного предписания о том, каким должен быть мальчик), которая предполагает, что мальчик уже в раннем детстве конкурирует с отцом, и «правильное» развитие мальчика – это сепарация, независимость [6].

В настоящее время больше нет необходимости в жестком разделении труда, гендерные роли достаточно размыты; мы живем в мире «взаимозависимостей», поставлена под сомнение психоаналитическая модель развития и предложены другие модели; все больше начинают быть востребованы так называемые «мягкие компетенции», при этом не только в профессиональной сфере, и не только у женщин, но и у мужчин.

В моей практике используются следующие пути деконструкции данного мифа.

1. Информирование родителей об особенностях развития детей и, в частности, об особенностях развития мальчиков. Так, например, нейропсихологи отмечают, что мальчики первых лет жизни, как правило, более эмоционально уязвимы, чем девочки [1], и эту особенность обязательно нужно учитывать при воспитании. Также родители информируются об основных потребностях детей независимо от пола.

2. Разведение понятий «пол» и «гендер». Деконструкция мифа не только о «настоящем мужчине», но и о «настоящей женщине». Работа с «гендерной тревогой». На мой взгляд, в нашей стране существует странная форма женского матриархата, который сложился под влиянием определенных исторических условий. С одной стороны, женщины обладают огромной властью в семье, с другой – они достаточно часто сталкиваются с сексизмом и дискриминацией на рабочих местах. Целые поколения выросли без отцов, и понимание роли мужчины достаточно размыто. И если женщины сталкиваются с дискриминацией в более старшем возрасте, то мальчики сталкиваются с дискриминацией по полу в детстве – в собственных семьях, учреждениях дошкольного образования и школах. Думается, данный тезис требует своего дальнейшего исследования, пока он основан на наблюдениях и собственной практике работы с семьями, родителями и педагогами.

3. Выявление собственных стереотипов у родителей в отношении того, «каким должен быть мужчина». Часто в процессе такой работы родители вспоминают, как над ними самими в детстве довели неосознаваемые гендерные установки их родителей, воспитателей, учителей, и появляется понимание того, как эти неосознанные установки транслируются последующему поколению.

4. Деконструирующая беседа в практической работе (откуда возник миф в личной истории, как он функционирует в обществе, как влияет на жизнь и взаимодействие с собой, своими детьми).

5. Помощь в создании предпочитаемой (альтернативной) истории в отношении выстраивания взаимоотношений с сыновьями.

Конечно, это не окончательный список возможных путей деконструкции мифа о «настоящем мужчине». В данной статье предложен обзор возможных путей. Исследование особенностей формирования данного мифа требует своего продолжения. Думается, важно проанализировать то, каким образом мужчины и женщины (матери и отцы) поддерживают существование этого мифа, какие причины способствуют стойкому его существованию и, соответственно, какие есть еще возможные пути деконструкции доминирующих дискурсов и мифов в отношении гендерных установок и стереотипов, составляющих основу современного и достаточно устойчивого мифа о «настоящем мужчине».

Литература

1. Еремеева В.Д., Хризман Т.П. Мальчики и девочки: два разных мира. Нейропсихологи – учителям, родителям, школьным психологам. СПб. : Тускарора. 2000. 180 с.
2. Кугузова Д. Нарратив, дискурс, деконструкция. URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/02/04/narrative-discourse-deconstruction> (дата обращения: 18.10.2016).
3. Оксфордский психологический словарь. URL: <http://www.вокабула.рфсловари/оксфордский-толковый-словарь-психологии/миф> (дата обращения: 18.10.2017).
4. Осаченко Ю.С. Мифологические аспекты современных конфигураций мальчишеской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 269–275.
5. Парис Ж. Мудрость психики. Глубинная психология в век нейронаук. М. : Когито-центр, 2012. 334 с.
6. Поллак У. Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / пер. Е. Жолниной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Ресурс, 2014. 512 с.
7. Филиппова С.А. Мужская реальность: форматы мужского в современном мире // Журнал практического психолога. 2014. № 3. С. 3–19.

DECONSTRUCTION OF THE MYTH OF THE "REAL MAN" IN THE PRACTICE OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING

Pogudina E.Yu., Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: epogudina1@mail.ru

Abstract. The article presents a review of the main stereotypes of the boys' parents who influence the formation of the myth of the "real man". At the same time, the statements of both parents (mothers and fathers) are analyzed. The average age of the parents of boys who took part in the research is thirty-two years, the age of the sons ranges from one and a half to thirteen years old. It was found out that the most frequent characteristics of the "real man" include the lack of vulnerability, endurance, focus on success, impudence, masculinity, assertiveness, the ability to stand up for oneself. And, accordingly, such universal human qualities, traditionally related to "women's", as vulnerability, kindness, complaisance, empathy are depreciating. The paper reveals the reasons of formation of such myth and its stability among modern parents. At the same time, various ways of analyzing and revising this myth in the psychological counseling of the parents of boys are suggested through deconstruction. It is a practice offered by the narrative approach in psychological counseling. A narrative approach in psychological counseling is a relatively new approach used in practical psychology. This approach actively considers the power of language, discourses and myths, to which the human being is affected, and the more unconscious these discourses and myths remain, the more powerful influence they can have in relation to human life and behavior. Deconstruction is one of the possible methods of dealing with common myths and discourses, used to weaken their influence and build new, already realized values and meanings. The possible ways of deconstruction of the myth of the "real man" can be the analysis of the causes of the myth, the cultivation of the concepts "sex" and gender ("sex" is usually understood as physiological characteristics, and "gender" is discussed as social attitudes about the behavior of a person of a gender), instruction on the specifics of the development of children at each development stage, the identification of their parents' attitudes about how to educate a "real man", as well as help in building alternatives to form a supportive relationship with their sons.

Keywords: myth; deconstruction; gender identity; narrative; psychological counseling.

ПРЕДИКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДИСРЕГУЛЯЦИИ

Н.А. Польская

Московский институт психоанализа, Москва, Россия
E-mail: polskayana@yandex.ru

Исследование поддержано РФФИ, проект № 16-06-01098.

Аннотация. Представлены результаты исследования факторов эмоциональной дисрегуляции в популяционной выборке. Выделена группа факторов, отражающих динамические и структурные характеристики эмоциональной дисрегуляции: рефлексивность, психологическая разумность, когнитивные стратегии регуляции эмоций. Применена авторская шкала, описывающая три формы эмоциональной дисрегуляции: руминация, избегание и трудности ментализации. Были получены значимые половозрастные различия и различия по профессиональной занятости (служащие или специалисты) по формам эмоциональной дисрегуляции.

Ключевые слова: шкала эмоциональной дисрегуляции; руминация; избегание; трудности ментализации; рефлексивность; психологическая разумность.

Изучение и оценка факторов эмоциональной дисрегуляции являются важной теоретической и практической задачей. Различные дефициты саморегуляции, прямо или косвенно связанные с эмоциями: их качеством, дифференцированностью и интегрированностью, динамикой, контролем, личностной значимостью, – оказываются в фокусе работ, направленных на выявление специфических особенностей нарушений эмоциональной регуляции как в норме, так и при психических расстройствах. Популяционные исследования позволяют определить группы риска и провести более тонкие различия между нормативными и патологическими проявлениями эмоциональной дисрегуляции.

Факторы нарушений эмоциональной регуляции. В разных моделях выделяют различные группы факторов эмоциональной дисрегуляции [4, 5]. Согласно исследованиям Гросса и его коллег, нарушения эмоциональной регуляции могут быть связаны:

- с проблемами в области осознания эмоций и оценки ситуации: недостаточная или чрезмерная фокусировка на эмоциях;
- с проблемами в постановке целей в краткосрочной и долгосрочной перспективе: отсутствие баланса между данными перспективами;
- с неумением правильно выбирать и применять стратегии регуляции эмоций, что может наблюдаться как на стадии выбора стратегии (не все стратегии эффективны, не всегда присутствуют ресурсы для их осуществления, интенсивность переживаемой эмоции может не соответствовать применяемой стратегии), так и на стадии применения стратегии (необходимо сохранять цель, связанную с регуляцией эмоций, и при необходимости гибко адаптировать ее к требованиям ситуации) [8].

В диалектической бихевиоральной терапии нарушения эмоциональной регуляции связываются с эмоциональной уязвимостью, высокой восприимчивостью к внешним и внутренним эмоциогенным стимулам, их интерпретацией, физиологическими и когнитивными процессами, предшествующими эмоциональной реакции, с экспрессивными реакциями и их последствиями в форме вторичных эмоций [10]. В модели нарушений эмоциональной регуляции Дугласа Меннина эта проблема рассматривается с точки зрения эмоциональных дисфункций, связанных с повышенной интенсивностью эмоций, плохим их пониманием, негативной реакцией на собственные эмоции и неадаптивной регуляцией эмоциональных реакций [9]. В модели эмоционального каскада эмоциональная дисрегуляция связывается с руминацией, усиливающей чувствительность даже к сравнительно непродолжительным эмоциональным раздражителям, а также с такими когнитивными стратегиями, как катастрофизация и подавление мыслей [11].

В этих и близких моделях нарушения эмоциональной регуляции раскрываются как с точки зрения действия неадаптивных (деструктивных) стратегий регуляции эмоций, так и с позиции недостаточности понимания собственных эмоций, а также чувств и поведения других людей. Более того, низкий контроль над поведением, сочетающийся с неясностью эмоций и отсутствием глубины рефлексивно-личностной переработки эмоционального опыта, служит основой для хронических дисфункций в сфере эмоциональной регуляции.

В данной статье изложены результаты эмпирического исследования факторов эмоциональной дисрегуляции в популяционной выборке.

Гипотеза. На выраженность эмоциональной дисрегуляции оказывают влияние низкая способность к рефлексивности, психологической разумности и деструктивные стратегии когнитивной регуляции эмоций.

Выборка. В исследовании приняли участие 136 респондентов, 83 (61%) – женщины, 53 (39%) – мужчины в возрасте от 23 до 56 лет, $M_{\text{возр}} = 32,07 \pm 7,86$; все работающие, с высшим или средним техническим образованием, 47 – служащие, 89 – специалисты.

Методики. В исследовании использовались следующие методики:

– опросник когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ), направленный на определение эффективных и деструктивных стратегий; к первым относятся принятие, позитивная перефокусировка, фокусирование на планировании, позитивная переоценка, рассмотрение в перспективе; ко вторым – самообвинение, руминация, катастрофизация и обвинение других [6];

– опросник рефлексивности А.В. Карпова [1];

– методика «Дифференциальный тип рефлексии» (ДТР) Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, включающая шкалы: системная рефлексия; интроспекция; квазирефлексия [2];

– шкала психологической разумности (ШПР) в адаптации М.А. Новиковой и Т.В. Корниловой со шкалами: заинтересованность в сфере субъективных переживаний; субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа; польза обсуждения собственных переживаний с другими людьми; желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими; открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском [3];

– авторский опросник эмоциональной дисрегуляции (ОЭД), включающий шкалы: руминация, трудности ментализации и избегание (авторская разработка, проходит процедуры валидизации).

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью статистического пакета SPSS-22 с применением процедур корреляционного, регрессионного анализа, непараметрического критерия U Манна–Уитни.

Результаты. По профессиональной принадлежности был выявлен ряд значимых различий (критерий Манна–Уитни) между служащими и специалистами (с более высокими среднеранговыми значениями у специалистов) по следующим методикам и факторам:

– опросник когнитивной регуляции эмоций: шкалы самообвинения ($p = 0,003$), принятия ($p = 0,002$), руминации ($p = 0,002$);

– шкала психологической разумности: интерес ($p = 0,03$);

– шкала рефлексивности ($p = 0,01$);

– методика «Дифференциальный тип рефлексии»: шкалы системной рефлексии ($p = 0,006$) и интроспекции ($p = 0,03$).

С целью выявления возможных возрастных различий выборка была подразделена на две подгруппы: 23–35 лет и 36–56 лет. Различия были получены по шкале психологической разумности – субъективная доступность сферы переживаний ($p = 0,002$) с более высокими среднеранговыми значениями в подгруппе 23–35 лет. По шкалам эмоциональной дисрегуляции – руминации, трудностей ментализации и избегания – более высокие значения оказались в подгруппе 36–56 лет.

Различия по полу были выявлены по двум шкалам с более высокими показателями у женщин:

– опросник эмоциональной дисрегуляции: шкала трудности ментализации ($p = 0,009$);

– методика «Дифференциальный тип рефлексии»: шкала интроспекции ($p = 0,009$).

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) показал большое число статистически значимых взаимосвязей между исследуемыми факторами. Ниже отражены наиболее значимые ($> 0,4$) взаимосвязи шкал опросника эмоциональной регуляции со шкалами ОКРЭ, ШПР и ДТР (табл. 1).

Таблица 1

Значимые взаимосвязи между шкалами эмоциональной дисрегуляции и шкалами ОКРЭ, ШПР, ДТР

Шкалы	Руминация	Трудности ментализации	Избегание
ОКРЭ: Руминация	0,57***	–	–
ОКРЭ: Катастрофизация	0,53***	–	–
ШПР: Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	0,46***	–	–
ШПР: Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа	–	–0,61***	–0,50***
ДТР: Интроспекция	0,66***	0,45***	0,59***
ДТР: Квазирефлексия	0,53***	0,42**	0,56**

Примечание. ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Для оценки предикторов эмоциональной дисрегуляции был применен регрессионный анализ (линейная регрессия, метод принудительного включения). В качестве показателей эмоциональной дисрегуляции выступили шкалы ОЭД: руминация, трудности ментализации и избегание. По шкале руминация предикторами выступили шкала руминации опросника когнитивной регуляции эмоций и шкала квазирефлексии ДТР; по трудностям ментализации – шкалы методики психологической разумности: заинтересованность в сфере субъективных переживаний и субъективная доступность сферы переживания для понимания и анализа; предикторами избегания выступили факторы, связанные с рефлексивностью (табл. 2).

Обсуждение. Полученные результаты, с одной стороны, подтверждают современные представления о многофакторной структуре эмоциональной регуляции, в которую входят как динамические компоненты, так и компоненты, связанные с обращением индивидуума к собственному опыту переживания и спецификой эмоциональной переработки этого опыта.

Эмоциональная дисрегуляция достаточно отчетливо связана с когнитивными и личностными ограничениями или дефицитами. Руминация как одна из часто наблюдающихся форм нарушений эмоциональной регуляции имеет непосредственные связи с когнитивными трудностями в сфере эмоций и непродуктивной рефлексией (интроспекцией, квазирефлексией) – самокопанием, оторванностью от мира, избыточной и непродуктивной сосредоточенностью на ограниченном диапазоне чувств и мыслей, причиняющих дискомфорт и эмоционально истощающих.

Т а б л и ц а 2

Регрессионные модели по формам эмоциональной дисрегуляции

Зависимые переменные	Предикторы	Параметры модели			Уровень значимости по t-критерию p
		Коэффициент множественной корреляции R	Коэффициент множественной детерминации R ²		
Руминация	ОКРЭ: Руминация	0,724	0,524	0,626	0,000
	ДТР: Квазирефлексия			0,339	0,006
Трудности ментализации	ШПР: Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	0,695	0,482	0,194	0,015
	ШПР: Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа			-0,668	0,000
Избегание	ДТР: Квазирефлексия	0,787	0,619	0,354	0,007
	ДТР: Интроспекция			0,443	0,001
	Рефлексивность			-0,407	0,014

Трудности ментализации в структуре эмоциональной дисрегуляции отражают проблемы, связанные с недостатком способностей и навыков в области распознавания и управления эмоциями, трудностями понимания собственных переживаний и недостаточной дифференцированностью в сфере эмоций. Это то, что наиболее полно отражено в понятиях психологической разумности, ментализации, – ограничения в понимании как собственного внутреннего мира, так и мотивов, побуждений, психологических состояний других людей.

Избегание как третья форма эмоциональной дисрегуляции оказывается, как и руминация, связана с рефлексивностью, причем с ее непродуктивными формами. Рефлексивность как продуктивная стратегия показала в нашей модели отрицательную связь с избеганием.

Необходимость учитывать в анализе нарушений эмоциональной регуляции факторы пола, возраста, рода занятий (профессии) подтверждается различиями, полученными между группами. Женщины чаще сообщают о трудностях ментализации, а более старшие по возрасту испытывают большие трудности в регуляции эмоций. Высшее образование и связанный с ним профессиональный статус специалиста также могут быть отнесены к факторам риска эмоциональной дисрегуляции. Половые различия могут быть связаны с более пристрастным отношением женщин к собственным способностям к пониманию других, коренящимся в культурно-опосредованной ориентации женщин на мир чувств и переживаний. В настоящем исследовании участники более старшего возраста чаще имели высшее образование и работали в сфере торговли, что позволяет предположить связь эмоциональной дисрегуляции с эмоциональным выгоранием. Можно также предположить, что высшее образование и факторы эмоциональной дисрегуляции связаны через руминацию, а старший возраст – через нарушения метакогнитивных процессов. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Выводы

В исследовании были выявлены различия в эмоциональной дисрегуляции по полу, возрасту и уровню образования.

Подтверждена гипотеза о влиянии низкой способности к рефлексивности, психологической разумности и деструктивных стратегий когнитивной регуляции эмоций на факторы эмоциональной дисрегуляции.

Выявлены предикторы эмоциональной дисрегуляции: шкалы непродуктивной и продуктивной рефлексии, руминация как стратегия регуляции эмоций, заинтересованность в сфере субъективных переживаний и субъективная доступность переживаний.

Литература

1. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методики ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
2. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
3. Новикова М.А., Корнилова Т.В. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 1. С. 95–110.
4. Польская Н.А. Эмоциональная саморегуляция у пациентов с пограничными психическими расстройствами // Горизонты зрелости : сборник тезисов участников Пятой всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития / под ред. Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. М. : МГППУ, 2015. С. 467–469.

5. Польская Н.А. Модели исследования эмоциональной саморегуляции при самоповреждающем поведении // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 150-летию Сусанны Яковлевны Рубинштейн) : материалы всерос. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 280–283.
6. Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2011. № 4. С. 161–179.
7. Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М., Кочетков Я.А., Ялтонская А.В. Психодиагностика эмоциональных схем: результаты апробации русскоязычной краткой версии шкалы эмоциональных схем Р. Лихи // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2016. № 1. С. 76–83.
8. Gross J.J., Jazaieri H. Emotion, emotion regulation, and psychopathology an affective science perspective // *Clinical Psychological Science*. 2014. Vol. 2 (4). P. 387–401.
9. Mennin D.S., Heimberg R.G., Turk C.L., Fresco D.M. Preliminary evidence for an emotion dysregulation model of generalized anxiety disorder // *Behaviour research and therapy*. 2005. Vol. 43 (10). P. 1281–1310.
10. Neacsiu A.D., Bohus M., Linehan M.M. Dialectical Behavior Therapy: An Intervention for Emotion Dysregulation // *Handbook of Emotion Regulation* / ed. J.J. Gross. 2nd ed. N.Y. : Guilford Press, 2014. P. 491–507.
11. Selby E.A., Joiner Jr T.E. Cascades of emotion: The emergence of borderline personality disorder from emotional and behavioral dysregulation // *Review of General Psychology*. 2009. Vol. 13 (3). P. 219–229.

PREDICTORS OF EMOTIONAL DYSREGULATION

Polskaya N.A., Moscow State University of Psychology and Education, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia.
E-mail: polskayana@yandex.ru

Abstract. We present the results of the study on emotional dysregulation in the normative sample. We picked out a group of factors related to the dynamic and structural characteristics of emotional dysregulation: reflexivity, psychological mindedness, and cognitive strategies of emotional regulation. The emotional dysregulation scale developed measures three constructs: rumination, avoidance and mentalization difficulties. The sample consisted of working adults who had graduated from higher education institutions or vocational schools aged from 23 to 56 years. Significant gender-, age- and education-specific differences were obtained for emotional dysregulation forms. Correlation analysis revealed statistically significant relationships between emotional dysregulation scales and reflexivity, psychological mindedness, and cognitive strategies of emotional regulation. Regression analysis helped us discover the following predictors of emotional dysregulation: productive and unproductive reflexivity, rumination as an emotional regulation strategy, interest in inner experiences and their subjective accessibility.

Keywords: emotion dysregulation scale; rumination; avoidance; mentalization difficulties; reflexivity; psychological mindedness.

УДК 159.9.07

ИМПЛИЦИТНЫЙ ПОСТУПОК И ЛИЧНОСТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

О.В. Пчелина, Е.Л. Доценко

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: polga-mk@yandex.ru; dotsenko_e@bk.ru

Аннотация. Исследование раскрывает феномен поступка, обладающего имплицитными признаками.

Ключевые слова: поступок; имплицитный поступок; персональная ответственность; личностное волеизъявление.

Тема поступка и свободного волеизъявления относится к категории вечной, заниматься которой начал еще Аристотель. Несмотря на долгую историю, исследование обозначенной области и сегодня не утратило своей актуальности. Некоторые авторы, такие как Cashmore [3], Montague [4], Tancredi [6], настаивают на иллюзорности свободы воли. Опираются они на данные «нейросайенс», которые понимают как свидетельства того, что решение принимается мозгом без участия сознания, Рациональность как основу правильного человеческого выбора оспаривает Антонио Дамасио (Antonio Damasio), утверждая, что «одни знания и рассуждения, как правило, не являются достаточными для принятия благоприятного решения», роль эмоций «занижена» [2, р. 337]. Эллен Петерс и Пол Словик (Ellen Peters & Paul Slovic) в своих исследованиях приходят к следующему выводу: «эмоции играют решающую роль в определении выбора, и эти аффективные процессы иногда могут влиять на выбор без их осознания» [5, р. 1473].

Таким образом, возникает научный интерес к большому блоку человеческих проявлений, которые являются поступком по форме, а по содержанию – поиском решения в режиме непредставленности сознанию. Нам представляется возможным внести вклад в дискуссию о свободном / несвободном характере принимаемых человеком решений.

В своей работе мы пользуемся понятием имплицитных поступков. Имплицитный поступок – это действие – выбор из альтернативных мотивов, определенный неявностью (неосознанностью) мотивов, участвующих в нем, но с ответственностью субъекта за сделанный выбор. Имплицитность поступка проявляется:

– как смутные сведения о факторах (мотивах, установках) в ситуации выбора;

– как решение, основанное не на рациональном взвешивании, а через озарение или эмоциональные сигналы.

Цель исследования – выявить взаимосвязь выборов, обладающих имплицитными признаками, с оценками совершенных поступков.

В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Представления о поступках и их оценках могут быть выделены и обозначены как определенные категории.
2. Выборы, обладающие имплицитными признаками, в большинстве случаев относятся к категории правильных поступков.

Метод. Исследование проведено с помощью методов психосемантики, которые, избегая прямых вопросов, позволяют адресоваться к слабо осознаваемым представлениям носителей обыденного сознания. При этом они дают возможность получить общую картину с помощью средств математического моделирования.

68 человек (33 мужчин, 35 женщин) в возрасте 35–50 лет, с высшим образованием были обследованы: а) методом репертуарных решеток Келли – полученные данные были обработаны методом многомерного шкалирования; б) методом семантического дифференциала – данные обрабатывались с помощью кластерного анализа.

Репертуарные решетки. Для сбора эмпирических данных были сформулированы объекты исследования – 12 жизненных ситуаций, три из которых маркерные. Маркерные объекты: Поступок, который изменил жизнь к лучшему – Идеальный выбор; Правильный выбор; Поступок, о котором жалею. Объекты, обладающие признаками имплицитных поступков: Долго думал, неожиданно решил (инсайт) – бессознательное решение, которому предшествует когнитивная работа; Молниеносный выбор – акт с опорой на устойчивые мотивы, побуждающие к действию, минуя сознательную саморегуляцию; По велению сердца – иррациональный выбор вопреки логическим рассуждениям, побудителем которого выступает неосознаваемый мотив; Выбор подсказали эмоции – поступок с опорой на эмоциональный маркер, позволяющий оценить выбор еще до его поведенческого проявления.

Семантический дифференциал. Те же 12 объектов оценивались испытуемыми по 16 парам биполярных дескрипторов.

Статистическая обработка результатов исследования выполнена с помощью программ Microsoft Excel, SPSS Statistics20, STATISTICA10.

Результаты. Благодаря процедуре многомерного шкалирования получают данные, представленные графически. Анализ полученных результатов позволил истолковать оси «Правильный–Неправильный» и «Эмоциональный – Когнитивный» выбор (4 квадранта) и таким образом получить категориальные структуры обыденного сознания испытуемых. Рассмотрим распределение объектов (рис. 1).

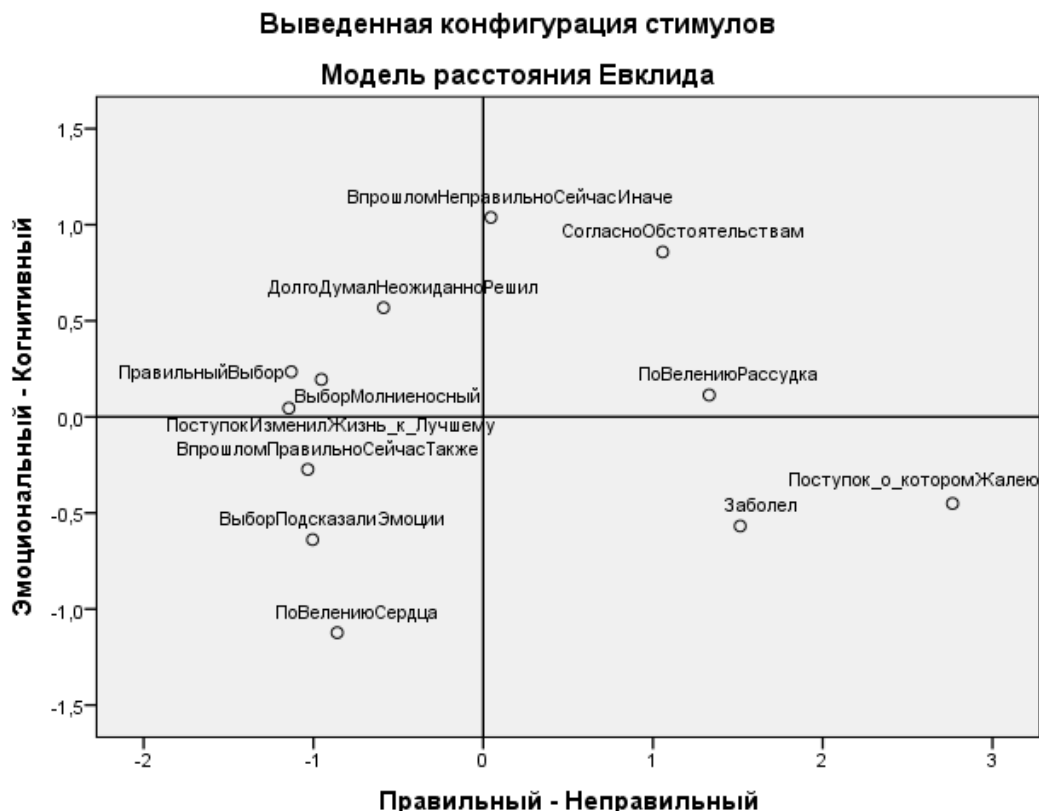

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования матрицы расстояний между различными видами выборов

Наиболее схож с идеальным поступком «Молниеносный выбор» (постпроизвольный поступок), иллюстрирующий действие с опорой на устойчивые мотивы, побуждающие к активности, минуя акт сознательной саморегуляции. Точно в соответствии с теоретическими представлениями постпроизвольный поступок разместился вблизи границы когнитивной и эмоциональной сфер. Здесь работают смыслообразующие, уже осознанные, обдуманые мотивы, смысл которых открывался через субъективную презентацию, однако стремительность самого поступка носит имплицитные признаки.

В квадранте «Правильных Эмоциональных» выборов расположены два объекта с имплицитными признаками: «Выбор», с опорой на эмоциональные маркеры как память организма на соответствующие изменения из-за эмоций, вызванных жизненным опытом без участия когнитивной сферы, и «По велению сердца» – иррациональный поступок вопреки логическим рассуждениям, побудителем которого выступает неосознаваемый мотив. Соседство данных объектов позволяет нам дать вероятностную картину интуитивных решений. Испытуемые, чувствительные к своим эмоциональным маркерам, способны делать выборы, в правильности которых, несмотря на иррациональность, они уверены. Причем эту уверенность обосновать языком логики невозможно, поскольку решение опирается на прошлый жизненный опыт, который в настоящий момент в сознании не представлен.

В квадранте «Правильных Когнитивных» выборов наблюдается один объект с имплицитными выборами – «Долго думал, неожиданно решил» или инсайт. Инсайту предшествует сложная когнитивная работа, перебор вариантов. Однако в момент озарения сознание отвлечено от решаемой проблемы, его направленность, как правило, не совпадает с ориентацией бессознательного решения.

Полученные данные в отношении типов выборов без имплицитных признаков также представляют ценность. В частности, показано, что объект «Заболел» (бегство в болезнь), отражающий нежелание, неготовность совершить поступок, оставляет негативный аффективный след. Об этом свидетельствует соседство с маркерным поступком, о котором «жалеют» в квадранте «Неправильных Эмоциональных» выборов.

«По велению рассудка» – рациональный выбор, действие вопреки эмоциональным сигналам, как и «Согласно обстоятельствам» – внешне совершенный, но внутренне даже не подготовленный выбор, не приводят к благоприятным последствиям (квадрант «Неправильных Когнитивных» выборов). Ужесточение в принятом решении не освобождает субъекта от ответственности, порождая негативное отношение к поступку.

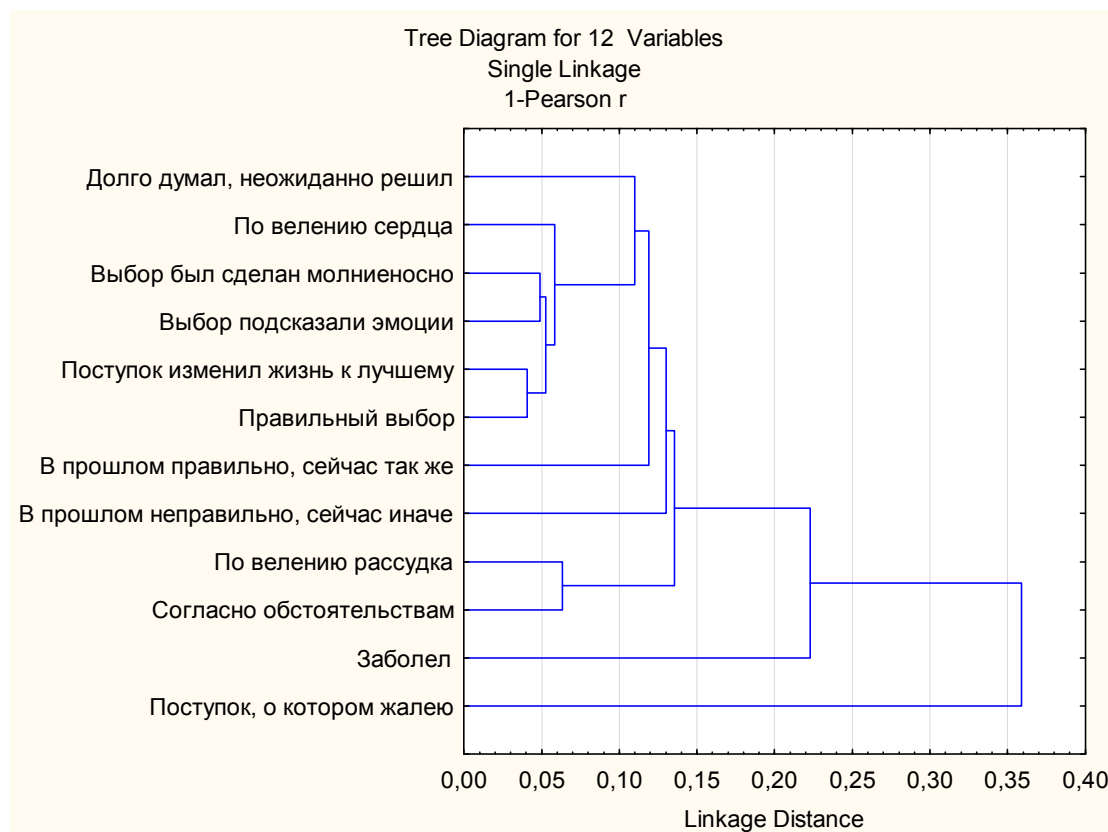

Рис. 2. Кластерное дерево различных видов выборов

При анализе кластерного дерева (рис. 2) видно, что наибольшую связь с маркерными правильными выборами имеют два выбора с имплицитными признаками. Объект «Выбор подсказали эмоции», связанный с «Выбором, сделанным молниеносно» (постпроизвольным поступком), позволяет предположить, что чуткость к

собственным эмоциональным сигналам ускоряет принятие решения во время предварительного отбора поведенческих альтернатив, приближая его по скорости и верности к постпроизвольному.

Далее наблюдается присоединение объекта с имплицитными характеристика «По велению сердца» – иррационального выбора, поскольку в основе поступка лежит пусть и неосознаваемый, но реально действующий мотив. А затем – «Долго думал, неожиданно решил», соответствующий творческому поступку – переподчинению альтернативных мотивов одной ценности. Эта сложная задача, требующая творческого решения, по нашему мнению, решается через инсайт. И это неосознаваемое решение, затем попадающее в фокус осознаваемого, обладает критерием имплицитности.

Если посмотреть на кластерное дерево в целом, заметно движение от наихудшего маркерного выбора к наилучшему.

Выводы. Полученные разными способами результаты не противоречат, а подкрепляют друг друга. Основные категориальные пространства – это по оценке «Правильный–Неправильный» и по сфере психики «Эмоциональный–Когнитивный» (гипотеза 1). Все выборы, обладающие имплицитными признаками, входят в категорию правильных выборов (гипотеза 2).

Результаты показали ограниченность подхода к исследованию выбора только как к сознательному взвешиванию мотивов, без учета имплицитных факторов.

Мы считаем, что неосознаваемый и эмоциональный компоненты в принятии решений не дают оснований сомневаться в личностном волеизъявлении. Подготовительный этап поступка может (и должен) протекать имплицитно – ради освобождения сознания от черновой работы. Более того, слом работы этого нижнего этажа может привести к печальным последствиям. Так, Антонио Дамасио (Antonio Damasio), автор гипотезы соматического маркера (somatic marker) как состояния тела, вызванного эмоцией в ответ на определенный стимул, показал, что это бессознательное воспоминание помогает находить правильное решение. Его пациенты с повреждением префронтальной коры, но «имеющие нормальный интеллект, измеряемый с помощью различных традиционных нейропсихологических тестов, сохраняли способность решать проблемы в лабораторных условиях», однако, в поразительном контрасте, их жизненные выборы в реальных ситуациях «часто приводили к потерям различного порядка, например финансовым потерям, потерям в социальном положении, потерям семьи и друзей» [2, p. 338]. А это потери на личностном уровне.

Рой Баумейстер и Эндрю Монро (Roy F. Baumeister & Andrew E. Monroe) пишут: «В нормальной общественной жизни важная и оперативная форма свободной воли предполагает осуществление автономии и ответственности» [1, p. 12]. Именно принятие на себя ответственности делает решение поступком. Найденное решение – это еще не выбор. Решение (как высоковариантная альтернатива) становится поступком лишь по факту выбора – принятия за него ответственности, утверждения определенной альтернативы. Не подчиненные, готовившие решение, решают за менеджера, а менеджер – взяв на себя полную ответственность – превращает предложенное ему (техническое) решение в собственное (личностное) управленческое решение – в поступок! Да и поиск технического решения, протекающего на неосознаваемом уровне, скорее всего, возможен лишь при запросе вышестоящей инстанции – личности. Иначе ответ, не попадающий в актуальный жизненный контекст, не будет услышан.

Литература

1. Baumeister R.F., Monroe A.E. Recent Research on Free Will: Conceptualizations, Beliefs, and Processes // *Advances In Experimental Social Psychology*. Burlington : Academic Press, 2014. Vol. 50. P. 1–52.
2. Bechara A., Damasio A.R. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision // *Games and Economic Behavior*. 2005. Vol. 52, is. 2. P. 336–372.
3. Cashmore A. The Lucretian swerve: The biological basis of human behavior and the criminal justice system // *PNAS*. 2010. № 107 (10). P. 4499–4504.
4. Montague R. Free will // *Current Biology*. 2008. № 18. R584–R585.
5. Peters E., Slovic P. The Springs of Action: Affective and Analytical Information Processing in Choice // *Personality and social psychology bulletin*. 2000. Vol. 26, № 12. P. 1465–1475.
6. Tancredi L. The neuroscience of 'free will' // *Behavioral Sciences and the Law*. 2007. № 25. P. 295–330.

IMPLICIT ACTION AND PERSONAL RESPONSIBILITY

Pchelina O.V., postgraduate student, department of general and social psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: polga-mk@yandex.ru

Dotsenko E.L., doctor of psychology, professor, department of general and social psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: dotsenko_e@bk.ru

Abstract. This study is based on the concept of implicit actions. The implicit action is defined as a choice of alternative motives, certain latency (unawareness) of motives involved in it, but with the personal responsibility for the choice. 68 persons (33 men, 35 women) 35-50 years of age with high education were examined by using repertory grid technique: the data obtained were processed by means of multidimensional scaling; semantic differential method: the data were processed with a help of cluster and factor (exploratory) analysis. Objects of scaling are 12 types of actions. Objects with implicit signs: Thinking for a long time and suddenly decided (Insight) which is an unconscious decision, which is preceded by a cognitive process. Impulsive decision, which is an action of relying on steady motives to action, bypassing conscious self-regulation. Heart choice is an irrational choice which is contrary to

the logical reasoning, the driving force of which is the unconscious motive. Emotional choice is an action based on an emotional marker, allowing to estimate the choice before its behavioral manifestations. Results of the study. The categorization of deeds is performed by people as "Right – Wrong" and "Cognitive – Emotional". All choices with implicit characteristics are Right. The results showed the limitations of the approach to the study of choice only as the conscious weighing of motives, without taking into account the implicit factors. We believe that the unconscious and emotional components in the decision-making process do not give reasons to doubt personal expression of will. The preparatory stage of an action can (and should) proceed implicitly: for the sake of freeing consciousness from rough work. Moreover, disturbance in the work of the unconscious level could lead to wrong decisions. The found solution is not yet a decision. The decision (as a highly variant alternative) becomes an action only when responsibility is taken for it.

Keywords: deed; implicit deed; personal responsibility; personal will expression.

УДК 159.9.07

ОЦЕНКА УСПЕШНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О.А. Савельева, Г.Я. Меньшикова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: gmenshikova@gmail.com

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 17-29-02169 офу_м.

Аннотация. В клинической реабилитации возросла необходимость разработки инновационных методов диагностики и коррекции нарушений пространственных представлений. Нами был разработан метод тестирования способности к запоминанию пространственных свойств среды при использовании систем виртуальной реальности.

Ключевые слова: аллоцентрические репрезентации; эгоцентрические представления; пространственная память; виртуальная реальность.

Введение. В настоящее время в клинической реабилитации возросла необходимость разработки инновационных методов тестирования когнитивных нарушений при помощи современных технологий. Одной из актуальных задач является разработка методов диагностики и коррекции нарушений пространственных представлений. Нами был разработан метод тестирования способности к запоминанию пространственных свойств среды при использовании систем виртуальной реальности и проведено исследование успешности формирования пространственных представлений при помощи этого метода.

Пространственная память человека является базовой когнитивной функцией, основная задача которой – формирование представлений о месторасположении различных объектов относительно наблюдателя и относительно друг друга. Получение количественных данных об успешности формирования пространственных представлений открывает дорогу к разработке реабилитационных программ по восстановлению функций ориентации и пространственной навигации.

Успешная навигация человека в пространстве обусловлена корректностью кодирования пространственной информации. В задачах запоминания пространственной локализации можно выделить три уровня обработки зрительной информации:

1. Уровень «*топология сцены*», согласно которому в пространственной памяти хранится трехмерная информация о взаимном расположении объектов, однако не учитываются метрические отношения между отдельными объектами наблюдаемой сцены.

2. Уровень «*глубина сцены*», согласно которому в пространственной памяти хранится трехмерная информация о ранговом порядке расположения объектов по глубине, однако не учитываются точные метрические отношения между отдельными объектами наблюдаемой сцены

3. Уровень «*метрика сцены*», согласно которому в пространственной памяти хранятся метрические характеристики трехмерной сцены – воспринимаемые расстояния между всеми объектами сцены.

В научной литературе выделяют два типа хранения и воспроизведения пространственной информации: в виде данных об а) относительном расположении между объектами и б) их расположении относительно наблюдателя. Первый тип называется аллоцентрическими репрезентациями (АР), тогда как второй – эгоцентрическими (ЭР). Предполагается, что оба типа одновременно задействованы при пространственной ориентации и навигации человека. В одних задачах вклад ЭР важнее (достать рукой, присесть на стул). В других – более важными являются АР (дойти из пункта А в пункт Б). По отношению к ЭР АР являются обобщенными, не зависящими от точки наблюдения. Их формирование зависит от многих эндогенных и экзогенных факторов, воздействие которых может приводить к искажениям метрических, топологических и глубинных пространственных характеристик.

Существует очень мало данных о взаимосвязи блоков АР и ЭР. В одних моделях долговременной пространственной памяти предполагалось, что локализация и взаимная ориентация объектов кодируется сначала в

ЭР, а затем пересчитывается в АР с учетом текущего пространственного положения наблюдателя [6]. В других высказывались гипотезы о приоритете АР. Существует модель параллельной обработки пространственной информации, причем соотношение вкладов АР и ЭР не одинаково и зависит от решаемой задачи [3]. Так, в экспериментах по изучению процессов формирования когнитивных карт пространства было показано, что при выполнении задачи «запомнить размеры объектов и структуру их взаимного расположения» большинство участников отображали воспринимаемое пространство в виде карт-обзоров, что подтверждает гипотезу о более значимом вкладе АР [2]. Однако на сегодняшний день взаимосвязь АР и ЭР остается недостаточно изученной.

Мы предполагаем, что для оценки пространственных характеристик воспринимаемой среды необходимы оба типа репрезентаций, и процесс их формирования может начинаться на этапе обработки актуальной информации, необходимой для реализации действий субъекта. Для изучения их совместного функционирования в нашей работе исследовались процессы запоминания и воспроизведения АР и ЭР в пространственной памяти. Условие ограниченного промежутка времени, дающегося человеку на кодирование пространственной информации и принятие решения о пространственных свойствах окружающей среды, ставит вопрос о точности обработки ЭР и АР.

Целью работы являлось изучение процессов запоминания и воспроизведения аллоцентрических и эгоцентрических ментальных репрезентаций в пространственной памяти.

Гипотеза. В пространственной памяти успешность формирования аллоцентрических и эгоцентрических ментальных репрезентаций различается: более точно кодируются эгоцентрические ментальные репрезентации. Это проявляется в различиях по точности воспринимаемой пространственной локализации объектов по параметрам метрики, топологии и глубины.

В реабилитационной практике вопрос оценки успешности формирования пространственных представлений требует разработки новых, более точных и экологически валидных методов. Исследование процессов формирования пространственных репрезентаций проводилось при помощи системы виртуальной реальности CAVE, которая позволяет с высокой пространственной и временной точностью создавать виртуальные пространства. CAVE система показала свою эффективность при изучении многих когнитивных процессов [1, 5].

Процедура исследования. Разработанная программная виртуальная среда представляла из себя библиотеку трехмерных предметов, пространство для расстановки объектов и возможность манипулировать с ними с помощью флайстика. Программа позволяет менять условия предъявления (динамичный или статичный фон), количество объектов и ракурсы воспроизведения (спереди, слева, сверху).

Виртуальная среда предъявлялась при помощи CAVE системы Varco Ispace 4, которая состоит из четырех больших экранов, на которые проецируются изображения. Специальные очки позволяют формировать 3-D объекты. Системы трекинга фиксируют перемещение человека и местоположение объектов в виртуальной среде.

Выборка составила 36 человек (18 мужчин и 18 женщин) в возрасте 18–46 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением.

Процедура исследования состояла из двух частей. В первой проходила тренировка, направленная на освоение управления виртуальной средой. Участник выполнял задание на запоминание 4 предметов и их локализации и затем воспроизводил ментальный образ сцены в трех ракурсах (спереди, слева, сверху). Во второй части выполнялось основное задание, состоящее из 2 серий. В первой серии на 23 с предъявлялись 3 сцены из 7 объектов при статичном окружении, состоящем из множества неподвижных белых шариков на черном фоне (300 шт, $0,5^\circ \times 0,5^\circ$). Участник воспроизводил запомненную сцену, выбирая флайстиком предметы из библиотеки и расставляя их в пространстве в соответствии с запомненным образом. В экспериментальной серии сценарий повторялся, но уже при динамичном фоне – вся масса белых шариков приходила в движение, чтобы создать иллюзию векции [4]. Предполагалось, что иллюзия векции может снизить точность формирования как ЭР, так и АР. В процессе двух серий регистрировалась точность воспроизведения ментальной репрезентации сцены: точность идентификации объектов, а также точность их воспринимаемой локализации по параметрам метрики, топологии и глубины.

Обработка результатов производилась в программе SPSS Statistics 22. Точное воспроизведение пространственных параметров сцены (топологии, метрики или глубины) принималось за единицу. Рассчитывалась точность воспроизведения ЭР и АР для контрольной и экспериментальной серии по всей выборке и сравнивались средние значения по Т-критерию Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Оценка *объема пространственной памяти* показала, что при оценке точности *идентификации объектов* (т.е. правильного воспроизведения всех объектов, присутствовавших в исходной сцене) испытуемые успешно запоминают и воспроизводят 7 объектов. Точность опознания статических сцен $P_c = 0,93 \pm 0,06$ и динамических $P_d = 0,92 \pm 0,07$ не имеет статистических различий ($t = 0,58$; $df = 35$; $p = 0,57$). Гендерных различий не обнаружено. Показатели опознания сцен в группах мужчин и женщин: $P_c(\text{муж}) = 0,93 \pm 0,05$, $P_c(\text{жен}) = 0,92 \pm 0,07$, $P_d(\text{муж}) = 0,93 \pm 0,07$, $P_d(\text{жен}) = 0,91 \pm 0,08$, статистически не различаются как при статическом фоне ($t = -0,27$; $df = 31$; $p = 0,79$), так и при динамическом ($t = -0,61$; $df = 33$; $p = 0,54$).

Следующий параметр – оценка точности воспроизведения *локализации объектов*. Были установлены значимые различия в точности кодирования пространственных параметров ментальной репрезентации среды:

– *Топология сцены* воспроизводится достаточно успешно и точно. Трехмерная информация о взаимном расположении объектов без учета метрических отношений между отдельными объектами наблюдаемой сцены

сохраняется с успешностью, близкой к 100%. Для ракурса «спереди»: $P_c = 0,99 \pm 0,03$ и $P_d = 0,97 \pm 0,07$. Для ракурса «слева»: $P_c = 0,94 \pm 0,11$ и $P_d = 0,96 \pm 0,07$. Для ракурса «сверху»: $P_c = 0,99 \pm 0,02$ и $P_d = 0,98 \pm 0,05$. Однако есть значимые различия в успешности кодирования АР. При статическом фоне топология в ракурсе «слева» воспроизводится лучше, чем в ракурсе «спереди» ($t = 2,33$; $df = 35$; $p = 0,03$), а при динамическом фоне в ракурсе «слева» – лучше, чем в ракурсе «сверху» ($t = -1,44$; $df = 35$; $p = 0,16$).

– *Глубина сцены* в ЭР лучше сохраняется при статическом фоне, а в АР – при динамическом. Трехмерная информация о ранговом порядке расположения объектов по глубине без учета точных метрических отношений между отдельными объектами наблюдаемой сцены в процессе обработки теряет более 50% информации. В ракурсе «спереди»: $P_c = 0,52 \pm 0,21$ и $P_d = 0,44 \pm 0,21$ ($t = 1,70$; $df = 35$; $p = 0,10$), В ракурсе «слева»: $P_c = 0,42 \pm 0,17$ и $P_d = 0,50 \pm 0,23$ ($t = -2,01$; $df = 35$; $p = 0,05$). В ракурсе «сверху»: $P_c = 0,30 \pm 0,12$ и $P_d = 0,39 \pm 0,09$ ($t = -3,91$; $df = 35$; $p = 0,01$). Проявился эффект снижения точности воспроизведения глубины сцены в ракурсе «сверху» по сравнению с ракурсом «слева» как при статическом ($t = 3,43$; $df = 35$; $p = 0,01$), так и при динамическом фоне ($t = 2,81$; $df = 35$; $p = 0,01$).

– *Метрика сцены*, т.е. информация о воспринимаемых расстояниях между всеми объектами сцены, сохраняется хуже всего. При этом метрические отношения в ЭР сохраняются лучше, чем в АР. При статическом фоне лучше всего воспроизводилась метрика в ракурсе «спереди» ($P_c = 0,48 \pm 0,25$), хуже – в ракурсе «слева» ($P_c = 0,44 \pm 0,23$), а на уровне, близком случайному угадыванию, – в ракурсе «сверху» ($P_c = 0,40 \pm 0,21$). При динамическом фоне наиболее успешно воспроизводилась метрика в ракурсе «спереди» ($P_d = 0,51 \pm 0,22$), менее успешно – в ракурсе «сверху» ($P_d = 0,42 \pm 0,21$) и наиболее искаженно – в ракурсе «слева» ($P_d = 0,31 \pm 0,18$). При этом воспроизведение в ракурсе «сверху» точнее, чем в ракурсе «слева» ($t = -2,92$; $df = 35$; $p = 0,01$).

Выводы. Разработанный нами метод тестирования способности к запоминанию пространственных свойств среды при использовании систем виртуальной реальности показал свою эффективность в проведенном исследовании успешности формирования пространственных представлений.

При изучении совместного функционирования аллоцентрических и эгоцентрических репрезентаций в задаче на запоминание и воспроизведение трехмерной виртуальной сцены с объектами в разных ракурсах показано, что успешность формирования аллоцентрических и эгоцентрических репрезентаций в пространственной памяти различается: более точно кодируются эгоцентрические ментальные репрезентации. При этом точность воспринимаемой локализации объектов по параметрам метрики, топологии и глубины не одинакова для разных ракурсов:

- в эгоцентрическом ракурсе «спереди» точность оказалась самой высокой;
- в аллоцентрическом ракурсе «сверху» – хуже;
- в аллоцентрическом ракурсе «слева» точность оказалась наихудшей.

Лучше всего сохраняются топологические пространственные характеристики, в два раза хуже – глубинные, с наибольшими искажениями формируются метрические представления о пространстве.

Показано, что объем пространственной памяти остается неизменным при разных условиях наблюдения (статический или динамический фон) или в зависимости от гендерной принадлежности участников: все испытуемые успешно запоминают и воспроизводят 7 объектов.

Литература

1. Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 54–62.
2. Меньшикова Г.Я., Тетерева А.О., Пестун М.В. Влияние аффективных факторов на формирование когнитивных карт пространства / отв. ред. В.А. Барабанщиков. М. : Ин-т психологии РАН, 2014. С. 542–548.
3. Burgess N. Spatial memory: how egocentric and allocentric combine // Trends in cognitive sciences. 2006. Vol. 10, №. 12. P. 551–557.
4. Menshikova G. et al. Testing the vestibular function development in junior figure skaters using the eye tracking technique // Procedia – Social and behavioral sciences. 2014. Vol. 146. P. 252–258.
5. Menshikova G.Ya. An investigation of 3D images of the simultaneous-lightness-contrast illusion using a virtual reality technique // Psychology in Russia: State of the Art. M. : Russian Psychological Society, Lomonosov Moscow State University, 2013. Vol. 6 (3). P. 49–59.
6. Wang R.F., Spelke E.S. Human spatial representation: Insights from animals // Trends in cognitive sciences. 2002. Vol. 6, № 9. P. 376–382.

TESTING THE ACCURACY OF SPATIAL REPRESENTATIONS USING VIRTUAL REALITY SYSTEMS

Saveleva O.A., master of psychology, PhD student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: gmenshikova@gmail.com

Menshikova G.Ya., dr. of psychology, head of the laboratory “Perception”, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: gmenshikova@gmail.com

Abstract. In clinical rehabilitation the necessity of developing modern methods for diagnostics and correction of spatial representation disorders is becoming increasingly important. We developed a method of testing the spatial memory using virtual reality sys-

tems. Two types of spatial representations are known: egocentric (ESR) and allocentric (ASR). The ESR specifies spatial information with respect to the observer's position and is used in tasks "to reach by hand". The ASR determines the relative positions between objects in tasks "to get from point A to point B". There is very little data on the relationship between ESR and ASR. In some models it was assumed that the localization and orientation are first coded in the ESR, and then recalculated in the ASR according to the navigation of the observer [6]. Others suggested the priority of the ASR [2]. There is a model for parallel processing and the relationship between the ASR and ESR contributions depends on the actual tasks [3]. We studied the processes of memorization and reproduction of the ASR and ESR. The CAVE was used to present three-dimensional scenes. Virtual library of objects and 6 unique scenes were constructed, consisting of 7 objects in different three-dimensional positions. The program allowed changing the conditions (the dynamic/static background), the number of objects, and imagined viewer's positions. 36 observers (aged from 18 to 46) were tested. The task was to remember and reproduce the objects' positions in: the front view; the left view; the above view. The participants chose virtual objects from the library and located them using a flystick. The objects' locations were recorded. The evaluation of the spatial representation accuracy in terms of metric, topology and depth showed that the ESRs were more accurate than the ASRs. "The above" representations were more accurate than "the left" ones. The topological accuracy was much better than the metric and depth accuracy.

Keywords: testing the accuracy; clinical rehabilitation; virtual reality systems.

УДК 159.96

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН, ИСПЫТАВШИХ ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ

Е.Н. Скавинская

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: elskav@mail.ru

Аннотация. Исследование двух групп женщин, подвергающихся и не подвергающихся домашнему насилию, на предмет таких личностных качеств, как робость, эмоциональное состояние и склонность к виктимному поведению.

Ключевые слова: домашнее насилие; личностные особенности жертв; виктимность; сексуальное насилие; физическое насилие; психологическое насилие.

Тема насилия в настоящее время является одной из наиболее актуальных, она имеет не только психологический, но также социальный, медицинский и юридический аспекты. Насилие по своим последствиям относится к самым тяжелым психологическим травмам.

Насилие в семье – действия, посредством которых в основном мужчины добиваются неограниченной власти над супругой, полного контроля поведения, мыслей, чувств. Способами достижения подобной власти и контроля являются унижение, оскорбление, угрозы, запугивание, манипуляции, шантаж, угроза физического воздействия, чрезмерное ограничение и т.д.

По данным российской статистики 36 тыс. женщин терпят побои, 12 тыс. гибнут в результате домашнего насилия, 70% жертв не обращаются за помощью.

Наряду с работами зарубежных авторов (Г. Акоста Варгас, М. Бисли, Ш. Джейм) за последнее десятилетие в России появилось немало отечественных исследований домашнего насилия (Л.С. Алексеева, А.Д. Кошелева, Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская, Л. Бойченко, А. Васильева. С. Вахрушева, Е.Т. Соколова, Б.Ю. Шапиро). Для психологов-практиков важно понимать не только причины и последствия насилия, но также и личностные особенности женщин, подвергающихся жестокому обращению в семье.

В русле виктимологических исследований была сформулирована концепция так называемой жертвы (victim precipitation). Впервые к жертвам домашнего насилия термин «способствование» применил М. Амир. Под «способствующим» понималось поведение женщины, «которое могло быть интерпретировано партнером, совершающим насилие, как знак того, что жертва не предпримет никаких шагов, чтобы предотвратить насилие, или же считает это нормой».

Исследования домашнего насилия показывают, что среди жертв много женщин с истеричными или астеническими акцентуациями характера. Женщина с истеричным характером стремится привлечь и завоевать внимание окружающих, избежать «незамеченности». Сущностью женщины с астеническими чертами характера является уклонение от ответственности, растворение и подчинение ее собственных потребностей потребностям других, а также повышенная эмотивность. Женщина-астеник пассивна, безынициативна, жалостлива, сентиментальна, довольствуется тем, что оказывается доступным, не прилагает никаких усилий, чтобы что-то изменить в своей жизни.

Анализ исследований в области виктимного поведения женщин позволил выделить ряд психологических особенностей женщин – жертв домашнего насилия: невротизированность, расстройство аффективных функций, состояние обученной беспомощности, расстройство когнитивных функций, деформированное самовосприятие, заниженная самооценка, конфликтность и противоречивость, посттравматическое стрессовое расстройство, нарушение границ «Эго». То есть особенности виктимного поведения женщин в системе супружеских отношений включают в себя широкий спектр личностных свойств и состояний, а также совокупность внешних и внут-

ренных факторов, обуславливающих личностную предрасположенность женщин к превращению их в жертву домашнего насилия.

Целью нашего исследования явилось изучение таких личностных характеристик женщин, подвергшихся домашнему насилию, как робость, эмоциональное состояние и склонность к виктимному поведению в целом.

Для проведения данного исследования были выбраны 60 замужних женщин от 18 до 40 лет, разделенных на две группы по 30 человек: не подвергавшихся насилию и подвергающихся жестокому обращению в семье. Критерием разделения на группы было собственное субъективное ощущение женщин.

В исследовании использованы методики «Склонность к виктимному поведению» О. Андронникова, «Самооценка эмоциональных состояний» А. Уэссмана и Д. Рикса, «Шкала: робость, стеснительность».

В результате оценок предрасположенности к «способствующему» поведению по шкале «Реализованная виктимность» по 20% в каждой группе респондентов имеют низкие показатели, что говорит о том, что эти женщины либо нечасто попадали в критические ситуации, либо у них успел выработаться защитный способ поведения, который позволяет им избегать опасных ситуаций. Внутренняя готовность к виктимному способу поведения у этих женщин всегда присутствует. 30% респондентов (10% в «здоровой» группе и 20% в группе жертв) часто попадали в неприятные или даже весьма опасные для здоровья ситуации. Как правило, это объясняется стремлением к необдуманным и агрессивным действиям спонтанного характера.

По шкале «Агрессивное поведение» 14 в группе женщин, живущих без насилия, и 4 во второй группе имеют низкие показатели. Для женщин первой группы возможна частая обидчивость, но при этом им присущи самоконтроль и стремление руководствоваться общепринятыми правилами. Можно предположить, что они стабильны в сохранении установок, интересов и целей. Высокие показатели по шкале имеют 6 женщин без насилия и 8 подвергающихся насилию. Это женщины, склонные попадать в ситуацию насилия в результате проявленной собственной агрессии в форме нападения или другого провоцирующего поведения (издевательства, клевета, оскорбление и пр.). Для них свойственно провоцирование конфликтной ситуации, их поведение может быть реализацией антисоциальной направленности личности. Такие женщины легко поддаются своим негативным эмоциям, они доминантны, нетерпеливы и вспыльчивы.

По шкале «Склонность к самоповреждающему и саморазрушительному поведению» можно сделать вывод, что в наших группах одинаково малое количество женщин (по 4 человека), которые заботятся о собственной безопасности. Это может приводить к пассивности личности по принципу «лучше ничего не делать, чем ошибаться». Таким женщинам могут быть свойственны тревожность, страхи и мнительность. И лишь две женщины из группы, где имело место насилие, имеют высокий показатель по данной шкале. Это так называемые активные потерпевшие, рискующие своим необдуманным провоцирующим поведением вызывать агрессию.

Следующая шкала – «Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению». 57% всех женщин набрали высокие показатели (10% из первой и 47% из второй группы). Это может свидетельствовать о том, что жертвенное поведение для них является социально одобряемым и зачастую даже ожидаемым. Возможно, женщины такого типа во что бы то ни стало стремятся вмешаться в конфликт, они, как правило, смелы, отзывчивы, принципиальны, требовательны, готовы рисковать и даже излишне самонадеянны.

По модели пассивного виктимного поведения только 5% респонденток из группы «использованных» не склонны оказывать сопротивления, противодействия преступнику по самым разным причинам: в силу гендерной принадлежности, возраста, физической слабости, беспомощного состояния, страха, опасения ответственности за личные противоправные действия. У таких женщин присутствует установка на беспомощность, им свойственна низкая самооценка. Они скромны, сильно внушаемы, конформны. 3% из группы не сталкивающихся в семье с насилием стремятся к независимости и обособленности. Они могут быть непримиримы к мнению других, авторитарны и конфликтны, им может быть свойствен повышенный скептицизм при внутренней ранимости.

Не критичность поведения обнаружена у 5% девушек из неконфликтных семей и у 23% жертв. Как свидетельствуют результаты исследований, их не критичность может проявляться на базе как негативных личностных черт (корыстолюбие, алчность), так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость) или в силу невысокого интеллектуального уровня. Эти женщины могут демонстрировать неосторожность, неосмотрительность, неумение правильно оценивать возникающие жизненные ситуации. Хотя и вдумчивость, осторожность, стремление предугадывать последствия своих поступков, которые могут приводить к пассивности, демонстрируют только 5% женщин из семей с партнерскими отношениями.

Опрос о наличии робости и стеснительности показал: большинство (86%) из группы, не испытывающих жестокое обращение в семье застенчивы и не уверены в себе. Можно предположить, что оттягивая выполнение рискованных действий, они предотвращают агрессию партнеров. Среди женщин, подвергавшихся насилию, число неуверенных гораздо меньше – 26%, большая же часть из них (74%) находится в средней зоне, когда в зависимости от обстоятельств женщина вполне может пойти на необдуманные действия и выбрать рискованный путь. Абсолютно «не думающих» о своем поведении женщин среди респондентов мы не встретили.

По шкале «Спокойствие–тревожность» методики по эмоциональному состоянию можно видеть, что 46% женщин, никогда не подвергавшихся насилию, и 20% женщин, когда-либо испытывавших домашнее насилие, оценивают свое эмоциональное состояние высоко. Они чувствуют себя спокойно, выдержанно, сдержанно, терпеливо. На момент исследования им характерны степенность и благоразумность, они уравновешены и невозмутимы. 40% женщин каждой из двух групп оценивают свое текущее эмоциональное состояние на среднюю оценку без

крайних преобладаний одного из полюсов. 13% женщин первой группы и 40% – второй группы характерны задержанность, запуганность, закомплексованность, порой нерешительность, даже пугливость.

53% женщин, никогда не сталкивавшихся с насилием, и 27% женщин, когда-либо имеющих такой негативный опыт, оценивают себя как полноценную личность. Они могут быть инициативны, деятельны, предприимчивы, одержимы своими целями, устремленные, пробивные и активные. При этом 20% женщин первой группы и 27% второй оценивают свое состояние по критерию «энергичности–тревожности» как среднее, без преобладания одного из полюсов. Большинству из женщин, переживших насильственные действия в семье, (47%) свойственны безынициативность, инертность, медлительность, пассивность, вялость, апатия и безразличие. В то время как в парах с партнерскими отношениями – лишь 27%.

Отталкиваясь от полученных результатов, можно сделать выводы по критерию «приподнятость–подавленность»: 40% женщинам первой группы и 33% второй группы характерны кипучесть, темпераментность, энергичность, подвижность, что может быть свидетельством их позитивного настроения. 35% женщин, ощущающих использованность, возможно, запуганы, угнетены, подавлены.

По шкале «Уверенность в себе – чувство беспомощности» в группе испытуемых получились низкие результаты у 33% женщин, не сталкивающихся с насилием, и у 47% женщин, переживших это. Эти женщины слабохарактерны, безгласны, они несмелые и слабые, их воля также слаба. Почти половина женщин, не являющихся жертвами, чувствуют себя независимо, решительно, с ощущением собственного достоинства.

Общие выводы

Женщины, испытавшие насилие в семье, склонны попадать в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации в результате проявляемой ими агрессии в форме нападения или другого провоцирующего поведения, при этом они не склонны оказывать сопротивления, противодействия агрессору, они нереалистично смотрят на окружающий мир, свои возможности и, возможно, идеализируют общество.

У большинства женщин с негативным опытом издевательств в семьях эмоциональное состояние на низком уровне: они не уверены в себе, зажаты, скованны, нерешительны, излишне робкие и в целом на грани отделения себя от общества. Им изначально характерны такие личностные черты, как жертвенность, конфликтность, местами даже «забитость».

Женщины, которые не сталкивались с насилием, весьма осторожны по жизни, умеют оценивать ситуацию и аккуратно применяют ту или иную стратегию поведения, они рассудительны и рациональны в своих решениях, не склонны быть участниками драм и конфликтов, позитивны и уверены в себе.

По итогам исследования можно подтвердить гипотезу о том, что существует прочная взаимосвязь между семейным насилием и личностными особенностями женщин, которые подвергаются этому насилию. Исследования в области насилия трудны и специфичны в силу того, что редкая жертва, особенно домашнего насилия, «предъявит» окружающим свою беду и переживания. К тому же сложно различаются изначальные личностные качества человека и последствия насильственных действий над ним. Авторам кажутся интересными дальнейшие исследования в области темперамента, установок, истории жизни в родительской семье и их влияние на виктимность поведения женщин.

Литература

1. Алексеева Л.С., Кошелева А.Д., Соколова Е.Т., Шапиро Б.Ю. Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие. М., 2000.
2. Ананиан Л.Л. Жестокость в семье. М. : Наука, 2010. 310 с.
3. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М. : Вестник, 2011. 414 с.
4. Елизаров А.Н. Социально-психологическая помощь семье, страдающей от насилия // Психология зрелости и старения : ежеквартальный науч.-практ. журнал. 2006. № 4 (36). С. 32–48.
5. Жуков В.И. Социальная работа с женщинами, подвергшимися насилию. М. : Союз, 2008. 303 с.
6. Забдыкина Е. Помощь жертвам домашнего насилия. М. : АННА, 2000. 113 с.
7. Забелина Т.А. Женщина и насилие. М. : ЭКСМО-Пресс, 2005. 58 с.
8. Ильяшенко А.М. Основные черты насильственной преступности в семье. М. : Наука, 2003. 201 с.
9. Лефтеров В.А., Вакулич Т.М. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61022.shtml>
10. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Юнит, 2008. 514 с.
11. Пахомова Е.И. Российские женщины перед лицом насилия. М. : Юнит, 2009. 207 с.
12. Платонова Н.М., Платонов Ю.П. Насилие в семье: Особенности психологической реабилитации : учеб. пособие / под ред. Н.М. Платоновой, Ю.П. Платонова. СПб. : Речь, 2004.
13. Самарина О. Социальная защита женщин и семейная политика в современной России. СПб. : Питер, 2013. 317 с.
14. Фролова С.В. Психология и психотерапия психотравмирующих состояний у женщин, переживших насилие в семье // Журнал прикладной психологии. 2004. № 4-5. С. 58–99.
15. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61022_full.shtml

PERSONALITY PECULIARITIES OF WOMEN WHO EXPERIENCED DOMESTIC VIOLENCE

Skavinskaya E.N., senior professor of the department of psychological consultation and psychotherapy in the faculty of psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: elskav@mail.ru

Abstract. Domestic violence is one of the most concealed themes in Russia and appears to be a serious psychological trauma both for victims, their families and people related with these families. This phenomenon needs to be studied in a systematic way, covering social, medical, legal and psychological aspects. An important task of community of practical psychologists is to prevent and to warn people from violence in families. The goal of this research is to study women that experienced domestic violence, and their personal characteristics such as shyness, emotional status and their tendency to victimhood. Sixty married women between the age of 18 and 40 were chosen for this examination and were divided into two groups of 30. The first group consisted of 30 women who didn't experience domestic violence and the second group of 30 women who did. The criteria of segregation was the subjective feeling and perception of each woman. Various methodologies were applied in this study: „Tendency to victimhood“ O. Andronnikov; „Emotional Self-Evaluation“ by A. Wessman and D. Ricks, and the method „Scale: Timidity, Shyness“. The results of the research show that 10% of the group of women who never experienced violence are ready for a victim behaviour vs. 20% in the group of women who where exposed to domestic violence. A majority of these women has the tendency to be involved in a situation that implicates violence as a result of their own aggressive or provocative attitude. The percentage of women who are prepared to take action in order to protect themselves is equally small in both groups (each 6%). Reckless attitude was discovered in 23% of the victims. There are some interesting results about timidity and shyness: the majority (86%) of insecure and shy women were detected in families without violence. Amongst the women with experience of domestic violence in families the majority has a tendency to perform unreasonable actions and a tendency to influence a violent response under certain conditions. The results of the applied method of Emotional Self-Evaluation showed that 46% of the women from the group that never experience violence vs 20% of women who did assess their emotional status as calm, discreet and patient. And 40% of the victims feel themselves intimidated and stressed. The women with violence in the families are more passive and sluggish and wives in families without conflicts are more energetic and positive. The results of the research validate the hypothesis that there is a strong connection between domestic violence and personality peculiarities of women-victims. Authors are interested in a further researches in a field of temperament, mind set-up, family history of the parents and its relation, influence on victimhood of the women.

Keywords: domestic violence; personal characteristics of victims; victimization; sexual violence; physical violence; psychological violence.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Н.А. Скитина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: natalisku@gmail.com

Аннотация. Исследование особенностей совладающего поведения женщин-предпринимателей и их восприятия трудных жизненных ситуаций.

Ключевые слова: совладающее поведение; копинг; женщины-предприниматели; трудная жизненная ситуация.

Введение. Предпринимательство является особым видом деятельности, требующим быстроты реагирования в сложных ситуациях. Изучение опыта совладающего поведения людей, погруженных в предпринимательство, может раскрыть механизмы и способы эффективного поведения в ситуациях, требующих быстрого принятия решений, поиска выхода из сложившихся обстоятельств, в этой связи возрастает актуальность исследования предпринимательской деятельности [2]. Предпринимательская деятельность за счет высокой ответственности и необходимости принимать решения является стрессогенной деятельностью, поэтому изучение совладающего поведения предпринимателей может внести вклад в улучшение их психологического здоровья. Особый интерес представляет исследование совладающего поведения женщин-предпринимателей, так как в отечественной и зарубежной психологии личностные особенности женщин-предпринимателей, в частности совладающее поведение, являются новой и малоизученной темой.

Обзор литературы. В научной психологической литературе представлено множество подходов к изучению совладающего поведения о [1, 4], эта тема актуальна и активно исследуется. В нашей работе мы придерживаемся понимания совладающего поведения с точки зрения процессуального подхода, предложенного Р. Лазарусом [7], с позиций которого совладающее поведение понимается как динамический процесс столкновения субъекта с внешним миром, характеристики которого определяются особенностями взаимодействия на различных стадиях развития этого процесса [4]. Совладающее поведение понимается не как единичный акт, выраженный в реализации определенной копинг-стратегии, а как многоактная структура поведения, включающая в себя последовательность реакций и действий, направленных на решение различных задач, регуляцию эмоционального состояния, изменение текущей ситуации [5]. Данное видение совладающего поведения представляется более реалистичным относительно индивида, активно вовлеченного в процесс деятельности, а также дает возможности для более детального анализа совладающего поведения. Имеет смысл рассмотреть представления предпринимателей о трудной жизненной ситуации, так как, по словам Р. Лазаруса, именно оценка ситуации играет ключевую роль в формировании совладающего поведения.

Результаты исследований. Нами было проведено исследование, посвященное изучению особенностей совладающего поведения женщин-предпринимателей. В исследовании приняли участие 30 женщин-предпринимателей и 30 женщин, не вовлеченных в предпринимательскую деятельность, в возрасте от 23 до 63 лет из разных регионов России. В группу женщин-предпринимателей были включены женщины, владеющие и управляющие организацией разных размеров, а в группу женщин, не вовлеченных в предпринимательскую деятельность, – женщины, работающие по найму в разных сферах деятельности. В исследовании были использованы авторские методики, разработанные для изучения многоактного процесса совладания (интервью, анализ конкретных ситуаций (кейс-технология)), а также психодиагностический опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Н. Эндлер, Д. Паркер) [7]. Особенности восприятия трудной жизненной ситуации (ТСЖ) были выявлены с помощью интервью. Целью данного исследования являлись выявление и описание особенностей совладающего поведения и особенностей восприятия трудной жизненной ситуации, предположительно определяющих совладающее поведение у женщин-предпринимателей. Предполагалось, что будут обнаружены различия в совладающем поведении и восприятии трудной жизненной ситуации у женщин-предпринимателей и женщин, не занимающихся предпринимательской деятельностью.

Как показали результаты нашего исследования, половину совладающего поведения женщин составляют мысли или действия, направленные на решение проблемы. При этом эмоциональная реакция у женщин тоже присутствует, пусть и в меньшей степени.

У женщин-предпринимателей большая доля актов совладающего поведения (56,23%) приходится на поведенческие акты, как и у работающих по найму (57,89%). Это говорит о том, что физические действия и поступки, вне зависимости от их конструктивности, направленности и значения, превалируют в совладающем поведении женщин. На втором месте по выраженности у предпринимателей находятся когнитивные акты, составляющие 26,08% от всего совладающего поведения, в то время как у не предпринимателей они составляют всего 15,79% от общей доли актов совладания. Более четверти совладающего поведения предпринимателей происходит на когнитивном уровне, а у не предпринимателей – на эмоциональном. Предприниматели в большей степени склонны к когнитивному реагированию в трудных жизненных ситуациях.

Было выявлено, что наиболее выраженной стратегией совладания как для женщин-предпринимателей, так и для женщин, не вовлеченных в предпринимательскую деятельность, является «Планомерное решение проблемы», что составляет 50% от всех применяемых стратегий совладания для женщин-предпринимателей и 52% для женщин, не занятых предпринимательством. Следующим по частоте для тех и для других является «Эмоциональное реагирование». Были обнаружены достоверные различия в выраженности показателей «Позитивная переоценка» и «Дистанцирование» у женщин-предпринимателей и не предпринимателей на уровне $p < 0,05$. Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины-предприниматели в большей степени склонны переоценивать полученный в трудной жизненной ситуации опыт, искать в ситуации положительные стороны и переосмысливать свои ценности.

При изучении совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях важно учитывать, какой смысл человек вкладывает в понятие «трудная жизненная ситуация», так как различия в восприятии могут приводить и к различиям в совладающем поведении. Е.В. Битютская [3] полагает, что при определении ТЖС важно учитывать два аспекта трудности: объективный и субъективный. Поэтому, помимо заданных нами потенциально трудных ситуаций, мы исследовали представления женщин, как предпринимателей, так и не предпринимателей, о ТЖС. Нами были проанализированы высказывания, в которых участникам исследования (предпринимателям и не предпринимателям) предлагалось рассказать, что такое трудная жизненная ситуация для них и по какому критерию они могут определить, что находятся в трудной жизненной ситуации. Полученные результаты были проанализированы и обобщены, на основе чего удалось выделить несколько групп определений, обладающих схожими признаками:

– Чаще всего женщины-предприниматели определяют ТЖС как эмоционально наряженную ситуацию. В этой ситуации эмоциональный фон ухудшается, появляются волнение, напряжение, трудности в саморегуляции, ухудшается самочувствие («Слабость, плохое физическое самочувствие», «Невыносимо плохо, некуда деться»).

– Ситуацию, в которой предстоит принять важное решение, которое окажет серьезное влияние на дальнейшую жизнь и повлечет за собой изменения и последствия, женщины-предприниматели часто воспринимают как трудную жизненную ситуацию.

– Предпринимателям кажется трудным совершать значимый выбор, который может стать поворотным в жизни, например необходимость принятия решения о покупке доли бизнеса, переезде, сотрудничестве с партнером.

– Часто под трудной жизненной ситуацией подразумевается безвыходная ситуация, из которой не видно выхода, кажется, что ее невозможно решить («Кажется, что выхода нет», «Чувство безысходности»).

Примечательно, что некоторые женщины-предприниматели отмечают, что ТЖС – это та ситуация, которая оценивается человеком как сложная. Сложность ситуации субъективна, человек сам принимает решение, какую из множества ситуаций он будет считать сложной, а какую простой. С такой точки зрения ТЖС может быть любая ситуация или же их вообще может не быть.

Также нами был проведен анализ представлений о трудных жизненных ситуациях у женщин, не вовлеченных в предпринимательскую деятельность:

– Для не предпринимателей, также как и для предпринимателей, самым показательным критерием ТЖС являются негативная эмоциональная реакция, состояние напряжения («Отчаяние», «Хочется плакать и стонать, можно пнуть что-нибудь от обиды, огорчения, предательства», «Тяжело смириться и не обращать внимания на обстоятельства, все мысли только о ситуации»).

– Настолько же важным показателем трудности ситуации для не предпринимателей выступает ее неизвестность и новизна («Ситуация, в которой не оказывался раньше», «Не могу найти решение сразу», «Проблема, которая заставляет задуматься, что делать дальше»).

– Не предприниматели, в отличие от предпринимателей, понимают под ТЖС ухудшение условий жизни. Когда уровень комфорта падает или из жизни исчезает что-то важное, не предприниматели оценивают это как трудную жизненную ситуацию («Затруднено удовлетворение базовых потребностей», «Когда человек выбит из привычных условий жизни», «Изменение привычного хода жизни в негативную сторону»).

– Для женщин, не вовлеченных в предпринимательскую деятельность, важны причастность и поддержка близких, поэтому нарушение контакта кажется для них трудным. Под ТЖС они понимают ситуации, в которых ощущается необходимость в помощи других, причастности и поддержке («Нуждаешься в помощи», «Ситуация, когда остаешься без поддержки и дома», «Не чувствую поддержки, в одиночестве»).

В целом предприниматели приводят больше примеров конкретных ситуаций в определении ТЖС, чем не предприниматели. Для большего количества предпринимателей трудными кажутся ситуации, связанные со здоровьем и жизнью близких, а также личными отношениями, хотя финансовые ситуации, угроза остаться без денег и без работы для предпринимателей тоже являются важными критериями трудностей.

И для предпринимателей, и для не предпринимателей самым характерным критерием определения сложности ситуации является эмоционально напряженное состояние, вызванное ситуацией. Для предпринимателей в большей степени ТЖС характеризуют необходимость принятия решения и ощущение безвыходности, у не предпринимателей трудности вызывают новизна и неизвестность ситуации.

У предпринимателей выделены такие группы определений, как «Субъективная трудность ситуации», «Ситуация, затрагивающая ценности», «Ситуация, в которой есть препятствие для осуществления цели», которые не выделяются у не предпринимателей. Не предприниматели же относят к трудным ситуациям такие группы определений, как «Ухудшение условий жизни» и «Ситуация, в которой нужна посторонняя помощь», которые отсутствуют у предпринимателей.

Для предпринимателей трудными считаются в основном ситуации, связанные с жизнью и здоровьем близких, в то время как у не предпринимателей количество трудностей таких ситуаций сопоставима с финансовыми трудностями.

Можно говорить о том, что у предпринимателей более высокий «проходной порог» трудности: под трудными они подразумевают скорее безвыходные ситуации и ситуации, на которые невозможно повлиять, а для не предпринимателей трудной кажется просто новая ситуация.

Таким образом, у предпринимателей существует понимание о ТЖС как о ситуации, вызывающей напряжение, из которой не сразу можно найти выход и которую трудно контролировать, которая угрожает личностному благополучию и затрудняет реализацию деятельности.

Можно говорить о большей независимости предпринимателей и их сознательности и самоконтроле: они говорят о субъективном выборе, который определяет трудность ситуации, таким образом, превознося силу воли над ситуативным фактором. Они также в большей степени озабочены своим личным благополучием, так как считают угрозой своим ценностям и целям трудной ситуацией. Предприниматели не используют для определения ТЖС негативные изменения и ухудшения жизни, ориентируясь скорее на позитивное будущее, нежели на нестабильное настоящее. Они не считают свою потребность в помощи и чувство одиночества трудностью.

Можно предположить, что более выраженная когнитивная оценка ситуации, а также меньшая выраженность эмоционального реагирования у предпринимателей позволяет им лучше анализировать ситуацию и на основе анализа воспринимать ее как решаемую, а не безвыходную или же неконтролируемую. Более позитивный настрой в отношении ТЖС может объяснить склонность предпринимателей искать позитивные стороны в проблемах, а также дистанцироваться от переживаний и воспринимать их как менее значимые.

Выводы и перспективы исследования. На основании результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1. Женщины-предприниматели демонстрируют большее количество когнитивных актов совладания по сравнению с не предпринимателями. Для предпринимателей характерны планирование, анализ ситуации, большая ориентация на интеллектуальную регуляцию, чем для не предпринимателей.

2. У женщин-предпринимателей по сравнению с не предпринимателями в большей степени выражены стратегии «Позитивная переоценка» и «Дистанцирование». Для них характерно переосмыслить полученный опыт и находить в нем положительные стороны, а также абстрагироваться от ситуации и продолжать действовать привычным образом.

3. Для определения ТЖС предприниматели ориентируются скорее на позитивное будущее, нежели на нестабильное настоящее. У них более высокий «порог сложности» ситуации, меньшее количество ситуаций воспринимается как сложные. Они также не считают свою потребность в помощи и чувство одиночества трудностями.

4. Вероятно, именно ориентация на позитивное будущее при понимании ТЖС у женщин предпринимателей позволяет им находить позитивные стороны в ситуации и воспринимать ее как менее значимую.

Подводя итоги, важно отметить, что женщины-предприниматели способны планировать и реализовывать множественные когнитивные, эмоциональные или же поведенческие действия для преодоления трудной ситуации. В зависимости от ситуации женщины-предприниматели могут гибко строить цепочки совладания из разнообразных стратегий, составляя индивидуальные стратегии поведения. Имеет смысл говорить о том, что восприятие трудной жизненной ситуации отражается на предпочитаемых актах для построения последовательностей совладания в трудной жизненной ситуации. Изучение личностных особенностей и особенностей мышления женщин-предпринимателей может пролить свет на особенности формирования последовательностей совладания.

Для дальнейшего изучения совладающего поведения имеет смысл более глубокое исследование представлений о трудной жизненной ситуации у женщин предпринимателей, а также их ресурсов совладания, что позволит расширить понимание о принципах построения последовательностей совладания.

Полученные результаты создают благоприятную почву для дальнейшего изучения совладающего поведения женщин-предпринимателей, а также совладающего поведения как многоактной структуры.

Литература

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. СПб. : Речь, 2004. 165 с.
2. Бергис Т.А. Социально-психологические факторы преодоления критических жизненных ситуаций женщинами-предпринимателями (сравнительный анализ) // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2-2 С. 356–361.
3. Битюцкая Е.В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 87–93.
4. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009. 336 с. (Сер. Практикум).
5. Салихова Н.Р. Совладающее поведение как последовательность копинг-стратегий // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : материалы IV Междунар. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапорова. С.А. Хазова. Кострома : Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2016. Т. 1. 407 с.
6. Endler N., Parker J. Assessment of multidimensional coping: Task, emotion, and avoidance strategies // Psychological Assessment. 1994. Vol. 6 (1). P. 50–60.
7. Lazarus R.S. Stress, appraisal, and coping. N.Y. : Springer, 1984.

FEATURES OF COPING BEHAVIOR OF WOMAN-ENTREPRENEURS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Skutina N.A., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: natalisku@gmail.com

Abstract. Relevance of researches of personal features of entrepreneurs increases. Personal features of women-entrepreneur are a new and poorly studied subject in field of psychology. Coping behavior of women-entrepreneur survey can contribute to development of stress resistance ability and also psychological health of women. The conducted research is devoted to studying of women-entrepreneur's coping behavior as a multiple structure. In the research the author's methods offered in order to study coping behavior as a reactions sequence (an interview, case study), also "Coping Inventory for Stressful Situations" (CISS) questionnaire were used. The survey results include descriptions of women-entrepreneur's subjective attitude and understanding of a difficult life situation features; also comparison of coping behavior of women-entrepreneur with women, who are not involved in an entrepreneurial activity were investigated. As a result of the comparative analysis conclusions were drawn on features of coping behavior of women-entrepreneur.

Keywords: coping behavior; coping; woman-entrepreneurs; difficult life situations.

УДК 159.9.07

ВЛИЯНИЕ ЗНАКОВЫХ И ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА ДЕЦЕНТРИРОВАННОСТЬ В КОНФЛИКТЕ УЧАСТНИКОВ РОМАНТИЧЕСКИХ ПАР В ПРОЦЕССЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Т.В. Скутина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
E-mail: tvforte@mail.ru

Аннотация. Проведено исследование, направленное на изучение различий между влиянием образно-символических и знаковых средств на децентрированность в конфликте участников пар с романтическими отношениями. Предметом исследования было специфическое влияние смены позиций при использовании знаковых и образно-символических средств на децентрированность участников пар в конфликте. Данное исследование восполняет пробел в понимании конкретных различий между действием методов, основанных на использовании образно-символических или знаковых средств в психологическом консультировании.

Ключевые слова: конфликт; пары с романтическими отношениями; эмоциональная децентрация; когнитивная децентрация; образно-символические средства; знаковые средства; ситуативный эгоцентризм.

Введение. В современной психологии межличностные отношения осмыслены как условие и пространство становления человека, важнейший фактор его психического здоровья, благополучия и счастья. Особенно это касается близких значимых отношений, таких как семейные, дружеские, отношения в романтической паре. Романтические отношения в юношеском возрасте – это важнейший опыт, лежащий в основу предстоящих супружеских отношений. Нет оснований считать, что развитие романтических отношений в паре – зона, свободная от конфликтов – сложных критических ситуаций общения, обладающих вместе с тем высоким развивающим потенциалом. Несмотря на позитивные последствия близких отношений для нашего ментального здоровья и благополучия, конфликт неизбежно происходит регулярно в большинстве близких отношений [10]. Более того, преодоление конфликтов ведет к развитию общения и построению более зрелых отношений [9 и др.]. Здоровье отношений определяется не отсутствием в них противоречий и конфликтов, а способностью пары конструктивно разрешать обостряющиеся до уровня конфликта противоречия. Конфликт может быть разрешен всегда, за исключением тех случаев, когда участники этого не хотят, – считает авторитетный российский исследователь конфликта Н.В. Гришина [4]. Однако, помимо желания, пусть даже и горячего, участники должны обладать определенными ресурсами разрешения конфликта. Одним из важнейших является способность занять в конфликте децентрированную позицию, выражающую ориентацию на партнера по общению, учет его мнения, позиции и чувств, а не только своих собственных, что является основой диалога.

Наше исследование направлено на изучение действия образно-символических или знаковых средств психологической помощи паре в разрешении конфликта в процессе консультирования, а именно помощи в усилении ориентации партнеров друг на друга, т.е. децентрированности.

Литературный обзор. В процессе взаимоотношений между людьми неизбежно возникают ситуации противоречий, которые способны вызвать конфликт. Децентрация как механизм, заключающийся в способности к изменению точки зрения, способа действия с учетом позиций, отличных от собственной, является важнейшим ресурсом при разрешении конфликтов. Недостаток децентрированности, по мнению многих исследователей [5, 7 и др.], отрицательно влияет на эффективность коммуникации. Что особенно актуально в конфликте, поскольку как характерное явление отмечается рост ситуативного эгоцентризма в условиях конфликтных взаимодействий с другими людьми [7, 9], вследствие чего в конфликте стороны склонны наделять друг друга чертами, усиливающими враждебность и препятствующими установлению диалога и взаимопонимания между ними. Таким образом, есть основания трактовать децентрацию как рефлексивный механизм, обеспечивающий продуктивное разрешение межличностного конфликта.

Мы опирались на представление Т.И. Пашуковой о балансном механизме центрации–децентрации, целевые функции которого она усматривает в возможности обеспечения обратимых изменений личности, т.е. в возможности движения от эгоцентризма к децентрации и наоборот.

Исследователи выделяют различные виды децентрации, например эмоциональную и когнитивную, каждая из них имеет важное и при этом специфическое значение в межличностных отношениях. Когнитивная децентрация проявляется в учете мнения собеседника, стремлении донести до него информацию, быть понятым и понять содержание, которое пытаются передать вам [3]. Согласно Г.М. Бреславу, под эмоциональной децентрацией понимается способность индивида воспринимать и учитывать в своем поведении состояния, желания и интересы других людей. Эмоциональная децентрация обеспечивает способность взглянуть на ситуацию не только через призму собственных переживаний, настроений, но и с позиции другого, чуткость к восприятию эмоционального состояния другого человека [1]. Т.И. Пашукова разделяет представления В.В. Столина о наличии в структуре самосознания личности когнитивной и эмоциональной составляющих, что рассматривается как подтверждение феноменологии познавательно-когнитивного и эмоционального эгоцентризма. Учитывая, что эмоции – являются первичной формой отражения личностного смысла человека, эмоциональная децентрация обеспечивает ориентировку в смыслах и отношениях партнера, выраженных непосредственно, когнитивная – установку принимать и учитывать информацию, противоречащую собственному опыту. Ведь децентрация требует понимания того, чем руководствуется партнер по общению, причем не только рационального осмысления мотивов его действий, но и эмоционального вживания в то, что он чувствует.

Во взаимоотношениях в паре децентрация может проявляться в понимании мотивов, интересов, целей, чувств другого человека, способности воспринять и принять его позицию. Это дает возможность создать прочную платформу для развития взаимоотношений, разрешения возникающих конфликтов и является залогом взаимопонимания между партнерами.

Повышение децентрированности у взрослых, по мнению Т.М. Пашуковой, возможно в клиентцентрированных формах психотерапии и индивидуальном консультировании. Практическая психология предоставляет широкий выбор способов воздействия на децентрированность человека. Как понять, какой больше подходит для усиления когнитивной децентрированности клиента, а какой – для эмоциональной? Поставленные вопросы, прежде всего, имеют прикладное значение. Ведь усиление когнитивной стороны предполагает развитие способности к пониманию намерений, взглядов и точек зрения других людей, а усиление эмоциональ-

ной стороны держит в фокусе способность к сопереживанию, сочувствию и пониманию эмоционального состояния и интересов другого.

В нашем исследовании *целью* ставилось сравнение действия образно-символических и знаковых средств при работе с конфликтом в паре в процессе консультирования. Как показывает анализ литературы [2, 8 и др.], знаковые средства эффективны в ситуациях определенности, конкретности смыслов и подразумевают работу мышления, направленную на разрешение проблемы. В то время как образно-символические средства используются в ситуациях неопределенности с многозначностью интерпретаций и смыслов, позволяя подключать воображение и способствуя проживанию проблемы.

Методология и результаты исследования. В эмпирическом исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Образно-символические средства в большей степени, чем знаковые, способствуют усилению эмоционально-децентрированной позиции участника в конфликте, а именно учет смыслов и интересов партнера, его переживаний, ощущений, чувств, отношений к ситуации.

2. Знаковые средства в большей степени, чем образно-символические способствуют усилению когнитивно-децентрированной позиции участника в конфликте, а именно: учет целей, намерений, планов, мотивов партнера и его вариантов развития конфликта.

Участниками исследования выступили 30 пар (возраст участников 20–25 лет) с романтическими отношениями, длящимися более одного года, имеющие актуальный конфликт и желание получить помощь психолога в его разрешении. Исследование проводилось в 2014–2016 гг. по следующему плану.

Участникам каждой пары предлагалось выбрать конкретную конфликтную ситуацию, значимую для их пары в данный момент. Каждый описывал эту ситуацию письменно, затем респонденты выполняли проективный тест ЭАТ [6], позволяющий судить об уровне эгоцентрической направленности личности: он состоит из 40 незаконченных предложений, которые необходимо дополнить так, чтобы получились законченная мысль. Перед участниками исследования ставилась задача продолжить предложенные незаконченные предложения относительно выбранной конфликтной ситуации. В процессе консультирования использовался прием «смены позиций» с одной группой (50% пар) при помощи образно-символических средств: каждому предлагалось сделать рисунок «Наш конфликт глазами партнера». Участникам другой группы (50% пар) предлагалось опосредованное знаковыми средствами «вербальное» взаимодействие со сменой позиций: поменяться ролями с партнером и обсудить ситуацию из его роли. Мы воспользовались контент-анализом описания ситуации конфликта испытуемых до и после консультации, ответов респондентов по тесту ЭАТ, данных постэкспериментальной и предварительной бесед. Полученные результаты по изменению децентрации были подвергнуты статистическому анализу с использованием Т-критерия Вилкоксона.

Все респонденты выполнили предложенные нами методики. Посредством контент-анализа мы определяли представленность феноменов эмоциональной и когнитивной эгоцентрированности / децентрированности в высказываниях респондентов до и после консультирования и сравнивали выраженность произошедших изменений в группах пар, прошедших консультирование «с рисованием» и с «разговариванием».

После работы с образными средствами показатели эмоциональной децентрированности увеличились с 8 до 26% – на 18% от общего числа высказываний, что почти в 3 раза больше изначальных показателей по результатам ЭАТ. Показатели эмоциональной эгоцентрированности при этом уменьшились с 6% до 48% – на 12%, т.е. на 1/5 меньше, чем до воздействия образно-символических средств по результатам обработки ЭАТ (находятся в зоне статистической тенденции по Т-критерию Вилкоксона) и с 42 до 24% – на 18%, т.е. практически в 2 раза по результатам анализа предварительной и постэкспериментальной бесед, что является статистически значимым. Например, в одной из пар изначально фигурировали в большей степени фразы, указывающие на собственные личные смыслы: «я люблю ее», «я меньше тянусь к ней», «я боюсь расставания с ней», а после работы с рисунком появились фразы, ориентированные на другого: «она сильно переживает», «я не хочу, чтобы она плакала», «она успокоилась».

При работе знаковыми средствами показатели когнитивной децентрированности увеличились с 12 до 21% – на 9%, от общего числа высказываний, что почти в 2 раза больше изначальных показателей по результатам ЭАТ (находятся в зоне статистической тенденции по результатам Т-критерия Вилкоксона). А показатели когнитивной эгоцентрированности уменьшились статистически значимо с 27 до 8% – на 19%, что почти в 3 раза меньше изначальных показателей по результатам анализа предварительной и постэкспериментальной бесед. Например, у одного из партнеров доля фраз, указывающих на собственное мнение, до консультирования составляла 50% от общего числа высказываний: «мне нужно, чтобы все шло по плану», «я хочу с ним семью», «я говорю, чтобы ты хоть как-то среагировал», а после работы с вербальной сменой позиции снизилось до 16%.

Однако по результатам обработки методики описания ситуации, несмотря на изменение когнитивной эгоцентрированности с 29 до 18% от общего числа высказываний и изменение когнитивной децентрированности с 22 до 32%, оказались статистически не значимы.

Помимо этого, анализ показал, что работа с образно-символическими средствами также приводит к уменьшению когнитивной эгоцентрированности и увеличению децентрированности, но в меньшей степени, чем при работе со знаковыми. А знаковые средства, в свою очередь, влияют на уменьшение эмоциональной эгоцентрированности и снижают децентрированность (в среднем на 3% при изначальных показателях около 12%). Это

может говорить о том, что действие образно-символических средств дает более широкие возможности увеличения децентрированности как в эмоциональном, так и в когнитивном ее аспектах.

Таким образом, обе выдвинутые гипотезы нашли свое эмпирическое подтверждение.

Заключение. Проведенное эмпирическое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Задача увеличения децентрированности участников конфликта в парах с романтическими отношениями может быть решена психологом-консультантом при использовании приема «смены позиции», или обмена ролями. При этом использование для организации смены позиций образно-символических средств, в нашем исследовании – рисунка «Наш конфликт глазами партнера», в большей степени, чем при использовании знаковых (вербальных) средств, способствует усилению эмоционально-децентрированной позиции участника в конфликте: помогает взглянуть на ситуацию через призму переживаний, настроений партнера, повысить чуткость к восприятию его эмоционального состояния, его смыслам и интересам, отношению к ситуации.

Использование же знаковых средств в большей степени, чем образно-символических, способствует усилению когнитивно-децентрированной позиции участника в конфликте, а именно учет целей, намерений, планов, мотивов партнера и его вариантов развития конфликта.

Кроме того, консультирование с созданием рисунка, в отличие от исключительно вербального метода, приводит к более комплексным результатам: оказывает значимое влияние как на эмоциональную децентрированность за счет использования образных способов выражения себя и опосредования собственных переживаний, так и на когнитивную.

Опираясь на полученные нами результаты, психолог-консультант может более целенаправленно выбирать определенные техники и методики для работы с проблемой децентрированности в межличностном взаимодействии и восприятии с возможностью предвосхищения результатов работы.

Литература

1. Бреслав Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: норма и отклонения. М. : Педагогика, 1990. 144 с.
2. Веракса А.Н. Символическое опосредствование в познавательной деятельности дошкольников и младших школьников : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2014. 341 с.
3. Глоба Н.В. Особенности когнитивной децентрации у младших школьников с задержкой психического развития // Психологическая наука и образование. 2007. № 2. С. 93–101.
4. Гришина Н.В. Психологии конфликта. СПб. : Питер, 2015.
5. Кавун Л.В. Децентрация как психологический механизм развития толерантности личности (на примере студентов вуза) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2012. 27 с.
6. Пашукова Т.И. Исследование эгоцентризма с помощью эгоцентрического ассоциативного теста // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. Педагогика. 1991. № 2. С. 45–48.
7. Пашукова Т.И. Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции. Кировоград : Центрально-украинское изд-во, 2001. 338 с.
8. Потанина Л.Т. Образно-символическое мышление как средство развития ценностно-смысловой сферы личности школьника : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2014. 485 с.
9. Скутина Т.В. Психология общения: к общности и близости через конфликт. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
10. Brehm S.S., Miller R.S., Perlman D., Campbell S.M. Intimate Relationships. Boston : McGraw-Hill, 2002.

INFLUENCE OF VERBAL AND VISUAL-IMAGE MEANS ON DECENTRATION IN A CONFLICT OF PARTICIPANTS OF ROMANTIC COUPLES IN A CONSULTATION PROCESS

Skutina T.V., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: tvforte@mail.ru

Abstract. The aim of this study was to investigate the specific effect of visual image and verbal means on the partners' decentration in a conflict of romantic couples. This research meets a lack of understanding of concrete distinctions between the effect of the methods based on use of visual-image or verbal means in psychological consultation. We examined the differences in the impact of these kinds of means on the emotional and cognitive decentration among 30 pairs, age 20-25 years old in romantic relationships lasting more than one year, with the actual conflict and the desire to get a psychologist's help in its resolution were the participants in the study. During the consultation each partner was asked to try to look at a specific conflict from the position of their partner. Verbal means were suggested as a way of modifying one's own position for one half of couples, and visual means have been proposed for the other half. Four methods were used: description of a conflict situation, Test of egocentric associations – ЭАТ test (Pashukova, 1991); experiment; pre- and post-experimental conversation. The results show that the visual image means help strengthen the emotional and decentered position of a participant in the conflict to a greater extent than the verbal means, as well as significantly reduce cognitive decentration. In contrast, verbal methods help enhance cognitive decentered position of a participant in the conflict to a greater extent than the visual-image means, but have little effect on the emotional decentration. This suggests a more complex effect of the visual-image based methods, including also verbal means used in the discussion of the drawings "Conflict through the eyes of my partner".

Keywords: conflict; couples in a romantic relationship; emotional decentration; cognitive decentration; visual-image means; verbal means; situational egocentrism.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ПОДРОСТКАМИ, ОСТАВШИМИСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Я.К. Смирнова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
E-mail: yana.smirnova@mail.ru

Аннотация. На примере подростков, оставшихся без попечения родителей, рассматривается, как темпоральные ориентации личности, особенности переживания психологического времени выступают условиями сохранения подвижной устойчивости человека как психологической системы, обеспечивая тем самым возможность реализации проекта жизни во временной перспективе. Анализируется вопрос как в жизненной перспективе личности субъективно переживается временная транспектива, а именно способность личности соединять настоящее, перспективу (будущее) и ретроспективу (прошлое). Показано, что в изучении роли прошлого и будущего в жизни человека подростковый возраст является важной координатой.

Ключевые слова: жизненные перспективы; психологическое время личности; временные ориентации личности; темпоральные ориентации; временные установки; подростковый возраст.

Введение. На современном этапе изучения жизненных перспектив доказано, что психологическое время личности является механизмом, за счет которого отражается и регулируется реальный жизненный путь человека. Способы реализации жизненных перспектив в заданном социальном контексте связаны с управлением личностью временем собственной жизни. Особую роль данная связь играет в возможности структурировать время собственной жизни, определять систему координат для оценки результативности принятия решений, действий и поступков на жизненном пути. В свою очередь темпоральные (временные) ориентации отображают перестройку системы жизненных перспектив человека [9–10].

Исследование жизненной перспективы личности включает проблемы жизненного пути в рамках феномена «хронотопа», характеризующего существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений в жизни человека, отражающих его цельность. Так В.И. Ковалевым [5] для характеристики жизненной перспективы личности вводится понятие временной транспективы, обозначающее способность личности соединять настоящее, перспективу (будущее) и ретроспективу (прошлое). К.А. Абульханова подчеркивает, что жизнедеятельность человека обладает свойствами хронотопа, и «время» рассматривается как масштаб анализа жизненного пути.

Эти идеи развиваются в исследованиях Л.Д. Деминой, И.А. Ральниковой [9], считающих, что психологическое время личности представляет собой процесс осознания и переживания личностью межсобытийных отношений, субъективной картины жизненного пути. Психологическое время – один из показателей, отражающих своеобразие развития субъектности и жизненных сил человека.

Так, данный факт подтверждают идеи К. Левин о том, что именно переживания единиц психологического времени различного масштаба обусловлены масштабами жизненных ситуаций. В то же время Б.В. Зейгарник считала, что временная перспектива обеспечивает включение будущего и прошлого, реального и ирреального планов жизни в план жизни данного момента. При этом, несмотря на хронологическую разновременность единиц психологического времени, различные отрезки жизненного пути субъективно переживаются как одновременные и в равной мере определяют поведение человека, образуя единый хронотоп [13].

Л.В. Бороздина и И.А. Спиридонова [2] предлагают использовать понятие «временная транспектива», которое позволяет охватить целостный хронотоп жизни субъекта – его прошлое, настоящее, будущее, и подчеркнуть их взаимодействие. По мнению авторов, временная транспектива – это сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее, в отличие от слова «перспектива», отражающего акцент на будущем.

На основе этих положений Т.Н. Березиной [1] разработана интрапсихическая модель личностной организации времени. По ее мнению, транспектива времени, представляя собой совокупность образов прошлого, настоящего и будущего индивидуума, интегрированных личностью на уровне сознания и подсознания, может рассматриваться как составная часть интегрального образа реальности.

Согласно В.И. Ковалеву [5], транспектива – это не только движение психики, обзревающее время и совпадающее с направленностью объективного времени, это способность сознания соединять в настоящем прошлое и будущее и тем самым суммировать, интегрировать время своей жизни в единый жизненный путь. В.И. Ковалёв рассматривает хронотоп как внутренний психологический механизм, опосредующий и регулирующий реальную организацию человеком времени жизни. Именно поэтому становится значимым исследование переживания временной транспективы личности в рамках изучения жизненного пути.

Обобщенной позицией ученых является понимание того, что весь процесс жизнеосуществления человека определен в процессуально-динамическом ключе, позволяющем описать его в контексте таких характеристик, как хронотопичность, континуальность, протяженность времени. Темпоральные ориентации личности, особенности переживания психологического времени выступают условием сохранения подвижной устойчивости че-

ловека как психологической системы, обеспечивая тем самым возможность реализации проекта жизни во временной перспективе.

При этом личность выступает субъектом согласования времени на всем этапе жизненного пути и разрешения противоречий. В данном исследовании мы делаем акцент на самоорганизации личностью временного модуля будущего как ведущей темпоральной ориентации, регулирующей жизненный путь.

Таким образом, для нашего исследования важно изучение темпоральных аспектов переживания жизненного пути.

Это связано с тем, что трансформация переживания временной транспективы человека в особых условиях осуществления может проявляться с так называемой «интерсубъективной десинхронизацией»: нарушением сбалансированности темпоральных ориентаций, нарушением ощущения согласованности времени жизненного пути, проявлением дефицитарности или расширения одной из ориентаций в прошлое, настоящее или будущее, нарушением «активного синтеза» интервалов времени, непропорциональности темпоральных ориентаций, переживанием субъективной разорванности, непоследовательности временной транспективы. Ж. Нюттен [8] также отмечает, что временная перспектива отражается в сознании человека в форме разноудаленных во времени объектов и характеризуется содержанием, структурой, глубиной, степенью реальности. При этом данные характеристики могут трансформироваться в социально определенных условиях. Ф. Зибардо [4] выделяет темпоральные ориентации личности, основываясь на теории жизненных перспектив. При этом, по мнению Ф. Зибардо, у человека существует тенденция акцентироваться на одном модуле времени, создающем когнитивное темпоральное предубеждение с доминирующей ориентацией на то или иное время. Например, в исследованиях В.В. Нурковой, К.В. Василевской [7] отмечается, что в трудной для личности жизненной ситуации имеет место явление «сужения временной транспективы личности», когда происходит активизация работы с субъективным настоящим, а прошлое и будущее становятся менее значимыми. При этом проявляются такие темпоральные феномены, как обеднение прошлого и онтологизация настоящего.

Существенное изменение социальных условий существования, депривированный характер социальной ситуации развития особенно ярко испытывают дети, воспитывающиеся в детских домах, что в свою очередь отражается на становлении временных ориентаций и построении жизненных перспектив у подростков.

И. Лангмейер, З. Матейчек [6] характеризуют депривацию как психическое состояние, возникающим в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных психических (жизненных) потребностей в достаточной мере в течение длительного времени в результате отделения человека от необходимых источников их удовлетворения. Данное состояние формируется в депривированной ситуации развития у детей, оставшихся без попечения родителей.

Показано, что подростки, оставшиеся без попечения родителей, имеют много деформаций в психическом развитии (И.В. Дубровина, В.С. Мухина, Л.Я. Олиференко, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Н.И. Федотова, Т.И. Шульга и др.). Именно в таком контексте становятся актуальными данные, отображающие, что вследствие депривированной ситуации развития трансформируется временная перспектива подростков (А.А. Доля, Е.Н. Дмитриева, М.Р. Гинзбург, Е.И. Головаха, М. Прихожан, Н. Н. Толстых, О.Н. Жильцова, Е.В. Камнева, Е.В. Солотина, Н.И. Федотова). При этом детально рассматривались особенности отношения к будущему у подростков, лишенных родительского попечительства, а особенности временной перспективы как целостного феномена у подростков из детских домов является малоизученным аспектом.

Депривированная ситуация развития и специфика жизненного пространства подростков, оставшихся без попечения родителей, сопровождаются изменением субъективного восприятия времени и принимают компенсаторный вариант развития [10]. Это обосновывает важность изучения временной транспективы и всего жизненного хронотопа у подростков, оставшихся без попечения родителей.

Необходимо отметить, что в контексте изучения роли прошлого и будущего в жизни человека возраст является важной координатой. При этом многие авторы подчеркивают, что существуют возрастные онтогенетические особенности временных ориентаций личности.

Проблему формирования жизненных перспектив, как правило, рассматривают, начиная с подросткового возраста, когда актуальным становится вопрос самоопределения (Е.И. Головаха, А.И. Федоров, И.А. Ральникова, С.А. Иванушкина, С.А. Башкова, Г.С. Малучиев, А.В. Мартынова, А.Г. Хаймина, Э.В. Пруслова, Ж.А. Леснянская и др.). Перспективы будущего в подростковом возрасте и объективно, и субъективно оказываются значительно больше других структурных компонентов временных перспектив – прошлого и настоящего.

Т.В. Снегирёва [10] отмечает значимость восприятия времени в период взросления. Именно в ранней юности прошлое и будущее пересекаются в настоящем наиболее противоречиво. У молодых людей в юношеском периоде подвергается испытанию чувство непрерывности своего «Я» и преемственности во времени. Восприятие собственно психологического времени становится очень напряженным. В некоторых случаях процесс взросления протекает в кризисной форме, что может спровоцировать у юношей и девушек личностный регресс из-за переживания перехода от прошлого к настоящему. В этом случае более позитивно оценивается прошлое. Другой вариант, когда человек не удовлетворен своим развитием, когда тесно «спаяны» между собой настоящее и прошлое, идеальное и будущее «Я», которые образуют два полюса на линии жизни. И наконец, третий вариант, когда все три временных измерения «Я» изолированы друг от друга: настоящее не выводится из прошлого, а будущее не является продолжением настоящего.

Р. Заззо [3] подчеркивал, что подростки, описывая свое будущее, говорят преимущественно о своих личностных перспективах, тогда как в юношеском возрасте выдвигаются на первый план общие проблемы. Характерной чертой ранней юности становится формирование жизненных перспектив. Е.И. Головаха [9] отмечает, что главное противоречие жизненной перспективы подростков – недостаточная самостоятельность и готовность к самоотдаче ради будущей реализации своих жизненных целей. При наличии социальных и иных трудностей адаптации и самоидентификации в ранней юности жизненные планы на отдаленное будущее вообще не строятся, подростки ограничиваются планами на ближайшее будущее.

В.П. Лисенкова и Н.Г. Шпагонова анализировали, как способность к точному, адекватному восприятию времени формируется в онтогенезе, и доказали, что в именно в подростковом возрасте картина изменения адекватности восприятия времени особо динамична, противоречива, разнонаправлена. Особенно отчетливо увеличение точности восприятия времени проявляется у юношей и девушек в 15–17 лет.

А. Сырцова [12] проводит исследование, показывающее, что временная перспектива имеет возрастную динамику, и на каждом возрастном этапе есть свои показатели «оптимального» уровня компонентов временной ориентации. Выделяется конструкт «сбалансированной временной перспективы». А. Сырцова, О.В. Митина продемонстрировали преобладание гедонистического аспекта временной организации в подростковом и юношеском возрасте. У подростков доминирует ориентация на получение удовольствия в настоящем, к концу периода ранней взрослости ведущая роль гедонистического настоящего сменяется высоким уровнем когнитивной представленности в сознании будущего, средний возраст является периодом смены координации многочисленных ролей, а также способности балансировать и координировать конкурирующие потребности.

Эмпирическую базу исследования составили 120 человек. Основная выборка – воспитанники организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Барнаула и Новоалтайска (60 подростков в возрасте от 12 до 17 лет, из них 30 респондентов мужского и 30 респондентов женского пола). Контрольная группа – 60 учащихся общеобразовательных школ и гимназий г. Барнаула (из них 30 респондентов мужского и 30 – женского пола).

Методы исследования: опросник временной ориентации (Ф. Зимбардо), семантический дифференциал времени (Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, К.Р. Червинская).

Результаты исследования. Для понимания характеристик сбалансированности темпоральных ориентаций подростков было произведено сравнение преобладания временных модусов внутри каждой выборки при помощи одновыборочного Т-критерия Стьюдента.

В выборке подростков, оставшихся без попечения родителей, временная трансспектива характеризуется преобладанием гедонистического настоящего (при $p = 0,007$) и трансцендентального будущего (при $p = 0,002$) над негативным прошлым, что отображает общие возрастные тенденции.

Однако на выборке контраста наблюдается менее сбалансированная временная трансспектива. Так, обнаружено преобладание модусов гедонистического настоящего, будущего, позитивного прошлого, трансцендентального будущего над негативным прошлым (при $p = 0,0001$), модуса гедонистического настоящего над трансцендентальным будущим (при $p = 0,0001$), модуса будущего над трансцендентальным будущим (при $p = 0,001$), позитивного прошлого над трансцендентальным будущим (при $p = 0,0001$).

Данные дополнительно подтверждаются тем, что в выборке подростков, оставшихся без попечения родителей, и контраста дисбаланс временной трансспективы преобладает в семантической оценке временных модусов. У подростков, оставшихся без попечения родителей, в оценке временных интервалов наблюдается преобладание переживания осязаемости будущего над переживанием его эмоциональности (при $p = 0,05$), представление об активности настоящего выше переживания его величины ($p = 0,002$), что доказывает актуальность будущего, но неопределенность его эмоциональной окраски, активности настоящего, но неопределенность его границ для подростков.

На выборке контраста дисбаланс проявляется в приоритете атрибутивной схемы активности будущего над его осязаемостью (при $p = 0,031$), структурированности (при $p = 0,007$), осязаемости будущего над его эмоциональностью и величиной (при $p = 0,006$ и $p = 0,001$ соответственно), структурированности прошлого (при $p = 0,041$), его осязаемости (при $p = 0,010$) над активностью, эмоциональностью (при $p = 0,012$ и $p = 0,005$ соответственно) и величиной (при $p = 0,001$ и $p = 0,000$) прошлого, эмоциональности настоящего (при $p = 0,007$), его структурированности (при $p = 0,015$), ощущением (при $p = 0,009$) над активностью настоящего, величины (при $p = 0,002$), структуры (при $p = 0,001$), ощущения настоящего (при $p = 0,0001$) над эмоциональностью, ощущение настоящего выше, чем величина настоящего (при $p = 0,035$).

Более детально можно охарактеризовать временную трансспективу подростков, сравнив внутри выборок семантическую оценку интервалов времени (при помощи одновыборочного Т-критерия). У подростков, оставшихся без попечения родителей, оценка активности настоящего выше, чем оценка активности будущего (при $p = 0,0001$) и прошлого (при $p = 0,0001$), на выборке контраста активность прошлого (при $p = 0,000$) и настоящего (при $p = 0,009$) выше, чем активность будущего. Данный факт отображает общую специфику ориентации и важности временного интервала будущего, его активности в подростковом возрасте. Однако для подростков, оставшихся без попечения родителей, специфичной чертой временной трансспективы является приоритет активности модуса настоящего над активностью прошлого.

Для выборки подростков, оставшихся без попечения родителей, характерным является то, что эмоциональность настоящего выше эмоциональности будущего (при $p = 0,000$), а также эмоциональность настоящего преобладает над эмоциональностью прошлого (при $p = 0,001$). На выборке контраста эмоциональность прошлого выше, чем будущего (при $p = 0,05$) и настоящего (при $p = 0,031$).

Данная тенденция подтверждает факт приоритета будущего в подростковом возрасте, указывает на специфичную эмоциональную заряженность настоящего в условиях воспитания в организациях для детей-сирот.

Специфика переживания времени на выборке подростков, оставшихся без попечения родителей, раскрывается через приоритет осязаемости ими величины прошлого над величиной настоящего (при $p = 0,000$). В выборке контраста величина настоящего (при $p = 0,017$) выше, чем величина прошлого, величины настоящего (при $p = 0,000$) и прошлого (при $p = 0,013$) выше величины будущего. Можно говорить о специфичном увеличении модуса прошлого на выборке подростков, оставшихся без попечения родителей, и сужении модуса будущего на выборке контраста.

В оценке структурированности временной транспективы у подростков, оставшихся без попечения родителей, характерным является то, что прошлое (при $p = 0,001$) и настоящее (при $p = 0,001$) описываются как более структурированное, чем будущее, на выборке контраста также оценка структурированности настоящего (при $p = 0,001$) и прошлого (при $p = 0,000$) выше, чем оценка структурированности будущего. Данный факт опять же раскрывает становление временного интервала будущего в подростковый период, его неструктурированность, неконтролируемость в бифуркационном возрасте.

Также для подростков, оставшихся без попечения родителей, ощущение настоящего выше ощущения будущего (при $p = 0,009$), на выборке контраста ощущение прошлого выше ощущения будущего (при $p = 0,000$).

Индивидуальная временная транспектива является специфическим психологическим механизмом, в опоре на который личность осуществляет субъективную регуляцию времени. Однако в нашем исследовании важно показать, что именно активность в отношении всего процесса жизнеосуществления является предиктором регуляции временной транспективы. В дальнейшем задачей стала проверка предположения, что именно активность подростков в управлении пространством жизнеосуществления (в форме ощущения контролируемости) определяет активность контроля темпоральных ориентаций.

Изначально выявлены различия в проявлении уровня субъективного локуса контроля (при $p = 0,022$). Так, у подростков, оставшихся без попечения родителей, можно констатировать более экстремализированный локус контроля в сопоставлении с интернализированным локусом контроля подростков, воспитывающихся в семьях. Можно говорить о снижении интенсивности ментального порога контролируемости пространства жизнеосуществления, проявления ментального конфликта в оценке контроля уравнивания внешних и внутренних контекстуальных аспектов среды, ожиданий по отношению к среде как неопределенной, непредсказуемой, неконтролируемой. Оценка и интерпретация контекстуальных аспектов своего поведения подростками, воспитывающимися в семьях, содержательно характеризуется репрезентацией согласованности в оценке связи важных событий в их жизни и собственных действий, оценкой управляемости жизнеосуществления. Иная тенденция наблюдается на выборке подростков, оставшихся без попечения родителей. В данной группе более эктарнализированный локус оценки контроля событий, способ регуляции, отражающий внешнюю заданность контроля, требований, либо интереоризированная регуляция. Для подростков, оставшихся без попечения родителей, характерна атрибуция высокого влияния и контроля факторов социальной среды на процессы жизнеосуществления.

Исходя из этого, необходимо было проследить, каким образом высокая выраженность уровня субъективного контроля (интернализированный контроль) будет влиять на сбалансированность временной транспективы. Внутри выборок было произведено разделение респондентов по локусу контроля и при помощи Т-критерия Стьюдента найдена специфика временной транспективы.

У подростков, оставшихся без попечения родителей, интернализированный контроль способствует снижению ориентации на трансцендентальное будущее ($p = 0,012$), переживание эмоциональности будущего ($p = 0,05$), активное ощущение будущего ($p = 0,047$) и прошлого (при $p = 0,037$), увеличению ориентации на негативное прошлое (при $p = 0,016$). Однако в выборке контраста статистически достоверная специфика временной транспективы при уровневыраженности локуса контроля не выявлена. Данная тенденция подтверждает, что депривированные социальные условия развития способствует актуализации усиления контроля и интернализированной направленности в способе уравнивания внешних и внутренних условий жизнеосуществления, в том числе усиления контроля над сбалансированностью временной транспективы.

Жизнеосуществление подростков организуется в континууме времени и пространства, при этом через оценку регулируемости пространства контролируется временной параметр. Организация атрибутивной схемы отношений подростков к различным сторонам жизни в определенном темпоритме, в котором осуществляются актуальные жизнь и деятельность, разворачивается в определенную целостную хроноструктуру жизненного пути. Изменение оценки контролируемости пространства жизнеосуществления сопряжено с изменением переживания времени, тем самым влияет на деформацию восприятия единого хронотопа «пространства–времени».

На наш взгляд, хронотоп, а именно структурированность внутреннего мира, наличие или отсутствие «сопряженности» и связанности между собой различных жизненных отношений во внутреннем пространстве, проявляется в деформации атрибутивной схемы контролируемости жизненного пространства и сопровождается

изменением субъективного восприятия времени. Данное противоречие способствует формированию установки на сверхконтроль и постоянное уточнение границ самоощущенности и, как следствие, уравниванию транспективы. То есть на выборке подростков, оставшихся без попечения родителей, интенсифицированный локус контроля можем рассматривать как ресурсный компенсаторный механизм самоорганизации хронотопа.

Основные выводы. В ходе исследования получены характеристики временной транспективы подростков, оставшихся без попечения родителей, как аспект темпорального переживания жизненного пути. Среди них актуализация переживания временного интервала будущего, но неопределенность его эмоциональной окраски, неструктурированность. Выявлена активность настоящего, но неопределенность его границ, переживание увеличения временного интервала прошлого, что, как следствие, приводит к детериорации переживания будущего. Для подростков из организаций для детей-сирот характерны противоречивость соотношения и малая сбалансированность «настоящего», «прошлого» и «будущего», интенсификация временного интервала «настоящего».

Для выборки контраста характерно, что в их временной транспективе наблюдается высокая эмоциональность прошлого, которое преобладает над эмоциональной окраской будущего и настоящего. Также наблюдаются противоречивость соотношения и малая сбалансированность «настоящего», «прошлого» и «будущего», интенсификация временного интервала «прошлого».

Можно сделать вывод, что в характеристике временной транспективы на двух выборках подтверждается общая возрастная динамика, а именно малая структурированность временного модуса будущего, противоречивость соотношения и малая сбалансированность «настоящего», «прошлого» и «будущего», интенсификация временного интервала «настоящего». Однако подтверждается предположение, что существует трансформация переживания временной транспективы у подростков, оставшихся без попечения родителей. Так, специфика транспективы этих подростков отображается в более сбалансированном соотношении модусов временных ориентаций, большей эмоциональной заряженности модуса настоящего, чем модуса будущего, высокой оценке его активности, переживании увеличения временного интервала прошлого.

Литература

1. Березина Т.Н. Ускорение и замедление внутреннего времени в измененных состояниях сознания // Психология и психотехника. 2012. № 9. С. 57–70.
2. Бороздина Л.В., Спиридонова И.А. Возрастные изменения временной транспективы субъекта. Сообщение 1: Формальные параметры // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 2. С. 40–50.
3. Заззо Р. Психическое развитие ребенка и влияние среды // Вопросы психологии. 1967. № 2. С. 112–134.
4. Зимбардо Ф.Дж. Психология временной перспективы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 91 с.
5. Ковалев В.И. Личностное время и жизненный путь личности // Психология личности и время жизни человека : тезисы докл. и сообщ. Весен. науч.-теор. конф. Черновцы : ЧТУ, 1991. С. 5–14.
6. Лангмейер Й. Психическая депривация в детском возрасте. Прага : Авиценум, 1984. 334 с.
7. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000. 320 с.
8. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М. : Смысл, 2004. 608 с.
9. Ральникова И.А., Гурова О.С., Ипполитова Е.А. Жизненные перспективы личности: риски воспроизводства девиантного поведения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 286 с.
10. Снегирева Т.В. Психологические факторы деформации готовности личности к самореализации в исследованиях отечественных психологов // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3. С. 61–68.
11. Смирнова Я.К. Психологическая суверенность при разной временной ориентации личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 5-3 (12). С. 101–103.
12. Сырцова А., Митина О.В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 41–54.
13. Lewin K. Field theory in social science. N.Y. : Harper & Row, 1964. 346 p.

EXPERIENCING THE TIME OF THEIR OWN LIFE BY TEENAGERS LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Smirnova Y.K., cand. of sci. (psychology), assistant professor of the department of social psychology, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: yana.smirnova@mail.ru

Abstract. On the example of adolescents who have been left without parental care, the article considers their personal temporal orientations, features of their experience of psychological time as a condition for maintaining the mobile stability of a person as a psychological system, thus ensuring the possibility of realizing the life project in the time perspective. The question is analyzed of how in one's life perspective a temporary transperspective is subjectively experienced, namely, one's ability to connect the present, the perspective (future) and the retrospective (the past). It is shown that in studying the role of the past and the future in a person's life, adolescence is an important coordinate. General age-related tendencies of the life-time experience in adolescence and transformation of the time experience in the situation of deprived social development are characterized. The features of temporal orientations, their balance in adolescents left without parental care were revealed. It is shown that the deprived situation of development and specificity of the living space of adolescents left without parental care (education in the conditions of organizations for orphans) is accompanied by a change in the subjective perception of time. It is shown how temporal orientations reflect the restructuring of living conditions and the controllability of the living space. The results confirmed that in the sample of adolescents left without parental care, the imbalance of the temporal transperspective prevails not only in the time setting for a certain interval of time, but also in the experience and evaluation of temporal modes. It is shown that a balanced temporal orientation is the very characteristic for psychologically favorable conditions of development, while adolescents without parental care can reach one by means of comprehensive super-control for the

temporal life space. In contrast to the balanced orientation of adolescents, there is a tendency to focus on one of the times, creating cognitive "temporal prejudices" with a dominant orientation to this or that time. At the same time, changing the assessment of the controllability of the life space is associated with a change in the experience of time, thereby affecting the deformation of the perception of the entire space-time chronotope.

Keywords: life prospects; psychological time personality; temporary orientation of the person; temporal orientations; temporary settings; adolescence.

УДК 316.422.42

ПОКОЛЕНИЕ Z В ФОРМАТЕ МНОГОЗАДАЧНОСТИ И ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Г.В. Солдатова¹, А.В. Трифонова²

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

² Фонд Развития Интернета, Москва, Россия

E-mail: info@detionline.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-06-00762.

Аннотация. Феномен многозадачности рассматривается как новый культурный способ деятельности представителей подрастающего поколения в условиях насыщенной медиа-среды в информационном обществе. Представлен краткий обзор современных теоретических и эмпирических работ по данной теме. Особое внимание уделяется соотношению многозадачности и высших психических функций, в том числе вопросу формирования метакогнитивных стратегий, в частности функции когнитивного контроля, а также описанию различных типов «многозадачников».

Ключевые слова: многозадачность; поколение Z; когнитивный контроль; высшие психические функции.

Современные дети и подростки, так называемое поколение Z, постоянно находятся в насыщенной медиа-среде в условиях интенсивных информационных перегрузок. Развивающаяся когнитивная система ребенка, пытаясь адаптироваться к такой ситуации, реагирует на нее изменениями механизмов формирования высших психических функций, личности, форм взаимоотношений с окружающим миром и изменениями повседневных культурных практик [2]. На пересечении всех этих изменений и как их некий итог возникает обескураживающий старшие поколения феномен многозадачности. Мы сегодня наблюдаем ситуацию, когда многозадачность из редкой способности становится обыденным явлением в жизни представителей разных поколений и, соответственно, набирает популярность как предмет научных исследований.

Изначально понятие многозадачности связано с компьютерными технологиями: в середине 60-х гг. XX в. оно стало использоваться в сфере информационных технологий в качестве характеристики новой операционной системы IBM, определяющей способность компьютера решать параллельно сразу несколько задач. Сегодня многозадачность определяется обычно как тренируемая способность вовлекаться в различные виды деятельности и регулировать их последовательность в определенный промежуток времени. Развитие этого феномена связано с такой особенностью человеческого мозга, как нейропластичность. Этот термин в 1930-х гг. ввел ученик И.П. Павлова польский нейрофизиолог Ежи Конорский. Под нейропластичностью обычно понимается способность нейронов и нейронных сетей изменяться под воздействием внешнего опыта и различных факторов, что дает человеку широкие возможности адаптироваться к внешней среде, в том числе и к цифровой [9].

Если раньше многозадачность была, по мнению некоторых историков, присуща особо выдающимся представителям человечества (например, Юлий Цезарь или Наполеон), то сегодня этот феномен рассматривается как достаточно распространенный в условиях современного образа жизни, особенно в контексте использования инфокоммуникационных технологий. Это важная способность взрослого человека, которая высоко ценится в определенных профессиональных сферах деятельности и без которой в них невозможно добиться успеха. В контексте исследований ресурсов человека в профессиональной деятельности, когнитивных процессов одновременной обработки стимулов разной модальности, изучения характера ограничений когнитивных возможностей человека получен ряд научных данных о некоторых особенностях деятельности человека в режиме многозадачности, а также доказательство пагубного влияния многозадачности на успешность решения взрослыми различных видов задач. На основании таких исследований делаются выводы, что вовлечение в решение дополнительной задачи уменьшает активность зон мозга, участвующих в решении основной задачи [7].

В условиях нового цифрового образа жизни, когда становится возможным практически одновременное использование различных видов деятельности с электронными устройствами, либо совмещение медийных и обычных источников информации, либо сочетание онлайн и офлайн активностей, появился вариант этого феномена, известный как медиамногозадачность. Исследования американской молодежи и подростков показали рост практики использования режима медиамногозадачности: в 1999 г. таких респондентов было 16%, в 2004 г. – 26%, в 2009 г. – 29% [6]. В 2015 г., по данным опроса Common Sense Media, каждый второй американский подросток сообщает,

что он часто (21%) или иногда (29%) использует социальные медиа при подготовке домашних заданий. Причем большинство этих подростков не считали, что делание одновременно нескольких дел негативно влияло на их продуктивность.

Таким образом, дети и подростки особенно преуспевают в направлении организации жизни в режиме многозадачности, с одной стороны, как обоснованно обеспокоены взрослые, перегружая свою когнитивную систему, с другой, что тоже нельзя исключать, – расширяя ее возможности и находя способ справиться с информационными перегрузками. В связи с этим специфика феномена медиамногозадачности привлекает все больше исследователей для его изучения у детей, подростков и молодежи.

Несмотря на в целом сходный стиль жизни большинства представителей цифрового поколения, исследователями было выявлено, что дети все же существенно различаются между собой по степени многозадачности. Тип многозадачности в целой серии работ последних лет определяется на основе опросника (Media Multitasking Index), разработанного психологами Стэнфордского университета [5], который включает двенадцать категорий использования медиа в полном варианте и шесть – в кратком и предполагает оценку частоты пребывания участника в режиме многозадачности. В различных экспериментальных условиях (одновременное выполнение заданий, последовательное выполнение заданий, выполнение заданий с переключением, с отвлекающими стимулами) ученые сравнивали подростков с высоким и низким уровнем многозадачности – «тяжелых» и «легких» многозадачников – по активности мозга, характеристикам внимания, памяти [4], когнитивному контролю [3], успешности выполнения задач, по личностным особенностям и особенностям микросреды [10].

Ученые сегодня уже выявили некоторые различия в типах медиамногозадачности по факторам пола, возраста и культуры. Например, девочки школьного возраста чаще совмещают другие дела с прослушиванием музыки и общением в чатах, а мальчики – с компьютерными играми. Подростки 13–16 лет чаще всего совмещают онлайн-серфинг и прослушивание музыки, а взрослые 50–65 лет – проверку электронной почты с прослушиванием радио. Для американских студентов предпочитаемой «попутной» деятельностью является общение в чатах, а для российских – просмотр интернет-страниц [8].

Полученные результаты, хотя и характеризуются некоторой противоречивостью, все же в большинстве перечисленных выше работ относительно согласованы между собой по причине применения одного методического подхода. Что на основе проведенных исследований мы можем сегодня сказать о «легких» и «тяжелых» многозадачниках? Подростки, вооруженные различными гаджетами и непрерывно занимающиеся разными активностями в Интернете, которых относят к «тяжелым» многозадачникам, характеризуются более широкой внешней зоной внимания. В соответствии с ресурсной моделью внимания Д. Канемана, такую зону можно рассматривать как распределяющий ресурс, определяющий охват многих объектов, более высокую переключаемость, с одной стороны, с другой – меньшую устойчивость и концентрацию внимания, а также более низкий уровень когнитивного контроля. Это в том числе предполагает большую подверженность «тяжелых» многозадачников влиянию отвлекающей информации в процессе решения текущей задачи [5]. Некоторые исследователи объясняют это, например, такими личностными особенностями, как высокий уровень импульсивности и тяга к новым впечатлениям, которые рассматриваются в качестве значимых предикторов высокого уровня многозадачности [10]. Те же авторы еще одним из таких значимых предикторов медиамногозадачности рассматривают влияние на подростка особенностей микросреды, например медиаориентированную семью. Но также есть данные, что такие особенности внимания могут способствовать развитию функции мультисенсорной интеграции [4], что чрезвычайно значимо в условиях цифрового образа жизни.

«Легкие» многозадачники легче и эффективнее справляются с одной задачей. Чем ниже уровень многозадачности, тем эффективнее работа исполнительных когнитивных функций, в частности рабочей памяти, торможения и контроля импульсов, переключения внимания. Но последовательное решение всех текущих задач в целом приводит к увеличению времени их выполнения и к ситуации, когда актуальность задач уже снизилась и продолжает выполняться тщательная работа по решению уже никому не нужной задачи.

По сравнению с «легкими» многозадачниками, «тяжелые» способны справиться с несколькими задачами одновременно за меньшее количество времени. В то же время есть данные, что «тяжелые» многозадачники способны удерживать ограниченное количество релевантных задач репрезентаций в рабочей памяти. Широкая зона внимания вместе со сниженной производительностью рабочей памяти отражается на снижении объема долговременной памяти. «Тяжелым» многозадачникам приписывают более поверхностный стиль деятельности, что предполагает снижение качества обработки информации, невозможность детального изучения проблемы и большее число ошибок ввиду совмещения разных видов деятельности. Различные исследователи предполагают также, хотя эмпирических доказательств этому мы не нашли, что постоянная активность в режиме многозадачности ведет к утомлению и истощению.

Представленная выше пока еще совершенно неполная картина по исследованию феномена многозадачности и режима многозадачной деятельности у детей и подростков все же позволяет сделать вывод о том, что в условиях нового образа жизни такой стиль деятельности становится не прерогативой редко встречающихся и особенно способных к многозадачности индивидов, а достаточно распространенной повседневной практикой. Причем суть современной медиамногозадачности – это, скорее, не параллельная одновременная обработка информационных стимулов. Хотя это также возможно как раз для особенно одаренных, и число таких одаренных может расти в условиях раннего стимулирования такой активности. Современная медиамногозадачность – это

отработка в детском возрасте в новых социокультурных условиях необходимых сегодня механизмов активного переключения внимания вместе с процессами оптимизации функционирования основных исполнительных функций, которые можно отнести к метакогнитивным стратегиям. К последним обычно относятся постановка целей, планирование, гибкая смена когнитивных установок, торможение и контроль стимулов, распределение ресурсов внимания, некоторые функции рабочей памяти и др. Данный перечень можно также объединить в рамках термина «когнитивный контроль», который некоторые авторы рассматривают как целостную модель исполнительных функций, главную роль в которой играет внимание, или соотносят его с саморегуляцией и программированием действий, индивидуальным способом переработки информации и адаптации к среде [1]. Не случайно в условиях стремительных изменений и все возрастающей неопределенности и сложности окружающей среды проблема когнитивного контроля выходит сегодня на одно из центральных мест в исследованиях феномена медиамногозадачности.

Литература

1. Сергиенко Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n5-7/223-sergienko7.html>
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017.
3. Alzhabi R., Becker M.W. The association between media multitasking, task-switching, and dual-task performance // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2013. Vol. 39, № 5. P. 1485–1495.
4. Lui K.F.H., Wong A.C.N. Does media multitasking always hurt? A positive correlation between multitasking and multisensory integration // Psychonomic bulletin & review. 2012. Vol. 19, № 4. P. 647–653.
5. Ophir E., Nass C., Wagner A.D. Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106, № 37. P. 15583–15587.
6. Rideout V.J., Foehr U.G., Roberts D.F. Generation M: Media in the Lives of 8- to 18-Year-Olds. Washington, DC : Henry J. Kaiser Family Foundation, 2010.
7. Schweizer T., Kan K., Hung Y., Tam F., Naglie G., Graham S. Brain activity during driving with distraction: an immersive fMRI study // Frontiers in human neuroscience. 2013. URL: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00053>
8. Voorveld H.A.M., Van der Goot M. Age differences in media multitasking: A diary study // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2013. № 57 (3). P. 392–408.
9. Weigel M., Heikkinen K. Developing minds with digital media: Habits of mind in the YouTube era. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2007.
10. Yang X., Zhu L. Predictors of media multitasking in Chinese adolescents // International Journal of Psychology. 2016. Vol. 51, № 6. P. 430–438.

Z-GENERATION IN THE MULTITASKING MODE AND ADAPTATION ISSUES TO THE DIGITAL ENVIRONMENT

Soldatova G.U., Ph.D., corresponding member, Russian Academy of Education, professor, department of personal psychology, faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher of FIED, Moscow, Russia. E-mail: info@detionline.com
Trifonova A.V., Ph.D., associate professor, Institute of Social Sciences, RANEPА, psychologist-researcher, Fund of Internet Development, Moscow, Russia. E-mail: info@detionline.com

Abstract. In this article, we consider the phenomenon of multitasking as a new cultural way of teenagers' (generation Z) activity in the conditions of a saturated media environment in the information society. In modern conditions, where information flows continuously increase, the phenomenon of multitasking, or rather media multitasking, ceases to be a unique feature of individual personalities, replacing the classical "one-task" approach, and becomes a general cognitive ability which is required in all spheres of human life. This problem attracts researchers' attention from a number of disciplines: from psychology and education to management. The increasing importance of media in the processes of modern adolescents' adaptation and socialization gives rise to particular concern among specialists and in general among the older generation regarding the possible negative impact of frequent use of media multitasking on the cognitive functions of children and youth. We conducted an overview of current foreign and domestic theoretical and empirical studies of various manifestations and specifics of media multitasking in school-age children. Particular attention is paid in this review to the relationship between multitasking and higher mental functions, including the formation of metacognitive strategies, and in particular to cognitive control and executive functions. Disparate and sometimes contradictory results of these studies do not allow us to make an unambiguous conclusion about the nature of the influence of media multitasking on cognitive processes. However, relative to the level of media-tasking, there are two main types of "multitaskers": "heavy" and "light", whose brief description is presented in this paper. We conclude that modern media-tasking can not be reduced to a simple simultaneous use of several information and communication resources. It is the development of the necessary mechanisms for active attention shifting together with the processes of optimizing of the main executive functions, which can be attributed to metacognitive strategies.

Keywords: multitasking, generation Z, cognitive control, higher mental functions.

«СИБИРСКИЙ ГЕНОМ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦИФРОВОГО НОМАДА

Д.И. Спичева

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: speecheva@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрение вопроса о «сибирском геноме» интересно с точки зрения нахождения параллелей с процессами формирования новых идентичностей цифровых номадов (кочевников). Формирование «сибирского генома» во многом предопределено не родственными связями и передачей из поколения в поколение типичных антропогенетических характеристик, а переселенческой политикой государства, в результате которой и сформировался этот особый набор социально-психологических, идейно-нравственных, этнокультурных особенностей. История формирования «генома сибиряка» поможет разобраться в отдельных аспектах развития социума сетевого информационно-коммуникативного общества и появления особой категории людей – цифровых номадов (кочевников), представители которых также не имеют общей генетической истории. В статье обосновывается гипотеза, что некоторая предрасположенность к цифровой миграции и кочевничеству «генетически» заложена у представителей определенных социальных групп, одной из таких групп являются сибиряки.

Ключевые слова: сибирский геном; цифровая идентичность; цифровой номадизм (кочевничество); образ Сибири.

Рассмотрение вопроса о «сибирском геноме» интересно с точки зрения нахождения параллелей с процессами формирования новых идентичностей цифровых номадов (кочевников). Понятие «сибирский геном» в данной статье используется метафорически, имеется в виду не столько совокупность генов, содержащихся в одностороннем наборе хромосом организма, сколько совокупность условно «наследственного» материала, определяющего менталитет и психику людей, проживающих на территории русской Сибири. Наследственный материал назван условным, поскольку формирование «сибирского генома» во многом предопределено не родственными связями и передачей из поколения в поколение типичных антропогенетических характеристик, а переселенческой политикой государства, в результате которой и сформировался особый набор социально-психологических, идейно-нравственных, этнокультурных особенностей «сибирского генома». История формирования «генома сибиряка» поможет разобраться в отдельных аспектах развития социума сетевого информационно-коммуникативного общества и появления особой категории людей – цифровых номадов (кочевников), представители которых также не имеют общей генетической истории. С каждым годом граждан цифрового электронно-коммуникативного общества становится все больше, и один из прогнозных вариантов общественного развития заключается в том, что рано или поздно абсолютному большинству людей предстоит стать временными или постоянными цифровыми кочевниками. В связи с этим рассмотрение феномена цифровой номадической идентичности становится актуальным вопросом эволюции современного общества. Можно выдвинуть гипотезу, что некоторая предрасположенность к цифровой миграции и кочевничеству «генетически» заложена у представителей определенных социальных групп, одной из таких групп являются сибиряки.

Обоснование данной гипотезы опирается на историю формирования образа Сибири в контексте ментального освоения территории переселенцами в XIX в. (Е.В. Головнева), комплексное культурологическое исследование Сибири как единого культурно-исторического феномена (Е.И. Балакина), описание особенностей региональной идентичности сибиряков и начала формирования бренда «Сибирь» (А.В. Ремнёв) и др. Базовыми для данного исследования являются труды Дж. ван Дейка о формировании онлайн-идентичности, концепция цифрового номадизма Ц. Махимото и Д. Мэннерс, научные работы И.П. Кужелевой-Саган о трансформации коммуникации в условиях цифрового кочевничества.

Ключевым элементом понятийного аппарата данной работы является представление о цифровых номадах, или кочевниках, появление которых описано в 1990-х гг. Ц. Махимото и Д. Мэннерсом. Этот новый класс сетевого информационно-коммуникативного общества характеризуется перманентной подключенностью и предельно мобильным образом жизни. Они все время меняют места своего географического присутствия, обучаются и работают онлайн. Большинство активных граждан современного информационно-коммуникативного общества в определенные промежутки времени принудительно или добровольно ведут образ жизни цифровых кочевников. Например, они становятся таковыми во время отпуска, командировки, если продолжают выполнять свои привычные должностные обязанности, чем достигается эффект их присутствия на рабочем месте. Такую категорию людей можно назвать временными цифровыми кочевниками.

Исследовательским полем выявления «сибирского генома» является сетевое пространство научных публикаций о Сибири, индексированных в РИНЦ (российский индекс научного цитирования), а также контент сайтов вузов России, на базе которых созданы центры исследования Сибири, таких как: Томский государственный университет, Сибирский федеральный университет, Европейский университет Санкт-Петербурга, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Иркутский МИОН, Институт этнологии и антропологии РАН, Инсти-

тут истории естествознания и техники РАН, Институт истории СО РАН, классические университеты Новосибирска, Алтайского края, Иркутска, Сургута и др.

Помимо работы со статистическими показателями российской базы данных научных публикаций, входящей в РИНЦ, был поставлен исследовательский эксперимент, в котором принимали участие магистранты направления «Реклама и связи с общественностью» факультета психологии Томского государственного университета. Им было дано задание метафорически охарактеризовать Сибирь и жителей этого региона, исходя из научных публикаций, представленных в Научной электронной библиотеке eLibrary, поскольку все материалы о Сибири, имеющие российский индекс научного цитирования, представлены именно здесь. Также в их задачу входил свободный поиск научных статей о Сибири с помощью простого серфинга в поисковых системах Google, Yandex, Mail. Важно было понять, какой цифровой образ Сибири и сибиряков формируется в сетевом пространстве научных коммуникаций среди целевой аудитории таких статей – студентов и магистрантов. Именно эта целевая аудитория – представители цифрового поколения, поколения будущего. И тот образ Сибири, который сформирован у них, станет определяющим ориентиром развития «сибирского генома».

Сибирский край, богатый природными ресурсами, менее освоенный и населенный (по сравнению с центральной Россией), конечно, вызывает экономический интерес со стороны бизнеса и государственных структур. На эту заинтересованность реагирует и наука – большинство научных исследований Сибири имеют естественнонаучную направленность. По данным научной электронной библиотеки eLibrary, на сегодняшний день исследования в рамках наук о Земле, медицины, экологии, биологии, сельского, лесного, водного хозяйства, лесной и деревообрабатывающей промышленности составляют 53,5%.

Тем не менее социально-гуманитарные науки вносят существенный вклад в формирование цифрового образа Сибири и сибиряков. 28% всех проиндексированных в РИНЦ публикаций данной тематики относятся к проблемному полю философии, истории, социологии, демографии, народного образования, массовой коммуникации и менеджмента. Именно эти публикации, прежде всего, способствуют раскрытию темы данной работы.

Обоснование предположения о том, что в «геноме сибиряка» заложены гены цифровой миграции и кочевничества, начнем с описания причин и условий появления этого наследственного материала.

Наиболее часто встречающиеся метафоры, описывающие Интернет, связаны с разного рода «киберугрозами», скрывающимися в нем. В последнее время тема компьютерной безопасности все более актуализируется. Проблема безопасности Интернета связана как с угрозой воровства персональных данных, электронных денег, так и с многочисленными предостережениями относительно вреда физическому и психическому здоровью. Интернет-зависимость – один из распространенных «недугов» современного мира. Отношение к Интернету как к враждебной среде, чуждому для человека пространству продиктовано сложностью и неоднозначностью представлений об онтологии сетевого интернет-пространства. А все, что до конца непознаваемо, – вызывает опасения.

К пространству сибирского региона со времен Ермака также до сих пор настороженное отношение. Во многом оно продиктовано сложностью понимания происходящих здесь социально-общественных процессов из-за особого географического и геополитического положения Сибири. Во-первых, сложные климатические условия Сибири явились причиной формирования устойчивого образа сурового края, некомфортного для проживания. Во-вторых, место расположения Сибири относительно Китая и Юго-Восточной Азии вызывает к ней недоверчивое отношение со стороны европейской части населения из-за разницы западного и восточного менталитетов. Несмотря на многовековую историю освоения этого региона, еще в начале XX в. слово «Сибирь» не являлось административным термином и часто использовался термин «Азиатская Россия». И до сих пор еще полностью не изжил себя образ Сибири как «дикого Востока». «Уникальность положения Сибири заключается в том, что она одновременно являлась внутренней колонией и эпицентром межкультурной коммуникации с азиатской цивилизационной доминантой», – отмечает А.И. Кожухарь [5, с. 65].

Не менее часто встречается определение Интернета как пространства, стирающего культурные, географические, возрастные, религиозные и прочие границы общения между людьми. Интернет представляет собой глобальное пространство сетевой коммуникации.

Если искать параллели с какими-то офлайн-пространствами, обладающими сходными свойствами, то можно найти их в Сибири. Это мегарегион, внутри которого выстроились уникальные коммуникативные сети между древними цивилизациями и современностью, коренным населением и переселенцами. Интересно, что абсолютное большинство современных жителей Сибири не связаны ни кровными, ни культурными узами с коренными народностями, проживающими здесь с доисторического периода. Связь времен и поколений в этом регионе прерывалась неоднократно, и теперь сложно провести границу между коренным и пришлым населением. Под переселенцами в данном случае понимаются как мигранты из бывших советских республик (поток которых не прекращается по сегодняшний день), так и потомки ссыльных из центральной части имперской и советской России (которые по большей части ощущают себя коренным населением сибирской земли).

Сибирь – это место стирания языковых границ и появления особого языка межличностной коммуникации. В силу стечения на территорию Сибири людей из разных точек России с разным менталитетом, культурным укладом, привычками, они вынуждены были находить общий язык друг с другом, местным населением, ассимилироваться. В результате возникла особая конгломерация населения Сибири с отличным от всех частей России укладом, традициями, культурными сценариями жизни. На формирование языка межличностной коммуникации, безусловно, повлияли и ссыльные интеллигенты, декабристы, которые сами по себе являются крас-

норечивыми образами Сибири в пространстве научных коммуникаций. Метафора стирания границ, описывающая характер коммуникаций в Сибири, усиливается еще и тем, что, с одной стороны, это «периферия» и «далекий край». Но в то же время это место особого магнетизма, которое притягивает к себе внимание. Сибирь признают удачным местом для установления международного сотрудничества. «Сибирь должна позиционироваться как “Европа в Азии”, мост, соединяющий Европу и Америку» [6]. Причина этого в том, что в условиях санкций против России и проявления недоверия к ней со стороны зарубежных партнеров, Сибирь представляется своеобразным оазисом, географически далеким от политических перипетий, атмосфера которого благоволит зарождению и укреплению контактов с иностранными партнерами в различных сферах производства, образования, науки и культуры.

Безусловно, Сибирь является важнейшим сетевым коммуникационным узлом России, получившим название «транзитного региона», образ которого ассоциируется с электрифицированной двухпутной Транссибирской железнодорожной магистралью (так называемый «Транссиб»), а также Байкало-Амурской магистралью (БАМ) и протяженными магистральными нефте- и газопроводами.

Более того, понятие «Сибирь» далеко не сразу приобрело характер целостного культурно-исторического феномена, лингвокультурного концепта, ставшего в наши дни неотъемлемой частью национального сознания. Сибирь – это прошлая провинция, надстройка над Великой степью с нечетким представлением о своем центре, с царских времен получившая прозвище «вольница российского крестьянства». Наверное, поэтому сибирские территории до сих пор не имеют четкой иерархии в общественном сознании. «Единство как основа коллективного выживания приобрело такую фундаментальную значимость, что... к факту самой удаленности от столицы сибиряки относятся как к условию большей внутренней личностной свободы и избавления от политической конъюнктуры» [8, с. 148]. Именно потому, что интеграция территорий сибирского региона проходила не централизованно, а стихийно, без принуждения, связь этих территорий и на уровне людей, и на уровне инфраструктуры оказалась очень сильной. «Как отдаленная территория, Сибирь представлялась некоей качественной сущностью, менявшей переселявшихся сюда людей» [2, с. 216].

Эта территория как лакмусовая бумажка демонстрирует возможности самоуправления на разных уровнях. Историческая децентрализация управления территорией Сибири привела к появлению нового термина – «региональные столицы». Причем важно, что он употребляется во множественном числе. В разных контекстах роль столицы выполняет то один, то другой областной центр: Красноярск, Новосибирск, Омск, Томск и др. У каждого из перечисленных городов есть историческое, моральное или экономическое право иметь такой статус. Например, Томск часто именуется культурной и студенческой столицей Сибири, поскольку здесь самое большое число студентов на душу населения.

В этой особенности Сибирского региона также просматриваются параллели с интернет-пространством. Социальные отношения в Интернете тоже, на первый взгляд, кажутся децентрализованными, неиерархичными и даже хаотичными. Пользователи в социальных сетях могут вступать в контакты, налаживать общественные связи, невзирая ни на какие условности, связанные с социальным положением, уровнем дохода, образования и пр. Тем более они имеют возможность проектировать онлайн-идентичность, отличающуюся от ее офлайн-статуса и коммуницировать с этой своей виртуальной личностной позиции.

Похожая глобальная интеграция людей происходила и в Сибири. Надо отметить, что хотя скорость этой интеграции ниже, чем в Интернете, но сравнительно высока для подобных офлайн-процессов, происходивших в большинстве других стран и регионов. Объединению сибирских земель способствовала не только их географическая близость, но и общность условий формирования так называемого «сибирского менталитета». Несмотря на большую разницу предысторий людей, которые попадали сюда в силу разных миграционных процессов из различных уголков России (и не только), суровые условия жизни и совместно формирующийся уклад заставили людей сплотиться в одну большую группу сибиряков, запустив процесс социокультурной диверсификации. Их менталитет – это результат многовекового взаимодействия славян с тюрко-монгольскими и палеоазиатскими народами, что в итоге и сформировало особый психо- и генотип сибиряка из психологии местного этноса, жителей центральной России, осужденных за серьезные насильственные преступления, политических заключенных разного социального происхождения, высылаемых из царской России, которые появились здесь после революции 1905 г., а также евреев, поляков, украинцев, эстонцев и представителей других народов, высылаемых в Сибирь в разные исторические периоды. Многие исследователи сходятся во мнении, что в результате этих процессов теперь в Сибири живут предприимчивые, амбициозные, «сильные» люди, склонные к самоутверждению. Следовательно – это место сосредоточения незаурядных человеческих ресурсов для экономики. Многие исследователи отвечают, что люди – это главное богатство сибирского региона.

Образ жизни цифровых кочевников, их отношение к жизненному пространству кардинально отличаются от привычного оседлого общественного уклада. Подобно цифровым кочевникам, которые противопоставляют себя обычным людям, сибиряки (не будучи кочевым народом в общеупотребительном смысле) воспринимаются как отшельники. За многие годы сформировался устойчивый образ «колониальной Сибири» как территории изгоев. Ее часто называют «колонией Российской империи». «Сибирь представляет территориальную приставку к европейской России с востока, и сибирское население не могло не чувствовать, что оно живет вдали от остального русского мира» [7, с. 113]. В ту эпоху это место ассоциировалось прежде всего со ссылкой и каторгой, в советское время на этой территории строились сталинские лагеря. С той поры частью образа Сибири ста-

ла так называемая «мертвая дорога» – недостроенное заключенными железнодорожное полотно, ведущее из Салехарда в Игарку. Даже во время Второй мировой войны фашисты строили планы выдворения жителей Центральной и Восточной Европы именно в Сибирь с целью их ликвидации. Они были уверены, что в этих суровых условиях выжить невозможно. Так в условиях сложного этнического, гендерного, религиозного состава местного населения формировалась особая территориальная идентичность сибиряков, сходная в чем-то с кочевой идентичностью.

Дж. ван Дейк писал том, что публичные идентификаторы, формирование которых обусловлено интерфейсами платформ социальных сетей, изменяют, а иногда и ограничивают представления о человеке. А поскольку идентичность – это всегда результат самоидентификации и идентификации личности ее социальным окружением, то сетевая идентичность оказывает влияние на офлайн-идентичность. В отличие от среднестатистического человека, для которого базовой средой существования является офлайн-пространство, для цифрового кочевника именно онлайн-идентичность является эталонной. Если представить, что в ближайшем будущем онтология эталонной идентичности будет смещаться из офлайн в онлайн, то для многих людей состояние размытой идентичности может стать серьезной психологической или социальной проблемой, справиться с которой может тот, у кого имеются «гены» цифровых кочевников. Итоги исследования, представленные в статье, являются попыткой обоснования предположения о том, что «геном сибиряка», содержащий наследственный опыт кочевничества и миграции, появившийся в результате особых этносоциальных процессов и межэтнических отношений в сибирском регионе, наложивший отпечаток на формирование сибирской идентичности, имеет сходство с «геномом цифрового кочевника». К общим факторам формирования сибирской и цифровой номадической идентичностей можно отнести родственную или духовную принадлежность к этносу кочевых народов Сибири, психологию изгнанника, слабую иерархичность и децентрализацию социальных отношений внутри группы, способность преодоления языковых, культурных, географических, религиозных и прочих границ общения и превращения социальной общности в сетевой коммуникационный узел для контактов за пределами группы. Все эти «гены», комбинируясь в разных вариациях, создают «геном сибиряка», обладающего высокой степенью устойчивости психики и резистентной идентичностью. В условиях всемирной глобализации людей, капиталов и увеличения числа цифровых кочевников исследование похожих процессов, происходивших ранее офлайн, например на территории Сибири, поможет делать более четкие прогнозы развития глобального общества в целом. Знание об этом не только поможет установить культурные и ментальные основания сходства сибиряков как потомков реальных мигрантов и кочевников с цифровым поколением будущего, но и будет способствовать сближению научных интересов и появлению мультидисциплинарных исследований на стыке истории, психологии, социологии, философии, этнографии и других научных дисциплин.

Литература

1. Балакина Е.И. Проблемы исследования саморазвития культуры Сибири в контексте нелинейной картины мира // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 484–486.
2. Головнева Е.В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 211–220.
3. Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
4. Иноземцев В. Контингент Сибирь // Независимая газета. 2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-11-02/5_siberia.html
5. Кожухарь А.И. Значение и особенности диалога России с востоком через Сибирь в историко-культурной перспективе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4. С. 64–67.
6. Кужелева-Саган И.П. Коммуникации в условиях цифрового кочевничества // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов. М., 2015. С. 177–187.
7. Ремнёв А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2011. № 3 (62). С. 109–128.
8. Турбовский Я.С. Сибирь и Украина в одном лице // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1. С. 139–152.
9. van Dijck J. 'You have one identity': performing the self on Facebook and LinkedIn // Media, Culture & Society. 2013. № 2 (35). P. 199–215.
10. Makimoto Ts., Manners D. Digital Nomad. John Wiley & Sons Ltd, Baffins Lane, Chichester, West Sussex PO19 1UD, England, 1997. 256 с.

'SIBERIAN GENOM' AS A FACTOR OF CONSTRUCTING IDENTITY OF A DIGITAL NOMAD

Spicheva D.I., PhD, associate professor, department of social communication, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: speecheva@rambler.ru

Abstract. The article deals with the issue of 'Siberian genome', which is considered a metaphorical concept and is similar to constructing the new identity of digital nomads. The appearance of Siberian genome is conditioned to a greater extent not by people's family likeness and anthropogenetic characteristics but by the government resettlement policy, which is responsible for social, psychological, ideological, ethical, ethnographic and cultural characteristics of Siberian residents. The history of Siberian genome can help understand some aspects of the development of the network society and appearance of digital nomads who do not also have a shared genetic history. The article gives some evidence to support the hypothesis that certain social groups have predisposition to digital migration and nomadism; one of these groups is Siberian people. The results of the research show that Siberian genome, con-

taining some hereditary experience of nomadism and migration acquired as a result of some ethnic and social processes and interethnic relations in Siberia, has influenced the process of constructing the Siberian identity and has similarities with the 'genome of digital nomads'. The common factors of constructing Siberian and nomadic identity are kinship and spiritual belonging to the ethnicity of nomadic peoples of Siberia; the psychology of an outcast; a weak hierarchical pattern and decentralization of social relations inside the group; ability to overcome the linguistic, cultural, geographic, religious and other boundaries of communication and transformation of the social community into the network communication hub for contacting people not belonging to this social group. All these 'genes' combined in different variations create the Siberian genome that possesses high mental stability and resistant identity. In the conditions of worldwide globalization of people and capitals, and the increasing number of digital nomads, researching similar processes that have already taken place off-line on the territory of Siberia, for example, can allow making more exact predictions about the development of the global society in general.

Keywords: Siberian genome; digital identity; digital nomadism; image of Siberia.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТРОЛЯ И ТРЕВОЖНОСТИ ПЕДАГОГОВ С РАЗНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СМЫСЛОПЕРЕДАЧИ

Е.А. Суроедова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: suroedova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления тревожности и контроля у педагогов с разными стратегиями смыслопередачи в общении. В ходе исследования было выявлено, что исследуемые с эмоционально-доминирующей стратегией смыслопередачи значительно отличаются от педагогов с другими стратегиями более низким проявлением тревожности и высокими показателями коммуникативного контроля в общении.

Ключевые слова: смыслопередача; коммуникативный контроль; тревожность; стратегия смыслопередачи; педагоги.

Проблема коммуникации и общения во все времена была актуальной и представляла большой интерес для исследователей гуманитарных наук, философов и социологов. Сегодня особенно остро стоит вопрос о эффективности и продуктивности взаимодействия учащегося и педагога. Современный учитель не просто должен передать знания ученикам, а максимально раскрыть многомерность знания, его смысл, ценность и значение. И, как отмечают А.Г. Асмолов, И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, Л.Ц. Кагермазова, основной функцией образования должна стать смыслообразующая [1]. Однако если проблема смыслообразования и направленной трансляции активно исследуется психологами, то вопрос о способах смыслопередачи пока остается открытым. А.К. Белоусова, исследуя совместную мыслительную деятельность учащихся и студентов, отметила особую роль функции смыслопередачи [2]. Дальнейшие исследования процесса смыслопередачи позволили установить способы трансляции смыслов – стратегии смыслопередачи [3, 4]. В научном психологическом пространстве практически отсутствуют исследования механизмов смыслопередачи, личностных качеств, индивидуальных свойств, особенностей мышления у педагогов с разными стратегиями смыслопередачи. Недостаточная изученность данной проблемы определила актуальность исследования особенностей коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Цель исследования: исследовать особенности коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Предмет исследования: особенности коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Объект исследования: педагоги (учителя младших и старших классов СОШ, воспитатели МДОУ), всего 60 человек (51 женщина и 9 мужчин).

Гипотезы исследования. Существуют различия в коммуникативном контроле и тревожности у педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе использовались как теоретические, так и эмпирические методы исследования: обзорно-аналитический, включающий теоретический анализ психологической литературы по изучаемой теме; психодиагностический; методы математико-статистической обработки. В исследовании применялись следующие методики: «Диагностика коммуникативного контроля» М. Снайдера; «Карта контроля состояния речи» Р. Эриксона; «Стратегии смыслопередачи» Е.А. Суроедовой.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивается методологической и теоретической обоснованностью работы, использованием методов, адекватных сущности изучаемых явлений, цели и задачам исследования, эмпирической проверкой гипотез, количественным (с применением методов математической статистики) и качественным анализом эмпирического материала.

Математическая обработка данных проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни с использованием пакета статистической обработки данных SPSS 20.

Эмпирическая база и этапы исследования: всего в исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 30 до 55 лет (из них 9 мужчин и 51 женщина). Были опрошены сотрудники различных организаций: МБДОУ № 225, МБОУ СОШ № 93, МБОУ СОШ № 61, МБОУ СОШ № 103 г. Ростова-на-Дону.

Исследование включало следующие этапы:

1-й этап – изучение состояния проблемы и степени ее актуальности, определение целей, гипотез и задач исследования, подбор методов и методик научного исследования.

2-й этап – психодиагностическое исследование уровня общительности, коммуникативного контроля, индивидуальной предрасположенности к речевой тревожности, стратегий смыслопередачи педагогов.

3-й этап – обработка и анализ полученных результатов.

Рассмотрим результаты исследования особенностей коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Для изучения уровня коммуникативного контроля в данном исследовании использовалась методика, разработанная Марионом Снайдером. Согласно М. Снайдеру, люди с высоким коммуникативным контролем постоянно следят за своей речью и поведением, хорошо осведомлены, где и как себя вести. Они хорошо управляют своими эмоциональными проявлениями. Вместе с тем они испытывают значительные трудности в спонтанности самовыражения, не любят непрогнозируемых ситуаций. Люди с низким коммуникативным контролем непосредственны и открыты, но могут восприниматься окружающими как излишне прямолинейные и навязчивые.

В результате исследования установлено, что у большинства педагогов доминирует средний уровень коммуникативного контроля (75%). Мы можем сказать, что большинство представителей этой профессии в разных ситуациях и с разными людьми могут вести себя по-разному. Они могут проявлять дружелюбие к тем людям, которые им не нравятся; в социальных контактах, чтобы преуспеть в делах и отношениях с людьми, педагоги могут быть демонстрировать себя такими, какими их хотят видеть. Характерным для педагогов является такое свойство, как отстаивание своих убеждений и мнений.

Далее исследование проводилось при помощи методики «Карта контроля состояния речи». Методика позволяет оценить индивидуальную предрасположенность к речевой тревожности, выходящей за пределы средних нормативных показателей. Она построена на показателях самооценки, что дает возможность контролировать и корректировать свое собственное речевое поведение. В результате проведенного исследования в группе педагогов были обнаружены особенности. У педагогов преобладает низкий уровень общей речевой тревожности. Сходные данные получены по всем трем шкалам методики. По шкале «Направленность тревоги на речь» установлено, что в группе педагогов преимущественно низкий уровень тревожности. Это свидетельствует о высоком развитии речевого навыка у представителей этой профессии. По мнению педагогов, их речь производит хорошее впечатление. Они свободно могут поддерживать разговор, их легко и приятно слушать. Результаты исследования по шкале «Направленность тревоги на общение» показали, что у большинства исследуемых низкий уровень речевой тревожности, связанный с общением. Качественный анализ полученных данных по этой шкале выявил следующие особенности: педагоги легко разговаривают почти со всеми, им легко смотреть на слушателей при разговоре, их не пугают мысли о необходимости говорить в общественных местах, перед большой группой людей. Некоторым испытуемым трудно говорить с начальником, знакомить людей друг с другом и начинать разговор с незнакомым человеком. Полученные данные по шкале «Направленность тревоги на уверенность в себе» показали, что среди педагогов преобладает низкий уровень речевой тревожности. Качественный анализ полученных данных позволяет говорить о том, что большинство педагогов уверены в своей речи, практически не нервничают, когда говорят. При обсуждении каких-либо вопросов в группе они активны, часто спрашивают, не боятся уточнять информацию и участвовать в процессе.

Результаты исследования по методике «Стратегии смыслопередачи» позволили установить, что в группе педагогов преобладают уравновешенная (41%) и когнитивно-доминирующая (32%) стратегии, что характеризуется высокими показателями вербальной активности в процессе общения. Активная стратегия смыслопередачи ярко выражена у 18% испытуемых. Эмоционально-доминирующая стратегия у педагогов встречается реже (всего 9%).

Далее был проведен анализ показателей испытуемых по использованию поведенческих (невербальных) и речевых (вербальных) актов в общении. Невербальная активность у большинства педагогов (68%) находится на среднем уровне, а вербальная активность у 50% педагогов находится на среднем уровне, у 46% – на высоком. Эти данные позволяют нам констатировать тот факт, что педагоги в общении с воспитанниками предпочитают использовать рациональные и убеждающие методы воздействия.

При качественном анализе ответов испытуемых выявлено, что большинство педагогов оценивают свою речь, как четкую, внятную и понятную. Представители этой профессии редко употребляют в своей речи жаргон, профессиональный и молодежный слэнг, ненормативную лексику, слова-паразиты. Эмоциональность в голосе, интонации чаще преобладает над активной жестикуляцией и мимикой, движения менее эмоциональны. С партнером обязательно устанавливается контакт глаз, люди этой группы владеют приемами активного слушания и высоко ориентированы на то, чтобы смысл их слов был понятен партнеру. Речь цельная, логичная, мысли излагаются связно и последовательно. Очень большое внимание уделяется правильному построению предложений и всей речи в целом. Не менее важным выступает соответствие своего внешнего вида социальным требованиям. Прикосновения к партнеру достаточно редки, большинство считает их неуместными. Касаться себя во время разговора для них более допустимо, но в основном контролируется.

Выявленные в ходе исследования стратегии смыслопередачи позволили нам разделить выборку на четыре группы. В первую группу вошли учителя и воспитатели с когнитивно-доминирующей стратегией (32%), вторую группу составили педагоги с уравновешенной стратегией (41%), в третью группу вошли испытуемые с активной стратегией (18%), в четвертую группу были включены опрашиваемые с эмоционально-доминирующей стратегией смыслопередачи (9%). В ходе математического анализа (использовался U-критерий Манна–Уитни) были установлены особенности коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи. Педагоги с когнитивно-доминирующей стратегией отличаются от педагогов с уравновешенной стратегией по шкале «Направленность тревоги на речь» ($U = 143,0$ при $p = ,022$, $n_1 = 19$, $n_2 = 25$). Полученные данные говорят о том, что педагоги с когнитивно-доминирующей стратегией склонны оценивать качество своей речи ниже, чем коллеги с уравновешенной стратегией. Они считают, что их речь смущает собеседников, она не производит хорошего впечатления. Эти данные можно объяснить завышенными требованиями к качеству своей речи.

В ходе исследования установлено, что учителя и воспитатели с когнитивно-доминирующей стратегией отличаются от педагогов с активной стратегией по показателю «коммуникативный контроль» ($U = 46,5$ при $p = ,01$, $n_1 = 19$, $n_3 = 11$). Полученные результаты позволяют отметить, что педагоги с когнитивно-доминирующей стратегией отличаются более высоким уровнем коммуникативного контроля. Учителя и воспитатели этой группы легче входят в любую роль, гибко реагируют на изменения ситуации, хорошо чувствуют, какое впечатление они производят на окружающих.

Выявлены также различия по этой же шкале между группами педагогов с когнитивно-доминирующей и эмоционально-доминирующей стратегиями смыслопередачи ($U = 0,0$ при $p = ,00$, $n_1 = 19$, $n_4 = 5$). Педагоги с эмоционально-доминирующей стратегией отличаются более высоким уровнем коммуникативного контроля, а значит, они могут быстрее реагировать на изменяющуюся ситуацию и легко адаптироваться к ней, менять свое поведение и следить за тем, как оно воспринимается другими.

Не выявлены различия в коммуникативном контроле и тревожности между группами педагогов с уравновешенной и активной стратегией.

По показателю «коммуникативный контроль» и по шкале «Направленность тревоги на общение» педагоги группы с эмоционально-доминирующей стратегией отличаются от педагогов с уравновешенной и активной стратегиями. Так, исследуемые с эмоционально-доминирующей стратегией отличаются от педагогов с доминирующей уравновешенной ($U = 7,5$ при $p = ,01$, $n_2 = 25$, $n_4 = 5$) и активной стратегиями ($U = 0,0$, при $p = ,00$, $n_3 = 11$, $n_4 = 5$) тем, что в большей степени следят за выражением своих эмоций и соотносят свои реакции с поведением окружающих людей. По шкале «Направленность тревоги на общение» педагоги группы с эмоционально-доминирующей стратегией в меньшей степени склонны тревожиться в общении с субъектами образования в отличие от коллег с уравновешенной ($U = 22,5$ при $p = ,022$, $n_2 = 25$, $n_4 = 5$) и активной ($U = 0,0$ при $p = ,00$, $n_3 = 11$, $n_4 = 5$) стратегиями.

Таким образом, в ходе исследования выявлены значимые различия в проявлениях тревожности и контроля в коммуникации и общении у педагогов с разной стратегией общения. Педагоги с эмоционально-доминирующей стратегией склонны оценивать у себя меньшую тревожность и способность лучше контролировать свое поведение и эмоции в общении с окружающими людьми. Такие противоречивые данные можно объяснить тем, что в процессе профессионального становления педагогам с эмоционально-доминирующей стратегией чаще приходилось обращать внимание на свое невербальное поведение и выражение эмоций и «перестраивать» свое поведение, использовать осознанно свои актерские способности, спонтанность и эмоциональность.

Литература

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Ермаков П.Н. Технологии направленной трансляции смыслов в практике учебного процесса. М. : Кредо, 2016. С. 234.
2. Белоусова А.К. Смыслопередача и ее роль в образовании совмещенной психологической системы // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 22–27.
3. Белоусова А.К., Суроедова Е.А. Стратегии смыслопередачи студентов в процессе общения // Известия ЮФУ. Педагогические науки. 2010. № 10.
4. Даутов Д.Ф., Суроедова Е.А. Феномены совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д : Издательский центр ДГТУ, 2012.

THE PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE CONTROL AND ANXIETY OF TEACHERS WHO HAVE DIFFERENT STRATEGIES OF MEANING TRANSFER

Suroedova E.A., candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the department of educational psychology and organizational psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: suroedova@mail.ru

Abstract. The article discusses the peculiarities of perception and control of teachers with different strategies of meaning transfer in the process of communication. The conducted study demonstrates the difference between the teachers who have emotional-dominant strategy of meaning transfer and the teachers who use other strategies with lower anxiety level and high indicators of communicative control in the communication process.

Keywords: stylopidae; communication; control; anxiety; strategy stylopidae; teachers.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОДИТЕЛЕЙ ЧЕРКЕССКИМИ СТАРШИМИ ПОДРОСТКАМИ

А.И. Ташева, Р.А. Шаова

Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: annaivta@mail.ru; rshaova@list.ru

Аннотация. Описываются основные подходы к исследованию детско-родительских отношений в отечественной и зарубежной психологии, их диагностика, в частности, когнитивная составляющая этих сложных отношений – особенности восприятия подростками родителей.

Ключевые слова: этнические особенности; старшие подростки; черкесские старшие подростки; восприятие родителей; детско-родительские отношения.

Введение. Согласно представлениям отечественных и зарубежных психологов, подростковый период определяется как один из самых сложных, конфликтных, с одной стороны, и как существенно определяющий дальнейший путь развития старшего подростка, с другой стороны.

Проблема детско-родительских отношений достаточно актуальна. Восприятие родителей черкесскими старшими подростками весьма своеобразно, прежде всего в связи с их этническими и половыми различиями. Анализ таких исследований показывает, что авторы расширили область исследования восприятия родителей старшими подростками. Однако в отечественной психологической литературе детско-родительские отношения, как правило, исследуются вне контекста национальной принадлежности респондентов. К сожалению, работы о своеобразии восприятия подростками родителей в контексте национальной принадлежности редки, нам удалось обнаружить 24 отечественных и зарубежных источника, посвященных особенностям личности старших подростков, 18 источников, посвященных личностным особенностям черкесских старших подростков и всего лишь 21 источник о восприятии родителей старшими подростками. По сути, это работы, посвященные «подросткам прошлого столетия», жившим в ином обществе, имевшим иные представления и социальные нормы.

Таким образом, образ родителей в восприятии старшими подростками разных этнических групп недостаточно изучен, в то время как знание этих особенностей необходимо при консультировании по проблемам трудностей старших подростков в семейных отношениях вообще и детско-родительских в частности.

Обзор литературы. Известно, что ведущая роль в полноценном развитии психики подростка и его личности принадлежит родителям. В след за К.Д. Ушинским В.Н. Голубева, О.А. Карabanова, Э.Г. Эйдемиллер А.И. Ташева, М.В. Яремчук и другие авторы полагают, что родители не только ориентируют молодое поколение на подготовку к жизни, но и обеспечивают его полноценное проживание в соответствии с возрастными особенностями [2, 3, 6, 7, 9, 10].

Исследователи справедливо полагают, что в отношениях с детьми отцам в большей степени свойствен инструментальный стиль общения; они менее эмоциональны, более озабочены социальной успешностью своих детей, а не их психическим состоянием; отцы более «рассудочны» в решении проблем детей и более «жестки» в разрешении детско-родительских конфликтов. Матерям же в подобных отношениях присуща экспрессивность. Они эмоциональнее реагируют на успехи и неудачи детей, более чутки к их психическому состоянию. В отличие от отцов, мам в большей мере волнует здоровье детей, а не их социальные успехи. При разрешении конфликтных ситуаций матери, по мнению психологов, чаще используют стратегию компромиссов [2, 3, 6, 7, 9, 10]. Интересным показалось то, что М.Ю. Уранокова в своей работе отмечает национальный аспект черкесского народа и пишет, что ответственность за воспитание ребенка до подросткового возраста несет именно мать, затем эти функции плавно переходят к отцу, если в семье растет мальчик. В воспитании девочки отец принимает скорее опосредованное участие. Мать обсуждает с ним ключевые моменты воспитания девочки, но отец старается не вмешиваться в этот процесс по поводу и без повода [8].

Исследователи считают, что отношения отцов с подростком строятся на принципах равенства и партнерства, а матери – на основе требовательности и контроля. Подростки оценивают свои отношения с отцом как отношения сотрудничества, в то время как отношение матери воспринимается как контролирующее, которое проявляется в опеке, ограничениях [6, 9].

По мнению О.А. Карabanовой, М.В. Яремчука, причинами конфликтов в подростково-родительских отношениях являются согласие или несогласие между родителями в вопросах воспитания, использование эффективной системы наказаний и запретов [3, 10]. Авторы доказывают, что лучшим гарантом хорошего самообладания и адекватного поведения подростков служит умение родителей владеть собой. В основном дети воспроизводят те модели выражения или подавления гнева, которым следуют их близкие.

Как свидетельствует консультативная практика, родители и подростки плохо знают истинные причины своей неудовлетворенности взаимоотношениями и лишь констатируют внешние проявления конфликтов, не понимают истинного состояния близкого человека, зачастую искажая мотивы его поведения, что, несомненно, отягчает состояние участников конфликта и в еще большей мере усугубляет конфликт [6].

Б. Бгъажнокъуэ подчеркивает, что взаимоотношения родителей определяют поведение их детей, так как последние берут пример со своих родителей [1]. Согласно обычаем, если ребенок соблюдал «адыгэ намьыс» (адыгейский этикет), то его останавливали на улице, спрашивали, из какого он рода, как его фамилия, и публично хвалили его за это.

По мнению многих психологов и философов, в основе человеческих взаимоотношений, в конечном итоге, лежит взаимная любовь родителей и детей. Но в то же время, по «хабзэ», свою нескрываемую любовь должна проявить не мать, а, наоборот, ее дети: девочки – не скрывая, открыто, нежно и любезно; мальчики – более сдержанно, без видимого восторга, по-мужски [1, 2, 8].

В черкесских семьях отношение строится по принципу «доминирования и подчинения». Подростки должны считаться с интересами родителей и соблюдать любое решение родителей, получая тем самым эмоциональную поддержку родительского отношения, что в значительной степени предопределяет благополучие психологического развития ребенка [8].

Мать должна создавать психологически комфортные условия в семье, подмечать любые нюансы в настроении домочадцев и реагировать на них [1]. Доминирование отца в традиционной черкесской семье, как правило, является ответственным и авторитетным. Ответственное доминирование отца проявляется в его строгости и справедливости, обоснованности требований, чувстве такта, способности обеспечивать стабильное и устойчивое развитие семейной системы.

Почувствовав себя физически плохо, девушки обращаются к матерям, так как традиционно женщина с детства усваивает эмпирические знания о типичных заболеваниях, приобретает навыки ухода за больными [1, 4, 8]. Именно женщины с древних времен и до наших дней на дому, как правило, с помощью трав, растираний, массажа и традиционных ими самими изготовленных лекарств успешно лечат корь, ветрянную оспу, желудочно-кишечные расстройства и прочие заболевания, а также с помощью молитв снимают «дурной глаз». Эти и иные традиции сохраняются народами Северного Кавказа веками.

Восприятие родителей черкесскими подростками носит своеобразный характер. С большим доверием старшие подростки относятся к родителям. Отец и мать для черкесских подростков выступают в качестве идеала совершенного человека. Общение родителей и детей способствует взаимопониманию между ними, является важнейшим средством сближения старших с подрастающим поколением [1]. Родители стараются не показывать посторонним людям и старшим родственникам свои чувства к собственным детям. По черкесским обычаям, запрещается физически наказывать своих детей, оскорблять их достоинство. Подростки знают, что родителям нельзя их хвалить на людях, но при этом они понимают, какую гордость и моральное удовлетворение получают родители, когда дочь или сын совершают хороший поступок.

Вместе с тем опыт работы с жертвами теракта в Беслане свидетельствует, что вековые воспитательные традиции народа, система родительско-детских отношений и, следовательно, восприятие этих отношений подростками могут трансформироваться в результате тяжелой трагедии [5]. Данное явление было описано А.И. Ташевой как симптомы вторичного плана посттравматического синдрома заложничества. После теракта осетинские подростки и юноши стали публично демонстрировать нигилизм по отношению к своим родителям, старшим сиблингам, посторонним взрослым. Например, подростки перестали вставать, когда старший по возрасту мужчина заходил в комнату и когда за праздничным столом взрослый говорил тост. Осетинские подростки впервые стали публично спорить с отцами, грубить родителям, отстаивая перед отцом собственные интересы; дети с семи лет перестали принимать поручения от своих старших братьев, сестер и даже взрослых и т.д. Трансформировался и характер общения в осетинских семьях: из закрытого – в открытое. В традиционных осетинских семьях прежде было не принято делиться чувствами, информацией о состоянии здоровья друг друга, причем этот закрытый тип общения предписывался и мужчинам, и женщинам. Но после сентябрьских событий 2004 г.а в Беслане и Северной Осетии в целом общение в семьях от закрытого, монологического стало меняться на более открытое, диалогическое.

К изложению результатов эмпирического исследования проблемы восприятия черкесскими подростками обоого поло их родителей обратимся ниже.

Методология и результаты. Предметом данного исследования стало изучение особенностей восприятия старшими подростками своих матерей и отцов.

Объектом исследования явились 40 старших подростков, обучающихся в лицее-интернате аула Хабез Карачаево-Черкесской Республики. Критерием разделения выборки на две равные группы явилась половая принадлежность респондентов: в первую группу вошли мальчики, во вторую – девочки.

Опрашиваемые заполняли опросники А.И. Ташевой «Атрибутивное сопровождение общения» (АСО) и «Ретроспективная рефлексия конфликтов» (РРК). Статистический анализ полученных данных осуществлялся с помощью U-критерия Манна–Уитни и углового преобразования Фишера.

Результаты исследования по опроснику «АСО»: U-критерий Манна–Уитни позволил обнаружить, что матерей как личностей девочки значимо чаще мальчиков описывают большим количеством характеристик ($U = 95,5$, $Z = -2,7$ при $p = 0,008$), а также значимо чаще используют при этом физические ($U = 119,5$, $Z = -2$ при $p = 0,04$) и позитивные ($U = 86,5$, $Z = -2,9$ при $p = 0,004$) характеристики. Полагаем, что такие данные воспроизводят традиционные национальные ценности, установки, отраженные в вековом эпосе, сказках, песнях и танцах народа, а также вид нынешней преимущественной социальной активности родителей респондентов, связанный

с современными традициями черкесов: мужчины в наши дни, как правило, занимаются крупными хозяйственными семейными делами (постройка или ремонт дома, его охрана, разовые строительные работы по заказу), а женщины представляют семью в социуме и организуют межличностные отношения в простой и расширенной семьях, лечат и выхаживают заболевших домочадцев.

Матерям и отцам как субъектам конфликтного поведения мальчики и девочки приписывают физические, социально-психологические и психологические характеристики. При этом мальчики матерям и отцам чаще атрибутируют социально-психологические ($0,9 \pm 0,1$ и 1 ± 1) характеристики, а девочки матерей преимущественно социально-психологическими ($1 \pm 0,8$) характеристиками, а отцов – социально-психологическими ($0,6 \pm 0,7$) и психологическими ($0,6 \pm 0,8$) характеристиками. На наш взгляд, такие данные свидетельствуют о более развернутом, индивидуальном, более точном восприятии подростками отцов, чем мам. Ведь именно отцы сейчас существенно больше времени проводят с детьми, а большинство матерей трудятся вне дома полный рабочий день.

Интересным оказался и тот факт, что в числе статистически достоверных характеристик восприятия родителей черкесскими старшими подростками не оказалось социально-экономических характеристик. Это может показаться странным применительно к современным подросткам, однако у авторов данной статьи есть объяснение этому факту. В традиции черкесского народа материальное благополучие не является самой большой ценностью. Кроме того, средний уровень достатка семей наших респондентов, проживающих в разных горных аулах Карачаево-Черкесии, примерно одинаков, поэтому «выхвалиться» подобным образом здесь, собственно, не принято и не приходится. Такое поведение осмеивается окружающими.

При описании обоих родителей подростки используют преимущественно положительные характеристики, а негативные и нейтральные характеристики используют очень редко (в 10% случаях). При этом девочки положительные характеристики используют при описании матери ($3,1 \pm 1,6$) и отца ($2,8 \pm 1,8$), делают они это несколько чаще мальчиков ($1,6 \pm 1,2$ и $1,6 \pm 1,3$). Следовательно, подросткам обоего пола, но девочкам в большей степени, важны в их мамах особенности, обеспечивающие возможность взаимодействовать с ними, и индивидуальные психологические характеристики матерей.

При описании родителей как субъектов конфликтного поведения старшие подростки чаще дают положительные характеристики, однако доля негативных характеристик в данном случае заметно возрастает и наблюдается уже в 53% случаях. Причем, описывая своих матерей как субъектов конфликтов, старшие подростки негативные характеристики используют чаще, чем при описании отцов.

Мать как субъект конфликтного поведения девочки описывают с помощью социально-психологических характеристик, отца – преимущественно социально-психологическими и психологическими характеристиками. Очевидно, что своих отцов девочки знают лучше, чем мам: ведь, с одной стороны, согласно черкесскому этикету, именно девочки максимум времени должны проводить дома; с другой стороны, частое отсутствие постоянной работы для мужчин в аулах и существенно значимая трудовая востребованность женщин вынуждают именно отцов быть преимущественно дома, занимаясь вместе с дочерьми хозяйством и бытом.

При описании родителей как личностей подростки используют преимущественно положительные характеристики, а негативные и нейтральные характеристики применяют редко. Черкесский этикет априорно предписывает уважительное (позитивное) отношение к родителям и категорически табуирует иное отношение к ним.

Родителям как субъектам конфликтного поведения подростки чаще приписывают положительные характеристики, однако число негативных характеристик заметно возрастает при описании матерей. Предписываемое позитивное отношение к родителям касается всех сторон жизни черкесов, включая конфликтное взаимодействие детей с ними; однако чаще отсутствующим дома матерям подростки, к сожалению, статистически достоверно чаще атрибутируют негативные черты. Возможно, последнее обстоятельство свидетельствует о когнитивном диссонансе, инициированном расхождением национальных традиций поведения женщин в семье и реалий современной жизни в черкесских аулах.

Результаты исследования по опроснику «РПК». Мальчики в качестве причин своих конфликтов с матерью чаще называют ее неадекватную самооценку ($\varphi = 2,03$ при $p = 0,02$); а причинами ссор с отцами – претензии пап на абсолютное лидерство в семье ($\varphi = 1,95$ при $p = 0,03$). Мы связываем это с тем, что в подростковом возрасте мальчики не хотят подчиняться своим отцам, потому что чувствуют, что они сами повзрослели («уже не дети, чтобы ими помыкали»). При этом не принято высказывать вслух свое несогласие: мальчики чаще переживают несогласие внутри (чувствуют, но вслух не возражают отцам). Такое поведение предписывают традиции: ведь они должны быть мужественными и закрытыми.

Девочки в качестве причин ссор с родителями чаще называют непонимание мотивов и желаний друг друга ($\varphi = 1,95$ при $p = 0,03$), неудовлетворенность психологической близостью с отцом ($\varphi = 2,14$ при $p = 0,02$), недостаточную эмоциональную поддержку со стороны отца ($\varphi = 2,14$ при $p = 0,02$) и злоупотребление отцом алкоголем ($\varphi = 2,03$ при $p = 0,02$). Девочкам важно выражать свои чувства, поэтому именно они, чувствуя эту потребность, выражают ее родителям.

По мнению старших подростков, матери чаще всего проявляют такие способы поведения в ссорах, как несдержанность и агрессия, а отцы, по мнению мальчиков, в подобных ситуациях чаще проявляют жесткость в поведении, девочки же чаще замечают, что их отцы в большей мере несдержанны.

При назревании конфликта мальчики чаще девочек просят у матери прощения ($\varphi = 2,52$ при $p = 0,008$). В качестве препятствий, мешающих предотвратить конфликт с отцом, мальчики чаще девочек указывают на свои неприятности в школе ($\varphi = 2,52$ при $p = 0,008$) и свое отношение к семейным обязанностям ($\varphi = 2,41$ при $p = 0,01$), а девочки чаще мальчиков полагают, что сохранить мир в семье мешает плохой характер их отцов ($\varphi = 2,47$ при $p = 0,009$).

В ссоре с отцами мальчики чаще девочек считают себя инициаторами ссор ($\varphi = 2,01$ при $p = 0,03$), а девочки чаще мальчиков указывают на отцов как инициаторов ссор с ними ($\varphi = 2,01$ при $p = 0,03$).

В ссорах с отцами мальчики чаще, чем девочки, правыми считают себя ($\varphi = 3,17$ при $p = 0,002$), а девочки – отцов ($\varphi = 3,51$ при $p = 0,0006$). Мальчики чаще полагают, что их отцы при этом кричат ($\varphi = 4,23$ при $p = 0,0001$), а девочки утверждают, что папы во время ссор чаще расстраиваются ($\varphi = 2,14$ при $p = 0,02$). Старших подростков обижают придирки матерей, или же они утверждают, что их в поведении матерей и отцов ничто не обижает. Матерей же, по мнению старших подростков, обижает их непослушание и невыполнение детьми своих обязанностей. Отцов, по мнению подростков, обижает невыполнение подростками своих обязанностей.

В качестве вопроса, который должны были решить мать и старший подросток в ходе конфликта, чаще всего подростки упоминают необходимость попросить прощения, непослушание, невыполнение обязанностей и безответственность за поступки. В конфликте с отцом старшие подростки чаще полагают, что они должны были решить вопрос, связанный с принятием ответственности за свои поступки. Причем в конечном итоге все эти вопросы так или иначе решаются и с матерями, и с отцами.

Наиболее часто причинами эффективного взаимодействия с мамами старшие подростки считают удачное стечение обстоятельств и свое стремление лучше выполнить свои семейные обязанности. Юные черкесы знают, что ссор с отцами можно избежать, стремясь лучше выполнять свои семейные обязательства, а также при наличии у отцов дополнительных заработков. Черкешенки же считают, что причинами эффективного взаимодействия с отцами в большей степени являются стремление лучше выполнить свои семейные обязательства и удачное стечение обстоятельств, что значительно чаще наблюдают девочки.

Представленные данные в целом соответствуют литературным данным, но имеют выраженное своеобразие, обусловленное национальными традициями черкесов и полом подростков. Отец и мать для черкесских подростков всегда выступают в качестве идеала совершенного человека, и дети стараются уважительно и с почтением относиться к ним. Отношения с родителями строятся по принципу «доминирования и подчинения», что вызывает больше конфликтных ситуаций с матерью, чем с отцом. Ведь авторитарное мнение отца сопровождает черкесских детей в течение всей их жизни. Если подросток считается с интересами отца, исполняет любое его решение, он получает эмоциональную поддержку отцовского отношения. Как отмечалось выше, черкесские дети в наши дни реже видят своих матерей – им реже приходится реализовывать требования матери. По сути дети проявляют при этом гораздо меньшую толерантность к мамам, чем к папам, поэтому именно с мамой они чаще и ссорятся. Отмеченное в значительной степени предопределяет благополучие психологического развития ребенка.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

1. Особенности восприятия родителей черкесскими подростками носят своеобразный характер: старшие подростки относятся к родителям с большим доверием, отец и мать для подростков выступают в качестве идеала совершенного человека, общение родителей и подростков часто является глубоким и доверительным, что, по мнению этнографов, способствует достаточному взаимопониманию в семье и является важнейшим средством дальнейшего сближения членов семьи.

2. При описании матери как личности мальчики дают преимущественно социально-психологические и психологические характеристики, а девочки приписывают мамам физические, социально-психологические и психологические характеристики.

3. При описании матери и отца как субъектов конфликтного поведения мальчики приводят чаще всего социально-психологические характеристики.

4. Мать как субъект конфликтного поведения девочки описывают с помощью социально-психологических характеристик, отца – преимущественно социально-психологическими и психологическими характеристиками.

5. При описании родителей как личностей подростки используют преимущественно положительные характеристики, а негативные и нейтральные характеристики используют редко.

6. Родителям как субъектам конфликтного поведения подростки чаще приписывают положительные характеристики, однако число негативных характеристик заметно возрастает при описании матерей.

Полученные нами эмпирические данные могут использоваться для лучшего понимания особенностей восприятия родителей черкесскими старшими подростками, своеобразия детско-родительских конфликтов в этот возрастной период.

Использованные в работе методики могут применяться для диагностики особенностей восприятия старшими подростками себя и родителей как личностей и как субъектов конфликтов.

Таким образом, национальные традиции в отношениях «дети–родители» и, в частности, качество восприятия родителей подростками являются мощным психологическим ресурсом современных семей, определяющим качество жизни и здоровья всех поколений в них и, следовательно, – страны в целом.

Авторы планируют проведение сравнительного исследования восприятия родителями старшими подростками у других представителей Северного Кавказа и у респондентов разных возрастных групп.

Литература

1. Бгъажьнокъуэ Б. Адыгэ Хабзэ шIэин (Адыгский этикет) // Материалы научно-практической конференции. Нальчик : АГУ, 2010. № 1. С. 50–55.
2. Голубев В.Н. Особенности детско-родительских отношений в старшем юношеском возрасте // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2010. С. 293–302.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2004. 320 с.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М. : Аспект-Пресс, 2004. 368 с.
5. Ташева А.И. Опыт лонгитюдной помощи жертвам теракта в Беслане // Психолого-педагогические особенности семьи XXI века / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра, 2016. С. 102–113.
6. Ташева А.И., Исаева Л.В. Субъективная картина конфликтов в диаде «подросток–родитель» // Психологический вестник РГУ. 1999. Вып. 4, ч. 1–2. С. 162–169.
7. Ташева А.И., Шаова Р.А. Отношение подростков к себе и восприятие ими родителей // Сб. науч. трудов Междунар. конф. студентов / отв. ред. В.О. Имеев. Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2015. С. 186–194.
8. Унарокова М.Ю. К истории изучения черкесского этикета // Материалы науч.-практ. конф. Майкоп : АГУ, 2010. № 1. С. 116–123.
9. Эйдемиллер Э.Г. Детско-родительские отношения в подростковом возрасте // Родители и дети: психология взаимоотношений : сб. ст. / под ред. Е.А. Савиной, Е.О. Смирновой. М. : Когито-Центр, 2012. С. 126–136.
10. Яремчук М.В. Исследование особенностей привязанности в детско-родительских отношениях в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 144–153.

ETHNIC PECULIARITIES OF PARENTS' PERCEPTION BY CIRCASSIAN OLDER TEENAGERS

Tashcheva A.I., PhD in psychology, associate professor of social psychology and personality psychology, AMS SFU, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: annaivta@mail.ru

Shaova R.A., master's student, AMS SFU, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: rshaova@list.ru

Abstract. This article considers the parent's perception by Circassian older teenagers due to their gender. The image of the parents in the perception of older adolescents from different ethnic groups is not well studied, while knowledge about this is necessary for psychological counseling with teenagers, their parents and teachers. In this study we conducted a survey of 40 of Circassian older teenagers, developed a set of measures to study the perception of parents, and performed qualitative-quantitative and statistical analysis of the results. The study showed that the parent's perception by Circassian older adolescents is affected by gender, nationality and age of the respondents. Namely:

1. In the description of mothers as individuals, the boys note mostly socio-psychological and psychological characteristics, while girls attribute to their mothers physical, socio-psychological and psychological characteristics.
2. When describing mothers and fathers as subjects of conflict behavior the boys mention socio-psychological characteristics.
3. When describing mothers as subjects of conflict behavior the girls mention socio-psychological characteristics; when describing fathers as subjects of conflict behavior the girls mention mainly socio-psychological and psychological characteristics.
4. In the descriptions of parents as individuals, the teenagers use mainly positive characteristics; negative and neutral characteristics are rarely used.
5. To the parents as subjects of conflict behavior, the teenagers attribute positive characteristics, however is noted that the number of negative characteristics gets higher in the description of mothers.

The results of the study can be used to better understand the perception of parents by Circassian older adolescents, the uniqueness of the child-parent conflicts, and ways to resolve them. The methodological measures could be used to diagnose the perception of Circassian older adolescents of themselves and their parents as personalities and subjects of conflict.

Keywords: ethnic characteristics; older adolescents; Circassian older teens; the perception of parents; child-parent relations.

УДК 159.9.07

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЙ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Ю.А. Тушнова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: trubulya@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей репрезентации сферы общественной активности в системе значений предметного слоя образа мира студентов арабской, армянской и русской национальностей. Методологическим обоснованием исследования выступает концепция психологических систем, в рамках которой образ мира понимается как субъективная компонента, посредством которой происходит обретение мерностей мира. Используя свободный ассоциативный эксперимент, автор описывает

особенности репрезентации сферы общественной активности в системе значений студентов, которые могут моделировать собственную специфику образа жизни исследуемых групп.

Ключевые слова: образ мира; предметный слой образа мира; значение; ассоциативный эксперимент.

Введение. На сегодняшний день поликультурность является неотъемлемой характеристикой образования (И.С. Бессарабова, Е.В. Goverдовская, Ш.С. Демисенова, Л.Т. Зембатова, Г.В. Миронова, Ю.С. Свиридченко, Л.Л. Супрунова, Э.Р. Хакимов, О.Е. Хухлаев, О.В. Хухлаева, Н.А. Шоркина и др.), а следовательно, существует потребность в детальном изучении внутренних процессов и возникающих проблем поликультурного образования. В содержании образования в полной мере воспроизводится культурная специфика того сообщества, где находится образовательное учреждение, а также активно включаются культурные особенности иностранных обучающихся с целью повышения качества образования и эффективности адаптационных процессов.

Парадоксальность здесь заключается в том, что одновременно идут два противоположных процесса: с одной стороны процессы глобализации, интеграции, с другой – сохранения национального разнообразия народов, их этнической идентичности. Эта проблема отражена в трудах ряда ряд ученых (Ю.Г. Ершов, З.А. Жаде, О.В. Малюкова, И.Ю. Манакова, Ю.В. Мухлынкина, Л.В. Намруева, Ю.И. Перцева, Е.Б. Поканинова, Е.Б. Саиров, Г.Г. Салихов, И.С. Семененко, В.С. Степин, М.В. Ткачев, О.Н. Яницкий), она остается актуальной и на сегодняшний день.

Юг России – один из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов, в котором контактируют этносы и культуры, и одной из приоритетных сфер взаимодействия является сфера образования. Обращаясь к идее наличия в субъективном образе мира базовой и инвариантной частей (Ю.А. Гришенина, В.Е. Ключко, С.В. Лурье, С. Милграм, А.П. Наминач, А.С. Обухов, В.В. Панов, В.В. Петухов, В.В. Столин и др.), в контексте поликультурного образования актуальным становится сравнительное исследование особенностей образа мира студентов различных национальностей, которое позволит выявить возможные противоречия во взаимодействии представителей разных культур и наметить пути их решения.

Данное исследование репрезентации сферы общественной активности в системе значений студентов разных национальностей осуществлялось в рамках теории психологических систем [3, 8]. Построение образа мира – есть обретение человеком мерностей существующего мира: значений, смыслов, ценностей, которые организуют ценностно-смысловые и предметные составляющие образа мира [3, 8]. Таким образом, становление образа мира связано со становлением жизненного мира и образа жизни человека. В связи с этим, мы полагаем, что существование человека в инокультурной образовательной среде, приводит к трансформации предметного слоя образа мира в ходе усвоения новой системы значений многомерного мира и к обретению человеком новых смыслов и ценностей. Измененный образ мира неизбежно меняет характеристики активности человека в конкретных социальных и социально-психологических условиях, т.е. в целом его жизнедеятельность, тем самым оказывая влияние на формирование психологических особенностей у представителей различных этнических групп.

Обзор литературы. Образ мира определяется в психологии как целостное многоуровневое образование, выполняющее интегрирующую функцию по отношению к психической деятельности человека. Периферические слои образа мира включают перцептивные образы, ядро отражает глубинные связи человека с миром, т.е. отличие образа мира от совокупности перцептивных образов заключается в том, что первый представляет собой одновременно и цель, и результат. К исследованиям, в которых описывается структура образа мира можно отнести теории А.Н. Леонтьева, Е.Ю. Артемьевой, Д.А. Леонтьева, В.В. Петухова, В.Ф. Петренко, Е.А. Климова, В.П. Серкина, В.Е. Ключко.

А.Н. Леонтьев, обозначивший образ мира как психологическое образование, в его структуре выделял чувственную ткань (перцептивные образы), значения и личностный смысл [9]. Е.Ю. Артемьева понимает образ мира как «интегратор» следов взаимодействия человека с объективной действительностью, выстраивая трехуровневую системную модель образа мира «перцептивный мир – картина мира – образ мира» [2]. Д.А. Леонтьев, расширяя модель, предложенную Е.Ю. Артемьевой, вводит дополнительные подсистемы в структуру образа мира: перцептивный мир, психологические механизмы построения образа, семантический слой субъективного опыта (система значений), смыслы и ценности, рефлексии [10]. В.В. Петухов в исследованиях структуры образа мира предполагает наличие ядерных и периферических структур, концентрируя внимание на их содержании, не углубляется в дальнейшую структуризацию [13]. С.Д. Смирнов также указывает на наличие ядерных и периферических уровней образа мира, где ядерные уровни амодальны [14]. Построение образа мира, согласно С.Д. Смирнову, начинается с перцептивной деятельности, где познаваемые свойства объектов закреплены в значениях, языке, культуре. В.П. Серкин рассматривает многомерную квазипространственную проекцию образа мира, которая представляет собой многомерную сферу, структурированную по уровням функционирования форм значений в деятельности и по уровням обобщения. В трудах В.Е. Ключко составляющие образа мира рассматриваются через призму представлений о человеке как о «сложной, самоорганизующейся психологической системе» [7, с. 8], включающей в себя компоненты: субъективный (образ мира); деятельностный (образ жизни); многомерный мир.

В данной статье мы рассматриваем результаты исследования предметного слоя образа мира, отражающие специфику репрезентации сферы общественной активности в системе значений студентов разных национальностей. В процессе персонификации понятия, обозначающие предметы в конкретной культуре, становятся

системой значений человека, образуя предметный слой образа мира [6–8], выступающий как базовый. Исследуя систему значений, наполняющих предметный слой образа мира, мы неизбежно выходим на проблему понятийного мышления, мыслительных конструктов, концепта. М.А. Холодная трактует понятийное мышление как высшую форму интеллекта, являющуюся результатом интеграции более ранних форм познавательной деятельности [16]. Образ мира непрерывно трансформируется в результате познавательной деятельности, формирование понятийного мышления приводит к появлению новых механизмов познавательной деятельности, которые, в свою очередь, опять будут изменять образ мира.

Значения как составляющая образа мира так или иначе рассматриваются многими исследователями, занимающимися проблемами образа мира, его культурной и этнической специфики. Так, в исследованиях В.С. Мухиной, посвященных образу мира, образно-знаковые системы являются фактором, обуславливающим реалии бытия человека в определенной культуре [12]. Г.А. Берулава рассматривает значение как компонент формальной структуры образа мира, где содержательно оно представляет обобщенность образа мира. В психо-семантических исследованиях само построение образа мира есть «наполнение образа реальности значениями» [4]. А.К. Белоусова включает значения в потенциально активную область образа мира, возникающую в совместной деятельности как фиксатор смысла предметов и явлений, которые актуализируются в виде конкретных знаний партнеров о данной области мира [3]. Этот список можно продолжать.

В целом рассмотренные представления о структуре образа мира показывают, что неотъемлемым элементом его построения и функционирования является система значений, присущая определенной общности или культуре. Это обусловило актуальность исследования специфики поля значений, наполняющих сферу общественной активности в процессе взаимодействия студентов разных национальностей при обучении в вузе.

Помимо этого, исследования студенческого возраста показывают, что формообразующими факторами на обозначенном этапе являются принятие новой социальной роли студента и профессиональный выбор. В связи с этим приоритетными сферами жизнедеятельности студентов, конечно, будут выступать сфера образования и профессиональная сфера. Однако современная концепция высшего образования предполагает высокую социальную активность студентов. И.А. Зимняя одной из характеристик студенческого возраста называет высокую социальную активность и сочетание интеллектуальной и социальной зрелости [5]. К.А. Абульханова-Славская в рамках социальной обусловленности зрелых возрастов указывает на то, что содержание юности связано не только с профессиональным выбором, но и с развитием самосознания, выбором жизненного пути, общественной активностью [1]. Это обуславливает интерес к особенностям репрезентации сферы общественной активности в системе значений студентов разных национальностей.

Методология, результаты исследования. Целью исследования являлось изучение особенностей репрезентации сферы общественной активности в предметном слое образа мира студентов арабской, армянской и русской национальностей, обучающихся в вузах на территории Юга России. В качестве объекта исследования выступал предметный слой образа мира. Предметом исследования являлась специфика репрезентации сферы общественной активности в предметном слое образа мира студентов арабской, армянской и русской национальностей.

Выборку в нашем исследовании составили студенты арабской, армянской и русской национальностей, обучающиеся на территории ЮФО. Эмпирическое исследование проводилось на базе различных вузов г. Ростова-на-Дону. При определении численности выборки мы руководствовались статистическими критериями репрезентативности выборки испытуемых. Общий объем выборки составил 212 человек, всего три группы русской, армянской и арабской национальности. Выборка по каждой группе составила: 87 русских (41%; средний возраст = 20,5), 65 армян (30%; средний возраст = 20,5), 60 арабов (29%; средний возраст = 21,5), как мужчин, так и женщин. Испытуемые во всех трех группах принадлежали к одной социальной категории – студенты, возрастные границы 17–23 года.

Для определения этнической идентичности мы учитывали регистрационные данные при рождении испытуемого, такие как национальность испытуемого, национальность родителей, а также собственное мнение испытуемого о его принадлежности к определенной национальности. Ключевым в определении этнической принадлежности являлось собственное мнение испытуемого, согласно позиции социального конструктивизма [11].

Для исследования предметного слоя образа мира нами был выбран ассоциативный эксперимент А.А. Леонтьева (1997), Т.В. Попова (2011), Н.В. Уфимцева (2009), Р.М. Фрумкина (2003). При участии 3 экспертов к сфере общественной активности было подобрано 20 слов-стимулов. Проверка степени согласованности мнений экспертов при помощи коэффициента конкордации Кендалла показала, что при малом значении самого коэффициента $W = 0,219$, определение значимости при помощи χ^2 -критерия свидетельствует о высоком уровне значимости ($\chi^2 = 54,672$, $df = 2$, $p = 0,000$). Границы доверительного интервала для сферы общественной активности составили $2,9 > x_{cr} > 3,6$. Общее количество стимулов, подобранных к данной сфере – 20, с условным делением на группы: абстрактные понятия (активность, деятельность, счастье, общество, Родина, слава); понятия, обозначающие направления общественной активности (человек, планета, природа, страна, путешествие, управление); понятия, указывающие на объект общественной активности (жизнь, здоровье, поведение, привычки, уважение окружающих).

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Качественный анализ поля значений сферы образования позволил выделить типичные значения по категориям, сформулированным Н.В. Уфимцевой при исследовании

довании результатов массовых ассоциативных экспериментов, а именно «реалии», «оценки», «качества» и «действия»; нами была добавлена категория «персоналии» [15].

Система значений, репрезентирующих сферу общественной активности у студентов русской национальности, представлена следующими категориями: реалии – Россия (34), спорт (16), почет (14), труд (10), семья (9), успех (8), работа (8), отдых (7), деятельность (7), любовь (6); оценки – хорошее (11), плохое (10), крепкое (6), важно (3); действия – изменить (5); качества – крепкое (6), мое (3), физическое (3), умственное (2); персоналии – люди (23), мать (16), индивид (9), личность (8), существо (4), творец (3), человек (3).

Таким образом, типичными реалиями сферы общественной активности студентов русской национальности являются Россия (34), спорт (16), почет (14), труд (10), успех (8), отдых (7). Оценки представлены в дихотомии плохое (10) – хорошее (11), также оценивается важность (3) событий и ситуаций. В выделяемых качествах представлена пара физическое (3) – умственное (2), присутствуют качество принадлежности себе (мое (3)) и характеристика устойчивости (крепкое (6)). Действие сферы общественной активности представителей русской национальности представлено значением «изменить» (5). Персоналии данной сферы у русских в основном абстрактные (люди (23), мать (16), индивид (9), личность (8), существо (4), творец (3), человек (3)).

В сфере общественной активности предметного слоя образа мира студентов армянской национальности наиболее значимыми являются реалии: люди (27), жизнь (8), Армения (35), земля (24), мать (13); оценки: плохой (13), хорошее (5), отличное (2), правильное (6); действия: хочу (5); качества: мой (16), активный (7), большой (7), красивый (5), вредный (16), высокий (5), умный (4), детский (3), профессиональный (2), огромный (2); персоналии: люди (27), мать (13), народ (7), Бог (7), личность (5), я (5), директор (2).

В сфере общественной активности студентов армянской национальности доминируют реалии жизнь (8), Армения (35), земля (24). Оценки представлены дихотомией плохой (13) – хороший (5), а также положительными оценками отличное (2), правильное (6). Качества сферы общественной активности предметного слоя образа мира армян указывают на принадлежность (мой (16), детский (3), профессиональный (2)), величину (большой (7), высокий (5), огромный (2)), характеристики субъекта (активный (7), красивый (5), вредный (16), умный (4)). Типичным действием сферы общественной активности для армян является хочу (5). В качестве персоналий выступают конкретные (я (5), мать (13), директор (2)) и абстрактные персонажи (люди (27), народ (7), личность (5)).

В сфере общественной активности предметного слоя образа мира студентов арабской национальности наиболее значимыми являются реалии: успех (9); оценки: плохой (4), хороший (25), важно (11); действия: отсутствуют; качества: красивый (15), гражданская (7), прекрасный (2), умный (2); персоналии: люди (18), Бог (17), человек (13), я (2).

В сфере общественной активности студентов арабской национальности представлена одна реалья успех (9), что может свидетельствовать о недифференцированности данной сферы в предметном слое образа мира арабов. Доминирующими оценками в сфере общественной активности у представителей арабской национальности являются оценки важности (11) и дихотомия плохой (4) – хороший (25). Действия в данной сфере у арабов отсутствуют, что может свидетельствовать об отсутствии деятельностного, активного основания в данной сфере. Качества достаточно разнообразны и отражают характеристики субъектов и объектов данной сферы (красивый (15), гражданская (7), прекрасный (2), умный (2)). Персоналии в сфере общественной активности у представителей арабской национальности представлены абстрактные (люди (18), Бог (17), человек (13), я (2)). Представленные выше характеристики сферы общественной активности предметного слоя образа мира арабов могут говорить о малой значимости данной сферы.

Таким образом, репрезентацию сферы общественной активности студентов русской и армянской национальностей можно охарактеризовать как понятийно-оценочную с выраженным описательным и субъектным компонентами. Интересным является представленность деятельного аспекта глаголом «изменить» у русских и «хочу» у армян. Сферу общественной активности студентов арабской национальности можно назвать оценочно-описательной. Необходимо отметить, что дихотомия оценок «плохой – хороший» присутствует во всех трех группах.

В качестве перспектив исследования выступает дальнейший анализ систем значений общественной сферы, как то анализ направленности, типов семантических признаков и степени дифференцированности поля значений студентов русской, армянской и арабской национальностей, а также анализ конфигурации и содержания системы значений сферы общественной активности студентов русской, армянской и арабской национальностей, выделение сходных и диссоциирующих групп значений сферы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы в целом предполагают: расширение площадок исследования с целью охвата сети вузов ЮФО; включение в исследование дополнительных этнических групп; дополнение процедуры ассоциативного эксперимента различными жизненными сферами, более полно раскрывающими особенности образа мира студенчества; создание и апробацию программ, направленных на оптимизацию коммуникации в поликультурной образовательной среде вуза.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 229 с.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М. : Наука, Смысл, 1999. 350 с.

3. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д : Изд-во Гос. пед. ун-та, 2002. 360 с.
4. Берулава Г.А. Образ мира как мифологический символ : учеб. пособие для вузов. М. : Педагогическое общество России, 2001. 46 с.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М. : Логос, 2004. 384 с.
6. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 174 с.
7. Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. Вып. 8. С. 8–10.
8. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / под ред. Г.В. Залевского. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 154 с.
9. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М. : Смысл, 2007. 511 с.
11. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 623 с.
12. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. Воронеж : МОДЭК, 1999. 640 с.
13. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1984. № 21. С. 13–21.
14. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 231 с.
15. Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98–111.
16. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным особенностям. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2012. 288 с.

REPRESENTATION OF THE SPHERE OF SOCIAL ACTIVITY IN THE SYSTEM OF MEANINGS OF STUDENTS OF DIFFERENT NATIONALITIES

Tushnova Ju.A., PhD in psychology, associate professor, department of psychology of education and organizational psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: trubulya@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the features of the representation of the sphere of social activity in the system of values of the subject layer of the image of the world of students of Arabic, Armenian and Russian nationalities. The methodological basis for the study is the concept of psychological systems within which the image of the world is considered as a subjective component through which the world is measured. The value system represents the object layer. The formation of the image of the world is connected with the formation of the life world and the way of life of a person. In this regard, we believe that the existence of a person in an multicultural educational environment leads to the transformation of the object layer of the image of the world in the course of assimilation of a new system of meanings of a multidimensional world and to the acquisition of new meanings and values. The changed image of the world inevitably changes the characteristics of human activities in a specific social and socio-psychological conditions, that is, on the whole, its vital activity, thereby influencing the formation of psychological characteristics among representatives of different ethnic groups. In addition to the educational and professional activities that are predominant in adolescence, the personality fulfils itself as a member of different social groups, which explains the choice of the sphere of social activity for analysis. Using a free associative experiment, the author describes the features of the representation of the sphere of social activity in the system of values of students who can model their own specificity of the way of life among the groups participating in the study.

Keywords: image of the world; object layer of the image of the world; meaning; associative experiment.

УДК 159.9.07

ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.П. Федорова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия
E-mail: epfedorova@gmail.com

Аннотация. Представлено понимание жизнетворчества во взаимосвязи с инновационным потенциалом личности в русле идей системной антропологической психологии. Жизнетворчество рассматривается как процесс порождения человеком новых измерений. Представлены некоторые результаты эмпирического исследования, обнаруживающие взаимосвязь компонентов психологической готовности личности к инновационной деятельности и творческой стратегии жизненного самоосуществления, имеющего ценностные основания.

Ключевые слова: жизнетворчество; инновационный потенциал личности; жизненное самоосуществление; постнеклассический этап развития науки.

В настоящее время появляются новые исследования, направленные на выявление характеристик «творческой личности», «инновационного потенциала личности», «личностного ресурса», «креативности» – свойств

и характеристик личности, обеспечивающих ее конкурентоспособность. Востребованными оказываются особенности личности, обеспечивающие ее вхождение в «инновационные среды», качества и способности, позволяющие производить «инновационный продукт» в экономике. Поэтому проблема творческого отношения к собственной жизни в настоящее время рассматривается и вписывается в более широкий контекст – социально-экономическую ситуацию развития и функционирования общества в целом.

Дискуссия о том, может ли человек «преодолеть обстоятельства жизни» в социально-экономических и политических реалиях, обращена своей сутью к пониманию сущности человека: «потенциально человек может все; поэтому человеческая природа неопределима» (К. Ясперс, 1997), «человеческое бытие выступает как то единичное, в котором представлены, по крайней мере потенциально, весь мир, все сущее, все человечество» (С.Л. Рубинштейн, 1997), «жизнь характеризуется возможностью самосозидания, результатом творения себя непрерывно» (А. Бергсон, 2001) [1, 8, 9].

В ряде работ достаточно четко обозначена идея жизнетворчества, совершенствования себя как внутреннее движение человека. Так, С.Л. Рубинштейн утверждает: жизненный путь представляет собой творческую задачу рождения человеком «самого себя» – самоосуществление, созидание, реализация своего уникального бытия: «Человеческая жизнь выступает как “замысел” (вначале неосознанный), а затем – как его реализация» [8, с. 83]. В.Н. Дружинин отмечает в своей работе, относящейся к 2000 г., что достижение постиндустриального, информационного общества – это «свобода выбирать и конструировать собственный стиль жизни...», когда жизнь превращается в творческий процесс пересоздания самой жизни [3, с. 130]. Рассматривая в общем виде жизненные стратегии человека, исследователи выделяют два варианта жизни, которые характеризуют отношение к ней: жить сегодняшним днем «здесь и сейчас», приспосабливаясь к внешним изменениям, отвечая на «вызовы» сегодняшнего дня и вторая – самостоятельное определение жизненных перспектив, когда жизнь рассматривается человеком как «возможность». Таким образом, авторы подчеркивают: жизнетворчество, процесс превращения жизни в творческий – сущностная характеристика человека.

Постнеклассический этап развития психологического знания открывает новые возможности, позволяющие посмотреть на проблему жизнетворчества с другой позиции, обнаружить такие свойства человека, которые «открываются» во взаимодействии со средой, в системе, благодаря чему они и получили название «системных». Антропологизация психологического познания, обозначенная в работах А.Г. Асмолова, В.И. Слободчикова, В.Е. Ключко и др., позволяет рассматривать жизнетворчество как проявление самоорганизации в системе «человек и его мир». Жизненное самоосуществление понимается автором системной антропологической психологии не как результат жизненного пути, не как процесс, реализующий этот путь, а как процесс «постоянного движения в сторону усложнения, обретения новых измерений» [4, с. 144].

Проблема инновационного потенциала личности, творческого отношения к собственной жизни актуализирует новое осмысление существующих представлений о таких психо-логических феноменах, как «человек и его мир», «стратегия жизни», «творческая уникальность человека», «самореализация», «жизненный мир человека», «жизнетворчество» (С.Я. Рубинштейн, 1997; К.А. Абульханова-Славская, 1991; С.Ю. Степанов, 2002; Е.П. Варламова, 2002; Э.В. Галажинский, 2002, Е.В. Некрасова, 2005; И.О. Логинова, 2010). Жизненное самоосуществление понимается В.Е. Ключко не как результат жизненного пути, не как процесс, реализующий этот путь, а как процесс постоянного движения в сторону усложнения, «обретения новых измерений» [5, 7]. И.О. Логинова в своем исследовании приводит тезис: жизненное самоосуществление является способом предъявления себя миру, и в этом человек открывает для себя новые возможности [7]. В нашем исследовании мы предприняли попытку выделения общесистемных факторов, определяющих степень открытости человека как психологической системы во внешний мир (Е.П. Федорова, 2002, 2008) и детерминирующих процесс жизненного самоопределения.

Проблема инновационного потенциала личности связана с жизненным миром человека, его самоосуществлением непосредственным образом: как человек осуществляет свою жизнь – активно, инициативно или пассивно, созерцательно. В ряде исследований авторы указывают на очевидную взаимосвязь инновационного потенциала человека и жизнетворчества. Так, по утверждению Г.П. Щедровицкого, «инновационная активность», «инновационный потенциал», инновация (нововведение) в масштабе жизнедеятельности человека понимаются как «способность изменять принятые способы думать и делать» [10]. Психологические основания и механизмы инновационного поведения исследованы учеными Томского государственного университета В.Е. Ключко, Э.В. Галажинским, О.М. Краснорядцевой. Они показали в своих работах, что инновационное поведение возникает в тех точках жизненного пространства человека, где сходятся три фактора: возможности человека, представленные его личностным, творческим, интеллектуальным потенциалом; среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» жизненное пространство, в котором возможна самореализация; готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь» [4–6]. Мы согласны с тезисом ученых, выделивших стержневую характеристику инновационного поведения: оно характеризуется способностью выхода за пределы устоявшихся и сложившихся стереотипов, установок [5, 6]. Сущность феномена инновационного поведения в том, что проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода «возможности в действительность», что характеризует процесс саморазвития: за проблемой инновационной деятельности человека стоит глобальная проблема саморазвития человека, – утверждает В.Е. Ключко [4]. Эта «напряженная возможность» в полной мере характеризует и жизнетворчество, ведь творчество предполагает

выход «за пределы» – нормы, стереотипа, установки. Как указывают авторы научной школы – системной антропологической психологии, – в инициации сливается два аспекта – «порождающий» и «инициативный», процессуально-деятельностный и собственно личностный. Инновационное поведение, таким образом, как и творческое отношение к собственной жизни (жизнетворчество) характеризуется выходом за пределы сложившихся представлений, «требований ситуации» и предполагает порождения человеком «собственных норм» – нормотворчество в проектировании собственной жизни, в котором выделяется два вектора:

- вектор «порождение» – возникновение, становление нового;
- вектор «инициатива» – целеобразование, целеполагание, которое не ориентировано на конечный, заданный результат [5, 6].

Таким образом, анализ работ позволяет констатировать высказанные идеи о взаимосвязи житнетворчества (творческого отношения к жизни) и инновационного потенциала личности: оба феномена предполагают «выход за пределы» устоявшихся норм, традиций, прежних возможностей жизнедеятельности и проектирование новых вариантов взаимодействия с миром.

В ходе нашего пилотажного исследования, носящего поисковый характер, мы ставили целью выявление взаимосвязи компонентов психологической готовности личности к инновационной деятельности и трех стратегий жизненного самоосуществления: ориентации человека на «творческую», «событийную» или «ценностно-смысловую» направленность в построении собственного жизненного пути. В качестве психодиагностического инструментария нами были использованы две методики: опросник «Психологическая готовность к инновационной деятельности» (В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцев), «Контрасты вашей судьбы» (методика Е.П. Варламовой, модифицированная нами для целей исследования) [2, 6]. Опросник ориентирован на выявление трех компонентов психологической готовности к инновационной деятельности: «инициативность», «предпочтение деятельности, требующей инновативности», «готовность к переменам». Шкала «Инициативность»: показатель по данной шкале отражает степень готовности человека действовать в условиях неопределенности (непредсказуемости) результатов деятельности, полагаться на свои силы (доверие к себе) и отвечать за результаты. Шкала «Предпочтение деятельности, требующей инновативности»: показатель по данной шкале отражает стратегии жизненного самоосуществления, проявляющиеся в выборе (или игнорировании) таких деятельностей, которые требуют обновления практики жизнеосуществления. Шкала «Готовность к переменам»: показатель по данной шкале отражает степень генерализации предпочтений (устанавливаемых в шкале «Предпочтение деятельности, требующей инновативности») на широкий круг жизненных ситуаций, требующих перестройки устоявшихся параметров жизнеосуществления. Методика «Контрасты вашей судьбы» направлена на определение у испытуемых трех стратегий жизнеосуществления: событийно-, ценностно-, творчески-ориентированной. Испытуемым предлагалось выделить три ценности и пять главных событий трех вариантов развертывания жизненного пути – своего реального, своего счастливого, своего несчастного.

В качестве испытуемых выступали студенты гуманитарных факультетов московских вузов, всего в исследовании приняли участие 113 человек. Анализ результатов психодиагностического исследования позволил выделить три подгруппы испытуемых с выраженными признаками стратегий жизненного самоосуществления:

- событийно-ориентированная стратегия жизни – представители данной группы полагают, что в их жизни «счастливая» жизнь от «несчастной» отличается событиями, а ценности не играют определяющего значения. Эту подгруппу составляют 38 человек, 34%. Получены отрицательные корреляционные связи между показателями методики с субшкалами опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» (на уровне $-0,5$), самый высокий уровень отрицательной корреляции получен по субшкалам «Инновативность», «Готовность к переменам» (на уровне $-0,7$). Можно утверждать, что испытуемые данной группы полагают, что счастливая жизнь от несчастной отличается возникающими по ходу жизни событиями, в основном носящими случайный характер;

- ценностно-ориентированная стратегия жизни – представители данной группы полагают, что их жизнь определяется не столько текущими событиями в жизни, сколько целями, которые они сами определяют на основании ценностей и смыслов, а событиям они не отводят значительной роли в их жизни. Выявленные результаты свидетельствуют о личностном потенциале испытуемых: наиболее выраженными оказались ориентиры на собственные ценности и смыслы, а не на возникающие обстоятельства, случай или ситуации. Мы полагаем, что испытуемые данной группы сдерживают свой творческий потенциал в силу личностных особенностей или среды, в которой они находятся в настоящий момент. Эту подгруппу составляет 51 человек, 45 %. Получены средние положительные корреляционные связи между субшкалами «Инициативность» (0,5), «Предпочтение деятельности, требующей инновативности» (0,5), «Готовность к переменам» (0,4). Данные результаты могут свидетельствовать о том, что если человек больше ориентируется на ценности, то он воспринимает жизнь как интересную, содержательную, насыщенную и наполненную смыслами;

- творчески-ориентированная стратегия жизни – представители данной группы, отвечая на предложенные задания методики, проявили нестандартные подходы к ее выполнению в своих ответах, отчасти выходя за рамки предложенных заданий и инструкций. Задания позволили испытуемым данной группы максимально активизировать осмысление собственной жизни и оценить ее с точки зрения «обычной – необычной», «интересной, творческой – скучной, однообразной», «счастливой – несчастной». В иерархии собственных ценностей они выделили ценности саморазвития, творчества и познания нового, проявили в ответах в большей мере, чем

остальные участники, рефлексивность, способность увидеть свою жизнь по-новому, с разных сторон и не всегда с очевидных ракурсов. Эту подгруппу составляют 24 человека, 21%. Выявлены положительные корреляционные связи с субшкалами «Готовность к переменам» (0,6) и «Предпочтение деятельности, требующей инновативности» (0,7), средний уровень корреляционной связи со шкалой «Инициативность» (0,5). Мы предполагаем, что представители данной группы и являются примером творческого отношения к собственной жизни – творящие свою жизнь не по шаблону, обладающие выраженным инновационным потенциалом личности. Они более открыты окружающему миру, проявляют большие возможности в восприятии возникающих нестандартных жизненных ситуаций, рассматривают их как вызов, который позволит им научиться новому и узнать больше о себе и окружающем мире.

Отдельный интерес представляют свободные комментарии, полученные в ходе выполнения методики «Контрасты вашей судьбы»: «я сейчас задумался о своей жизни», «оказывается, жизнь человека определяется ценностями», «большинство людей все равно плывет по течению», «мои цели – это не фантазии, а реальные задачи», «я боюсь мечтать о будущей жизни – вдруг не сбудется», «не каждый человек может творить себя и жизнь, только сильный», «всегда задумываюсь о том, смогу ли я реализовать свои планы».

Обозначенная взаимосвязь жизнетворчества и инновационного потенциала личности на уровне теоретического осмысления требует дальнейшей эмпирической проверки. В ходе дальнейших исследований нами будут уточняться и расширяться диагностические планы с использованием известных методов психологической диагностики и новых исследовательских процедур.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой ; вступ. ст. И. Блауберг. М. : ТЕППА, 2001. 384 с.
2. Варламова Е.П., Степанов С.Ю. Психология творческой уникальности человека, рефлексивно-инновационный подход. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. 256 с.
3. Дружинин В.Н. Варианты жизни : очерк экзистенциальной психологии. М. : ПЕРСЭ; Иматон-М, 2000. 135 с.
4. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах : проблемы становления ментального пространства личности. Введение в трансспективный анализ. Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
5. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 240 с.
6. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 151–154.
7. Логинова И.О. Инновационное поведение как способ взаимодействия человека с миром в процессе жизненного самоосуществления // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 114–120.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997. 242 с.
9. Ясперс К. Общая психопатология. М. : Практика, 1997. 1056 с.
10. Щедровицкий П.Г. Инновационный потенциал профессионального сообщества. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2573>

LIFE-CREATION AND INNOVATIVE POTENTIAL OF A PERSON: VIEW FROM THE POSITION OF SYSTEM ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY

Fedorova E.P., PhD in psychology, associate professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: epfedorova@gmail.com

Abstract. The article presents the understanding of life-creation in relation to the innovative potential of an individual in the mainstream of the ideas of systemic anthropological psychology. Life-creation is considered as the process of generation by man of new dimensions. At the level of theoretical analysis, the article shows the connection between the innovative potential of a person and his life world, which goes back to the question of how actively or passively a person realizes his life. The problem of creative attitude to one's own life is discussed with the use of works by Russian and foreign scientists. Two key life strategies are outlined: the strategy to live "here and now" and the strategy of self-determination of one's own prospects, focuses on the work of Russian scientists who view life as a creative process of creating their own lives. The modern understanding of the problem of life creation in relation to the innovative potential of the individual at the stage of post-nonclassical development of psychological science is shown in the context of one of the modern scientific schools: systemic anthropological psychology. In line with this approach, innovative human behavior is characterized by the ability to go beyond the established and established stereotypes, attitudes of knowledge. The innovation potential is determined by three factors: personal creative intellectual potential, an environment in which self-realization is possible, the person's psychological readiness to realize his potential. The interrelation between the innovative potential of the individual and life-creation is shown: both phenomena are characterized by going beyond the limits of established ideas, "requirements of the situation" and assuming the generation by man of "own norms" and rulemaking. The article also presents some results of empirical research which reveal the interrelationship between the components of a person's psychological readiness for innovative activity and the creative strategy of vital self-realization, which has value bases.

Keywords: life-creation; the innovative potential of the individual; the vital self-realization of human; the post-nonclassical ideal of rationality.

МИРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ИНТУИЦИЯ СОВЕСТИ И ВЫЗОВЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

И.А. Филенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: filen5725@mail.ru

Аннотация. Исследование современных феноменов, связанных с творческой деятельностью, позволяет углубить понимание процесса творчества, что обусловлено включением в его характеристики аксиологической составляющей.

Ключевые слова: творчество; совесть; аксиология; возможности человека; искусственный интеллект.

Введение. В методологии постнеклассической науки (В.Е. Клочко, В.С. Степин) обращается внимание на ряд новых познавательных принципов, которыми желательно руководствоваться в современных исследованиях в области гуманитарного знания, в частности в психологии. Один из них заостряет внимание ученого на необходимости проведения комплексных исследований, рассматривающих изучаемые проблемы с позиций междисциплинарных, полидисциплинарных и трансдисциплинарных подходов. При этом чисто психологические задачи исследования размыкаются вовне – в пространства социального развития, культуры, научного творчества, технологических инноваций, нравственных проблем и выборов современного человека. Применительно к психологии с ее методологическим плюрализмом, отражающим сложившуюся ситуацию самодостаточного существования многих психологических научных школ (А.В. Юревич), возникает вопрос – а как возможна реализация комплексных исследовательских подходов, одновременно оперирующих с концептами, являющимися ведущими для достаточно различных психологических (и не только) школ и направлений? Можно ли строить современные комплексные исследования человека с позиций психологического знания, позволяющие не просто расширить (за счет разностороннего рассмотрения исследуемых феноменов), но и углубить (за счет взаимодействия и взаимосодействия в рассмотрении изучаемых вопросов не только различных направлений психологии, но и гуманитарного, естественнонаучного знания) наше понимание природы человека, воплощая тем самым на практике восприятие человека в многомерности его отношений и жизненных проявлений, являющего свое Бытие в Мире в различных гранях: развития, активности, творчества, деятельности, социального взаимодействия, познания, духовного поиска и переживаний?

Позитивный ответ на этот вопрос возможен в контексте становления новых перспективных направлений, возрождающих на современном научном базисе ранее возникшие в отечественной гуманистической традиции комплексные подходы к пониманию природы человека и основ его развития, к которым относятся: педагогическая антропология К.Д. Ушинского, культурно-историческая психология Л.С. Выготского, антропологическая психология развития человека (онтопсихология) Б.Г. Ананьева. Такие современные направления, как психологическая антропология (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев), системная антропологическая психология (В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов [4]), по сути, прокладывают пути для многостороннего, комплексного исследования динамических и нелинейных процессов, связанных с саморазвитием человека, раскрывающегося через особенности его взаимодействий с природным, социальным, духовным мирами. На этом пути имеет смысл рассматривать совместно понятие творчества, которое издавна манифестирует себя исследованиями в традиции когнитивной психологии, и феноменов, формирующих аксиологическое измерение личности – совести, нравственности, стремления к совершенству, которые раскрываются в работах представителей антропологической, гуманистической и экзистенциальной психологии.

Обзор литературы. Актуальность обозначенного направления исследований в современной психологии связана с другим методологическим принципом постнеклассической рациональности – необходимостью учета в познании действительности ценностных, нравственных основ, имеющих отношение к изучаемым феноменам. Данный принцип применительно к поставленной проблематике – рассмотрению аксиологических аспектов творчества – может пониматься двояко. С одной стороны, включение ценностно-смысловых, нравственных, этических факторов в изучение творчества является определенным самостоятельным научным подходом в изучении рассматриваемого явления – творчества. Данный подход и особенности его реализации опосредованы ценностями и идеалами непосредственно исследователя-психолога. С другой стороны, творчество в ряде современных работ характеризуется в контексте процессов моделирования явлений реальности (Г.С. Альтшуллер, Я.А. Пономарев, Э. Де Боно и др.), и в таком плане возникают вопросы о ценностных изначальных установках творца по отношению к творчеству как процессу и к его результатам, о динамике этих установок в ходе творческой деятельности, о ценности получаемых моделей и продуктов творчества для самого творца и для его социального окружения, а также о специфике обусловленности творческого процесса аксиологическими факторами. При этом изучение ценностей и идеалов творчества, его нравственных основ, феномена совести в конкретных творческих проявлениях могут по-новому раскрыть проблемы, связанные с пониманием структуры творческого акта, его результативности, с познанием особенностей созидательного потенциала творца. Само включение фе-

номенов ценностно-смысловой регуляции, совести в структуру творческого процесса может углубить наше понимание и осмысление ряда психологических и социально-психологических феноменов, а также дать ответы на вопросы:

– Почему на данном этапе развития цивилизации творческий потенциал человечества оказывается бессильным в отношении решения ряда жизненно важных научных, технических и социальных проблем?

– Почему гениальные изобретения, реализованные авторами на уровне их единичных образцов, оказались не востребованы обществом?

– Почему существует ограниченное количество образцов высокого творчества в противовес огромному количеству оригинальных, несущих легкий налет креативности работ, имитирующих творчество?

– Какой личностный потенциал формирует и раскрывает в творце реализация первого (высокого) и второго (имитационного) уровней творчества?

– Почему существуют деструктивные формы творчества и какими факторами они опосредованы на личностном уровне?

– Может ли учет ценностно-смысловых аспектов творчества дать позитивные ответы на вопросы, связанные с развитием творческих способностей?

– Почему возникла острейшая потребность, связанная с выживанием человечества, в постановке вопросов относительно «необходимости ограничений научного творчества, прежде всего в таких сферах, как, например, геновая инженерия, психотропные средства... и др.» [7, с. 387]?

По нашему мнению, невозможность решения ряда проблемных вопросов современности связана с внутренними психологическими (метакогнитивными, нравственно и духовно опосредованными) барьерами познания, существующими как для самого творца, так и для его социального окружения. В первом случае это ведет к тому, что изучаемое им явление ускользает от процесса познания и моделирования в силу наличия в своей структуре тонких ценностных, нравственно обусловленных закономерностей, которые не вскрываются исследователем даже на интуитивном плане, имеющем различные уровни и глубины реализации, и не могут быть им воплощены в конечную структуру порождения творческого результата в ходе обычных актов творческой деятельности. Во втором случае ценностные установки творца, воплощенные им в творческом результате посредством интуиции совести, сталкиваются в противоречивом, подчас очень жестком взаимодействии с социальными нормами и установками (Супер-Эго-совестью). На данном этапе творчество может восприниматься как вне-нормативная и даже антинормативная деятельность [7]. В таком случае победа в борьбе за Истину достанется, скорее всего, не творцу, – ему лишь останется надежда, что окончательный судья этого спора – Время – через долгие годы или десятилетия откроет имя настоящего победителя. Г.Л. Тульчинский в связи с этим отмечает: «Не случайно современники нередко и не проводят грани между поведением преступника и творца, расценивая деятельность последнего как преступление против нравственности, религии или как нарушение закона. История полна примерами расправы благородных, но неблагодарных современников и соплеменников над творцами, по прошествии времени торжественно вводимыми в пантеон святых» [Там же, с. 382].

Вторым фактором, определяющим своевременность заявленной тематики, является информационно-технологический порыв, охвативший в последнюю четверть века все человечество, в потоке которого мы имеем место не просто быть, но действовать, страдать, любить, творить и совершенствовать этот мир, а также двигаться путями самостоятельного и взаимного развития. Новые технологии раскрывают перед каждым человеком новые возможности, воплощения, реализации, с одной стороны, позволяющие эффективно развиваться, творчески изменять себя и окружающий мир, а с другой – несущие в себе угрозу развитию, идентичности, благополучию, безопасности, психическому, телесному, социальному здоровью человека. Информационная среда и новая – виртуальная – субъективная реальность обладают свойствами специфического воздействия на психику человека, определяя особенности ее становления, в силу чего психические качества современного ребенка и молодого человека в своих функциональных проявлениях и степени развития значительно отличаются от соответствующих характеристик у их одногодков, живших не только 100 или 50, но даже 20 лет назад. Это касается и особенностей личности, связанных с ее творческими способностями. Так, В.Н. Дружинин уже в 1994 г. писал о том, что алгоритмизация процессов мышления при обучении программированию блокирует развитие речемыслительной креативности.

Параллельно с этими процессами меняется мотивация продуктивной деятельности – в общекультурном информационном поле оказываются востребованными, наиболее воспринимаемыми и тиражируемыми продукты не высокого творчества, а некие имитации творчества, свидетельствующие сетевому сообществу об оригинальности и неординарности их авторов. Новые информационно-культурные феномены формируют стремление к быстрой самопрезентации себя и своих жизненных результатов в мире социальных сетей, Интернета. Личностные воплощения этого пути – явления неистинного, «поддельного творчества» [3], – разбивая целостного человека на его информационные фрагменты, могут нести оттенок креативности, вследствие чего у их создателей может возникать кратковременное повышение самоуважения личности, собственной значимости, а вместе с этим – снижение социальной фрустрации. Но такие «шедевры» разума, являясь творчеством-для-Себя через самопрезентацию-для-Другого зачастую не несут в себе последующих ступеней личностного совершенствования, а лишь укрепляют установку на «игру в творчество» с весьма посредственными для развития личности результатами.

Третьим фактором, определяющим актуальность современного изучения проблемы творчества в ее междисциплинарном представлении, включающем в себя аксиологическую составляющую, является феномен творчества искусственного интеллекта (AI-творчества). Выделяя два этапа творческого процесса – поисковый и композиционный, А.Ф. Кудряшев, О.И. Елхова [5] отмечают, что реализация первого из них пока недостижима искусственному интеллекту. Но композиционный этап, связанный с созданием нового в виде перебора и последующего объединения различных информационных компонентов на базе имеющихся знаний, уже доступен искусственному интеллекту и практически реализуется в области музыки в виде двух направлений (А.Ф. Кудряшев, О.И. Елхова [5]):

1. Создание музыкальных произведений для исполнения человеком. Так, в Университете города Малага, Испания, создана система Iamus, запрограммированная на сочинение музыки без участия человека, музыкальный альбом которой вышел в 2012 г. в записи Лондонского симфонического оркестра.

2. Создание электронной музыки с последующим воспроизведением на электронных музыкальных инструментах. Данное направление уже превратилось в самостоятельный музыкальный жанр.

В этом контексте возникают проблемы, которые, возможно, приведут к формированию в скором времени нового направления в области психологии – психологии (потребителя) AI-творчества, которое, в отличие от традиционной психологии творчества, изучающей его только как феномен, присущий человеку и выделяющий его из всех живых существ (что подчеркивается практически всеми исследователями), расширяет свое познавательное поле и на изучение феноменов творчества искусственного интеллекта. Возможные проблемы в рамках данного направления могут быть сформулированы следующим образом: 1. Как влияют продукты AI-творчества на духовный мир личности, на развитие высших психических функций и творческих способностей человека? 2. Не будет ли вести дальнейшее расширение областей AI-творчества к подмене человека во многих сферах творческой деятельности (А.Ф. Кудряшев, О.И. Елхова; Л.Б. Логунова, Ю.Ю. Петрунин) и его последующей деградации – умственной, эмоциональной, волевой, нравственной? 3. Каким образом и с использованием каких ресурсов на фоне значимого прогресса искусственного интеллекта (успешно развивающегося и расширяющегося в ближайшую временную перспективу будущего) можно добиться существенного прогресса развития человеческих качеств (в том числе и творческих)?

Четвертый фактор, определяющий необходимость изучения аксиологических оснований творчества, связан с феноменом деструктивного творчества. Так, ряд авторов (В.Н. Дружинин, Е.П. Ильин, Я.И. Гилинский, Г.Л. Тульчинский и др.) отмечают, что и для творчества, и для деструктивного поведения характерно разрушение. В частности, феномен трансгрессии (Ю. Козелецкий) – выход личности за жизненно обусловленные границы и пределы своего бытия, сопровождающийся конфликтом с существующими в социуме ценностями и нормами, может совмещаться с активностью творческой или деструктивной природы. В связи с этим в некоторых исследованиях (Ф. Фарли [9]) выделены типы личности, которые могут либо достигать высокого уровня креативности, либо демонстрировать деструктивное, даже криминальное поведение. Я.И. Гилинский [2] в своей работе указывает, что результаты социологических исследований обнаружили определенные и относительно устойчивые взаимосвязи между различными формами социальной патологии и социальным творчеством.

Все указанные выше аспекты связаны с процессом творческой деятельности, разворачивающимся не в простых, а в сверхсложных социальных, информационных, культурных и технологических условиях существования современного человека, которые являются своего рода вызовом всем его внутренним возможностям, требуют их глубинного самораскрытия, порождения новых потенциалов, гармоничного переструктурирования личностных качеств, их открытости и явленности субъекту на интрапсихическом, жизненном и деятельностном планах. В особенности это касается тех структур личности, которые формируют, опосредуют и направляют развитие творческого процесса.

В связи с актуальностью указанных выше аспектов рассматриваемой проблемы соотношения творческой деятельности и ее ценностно-смысловых оснований целью нашей работы стало изучение аксиологических факторов, и прежде всего, феномена совести в контексте реализации человеком своей творческой деятельности.

Основная часть. Изучение проблем творчества с начала XX в. и до настоящего времени показало исследователям, насколько сложным и многозначным в своих проявлениях представляется им этот феномен. В связи с этим пока не существует устоявшегося понятия творчества. Так, Р. Гут считает, что творчество является продуктивной мыслительной деятельностью, приносящей нетривиальный (качественно новый, неочевидный) результат. Согласно С.И. Ожегову, творчество – это создание новых по замыслу культурных, материальных ценностей. А.А. Горелов [3] отмечает, что под творчеством в настоящее время обычно понимается создание качественно нового. В ряде работ (А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров) акцентируется внимание на необходимости выявления не только результативной, но и процессуальной стороны творческой деятельности. По мнению Г. Грубера и Д. Воллэйс [10], для понимания творчества необходим учет четырех основных его сторон:

- новизны (продукты творчества должны быть новыми и оригинальными);
- ценности (они должны удовлетворять определенным внешним критериям);
- целесообразности (творческие продукты должны быть результатом целенаправленной активности человека);
- длительности (человек проявляет свою творческую активность в течение определенного времени).

Также до настоящего времени пока не находят детального прояснения феномены структурной организации творческих способностей и их функциональных проявлений в тех или иных видах человеческой деятельности.

Изучение совести имеет давнюю историю в отечественной психологии (С.Л. Франк, И.А. Ильин), но только в последнее время данная тематика опять привлекла к себе внимание отечественных психологов (работы Б.С. Братуся, С.А. Барсуковой, Е.П. Ильина). В современной психологии понятия «совесть» и «творчество» осознанно или неосознанно разводятся, и большинство исследователей, по отдельности изучая эти феномены, избегают рассмотрения не только их непосредственного взаимовлияния, но даже возможных контекстов их связи и взаимодействия. И это не случайно. Как отмечают Е.П. Ильин, Б.С. Братусь, отстраненность современной психологии от исследования феномена совести связана с тем, что при изучении социально-психологических явлений совесть рассматривается как фактор второго порядка, поэтому ее не принято рассматривать с позиций психолога-исследователя, а ее содержание предпочтительно связывают с этикой и моралью. А.Н. Леонтьев в связи с этим замечает, что, «к сожалению, традиционной психологии нечего делать с такими категориями, как совесть, так как она вообще не располагает понятиями, в которых этические категории могут быть психологически раскрыты» [6, с. 89].

В современной гуманистической психологии категория совести отражает мотивационные особенности личности и может характеризоваться в качестве психологической метаструктуры, объединяющей ценности человеческого бытия, которые имеют универсальный общечеловеческий характер, и самоактуализацию субъекта, преломляющую его жизненный опыт (А. Маслоу). По мнению С.А. Барсуковой, «совесть – есть целостное интегрированное состояние сопричастности “бытию-в мире”, отражающее меру совпадения существования и сущности человека и переживающееся как акт самоосуществления в ситуациях нравственного выбора. Рассматривая совесть с антропоцентрических позиций, как возможность аутентичного самоосуществления, мы выходим на проблему понимания более глубоких причин как поведения человека в нравственно-обусловленных ситуациях, так и формирования жизненной позиции, в целом» [1, с. 670]. Таким образом, феномен совести раскрывается как структура, интегрирующая личность и опосредующая особенности проявления ее активности, деятельности, поведения, переживаний.

В контекстах творческой деятельности человека феномен совести может также играть значимую роль, являясь тем ключом, что открывает двери в пространства глубинных творческих процессов. Включенность совести в процессы творчества ведет к порождению некой границы, которая размежевывает собой интуитивные, с одной стороны, и рациональные, технократические, с другой стороны, виды творчества, а также виды истинного творчества и поддельного [3]. С позиций рационального подхода творчество понимается как процесс создания нового, реализуемый через определенную алгоритмическую последовательность мыслительных операций, пока еще до конца не формализованных, но включающих такие изученные, как моделирование, перебор возможных вариантов, их различное комбинирование, отбор из полученных вариантов наилучших образцов по определенным критериям и др. (Г.С. Альтшуллер, А. Матейко, М.А. Орлов, Я.А. Пономарев), которые в принципе при наличии достаточно совершенных программ и соответствующих исходных баз знаний могут успешно воспроизводиться и в системах с искусственным интеллектом. В то же время ряд исследователей отмечают много общего в феноменах совести и интуитивного творчества (А. Ухтомский, И.А. Ильин). По А.А. Ухтомскому, совесть является присущей человеку способностью познания – предвидения: «Сердце, интуиция и совесть – самое дальнзоркое, что есть у нас, это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, во-первых, соматической наследственностью от наших предков и, во-вторых, преданием слова и быта, передававшимся из веков в века, как копящийся опыт жизни, художества и совести народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем» [9, с. 268]. Характеризуя различия совести и рационального мышления, А. Ухтомский пишет: «...совесть предвидит и начинает предупреждать гораздо ранее, чем так называемое “здоровое рассуждение”. Интуиция совести и “здоровое рассуждение” находятся между собой в таких же отношениях, как художник, пророк и поэт, с одной стороны, и спокойный, рассудительный мещанин, с другой!» [9, с. 255].

Совесть как потенциал и путь реализации человека в духовном и социальном творчестве открывает новые измерения субъекта, его новые возможности и ресурсы, новые формы взаимодействия с Миром и его преобразования, новые пути становления и развития личности. В этом плане совесть – это не просто оценивающий взгляд в свое прошлое, опирающийся на рефлексивное мышление, но одновременно это интуиция в ее трансспективном аспекте, сведенная в единое мгновенное осознание, т.е. это и взгляд в будущее из настоящего, и единовременное переживание прошлого, настоящего и будущего, восстанавливающее целостность человека в его неразрывной связи с Миром. Соотнесем совесть как акт порождения нового не только на плане личностном, разворачивающимся внутрь субъекта, во Вселенную его внутренних возможностей и измерений, но также с другими формами творчества – социального, художественного, научного, – и попробуем ответить на следующие вопросы. Всегда ли творчество как таковое включает в себя интуицию совести? Если не всегда, то почему это происходит, в каких ситуациях? И к чему это ведет – к каким результатам для творца, для его произведений, для общества в целом? Какие виды творчества не обременены необходимостью обращения к совести? А в каких она является жизненно необходимой? Могут ли пониматься совестные ограничения (критерии, связанные с феноменом совести) в связи с проблемой творчества как ограничения свободы творчества? Является ли совестное ограничение свободы творчества препятствием на его пути, или наоборот – это тот шаг субъекта, который меняет структуру и качество его творческого акта в сторону совершенствования, при этом меняется также

структура и качество творческой деятельности в целом и, наконец, видоизменяется структура и качество его конечного творческого результата, который в итоге может оказаться на порядок (значимей и совершенней) выше, чем в предыдущем? Как отмечает А.А. Горелов, характеризуя качество или истинность творчества, «для того, чтобы быть истинным, творчество должно быть добрым и красивым... Истинность творчества оценивается с точки зрения новизны и полезности, нравственности и эстетичности (вспомним античный идеал единства истины, добра и красоты)» [3, с. 158]. Более высокий или более истинный результат творчества возникает в силу того, что творческий процесс как саморазвертывающаяся деятельность представлен его автору не в виде простой последовательности действий и результативных новых формообразований, а скорее имеет пространственно-сетевую структуру, пронизывающую собой различные Миры человеческих возможностей, оптимальная организация которой определяется высшими ценностно-смысловыми уровнями творческой личности, раскрытыми в многомерный мир жизни и формирующими нераздельную уникальную эмерджентную целостность творца и его творения. Если совесть включена в данный процесс, то возможно, что данная пространственно-сетевая структура становится более совершенной и более наполненной формами (прообразами, по В.А. Моляко), ведущими к более высокому и совершенному творческому результату. Возможно также, что в данном акте творчества образуется эмерджентная сверхсистема, включающая не только личность и параметры решаемой ею задачи, но также весь мир, реализующий через творца свою изначальную творческую потенцию и воплощенный в проявленном, активном в данный момент ценностно-смысловом измерении субъекта. В этом случае последовательности действий творческого акта становятся более сжатыми, точными, самоисключающими ложные (не истинные) пути и результаты и непосредственно воспроизводят и запечатлевают в явленном творцом виде мгновения Вселенской истины. Может быть, это тот путь к оптимальному самопознанию Вселенной через человека, через саморазвертывание им в процессах творчества Вселенских смыслов, о котором ранее писал В.В. Налимов. Но если это так, возникает вопрос – как необходимо развивать гармоничное единение и взаимодействие этих двух жизненных начал – совести и творчества? И нужно ли это делать в реальности? Ведь творец может удовлетвориться промежуточными результатами, не включая в их оценку категории, связанные с совестью, и не вести нить творчества до более совершенного завершения. Но творчество создает новый мир. И артефакты человеческой культуры, возникшие в прошлом и возникающие в настоящем, а также, возможно, те, что возникнут в недалеком будущем, уже опосредуют и определяют реальное качество нашей жизни, но, кроме этого, они же являются трансляторами значений, смыслов, знаний для грядущих поколений. И если эти трансляторы являются незавершенными, несовершенными, нецелостными, негармоничными с точки зрения их ценностного содержания, то они являются искажающими ориентирами, ведущими человека по пути личностного развития все более проблемными, петляющими, удаляющими его от своей глубинной природы и истины путями.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Проведенный в работе анализ трудов отечественных и зарубежных исследователей позволил выявить ряд проблемных аспектов, порождаемых феноменом творчества, которые характеризуют творца как субъекта, реализующего через свое творчество определенные нравственные выборы, связанные с широким контекстом его бытия. Ценностно-смысловые уровни творческой личности в этом плане могут рассматриваться в связи с понятием совести, которая, будучи целостной психологической метаструктурой, порождает возможности человека к интуитивному глубинному познанию реальностей материального и духовного мира, что позволяет создавать творческие произведения на другом, качественно более высоком уровне, чем это делает рациональное мышление.

Показано, что не только структурные особенности творческого процесса, но и их качественные результаты могут существенно меняться под влиянием информационных, социокультурных, технологических изменений, происходящих в последние десятилетия, что связано, с одной стороны, с изменениями в ценностно-смысловых пространствах личности, а с другой – с расширением технологических и частичным сужением (либо изменением) познавательных возможностей человека.

Дальнейшие перспективы исследований в обозначенном нами проблемном поле связаны с изучением следующих феноменов:

- 1) природа и структурно-функциональные особенности аксиологических факторов, детерминирующих процессы творчества в различных видах человеческой деятельности;
- 2) особенности восприятия человеком произведений искусственного интеллекта, позиционируемых в качестве творческих феноменов, а также особенности их влияния на развитие высших психических функций человека, его аксиологической сферы и творческих способностей;
- 3) ценностно-смысловые аспекты проявлений конструктивного и деструктивного творчества;
- 4) совесть в контексте совершенствования психологических и социально-психологических ресурсов человека, обеспечивающих саморазвитие личности, а также конструктивное взаимодействие связанных с ней социальных систем.

Литература

1. Барсукова С.А. К пониманию феномена совести в психологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 3 (3). С. 693–700.
2. Гилянский Я.И. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 41–49.

3. Горелов А.А. Творчество и истина // Творчество: эпистемологический анализ / отв. ред. Е.Н. Князева. М. : ИФ РАН, 2011. С. 144–166.
4. Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
5. Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 4. С. 1124–1129.
6. Леонтьев А.Н. О формировании способностей // Вопросы психологии. 1960. № 1. С. 89.
7. Тульчинский Г.Л. Тело свободы // Эпштейн М.Н. Философия тела. Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб., 2006. С. 195–408.
8. Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб. : Петерб. писатель, 1996. 528 с.
9. Farley F. The big T in personality // Psychol. Today. 1986. Vol. 20, № 5. P. 44–52.
10. Gruber H.E., Wallace D.B. The case study method and evolving systems approach for understanding unique creative people at work // Handbook of creativity / R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999. P. 93–115.

THE WORLDS OF HUMAN POSSIBILITIES, INTUITION OF CONSCIENCE AND THE CHALLENGES OF CREATIVE PERSONALITY

Fileiko I.A., candidate of psychology science, associate professor, department of general and pedagogical psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: filen5725@mail.ru

Abstract. The paper presents the analysis of creative displays of man that didn't find a sufficient reflection in the modern psychological research. They include the barriers in creative cognition associated with the content specificity of the value criteria of creativity of the subject; the collision of the moral position of the creative person with the existing social norms of society; the changes in the psychological and moral resources of creative personality due to technological, social and cultural transformations; the features of creativity of the subject in the network space; the phenomena of creativity of artificial intelligence, affecting human productive activity and its development; the problems associated with manifestations of constructive and destructive creativity. The interrelations of the process and the results of creativity with the phenomenon of conscience are explored. It allows to distinguish descriptions of true and non true, constructive and destructive creativity. It is shown that the phenomenon of conscience, which determines the creative activity of a person in the moral sphere, influences the structure, the results of the creative process, and also becomes an important factor in the formation of the personality of the creator. Further perspectives of research in the indicated problem field are related to understanding of: the nature and structural-functional features of axiological factors that determine the processes of creativity in various types of human activity; features of human perception of works of artificial intelligence, positioned as creative realizations, as well as features of their influence on the development of the higher mental functions of man, his axiological sphere; value-semantic aspects of manifestations of constructive and destructive creativity; conscience in the context of improving the psychological and socio-psychological resources of man, providing self-development of personality, and also providing constructive whole-development of the frames of society related to her.

Keywords: creativity; conscience; axiology; possibilities of man; artificial intelligence.

УДК 159.9.07

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К ЖИЗНИ

О.Г. Холодкова, Д.Р. Ткаченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
E-mail: Holodkova.fnk@mail.ru; daria-tkachenko@mail.ru

Аннотация. Анализируются психологические и философские подходы к пониманию ценностного отношения как структурного элемента ценностно-смысловой сферы личности, выводится научная дефиниция «ценностное отношение к жизни», приводятся результаты исследования ценностного отношения к жизни у подростков, находящихся в различных социальных условиях.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера личности; ценностное отношение к жизни; подростковый возраст.

Введение. Сегодня вся психолого-педагогическая общественность озабочена вопросами, связанными с разработкой мер противодействия СМИ (включая Интернет), деятельность которых напрямую связана с угрозами жизни наших детей. Практические разработки в этой области, ориентированные на смещение акцентов интересов детей на более позитивные контент, не подтвердили свою действенность. Психолого-педагогическое сопровождение детей группы риска часто носит запоздалый характер и не всегда объектом деятельности психолога является «нужный» ребенок. Все чаще мы фиксируем уход из жизни (или попытку) детей, которые не являются объектом психолого-педагогического внимания и на деле оказываются попросту «недолюбленными», непонятыми родителями или педагогами.

Конечно, уровень родительской компетентности, особенно психологической, оставляет желать лучшего, и те мероприятия, которые направлены на нивелирование данного феномена, должны присутствовать и развиваться далее в системе образования [3]. Но современные родители не менее психологически образованы, чем родители прошлых лет и столетий, а дети, тем не менее, все больше дезориентированы в своей собственной

жизни, своих убеждениях, ценностях и мировоззрении. Естественно, большое значение в возникновении этой проблемы мы придаем СМИ, и пока как негативный фактор этот феномен не остановлен.

Соответственно, требуется более серьезная, планомерная, целенаправленная работа по психолого-педагогической помощи детям в вопросах ориентации в своей жизни, ее понимания, перспективы ее развития и осознания жизни как ценности. Состояние ценностного кризиса, отмечаемого многими теоретиками антропологоориентированных областей науки в настоящее время, актуализирует исследование гуманистических, духовно-нравственных ценностей, а также условий и факторов, обуславливающих их развитие.

Обзор литературы. Ценностное отношение к жизни как научная дефиниция в психологии и педагогике не рефлексировалось, исследований психологического содержания ценностного отношения к жизни в доступной литературе не обнаружено. Обсуждение этой проблематики началось в контексте психологического анализа проблем человеческого бытия, смысла жизни, т.е. проблем, связанных с осознанием проблемы жизни человека, как отмечает в своем теоретическом анализе психологической литературы по проблеме смысла жизни С.В. Коваленко [4].

Психологические подходы к пониманию сущности и возможности развития ценностного отношения к жизни не разработаны, однако ученые делают акцент в своих исследованиях на том, что базовыми основаниями анализа понятия «ценностное отношение к жизни» могут являться такие мировоззренческие позиции, которые обуславливают понимание природы самого человека, природы его жизни и его ценностно-смысловой сферы [2]. Анализ психологических теорий ценностно-смысловой сферы личности позволяет представить достаточно неоднородную картину ее природы, основных характеристик и структуры. Тем не менее в дальнейшем нашем исследовании мы будем придерживаться понимания ценностно-смысловой сферы личности как совокупности смысловых образований и функциональных связей между ними, обеспечивающей смысловую регуляцию жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах. Развитие ценностно-смысловой сферы личности не имеет самостоятельной истории своего исследования в научных изысканиях, тем не менее частные вопросы природы, сущности, механизмов, структуры и определяющих факторов ее развития освещены в трудах Б.С. Братуся, В.В. Знакова, Д.А. Леонтьева, М.К. Мамардашвили, Л.Т. Потаниной, Н.Ю. Самыкиной, М.С. Яницкого и др.

В контексте данного научного исследования мы в качестве основных структурных элементов (смысловых образований) ценностно-смысловой сферы будем рассматривать ценностные ориентации личности и ценностные отношения личности, конкретным воплощением единства которых является ценностное отношение к жизни.

Ценностное отношение рассматривается нами как особое отношение, при котором связь субъектного «я» и объекта действительности понимается и оценивается на личностно значимом уровне, когда происходит внутреннее принятие объекта как ценности, когда ощущение постоянной потребности в нем является показателем сформированного «устойчивого убеждения» [8]. Ценностное отношение к жизни конкретизируется в области гуманистических ценностей и предполагает положительно окрашенное отношение человека к себе и своей жизни, при котором собственная жизнь имеет для человека особую ценность и первостепенную субъективную значимость. Ценностное отношение к жизни понимается как осознание ее значимости, восприятие ее как дара, переживания счастья от каждого дня. Это ценностное отношение порождает целый круг других ценностных отношений: к семье, природе, человеку, культуре и другим общечеловеческим ценностям.

Наиболее интересным и благоприятным с точки зрения развития ценностного отношения к жизни является подростковый возраст как возраст активного становления мировоззрения, убеждений, ценностей и направленности личности. Специфическая ситуация развития в подростковом возрасте характеризуется глубокими изменениями в сфере деятельности, перестройкой сознания и системы взаимоотношений индивида, а также совпадением у современного поколения подростков этих процессов с периодом преобразования общественного сознания, крушения прошлых идеалов, возникновением новых, возрождением забытых ценностей [7].

Развитие ценностного отношения человека к своей жизни не происходит плавно, устойчиво и однообразно, а подвержено влиянию различных социальных условий. В нашей работе мы рассмотрим такие важные с точки зрения смыслообразования жизни подростков условия, как место проживания (город, село), полнота семьи (присутствие мужского и женского воспитания в семье), наличие родных братьев и сестер, проживающих в одном доме, а также образование родителей.

Основная часть. Для изучения ценностного отношения к жизни нами были использованы следующие методики: контент-анализ сочинения-размышления на заданную тему «Как я живу?» (модификация методики Л.С. Колмогоровой) [5], методика «Неоконченные предложения» (модификация варианта Saks–Sidney Д.В. Лубовского) [6], проективный рисунок «Моя жизнь» (модификация теста Р.С. Бернс) [1]. После проведения диагностики в первую очередь были разграничены типы ценностного отношения к жизни у подростков, находящихся в различных социальных условиях. Тип ценностного отношения к жизни у каждого подростка измерялся нами путем подсчета количества вербальных и невербальных признаков всех трех методик, и вывелись три типа: положительный, нейтральный и отрицательный. Вербальные признаки проявились в таких методиках, как неоконченные предложения и сочинение-размышление «Как я живу?», а невербальные – в проективном рисунке «Моя жизнь».

Положительное отношение к жизни характеризуется самоуважением и позитивным отношением подростков к себе и своей жизни, ожиданием позитивного отношения к себе со стороны окружающих,

выстраиванием положительной временной перспективы и наличием каких-либо представлений о будущем, положительной оценкой своей прошлой и настоящей жизни. При нейтральном отношении у детей наблюдаются принятие себя не в полной мере, равнодушное отношение к жизни, неадекватные или неустойчивые представления о будущем, отсутствие оценки прошлой и настоящей жизни. Негативное отношение – это отрицание себя, непринятие окружающих, ожидание негативного отношения к себе, ощущение собственной неполноценности, отсутствие планов на будущее, негативная оценка прошлой и настоящей жизни.

Сравнительный анализ результатов исследования ценностного отношения к жизни подростков, проживающих в городской и сельской местности показал, что доля лиц, у которых положительное отношение к жизни проявляется в большей степени, проживают в городской местности ($\varphi = 2,703$ при $p \leq 0,01$). Это связано с тем, что подростки сельской местности плохо ориентированы в значении и роли той или иной ценности в своей жизни. У данных подростков наблюдается высокая активность в достижении высокого социального статуса, но личностная активность, целеустремленность и вера в свои силы снижены, что является симптомом внутреннего психологического конфликта.

Второе социальное условие, исследованное в нашей работе, – это состав семьи, т.е. воспитание подростка в полной или неполной семье. Нас интересует наличие либо мужского, либо женского воспитания, не делая акцент на том, кто именно его воспитывает: мама, папа, отчим, мачеха, дедушка или бабушка.

В результате исследования обнаружено и статистически подтверждено ($\varphi = 2,832$ при $p \leq 0,01$), что у подростков, которые проживают в полных семьях, получая как мужское, так и женское воспитание, положительное ценностное отношение к жизни развито в большей степени, чем у подростков из неполных семей. Неотъемлемой частью формирования ценностного отношения к жизни подростка является его семья. Именно в семье его с рождения окружают люди, которые прививают ему определенные ценности, нормы поведения, взгляды на жизнь и способы решения проблемных ситуаций.

Третье условие – наличие сиблингов, т.е. родных братьев и сестер, проживающих в одном доме. Эмпирическое значение $\varphi = 0,522$ не находится в зоне значимости, что говорит об отсутствии статистически достоверных отличий в проявлении ценностного отношения к жизни у подростков, имеющих и не имеющих сиблингов. Это означает, что наличие сиблинговых связей у подростка не влияет на развитие его положительного отношения к жизни. С нашей точки зрения, это связано с тем, что формированием ценностных ориентаций занимаются родители, воздействуя на детей одинаково независимо от их количества.

Следующие социальные условия, которые мы исследовали, – это образование родителей. В нашем исследовании было выделено две категории родителей – с высшим образованием и «иной вариант». Данное условие мы разделили на образование матери и образование отца в связи с невозможностью их объединить. Итак, первый параметр, который мы рассмотрели, – это образование матери. Было выяснено, что образование матери влияет на развитие ценностного отношения к жизни у подростков: положительное ценностное отношение в большей степени развито у подростков, чьи матери имеют высшее образование ($\varphi = 2,71$ при $p \leq 0,01$).

Результаты анализа проявления ценностного отношения к жизни у подростков, чьи отцы имеют и не имеют высшего образования, показало значимые различия ($\varphi = 2,756$ при $p \leq 0,01$) у двух групп подростков. Статистически доказано, что подростки, чьи отцы имеют высшее образование, в большей степени положительно относятся к жизни, в отличие от подростков, у кого отцы не получили высшего образования. Таким образом, высшее образование и отца и матери положительно сказывается на развитии ценностного отношения к жизни у подростков. Высшее образование родителей априори повышает культурный и интеллектуальный уровень развития детей, что является фундаментом для развития ценностно-смысловой сферы личности.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Выявлены социальные условия, влияющие на формирование ценностного отношения к жизни у подростков. Важным аспектом явилось проживание. Статистически доказано, что у подростков, проживающих в городской местности, положительное ценностное отношение к жизни развито в большей степени, нежели у подростков, проживающих в селе.

2. Установлена связь полноты семьи с типом ценностного отношения к жизни. Получены данные, что у подростков, которые проживают в полных семьях, получая как мужское, так и женское воспитание, положительное ценностное отношение к жизни развито в большей степени, чем у подростков из неполных семей.

3. Выявлено, что наличие сиблинговых связей у подростка не влияет на развитие его положительного отношения к жизни. Наличие или отсутствие брата или сестры у подростка не является значимым фактором его представления о жизни как о ценности.

4. Доказано, что образование матери влияет на развитие ценностного отношения к жизни, и положительное ценностное отношение в большей степени развито у подростков, чьи матери имеют высшее образование.

5. Образование отца влияет на развитие положительного ценностного отношения к жизни у подростков. Статистически доказано, что подростки, чьи отцы имеют высшее образование, в большей степени ценят жизнь, чем подростки, у кого отцы не имеют высшего образования.

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что положительное ценностное отношение к жизни развито в большей степени у тех подростков, которые проживают в городской местности, имеют полную

семью и родителей, получивших высшее образование. Перспективой нашего дальнейшего исследования является изучение возможностей формирования ценностного отношения к жизни в более раннем, младшем школьном возрасте в специально организованных психолого-педагогических условиях.

Литература

1. Бернс Р.С. Кинетический рисунок семьи: введение в понимание детей через кинетические рисунки. М. : Смысл, 2000. С. 20–21.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник Новгородского государственного университета. 2000. № 16. С. 4.
3. Дронова Е.Н., Беляева К.А. «Ответственное родительство»: сущность и содержание // Культура и образование. 2015. № 8. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/08/3445>
4. Коваленко С.В. Теоретический анализ подходов к понятию смысла жизни в психологической литературе // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1.
5. Колмогорова Л.С., Холодкова О.Г. Диагностика психологической культуры и психологического здоровья школьников : учеб. пособие. Барнаул : АлтГПА, 2014. 343 с.
6. Лубовский Д.В. Применение диагностического комплекса проективного интервью в работе детского психолога-практика. М., 1992.
7. Фризен М.А. Особенности развития смысловой сферы подростков : дис. ... канд. психол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2005. 220 с.
8. Холодкова О.Г. Становление ценностно-смысловой сферы личности младшего школьника. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 167 с.

THE STUDY OF VALUE RELATION OF ADOLESCENTS TO THEIR LIFE

Kholodkova O.G., PhD in psychology, associate professor, department of psychology, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia. E-mail: Holodkova.fnk@mail.ru

Tkachenko D.R., master's student, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia. E-mail: daria-tkachenko@mail.ru

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of value-semantic sphere of the personality of adolescents. Adolescence is considered as sensitive to the influence of negative factors and the emergence of suicidal risks. The possibility of development of adolescents values related to life is considered as preventative measures. Value attitude to life is seen as a new scientific definition, represents the unity of the main components of value-semantic sphere of personality: value orientations and value relations. Value attitude to life is specified in the field of humanistic values and assumes positively stained attitude to life in which own life for a person has special value and of primary subjective importance. The development of the value of a person's relationship to life is uneven, influenced by different factors and has different quality characteristics depending on the social environment in which a teenager is developing. There are three types of value relations to life: positive, neutral and negative, which show the degree of own life's importance for a person. The authors describe the diagnostic tools for measuring values related to life. The article presents the results of the empirical study of values related to life of adolescents in different social settings. The article covers also important conditions from the point of view of meanings, such as place of residence (city, village), the completeness of the family (from the point of view of the presence of male and female education in the family), the presence of brothers and sisters living in the same house and the parents' education. The results show that the positive value attitude to life is developed to a greater extent in those adolescents who live in urban areas, have a family and parents who have received higher education. It identifies prospects of further studies aimed at exploring the development of value attitude to oneself and to life at an earlier age.

Key words: value-semantic sphere of personality; value attitude to life; adolescence.

УДК 378.147

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА В ОТКРЫТОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

О.В. Цигулева, М.В. Колмакова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается развитие профессиональной мобильности и идентичности педагога в открытой образовательной среде. Исследуя данную проблему, авторы отмечают, что профессиональная идентичность и мобильность развиваются в процессе обучения. Отмечается, что профессиональная мобильность и идентичность педагога в современном обществе являются необходимыми условиями реформирования современной системы образования государства, поскольку основным субъектом реализации происходящих перемен в области образования является фигура педагога. С целью оценки профессиональной идентичности и мобильности будущего педагога авторами были разработаны вопросы и проведено анкетирование студентов первого и пятого курсов Института детства Новосибирского государственного педагогического университета.

Ключевые слова: профессиональная мобильность; профессиональная идентичность; социальная мобильность; инновационные технологии.

Изменяющаяся экономическая и социальная ситуация современного общества характеризуется значительным ростом информационного потенциала, который становится ведущим механизмом обеспечения прогрессивного развития человечества [5]. Возрастающие объемы и сложность информации требуют от современного специалиста умения оперативно обновлять свои знания, а перманентные изменения качества и условий профессиональной деятельности заставляют работника на протяжении всей своей трудовой жизни неоднократно повышать уровень образования и квалификации. Наличие в обществе достаточно большого количества активных, профессионально мобильных людей становится залогом повышения его устойчивости и способствует его процветанию [5].

Понятие «профессиональная мобильность» впервые появилось в научной литературе в начале 1950-х гг. и получило развитие в трудах таких ученых, как Э.Ф. Джексон, Г.Д. Крокет, П.М. Бол, О.Д. Данкен, Б. Шеффер и др. Первоначально данная дефиниция подразумевала смену различных видов занятий или профессий, относящихся к основным видам труда [5]. Статус самостоятельного предмета исследования профессиональная мобильность приобрела благодаря трудам американских социологов С. Липсета и Р. Бенидикса. Предложенная ими концепция была одной из попыток разработки теоретической модели собственно профессиональной мобильности.

Возрастающий интерес к явлению «профессиональной мобильности» отмечается в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в зарубежной социологии, что обусловлено в первую очередь изучением ее социокультурных аспектов. Среди наиболее значительных работ выделяют труды Д. Голдторпа, Р. Эриксона, Б. Вегенера и др. Как отмечает С.Е. Каплина, в своих трудах вышеназванные исследователи рассматривают социокультурную мобильность как «совокупность элементов внутренней жизни социальных субъектов, объединенных в целостную систему, которая обеспечивает ту степень субъективной подвижности, которая нужна для адаптации к окружающей среде или для активного воздействия на нее» [3, с. 240].

Отправной точкой для конкретизации понятия «профессиональная мобильность» является понятие «социальная мобильность», входящее в понятийную базу философии, социологии, педагогики, психологии. Понятие социальной мобильности использовали в своих работах многие философы и социологи, как отечественные (Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов и др.), так и зарубежные (П. Блау, Ф. Гато, Дж. Гласс, С. Липсет и др.). В современных словарях и энциклопедиях социальная мобильность чаще всего трактуется как изменение индивидом или группой места, занимаемого в социальной структуре, перемещение из одного социального слоя (класса, группы) в другой (вертикальная мобильность) или в пределах одного и того же социального слоя (горизонтальная мобильность) [1]. Ю.И. Калиновский, рассматривая социальную мобильность, определяет ее как «способность личности адаптироваться и преобразовывать социальную среду, оперативно устанавливать личностные, культурные и деловые контакты в микро- и макросоциуме, проявлять свою социальную компетентность» [2, с. 161].

В современной научной литературе профессиональная мобильность рассматривается в контексте социальной мобильности. К понятию «мобильность» обращаются ученые различных отраслей наук, изучающих человека, – этнографы, культурологи, социальные педагоги, педагоги-предметники, психологи. В самом общем смысле под профессиональной мобильностью понимается изменение трудовой позиции, или ранга работника, обусловленное переменой места работы или профессии [5]. Очевидно, что профессиональная деятельность является неотъемлемой частью жизни индивида, причем ее роль существенно усиливается с каждым годом. Неуклонно растущий интерес к феномену профессиональной мобильности вполне закономерен и оправдан, поскольку общество сегодня нуждается в специалистах, готовых к качественному осуществлению профессиональной деятельности в постоянно изменяющихся условиях. Успешность человека в современном постиндустриальном обществе связана, как правило, именно с самоидентификацией в профессии, с возможностью карьерного роста.

Профессиональная мобильность и идентичность педагога в сегодня являются необходимыми условиями реформирования современной системы образования государства, поскольку основным субъектом реализации происходящих перемен в области образования является фигура педагога. Только квалифицированные, способные к выполнению разнообразных видов деятельности, обладающие профессиональной динамичностью и интеллектуальной гибкостью, готовностью к непрерывному профессионально-личностному развитию педагога способны взять на себя ответственность за эффективное внедрение инноваций в образовательной сфере. Являясь ведущей характеристикой профессионального развития педагога, профессиональная идентичность свидетельствует о степени принятия избранной трудовой деятельности в качестве средства самореализации и развития как осознании своей тождественности с группой и оценки значимости членства в ней [4]. Современный педагог сегодня должен не только уметь оперировать информационными технологиями, но и эффективно сотрудничать с другими людьми, полноценно использовать личностные ресурсы, проектировать собственный образовательный маршрут, обеспечивая свою самоидентификацию и самосовершенствование. Неотъемлемыми характеристиками успешного педагога-профессионала в современном социуме являются готовность к переменам, мобильность, способность к нестандартным трудовым действиям, ответственность и самостоятельность в принятии решений. Таким образом, современный педагог должен стать независимым образованным профессионалом, берущим на себя полную ответственность за внедрение инновационных технологий в образовательной сфере, способствуя повышению качества образования.

Однако возникает вполне закономерный вопрос: готов ли каждый педагог меняться в соответствии с возрастающими потребностями общества и рынка труда? Одной из наиболее проблем современного отечественного образования является то, что педагоги, получившие образование еще в советское время и привыкшие работать в традиционной парадигме обучения, несомненно, испытывают определенный кризис профессиональной идентичности, поскольку требования, предъявляемые к личности педагога, стали более высокими. Таким образом, весьма очевидно некое противоречие: есть масса опытных учителей, проработавших не один десяток лет в образовательной сфере и продолжающих свою трудовую деятельность, однако очень трудно принимающих все инновационные процессы в силу различных причин, и есть заказ государства на педагога нового типа: компетентного, мобильного, социального активного, коммуникабельного.

Профессиональная идентичность тесным образом связана с нравственными профессиональными ориентирами и профессиональной мобильностью. Если профессиональная мобильность развивается непосредственно в процессе обучения в вузе и профессиональной деятельности педагога, то сущность профессиональной идентичности педагога проявляется еще при выборе будущей профессии и построении своего образовательного маршрута.

С целью оценки профессиональной идентичности и мобильности будущего педагога нами было проведено анкетирование студентов первого и пятого курсов Института детства Новосибирского государственного педагогического университета. В процессе анкетирования были разработаны и заданы следующие вопросы:

1. Какими наиболее значимыми личностными качествами должен обладать современный учитель?
2. Расположите в убывающем порядке (от 1 до 10) характеристики современного учителя:
 - знание преподаваемого предмета;
 - справедливое отношение к людям;
 - готовность к постоянному самообразованию;
 - любовь к детям;
 - владение информационными технологиями в образовательном процессе;
 - стремление к педагогическому творчеству;
 - инициативность и лидерские качества;
 - пунктуальность и требовательность;
 - стрессоустойчивость;
 - личное обаяние;
 - способность принимать ответственные решения в нестандартных ситуациях.
3. Есть ли в Вашем жизненном опыте учителя, на которых Вы хотите быть похожи?
4. Какие Ваши профессиональные цели? Хочу быть... (Кем? Какой?)
5. Одобрят ли Ваши друзья и родные Ваш выбор профессии?
6. Имеете ли опыт профессионального общения (работа вожатой, педагогическая практика)?
7. Какое значение имеет учение для Вашего будущего (возможность хорошо зарабатывать; желание овладеть знаниями для общего развития; желание стать хорошим специалистом)?
8. Вы видите в учении потенциал личностного и профессионального развития?

Согласно результатам анкетирования студенты младших курсов находятся в начале процесса профессиональной идентификации. Не обладая опытом профессиональной деятельности, находясь под влиянием идеалов и осознавая собственные возможности и способности, они прогнозируют, осознают и формулируют для себя ближние и отдаленные профессиональные цели. Так, отвечая на вопрос о профессиональных целях, студенты младших курсов чаще говорят о личных качествах педагога (хочу быть справедливой, доброй, знающей свой предмет), о социальной значимости роли педагога в обществе (хочу воспитывать будущее поколение нашей страны).

В процессе обучения в вузе осуществляется освоение предметных знаний и требований к будущей педагогической деятельности. Студенты в процессе педагогических практик входят в профессиональное сообщество, осознанно включаются в профессиональную деятельность и приступают к формированию на основе личного опыта своего индивидуального стиля деятельности. Важными для студентов старших курсов становятся такие качества педагога, как знание своего предмета, готовность к постоянному самообразованию, владение информационными технологиями. В этой связи профессиональные цели студентов пятого курса трансформируются и конкретизируются, приобретая большую профессиональную значимость. К ним, по мнению студентов, относятся профессиональное мастерство, творчество в педагогическом труде, стремление к профессиональному совершенствованию. Результаты студентов выпускного курса показали осознанный выбор профессии «педагог».

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что профессиональная мобильность и идентичность, развиваемые в процессе обучения в вузе, способствуют оптимальной профессиональной адаптации будущего педагога. Дальнейшая профессиональная деятельность, направленная на решение профессиональных задач, достижение мастерства и педагогического творчества, могут определить эффективное трудовое поведение и успешную реализацию целей современного образования в условиях открытого общества.

Литература

1. Большой толковый социологический словарь / сост. Д. Джерри, Дж. Джерри. М., 1999. Т. 2. 588 с.
2. Калиновский Ю.И. Развитие социально-профессиональной мобильности андролога в контексте социокультурной образовательной политики региона : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 470 с.
3. Каплина С.Е. Становление проблемы формирования профессиональной мобильности в истории развития общества // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 3. С. 235–245.
4. Цигулева О.В., Чеснокова Г.С. Академическая мобильность как условие личностно-профессионального становления студентов // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 63–68.
5. Цигулева О.В. Теоретический аспект развития профессиональной мобильности // Философия образования. 2012. № 1 (40). С. 174–180.

TEACHER'S PROFESSIONAL MOBILITY AND IDENTITY IN AN OPEN LEARNING ENVIRONMENT

Tsiguleva O.V., Ph.D., associate professor of foreign languages department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia. E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Kolmakova M.V., associate professor of foreign languages department, Novosibirsk Military Institute named by army's general of I.K. Yakovlev, National Guard Troops, Novosibirsk, Russia. E-mail: m_kolm@ngs.ru

Abstract. The authors discuss teacher's professional mobility and identity development in an open learning environment. The authors note that professional identity and mobility develops in the learning process. It is noted that the teacher's professional mobility and identity in modern society is a necessary condition of the state's modern education system reform where teacher is discussed as the main subject of education changes. The authors developed questionnaire to assess professional identity and mobility of a future teacher. The sample of the research consist of the first and fifth year students of the Childhood Institute of Novosibirsk State Pedagogical University.

Keywords: professional mobility; professional identity; social mobility; innovative technologies.

УДК 159.9.07

УРОВНИ ЛИДЕРСТВА И ОЦЕНКА СЛАГАЕМЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

М.М. Цыганова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
E-mail: smargo.92@mail.ru

Выполнено в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

Аннотация. Проблема лидерства на сегодняшний день является очень актуальной, так как лидерские качества являются существенными ресурсами влияния на психологию людей и формирование особенностей их поведения. Существуют различия между русскими студентами-лидерами и бурятами в межэтнической сфере, и это касается, прежде всего, стремления занять лидирующее место в группе, взглядов на влияние религии на межэтническое взаимодействие, желания общаться с представителями разных национальностей.

Ключевые слова: лидерство; межэтническое взаимодействие; религия.

Проблема лидерства на сегодняшний день очень актуальна, так как лидерские качества являются существенными ресурсами влияния на психологию людей и особенности поведения. С этой точки зрения весьма интересно одно буддийское наставление:

Опираясь на низших, портятся люди.
Опираясь на равных – пребывают в застое.
Опираясь на высших – достигают величия.
Потому на того опирайся, кто выше.
Опирайся на высшего – на такого,
Кто спокоен и нравственно тверд,
Своей мудростью тебя превосходит,
Станешь выше, чем он сам.

Проблема лидерства, несмотря на, казалось бы, простоту и доступность, не поддается основательному разрешению. Десятилетия научных изысканий породили более 350 определений лидерства. Только за последние 75 лет были проведены буквально тысячи эмпирических исследований деятельности лидеров, но до сих пор не существует ясного понимания того, что отличает лидеров от «не лидеров». Изобилие накопленных частных эмпирических данных при невозможности уложить их в приемлемую теоретическую конструкцию побудило Б. Гриффина констатировать: «Лидерство – наиболее и наименее понятный конструкт в социальной психологии».

Одним из проблемных выступает вопрос о том, какие качества определяют эффективность лидерства. Здесь начинает преобладать мнение, что каждый из конкретных лидеров может основывать эффективность своей деятельности на собственном уникальном иерархически построенном сочетании своих возможностей. Один отличается, прежде всего, видением перспективы и умением сконцентрировать усилия людей на главных задачах, другой «берет» своими организаторскими способностями и творческим отношением к делу, «коньком» третьего являются правильная постановка целей, обоснованность и справедливость в оценках и т.д. Попытка выстроить строго математический эталон лидерских качеств может только способствовать выхолащиванию уникальности, самобытности каждой конкретной личности с ее достоинствами и недостатками.

На наш взгляд, одной из самых значимых детерминант эффективности лидера является его система ценностей. Причем ее особенности проявляются во всех основных сферах деятельности. В связи с этим в нашу анкету по гранту РГНФ была включена оценка по 10-бальной шкале 12 ценностных ориентаций студентов, среди которых «стремление к лидерству, авторитету в молодежной среде». После обработки данных исследования мы разделили молодых людей на три группы в зависимости от оценок стремления к лидерству. Учитывались не только данные исследования, но и в определенной степени реальные действия студентов. Были выделены:

I – высокий уровень (оценка значимости лидерства 9–10 баллов) – 210 человек;

II – средний уровень (оценка значимости 7–8) – 185 человек;

III – низкий уровень (оценка значимости 1–6) – 227 человек.

Для анализа влияния стремления к лидерству на некоторые особенности межнациональных отношений были поставлены следующие вопросы:

Каким образом уровень лидерских ценностей может влиять на систему ценностных ориентаций, оценку некоторых особенностей межэтнического взаимодействия?

Какие существуют особенности отношений и действий студенческих лидеров – русских и бурят – в сфере межэтнического взаимодействия?

Что касается оценки других ценностей, то обнаружилось, что характер стремления к лидерству (а он зачастую в студенческой среде подкрепляется реальными делами) оказывает на нее существенное влияние (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее значимые различия в оценке ценностей у студентов с разным уровнем стремления к лидерству

№	Содержание оценки	Средний балл по опросу (638 чел.)	Уровень стремления к лидерству		
			I	II	III
1	Возможность творчества, самовыражения	7,67	8,67	7,63	6,63
2	Общение с природным окружением	7,18	8,12	7,08	6,23
3	Лидерство, авторитет в молодежной среде	7,20	9,55	7,57	4,33
4	Независимость мнений и поступков, личная свобода	8,19	8,89	8,29	7,33
5	Хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей	7,11	7,66	7,23	6,43
6	Возможность общения со сверстниками, в том числе через Интернет	7,15	8,02	7,19	6,20
	Учеба, самообразование	8,01	8,51	8,03	7,44
	Интересная работа	7,97	8,36	8,11	7,40

Анализ полученных данных позволяет говорить о том, что у лиц с высоким стремлением к лидерству прослеживается рост значимости большинства ценностей, т.е. ценностная сфера лидеров зачастую заметно богаче по своим проявлениям, а значит помогает «расти другим».

Также мы проследили взаимосвязь стремления к лидерству и влияния религиозных взглядов на межнациональные отношения. Оказалось, что и здесь наблюдаются значимые различия (табл. 2).

Таблица 2

Оценка влияния религии на межнациональные отношения лицами с разным уровнем стремления к лидерству

№	Влияние религиозных взглядов человека на межнациональные отношения	Оценка у лиц с различными уровнями лидерства		
		I	II	III
1	Положительное	12,4	12,4	25,1
2	Скорее положительное, чем отрицательное	17,1	16,8	18,9
3	Никакого не оказывают	11,0	14,6	13,2
4	Скорее отрицательное, чем положительное	18,1	16,8	14,5
5	Отрицательное	17,6	16,8	15,9

По данным нашего исследования можно сделать вывод о том, что лидеры более позитивно относятся к влиянию религии на межнациональные слагаемые. Следовательно, развивая лидерские качества у студентов, мы можем повысить уровень других ценностей.

Более позитивная оценка характера межнациональных отношений лидерами раскрывает и их определение возможности положительного воздействия на студентов в данном направлении. В этом плане нас интересовали различия в оценке слагаемых эффективности межнационального взаимодействия студентов с разными уровнями стремления к лидерству (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее значимые различия в оценке ресурсов межнационального взаимодействия у студентов с разными уровнями стремления к лидерству

№	Ресурсы межнационального взаимодействия	Средний балл по опросу	Уровни стремления к лидерству		
			I	II	III
1	Осмотрительность и осторожность	7,11	7,69	7,15	6,43
2	Способность хорошо чувствовать себя в любой стране	7,35	7,84	7,61	6,55
3	Умение быстро ориентироваться в особенностях других народов	7,45	7,91	7,56	6,84
4	Умение сопереживать любому человеку	7,35	7,83	7,37	6,78
5	Понимание традиций и обычаев других народов	7,81	8,26	7,82	7,30
6	Способность легко и быстро устанавливать отношения с людьми	7,72	8,04	7,86	7,26

По содержанию основных различий в характеристиках эффективного межэтнического взаимодействия можно увидеть, что они касаются как непосредственно коммуникативной компетентности (далее – КК), так и межкультурной коммуникативной компетентности (далее – МКК). Среди шести компетенций три касаются КК: это первая, четвертая, шестая, и три – МКК: вторая, третья, пятая. Стоит упомянуть и то обстоятельство, что средний балл по обеим группам компетентностей у лиц с высоким стремлением к лидерству заметно выше, чем у лиц с низким стремлением к лидерству: КК соответственно 7,92 и 7,29 балла, МКК 8,06 и 7,22 балла. Все эти факты позволяют говорить, что лидеры острее чувствуют проблематику межнациональных отношений и вырабатывают у себя готовность правильно решать соответствующие вопросы. Но, к сожалению, в компетентном обучении по данному направлению чувствуется заметный дефицит.

На следующем этапе нашего исследования мы установили уровень межнационального согласия у студентов с различным уровнем лидерства. В связи с тем что среди опрошенных в основном были русские студенты и буряты, мы сделаем акцент в своем исследовании этих национальностей.

Так, **высокий уровень** лидерства у русских студентов проявляется в стремлении занять лидирующее место в группе сверстников. К межнациональным отношениям они относятся спокойно, ориентируются на патриотизм, но считают, что многие трактуют это понятие неоднозначно. Данные студенты стремятся общаться с православными, стараются избегать общения с мусульманами. Считают, что религиозные взгляды оказывают положительное влияние на межнациональные отношения. Студенты уважают религиозные ценности и ритуалы других народов, считают, что причиной неприятия мультикультурлизма является игнорирование беженцами требований страны, в которой они пребывают. В будущем, как и в настоящем, каждый этнос будет отстаивать свои обычаи и традиции для сохранения своей уникальности.

Высокий уровень лидерства у студентов-бурят проявляется в стремлении занять лидирующее место в группе сверстников, они ценят уважение родителей, к межнациональным отношениям относятся спокойно, патриотизм воспринимают как чувство единения с родной землей и жителями. Преобладает стремление общаться с православными людьми, стараются избегать общения с мусульманами. Религия очень положительно влияет на душевное состояние людей и межнациональные отношения, они уважительно относятся к обычаям других религий. Как и русские студенты с высоким уровнем лидерства, считают, что причиной неприятия мультикультурлизма является игнорирование беженцами требований страны, в которой они пребывают. Для сохранения своей уникальности каждый этнос должен отстаивать свои обычаи.

Средний уровень лидерства у русских студентов проявляется в доминировании таких ценностей, как уважение родителей, ровные межнациональные отношения; патриотизм воспринимают как чувство единения с родной землей и жителями, что сказывается на едином восприятии своей личности с другими людьми. Стремление к православным людям, стараются избегать общения с мусульманами. Придерживаются положительного настроения на религию и считают, что религия скорее положительно сказывается на межнациональных отношениях. Уважение к личности должно быть приоритетным показателем при межнациональных отношениях. Общество должно формировать толерантные отношения между людьми для того, чтобы избегать неприятия мультикультурлизма. Для сохранения своей уникальности каждый этнос должен отстаивать свои обычаи.

Средний уровень лидерства у студентов-бурят проявляется в таких ценностях, как интересная работа, положительное отношение к межнациональному взаимодействию; патриотизм воспринимают как чувство еди-

нения с родной землей и жителями, это касается и чувств, которые объединяют их личность с другими людьми. Больше ориентируются на православных, стараются избегать общения с мусульманами. Считают, что религия только положительно может влиять на человека и скорее положительно, чем негативно, сказывается на межнациональных отношениях. При межнациональных отношениях должно преобладать уважительное отношение к личности, независимо от ее религиозных предпочтений. Для сохранения своей уникальности каждый этнос должен отстаивать свои обычаи.

Низкий уровень лидерства у русских студентов проявляется в таких ценностях, как интересная работа; межнациональные отношения воспринимают как конфликтные, тревожные, патриотизм воспринимают как чувство единения с родной землей и жителями. При общении предпочитают людей буддистской веры, стараются избегать общения с мусульманами. Считают, что религиозные взгляды негативно сказываются на межнациональных отношениях. Человек должен стремиться избегать конфликтного взаимодействия в межнациональных отношениях. Причиной неприятия мультикультурализма являются политические тенденции в некоторых государствах. Глобальные изменения в мире приведут к унифицированным стандартам в межнациональных отношениях.

Низкий уровень лидерства у студентов-бурят проявляется в таких ценностях, как интересная работа; межнациональные отношения рассматривают как конфликтные, патриотизм воспринимают как чувство единения с родной землей и жителями. При общении предпочитают людей буддистской веры, стараются избегать общения с людьми с культурой даосизма. Считают, что религия негативно сказывается на межнациональных отношениях. Взаимодействие людей различных этносов должно строиться на избегании конфликтных ситуаций. Причиной неприятия мультикультурализма являются политические тенденции в некоторых государствах. Происходящие события ведут к унифицированному взаимодействию среди этносов.

Для подтверждения статистической значимости результатов и установления взаимосвязи по исследуемым нами показателям мы использовали корреляционный анализ Спирмена, который осуществлялся с помощью компьютерной программы «SPSS 13,0».

У русских студентов обнаружили следующие взаимосвязи:

– чем выше уровень лидерских качеств, тем меньше студенты дистанцируются от других религий ($r_s = -0,452$ при $p \leq 0,05$), т.е. проявляя лидерские качества молодые люди транслируют терпимые отношения к другим национальностям;

– чем выше неприятие другой религии, тем выше неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства по отношению к мусульман ($r_s = 0,510$ при $p \leq 0,05$), т.е. те студенты, которые проявляют эгоизм по отношению к другим, не пытаются скрывать неприятные чувства к другим и убеждены в превосходстве своего народа;

– чем выше уровень лидерства, тем ниже самомнение, этноцентризм к представителям некоторых народов ($r_s = -0,546$ при $p \leq 0,01$), т.е. студенты, имеющие тенденции к лидерству, толерантно относятся к особенностям других этносов;

– чем выше мнение о том, что глобализм приведет к обязательному унифицированию всех наций и народов, тем выше избегание конфликтных отношений у представителей с низким уровнем лидерства ($r_s = 0,697$ при $p \leq 0,01$), т.е. ригидное мышление по отношению к другим людям развивает отстраненность и избегание контактов в поведении молодых людей;

– чем выше неприятие людьми идей мультикультурализма, тем ниже уровень лидерства ($r_s = -0,498$ при $p \leq 0,05$), т.е. низкая самооценка, безынициативность студентов порождает неприятие других культур;

– чем выше терпимость к противоположным взглядам и мнениям, тем выше уровень лидерства ($r_s = 0,575$ при $p \leq 0,01$), т.е. студенты, уважающие себя, стремятся и уважать других людей.

Взаимосвязи студентов-бурят проявились в следующих показателях:

– чем выше уровень лидерства студентов, тем выше оценивают свое психологическое здоровье студенты ($r_s = 0,480$ при $p \leq 0,05$), т.е. проявления лидерских качеств развивает внутренняя духовность студентов;

– чем выше положительное влияние религии на человека, тем ниже уровень избегания конфликтов с другими людьми, ($r_s = -0,656$ при $p \leq 0,01$), т.е. студенты настроены более позитивно и стремятся к открытым отношениям с людьми;

– чем выше влияние религии на межнациональные отношения, тем выше понимание своеобразности других народов ($r_s = 0,771$ при $p \leq 0,01$), т.е., по мнению студентов, религия воспитывает толерантное отношение к другим этносам;

– чем выше уровень лидерства, тем выше способность хорошо чувствовать себя в любой стране ($r_s = 0,787$ при $p \leq 0,01$), Студенты с лидерскими качествами могут хорошо адаптироваться к различным социальным условиям;

– чем выше неумение скрывать неприятные чувства по отношению к другим религиям, тем выше мнение о том, что прибывающие в разные государства беженцы не стремятся соответствовать требованиям страны, в которую приехали ($r_s = 0,503$ при $p \leq 0,05$);

– чем выше мнение о глобальном влиянии политики, которое приведет к обязательному унифицированию всех наций и народов, тем ниже уровень лидерства ($r_s = -0,452$ при $p \leq 0,05$), т.е. преобладает мнение, что политика возьмет свое и изменять что-либо нет смысла;

– чем выше ориентация на православную религию, тем более выражено умение сопереживать любому человеку ($r_s = 0,526$ при $p \leq 0,05$), т.е. студенты, которые позитивно относятся к русским студентам, умеют сопереживать другим людям.

Мы считаем, что отношение к лидерству в различных этносах специфично, все зависит от национального самосознания.

В национальном самосознании люди чувствуют свою принадлежность к социально-этнической общности, осмысливают положение своей нации в системе общественных отношений, понимают национальные интересы и в рамках этого контекста лидируют в группе.

Осознание личностью своей социальной принадлежности превращает ее в интерес. Данный интерес порождает мотив к деятельности, который, в свою очередь, заставляет личность проявлять лидерские качества, зависящие от ценностных ориентаций.

Исходя из данных нашего исследования, можно сделать следующие выводы: у студентов с высоким уровнем лидерства ценностная сфера больше по своим проявлениям; в оценке влияния разных инструментов деятельности на межнациональные отношения лидеры более позитивны, и это можно использовать в социальной практике; при оценке характеристик межэтнического взаимодействия студентов лидеры дают более высокую оценку слагаемых. Существуют различия между русскими студентами-лидерами и бурятами в межэтнической сфере, и это касается, прежде всего, стремления занять лидирующее место в группе, взглядов на влияние религии на межэтническое взаимодействие, стремления общаться с представителями разных национальностей.

Литература

1. Лидерам молодежи о патриотизме и межнациональном согласии / А.Д. Карнышев, Е.А. Иванова, А.Ю. Качимская, О.А. Карнышева, Е.П. Володина, Е.Л. Аршинская, М.М. Цыганова. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. 319 с.
2. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия / А.Д. Карнышев, Е.А. Иванова, А.Ю. Качимская, О.А. Карнышева, Е.П. Володина, Е.Л. Аршинская, М.М. Цыганова. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. 480 с.

THE LEVELS OF LEADERSHIP AND ASSESSMENT OF THE COMPONENTS OF INTERETHNIC COMPETENCE IN A MULTICULTURAL SOCIETY

Tsyganova M.M., PhD student, ISU, Irkutsk, Russia. E-mail: cmargo.92@mail.ru

Abstract. The problem of leadership today is very relevant, since leadership qualities are significant resources of influence on the psychology of people and the formation of features of their behavior. To analyze the possibilities of the influence of the desire for leadership on certain features of interethnic relations, the following questions were posed in our study: How can the level of leadership values influence the system of value orientations, the evaluation of some features of inter-ethnic interaction. What are the features of the relations and actions of student leaders – Russians and Buryats – in the sphere of interethnic interaction. The sample of the study consisted of 622 students. Among them 227 participants who have high leadership potential, 185 participants have average potential and 210 people have low leadership potential. The following patterns were revealed: the value sphere of leaders is significantly richer in its qualitative and quantitative content. There are differences between the Russian and Buryat leaders in the interethnic sphere, and this concerns primarily the desire to take the leading place in the group, views on the influence of religion on interethnic interaction, and the desire to communicate with representatives of different nationalities.

Keywords: leadership; interethnic interaction; religion.

УДК 159.9.07

РЕФЛЕКСИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

А.В. Чернов

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: albertprofit@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.

Аннотация. Представлены результаты исследования содержания познавательных психических состояний студентов. Теоретически обосновывается необходимость изучения познавательных состояний, а также современное состояние проблемы. Практическая значимость исследования познавательных состояний связана с обусловленностью ими продуктивности учебной, творческой, научной и прочих видов деятельности. Познавательные состояния выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и, прежде всего, мыслительных процессов и рефлексии. Полученные результаты будут полезны при дальнейшем исследовании класса познавательных психических состояний, а использование их на практике будет способствовать развитию у школьников и студентов осознанного переживания познавательных состояний в учебной деятельности.

Ключевые слова: рефлексия; познавательное состояние; учебная деятельность; заинтересованность; мышление; любознательность.

Введение. Анализ литературы показывает, что при изучении основных механизмов возникновения психических состояний – смысловых, ситуативных, личностных, когнитивных и др. – авторами не выделяется рефлексивная составляющая регуляторных процессов, тогда как знание этих механизмов необходимо для оптимизации состояний субъекта. Как известно, наибольшие требования к уровню развития рефлексии предъявляет учебная деятельность, в которой успешность освоения учебного материала студентами, а также продуктивность самоуправления поведением, деятельностью, состоянием и др. зависят от включенности рефлексии в учебный процесс. Данное обстоятельство служит основанием для обращения к студентам в качестве основных испытуемых и к учебной деятельности как к модели деятельности, осуществляемой с непосредственным участием рефлексии.

Одной из целей рефлексии является необходимость выявить, вспомнить и понять основные компоненты учебной деятельности: ее способы, проблемы, типы, смысл, пути их решения и пр. Без понимания этих механизмов познания и деятельности студенты не могут присвоить те знания, которые они получили. Рефлексия дает возможность студентам сформулировать получаемые результаты, предопределить цели дальнейшей работы, скорректировать свой научный путь. Она в этом случае не только итог, но и стартовое звено для новой деятельности и постановки новых целей

В образовательном процессе использование способов актуализации познавательных состояний учащихся позволит более эффективно решать задачи обучения и развития познавательной сферы в школе и вузе. Одной из важнейших целей работы является установление роли рефлексии в регуляции учебной деятельности в целом и познавательных состояний, переживаемых студентами и школьниками, в частности. В учебной, научно-исследовательской и творческой деятельности знание психологических механизмов актуализации и поддержания психических состояний позволит более эффективно управлять этими состояниями: определять длительность и оптимальную интенсивность последних в процессе деятельности, способствуя большей продуктивности учебной, научной-исследовательской деятельности и творческого процесса.

В исследованиях, проводимых под руководством А.О. Прохорова, были обнаружены некоторые закономерности проявления познавательных состояний, связанные как с внешними, так и с внутренними факторами [3]. Так, были установлены закономерности рефлексии познавательных состояний заинтересованности и вдохновения [4], описана феноменология познавательных состояний преподавателей и научных работников [5].

Исследования рефлексии и психических состояний в процессе обучения школьников и студентов занимают центральное место в современной отечественной и зарубежной психологии. И.И. Ильясов и И.Л. Можаровский [1] рассматривают рефлексии как условие формирования научно нормированных способов познавательной деятельности и отмечают, что необходимо создать условия для осознания учащимися неэффективности стихийно сложившихся у них способов познавательной деятельности и тем самым помочь им перейти к нормированным способам мышления. Кроме того, изучаются метакогнитивные состояния, сопровождающие процесс решения задач, например «чувство сложности» (feelings of difficulty) решаемой задачи и его влияние на продуктивность студентов [8]. Разработка психологических концепций познания и новых методов обучения в области математики с позиции современных представлений о категории «когнитивные состояния», например, обучение математике как процессу решения проблем, базируется на осознанном использовании состояния «рефлектирования» [7, 9].

Практическая значимость исследования познавательных состояний связана с обусловленностью ими продуктивности учебной, творческой, научной и прочих видов деятельности. Можно полагать, что познавательные состояния выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и, прежде всего, мыслительных процессов и рефлексии.

Методика исследования. В соответствии с поставленной задачей были проведены эмпирические исследования для изучения проблемы рефлексии познавательных психических состояний. В исследовании приняли участие 98 человек обоего пола, все – студенты Казанского университета различных специальностей обучения. Средний возраст составил 20,7 лет.

Для проведения исследования были использованы следующие стандартизированные методики:

1. «Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания идентификации» А.О. Прохорова, А.В. Чернова [6]. Данная методика направлена на исследование ментальной стороны рефлексивных процессов. Выделяются интрапсихическая и интерпсихическая направленность – уровень развития процессов распознавания, осознания, идентификации по отношению к своим и к чужим переживаниям, чувствам, мотивам поведения, состояниям.

2. Методика «Рельеф психического состояния личности» А.О. Прохорова [2]. Она позволяет оценить основные стороны психического состояния: состояние психических процессов, физиологические реакции, переживания и поведение. После студентам предлагалось дать ассоциации к выбранным психологическим состояниям.

3. Методика «Стандартный семантический дифференциал» Ч. Осгуда. Данная методика помогает испытуемому определить психическое состояние с помощью предложенного набора шкал-антонимов [10].

4. Список познавательных психических состояний. Нами был подготовлен список из 24 познавательных психических состояний, из которых студенты должны были выбрать 2–3 состояния, которые они чаще всего испытывают в процессе учебной деятельности [5].

Результаты и их обсуждение. На основании рейтинга выборов познавательного состояния, испытываемого студентами в учебном процессе, можно судить о том, что чаще всего студенты склонны испытывать состояние заинтересованности, его отмечают 10 студентов, состояние любознательности отмечают у себя 8 студентов, шестеро испытывают состояние размышления, вдохновение диагностируют у себя 4 студента, и 4 студента испытывают скуку в учебном процессе.

С целью наглядного представления результатов исследования, отобразим данные на диаграмме (рис. 1).

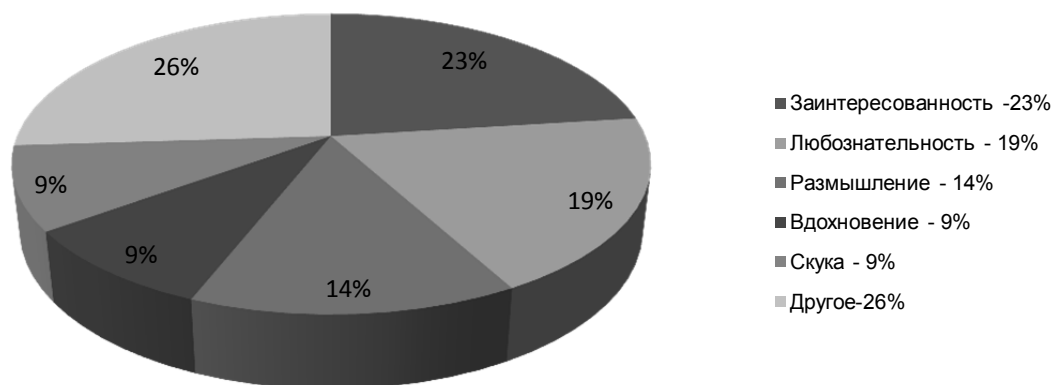

Рис. 1. Распределение познавательных состояний в учебной деятельности студентов

Полученные результаты свидетельствуют о широкой палитре переживаемых состояний студентов в учебной деятельности. При этом среди них преобладают состояния высокого уровня активности. Отметим также большой разброс переживаемых состояний у студентов – 26% испытуемых выбрали иные познавательные состояния.

Рассматривая ассоциативные характеристики выделенных познавательных состояний отметим, что психологическое состояние «заинтересованность» связано у студентов с такими ассоциациями, как «Интерес» (7 студентов), «Любопытство» (6), «Внимание» (4). Психическое состояние «Любознательность» вызывает такие ассоциации, как «Любопытство» (5), «Интерес» (4), «Пытливость» (3). В свою очередь, состояние «Размышление» студенты ассоциируют с большим числом явлений, однако среди ответов встречаются такие ассоциации, как любопытство и интерес.

Таким образом, наиболее распространенными познавательными состояниями у студентов стали: заинтересованность, любознательность и размышление. Самыми частыми ассоциациями к состояниям стали «Интерес» и «Любопытство», которые отмечаются также и при описании других познавательных состояний, что может служить системной характеристикой данного класса состояний.

Далее обратимся к рефлексии образных характеристик познавательных состояний. Для анализа полученных данных был использован метод корреляционного анализа с применением г-критерия Пирсона. Полученные данные представлены в табл. 1.

Как показано в табл. 1, существует значимая взаимосвязь между *распознаванием своих состояний* и восприятием ($r=0,374$ при $p<0,05$), воображением ($r=0,433$), представлением ($r=0,456$) и общими когнитивными процессами ($r=0,395$). Таким образом, качественному распознаванию своего познавательного состояния способствуют более содержательное восприятие действительности, отличное воображение, хорошо развитое представление, высокий уровень развития общих когнитивных процессов.

Обнаружена прямая корреляционная связь между *распознаванием состояний других* и представлениями ($r=0,399$), мышлением ($r=0,417$) и воображением ($r=0,472$). То есть качественному распознаванию чужих состояний способствуют высокие показатели познавательных процессов: хорошо развитое представление, мышление, а также хорошее воображение.

Выявлена прямая взаимосвязь между *осознанием собственного состояния* и памятью ($r=0,385$) и воображением ($r=0,445$). В свою очередь, установлена взаимосвязь между *осознанием состояний других* и поведенческими характеристиками познавательных состояний: продуманностью ($r=0,375$), контролируемостью ($r=0,405$) и адекватностью ($r=0,578$), что свидетельствует о том, что развитие рефлексивных процессов будет способствовать развитию отмеченных характеристик поведения у студентов.

Обнаружена прямая взаимосвязь между *идентификацией своих состояний* и представлением ($r=0,441$), памятью ($r=0,419$), мышлением ($r=0,462$), воображением ($r=0,525$), восприятием ($r=0,557$) и общими когнитивными процессами ($r=0,536$), а также адекватностью поведения ($r=0,424$). Показатель *идентификации состояний*

других взаимосвязан с представлением ($r=0,376$), целеустремленностью ($r=0,384$) и контролируемостью ($r=0,425$).

Таблица 1

Взаимосвязь рефлексивных процессов и образных характеристик познавательных состояний студентов

Познавательные психические состояния	Рефлексия						
	Распознавание себя	Распознавание других	Осознание себя	Осознание других	Идентификация себя	Идентификация других	Ауторефлексия
Восприятие	0,374*				0,557		
Представления	0,456	0,399			0,441	0,376	
Память			0,385		0,419		
Мышление		0,417			0,462		
Воображение	0,433	0,472	0,445		0,525		
Когнитивные процессы (общ.)	0,395	0,416			0,536		
Целеустремленность						0,384	-0,472
Продуманность				0,375			
Контролируемость				0,405		0,425	
Адекватность				0,578	0,424		

Примечание. * уровень значимости $p < 0,05$.

Итак, рефлексивные процессы распознавания, осознания и идентификации, а также ауторефлексии коррелируют с когнитивными и поведенческими характеристиками познавательных состояний и не связаны с физиологическими реакциями и переживаниями. Таким образом, развитость рефлексивных процессов распознавания, осознания и идентификации улучшает когнитивные характеристики, а также способствует повышению адекватности, контролируемости и целеустремленности поведения при переживании познавательных психических состояний студентами в ходе учебной деятельности.

Далее рассмотрим оценочные характеристики наиболее типичных познавательных состояний в учебной деятельности студентов, выделенных при помощи методики Ч. Осгуда: заинтересованности, любознательности и размышления.

В результате анализа средних значений оценочных характеристик состояния заинтересованности установлены следующие типичные характеристики: осознанный, точный, здоровый, адекватный, общительный, уверенный, управляемый, раскованный, приятный, хороший и светлый. Перечень характеристик отражает положительное отношение студентов к данному состоянию.

В свою очередь, состояние любознательности сопровождается следующими характеристиками: осознанный, расслабленный, любимый, восприимчивый, уравновешенный, уверенный, добрый, управляемый и частый. В то же время познавательное психическое состояние размышления описывается следующими характеристиками: осознанный, теплый, здоровый, адекватный, уравновешенный, хороший, управляемый. Сопоставление оценочных характеристик выделенных познавательных состояний представлено в табл. 2.

Таблица 2

Характеристики познавательных психических состояний заинтересованности, любознательности и размышления

Оценочные характеристики заинтересованности	Оценочные характеристики любознательности	Оценочные характеристики размышления
Осознанный	Осознанный	Осознанный
Управляемый	Управляемый	Управляемый
Здоровый	Любимый	Здоровый
Адекватный	Восприимчивый	Адекватный
Общительный	Уравновешенный	Уравновешенный
Точный	Добрый	Хороший
Раскованный	Расслабленный	Теплый
Приятный	Частый	
Хороший		
Светлый		
Уверенный		

Таким образом, давая оценку всем выбранным психическим состояниям, студенты отмечают положительное отношение к ним. Отметим, что общими для выделенных познавательных состояний являются характеристики осознанности и управляемости. Здоровый, адекватный и хороший – так описываются состояния заинтересованности и размышления. Характеристика уравновешенности свойственна для любознательности и

размышления. Связующим состоянием выступает размышление, которое имеет общие оценочные характеристики с любознательностью и заинтересованностью.

Выводы:

1. Теоретически обосновано, что познавательные состояния выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и, прежде всего, мыслительных процессов и рефлексии.

2. Наиболее распространенными познавательными состояниями у студентов стали: заинтересованность, любознательность и размышление. Самыми частыми ассоциациями к состояниям стали «Интерес» и «Любопытство».

3. Развитость рефлексивных процессов распознавания, осознания и идентификации, а также ауторефлексии улучшает когнитивные составляющие состояний и способствует повышению адекватности, контролируемости и целеустремленности поведения при переживании познавательных психических состояний студентами в ходе учебной деятельности.

4. Обнаружено, что общими оценочными характеристиками для большинства изучаемых познавательных психических состояний являются характеристики их осознанности и управляемости, что является их системной характеристикой.

5. Полученные результаты будут полезны при дальнейшем исследовании класса познавательных психических состояний, а использование их на практике будет способствовать развитию у школьников и студентов осознанного переживания познавательных состояний в учебной деятельности.

Литература

1. Ильясов И.И., Можаровский А.Л. Рефлексия как условие формирования научно нормированных способов познавательной деятельности // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск, 1987. С. 113–121.
2. Прохоров А.О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. М. : ПЕР СЭ, 2004. С. 142–147.
3. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Познавательные состояния в контексте интеллектуальной активности студентов // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 6. С. 189–198.
4. Чернов А.В. Ментальные репрезентации познавательных состояний заинтересованности и вдохновения // Психология – наука будущего : сб. VI Междунар. конф. молодых ученых. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. С. 531–534.
5. Чернов А.В., Юсупов М.Г. Феноменология познавательных состояний преподавателей и научных работников // Психология психических состояний : юбилейный сб. междунар. школы / под ред. А.О. Прохорова, А.В. Чернова, М.Г. Юсупова. Казань : Казанский университет, 2016. Вып. 10. С. 91–96.
6. Чернов А.В., Юсупов М.Г. Психология метапознания: теоретические и прикладные аспекты : учеб. пособие. Казань : Отечество, 2015. 108 с.
7. Desoete A., Roeyers H., Buysse A. (2001). Metacognition and mathematical problem solving in grade 3 // Journal of Learning Disabilities. 2001. Vol. 34. P. 435.
8. Efklides A. Metacognitive experiences in problem solving: Metacognition, motivation, and self-regulation // J. Kuhl, & R. M. Sorrentino (Eds.). Trends and prospects in motivation research. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer, 2001. P. 297–323.
9. Jacobse A.E. & Harskamp E.G. Metacognition Learning. 2012. 7: 133. <https://doi.org/10.1007/s11409-012-9088-x>
10. Osgood C., Suci G., Tannebaum P. The Measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 p.

REFLECTION OF COGNITIVE STATES IN STUDENTS' TRAINING ACTIVITIES

Chernov A.V., PhD, associate professor of general psychology department, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: albertprofit@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a study of the cognitive mental states content of students. Theoretically, the necessity of cognitive states study, as well as the current state of the problem is justified. The practical significance of the study of cognitive states is related to the fact that they are responsible for the productivity of educational, creative, scientific and other types of activity. Cognitive states act as a psychological factor in the development of the intellectual sphere of the subject, thought processes and reflection. In the course of the study, an original list of cognitive states was used, including 24 cognitive states, as well as a number of techniques for studying associative, figurative and evaluative characteristics of mental states, as well as reflection. The study was conducted in the course of students' learning activities. The sample of the study consisted of 98 students at the age of 20-22 years of different specialties of the Kazan Federal University. As a result, typical cognitive states experienced during the students' learning activity were shown. It was found that the most common cognitive states among students during classes are interest, curiosity and meditation. It was revealed that the most frequent associations to cognitive states were "Interest" and "Curiosity". It is established that the development of reflexive processes of recognition, awareness and identification, as well as autoreflexion, improves the cognitive components of states (perception, memory, thinking and imagination), and helps to increase the adequacy, controllability and purposefulness of behavior when students experience cognitive mental states during training activities. It was found that the general evaluation characteristics for the majority of cognitive mental states are the characteristics of their awareness and controllability, which are their system characteristic. In general, when describing the states, the subjects resort to positive assessments. The results obtained will be useful in the further study of the class of cognitive mental states, and their use in practice will contribute to the development in schoolchildren and students of a conscious experience of cognitive states in learning activity.

Keywords: reflection; cognitive state; educational activity; interest; reflection; curiosity.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Чигарькова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: chigars@gmail.com

Аннотация. Патриотические установки в поликультурном обществе могут возникать лишь при развитии налаженного диалога между представителями разных культур. В ситуации межэтнической напряженности внутри общества ощущение безопасности и доверия к стране не может быть в оптимальном состоянии. В нашем исследовании мы рассмотрели отношения двух интегральных личностных характеристик, толерантности и этнической идентичности, и способности к построению межкультурного диалога – культурного интеллекта.

Ключевые слова: личностные особенности; этническая идентичность; толерантность; культурный интеллект; диалог культур.

Введение. Современное российское общество является поликультурным и характеризуется этническим разнообразием граждан. Такая характеристика предполагает поиск решения двух важных задач в развитии российского общества: с одной стороны, разработка патриотической концепции, консолидирующей различные этнические группы в рамках единого государства, с другой стороны, поддержание гармоничных межэтнических отношений в ситуации разнообразия культурных миров. Только в условиях мирного сосуществования различных этнических групп в рамках одного общества возможно формирование патриотической позиции как установки на доверие и готовность к поддержке страны, разделение общих ценностей и принятие общей истории и культуры. В рамках психологической науки мы хотели бы осуществить попытку более целостного понимания данного вопроса через рассмотрение личностных факторов, способствующих диалогу и пониманию культур. Исследователи давно пришли к выводу, что гармоничные межэтнические отношения, помимо других причин, определяются также личностными особенностями. В рамках нашей работы мы хотели бы рассмотреть такие личностные особенности, как этническую идентичность, толерантность и культурный интеллект. Остановимся кратко на каждой из данных личностных особенностей.

Этническая идентичность, толерантность и культурный интеллект как психологические феномены. За рубежом проблема этнической идентичности рассматривается, прежде всего, в рамках психоанализа и экспериментальной психологии (Р. Бенедикт, В. Вундт, Г. Деверо, А. Кардинер, М. Мид, Дж. Хониман, Ф. Хсю и др.), изучаются возрастные особенности этнической идентичности (М. Гудман, К.Б. Кларк, Дж. Макдевид, Дж.Е. Морланд, С. Томпсон, Г. Тэшфел, Г. Ягода и др.), проводится исследование личности в социокультурных системах (М. Блэлок, М. Спино, А. Уоллес и др.). В отечественной психологии этнопсихологическое направление исследований начинает развиваться с середины 1980-х гг. Интерес ученых сначала привлекает этническое самосознание, а затем феномен этнической идентичности, который становится ключевой исследовательской проблемой (В.С. Агеев, А.Г. Асмолов, Л.М. Дробижина, С.Н. Ениколопов, Н.М. Лебедева, В.П. Левкович, Л.Н. Леонтьев, Л.И. Науменко, В.Н. Павленко, Ю.П. Платонов, Л.Г. Почебут, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, Е.И. Шлягина и др.).

В нашем исследовании мы основываемся на подходе Г.У. Солдатовой. Этническая идентичность представляется неким континуумом типов от гипоиентичности к позитивной этнической идентичности и до гиперидентичности [1]. Позитивная этническая идентичность – это сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Гипоиентичность предполагает отрицание собственных этнокультурных ценностей, декларирование свободы от всего, связанного с этническим контекстом. Гиперидентичность представляет собой гиперболизацию этнической идентичности и наличие дискриминационных установок по отношению к другим этническим группам разной степени выраженности.

Исследованием толерантности в зарубежной психологии занимались А. Адорно, А. Маслоу, М. Бубера, Г. Оллпорт, К. Роджерс, В. Франкл. В отечественной психологии проблему толерантности разрабатывали А.Г. Асмолов, И.В. Гришпун, С.Н. Ениколопов, Н.М. Лебедева, Л.Г. Почебут, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, Е.И. Шлягина и др. Г.У. Солдатова определяет толерантность как «интегральную характеристику индивида, определяющую его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического состояния, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и окружающим миром» [2, с. 64]. В контексте межэтнических отношений толерантность играет большую роль в совладании с неопределенностью, разнообразием и сложностью множества культурных контекстов.

Если феномены этнической идентичности и толерантности достаточно известны в рамках отечественной психологии и признаны ключевыми в межэтническом контексте, то концепция культурного интеллекта разрабатывается достаточно недавно. Данную концепцию предложили американский психолог Кристофер Эрли и профессор Сингапурского технологического университета Сун Анг [5], основываясь на современных теориях интеллекта. Культурный интеллект (cultural intelligence – CQ) – это способность индивида эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием. Культурный интеллект рассматривается как многомерный концепт, обладающий многоуровневой структурой и включающий четыре компонента: метакогнитивный, когнитивный, мотивационный и поведенческий. Метакогнитивный CQ предполагает способность планировать и контролировать межкультурное взаимодействие, анализировать и рефлексировать особенности менталитета, идентичности и культурных норм. Когнитивный CQ подразумевает знание норм, обычаев, ценностей и различных практик, принятых в культуре, понимание универсальных и уникальных элементов культуры. Мотивационный CQ представляет способность и желание индивида направлять внимание и энергию на культурный контекст. Поведенческий CQ рассматривается как способность осуществлять соответствующие вербальные и невербальные действия при коммуникации с людьми из разных культур. Таким образом, уровень культурного интеллекта определяет, насколько культурный контекст находится в фокусе внимания в целом, рефлексии собственной культурной традиции и ее роли во взаимодействии с представителями других этнических групп, в целом эффективность в пространстве межкультурных отношений. Культурный интеллект представляет ключевую компетенцию личности, определяющую возможности гармоничного межкультурного взаимодействия и эффективного диалога между культурами.

Патриотическая позиция в своем оптимальном варианте должна формироваться при условии выраженности позитивной этнической идентичности, высоком уровне толерантности и высоком показателе культурного интеллекта.

Процедура и методы исследования

Цель нашей работы: исследование взаимосвязи типов этнической идентичности и толерантности с эффективностью межкультурного взаимодействия.

Гипотезы: 1) Выраженность позитивной этнической идентичности связана с высоким уровнем культурного интеллекта, в то время как выраженность типов гиперидентичности связана с более низким уровнем культурного интеллекта; 2) Высокий уровень толерантности, особенно этнической толерантности, связан с высокими показателями культурного интеллекта, низкий уровень – с более низкими показателями культурного интеллекта.

Методы исследования

В качестве методического инструментария были использованы авторская анкета и три методики, соответствующие поставленным целям исследования:

1. Авторская анкета включала 12 вопросов с закрытыми вариантами ответов и использовалась для получения социодемографических данных и контекстуальных факторов межкультурной коммуникации.

2. «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой состоит из 30 утверждений [4]. Данная методика позволяет измерить выраженность типов этнической идентичности и содержит 6 шкал: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм.

3. Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой и др. состоит из 22 утверждений [4]. Данная методика измеряет общий показатель толерантности, а также включает три субшкалы: этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности.

4. Расширенная «Шкала культурного интеллекта» состоит из 37 утверждений [3]. Данная методика является адаптацией Expanded Cultural Intelligence Scale [6]. В данной методике 4 основные шкалы: мотивационный компонент, метакогнитивный компонент, когнитивный компонент, поведенческий компонент. Каждый из четырех компонентов внутри разбивается на субшкалы: 1) мотивационный – внутренняя мотивация, внешняя мотивация, самооффективность в адаптации; 2) метакогнитивный – планирование, осознание, контроль; 3) когнитивный – общие и контекстные знания; 4) поведенческий – вербальное поведение, невербальное поведение, речевые акты.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 1 545 человек, 1 047 (67,8%) женщин и 498 (32,2%) мужчин, в возрасте от 17 до 91 года (средний возраст $28,46 \pm 11,82$ года), находящиеся в процессе получения высшего образования или получившие его по разным специальностям, из 10 городов России. 1 209 (78,3%) назвали свою национальность как русские или россияне (РФ), 331 (21,3%) человек назвали иные национальности. Остальные 5 человек (0,4%) ответили «не знаю» или «человек мира». В иные этнические группы вошли 97 представителей коренных народов Дагестана (аварцы, дагестанцы, лакцы, табасаранцы, кумыки), татары (72 чел.), армяне (27 чел.), украинцы (19 чел.), азербайджанцы (17 чел.), башкиры (16 чел.), белорусы (8 чел.), казахи (7 чел.), узбеки (6 чел.) и др.

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Связь культурного интеллекта и типов этнической идентичности личности. Корреляционный анализ культурного интеллекта и типов этнической идентичности с использованием коэффициента Пирсона выявил следующие связи: значимые положительные корреляции общего уровня культурного интеллекта с позитивной этнической идентичностью и отрицательные корреляции с типами гиперидентичности. Наиболее

сильные корреляции среди компонентов культурного интеллекта отмечаются в мотивации, особенно с субкомпонентом «внутренняя мотивация»: положительная связь с позитивной этнической идентичностью ($r=0,453$, $p<0,001$), отрицательные связи с этноэгоизмом ($r=-0,516$, $p<0,001$), этноизоляционизмом ($r=-0,434$, $p<0,001$), этнофанатизмом ($r=-0,358$, $p<0,001$). Слабые связи также наблюдаются между мотивационным компонентом культурного интеллекта и типами гипоиентичности – отрицательная корреляция с этнонигилизмом ($r=-0,134$, $p<0,001$) и положительная корреляция с этнической индифферентностью ($r=0,134$, $p<0,001$).

Приведенные данные подтверждают, что этническая идентичность играет важную роль в конструировании межкультурного пространства. Позитивное отношение к своей группе, удовлетворенность от осознания своей этнической идентичности при положительном отношении к другим этническим группам является залогом успешного межкультурного взаимодействия. Гиперболизация этнической идентичности означает появление дискриминационных элементов в межэтнических отношениях, что проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от дискомфорта и раздражения на присутствие членов других групп до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида [4]. Таким образом, трансформации этнического самосознания по типу гиперидентичности препятствуют межкультурному взаимодействию вплоть до жестокого прекращения каких-либо межкультурных связей. По полученным результатам интересным представляется ситуация с другим полюсом этнокультурной идентичности – гипоиентичностью. Так, этнонигилизм, представляющий собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию, отрицательно связан с культурным интеллектом. Это может объясняться тем, что такой человек плохо понимает важность этнокультурного фактора в собственной жизни, вытесняет или вовсе отрицает его, стремится к избеганию культурного контекста в своем окружении. Индифферентная этническая идентичность имеет слабую положительную корреляцию с культурным интеллектом. Мы можем объяснить это тем, что человек с размытой этнической идентичностью более мотивирован на встречу с другими культурными мирами и адаптацию к ним, поскольку не скован нормами, традициями и ценностями своей культуры, менее привязан к ней и более готов к переезду в другую страну.

2. Связь культурного интеллекта и толерантности. Корреляционный анализ культурного интеллекта и уровня толерантности с использованием коэффициента Пирсона выявил следующие значимые связи: общий уровень толерантности положительно связан с общим показателем культурного интеллекта и всеми его компонентами. Наиболее сильные связи существуют между мотивационным компонентом культурного интеллекта, особенно «Внутренней мотивацией», и общим уровнем индекса толерантности ($r=0,402$, $p<0,001$), а также всеми его субшкалами: этнической толерантностью ($r=0,465$, $p<0,001$), социальной толерантностью ($r=0,222$, $p<0,001$), толерантностью как чертой личности ($r=0,197$, $p<0,001$).

Толерантность как общая устойчивость личности к инаковому, незнакомому или чуждому невероятно важна для межкультурной коммуникации. Столкновение с другой культурой, отличной от той, в которой человек вырос, может быть непростым испытанием. Культурная матрица включает в себя огромный пласт особенностей различного порядка: другие традиции, правила, ценности, эстетика, поведенческие нормы, менталитет. Психологическая устойчивость как центральный элемент толерантности становится важным ресурсом для получения позитивного опыта межкультурного взаимодействия. Этническая толерантность определяет отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурной коммуникации. Высокий уровень этнической толерантности является базисом для позитивного отношения к ситуации межкультурного общения и ее участникам, способствуя успешности индивида в поликультурных контекстах.

Таким образом, все гипотезы нашего исследования были подтверждены полученными эмпирическими данными.

Выводы. Понимание личностных особенностей и их связи между собой как условий, определяющих гармоничное сосуществование в поликультурном пространстве, является одной из ключевых задач, осмысление и решение которой обеспечит возможность формирования патриотической позиции. Патриотические установки в поликультурном обществе могут возникать лишь при налаженном диалоге между представителями разных культур. В ситуации межэтнической напряженности внутри общества ощущение безопасности и доверия к стране не может быть в оптимальном состоянии. В нашем исследовании мы рассмотрели роль двух интегральных личностных характеристик, толерантности и этнической идентичности, в эффективности построения межкультурного диалога. Высокий уровень толерантности и позитивная этническая идентичность имеют сильные положительные связи с высокими показателями культурного интеллекта, в особенности с его мотивационным компонентом. Выраженность трансформации этнической идентичности по типу гиперидентичности отрицательно связана с высоким уровнем культурного интеллекта. Таким образом, мы можем говорить, что осознание принадлежности к этнической группе, позитивное отношение к своей группе при доброжелательности к другим национальностям, а также толерантные установки являются основанием для успешной деятельности в межкультурных контекстах и развития эффективного диалога между культурами.

В дальнейшем исследовании мы считаем важным изучение особенностей патриотических установок в поликультурном обществе через призму более широкого комплекса личностных характеристик, обеспечивающих эффективность межкультурного общения. Нам представляется интересным исследование таких личностных особенностей, как толерантность к неопределенности и жизнестойкость.

Литература

1. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 329 с.
2. Солдатова Г.У. Практическая психология толерантности, или Как сделать так, чтобы зазвучали лучшие струны человеческой души // Век толерантности. 2003. № 6. С. 60–78.
3. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Рассказова Е.И. Апробация русскоязычной версии расширенной Шкалы культурного интеллекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики (в печати).
4. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. М. : Смысл, 2008. 172 с.
5. Earley P.C., Ang S. Cultural intelligence: Individual interactions across cultures. Palo Alto, CA : Stanford University Press, 2003.
6. Van Dyne L., Ang S., Ng K.-Y., Rockstuhl T., Tan M.L., Koh C. Sub-dimensions of the four factor model of cultural intelligence: Expanding the conceptualization and measurement of cultural intelligence (CQ) // Social and Personal Psychology: Compass. 2012. Vol. 6, № 4. P. 295–313.

PERSONAL FEATURES AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A DIALOGUE OF CULTURES IN A MULTICULTURAL SOCIETY

Chigarkova S.V., assistant, PhD student department of psychology of personality, faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: chigars@gmail.com

Abstract. Patriotic attitudes in a multicultural society can arise only with the development of an established dialogue between different cultures. In the situation of interethnic tension within the society, a sense of security and confidence in the country can not be in an optimal state. In our study we examined the relationship between two integral personal characteristics, tolerance and ethnic identity, and the ability to build an intercultural dialogue, that is cultural intelligence. Cultural intelligence is the ability of an individual to function effectively and interact in situations characterized by cultural diversity. We suggest the following hypotheses: 1) positive ethnic identity is associated with a high index of cultural intelligence, and hyperidentity is low; 2) a high level of tolerance, especially ethnic tolerance, is associated with high cultural intelligence, a low level, with lower cultural intelligence. As a methodical tool, the author's questionnaire and 3 methods were used that corresponded to the research objectives: "Types of ethnic identity" (Soldatova G.U., Ryzhova S.V.), "Index of tolerance" (Soldatova G.U., Kravtsova O.A., etc.), expanded "Cultural Intelligence Scale" (Soldatova G.U., Chigarkova S.V.). The study involved 1545 people, 1047 (67.8%) women and 498 (32.2%) men, aged from 17 to 91 years old (mean age 28.46 ± 11.82 years) who are in the process of graduating or graduates of different specialties, from 10 cities of Russia. The hypotheses of our study were confirmed by the empirical data. A high level of tolerance and positive ethnic identity have strong positive links with high level of cultural intelligence, especially with its motivational component. The transformation of ethnic identity by the type of hyperidentity relates negatively to a high level of cultural intelligence. Thus, we can say that the recognition of belonging to an ethnic group, the positive attitude towards one's group with goodwill towards other nationalities, and tolerant attitudes are the basis for successful activity in intercultural contexts and development of an effective dialogue between cultures.

Keywords: personal characteristics; ethnic identity; tolerance; cultural intelligence; dialogue of cultures.

УДК 159.9.07

МОТИВАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ДЕФИЦИТЫ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ

М.В. Шабаловская

Сибирский государственный медицинский университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: m_sha79@mail.ru

Аннотация. Содержание мотивационной направленности начинающих ученых представлено преобладанием социального времени и наличием мотивационных дефицитов и ресурсов, оказывающих влияние на эффективность научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: мотивация; мотивационные ресурсы и дефициты; временная перспектива; научно-исследовательская деятельность; начинающие ученые.

Ведущим видом деятельности молодых ученых (магистров, аспирантов) является научно-исследовательская деятельность, результатом которой становится систематизация объективных знаний о мире, позволяющая творчески подойти к решению исследовательских целей и задач [1, 10]. Занимаясь научно-исследовательской работой, начинающие ученые сталкиваются с трудностями различного характера, невозможность преодоления которых приводит к снижению творческой активности начинающих ученых, лишению смысла их интеллектуальных усилий в научном поиске [3, 4, 6, 11]. Одним из ресурсов, помогающих справиться с внешними и внутренними препятствиями, которые проявляются в психологических барьерах в научно-исследовательской деятельности, является мотивация [2, 5, 10].

Согласно Д.А. Леонтьеву [8], побудителем к той или иной деятельности является именно предмет потребности, т.е. мотив. В отличие от целей мотив не всегда может быть осознан, его понимание происходит через осознание личностного смысла: ради чего субъект совершает те или иные действия. По мнению Ж. Нютте-

на, существует некоторая временная перспектива, которая задается мотивационными объектами, детерминирующими поведение. Она характеризуется протяженностью (прошлое, настоящее и будущее), структурой (средство-цель) и насыщенностью (сколько объектов содержит в себе тот или иной период времени) [9, с. 9]. Как отмечает Н.Н. Толстых [12], цели и мотивы, во времени далеко выходящие за пределы актуальной ситуации жизнедеятельности субъекта, становятся средством саморегуляции, преодоления ситуативности поведения, формирования способности к активному (а не реактивному) поведению. Человек, у которого цели преобладают в ближайшем периоде времени, имеет ограниченную перспективу будущего, что порождает ситуацию переживания немедленного достижения. Людям, у которых объекты мотивации в большинстве своем сосредоточены в отдаленном будущем, свойственно обладание значительной протяженностью перспективы будущего. У них меньше краткосрочных целей. Это позволяет им разрабатывать долгосрочные мотивационные проекты и откладывать удовлетворение, являющееся результатом достижений.

С целью понимания возможных психологических трудностей в процессе научно-исследовательской деятельности были проанализированы содержание мотивационной направленности и временная перспектива начинающих ученых. Определялись возможные мотивационные дефициты, которые могут ограничивать или не соответствовать эффективной научно-исследовательской деятельности, а также мотивационные ресурсы, способствующие успешному осуществлению научной работы.

Материалы и методы. Мотивационная направленность выявлялась с помощью метода мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена в адаптации Д.А. Леонтьева. Методика состоит из 40 неоконченных предложений и позволяет изучить содержание мотивации и временной перспективы через анализ целей, сформулированных самими испытуемыми. Методика начинается со слов: «Как аспирант...», далее следует перечень неоконченных предложений. Испытуемым было предложено закончить эти предложения, обозначив все свои цели, которые они реально осуществляют, и намерения, которые хотели бы реализовать. Обработка результатов включила в себя на первом этапе отнесение соответствующего знакового кода к той или иной временной перспективе и объекту в каждом предложении, создание матрицы в Microsoft Excel 2010; на втором – выявление среднegrupповых значений и частоты встречаемости той или иной временной перспективы и объектов мотивации; на третьем – контент-анализ наиболее встречаемых значений. В исследовании принимали участие 130 начинающих ученых (аспиранты и магистры, привлеченные к научно-исследовательской деятельности) вузов г. Томска в возрасте от 21 до 35 лет, мужского пола – 53 человека, женского – 77 человек.

Результаты и их обсуждение. Выявлены доминирующие мотивационные категории у молодых ученых (табл. 1): «Самореализация» (44,5%), «Мотивация целостной личности» (28,5%) и «Коммуникации» (13%). Менее выражены такие мотивационные категории, как «Материальные ценности» (5,2%), «Познавательная мотивация» (4,6%), «Досуг» (4,2%).

Т а б л и ц а 1

Частота мотивационных категорий

Мотивационные категории	Количество единиц	Частота встречаемости, %
Самореализация:	1 946	44,5
– Полноценная учеба	1 408	72,4
– Профессиональная деятельность	394	20,2
– Самореализация	142	7,3
– Вторая работа	2	0,1
Мотивация целостной личности:	1 245	28,5
– Я как целое	364	29,2
– Способности	244	19,6
– Я-концепция	232	18,6
– Характер и черты личности	214	17,2
– Самосохранение	142	11,4
– Личностная автономия	42	3,4
– Физические характеристики	7	0,6
Коммуникации:	568	13
– Социальная реципрокность	247	43,4
– Желания и опасения, касающиеся других	81	14,2
– Интимный контакт	64	11,2
– Отношения в семье	52	9,1
– Коммуникация с учителями	40	7
– Эгоизм	36	6,3
– Альтруистический контакт	16	2,8
– Коммуникации в группе	14	2,5
– Коммуникации с друзьями	13	2,3
– Коммуникации с неизвестными людьми	5	0,9
Мотивация обладания:	229	5,2
– Обладание объектами, относящимися к учебе и профессиональной деятельности	184	80,3

Мотивационные категории	Количество единиц	Частота встречаемости, %
– Обладание вообще	43	18,8
– Объекты для отдыха	2	0,9
Познавательная мотивация:	203	4,6
– Жизненный опыт	128	63,1
– Познание	58	28,6
– Экзистенциальные и трансцендентальные объекты	7	3,4
– Стремление понимать других	6	3
– Самопознание	4	2
Отдых:	184	4,2
– Отдых вообще	140	76,1
– Сенсорное или чувственное удовольствие	21	11,4
– Физический отдых		
– Досуговая активность, мотивированная познавательным интересом	16	8,7
	7	3,8

Наиболее доминирующая мотивационная категория «Самореализация» выражает активность субъекта, направленную на развитие своей собственной личности и потенций, т.е. объектом активности становятся сама личность, видение своего личностного развития в контексте какой-либо профессиональной области, а также стремление к достижению поставленных целей. Это говорит о высоком желании аспирантов и магистров актуализировать свои потенции, они настроены как можно скорее реализовать себя в профессиональном плане. Смысловое содержание данной категории представлено в большей степени объектами мотивации, которые направлены на успешное осуществление научно-исследовательской работы и подготовку к профессиональной деятельности. К этой категории относятся следующие группы мотивов: «Полноценная учеба» – 72,4% (закончить обучение, защититься, написать хорошую научную работу, сдать экзамены, опубликоваться в журналах, получить достойные результаты, стажироваться за рубежом); «Профессиональная деятельность» – 20,2% (желание стать профессионалом своего дела, заниматься преподавательской деятельностью после окончания университета, достичь высоких результатов в профессиональной деятельности, сделать карьеру, стать ученым, работать за рубежом); «Самореализация» – 7,3% (стремление к самореализации, самоутверждению и самоактуализации); «Вторая работа» – 0,1% (найти работу вне университета, желание зарабатывать деньги, сожаление о невозможности работать в данный момент).

«Мотивация целостной личности» представлена мотивациями, относящимися к целостной личности (доминирует Я-концепция) и определенным способностям (интеллектуальные, специальные умения). К этой категории относятся следующие группы мотивов: «Я как целое» – 29,2% (достичь целей, быть успешным, быть счастливым, получить желаемое, быть известным, быть лучшим, все будет хорошо); «Способности» – 19,6% (владеть иностранными языками, научиться чему-то новому, научиться мыслить и изъясняться, усваивать больше материала, играть на музыкальных инструментах, быстро обучаться и интерпретировать результаты, запоминать все с первого раза); «Я-концепция» – 18,6% (стать достойным человеком, быть лучше, чем есть, стать лучше, гордиться собой в будущем, а также сожаления о своих поступках и сомнения в собственных силах); «Характер и черты личности» – 17,2% (быть сдержаннее, планировать время, быть спокойнее и увереннее, отстаивать свое мнение, терпеливость, решительность, самодисциплина, все успевать, работать над собой, быть уверенным в себе, сожаления о своей неорганизованности и лени); «Самосохранение» – 11,4% (стремление к гармонии и спокойствию, желание быть здоровым и дожить до пенсии, потребность во сне и пище, выживание, уметь справляться со стрессами); «Личная автономия» – 3,4% (жить отдельно, самостоятельная жизнь, независимость, свобода, не зависеть от чужого мнения, следовать своему пути, все будет по-моему); «Физические характеристики» – 0,6% (стать сильнее, вести более здоровый образ жизни).

К категории «Контакты» относятся объекты мотивации, направленные на желание вступить в контакт или взаимодействие в той или иной форме с различными людьми, оказывать на них влияние. К этой категории относятся следующие группы мотивов: «Социальная реципрокность» – 43,4% (признание, одобрение, диссертация будет востребована, результатами исследования воспользуются, работу оценят, за меня напишут диссертацию, критика, поощрения, похвала, отличные отзывы о работе, родители будут гордиться, образование в РФ улучшится, понимание и терпение со стороны научного руководителя, научный руководитель запомнит меня в лицо, мою фамилию вспомнят, цитирование моих работ, студенты проникнутся серьезностью исследования); «Желания и опасения, касающиеся других» – 14,2% (счастье семьи, здоровье семьи, оправдать ожидания, не подвести людей, оправдать доверие научного руководителя и родителей, мир во всем мире, счастье для всех); «Интимный контакт» – 11,2% (родить детей, завести семью, найти любовь, стать замечательной мамой и женой, ожидание счастья любви); «Отношения в семье» – 9,1% (мало уделяю времени семье, ничего не пожалел бы для родных и близких, страх потерять близких); «Коммуникация с учителями» – 7% (не всегда складываются отношения с научным руководителем, встреча с научным руководителем, принять помощь от научного руководителя, обсуждать вопросы с проректорами, недовольство руководителя); «Эгоизм» – 6,3% (мое исследование окажется последним для науки, моя жизнь станет примером для других, доказать мою правоту, стать сверхчеловеком, иметь машину времени); «Альтруистический контакт» – 2,8% (помогать людям, сделать мир лучше,

сделать всех счастливее, творить добро); «Коммуникации в группе» – 2,5% (работа с интересными людьми, завязать знакомства с иностранными коллегами, работать в команде); «Коммуникации с друзьями» – 2,3% (найти своих друзей, страх остаться без друзей, встретить старых друзей); «Коммуникации с неизвестными людьми» – 0,9% (опасение людей и конкурентов).

К группе «Мотивация обладания» относятся: «Объекты, относящиеся к учебе и профессиональной деятельности» – 80,3% (получить ученую степень, получать стипендию, получить разряд КМС, получать деньги за научную деятельность, получить Нобелевскую премию, получить грант, звание профессора, стать академиком РАН, статьи ВАК); «Обладание вообще» – 18,8% (больше зарабатывать, быть более обеспеченным материально, автомобиль и жилье, большой дом, прибыль в 1 000 000 долларов в месяц, обеспеченная старость, начать экономить, нехватка денежных ресурсов); «Объекты для отдыха» – 0,9% (мотоцикл).

«Познавательная мотивация» представлена следующими группами мотивов: «Жизненный опыт» – 63,1% (получить нужный опыт, готов к неизвестному, посетить много стран и посмотреть разные культуры, познать мир, готов к трудностям и переменам, уже ничего не хочу); «Познание» – 28,6% (познавать, знать все, расширить свой кругозор, узнать что-то, не известное другим, найти ответы на все, все понять); «Экзистенциальные и трансцендентальные объекты» – 3,4% (не найду смысл жизни, понимание сути человеческого бытия, прожить жизнь достойно и по заповедям, духовное обогащение); «Стремление понимать других» – 3% (уметь понимать других, понимать женщин, понимать нации, читать мысли людей, лучше понимать окружающих); «Самопознание» 2% (самопознание, понимать свои белые пятна, пересмотреть планы на будущее).

Мотивационная категория «Отдых» включает следующие группы мотивов: «Отдых вообще» – 76,1% (отдохнуть, путешествовать, уехать на море, расслабиться, целую неделю провести дома); «Сенсорное или чувственное удовольствие» – 11,4% (прогулка на яхте, расслабиться на природе, слушать музыку в роще, мороженое, кубанская сигара); «Физический отдых и хобби» – 8,7% (заниматься любимым делом, смена деятельности, когда-нибудь закончу работу и займусь другими делами); «Досуговая активность, мотивированная познавательным интересом» – 3,8% (написать роман, творчество, иметь больше времени для чтения художественной литературы, успеть в театр).

Результаты исследования показали, что все перечисленные мотивационные объекты относятся в основном к социальному времени – это события, которые могут быть реализованы аспирантами и магистрами в течение нескольких лет или в течение всей жизни и сконцентрированы в таких временных перспективах как «вуз, предпрофессиональная подготовка» – 25,3% (от общего числа высказываний), «Жизнь когда угодно» – 25,2% и «Открытое настоящее» – 10,4%. Согласно Н.Н. Толстых [12], таким респондентам свойственно обладание значительной протяженностью перспективы будущего и позволяет им разрабатывать долгосрочные мотивационные проекты.

Обсуждение. Преобладание социального времени указывает на то, что начинающие ученые способны видеть результаты научно-исследовательской деятельности в развернутой временной перспективе, им свойственно обладание значительной протяженностью перспективы будущего. Однако концентрация на будущем без учета реального времени может свидетельствовать о том, что мечты не подкреплены реальными действиями для достижения целей, начинающие ученые не создают подцели, заполняющие дистанцию между настоящим и будущим. Респонденты чаще разрабатывают долгосрочные мотивационные проекты и меньше сосредоточены на краткосрочных целях, которые и являются регуляторными механизмами в процессе самой исследовательской работы и способствуют достижению результата.

Согласно полученным данным, к мотивационным дефицитам можно отнести мотивационные объекты, которые слабо представлены у респондентов, но являются необходимыми в научно-исследовательской деятельности. К таковым мы отнесли низкую познавательную мотивацию, которая проявляется в желании расширить кругозор, узнать что-то новое, получить опыт и пр.; мотивы, связанные с обладанием объектами, относящимися к учебной и профессиональной деятельности, и мотивы активного отдыха, которые невозможно реализовать в процессе научной деятельности. Кроме того, к мотивационным дефицитам относятся мотивы, ограничивающие эффективность научно-исследовательской деятельности. К таковым относятся потребность в зарабатывании денег и поиск работы, желание развивать специальные способности, низкая оценка собственных личностных качеств, некоторые социальные мотивы (потребность в признании, поощрении, страх не оправдать доверие других людей). К мотивационным дефицитам можно отнести наличие противоречивых мотивационных объектов, например, с одной стороны – высокая потребность в самореализации и с другой – низкая познавательная мотивация; с одной стороны – существующая потребность в отдыхе, расслаблении и с другой – невозможность реализации данной потребности в настоящее время; с одной стороны – потребность в социальном одобрении и с другой – страх не оправдать доверие других.

Успешное выполнение продуктивной деятельности требует таких важных мотивационных характеристик, как интерес к выполняемому делу, вера в свои способности достичь результата, умение планировать деятельность и справляться с трудностями, проявляя настойчивость [7]. Так, мотивационными ресурсами, которые доминируют в содержании мотивационной направленности и на которые могут опираться начинающие ученые в процессе научной работы, являются потребность в достижении и личностном развитии в учебной и профессиональной деятельности, потребность в развитии собственных способностей и индивидуальных характеристик, потребность в новых контактах.

Таким образом, у начинающих ученых во временной перспективе преобладает социальное время, которое представлено такими мотивационными объектами, как «Самореализация», «Мотивация целостной личности», «Контакты», «Мотивация обладания», «Познавательная мотивация» и «Отдых». Мотивационными ресурсами для успешной научной деятельности являются потребность в самореализации, развитии личностных качеств и потребность в социальных отношениях. Выделенные мотивационные дефициты (низкая познавательная мотивация, потребность в обладании материальными объектами, низкая оценка личностных качеств, внешние социальные мотивы) профессионально-личностного становления в процессе научно-исследовательской деятельности могут порождать стресснапряжение и социально-психологическую дезадаптацию начинающих ученых. Полученные знания о потребностях начинающих ученых, мотивационных дефицитах могут являться основой для составления практических рекомендаций по профилактике психологической дезадаптации аспирантов и магистров в процессе их научно-исследовательской деятельности.

Литература

1. Аллавердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки : учеб. пособие. М. : Моск. психол.-социальный ин-т; Флинта, 1998. 312 с.
2. Бохан Т.Г. Возрастные и социально-психологические характеристики копинг-стратегий в периодах юношества и ранней зрелости // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16–17. С. 66–72.
3. Бохан Т.Г. Проблема стресса и стрессоустойчивости современного человека в парадигме постнеклассической психологии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 2. С. 16–21.
4. Бохан Т.Г., Баланев Д.Ю., Мацута В.В., Щеткина Н.Н., Таскина И.А., Фрокол А.С. Личностная готовность к инновационному поведению молодежи народов Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 110–114.
5. Бохан Т.Г., Галажинский Э.В., Мещерякова Э.И. Этнопсихологические, гендерные и возрастные особенности совладающего поведения подростков и юношей разных национальностей Сибирского региона // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 71–78.
6. Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Малкова И.Ю., Даничкина В.Е. Психические состояния, сопровождающие становление научно-исследовательской деятельности молодых ученых // Сибирский психологический журнал. 2016. № 60. С. 93–108.
7. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М., 2006. 336 с.
8. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотиваций и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М., 2009. 702 с.
9. Нюттен Ж. Мотивация, деятельность и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с.
10. Огородова Т.В., Медведева Ю.С. Мотивационные структуры субъектов научной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 26 (317). С. 77–80.
11. Серга М.Ю. Подготовка научных кадров в России: объективные и субъективные проблемы аспирантов // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 559–562.
12. Толстых Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно исторический подход : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 54 с.

MOTIVATIONAL RESOURCES AND DEFICITS IN SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES FOR BEGINNING SCIENTISTS

Shabalovskaya M.V., Ph.D., associate professor of General and differential psychology department of FSBEI HE SSMU of Ministry of Healthcare of Russian Federation, associate professor of psychotherapy and psychological counseling department of NR TSU, Tomsk, Russia. E-mail: m_sha79@mail.ru

Abstract. Motivational objects and a temporary perspective for beginning scientists have been analyzed. Motivational resources and deficiencies of postgraduate students and masters in the process of research activity are revealed. J. Nutten's method of motivational induction (MMI) was used in the adaptation of D.A. Leontief. 130 beginning scientists (graduate students and masters involved in research activities) from the universities of Tomsk, aged 21 to 35, participated in the study. As motivational resources contributing to the successful implementation of research work, young scientists have identified the need for self-fulfillment in educational and professional activities, the need to develop their own abilities and the need for new contacts. Motivations that limit or do not correspond to effective scientific research activity serve as motivational deficiencies. This is a low cognitive motivation, the need for possession of material objects, a low assessment of personal qualities and the prevalence of external social motives.

Keywords: motivation; motivational resources and deficits; a time perspective; research activities; beginning scientists.

ФОТОКОНТЕНТ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ВИЗУАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЦИФРОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В ИНТЕРНЕТЕ

А.В. Шиленина, Г.А. Окушова, Е.В. Полянская

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: okushova@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-70004.

Аннотация. Рассматривается фотоконтент как один из самых популярных типов контента, создаваемого цифровыми кочевниками для идентификации и самопрезентации в киберпространстве.

Ключевые слова: цифровые кочевники; визуальная самопрезентация; фотоконтент; Интернет; фотографические жанры; Instagram.

Современная аудитория коммуникативных платформ Интернета – это поколение Y / поколение Миллениум (терминология американских авторов теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува). В описании поколения Y среди исследователей наблюдается редкое единодушие. Называя их детьми киберреволюции, они утверждают, что для «игреков» цифровые гаджеты и новые медиа (Интернет, мобильная связь и пр.) – нечто большее, чем технические игрушки. Это неотъемлемый атрибут жизни! С помощью цифровых технологий они создают свои личные миры и способны не только учиться, работать, но и жить в online-режиме. В последние годы исследователи особым образом выделяют одну из самых мобильных социальных групп поколения Y – цифровых кочевников. Они обладают рядом уникальных характеристик: постоянная подключенность к глобальной Сети, гибкость мышления, способность ориентироваться и функционировать в электронном мире в ситуации многозадачности. Рассматривая стилистику коммуникации цифровых кочевников, можно отметить, что открытость и равноправность в общении, диалогичность дополняются полилогичностью в рамках сетевого общения, горизонтальность взаимодействия, неформальность общения и готовностью к обмену информацией.

Живя в условиях «реальной виртуальности» (М. Кастельс), они находятся в потоке активных интернет-коммуникаций. Основой этой активности цифровых кочевников является контент – базовый социальный ресурс электронных взаимодействий. Именно его создание и трансляцию в условиях электронной коммуникации можно рассматривать как самопрезентацию – процесс визуального «предъявления Я-информации» (О.А. Пикулева) [6]. В рамках данной статьи рассматривается один из самых популярных типов цифрового контента – фотоконтент, создаваемый цифровыми кочевниками для идентификации и самопрезентации в киберпространстве. Цифровые кочевники используют фотографию как эффективное средство визуальной интернет-коммуникации, отражающей их «образ Я». Фотография является неотъемлемой частью коммуникации в современном обществе и без нее трудно представить информационное пространство новых медиа.

За свою долгую и богатую историю, которая началась еще в XVI в., фотография не только прочно вошла в общественную жизнь, но и претерпела значительные изменения. Официально годом рождения фотографии считается 1839 г., когда астроном и физик Л.-Ф. Араго на заседании Академии наук в Париже представил новый процесс воспроизведения изображения механическим путем благодаря изобретению, похожему на «камера-обскура». Первые фотографии были черно-белыми, но уже в 1861 г. Дж. Максвеллом был сделан первый цветной фотоснимок по методу трехцветной фотографии. Стремление насытить фотографию естественными красками появилось практически сразу, и уже к середине XX в. у фотографов появилась возможность создавать полностью цветной снимок.

Сегодня, с появлением цифровой технологии, процесс фотографирования и получения готового снимка занимает всего несколько секунд. Современная фотография с высокой точностью передает объект съемки. Обладая наглядностью и специфическими образными характеристиками, фотография стала незаменимым средством коммуникации в киберпространстве, что способствовало ее популяризации среди пользователей глобальной Сети. Более того, в современном коммуникативном пространстве фотография порой играет более важную роль, чем текстовая информация, потому что визуальный образ становится основным средством передачи информации.

Отметим, что долгое время особую роль в передаче информации играл текст, и это определяло ведущее место изучения текстовой информации в научных исследованиях. В XX в. в научном обществе была обоснована важность изучения визуальных источников информации. В научном дискурсе на смену «лингвистическому повороту» пришел «визуальный». С появлением фотографии и кино полностью изменился характер визуальной культуры. Осмысление роли носителя (медиума) и средств массовой коммуникации привело к постановке ряда новых вопросов, в частности проблемы «развоплощенного образа» (disembodied image), т.е. образа, воспринимаемого и рассматриваемого независимо от его материального носителя. В этот период историки искусства начинают обращаться к философскому осмыслению идеологии, поэтому ключевыми авторами, оказавшими

влияние на формирование нового направления, являются Р. Барт, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Лакан, Г. Дебор, а также представители так называемой «критической теории», в первую очередь В. Беньямин.

Методологическую базу данного исследования представляют подходы к изучению фотографии французских мыслителей Р. Барта и П. Бурдьё. Так, в своей работе «Camera Lucida» Р. Барт пишет о том, что фотография повторяет то, что уже никогда не может повториться в плане экзистенциальном. Он указывает на такую возможность фотографии, как возвращение в прошлое. Согласно исследователю, человек, находясь перед объективом камеры, конституирует себя в процессе «позирования»: он мгновенно сформировывает себе другое тело, заранее превращая себя в образ. По мнению Р. Барта, фотография включает в себя три знаковые составляющие: Operator – сам фотограф, Spectator – тот, кто просматривает фотографию на любом из носителей, а тот или та, кого фотографируют, – род небольшого симулякра, Барт называет его или ее фотографическим Spectrum'om, ибо это слово благодаря своему корню сохраняет связь со «спектаклем». Суть деятельности Operator'a Барт видит в том, что он застаёт что-то или кого-то (благодаря своей камере) врасплох. В совершенстве это действие достигает всех своих целей максимально, когда оно совершается незаметно для фотографируемого субъекта. Spectator становится способным выбирать фотографию, исходя из своих эмоциональных реакций по отношению к ней. Различные фотографии вызывают у Spectator'a различные эмоции, которые могут варьировать от приступов ликования до отвращения. Таким образом, основная роль Spectator'a в процессе восприятия фотографии – определить свое отношение к ней, будь то положительное или отрицательное. Что же касается Spectrum'a, то он выступает не просто как фотографируемый объект, основная суть Spectrum'a – это эмоциональная составляющая: то, что хочет увидеть Operator, делая фотографию. Фотография, по мнению исследователя, имеет возможность «воскрешать» в памяти фотографируемый объект [1].

В свою очередь, П. Бурдьё осуществляет социологическое и антропологическое исследование фотографического поведения людей разных социальных групп. Оно включает в себя разные практики: фотографировать, фотографироваться, рассматривать фотографии. П. Бурдьё пишет, что из всех качеств объекта в фотографии удерживается только одно – визуальное, которое появляется на мгновение. Оно схватывается с одной точки зрения, обычно записывается в черно-белом цвете, как правило, уменьшается в размере и всегда проецируется на плоскость. По мнению П. Бурдьё фотография является конвенциональной системой, которая выражает пространство в терминах законов перспектив (скорее, одной перспективы) и объемов. Факт фотосъемки, хранения или рассматривания фотографий может принести удовлетворение в пяти областях: 1) защиты от бега времени, 2) коммуникации с другим и выражения чувств, 3) реализации самости, 4) социального престижа, 5) развлечения или эскапизма [3].

Несмотря на то, что исследования Р. Барта и П. Бурдьё были проведены по отношению к бумажной фотографии, они полностью применимы и к современной цифровой фотографии. Следует отметить, что сегодня фотография играет особую роль в осуществлении визуальной коммуникации. Ее особенность состоит в том, что она с точностью показывает объект реальности на плоском носителе, будь то бумага или цифровой носитель. Фотографию можно разделить на три категории в зависимости от ее характера: эмпирическая (профессиональное фото / любительское фото), риторическая (фото пейзажей, натюрморты, портреты, нагая натура) и эстетическая (реалистическая фотография / художественная фотография). Определенная фотография не отличается от своего референта (того, кто на ней представлен) или, во всяком случае, она не отличается от него непосредственно: захват фотографического означаемого не является невозможной задачей (профессионалы с ней справляются), но оно требует вторичного рефлексивного акта. Р. Барт указывает на то, что «фотография как бы постоянно носит свой референт с собой» [1].

Сегодня фотография стала не только равноправным произведением искусства, товаром арт-рынка, но и средством осуществления коммуникации. Она утвердилась в качестве самостоятельного жанра изобразительного искусства. Современная фотография создает новый способ отношения к реальности и активно используется в идентификационных стратегиях в визуальной самопрезентации цифровых кочевников в Интернете. Подтверждением этого являются результаты контент-анализа профилей цифровых кочевников в социальной сети Instagram. Путешествуя по миру, цифровые кочевники публикуют фотографии на своих страницах в социальных сетях, ведут блоги с использованием большого количества фотографий разных жанров. Имея возможность «рассказывать» с помощью фотографии о своей жизни из любого уголка планеты цифровые кочевники стали способными формировать картину мира для людей оседлых. Многие пользователи Интернета внимательно следят за блогами цифровых кочевников и их страницами в социальных сетях. Так они получают иллюстративное представление о том, каким образом можно отдохнуть в той или иной стране, какие достопримечательности можно посетить, в какой ресторан сходить и в какой гостинице остановиться.

Чтобы осуществлять активную коммуникацию в электронной среде, цифровые кочевники используют различные способы привлечения внимания к своим персональным страницам среди пользователей. Одним из таких способов можно назвать использование определенных фотографических жанров, которые бы в большей степени отражали их образ и позицию. Изучив различные страницы цифровых кочевников в социальной сети Instagram, нами были выделены следующие жанры:

1. *Селфи* – это один из популярнейших на сегодняшний день жанров фотографии. Его можно определить как разновидность автопортрета, созданного при помощи мобильных устройств, – это фотография себя на расстоянии вытянутой руки или с использованием дополнительного устройства – монопода. Согласно классифи-

кации Р. Барта, в селфи сливаются воедино все три лица, участвующие в процессе съемки – фотограф, модель, зритель (Operator, Spektrum и Spektator). Однако в объектив камеры попадает лишь малая часть реальности: обычно это лицо или другая часть тела, и не всегда полностью. Селфи становится инструментом самоовеществления, сокращающим разрыв между медиапространством и нашей реальной жизнью [4]. При этом с точки зрения П. Бурдье данный вид жанра способствует некоторой защите от бега времени. Связано это в данном случае с тем, что фотографируя себя в процессе путешествия, цифровой кочевник останавливает момент «сейчас». Таким образом, можно говорить об остановке времени и фиксации момента. Spektator'ом здесь может быть не только сам фотограф, но и те, в чьи руки попадет фотография, кто увидит ее на экране своего монитора. В данном случае решающую роль играет эмоциональная составляющая, благодаря которой Spektator решает, каким образом отреагировать на фотографию и отреагировать ли.

2. *Фуд-фотография* (от английского слова «food» – еда) – один из жанров предметной фотосъемки. Это съемка напитков и различных продуктов питания, и ее основная задача – фотографирование блюда таким образом, чтобы на изображении оно выглядело очень аппетитным и вкусным. Фуд-фотографию можно разделить на четыре категории: «этикетная» съемка (фото на упаковках готовой продукции), фотографирование блюд для меню различных заведений, а также блогерская (описание рецептов с поэтапным приготовлением) и мобильная фотографии [2]. Здесь основную роль играет Operator, который полностью контролирует процесс съемки. Он устанавливает композицию, контролирует свет, добавляет необходимые фильтры и т.д. В данном жанре важно сделать фотографию привлекательной для Spektatora, чтобы у него появилось желание во время путешествия посетить тот же ресторан и заказать то же самое блюдо. Согласно классификации П. Бурдье, данный жанр фотографии удовлетворяет потребность в области развлечения и эскапизма. Данный вывод обусловлен тем, что фуд-фотография отражает демонстрацию удовлетворения естественной потребности в приеме пищи, но в связи с тем, что в данном случае фотография еды выступает в качестве эстетического образа, создается некоторая иллюзорность объекта съемки.

3. *Пейзаж* (фр. paysage, от pays – страна, местность) – один из старейших, но по-прежнему один из наиболее популярных жанров изобразительного искусства, в котором основным предметом изображения является первозданная либо в той или иной степени преобразенная человеком природа. Современные представления о пейзаже сформировались на протяжении столетий с развитием художественных приемов для его изображения. В пейзажном произведении особое значение придается построению перспективы и композиции вида, передаче состояния атмосферы, воздушной и световой среды, их изменчивости [7]. Здесь максимально важна роль Operator'a. Его задачей выступает показ того места, где он находится, таким образом, чтобы не просто привлечь Spektatora к снимку, но вызвать желание последовать его примеру, начать кочевую жизнь. Особая эстетическая привлекательность достигается путем добавления различных фильтров, удачного ракурса, а также правильной композиции. Данный тип жанра был определен нами как способ реализации самости. Благодаря чему был сделан такой вывод? Исходя из того, что цифровые кочевники проводят свою жизнь в пути, для них очень важной является демонстрация того места, где они находятся. В эпоху цифровых технологий отсутствие фотографий тех мест, куда ты съездил, означает, что никакого путешествия не было. Тем самым, благодаря жанру пейзажа, цифровые кочевники способны показать реализацию своего образа и стиля жизни.

4. *Подводная съемка* – это съемка различных объектов, находящихся под водой. Как правило, такая съемка осуществляется с применением водонепроницаемого мобильного устройства или с помощью любого фотографического устройства, помещенного в водозащитный чехол. Основную работу здесь снова выполняет Operator. Именно на его плечи ложится задача не просто получить удачный кадр, но и познакомить Spektatora с совершенно иным миром – подводным. Здесь становится необходимым быть подготовленным как физически, так и технически. Чтобы получить привлекательный подводный кадр, очень важно иметь соответствующее для этого водонепроницаемое оснащение и, самое главное, быть настолько отчужденным от пребывания в непривычной среде, чтобы суметь сохранить естественность (тщательно продумать кадр таким образом, чтобы он мог стать привлекательным для Spektator'a). С другой стороны, если в подводной среде кочевник выступает как Spektrum, необходимо суметь влиться в эту среду и стать ее неотъемлемой частью на снимке. Рассматривая этот жанр согласно концепции П. Бурдье, можно выделить несколько составляющих: это в первую очередь развлечение и эскапизм, что демонстрирует то, каким образом можно построить свой досуг во время путешествия в жаркие страны; также достаточно остро прослеживается стремление максимально реализовать самость, кочевник должен «попробовать все» и побывать везде.

5. *Аэрофотосъемка* – фотографирование территории с высоты до сотен метров при помощи аэрофотоаппарата (квадрокоптера), управляемого посредством мобильного устройства. Данный жанр является более сложным, чем предыдущие. Здесь Operator, как и в предыдущем случае, должен пользоваться дополнительными средствами (будь то квадрокоптер или какой-то летательный аппарат), в противном случае получить фотографию, обладающую таким широким охватом, каким обладает аэрофотография, будет невозможно. Данный жанровый тип также включает в себя функцию развлечения и эскапизма, что обуславливается использованием летательных аппаратов для получения кадра. Как правило, эти аппараты используются для развлечения (как экстремальный вид отдыха – парашют, параплан и т.д., а также «созерцательный» – воздушный шар, вертолет). С другой стороны – это демонстрация социального престижа, потому что такой инструмент фотосъемки, как квадрокоптер, является достаточно дорогостоящим, да и полеты на различных летательных аппаратах также требуют финансовых вложений.

6. *Трэвл-фут-фотография* – фотография ног путешествующего человека, как правило, сделанная на природе, своеобразная геометка. Используется путешественниками с целью обозначить часть себя на фоне того места, где они были. Большинство исследователей не выделяют этот жанр, но мы считаем, что данный жанр фотографии является одним из ключевых, так как благодаря этому жанру пейзаж становится персонализированным и связывает фотографируемое и фотографирующего. В данном жанре объединяются два лица: Оператор и Spektrum. Но Spektrum в данном случае не выступает как полноценный участник фотографируемого. В связи с тем, что он одновременно является и Оператором, для Spektatora он может показать только часть Spektruma (т.е. ноги). Таким образом, объединяя в данном случае два лица, цифровой кочевник персонализирует пейзажный кадр и подтверждает то, что он находился в определенном месте, благодаря чему фотография косвенно приобретает эмоциональную окрашенность. Здесь, как и в случае с пейзажем, происходит реализация самости, которая усиливается нахождением кочевника в кадре. С другой стороны, здесь усиливается роль защиты от бега времени: «я здесь и сейчас нахожусь в этом месте».

7. *Раскладка* – это фотография разложенных на поверхности предметов [5]. В данном случае снова главную роль выполняет Оператор, так как он демонстрирует важные для него предметы, необходимые в тот или иной момент. Кроме этого, это может быть демонстрация своих творческих работ и т.д. Благодаря этому жанру он привлекает Spektatora к своей личности, сближается с ним, позволяет ему войти в свой мир. Рассматривая данный жанр с точки зрения концепции П. Бурдые, можно отметить в первую очередь реализацию самости, которая проявляется в том случае, если Оператор демонстрирует свои работы. С другой стороны, он может показать свой престиж, если его целью будет демонстрация каких-либо дорогостоящих вещей. У Оператора появляется возможность осуществить коммуникацию посредством выражения своего отношения к предметам, привлечь Spektatora к предметам и вызвать определенную дискуссию.

Таким образом, в эпоху информационной «третьей волны» (Э. Тоффлер) коммуникативное пространство, в частности киберпространство, без опоры на визуальный образ представить уже невозможно. Мы предприняли попытку проанализировать фотографии цифровых кочевников, опубликованные в социальной сети Instagram, основываясь на подходах Р. Барта и П. Бурдые. Следует отметить, что фотография сохранила свои базовые характеристики даже с переходом в цифровой формат и изменением своих функциональных задач. Согласно подходу Р. Барта, в восприятии и создании фотографии играют роль три лица: Оператор – фотограф, Spektrum – фотографируемый и Spektator – тот, кто смотрит фотографию. Изучив фотографии цифровых кочевников, можно заметить, что процесс коммуникации в первую очередь осуществляется между Оператором и Spektatorом. Цифровой кочевник здесь выступает именно как Оператор, одновременно оказываясь и первым Spektatorом, а иногда даже Spektrumом.

Что касается подхода П. Бурдые, напомним, что он выделяет пять составляющих фотографии: 1) защита от бега времени; 2) коммуникация и выражение чувств; 3) реализация самости; 4) социальный престиж; 5) развлечение или эскапизм. Рассмотрев различные фотографии цифровых кочевников в социальных сетях, мы выделили их основные жанры. Можно сделать вывод, что с использованием определенного жанра фотографии присваиваются определенные характеристики, которые выделяет П. Бурдые. При этом следует отметить, что характеристика защиты от бега времени продолжает выполнять главенствующую роль и относится к каждой фотографии. Одновременно с этим ведущую позицию занимает возможность осуществлять коммуникацию с другими, именно это и является основной целью использования фотографии цифровыми кочевниками.

Фотография – это своего рода отпечаток ценностных ориентаций, потребностей, притязаний самого фотографа. Идентификационные стратегии в визуальной самопрезентации цифровых кочевников в Интернете зависят от выбранных ими определенных фотографических жанров: селфи, фуд-фотография, пейзаж, подводная съемка, аэрофотосъемка, трэвл-фут-фотография, раскладка. Самым ярким примером визуализации Я-информации является жанр *селфи*. Человек со смартфоном стал одним из элементов мирового информационного рынка, а фото на память уступило место производству новостей про себя, которые появляются в новостных лентах друзей в социальных сетях, в Instagram в частности. Активно используя жанр *пейзажа* и загружая фотографии мест отдыха или профессиональной деятельности, цифровые кочевники демонстрируют образ и стиль жизни, для которого характерна географическая мобильность.

Литература

1. Барт Р. Camera Lucida. М. : Ад Маргинем, 1997. 94 с.
2. Борисова А. Фуд-фотография: покоряем Instagram // Афиша. URL: <http://afisha.72.ru/text/food/56819779358720-print.html> (дата обращения: 10.09.2016).
3. Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамбереден Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М. : Праксис, 2014. 449 с.
4. Добронравов К.О. Фотография в социальных сетях: эстетизация реальности // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки : электр. сб. ст. по материалам XXX студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. М. : МЦНО, 2016. № 1. С. 30–33.
5. МОСТ Мобильная фотография как вид современного искусства. URL: <http://kulick.ru/praktika/mobilnaya-fotografiya-kak-vid-sovremennogo-iskusstva-praktika-foto> (дата обращения: 18.02.2017).
6. Пиккулева О.А. Социальная психология самопрезентации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2014. 46 с.

7. Полякова П.А. Виды и жанры фотографии. URL: <https://sites.google.com/site/polinapolakova3/proekt/2-vidy-i-zanry-fotografij> (дата обращения: 18.02.2017).

PHOTO CONTENT AND IDENTIFICATION STRATEGIES IN DIGITAL NOMADS' SELF-PRESENTATION ON THE INTERNET

Shilenina A.V., MA, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: okushova@mail.ru

Okushova G.A., PhD, associate professor, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: okushova@mail.ru

Polyanskaya E.V., MA, senior lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: okushova@mail.ru

Abstract. Digital nomads are a social group belonging to the network society; they are characterized by mental flexibility, adaptivity, and ability to operate easily in the electronic multitasking environment. Digital nomads live in the conditions of 'real virtuality' (Manuel Castells); they are always engaged in Internet communications. Digital nomads are active creators and broadcasters of the digital content that forms the basic social resource of electronic communications. In this article we research photo content as one of the most popular type of content created by digital nomads for their identification and self-presentation on the Internet. In electronic communications self-presentation can be interpreted as a process of visual presentation of their self-information (Oksana Pikuleva) through personal accounts. Digital nomads use photography as an effective means of visual Internet communication reflecting their self-image. We use Barthes's and Bourdieu's ideas about photography as a means of visual communication and conduct content analysis of the digital nomads' Instagram profiles. In contemporary communication photography is more important than text, because visual image has become a basic means of transmitting information. Identification strategies in digital nomads' self-presentation on the Internet are reflected through using different photo genres: selfie, food photography, landscape photography, underwater photography, aerial photography, foot travel photography and layout photography. The content analysis has shown that Instagram users interpret photos on the Instagram as a news feed, and a selfie is considered an extremely personal level of the news agenda. Using landscape photography and downloading photos of their holiday destinations or professional activities, digital nomads demonstrate their lifestyle characterized by geographic mobility. Despite the transition of photography into the digital format and the changes of its functions, photography has preserved its basic characteristics marked by Bourdieu: preserving the present, communication and expression of feelings, self realization, social prestige, entertainment and escapism.

Keywords: digital nomads; visual self-presentation; photocontent; Internet; photographic genres; Instagram.

УДК 159.99

СОГЛАСОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ МНОЖЕСТВ В ТВОРЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Ю.Э. Ширков, А.Н. Рчеулишвили

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: shirkov@mail.ru

Аннотация. Приведены результаты эмпирического обоснования эвристического метода сужения смысловых множеств.

Ключевые слова: эвристические методы; смысловые множества; категоризация.

В практике разработки инновационных маркетинговых решений складываются технологии, не достигающие до страниц академических изданий. Для «серьезной» науки они недостаточно обоснованы и совсем не стремятся к широкой известности, лишаящей конкурентного преимущества. Но в соперничестве за более эффективные находки побеждают подходы, заслуживающие научного внимания.

Определенный интерес представляет принцип сужения смысловых множеств до концептуальных комбинаций, способных оказаться перспективными креативными решениями. Этот принцип позволяет найти зерно новой идеи в диффузном материале неслучайного происхождения. В отличие от методов переработки именно случайного материала (см., напр. [1]), неслучайный материал обеспечивает органическую связь креативного результата с источником, с областью происхождения, в которой решение и должно будет реализоваться. Однако в исследовательских целях ради «чистоты эксперимента», а также для формирования у участников эвристических сессий более развернутой ориентировки в процедуре, с помощью которой они должны найти согласованное решение, мы использовали случайный материал. Участникам предстояло определиться со смыслом понятий из случайного набора, категоризировать их по предложенной схеме.

Проблема смысла понятия в отечественной психологии задана школой Л.С. Выготского. В своей работе «Мышление и речь» он определяет смысл слова как совокупный набор всех психологических фактов, которое данное понятие вызывает в сознании индивида. Смысл имеет подвижный характер и связан с несколькими областями сознания разной устойчивости. Отношения понятия и смысла описываются как независимые, понятие может изменить смысл, а смысл может изменять название понятия [2]. Продолжая рассуждения Л.С. Выготского, А.Р. Лурия указывает на многообразие значений одного слова и использует термин «денотативное значение», которым называет все множество значений, приписываемое одному слову. Смысл при этом связывается с контекстом и трактуется А.Р. Лурией как актуальный в данной ситуации ракурс значения. Однако сущность слова составляют не только денотативные значения, но и коннотативные. Последние связываются с исходным значением ситуативно и ассоциативно и задают периферию семантического поля [4]. Такой масштабный взгляд

на разнообразии ракурсов понятий открывает широкие возможности обнаружения оригинальных сторон привычных явлений. Критическим вопросом оказываются происхождение и категоризация исходного объема информации.

Практики креативных решений находят стимулирующий воображение материал не в учебниках теории, а в непосредственно окружающей их бизнес-среде, и придают им системность с помощью здравого смысла, проверенного опытом и рынком. Любая практическая проблемная ситуация всегда включает субъектов, происходящие процессы и существующие явления, контекст, в котором эти события разворачиваются, и отражение всего происходящего в интерпретации и обсуждении. Для того, чтобы найти элемент проблемной ситуации, не входящей ни в одну из этих четырех сфер, нужно сильно постараться. Но в практических целях усложнение и не нужно, нужно упрощение. Принцип сужения смысловых множеств исходит из положения, что вся исходная информация, необходимая для решения, уже есть в наличии и минимально организована в систему. В данном случае – ограничена четырьмя сферами, и новая идея находится в одной из этих сфер, где ее и нужно искать.

Важное преимущество этого положения – уверенность разработчиков в том, что «истина где-то рядом» и с решением нельзя тянуть. А главное – для решения проблемной ситуации появляется путь: очертить содержание, наполняющее четыре смысловых множества, и подвергнуть его систематической переработке. Для шага переработки есть разные алгоритмы, в том числе описанные в литературе [3]. Но для обоснования всего подхода необходима верификация определенности четырех сфер смысловых понятий, служащих источниками инновационных решений: субъекты, процессы / события, контекст, дискурс.

Это стало целью проведенного нами исследования. Рабочая гипотеза заключалась в следующем: участники креативных групп смогут договориться между собой о распределении набора случайных понятий между четырьмя предложенными сферами. А результаты распределения будут согласованы между группами.

Процедура. Проведено 8 групп в декабре 2016 г. и 15 групп в марте 2017 г. В двух волнах исследования использовались разные наборы понятий для категоризации. Участники эвристических сессий выполняли упражнение на развитие понимания определенности четырех сфер, из которых они впоследствии синтезировали креативные решения. Восемь из 23 групп категоризовали 58 понятий, отобранных средствами частотного контент-анализа из актуальных текстов публицистической направленности. Остальные 15 групп работали с набором из 37 понятий, отобранных таким же способом из материалов, связанных с социальными проектами. Участники исследования получили подробное разъяснение четырех сфер, были распределены на группы по 4 человека, внутри групп каждый из участников становился ответственным за одну из сфер и отбирал соответствующие ей понятия. Понятие могло быть отобрано только в одну сферу. По менее определенным понятиям группа принимала совместное решение путем обсуждения.

Конечно, набор случайных понятий не был сбалансирован по равномерности представленности четырех сфер. Каких-то категорий в случайном материале оказалось больше, каких-то – меньше. Наибольший интерес представляет зона неопределенности – много ли понятий из случайного набора вызывают сомнения в их категоризации. Процент неопределенности вычислялся как срединный сегмент между понятиями, относимыми к каждой из сфер большинством участников (50%+), и понятиями, не отнесенными к данной сфере никем. То есть это процент материала, не получившего определенной категоризации.

Результаты

«Контекст». Эта сфера смыслов допускает наибольший простор для неопределенности. В первой серии исследования более половины групп отнесли к «контексту» 22% понятий исходного набора. С другой стороны, ни одна из восьми групп не отнесла к этой сфере 34% понятий. Доля отнесений, оставшихся в промежутке, отражает неопределенность категоризации: 43% понятий иногда относили к «контексту», но это случалось реже, чем в половине случаев. Примеры однозначных понятий этой категории – *история, инфраструктура, рынок*. Примеры «спорных» – *правило, преимущество, стиль*.

Во второй серии исследования более половины групп отнесли к «контексту» 19% из понятий исходного набора. Ни одна из 15 групп не отнесла к этой сфере 24% всех понятий. Неопределенность категоризации составила 57%. То есть эта сфера снова оказалась максимально неопределенной. Примеры однозначных понятий этой категории из второй волны исследования – *структура, барьеры, благотворительность*. Примеры «спорных» – *польза, доступность, бесплатно*.

«Процессы». Примеры однозначных понятий этой категории из случайного набора первой серии исследования – *развитие, функционал, аудит*. Подобные понятия составили 24% из исходного набора в более чем половине групп. 34% понятий не были отнесены к этой сфере никем. Неопределенность категоризации – 42% – тоже высокая, но не максимальная. Примеры неопределенных случайных понятий – *контент, правило, успех*.

Во второй серии исследования более чем половина групп отнесла к «процессам» 24% понятий. 38% понятий не были отнесены к этой сфере никем. Неопределенность категоризации – 38% – тоже достаточно высокий показатель. Примеры однозначных понятий этой категории из области социальных проектов – *переработка одежды, поиск пропавших, озеленение*. Неопределенные, но относительно часто выбираемые примеры – *благотворительность, миссия, эмоции*.

«Дискурс». Примеры однозначных понятий этой категории – *аргумент, месседж, общественное мнение*. 24% стимульных понятий более чем половиной групп были отнесены к сфере «дискурс». 31% понятий не

был отнесен к этой сфере никем. Неопределенность категоризации – 45%. Примеры неопределенных понятий – *ответственность, правило, успех*.

Во второй серии исследования более чем половиной групп к «дискурсу» были отнесены 24% исходных понятий. 43% понятий не были отнесены к этой сфере никем. Неопределенность категоризации – 32%. Примеры однозначных понятий этой категории – *рейтинги, пропаганда*. Примеры спорных – *план Б, внутренний стержень*.

«Люди». Примеры однозначных понятий этой категории – *партнеры, поставщики, субъекты*. Только 12% всех понятий половиной групп были отнесены к сфере «люди». Всего 66% понятий не были отнесены к этой сфере никем. Неопределенность категоризации – 22%. Примеры спорных отнесений незначительны: *эмоции, лояльность*.

Во второй серии исследования большинством сюда были отнесены 24%. Абсолютный максимум – 65% понятий – не были отнесены к этой сфере никем. Неопределенность категоризации – 11%. Примеры однозначных понятий этой категории – *дети, донор, больные, волонтер*. Примеры неоднозначных понятий этой категории совсем скудны: *детский дом, молодцы*.

Выводы. Наиболее определенная для категоризации в заданном пространстве сфера – «люди». Для трех других сфер показатели определенности отнесения близки. Наименее определенная сфера – «контекст».

По категоризации некоторых понятий в части групп так и не было принято общего решения. Все эти затруднения были единичными; понятий, вызывающих затруднения у многих групп, не встретилось. То есть затруднения категоризации носили не системный, а частный характер. Это подтверждает гипотезу о том, что для любого случайного понятия может быть найдено определенное место в системе координат четырех сфер.

Результаты показывают высокую степень субъективности категоризации по четырем произвольным сферам. Эта неопределенность делает инструмент пластичным, что неудобно для диагностики, но плодотворно для творческих разработок.

В итоге переработки случайного материала определился набор верифицированных понятий, допускающих вполне определенную категоризацию. Этот набор может быть использован для согласования общего видения участниками эвристической сессии плана их работы по сужению смысловых множеств уже неслучайного материала. Эта тренировочная подготовка необходима для последующего поиска группой концептуальных комбинаций понятий, направляющих к оригинальным идеям. Из исходных наборов стимульных понятий могут быть исключены неопределенные, не поддержанные большинством участников проведенных 23 групп. В этом варианте стимульный набор поможет быстрому обучению и оперативному контролю результатов обучения. Известный состав стимулов позволяет даже создать программный алгоритм оперативной проверки правильности категоризации при освоении инструмента. Но, с другой стороны, неопределенный материал заставит участников креативной группы сильнее сосредоточиться на решении трудной учебной задачи и отработать навыки взаимодействия для согласования усилий.

Литература

1. Буш Г. Диалогика и творчество. Рига : Авотс, 1985. 318 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 362 с.
3. Дрю Ж.-М. Ломаю стереотипы. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
4. Лурья А.Р. Язык и сознание. М. : Моск. гос. ун-т, 1979. 320 с.

THE SEMANTIC SETS HARMONIZATION IN THE PROCESS OF CREATIVE INTERACTION

Shirkov Y.E., PhD in psychology, senior researcher, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Department of Social Psychology, Moscow, Russia. E-mail: shirkov@mail.ru

Rcheulishvili A.N., student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Department of Social Psychology, Moscow, Russia. E-mail: shirkov@mail.ru

Abstract. The article describes the procedure of scientific substantiation of the heuristic method of narrowing the semantic sets. The aim of the work was to empirically verify the four distinguished semantic combinations: the subjects, the processes, the context, and the discourse). The sample was 23 creative groups of four people each. The task of each group was to categorize a set of concepts in four areas, distributed among the participants. The disputable issues were resolved in the group. The hypothesis was the assumption of the possibility of the participants of the creative groups to agree on the distribution of concepts in four spheres and the consistency of the distribution results in different groups. Due to a large proportion of uncertainty, a conclusion is made about the high level of categorization subjectivity. This conclusion allows talking about the flexibility of the method and predicting its successful and productive application in the process of creative search.

Keywords: heuristics; semantic variety; categorization.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ И САМООЦЕНКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И.С. Якиманская

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

E-mail: yakimanskay@narod.ru

Аннотация. Исследование посвящено особому месту страхов и тревоги в формировании личности дошкольника. Проблема обеспечения качественного социально-личностного развития ребенка дошкольного возраста в современных условиях приобретает доминирующее значение. Гипотеза нашего исследования: в дошкольном возрасте неадекватно заниженная самооценка связана с повышенной тревожностью, увеличением количества социальных страхов. Перспективы исследования связаны с анализом гендерных характеристик данной взаимосвязи, с привлечением к анализу переменных, описывающих детско-родительские и сиблинговые отношения.

Ключевые слова: дошкольники; страхи; тревожность; самооценка.

Введение. В работах отечественных и зарубежных психологов проблема детских страхов занимает особое место. Страх считается наиболее сильной и опасной из всех эмоций, оказывающих значительное воздействие на психическое развитие дошкольника. Современные дети испытывают страхи, вызванные ежедневными сообщениями в средствах массовой информации о террористических актах, войнах, катастрофах и различных преступлениях. Проблема детских страхов все более обостряется в связи с масштабными изменениями в общественно-политической и экономической жизни современной России (В.М. Астапов, А.И. Захаров, Р.В. Овчарова, А.М. Прихожан, М.И. Чистякова и др.).

Обзор литературы. Как свидетельствуют исследования вышеназванных авторов, особое место среди страхов занимают социальные страхи. Данный вид страхов связан с общением с другими людьми, боязнью неудач. Проблема обеспечения качественного социально-личностного развития ребенка дошкольного возраста в современных условиях приобретает доминирующее значение. В сложившейся сегодня ситуации острого дефицита культуры общения, доброты, внимания друг к другу у детей дошкольного возраста нередко проявляется неуверенность в себе, возникают социальные страхи. Дошкольники с ярко выраженными социальными страхами отличаются неуверенностью, неконструктивным взаимодействием с социумом, с внешним миром. Чаще всего в педагогической и психологической литературе социальная неуверенность детей дошкольного возраста на уровне внешних поведенческих проявлений описывается как некоммуникабельность, застенчивость, тишина, аутичность, заниженный уровень самооценки, т.е. как гипоактивность [1, с. 224; 9, с. 91].

Одним из основных факторов формирования социальных страхов исследователи-психологи называют особенности личности ребенка, в частности его самооценку.

Проблема самооценки дошкольников рассматривалась в работах как зарубежных (У. Джеймса, К. Роджерса, Р. Бернса, А. Маслоу, Г. Олпорт, Т. Шибутани, М. Розенберга, Ч. Кули, Дж. Мида), так и отечественных авторов (Л.С. Выготского, В.А. Петровского, С.Л. Рубинштейна, А.Л. Леонтьева, И.С. Кона, В.В. Столина, И.И. Чесноковой, М.И. Лисиной, А.М. Прихожан, Л.И. Божович). С точки зрения ученых-психологов, именно самооценка начинает определять деятельность и поведение дошкольника и его взаимоотношения с другими. Так, согласно Э. Эриксону, сформированная в дошкольном возрасте неадекватная самооценка накладывает отпечаток на все дальнейшее развитие личности. Как показывает эмпирический опыт, самооценка, являясь основой развития черт характера, становится источником неуверенности, эмоционального неблагополучия, сказывается на отношении личности к себе и окружающим, на проявлении личности в различных видах деятельности и общения. Такие авторы, как Л.И. Божович, Т.И. Красникова, Л.В. Телитченко, связывают социально неуверенное поведение, социальные страхи дошкольников именно с заниженной самооценкой. Под самооценкой понимают результат оценки человеком соотношения тех или иных своих качеств, свойств и тому подобного с образцом, эталоном, системой; ценность, приписываемую себе или отдельным своим качествам (Р. Бернс, Л.Н. Корнеева, Г.С. Никифоров, К. Роджерс, А.Г. Спиркин, Л.В. Тарабакина, Т. Шибутани и др.).

Рассмотрим возможности влияния самооценки на эмоциональную сферу, поведение, межличностные отношения и деятельность дошкольника. Так, самооценка определяет мотивацию человека, его эмоциональный фон (тревожность, эмоциональную устойчивость) и процессы целеполагания и планирования (в том числе уровень притязаний). Также от самооценки зависят интерпретация приобретенного опыта и ожидания дошкольника относительно самого себя и других людей (Р. Бернс, Л.Н. Корнеева, Г.С. Никифоров, К. Роджерс, А.Г. Спиркин, Л.В. Тарабакина, Т. Шибутани). Психологи полагают, что в зависимости от того, какая самооценка у дошкольника, данные процессы и свойства имеют определенное качественное своеобразие (О.А. Белобрыкина, Л.В. Бороздина, И.С. Кон, Л.Н. Корнеева, Р.Л. Кричевский, Г.С. Никифоров, В.Ф. Сафин, Р. Бернс, К. Роджерс и др.).

Изучением самооценки детей дошкольного возраста занимались такие исследователи, как Л.И. Божович, Р. Бернс, М.И. Лисина, С.Ю. Смирнова, А.И. Сильвестру, Е.Е. Кравцова, Т.А. Репина. В дошкольном детстве

самооценка появляется на основе первоначальной чисто эмоциональной самооценки («я хороший») и рациональной оценки чужого поведения. Ребенок сначала приобретает умение оценивать действия других детей, позже – собственные действия, качества и умения. О качествах ребенок судит главным образом по своему поведению, которое или согласуется с нормами, принятыми в семье и коллективе сверстников, или не вписывается в систему этих отношений. Поэтому его самооценка практически всегда совпадает с внешней оценкой, прежде всего – оценкой близких взрослых (И.Ю. Кулагина) [6, с. 24].

Опишем становление самооценки в онтогенезе. Так, оценивая практические умения, 5-летний ребенок преувеличивает свои достижения. Обычно он считает, что все делает хорошо и лучше всех (М.И. Лисина, В.С. Мухина, С.Ю. Смирнова и др.) [7, с. 24; 8, с. 56].

К 6 годам сохраняется завышенная самооценка, но в это время дети хвалят себя уже не в такой открытой форме, как раньше. Не меньше половины их суждений о своих успехах содержат какое-то обоснование.

К 7 годам у большинства самооценка умений и результатов деятельности становится более адекватной. В частности, более выраженными становятся процессы дифференциации и интеграции самооценки, расслоения частных самооценок, избирательности их взаимодействия с общей самооценкой, усиления в ней роли когнитивных процессов, рефлексивной и регулятивной функций (А.В. Захаров и др.) [5, с. 28]. Старший дошкольник уже достаточно правильно осознает свои достоинства и недостатки, умения и возможности. Он может сравнивать себя с другими детьми. Все это и служит основой формирования самооценки, которая составляет одно из главных новообразований дошкольного возраста и является «подлинной самооценкой» (Н.М. Борозинец) [3, с. 25]. То есть при нормативном развитии самооценка дошкольника очень высока, что помогает ему осваивать новые виды деятельности, без страха и сомнений включаться в занятия учебного типа при подготовке к школе. В то же время более дифференцированные представления о себе могут быть более или менее верными. Адекватный образ «Я» формируется у ребенка при гармоничном сочетании знаний, почерпнутых им из собственного опыта (что я могу сделать, как я поступил) и из общения со взрослыми и сверстниками.

Взаимосвязь самооценки дошкольников с социальными отношениями, социальной успешностью, а также, с социальной тревожностью и социальными страхами подробно описана в психологической литературе (Т.В. Антонова, К.Я. Больцис, М.И. Лисина, Н.В. Нижегородцева, Т.А. Репина, А.А. Рояк, Е.О. Смирнова и др.). В частности, исследователи указывают, что дети с адекватной самооценкой склонны анализировать результаты своей деятельности, пытаются выяснить причины ошибок. Они уверены в себе, активны, уравновешены, быстро переключаются с одной деятельности на другую, настойчивы в достижении цели. Стремятся сотрудничать, помогать другим, общительны и дружелюбны. В ситуации неудачи пытаются выяснить причину и выбирают задачи несколько меньшей сложности (но не самые легкие). Такие дети пользуются успехом у сверстников: их любят, с ними хотят общаться, они занимают высокое статусное положение в группе [10, с. 87]. У таких детей почти не встречаются социальные страхи, такие как страх не успеть, опоздать, что-то не так сделать.

Дети с неадекватно завышенной самооценкой, по мнению М.А. Панфиловой, очень подвижны, не сдержанны, быстро переключаются с одного вида деятельности на другой, часто не доводят начатое дело до конца. Они не склонны анализировать результаты своих действий и поступков, пытаются решать любые, в том числе весьма сложные, задачи «сразу». Они не осознают своих неудач. Эти дети склонны к демонстративности и доминированию. Они стремятся всегда быть на виду, афишируют свои знания и умения, стараются выделиться на фоне других ребят, обратить на себя внимание. Если они не могут обеспечить себе полное внимание взрослого успехами в деятельности, то делают это, нарушая правила поведения. На занятиях, например, они могут выкрикивать с места, комментировать вслух действия воспитателя, кривляться и т.д. [4, с. 104]. В связи с этим, указывает Л.И. Божович, в группе сверстников такие дети часто могут быть не приняты, так как направлены, главным образом, «на себя» и не склонны к сотрудничеству [2, с. 187]. Завышенная самооценка помогает дошкольнику осваивать новые виды деятельности, без страха и сомнений включаться в занятия учебного типа при подготовке к школе.

Дети с заниженной самооценкой нерешительны, малообщительны, недоверчивы, молчаливы, скованы в движениях. Они очень чувствительны, готовы расплакаться в любой момент, не стремятся к сотрудничеству и не способны постоять за себя. Эти дети тревожны, не уверены в себе, трудно включаются в деятельность. Они, по данным психологов, как правило, имеют низкий социометрический статус в группе сверстников, у них выражена социальная тревожность и увеличено количество социальных страхов по сравнению с другими (Т.А. Репина) [10, с. 87].

Таким образом, под самооценкой мы понимаем результат оценки человеком соотношения тех или иных своих качеств, свойств и тому подобного с образцом, эталоном, системой; ценность, приписываемую себе или отдельным своим качествам (Р. Бернс, Л.Н. Корнеева, Г.С. Никифоров, К. Роджерс, А.Г. Спиркин, Л.В. Тарабакина, Т. Шибутани и др.). В исследованиях психологов доказано влияние самооценки на эмоциональное состояние человека, его поведение, общение и деятельность. Динамика самооценки в онтогенезе направлена от завышенной самооценки в 5 лет до адекватной высокой самооценки в 7 лет. Описывая связь самооценки с эмоциональной сферой, исследователи указывают, что социальную тревожность повышает неадекватно заниженная самооценка, она же способствует развитию социальных страхов [2, с. 420].

Основная часть (методология, результаты). В связи с вышесказанным актуально изучение социальных страхов и самооценки детей дошкольного возраста.

Цель исследования: изучение уровня самооценки и социальных страхов детей дошкольного возраста.

Объект исследования: особенности личности детей дошкольного возраста.

Предмет исследования: социальные страхи и самооценка детей дошкольного возраста.

Для реализации цели нашего исследования определяются следующие основные задачи:

1. Изучить психолого-педагогическую литературу по проблеме социальных страхов и самооценки детей дошкольного возраста.
2. Изучить и описать взаимосвязь социальных страхов и самооценки дошкольников.
3. Разработать рекомендации по перспективам исследования самооценки и страхов детей дошкольного возраста.

Гипотеза исследования: в дошкольном возрасте неадекватно заниженная самооценка связана с повышенной тревожностью, увеличением количества социальных страхов, в то время как адекватная и завышенная самооценка взаимосвязана с умеренным уровнем тревожности и относительно небольшим количеством социальных страхов.

Эмпирическая база исследования: муниципальные бюджетные дошкольные образовательные учреждения Оренбургского района и г. Оренбурга.

Характеристика выборки исследования: дошкольники старшей и подготовительной групп в количестве 132 респондентов, в возрасте 5–7 лет, 66 мальчиков и 66 девочек.

Согласно цели и задачам нашего исследования был подобран диагностический инструментарий, в который вошли следующие методики:

1. Методика «Лесенка» (С.Г. Якобсон, В.Г. Щур), направленная на изучение самооценки детей старшего дошкольного возраста.
2. Методика «Страхи в домиках» (А.И. Захаров, модификация М.А. Панфиловой).
3. Методика «Выбери нужное лицо» (Р. Тэмпл, М. Дорки и В. Амен) направленная на изучение тревожности дошкольника в типичных для него жизненных ситуациях.

В рамках проведенного исследования были использованы теоретический анализ, эмпирический метод (тестирование), качественный анализ, метод корреляционного анализа.

При анализе результатов, полученных в исследовании детей дошкольного возраста, мы можем сделать следующие выводы:

- количество возрастных страхов дошкольников соответствует возрастным нормам, лишь у 22% являясь завышенным;
- преобладающее содержание страхов дошкольников связано с темой смерти, жутких снов, животных, темноты, сказочных персонажей, что является возрастной нормой;
- среди выделенных страхов у дошкольников встречаются социальные страхи, среди которых (по степени убывания): опоздать в детский сад, наказания, сделать что-то не так, насмешки, выступать, разлука с друзьями. Эти страхи также характерны для дошкольного возраста;
- индекс тревожности обследованных дошкольников можно охарактеризовать как средний и низкий, лишь у 22% он является завышенным;
- типичными ситуациями, наиболее часто вызывающими тревогу у старших дошкольников, являются (по степени убывания): выговор, объект агрессии, укладывание спать в одиночестве, агрессивное нападение, собирание игрушек, ребенок с родителями.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

В целом, изучение эмоциональной сферы старших дошкольников на предмет наличия страхов и тревожности показал, что уровень их тревожности и страхов соответствует возрастным нормам. Лишь 22% детей демонстрируют эмоциональное неблагополучие, которое выражено в повышенной тревожности и увеличенном количестве страхов. Эти дошкольники тревожатся и боятся сверх меры даже по незначительным поводам. Страхи сопровождают их как дома, так и в детском саду, наяву и во сне. Дети находятся в постоянном психологическом напряжении, в связи с чем развитие личности может быть искажено: может развиваться тревожный, депрессивный тип личности, что впоследствии затруднит жизнедеятельность таких детей. Дети дошкольного возраста нуждаются в психолого-педагогической поддержке, коррекции эмоциональной сферы.

Изучение взаимосвязи социальных страхов и самооценки детей дошкольного возраста привело нас к следующему:

- чем ниже самооценка, тем больше количество социальных страхов у дошкольников ($r = 0,53$) и тем выше индекс тревожности поведения в ситуациях социального взаимодействия ($r = 0,62$);
- чем выше самооценка, тем меньше у детей актуализируются социальные страхи, проявляется тревожность в ситуациях социального взаимодействия.

Перспективы данного исследования связаны с анализом гендерных характеристик данной взаимосвязи, привлечением к анализу переменных, описывающих детско-родительские и сиблинговые отношения. Также возможно исследование динамики взаимосвязи самооценки и тревожности, страхов дошкольников в различных возрастах. Такие данные помогут в определении психокоррекционной и развивающей работы психологов в дошкольном возрасте.

Литература

1. Астапов В.М. Тревожность у детей. СПб. : Питер, 2004. 228 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М. : Просвещение, 2007. 420 с.
3. Борозинец Н.М. Развитие самосознания детей старшего дошкольного возраста в условиях дошкольной подготовки. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2009. 125 с.
4. Гармаева Т.В. Особенности эмоциональной сферы и самосознания в контексте становления личности дошкольника // Психолог в детском саду. 2004. № 2. 111 с.
5. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб. : Союз, 2004. 297 с.
6. Колягина В.Г. Психологические особенности страхов дошкольников с недостатками речевого развития : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 16 с.
7. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М. : Педагогика, 2005. 240 с.
8. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учебник. М., 2002. 456 с.
9. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван, 2001. 263 с.
10. Репина Т.А. Проявление неуверенности у старших дошкольников и пути ее коррекции. М., 1995. 203 с.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SOCIAL FEARS AND SELF-ESTEEM IN CHILDREN OF PRESCHOOL AGE

Yakimanskaya I.S., cand. of sci. (Psychology), associate professor of clinical psychology and psychotherapy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia. E-mail: yakimanskay@narod.ru

Abstract. Our research is devoted to the special role of fear and anxiety in shaping the personality of a preschooler. The most important are social fears. This type of fears is associated with socializing with other people, a fear of failure. The problem of providing high-quality socio-personal development of children of preschool age in the modern world becomes predominant. Preschoolers with pronounced social fears display a lack of self-confidence, non-constructive interaction with the society, with the outside world. Most often in the pedagogical and psychological literature preschool children's not being socially confident on the level of external behavioral manifestations is described as uncommunicativeness, shyness, reduced self-esteem. One of the main factors of formation of social fears determining a child's personality, in particular, is his/her self-esteem. Our hypothesis is that at preschool age inappropriately low self-esteem is associated with increased anxiety and an increase in the number of social fears. Meanwhile, adequate and high self-esteem are interrelated with a moderate level of anxiety and a relatively small number of social fears. The study of the relationship between social fears and self-esteem in children of preschool age led us to the following:

– the lower is self-esteem, the greater is the number of social fears in preschoolers ($r=0.53$) and the higher is the index of anxiety behavior in situations of social interaction ($r=0.62$).

– the higher is self-esteem, the less is actualization of children's social fears manifested in anxiety in situations of social interaction.

Prospects of this study are associated with the analysis of gender characteristics of this relationship, involving the analysis of variables that describe the parent-child and sibling relationships. It is also possible to study the dynamics of the relationship between self-esteem and anxiety and fears of preschool children in different ages. Such data will help in determining the psychological and educational work of psychologists in preschool age.

Keywords: preschoolers; fears; anxiety; self-esteem.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Годунов М.В.</i> ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУЛЬТИФАКТОРНЫХ ПРОФИЛЕЙ СТРАТЕГИЙ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ	5
<i>Арпентьева М.Р., Дувалина О.Н.</i> ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ	8
<i>Баранова В.А., Савина О.О.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕННЫХ И НОВЫХ ГОРОЖАН НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ	13
<i>Барышев А.А., Лукьянов О.В.</i> НОВЫЕ РЕЖИМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	16
<i>Березовская Р.А.</i> УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МЕНЕДЖЕРОВ	21
<i>Бонкало Т.И., Бонкало С.В.</i> ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ	25
<i>Браун О.А., Аркузин М.Г.</i> ДИНАМИКА СИСТЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	30
<i>Бредун Е.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕМПОМИРА ЧЕЛОВЕКА	33
<i>Бубновская О.В.</i> ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	38
<i>Буравлева Н.А.</i> ПСИХОЛОГИЯ СМЫСЛА И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ	40
<i>Высочков В.С.</i> ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОСТОЯНИЙ РЕЛАКСАЦИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА	43
<i>Габдулина Л.И.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН С РАЗНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ	46
<i>Гайворонская А.А.</i> СОЦИОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБЪЯСНЕНИИ ФЕНОМЕНА ЭКСТРЕМИЗМА	49
<i>Глухов А.П.</i> ТРАНСЛОКАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАЦИЙ ЦИФРОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: КОНТЕНТНЫЕ ДИСКУРСЫ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	53
<i>Горностаев С.В.</i> ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛОЯЛЬНОСТИ	59
<i>Гужова И.В.</i> ЦИФРОВОЙ НОМАДИЗМ КАК ПРОЕКТ ОБРЕТЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В МИРЕ «ПОСТУЛИРУЕМОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ	63
<i>Доценко Е.Л., Власова Ю.М.</i> СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ФАНАТИЗМА	66
<i>Дудин В.А.</i> ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕСТА «ЛОКУС ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	70
<i>Емельянова Т.П., Дробышева Т.В., Шмидт Д.А.</i> СТРАТЕГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КУПИНГА У ЛИЦ, ПОТЕРЯВШИХ РАБОТУ	74
<i>Забелина Е.В., Честюнина Ю.В.</i> СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ	79
<i>Залевский Г.В.</i> ЧЕЛОВЕК В ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ: ДЕГРАДИРОВАТЬ ИЛИ ПРОГРЕССИРОВАТЬ? (QUO VADIS, ANTHROPOS?)	84

<i>Иващенко Н.А.</i> В НАУЧНОМ И ОБЫДЕННОМ ПОНИМАНИИ	89
<i>Карнышев А.Д.</i> РЕСУРСЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА СИБИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ	93
<i>Карнышева О.А.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕШАННОСТИ	97
<i>Климова М.О., Пономарева И.В.</i> РЕСУРСЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ У СУБЪЕКТОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ	101
<i>Колмогорцева А.А., Шанькова Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОНФОРМНОСТИ В РАЗНЫХ ФАЗАХ НОРМАТИВНОГО КРИЗИСА	105
<i>Корытова А.И., Корытова Г.С.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ: ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ	108
<i>Красноярцева О.М., Щеглова Э.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ	112
<i>Кукуев Е.А.</i> ОТКРЫТОСТЬ ПЕДАГОГА: КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ	118
<i>Литвина С.А., Муравьева О.И., Богомаз С.А., Кружкова О.В.</i> СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ	121
<i>Магомед-Эминов М.Ш.</i> СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ	124
<i>Макалатия А.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР ИГРОКАМИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА	130
<i>Маленов А.А., Маленова А.Ю.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПСИХОЛОГА В КОНТЕКСТЕ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	132
<i>Матюшина М.Г.</i> СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ВЗРОСЛЫХ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ЗАНЯТОСТИ	139
<i>Монсонова А.Р., Санжаева Р.Д., Базарова Д.Р.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	144
<i>Мунгалов В.Н.</i> СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ	149
<i>Набиуллина О.Г.</i> РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	156
<i>Нелюбин Н.И.</i> ЭРЗАЦ-МЫШЛЕНИЕ КАК АТРИБУТ КВАЗИИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	159
<i>Николаева И.А.</i> «БЛУЖДЕНИЕ РАЗУМА» И СТРУКТУРА ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ	162
<i>Николенко О.Ф.</i> ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ	167
<i>Орлова В.В., Ларионова А.В.</i> ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОГО КАМПУСА	170
<i>Писарев О.М.</i> РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ	173
<i>Пицик В.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ В «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»	176

<i>Погудина Е.Ю.</i> ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФА О «НАСТОЯЩЕМ МУЖЧИНЕ» В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	180
<i>Польская Н.А.</i> ПРЕДИКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДИСРЕГУЛЯЦИИ	183
<i>Пчелина О.В., Доценко Е.Л.</i> ИМПЛИЦИТНЫЙ ПОСТУПОК И ЛИЧНОСТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	186
<i>Савельева О.А., Меньшикова Г.Я.</i> ОЦЕНКА УСПЕШНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	190
<i>Скавинская Е.Н.</i> ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН, ИСПЫТАВШИХ ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ	193
<i>Скутина Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ	196
<i>Скутина Т.В.</i> ВЛИЯНИЕ ЗНАКОВЫХ И ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА ДЕЦЕНТРИРОВАННОСТЬ В КОНФЛИКТЕ УЧАСТНИКОВ РОМАНТИЧЕСКИХ ПАР В ПРОЦЕССЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	199
<i>Смирнова Я.К.</i> ПЕРЕЖИВАНИЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ПОДРОСТКАМИ, ОСТАВШИМИСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	203
<i>Солдатова Г.В., Трифонова А.В.</i> ПОКОЛЕНИЕ Z В ФОРМАТЕ МНОГОЗАДАЧНОСТИ И ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	208
<i>Стичева Д.И.</i> «СИБИРСКИЙ ГЕНОМ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦИФРОВОГО НОМАДА	211
<i>Суроедова Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТРОЛЯ И ТРЕВОЖНОСТИ ПЕДАГОГОВ С РАЗНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СМЫСЛОПЕРЕДАЧИ	215
<i>Тацеева А.И., Шаова Р.А.</i> ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОДИТЕЛЕЙ ЧЕРКЕССКИМИ СТАРШИМИ ПОДРОСТКАМИ	218
<i>Тушинова Ю.А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЙ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ	222
<i>Федорова Е.П.</i> ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	226
<i>Филенко И.А.</i> МИРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ИНТУИЦИЯ СОВЕСТИ И ВЫЗОВЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	230
<i>Холодкова О.Г., Ткаченко Д.Р.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К ЖИЗНИ	235
<i>Цигулева О.В., Колмакова М.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА В ОТКРЫТОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	238
<i>Цыганова М.М.</i> УРОВНИ ЛИДЕРСТВА И ОЦЕНКА СЛАГАЕМЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	241
<i>Чернов А.В.</i> РЕФЛЕКСИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ	245
<i>Чигарькова С.В.</i> ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	250

<i>Шабаловская М.В.</i> МОТИВАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ДЕФИЦИТЫ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ	253
<i>Шиленина А.В., Окушова Г.А., Полянская Е.В.</i> ФОТОКОНТЕНТ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ВИЗУАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЦИФРОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В ИНТЕРНЕТА	258
<i>Ширков Ю.Э., Рчеулишвили А.Н.</i> СОГЛАСОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ МНОЖЕСТВ В ТВОРЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	262
<i>Якиманская И.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ И САМООЦЕНКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	265

Научное издание

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЯ

**МАТЕРИАЛЫ VII СИБИРСКОГО
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА**

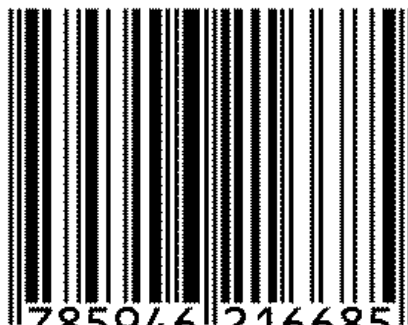
Часть 1. Атриакторы и идентичности человека цифровой эпохи.
Образование. Воспитание. Творчество

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 27.12.2017 г. Формат 60×84¹/₈.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 31,8.
Тираж 250 экз. Заказ № 2864.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>; E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-668-5

9 785946 216685